

Институт археологии РАН
Археологический центр Псковской области
Псковский археологический центр
Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ
ПСКОВА
И ПСКОВСКОЙ
ЗЕМЛИ

Семинар имени академика В. В. Седова

Материалы 62-го заседания
(19–21 апреля 2016 г.)

Выпуск 32

Москва • Псков
2017

Издано при финансовой поддержке РГНФ, грант 16-11-60501 г(р)

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия

П. Г. Гайдуков, Т. Ю. Закурина, Л. Я. Костючук, Э. В. Королёва,
И. К. Лабутина, Н. В. Лопатин (ответственный редактор выпуска),
Е. В. Салмина (ответственный секретарь), Вл. В. Седов,
Б. Н. Харлашов, Е. А. Яковлева

А87 **Археология и история Пскова и Псковской земли.** Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 62-го заседания. Вып. 32. — М.; Псков: ИА РАН, 2017. — 440 с., ил.
ISBN 978-5-94375-247-6

Сборник содержит материалы научных исследований по археологии, истории, архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры народов лесной зоны Восточной Европы.

Книга адресована как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся археологией и историей Северо-Запада России и сопредельных стран.

УДК 902/904
ББК 63.4

Archaeology and History of Pskov and Pskov Land: Seminar Named after V. V. Sedov. Proceedings of the Session 62. Issue 32. Moscow; Pskov, 2017.

The annual "Archaeology and history of Pskov and Pskov land" is based on the papers from the regular seminar of the same name, founded in 1980 by the outstanding scholar V. V. Sedov and now named after its founder. The annual contains research materials in archaeology, history and architecture of Pskov and Pskov land, cultural history of North-West Russia, neighboring Baltic States and Belarus, as well as the entire forest zone of Eastern Europe.

ISBN 978-5-94375-247-6

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2017
- © ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», 2017
- © АНО «Псковский археологический центр», 2017
- © ГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2017
- © Авторы статей, 2017

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

<i>М. И. Кулакова.</i> Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2015 г.	7
<i>Э. В. Королёва.</i> Интерпретация данных о химическом составе средневековых предметов: возможности и риски комплексного подхода	27
<i>Ю. В. Колпакова, Л. Я. Косточук.</i> Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы	36
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин, Р. Г. Подгорная.</i> Новый Торг Пскова: результаты двухлетнего проекта и дальнейшие перспективы	57
<i>Д. Н. Шаймуратова, И. В. Аськеев.</i> Кости птиц и некоторых млекопитающих из Лужских раскопов Псковского Нового Торга (по материалам археологических раскопок 2011 и 2013 гг.)	62
<i>И. К. Лабутина.</i> К истории строительства четвертой каменной стены средневекового Пскова (отклик на публикацию: Гиппиус А. А., Круглова Т. В., Яковлева Е. А., 2014)	69
<i>А. Б. Постников.</i> Основные массовые источники ГАПО для изучения псковской Церкви и духовенства в 1727–1762 гг.	77
<i>Е. В. Гончарова.</i> Движение зависимого населения Псковского уезда в I половине XVIII в.	101

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Н. В. Лопатин.</i> Этнический аспект летописных известий о раннем Изборске	105
<i>В. Ю. Соболев.</i> Торговые связи населения Северо-Запада Новгородской земли	114
<i>А. В. Михайлов, А. Б. Романовский.</i> Селище у д. Залахтовые: результаты исследований последних лет	126
<i>И. В. Стасюк.</i> Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1	135
<i>Т. В. Николаева, В. Б. Панченко.</i> Каменные кресты в собрании Псковского музея-заповедника: формирование коллекции	153
<i>О. М. Олейников.</i> Новые данные по исторической топографии новгородского кремля	164
<i>М. И. Петров.</i> Анализ функциональных групп в археологии средневекового города: возможности применения и исследовательский потенциал	171
<i>Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, В. К. Сингх.</i> Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв.	187
<i>И. В. Стасюк, С. А. Хмелевский.</i> Курганная группа в д. Межно на межевом плане 1799 года и перспективы локализации утраченных археологических памятников бывшей Петербургской губернии	204

<i>Е. В. Торопова, С. Е. Торопов, К. Г. Самойлов, П. П. Колосницын, Е. Е. Колосницына.</i> Полевые исследования 2015 г. в г. Старая Русса и Новгородской области	209
<i>П. П. Колосницын.</i> Деревянные «кредитные» («долговые») бирки в средневековых письменных источниках	223
<i>В. Ю. Сяборов.</i> Средневековые зооморфные подвески из раскопок Старой Руссы	230
<i>Е. Е. Носова.</i> Популярность святого Макария Римского в культуре Северо-Запада Руси в XIV–XV вв.	237

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

<i>А. А. Александров.</i> Реки русского Северо-Запада в античной традиции	242
<i>А. А. Егорейченко.</i> Городище Тарилово (Укля)	264
<i>С. А. Салмин.</i> Кан-Туралы, Дунай-богатырь и рог из Черной могилы	280
<i>В. Н. Кузнецова.</i> Прибалтийский компонент в зооморфных украшениях Древней Руси	287
<i>А. О. Шевцов.</i> Пути поступления византийских серебряных монет на территорию Древней Руси	296
<i>А. И. Корниенко.</i> Створчатые браслеты-наручи как источник к изучению инструментария древнерусских ювелиров	309
<i>Н. А. Плавинский.</i> Курганный могильник Навры в верховьях Вилии (по материалам раскопок 2012 и 2015 годов)	320
<i>В. Н. Матвеев.</i> Декор пола храма-усыпальницы Евфросиниевского монастыря в Полоцке	341
<i>С. В. Белецкий.</i> О плинфе с клеймом из раскопок в Полоцке	350
<i>Л. В. Яворская, Е. Е. Антипина.</i> Археозоологические исследования средневекового города: контексты и интерпретации	358
<i>С. А. Галкина, А. Г. Демин, А. В. Пантелеев, А. С. Дружкова, В. А. Трифонов, Н. В. Григорьева.</i> Кости домашней курицы из археологических раскопок на территории северо-запада России: анализ ископаемой ДНК	367
<i>Р. Йонайтис.</i> Об одной составляющей настольных игр. К постановке проблемы	375
<i>И. Каплунайте.</i> Исследования на улице Майронё 19. Отражение ремесел и торговли в Вильнюсе в XIX – начале XX в.	384
<i>П. Е. Сорокин, О. В. Андреева.</i> Конструктивное устройство построек шведского города Ниена	398
<i>С. Е. Шуньгина.</i> К вопросу об исторических кладбищах Санкт-Петербурга (по материалам археологических исследований у ц. Благовещения на Васильевском острове в 2012 г.)	406
<i>Н. Н. Мальшева, Т. Г. Сарачева.</i> Керамические сосуды в архитектуре собора Покрова на Рву в Москве	421
Сведения об авторах	434
Список сокращений	437
Правила представления статей	439

Contents

ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF PSKOV

<i>M. I. Kulakova</i> . Archaeological Research in Pskov and Pskov Region in 2015	7
<i>E. V. Koroleva</i> . Interpretation of Data on the Chemical Composition of Medieval Objects: Opportunities and Risks of an Integrated Approach	27
<i>Yu. V. Kolpakova, L. Ya. Kostuchuk</i> . Pskov Body Crosses with the Image of Golgotha Chronology	36
<i>E. V. Salmina, S. A. Salmin, R. G. Podgornaya</i> . The New Torg of Pskov: Project Results and Perspectives	57
<i>D. N. Shaymuratova, I. V. Askeyev</i> . The Bones of Birds and Certain Mammals from Luzhsky Excavation Site of New Torg in Pskov (According to Archaeological Excavations in 2011 and 2013)	62
<i>I. K. Labutina</i> . To the History of the Medieval Pskov Fourth Stone Wall Construction (response to the publication: Gippius A. A., Kruglova T. V., Yakovleva E. A., 2014)	69
<i>A. B. Postnikov</i> . Basic Mass Sources of the SAPR for Pskov Church and Clergy in 1727–1762 Study	77
<i>E. V. Goncharova</i> . The Pskov district Dependent Population Rotation in the First half of the 18 th century	101

PSKOV LAND AND ITS NEIGHBOURS IN THE MIDDLE AGES

<i>N. V. Lopatin</i> . The Ethnic Aspect of the Old Russian Annalistic Narrations on Early Izborsk	105
<i>V. Yu. Sobolev</i> . Trade Relations of the Population of the North-West of Novgorod Land	114
<i>A. V. Mikhailov, A. B. Romanovsky</i> . Settlement at the Village Zalahtovie: Research Results of Recent Years	126
<i>I. V. Stasiuk</i> . Cemetery Ratchino I Early Medieval Cremations	135
<i>T. V. Nikolaeva, V. B. Panchenko</i> . Stone Crosses in the Collection of the Pskov Museum-reserve: Formation of the Collection	153
<i>O. M. Oleinikov</i> . New Data on the Historical Topography of the Novgorod Kremlin	164
<i>M. I. Petrov</i> . Analysis of Functional Groups in Archaeology of Medieval Town: Application and Research Potential	171
<i>N. V. Eniosova, R. A. Mitoyan, V. K. Singh</i> . New Data on the Chemical Composition of Jeweller's Raw Materials from Novgorod of the 10 th –14 th Centuries	187
<i>I. V. Stasiuk, S. A. Chmelevsky</i> . Mezjno Barrow Cemetery on the Survey Plan of 1799 and prospects for Localization of the Lost Archaeological Sites of the Former Petersburg Province	204

<i>E. V. Toropova, S. E. Toropov, K. G. Samoilov, P. P. Kolosnitsyn, E. E. Kolosnitsyna.</i> Field Studies of 2015 in Staraya Russa and Novgorod Region	209
<i>P. P. Kolosnitsyn.</i> Wooden Credit Tallies in the Medieval Written Sources	223
<i>V. Yu. Siuborov.</i> Medieval Zoomorphic Pendants from the Excavations of Staraya Russa	230
<i>E. E. Nosova.</i> Saint Macarius of Rome Popularity in the Nordh-West Russia Culture in the 14 th –15 th Centuries	237

ARCHAEOLOGY OF EASTERN EUROPE AND THE BALTIC STATES

<i>A. A. Aleksandrov.</i> Rivers of the Russian North-West in Antiquity Tradition	242
<i>A. A. Egoreichenko.</i> Hillfort Tarilovo (Uklya)	264
<i>S. A. Salmin.</i> Kan Turali, Danube-Hero and the Horn from the Black Tomb	280
<i>V. N. Kuznetsova.</i> Baltic Component in Zoomorphic Decorations of Ancient	287
<i>A. O. Shevtsov.</i> Routes of Byzantine Silver Coins to the Territory of Ancient Rus	296
<i>A. I. Kormienko.</i> Pivoted Shuttlers Bracelets (Naruchi) as a Source for Study of the Tools of Ancient Rus Jewelers	309
<i>N. A. Plavinski.</i> Naury Barrow Cemetery in the Upper Vilija Flow (on the Materials of Excavations in 2012 and 2015)	320
<i>V. N. Matveev.</i> The Decoration of the Floor in the Temple-shrine of St. Euphrosyne Monastery in Polotsk	341
<i>S. V. Beletsky.</i> On the Plinth with a Stamp from the Excavations in Polotsk	350
<i>L. V. Yavorskaya, E. E. Antipina.</i> Archaeozoological Study of Medieval city: Contexts and Interpretations	358
<i>S. A. Galkina, A. G. Demin, A. V. Panteleev, A. S. Druzhkova, V. A. Trifonov, N. V. Grigorieva.</i> Domestic Chicken Bones from Archaeological Excavations in the North-West of Russia: Analysis of Fossil DNA	367
<i>R. Jonajtis.</i> On One Constituent of the Table Games. To the Problem Definition	375
<i>I. Kaplūnaitė.</i> Excavations in Maironio street, 19. Crafts and Trade in Vilnius in the 19 th – Early 20 th Centuries	384
<i>P. E. Sorokin, O. V. Andreeva.</i> Constructures of Buildings in the Swedish Town of Nyen	398
<i>S. E. Shungina.</i> On the Issue of the Historic Cemeteries of St. Petersburg (Based on Archaeological Research at the Annunciation Church on Vasilevsky Island in 2012)	406
<i>N. N. Malysheva, T. G. Saracheva.</i> Ceramic Vessels in the Architecture of Intercession Cathedral on the Moat in Moscow	421
List of Authors	434
Abbreviations	437
Rules for Submission of Articles	439

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

М. И. Кулакова

Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2015 г.

М. И. Kulakova. Archaeological Research in Pskov and Pskov Region in 2015

Abstract. The article presents the main works of Pskov archaeologists in 2015. The Area of archaeological excavations in the city of Pskov was about 3,500 sq. m. In the Pskov region the work was carried out on the North-Eastern edge of Izborsk (barrow group Ust-Smolka), in Ostrov, in the village Zalahtovie, Gdov district, in Strugokrasnensky and Plyussa districts (archaeological investigation on the route of the overhead line 330 «Pskov-Lujskaya»). The article also summarizes other various activities of Pskov archaeologists: defining the boundaries of the territories of archaeological sites, defining the boundaries the territory of the second Leningrad partisan brigade on the territory of Strugokrasnensky and Pskov districts.

Ключевые слова: Псков, Псковская область, охранные раскопки, археологические памятники, Изборск, Усть-Смолка, Остров, Залахтовье

Keywords: Pskov, Pskov region, rescue excavations, archaeological sites, Izborsk, Ust-Smolka, Ostrov, Zalahtovie

В 2015 году псковские археологи, как и в предыдущие годы, вели активную работу по сохранению памятников археологии, расположенных на территории Псковской области. Основными исполнителями работ являлись две организации – государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области» и АНО «Псковский археологический центр».

Археологические раскопки в Пскове

Археологические раскопки в г. Пскове проводились на следующих площадках:

- ул. Плехановский посад (рис. 1: 3);
- ул. Калинина (рис. 1: 5–9);
- пересечение ул. Воровского – Некрасова (рис. 1: 1);
- ул. Свердлова (по трассе теплосетей к церкви Сергия с Залужья) (рис. 1: 4);

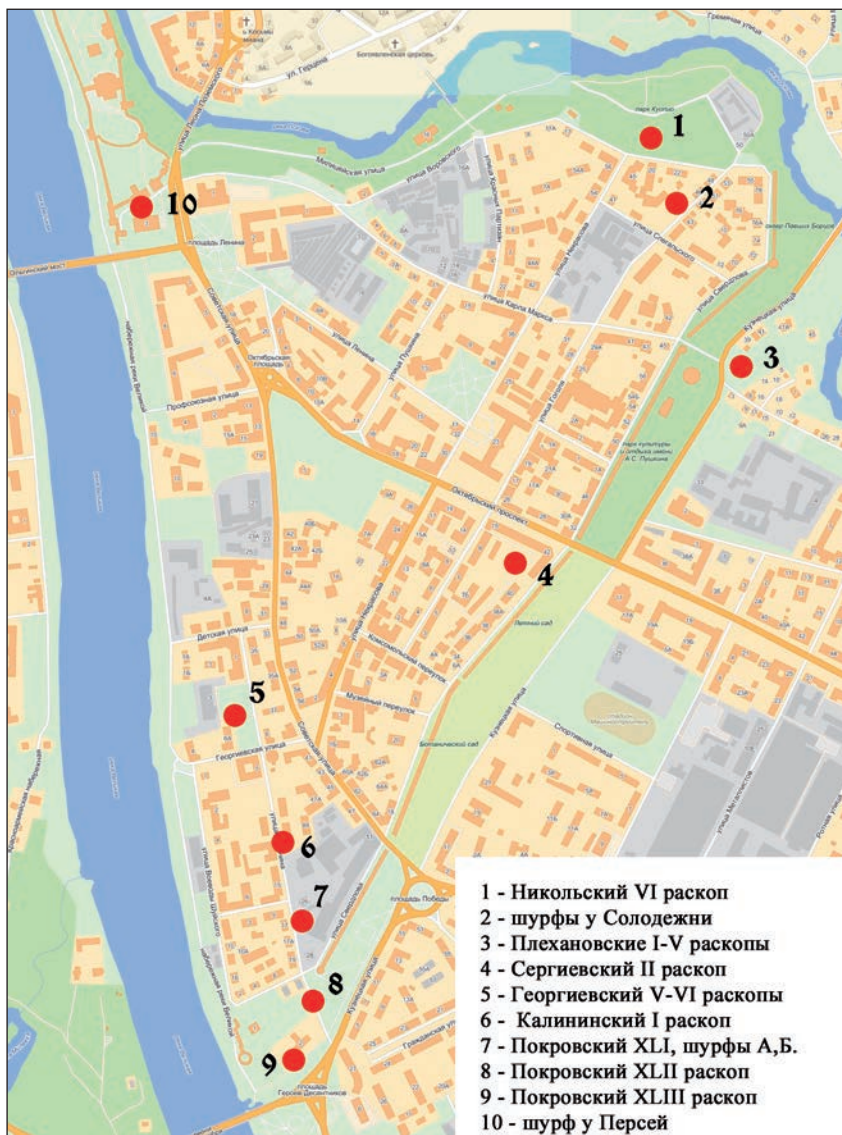

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопок и участков археологического наблюдения в г. Пскове в 2015 г.

– Кремль (на Гребле, в ходе реставрации Персей) (рис. 1: 10).

В рамках разработки проектной документации по реставрации памятников архитектуры проводились археологические работы у памятников архитектуры Солодежня и дом Печенко (г. Псков, ул. Гоголя, д. 42, 43) (рис. 1: 2).

Общая площадь археологических раскопок в г. Пскове в 2015 г. составила около 3500 кв. м.

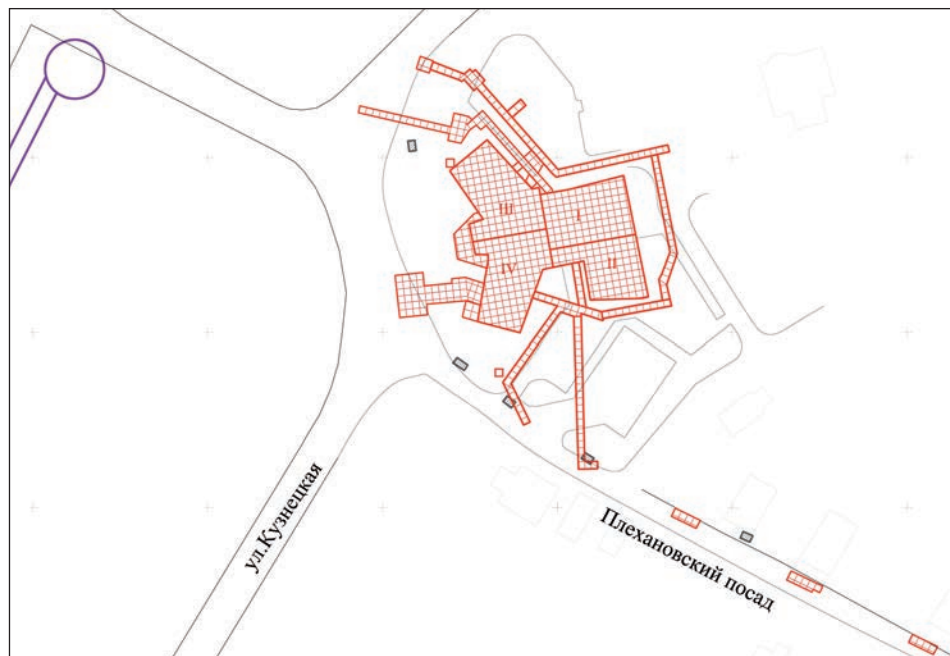

Рис. 2. Схема расположения Плевхановских I–V раскопов 2015 г.

Археологические раскопки на ул. Плевхановский посад (руководитель работ С. В. Степанов. Открытый лист № 940 от 15 июля 2015 г., рис. 1: 3, 2–6). Работы проводились в пятне строительства здания областной прокуратуры и по трассам инженерных сетей к ней. Общая площадь археологических раскопов – 2530 кв. м.

Раскопки велись на 11 площадках, из которых 4 (раскопы I–IV) располагались в пятне строительства здания, 7 участков исследований, объединённых в раскоп V, накладывались на трассы коммуникаций (рис. 2). Общая мощность антропогенных накоплений достигала 2,5 м при толщине культурных отложений средневекового времени от 0,3 до 1,5 м.

На основании проведенных исследований сделан вывод о первоначальном периоде освоении данной территории начиная с XV в., при максимальной интенсивности её использования во 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI вв. В это время отчётливо обозначена специализация занятий населения, проживавшего здесь – это первичная обработка железа. С этим временем связаны накопления чёрного углистого слоя, зафиксированного в западной части Плевхановского III и IV раскопов. Период 2-й пол. XVI и большей части XVII вв. отмечен большим количеством керамического материала и отдельными материковыми ямами без определяемых следов застройки.

Повторное освоение участка относится к рубежу XVII–XVIII вв. Отмечено появлением здесь деревянных и каменных построек с границами участков, маркированных частокольными ограждениями.

Рис. 3. Плехановский III. Канализационная система XIX в. Вид с севера

Рис. 4. Плехановский III. Рабочий момент по разборке скопления железных шлаков

Рис. 5. Плехановский IV. Подвал постройки XVIII в. Вид с северо-востока

Рис. 6. Плехановский V. Шурф 1 по трассе ул. Плехановский посад. Участок дорожного замощения XVIII в.

Рис. 7. Покровский ХЛИА раскоп. Каменный подклет здания XVI в. Вид с запада

Дополнительные исследования были проведены по современной улице Плехановский посад, трасса которой накладывается на старую новгородскую дорогу, известную по источникам XVI–XIX вв. Здесь было заложено 4 шурфа, площадью от 4 до 15 кв. м каждый. Суммарная мощность отложений, содержащих от 3 до 5 ярусов деревянных и щебневых замощений дорожного полотна, составляет от 0,8 до 3 м. Установлено, что оформление трассы происходит не ранее 2-й четв. – сер. XV в., примерно в одно время с первоначальным освоением территории Петровского посада – современной улицы Плехановский посад.

Археологические работы на ул. Калинина в г. Пскове (руководитель работ Т. Ю. Закурина. Открытый лист № 1357 от 14 августа 2015 г., рис. 1: 5–9, 7–9) проводились в рамках реконструкции ул. Калинина. Площадки археологических исследований проводились на новых участках инженерных сетей, общая площадь – 344 кв. м.

В ходе проведенных исследований изучены культурные отложения на 7 участках (рис. 1: 5–9), расположенных на территории, вошедшей в состав укрепленной части города в 1465 г. и на трех участках, расположенных с напольной стороны Окольного города в районе Покровского комплекса. Важным обстоятельством является то, что исследования проводились на участках, расположенных с определенным шагом, практически по одной линии протяженностью около 1 км. Таким образом, была получена информация о процессе освоения значительной территории юго-западной части города и посада Пскова.

Археологические данные, полученные в ходе проведенных работ в пределах стены, показали следующую картину. Практически все изученные участки,

Рис. 8. Слух в районе Свиной башни Псковской крепости. Вид с востока

Рис. 9. Георгиевский V раскоп. Разрез печи XI в. Вид с востока

Рис. 10. Никольский VI раскоп. Разрез куртины. Уровень материковых отложений

за исключением раскопа Георгиевского V, дают нам информацию о том, что хозяйственная деятельность здесь начинается не ранее конца XV в. На отдельных участках (раскоп XLIIГ) следы начала освоения относятся к XVII в.

Мощность средневековых культурных отложений спокойного последовательного накопления в пределах стены составила от 0,2 до 0,8 м. Культурные отложения довольно плотные, сухие, содержат в себе прослойки строительного мусора, слои, насыщенные углями, следы городской планировки, представленные фрагментами частоколов. На участках, доведенных до уровня материка, зафиксированы отложения погребенной почвы.

На участках, расположенных в пределах стены (раскопы XLIA-B, Георгиевский VB), открыты четыре каменных подклета зданий, два из которых (раскопы Покровский XLIB и Георгиевский VB) были жилыми. Важная информация о заселении прибрежной части города вдоль правого берега реки Великой получена на Георгиевском V раскопе. Установлено, что освоение территории начинается в XI в. и существует непрерывно на протяжении длительного периода, практически до настоящего времени. В раскопе выявлены остатки каменного фундамента здания XVIII в., несколько подвальных ям XVII в., несколько подпечных ям XV–XVI вв., следы железообрабатывающего ремесла XV в., печь-каменка XII в., несколько хозяйственных ям и две глинобитные печи XI в.

Раскоп на пересечении ул. Воровского и ул. Некрасова (раскоп Никольский VI, руководитель С. А. Салмин. Открытый лист № 1085 от 24 июля 2015 г., рис. 1: 1, 10). В 2015 г. продолжались работы на куртине между Савинской и Благовещенской батареями в связи с прокладкой трассы ливневой

Рис. 11. Сергиевский-2 раскоп. Уровень погребений. Вид с юга

канализации. Площадь раскопа составляла 80 м. Мощность отложений до 2,5 м. В ходе археологических работ произведён разрез гласиса (насыпи впереди наружного рва укрепления), позволивший выявить рельеф местности на этапе строительства, а также остатки сооружений, предшествующих созданию капитальных укреплений на этом месте – это фрагменты ровика, связанного, вероятно, со стеной, упомянутой в Псковских первой и третьей летописях в связи с событиями 1503 г.

Были выявлены два этапа возведения укрепления бастионного типа. Первый, вероятно, связан непосредственно с событиями ноября 1700 – мая 1701 гг., когда после поражения русских войск под Нарвой был издан указ о реконструкции псковских укреплений. В ходе археологических исследований подтвердилась информация о спешке, с которой проводились зимние работы. Об этом свидетельствует, в частности, использование для насыпки вала куртины грунта с городских кладбищ и пустырей: в теле земляной насыпи найдены фрагменты не распавшихся конечностей людей и животных (кости конечностей были найдены лежащими в анатомическом порядке). Гласис был перекрыт красноглиняным «панцирем» более чем метровой толщины. Вероятно, в это же время был создан эскарп на середине высоты береговой террасы (эта часть укрепления была исследована в 2014 г.).

Сергиевский-2 раскоп (ул. Свердлова, участок теплотрассы к церкви Сергия с Залужья, руководитель С. А. Салмин. Открытый лист № 1801 от 2 ноября 2015 г., рис. 1: 4, 11–12). Раскоп был связан с прокладкой теплотрассы к церкви святого Сергия с Залужья. Площадь раскопа около 80 кв. м. Мощность

Рис. 12. Сергиевский-2 раскоп. «Братская» могила. Вид с юга

отложений до 2 м. В ходе археологического исследования были зафиксированы остатки каменной кладбищенской ограды и таким образом выявлена южная граница «церковного места» Сергиевской церкви. Были обнаружены два котлована заглублённых в землю жилищ (возможно, особножительных келий) с остатками отопительных сооружений и зерновыми ямами небольшого объёма.

Изучен был также участок прицерковного кладбища, содержащий 29 погребений. Особый интерес вызывает перекрытая одиночными погребениями, содержащими нательные кресты, братская могила, плотно заполненная костяками, без следов присутствия каких-либо гробовищ и инвентаря. Площадь могилы около 3 кв.м. Погребено в ней было не менее 6 человек различного возраста. Глубина залегания костяков и полное отсутствие каких-либо признаков городского грунта в засыпке позволяет предположить, что это одна из моровых братских могил периода, предшествующего сооружению крепостной стены Окольного города.

Археологические работы в рамках разработки проекта реставрации Солодежни и Дома Печенко (ул. Гоголя, 42, 43, руководитель С. А. Салмин. Открытый лист № 1356 от 14 августа 2015 г., рис. 1: 2, 13–14). У стен исторических зданий «Солодѣжня» и «Дом Печенко» в 2015 г. были заложены археологические шурфы с целью исследования мощности культурных отложений, особенностей кладки фундаментов сооружений и для выявления глубинных отметок основания зданий. Суммарная площадь шурфов – 25,6 кв.м. Мощность культурных отложений у Солодѣжни составила от 1,5 до 2,5 м. Наблюдения за земляными работами (выборка засыпки раскопов прошлых лет) были проведены на площади 96 кв.м. Общая датировка исследованных отложений – XVII–XX вв.

Рис. 13. Схема расположения археологических шурфов у «Солодежни» и «дома Печенко»

В ходе работ выявлены технические сооружения периода использования здания в качестве мастерской для производства солода. Зафиксировано наличие ещё одной пристройки с северной стороны Солодёжни, датируемой концом XVII – 1-й пол. XVIII вв. Исследован развал изразцовой печи, содержащий богатый вещевой материал – всего более 70 индивидуальных находок, большую часть которых составляют фрагменты зелёнополивных и полихромных изразцов.

Рис. 14. Развал изразцовой печи. Шурф № 2 у «Солодежни». Вид с юга

Археологические раскопки на Гребле Псковского Кремля (рук. С. В. Степанов. Открытый лист № 426 от 25 мая 2015 г., рис. 1: 10, 15–16) проводились в рамках реставрации Персей – южной приступной стены Псковского кремля. Раскоп 1 площадью 41,5 кв. м располагался у западного контрфорса Персей, раскоп 2 – площадью 64 кв. м у центрального контрфорса. Мощность непотревоженных культурных отложений в обоих раскопах превышает 2 метра. Культурный слой отражает события строительной истории Персей от конца первой четверти до середины 60-х гг. XV в. В 1421–1424 гг. Перси перестраивались. Их внешний контур был сдвинут к югу. Если Перси XIV в., вероятно, стояли на краю рва – Гребли, то теперь основание их южной кромки «шагнуло» на дно рва. Ров был вычищен и, скорее всего, углублен и расширен. Его дно на всем протяжении ровное и плоское, расположено на отметках 34.80–34.70 в Балтийской системе высот – на 4,8–5 м ниже современной дневной поверхности у края Гребли. Этот ров никогда не был естественным оврагом и не соединял Пскову и Великую. В 1427 г. Перси по каким-то причинам «распались» и сразу были восстановлены. Строительный горизонт Персей почти сливается с горизонтом их скорого восстановления. Мощность этих отложений битого камня и известкового раствора достигает одного метра. Следующий строительный горизонт вероятно можно связывать с ремонтом и реконструкцией Персей в 1463–1465 гг. Это подтверждается довольно многочисленными находками керамики середины – второй половины XV в. Более поздние напластования на исследованных участках не сохранились.

Рис. 15. Раскоп 1 у западного контрфорса Персей в начале работ. Вид с запада

Рис. 16. Раскоп 2. Материк в основании центрального контрфорса Персей. Вид с востока

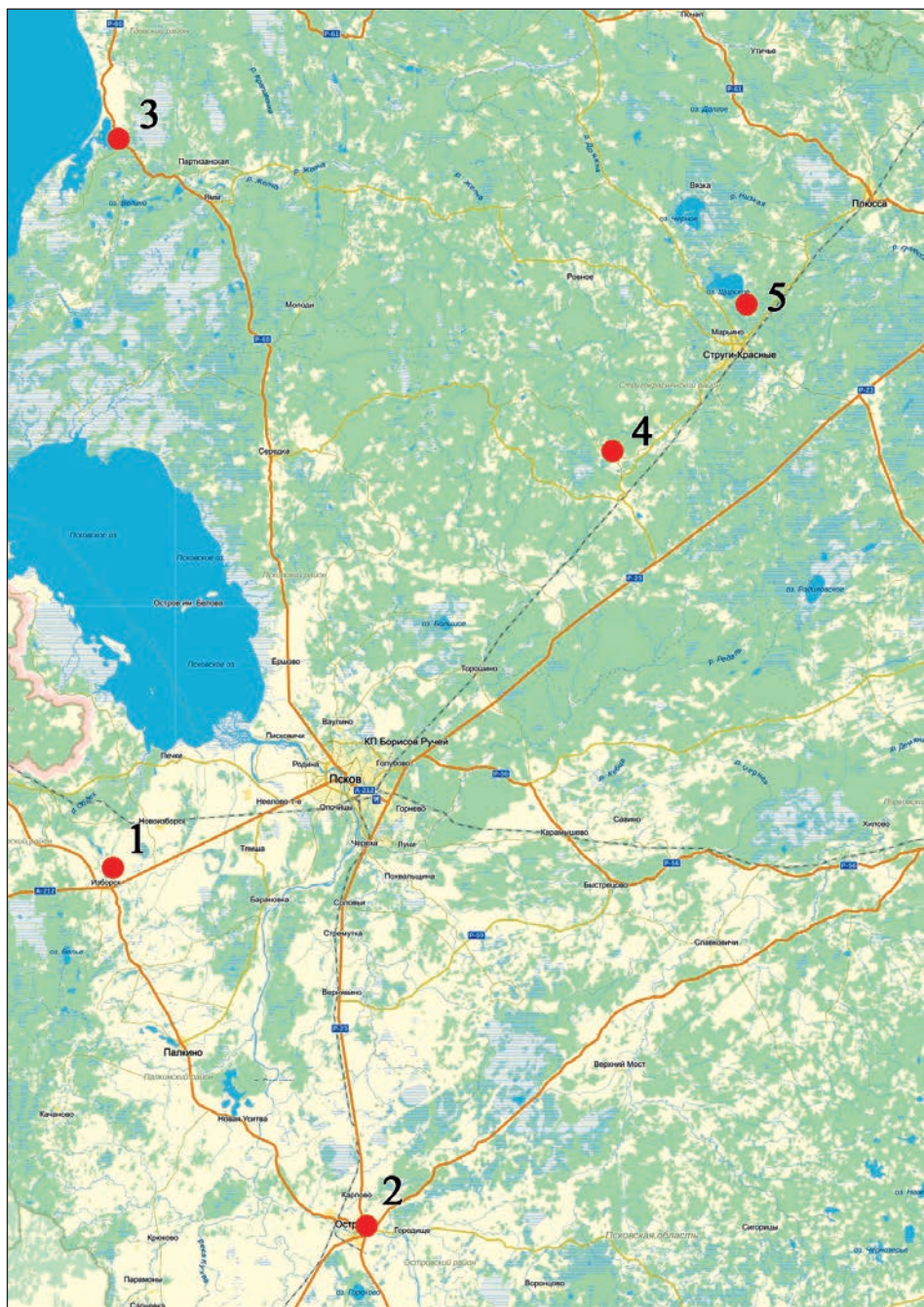

Рис. 17. Схема расположения археологических работ на территории Псковской области: 1 – Усть-Смолка; 2 – Остров; 3 – Залахтове; 4 – жальничный могильник у д. Заклянье Стругокрасненского района; 5 – курганная группа у д. Бровск Стругокрасненского района

Археологические работы в Псковской области

В 2015 г. псковские археологи проводили археологические раскопки на следующих объектах в области:

– курганный комплекс на северо-восточной окраине д. Старый Изборск (рис. 17: 1);

– в г. Остров, на острове (рис. 17: 2).

Археологические раскопки кургана на северо-восточной окраине д. Старый Изборск (Усть-Смолка) (руководитель Б. Н. Харлашов. Открытый лист № 752 от 30 июня 2015 г., рис. 18). Задачей исследования могильника Усть-Смолка в 2015 г. являлось выявление новых грунтовых погребений в продолжение раскопок 1999 г. и 2014 г. Для этого был вскрыт участок между раскопами 1999 и 2014 гг. площадью 41 кв. м. Обнаружено мужское захоронение в могильной яме размерами 2,37×0,8 м, глубиной 9–17 см. Она была выполнена в виде углубления в известняковой скале и обложена по периметру плитняком. Погребальный инвентарь позволил датировать захоронение первой половиной XI в.

Археологические исследования в Острове (руководитель С. А. Салмин. Открытый лист № 1968 от 9 декабря 2015 г., рис. 19–20). Раскоп площадью около

Рис. 18. Археологические раскопки кургана на северо-восточной окраине д. Старый Изборск. Ортофотоплан раскопа 2015 г.

Рис. 19. Общий вид на площадку раскопа в г. Острове до начала работ. Вид с юго-востока

18 кв. м располагался в г. Остров на островке, западнее церкви Святого Николая. Работы велись в связи с необходимостью установки газового резервуара для системы отопления храма. Верхняя часть отложений представляла собой кладбище 2-й пол. XVIII–XIX вв. Всего выявлено 16 погребений и значительное число разрозненных человеческих костей. Кладбище сильно пострадало при устройстве мостовой вокруг храма в середине XIX в., когда в связи с нивелировкой поверхности антропогенные отложения были удалены непосредственно до уровня залегания верхних костяков, поверх которых, без подсыпки, и была уложена мостовая.

Ниже уровня погребений залегала нерегулярная или сильно разрушенная вымостка, перекрывавшая массив культурных отложений, содержавших значительное количество фрагментов грубой лепной керамики. Открытие этого горизонта отодвигает период заселения Острова к последней четверти I тыс. н. э. и, возможно, требует корректировки наших представлений о процессе освоении этой территории.

Работы по определению границ территорий памятников археологии

Важной частью работы псковских археологов являлось определение границ территорий памятников археологии. В 2015 г. определены границы территорий для 73 памятников археологии, расположенных на территории Псковской области. Эта работа позволяет укрепить правовые основания охраны и использования памятников археологии и конкретизирует хозяйственные и правовые процедуры, связанные с землепользованием на территории распространения культурного слоя.

Наиболее масштабная работа проводилась у д. Залахтовы Гдовского р-на (руководитель работ А. Б. Романовский. Открытый лист № 1078 от 24 июля

Рис. 20. Остров. Уровень материковых отложений. Очажная яма

2015 г., рис. 17: 3, 21), где расположены 8 памятников археологии: «Селище I тыс. н. э. – XIV вв.», «Курганная группа 1, 2-я пол. I тыс. н. э.», «Курганная группа 2, 2-я пол. I тыс. н. э.», «Курганная группа 3, 2-я пол. I тыс. н. э.», «Курганная группа 3А, 2-я пол. I тыс. н. э.», «Одиночный курган 4, 2-я пол. I тыс. н. э.», «Курганная группа 5, 2-я пол. I тыс. н. э.» и «Грунтовый могильник XII–XV вв.».

Для определения границ территорий указанных памятников было заложено 7 разведочных шурфов. Результат работ – уточнение границ и определение координат поворотных точек. Кроме того, для «Селища I тыс. н. э. – XIV вв.» были не только уточнены границы, но и скорректирована датировка – время его существования отнесено к эпохе длинных курганов.

В конце 2015 г. проведена археологическая разведка по трассе ВЛ-330 «Псков-Лужская», которая в Псковской области проходила по территории

Рис. 21. Залахтовье, Гдовский район. Рабочий момент

Рис. 22. Жальничный могильник у д. Заклинье Стругокрасненского района Псковской области. Вид с юго-запада

Рис. 23. Курганная группа у д. Бровск Стругокрасненского района Псковской области. Вид с запада

Стругокрасненского и Плюсского районов (рис. 17: 4–5). На территории Стругокрасненского района Псковской области в ходе археологической разведки в примыкании к полосе отвода трассы выявлен жальничный могильник у д. Заклинье и курганная группа у д. Бровск (рис. 22, 23).

В 2015 г. сотрудники ГБУК ПО АЦПО начали осваивать новый вид исследований, который можно назвать «военной археологией». Первый этап работы – определены границы территории достопримечательного места «Партизанский край Псковщины. Место действий 2-й Ленинградской партизанской бригады “Сороковой бор”, 1941–1944 гг.» (Стругокрасненский, Псковский районы) (рис. 24, 25).

По результатам полевых исследований и анализа письменных источников, включая воспоминания очевидцев, местных жителей, в пределах границ территории достопримечательного места выделено несколько объектов, связанных со становлением подпольного и партизанского движения на Псковщине в 1941 г., а также деятельностью на этой территории 2-й Ленинградской партизанской бригады (ЛПБ) в период 1943–1944 гг.

Наиболее крупный объект – лагерь партизанского отряда 2-й ЛПБ на восточном берегу оз. Ратец (Псковский район), задачей которого была охрана и поддержание функционирования большого лагеря беженцев, скрывавшихся от оккупационной администрации в Сороковом бору.

Рис. 24. Партизанский лагерь. Реконструкция

Рис. 25. Партизанский лагерь. Остатки землянок в лагере на оз. Ратец (Псковский район)

Э. В. Королёва

Интерпретация данных о химическом составе средневековых предметов: возможности и риски комплексного подхода¹

E. V. Koroleva. Interpretation of Data on the Chemical Composition of Medieval Objects: Opportunities and Risks of an Integrated Approach

Abstract. The article describes the new method of quantitative and qualitative processing of data from Medieval metals, derived through the method of X-ray fluorescence analysis, in order to identify the production location through the comparison of raw metal compositions and finished objects. The idea of the necessity of such a comparison is based on the earlier made conclusion that Pskovian workshops prioritised the use of finished raw metal without attempting to influence its technological properties through alloying. The application of this method makes sense only in the presence within the studied sample of a significant quantity of objects with a vast chronological span and represented by a full range of categories: from raw metal, blanks and semi-finished products, to finished objects. An important pre-condition is the origin of the metals from complexes, including production complexes. The presented method includes several stages, part of which has already been completed on the Pskov material. Its first testing has shown a sufficient effectiveness for the posed tasks. The use of the presented method on all types of tasks has allowed to obtain for the first time such precise information and an objective picture regarding the development of the local jewellery-making production.

Ключевые слова: рентгенофлуоресцентный анализ, средневековый металл, Псков, ювелирные производственные комплексы, методика обработки данных, сырьевой металл, готовые изделия, соотнесение состава металла, интерпретация результатов

Keywords: X-ray fluorescence analysis, Medieval metal, Pskov, jewellery-making complexes, methods of data processing, raw metal, finished objects, metal composition correlation, result interpretation, jewellery-making.

Изучение состава средневекового металла представляет собой сложный процесс сбора и систематизации информации, которому сопутствует целый комплекс изменяющих ее факторов. К ним относятся, прежде всего, возможности и особенности избранных методов исследования, состояние сохранности самих предметов и история их создания, неоднородность состава

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-11-60004 «Цветные металлы и их сплавы в средневековом Пскове: новые данные и интерпретации»).

металла изделий. Все это накладывает значительные ограничения на постановку исследовательских задач.

Так, например, практически исключено определение источника поступления сырья на основе средневековых материалов, т. к. с развитием металлургии путь от исходного сырья до готовой вещи стал невероятно длинным. Предметы претерпевали значительное число переплавок с добавлением различного лома, что приводило к существенным и, главное, субъективным изменениям исходного сырья. Соответственно, исследование состава средневекового металла позволяет лишь в целом охарактеризовать традицию использования определенных типов сплавов, характерных для сырьевого металла, поступающего в мастерские изучаемого региона.

Методика использования естественно-научных методов при изучении предметов из металла с учетом специфики археологического материала разрабатывается уже более века, последнее время она значительно усовершенствована, существует несколько систем классификации полученного материала. Однако при всем многообразии систем необходимо иметь в виду, что ни одна из классификаций не отражает (и не может отражать) безусловной связи ни с рудным источником, ни с осознанным легированием сплава.

Тем не менее многие вопросы уже решены на макроуровне: определен набор металлов, бывших в распоряжении древнерусских ювелиров; определена динамика их использования в отдельных регионах; выполнен сравнительно-исторический анализ традиций металлообработки различных производственных центров, выявлены основные пути поступления сырьевого металла на Русь (*Ениосова и др.*, 2008. С. 110–162).

На сегодняшний день сформирован значительный объем данных широкого хронологического диапазона (наиболее ранние материалы относятся к VI–VII вв.), в основном IX–XIII–XV вв., характеризующий традиции использования ювелирного сырья на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси, на территории Южной Руси, Волжской Болгарии, Хазарского каганата (Там же. С. 110–111).

Вместе с тем накопление и общий анализ огромного массива информации со значительной территории позволяют поставить вопрос об изменении приоритета исследований, основанных на средневековых данных. Представляется, что процесс простого расширения и систематизации информации о средневековом металле на сегодняшний день несколько утратил свою актуальность. Необходимо развитие новых направлений исследований, которые будут повышать интерпретационные возможности полученных сведений.

Сегодня необходимо максимально соотносить имеющиеся данные о средневековом металле с археологическим контекстом каждого памятника, проводить комплексный и многосторонний анализ внутри выборки с учетом типом сплавов, категорий и назначения предметов, технологии их изготовления и хронологии бытования. Работа такого плана имеет смысл при наличии в изучаемой выборке значительного количества предметов широкого хронологического диапазона и представленных полным спектром категорий: от сырьевого металла, заготовок и полуфабрикатов до готовых изделий. Существенным

условием является происхождение материала из комплексов, в том числе производственных.

Данная работа основана на обобщении данных о химическом составе 1517 предметов из культурного слоя средневекового Пскова (479 – методом оптического эмиссионного спектрального анализа (ОЭСА) в 1992–1993 гг.; 1038 – методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) в 2010–2014 гг.). Общая датировка исследованных предметов охватывает широкий хронологический диапазон – X–XVI вв.

Полученная информация уникальна по своему объему и представляет собой хорошо документированный с археологической точки зрения материал, позволяющий предложить новую методику «прочтения» не только с точки зрения классификации, но и с учетом некоторых новых интерпретаций.

Спектроаналитическому исследованию в 1992–1993 гг. в псковской выборке были подвергнуты все основные типы категорий изделий из цветного металла, а также сырьевой металл, полуфабрикаты, бракованные изделия и отходы ювелирного производственного процесса. При отборе предметов для исследования элементного состава металла использовались два основных критерия. Во-первых, соразмерность количества проб с предметов определенной категории с ее общей представительностью в коллекции. Во-вторых, предметы для анализа подбирались преимущественно из комплексов либо стратиграфически «закрытых», либо производственных. Следует отметить, что существенную роль при отборе предмета для исследования играла его сохранность. Подавляющее большинство проб было взято с предметов, сохранившихся фрагментарно или частично поврежденных, чтобы не нарушить экспозиционную ценность целых изделий.

Преимущества неразрушающего метода РФА, примененного в 2010–2014 гг., позволили расширить круг предметов для исследования: в выборку вошли изделия, заготовки и полуфабрикаты из цветного металла, а также предметы, относящиеся к сырьевому металлу, вне зависимости от степени сохранности.

В исследовании, основанном на результатах ОЭСА (479 предметов) и опубликованном в 1996 г. (Королёва, 1996. С. 229–300), для каждого типа сплава путем расчета доверительных интервалов были определены наиболее встречаемые соотношения процентного содержания легирующих компонентов, получившие условное определение «рецептура сплава». Установлено, что большая часть выделенных «рецептур» – в своем т.н. «числовом ядре значений» содержит данные именно сырьевого металла, это позволило сделать вывод о том, что псковские мастера использовали готовое полученное сырье и, как правило, не стремились повлиять на его технологические свойства путем легирования.

Опираясь на сделанный ранее по данным ОЭСА вывод о приоритетном использовании готового сырьевого металла, предлагаю следующую методику количественной и качественной обработки данных о средневековом металле, полученных методом РФА, для выявления местной продукции путем соотнесения состава сырьевого металла и готовых изделий. Необходимость

разработки такой методики и ее описание уже кратко излагались в публикациях ранее (Королёва, 2014. С. 152–156; 2016. С. 734–738).

В изучаемую выборку вошли все необходимые для апробации методики категории: сырьевой металл (слитки, мотки проволоки, обрезки пластин и проволоки и т. п.), свидетельства производственного процесса (выплески металла, заготовки, полуфабрикаты, брак) и готовые изделия.

Представляется, что предметы, обнаружившие полное сходство с составом сырьевого металла, можно будет признать «эталонными» для местного ювелирного производства. Выделение таких «эталонов» необходимо, т. к. большинство готовых изделий имеет продолжительную литейную историю и «переживает» значительное количество переплавок с добавлением лома. Получив набор местной продукции из «эталонных» изделий, можно будет, с большой долей вероятности, экстраполировать вывод о местном производстве на типологически близкие им предметы, даже если они имеют отличающийся состав металла и происходят не с территории производственных комплексов.

Очевидно, что количество таких «эталонных» предметов чрезвычайно ограничено, т. к. средневековые предметы подвергались многократным переплавкам с добавлением лома, но тем не менее будет определен круг предметов, которые могут выступать образцами безусловно местной продукции.

Кроме того, аналитика данных о составе металлических предметов и определение комплексов, в которых были найдены или с которыми они связаны, позволит охарактеризовать развитие местного ювелирного производства с учетом не только спроса на определенные виды изделий, но и поступления в мастерские сырьевого металла. Датирование предметов, относящихся к сырьевому металлу, т. н. «эталонных» предметов и изделий, полученных с помощью многократных переплавок, позволит более объективно выявить хронологические периоды, когда сырьевой металл поступал в мастерские в изобилии, и периоды его острого дефицита.

Предлагаемая методика выявления местной продукции на основе сравнения состава сырьевого металла и готовых изделий по данным РФА включает несколько последовательных этапов.

Первый этап – внесение в базу данных всех произведенных с помощью метода РФА измерений на одном предмете. Таким образом, фиксируется более объективная картина о содержании в сплаве различных компонентов – как основных, легирующих, так и элементов-примесей, что важно, т. к. средневековые предметы в силу различных обстоятельств неоднородны по своему составу.

Второй этап – определение средних значений содержания всех компонентов сплава для записи т. н. «формул типа сплава» для каждого предмета – последовательная запись всех элементов, содержание в сплаве которых равно или более 1% в зависимости от величины их процентного содержания (в порядке убывания).

Третий этап – определение диапазонов процентного содержания компонентов сплава, что является обязательным условием для возможности сравнения состава сырьевого металла и готовых изделий.

Четвертый этап – сравнение соответствия диапазонов процентного содержания компонентов для каждого предмета, отнесенного к сырьевому металлу, с выборкой готовых изделий, металл которых по составу отнесен к этой же формуле.

Пятый этап – соотнесение сырьевого металла и сходных по составу и соответствующих по хронологии бытования готовых изделий с производственными и иными комплексами.

Шестой этап – общая характеристика соотношения состава и объема исследованного сырьевого металла с количеством сходной по составу готовой продукции для различных хронологических периодов.

В настоящий момент на псковском материале выполнены три первых этапа обработки данных.

Существенно, что ввод информации о результатах исследований с использованием различной методики по единой схеме, а также изучение одних и тех же предметов с применением двух методик (ОЭСА и РФА) позволил соотнести между собой полученную информацию и использовать ее для уточнения общей классификации сплавов.

С помощью двух методик (ОЭСА и РФА) всего исследовано 85 предметов, в подавляющем большинстве случаев формула сплава, полученная путем последовательной записи содержания компонентов по результатам двух методов, совпадает либо абсолютно, либо с некоторым отличием в последовательности элементов (причем только легирующих, а не основы сплава). В целом можно сделать вывод о том, что оба метода позволяют получить достаточно сходную обобщенную картину, отражающую основные особенности состава металла археологических предметов из раскопок в Пскове.

Однако для сравнения состава металла различных предметов предпочтительнее данные, полученные методом РФА, т.к. они позволяют сравнивать диапазоны процентного содержания компонентов сплава, а не их средние значения.

База данных о составе металла предметов, изученных с помощью метода РФА, составлена с вводом информации всех произведенных измерений (в среднем 3–5, иногда до 10–20 записей на один исследованный предмет). Для всех предметов по каждому обнаруженному в составе сплава элементу был определен диапазон и среднее значение его процентного содержания. Определение диапазона процентного содержания компонентов сплава представляется необходимым и обязательным, т.к. диапазон значений, полученных пробами в различных частях предмета, дает нам более объективную и подробную характеристику состава металла, в отличие от среднего значения. Кроме того, диапазон значений дает больше оснований для признания сходства состава металла (в случае частичного перекрытия или полного совпадения интервалов процентного содержания компонентов сплава). Представляется, что средние значения не могут выступать критерием для сравнения, т.к. одно и то же среднее число получается при безграничном варианте границ диапазонов.

Необходимость учитывать именно диапазон значений связана также с существенным недостатком метода РФА, которым, по мнению исследователей,

является его «неприспособленность» для получения точных количественных данных на основе измерений в тонком поверхностном слое археологических объектов, неоднородных по своей структуре и затронутых коррозионными процессами, а также низкая чувствительность – метод непригоден для определения микропримесей в концентрациях менее 0,01%. Главной же проблемой считается поверхностный характер исследования с помощью РФА, искажающий результаты из-за коррозии и поверхностного обогащения одних предметов за счет других (Ениосова, Митоян, 2014. С. 146–149).

Для каждого исследованного с помощью метода РФА предмета была определена т. н. «формула сплава» здесь это условное понятие, которое характеризуется последовательностью записи обнаруженных химических элементов в зависимости от величины их процентного содержания. Использование такой более подробной формулы облегчает предварительную группировку материала для проведения сравнения состава металла. В «формулу сплава» записывались все элементы, содержание которых в сплаве было равно и более 1%, следующим образом: в порядке убывания процентного содержания сначала основные компоненты перечислением через знак «+» (например, $Cu + Ag + Pb + Sn$), затем в скобках указывались элементы-примеси (например, $Cu + Zn + Pb (Fe) (Ti)$). В качестве основных компонентов выступали, как правило, медь, свинец, олово, цинк, серебро, золото.

Соотношение предметов, отнесенных к сырьевому металлу или документирующих местный производственный процесс, с готовыми изделиями в целом в изучаемой выборке определяется как 27% и 73% соответственно. Первичный анализ соотношения сырьевого металла и готовых изделий в группах предметов в соответствии с формулами сплавов позволил сделать ряд интересных наблюдений.

«Чистое олово» и сплавы на его основе практически не представлены в сырьевом металле, хотя выборка готовых изделий состоит из 50 предметов. Интересно, что сырьевой металл из «чистого» свинца представлен тремя слитками и четырьмя пластинами, для сплавов на основе Pb и $Pb + Sn$ – сырьевой металл не выявлен (кроме единичной пластины).

Отсутствует сырьевой металл и для изделий из сплавов на основе серебра. Уникальна ситуация с присутствием сырьевого металла в виде обрезка небольшой золотой пластинки, которая может свидетельствовать о местном изготовлении изделий из золота, что ранее никоим образом не документировалось в культурном слое средневекового Пскова.

Примечательно, что сырьевой металл из «чистой» меди и меди, «загрязненной» свинцом ($Cu + Pb$), представлен значительным количеством обрезков пластин, слитков, проволоки, а готовых изделий из нее немного. Соответственно, можно сделать предварительный вывод о преимущественном использовании «чистой» меди как добавки к лому и сырьевому металлу другого состава при изготовлении изделий.

Важно отметить, что достаточные для применения предлагаемой методики объем и номенклатура сырьевого металла присутствуют в выборке предметов, отнесенных к двойным и многокомпонентным сплавам на основе меди

Таблица 1

Соотношение состава сырьевого металла (слитка) с составом металла готовых изделий (формула сплава Cu + Zn + Sn).

Номер пробы РФА	Наименование предмета (номер предмета на рис. 1)	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb
ПЛ-87-Х-001	слиток-дрот (рис. 1, 1)	84,4–87,5	4,6–6,4	5,5–9,9	0,3–0,6	0,2–0,3	0,1–0,2
ПППр-72-013	браслет пластинчатый тупоконечный орнаментированный (рис. 1, 2)	84,9–85	4,8–5	8,5–8,6	0,5	0,4	0,4
ПЛ-V-84-009	булавка с двумя спиральными завитками (рис. 1, 3)	83,9–85,6	5,9–7,2	7–7,3	0,8–1		0,2–0,3
ПЛ-VII-84-027	браслет витой 3-проволочный с петлеобразными концами (рис. 1, 4)	86,3–88,6	3,8–5,7	5,8–6,6	0,5–0,7		0,4–0,9
ПЛ-76-I-032	фибула подковообразная дротовая ложновитая спиралеконечная (рис. 1, 5)	80,9–85,6	4,6–6,6	8,2–9,4	0,6–1,3	0–0,2	0–0,4
ППИ-69-009	фибула подковообразная дротовая ромбического сечения с гвоздевидными концами (рис. 1, 6)	83,1–84	4,8–5,9	9–9,1	0,5–0,6	0,1–0,2	0,4–0,5
ППИ-70-018	перстень с витым щитком и заходящими концами (рис. 1, 7)	84,7–85,9	5,1–7,7	6,8–7,1	0–0,7	0–0,4	0,3–0,5

(бронзам и латуням). Соотношение сырьевого металла и готовых изделий для бронз – 43% и 57% соответственно; для латуней – 14% и 86%.

Четвертый этап – сравнение соответствия диапазонов процентного содержания компонентов в сырьевом металле и готовых изделиях – апробирован на фокусном участке.

В качестве материала для апробации методики был выбран участок с раскопами X–XI на ул. Ленина в 1986–1990 гг. с территорией т. н. «ремесленного квартала» (в т. ч. с ювелирными производственными комплексами), производственная деятельность на котором фиксируется со второй четверти XI по вторую половину XIV в. Отсюда происходит значительная коллекция находок, свидетельствующих о ювелирной ремесленной деятельности: 30 слитков цветного металла; 76 литейных форм; 679 обрезков пластин; 18 заготовок ювелирных изделий. Данный участок изначально был признан эталонным и базовым для изучения истории развития ювелирного дела в средневековом Пскове, поэтому именно с него происходит значительное количество предметов, состав металла которых исследован методами ОЭСА (240 предметов) и РФА (64 предмета), включая как сырьевой металл, так и готовые изделия.

В настоящий момент выполнено сравнение состава части сырьевого металла с фокусного участка и готовых изделий, соответствующих им по формуле сплава, из всей анализируемой выборки. Выявлено совпадение по составу металла сырьевых предметов с металлом нескольких готовых изделий, происходящих из различных участков культурного слоя, в том числе и других раскопов, что документирует распространение продукции из данной ювелирной мастерской по территории средневекового города. В таблице 1 показан пример

Рис. 1. Готовые изделия и сырьевой металл (слиток) со сходным составом металла (Cu + Zn + Sn):
 1 – слиток-дрот (ПЛ-87-Х-001², уч. Е, кв. 102, пл. 13, полевой № 1, № по описи 63);
 2 – браслет пластинчатый тупоконечный орнаментированный (ПГПр-72-013, уч. Е, кв. 79, пл. 13, полевой № 12, № по описи 2142);
 3 – булавка с двумя спиральными завитками (ПЛ-V-84-009, уч. Ж, кв. 541, пл. 11, полевой № 10, № по описи 547);
 4 – браслет витой 3-проволочный с петлеобразными концами (ПЛ-VII-84-027, уч. У, кв. 724, пл. 12, полевой № 10, № по описи 791);
 5 – фибула подковообразная дровяная ложновитая спиралеконечная (ПЛ-76-I-032, уч. Д, кв. 69, пл. 9, полевой № 5, № по описи 227);
 6 – фибула подковообразная дровяная ромбического сечения с гвоздевидными концами (ППИ-69-009, уч. Е, кв. 75, пл. 12, полевой № 30, № по описи 1086);
 7 – перстень щитковый с витым щитком с узкой пластинчатой шинкой и заходящими концами (ППИ-70-018, уч. З, кв. 107, пл. 15, № по описи 383)

² Номер образца РФА по базе данных.

такого сравнения, а на рисунке 1 помещены изображения предметов, соответствующих по составу слитку сырьевого металла.

Таким образом, возможности предлагаемого метода ясны. Каковы же риски получить не совсем достоверные выводы? К сожалению, они также велики и связаны не только с готовыми изделиями, имеющими длительную литейную историю и пережившими многократные переплавки.

Во-первых, соотношение объема и ассортимента сырьевого металла и готовых изделий в исследуемой выборке может не соответствовать реальному соотношению, характерному для определенного хронологического периода.

Во-вторых, мы не можем оценить в составе сырья объем утилизированных изделий, которые сами пошли в переплавку. Кроме того, в псковской выборке отсутствуют данные о составе остатков металла в тиглях. И, наконец, если обрезки пластин и проволоки (и даже мотки проволоки) могут свидетельствовать о том, что их часть ушла в сырье, то в случае с целыми слитками мы имеем дело с сырьевым металлом, который так и не был использован. Тем самым, мы вынуждены экстраполировать их данные о составе металла на какие-то использованные слитки с таким же химическим составом, возможно, из одной партии поступившего сырья.

После завершения работ по описанию археологического контекста исследованных предметов, определению технологии их изготовления, датировке и соотношению с производственными комплексами станет возможным выполнение двух завершающих этапов предлагаемой методики, что позволит получить более подробную и объективную картину о развитии местного ювелирного производства.

Литература

- Ениосова Н. В., Митоян Р. А.*, 2014. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество. С. 146–149.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.*, 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН. С. 107–189.
- Королёва Э. В.*, 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // АИП. Вып. 3, т. 1: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): Материалы и исследования. Псков. С. 229–300.
- Королёва Э. В.*, 2014. Цветные металлы и их сплавы в средневековом Пскове // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество. С. 152–156.
- Королёва Э. В.*, 2016. О задачах исследования и возможностях интерпретации данных о химическом составе средневекового металла из археологических раскопок в Пскове // Исторический журнал: научные исследования. № 6. С. 734–738.

Ю. В. Колпакова, Л. Я. Костючук

Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы¹

Yu. V. Kolpakova, L. Ya. Kostuchuk. Pskov Body Crosses with the Image of Golgotha Chronology

Abstract. The article is devoted to the main result of the research project «Complex dating of Pskov medieval religious casting with inscriptions». Scientific typology and chronology of Pskov objects of private devotion with inscriptions were elaborated, body crosses with the image of Golgotha presented by more than 480 finds are divided into 44 types and subtypes dated according to paleography, stratigraphy, comparative typology (by analogies) and partially the alloys composition.

Ключевые слова: христианская археология, Псковская земля, христианство, нательные кресты, предметы личного благочестия, культовая металлопластика, типология, датирование, текст молитвы, инициалы, погребальный инвентарь.

Keywords: Christian archaeology, Pskov land, Christianity, body crosses, objects of private devotion, cult casting, typology, dating, the text of the prayer, initials, grave goods.

Целью проекта «Комплексное датирование псковской средневековой культовой металлопластики с надписями» была разработка научно обоснованной типологии и хронологии ряда категорий псковских предметов личного благочестия.

Особенно остро данная проблема стояла в отношении металлических нательных крестов с изображением Голгофы. Данная категория находок доминирует среди христианских древностей периода позднего средневековья – раннего Нового времени.

Обычно при раскопках «голгофские крестики», преимущественно происходящие в Пскове из слоев со следами гражданской каменной застройки, либо сами выступают как датирующие находки с широким диапазоном – XVI–XVIII вв., либо датируются по данным нумизматики неправдоподобно узким периодом.

Среди крестов из археологических раскопок на территории Пскова и Псковской земли есть находки, происходящие из погребальных комплексов и слоя некрополей: из погребений XVII в. в церкви Козьмы и Дамиана,

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 2014–2015, проект №14-11-60002 а (р) «Комплексное датирование псковской средневековой культовой металлопластики с надписями».

из кладбища XVI–XVIII вв. у церкви Иоанна Златоуста (ныне не сохранившейся), из захоронений Мирожского монастыря (некрополь XIII–XVIII вв.), из слоя нескольких кладбищ у не сохранившейся церкви Иоанна Милостивого (руб. XVI–XVII вв. и XVII в.), хорошо стратифицированного некрополя у ц. Богоявления с Запсковья, существовавшего с XV по XVIII в., из захоронений XVIII в. около Никольского собора в Изборской крепости.

Для уточнения датировок был проанализирован археологический контекст находок, особое внимание уделено стратиграфии погребальных памятников, привлечены результаты палеографического датирования надписей на крестах (Иванова, 2015), учтены итоги выборочного определения элементного состава предметов (Колпакова, 2016) и датировки аналогичных предметов в научной литературе (Винокурова, 1999; Гнутова, Зотова, 2000; Молодин, 2007; Островский, 2007 и др.).

При пересмотре и уточнении датировок встала задача новой, более совершенной систематизации культовой металлопластики с надписями.

Целесообразно было актуализировать и расширить структуру прежней классификации, где кресты были разделены на 24 нумерованных и довольно широко датированных типа и подтипа (Колпакова, 2009).

Тем не менее для практического использования полученные датировки были недостаточно узкими, и это вновь заставило нас вернуться к вопросу классификации и датирования. Тем более что это позволяло сделать накопление новых археологических материалов, что довело количество предметов почти до 500, а также проведенные в 2014–2015 гг. работы по палеографическому датированию надписей на нательных крестах и введение в научный оборот большого количества аналогичного русского ставрографического материала.

Для систематизации первостепенное значение имело выделение реально существовавшего типа со всем комплексом присущих ему морфологических, иконографических и палеографических признаков. В качестве значимых черт и, соответственно, примененных критериев классификации были выделены принадлежность к размерному ряду (крупные – средние – мелкие), соотношение пропорций, количество концов и форма завершения лопастей. Учитывались также особенности и детали помещенной на лицевую сторону композиции (форма изображенного креста либо Распятия, форма подножия, наличие и форма Орудий Страстей, в т. ч. венца, трости, копия), надписи на лицевой и тыльной стороне: их содержание и палеографические черты. В некоторых случаях существование представительных серий изделий заставило нас принять за один из значимых признаков глубину рельефа.

Наличие внешнего декора по контуру креста – «цветения», «языков пламени», «лучей сияния» и «устийц» (декора в средокрестии между лопастями), тернового венца – придавалось при выделении типа меньшее значение, чем иконографическим признакам и признакам формы основного объема подвески. По нашим наблюдениям, развитие типов крестов «пламенеющих» либо «с устьицами» иногда происходило вторично, на базе первоначально сформировавшихся устойчивых моделей четырех- и восьмиконечных крестов-тельников. В связи с этим отнесение данных морфологических черт к второстепенным

по сравнению с основными морфологическими особенностями, иконографией и палеографией подвесок чаще всего представляется оправданным. В случаях, когда связь сильно декорированных разновидностей со слабо декорированными не была столь очевидна, типы выделялись по традиционной схеме: морфологические признаки определялись как первостепенные, декор – как второстепенный (например, типы 11 и 12).

При выборе названия типа применялся изографический метод, но в тех случаях, когда можно было выявить историческое (этнографическое) наименование (например, «листик», «мужской крест»), выбор делался в пользу последнего. Для обеспечения возможности краткой ссылки на хронотипологию типы пронумерованы.

Старую нумерацию типов представлялось целесообразным сохранить, дополнив отдельные категории новыми подтипами, сохраняя в общем существующую нумерацию типов и обеспечивая тем самым преемственность в псковской литературе по данному вопросу.

Тип 1. Крупные восьмиконечные кресты с килевидным завершением нижней лопасти (рис. 1)

Тип 1.1

XVI–XVII вв.

Крупные восьмиконечные кресты с килевидным завершением нижней лопасти, с изображенным тонкими контурными линиями 8-конечным крестом с терновым венцом и Орудиями Страстей в технике «жемчужницы», с невысокой лещадной горкой в виде плетенки и однострочными надписями в медальонах: «ЧРЬС» (*с лигатурой «ЧР», где петли «Р» и «Ер» – треугольные*); «НС ХС» (*«И» в виде «Н»*); «ННКЯ» (*с лигатурой «НН», с написанием «А» в форме «Я»*).

Тип 1.1. А

XVI–XVIII вв.

Восьмиконечные «процветшие» («пламенеющие») кресты с парными «листочками» с завитками по бокам лопастей, с ромбовидными выступами на концах горизонтальных лопастей и с килевидным завершением нижней лопасти. С изображением тонкими контурными линиями 8-конечного креста на лещадной горке (в виде невысокой двухременной плетенки) с цатой/венцом и однострочными надписями в медальонах: «ЧРЬС» (*с лигатурой «ЧР»*), «ХС» (*«I» в виде «X» с поперечным перехватом*) «ХС», «ННК» (*«И» в виде «Н»*) с титлами в виде виньетки, похожей на перевернутую лилию.

Тип 1.1. Б

XVI–XVII вв.

Крупные восьмиконечные «процветшие» кресты с парными «слезками» по бокам лопастей, с ромбовидными выступами на концах горизонтальных лопастей и с килевидным завершением нижней лопасти. С изображением тонкими контурными линиями 8-конечного креста на лещадной горке (в виде невысокой двухременной плетенки) с терновым венцом и Орудиями Страстей в технике «жемчужницы» и однострочными надписями в медальонах: «ЧРЬС» (*с лигатурой «ЧР»*), «ХС» (*«I» в виде «X» с поперечным перехватом*) «ХС»,

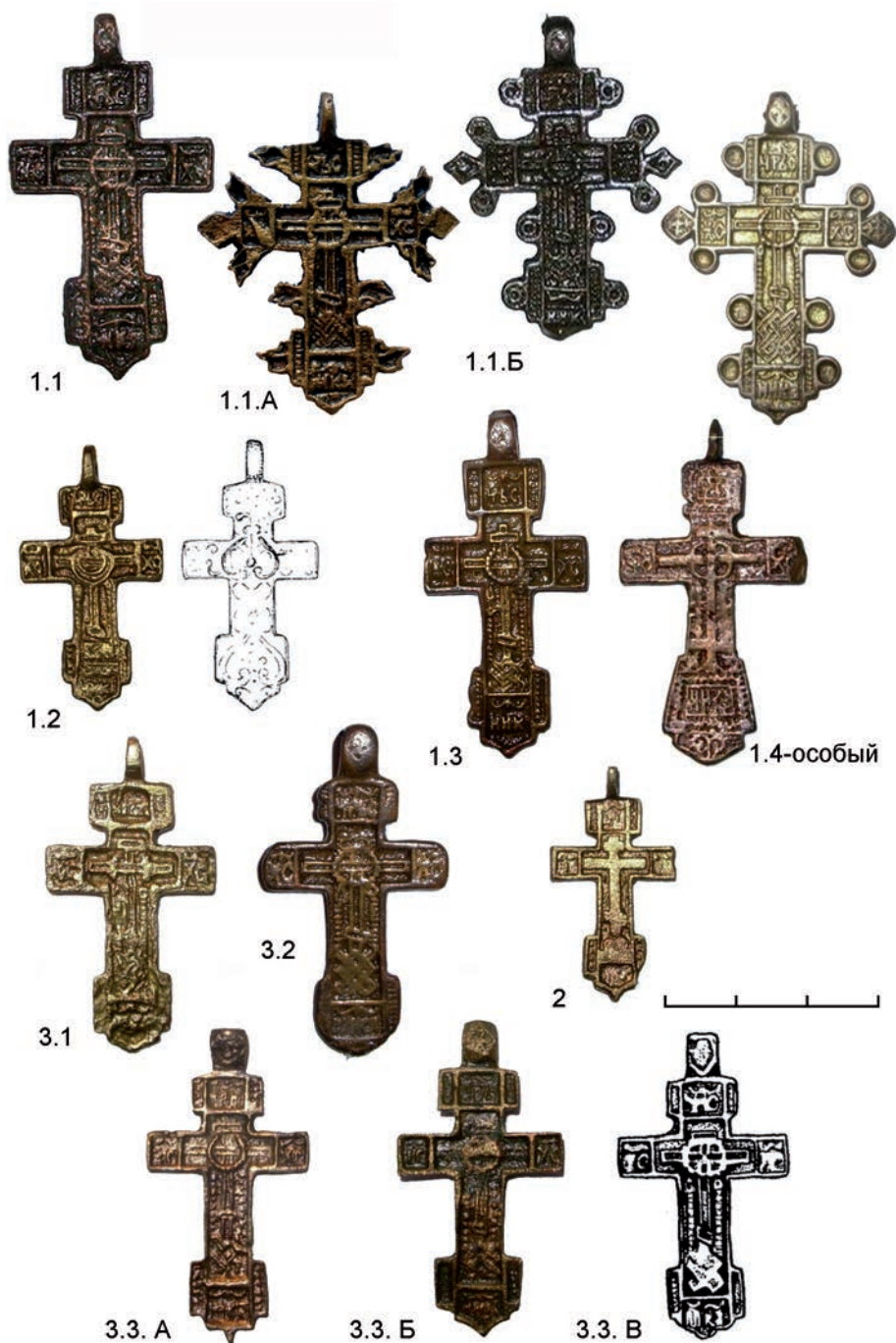

Рис. 1. Кресты типов 1-3

«ННК» («И» в виде «Н») с титлами в виде виньетки, похожей на перевернутую лилию.

Разновидность **XVII–XVIII вв.** данного подтипа выделяется только палеографическими признаками: вычурным написанием буквы «С», изображением «А» со «шляпкой», расположением перекладин букв посередине их высоты.

Тип 1.2

XVI–XVII вв.

Крупные восьмиконечные кресты с килевидным завершением нижней лопасти и с растительным орнаментом на обороте. С изображением тонкими контурными линиями 8-конечного креста на каменистой горке, с цатой и с однострочными надписями в медальонах: «Ч (Ц)РЬС» (с лигатурой «Ч(Ц)Р», с «Ч» в виде «У»), «ИС ХС», «ННК» («И» в виде «Н») с титлами в виде виньетки, похожей на перевернутую лилию.

Тип 1.3

Конец XVI–XVIII в.

Крупные восьмиконечные кресты *вытянутых пропорций* с килевидным завершением нижней лопасти, с изображением креста на лещадной горке (в виде невысокой двухременной плетенки), терновым венцом и Орудиями Страстей в технике «жемчужницы» и с однострочными надписями в медальонах: «ЧРЬС» (с лигатурой «ЧР»); «ХС ХС» (где «I» в виде «X»); «НИК» (где перекладина в «Н» проходит посередине, а перекладина «И» доходит до середины); с титлами в виде виньетки, похожей на перевернутую лилию.

Тип 1.4 особый

XVI–XVII вв.

Крупные восьмиконечные кресты с трапециевидным расширением и килевидным завершением нижней лопасти. С изображением 8-конечного креста с терновым венцом на треугольной горке и с Орудиями Страстей, с однострочными надписями в дополнительных рамках без титла: «ЧРЬС» (с лигатурой «ЧР»), «ХС («I» в виде «X» с поперечным перехватом) ХС», «ННК» («И» в виде «Н»).

Тип 2. Средние восьмиконечные кресты с килевидным завершением нижней лопасти (рис. 1)

Тип 2.1

XVII–XVIII вв.

Средние восьмиконечные кресты с килевидным завершением нижней лопасти, с узким ушком, изображением 8-конечного креста (без тернового венца) на горке в виде пьедестала с двумя округлыми возвышениями, с надписью вязью «ЦРЬЛ» и инициалами под титлами.

Тип 3. Крупные восьмиконечные кресты с заостренным завершением нижней лопасти и изображением креста с т-образной вершиной (рис. 1)

Тип 3.1

XV–XVII вв.

Крупные восьмиконечные кресты с килевидным завершением нижней лопасти с изображенным тонкими контурными линиями 7-конечным крестом на лещадной горке (в виде высокой двухременной плетенки) с терновым

венцом и Орудиями Страстей в технике «жемчужницы» и однострочными надписями в медальонах: «ЧРЬС»; «ІС» («І» в виде Х с перехватом) «ХС» (высокими буквами); «НИКА» («А» с «брюшком»); с титлами в виде виньетки, похожей на перевернутую лилию.

Тип 3.2

XVI–XVIII вв.

Крупные восьмиконечные кресты с оплывшим рельефом и сглаженным контуром, завершением нижней лопасти в виде лопатки, с широким ушком, с изображением тонкими контурными линиями 7-конечного креста на лещадной горке (в виде высокой массивной двухременной плетенки) с терновым венцом и Орудиями Страстей в технике «жемчужницы», с однострочными надписями высокими ровными буквами в медальонах: «ЧРЬС»; «ІС ХС» (где «І» и «Х» в виде одинаковых «Х» с поперечной черточкой посередине), «НИКА»; с титлами в виде виньетки, похожей на перевернутую лилию.

Тип 3.3 (с разновидностями)

XVI–XVII вв.

Крупные восьмиконечные кресты с широким ушком (с крестом в ромбе) с изображением тонкими контурными линиями 7-конечного креста на лещадной горке (в виде двухременной плетенки), с терновым венцом и Орудиями Страстей в технике «жемчужницы», с однострочными надписями в квадратных медальонах.

Тип 3.3. А

С квадратным завершением нижней лопасти и острым треугольным выступом снизу, с изображением Голгофы в виде высокой двухременной плетенки, с надписями под титлами: «ЧРЬ» (с квадратными петлями «РЬ»), «ХС ХС» (где «І» в виде «Х»), «НИКА» (где «І» в виде «Н»; с лигатурой «НН»).

Тип 3.3. Б

С килевидным завершением нижней лопасти, с изображением Голгофы в виде невысокой двухременной плетенки, с надписями: «ЧРЬ/ЧРС» (с лигатурой «ЧР»), «ІС ХС», «ННК», с титлами в форме тильды.

Тип 3.3. В

С килевидным завершением нижней лопасти, с изображением Голгофы в виде невысокой двухременной плетенки, с надписями в медальонах: «ЧРС» (с лигатурой «ЧР» и с буквой «С» с характерными закруглениями), «ХС ХС» (где «І» в виде «Х»), «НИКА» (где «І» в виде «Н»; с лигатурой «НН»).

Тип 4. Средние по размеру восьмиконечные кресты с невысоким рельефом, узким либо средним по ширине ушком, с изображением 7-ли 8-конечного креста с однострочными надписями в медальонах (рис. 2)

Тип 4.1

XV–XVII вв.

Средние по размеру восьмиконечные кресты с невысоким рельефом, узким либо средним по ширине ушком, с изображением 7-ли 8-конечного креста с терновым венцом на каменной горке и однострочными надписями в медальонах: «ЧРЬС» (где буквы «Ч», «Р» иногда залигованы); «ІС (где «І» с перехватом) ХС»; «НИК»/«ННК».

Рис. 2. Кресты типов 4-6

Тип 4.2**XVI–XVII вв., XVII в.**

Средние по размеру восьмиконечные кресты с широким (кубическим, граненым) ушком с изображением 7-конечного креста в терновом венце и с надписями: «ЧРСЛ» (где буква «Р» имеет треугольную петлю), «ХС (где «I» в виде «X») ХС», «ННКА» с лигатурой «НН» (где «И» в виде «Н», «А» в виде «Я»).

Тип 4.3 особый**XV–XVI вв.**

Средние по размеру восьмиконечные кресты с трапециевидным расширением и треугольным окончанием нижней лопасти, с невысоким рельефом, узким ушком и надписями высокими буквами: «ЧЬ», «ХС ХС», «КН» (?), с изображением ветви и кольца (?) на обороте.

Тип 5. Мелкие восьмиконечные кресты с заостренным завершением нижней лопасти (рис. 2)

XVI–XVII вв.

Для типа дается общая датировка. Подтипы выделены на основании морфологических особенностей, однако в силу малого размера этих предметов, плохой сохранности или изначального отсутствия надписей на них палеография дает недостаточно данных для их более узкой датировки.

Тип 5.1

Мелкие восьмиконечные кресты со средним по ширине ушком и треугольным завершением нижней лопасти, с изображением 7-конечного креста в терновом венце на высокой лещадной горке (в виде двухременной плетенки) и с надписями в медальонах: <?>, «IC ХС», <?>.

Тип 5.2

Мелкие восьмиконечные кресты со средним по ширине ушком с оплывшим рельефом и сглаженным контуром, с завершением нижней лопасти в виде лопатки.

Тип 5.3

Мелкие восьмиконечные кресты со средним по ширине ушком с квадратным завершением нижней лопасти и острым треугольным выступом снизу, с изображением 7-конечного креста на высокой лещадной горке (в виде двухременной плетенки) с терновым венцом в технике «жемчужницы» и однострочными надписями под титлами в медальонах.

Тип 6. Четырехлопастные трапециевидноконечные крупные кресты с изображением в высоком рельефе (рис. 2)

Тип 6.1**XV–XVI вв.**

Четырехлопастные трапециевидноконечные крупные (высотой около 5 см) кресты с изображением в высоком рельефе креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с каймой по периметру подвески, с надписями «ЧРЬ СВЫ», «IC ХС», «НН КА», «МЛРБ», «К», «Т» на лицевой стороне, и с 10-строчным текстом Псалма 67 («ДА ВОСКРЕСНЕТ БГЪ...») крупными буквами в крестовидной рамке на обороте.

Тип 6.2**XVII–XVIII вв.**

Четырехлопастные трапециевидноконечные крупные (высотой около 5 см) кресты с изображением в высоком рельефе креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с каймой, в которую помещен текст Псалма 50 («ПОМИЛУЙ МЯ БОЖЕ...»), по периметру с двух сторон подвески. С надписями «ЦРЬ СВЫ», «ИС ХС», «НН КА», «МЛРБ», «К», «Т» на лицевой стороне, и с 17-строчным текстом Псалма 67 мелкими буквами на обороте.

Тип 6.3**Конец XVI–XVIII в.**

Крупные четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с «устьицами», с изображением в высоком рельефе 8-конечного креста с Орудиями Страстей на Голгофе и надписями под титлами: «ЦРЬ СВЫ», «ИС ХС», «НН КА», «МЛРБ», «К», «Т» на лицевой стороне, с декоративной каймой по периметру подвески, в которой читаются фрагменты Псалма 67. Восходят к облику типа 6, дополненному литым декором в средокрестии.

Тип 6.4**Конец XVII–XVIII в.**

Крупные четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с фигурным ушком, «язычками» по периметру подвески, с «устьицами» в средокрестии, завершающимися шишками, с изображением в высоком рельефе 8-конечного креста с Орудиями Страстей на полукруглой Голгофе. С надписями под титлами в виде тильды: «ЦРЬ СЛВЫ» (в две строки), «ИС ХС», «СНЪ БЖИ», «ННКА» на лицевой стороне, с многострочным текстом на обороте. Восходят к облику типов 6.1–6.2, дополненному литым декором в средокрестии и по периметру.

Тип 6.5**XVII–XIX вв.**

Четырехлопастные трапециевидноконечные укрупненные (высотой около 6 см) кресты с расширенными по сравнению с типами 6.1–6.2 лопастями, с изображением в высоком рельефе креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с надписями на лицевой стороне «ЦРЬ СВЫ», «ИС ХС», «НН КА», «МЛРБ», «К», «Т», с каймой по периметру.

Тип 6.6**XVII–XVIII вв.**

Четырехлопастные трапециевидноконечные крупные кресты с лучами сияния в средокрестии (прямыми либо расширяющимися в форме раструба), полихромным эмалевым изображением 8-конечного креста на Голгофе, с каймой по периметру и с надписями в прямоугольных рамках в концах лопастей. Восходят к облику типа 6.2, дополненному литым декором в средокрестии. Встречается вариант с цветочным орнаментом на тыльной стороне.

Тип 7. Четырехлопастные прямоугольноконечные средние кресты с изображением в высоком рельефе (рис. 3)

Тип 7.1**XVI–XVII вв.**

Четырехлопастные средние (около 4,5 см высотой) прямоугольноконечные кресты низкокачественной отливки с односторонним изображением в высоком рельефе восьмиконечного креста с Копием и Тростью, нечитаемыми надписями (изображающими традиционные монограммы «ЧРЬ СВЫ», «ІС ХС», «К», «Т», «НИКА» или «МЛРБ»).

Имитируют типы 6.1. и 6.2 (модель получена путем оттиска лицевой стороны).

Тип 7.2

XVII–XVIII вв.

Четырехлопастные средние по высоте (около 4,5 см) прямоугольноконечные массивные кресты с изображением в высоком рельефе 8-конечного креста с Копием и Тростью на массивной горке, с заглубленными надписями: на лицевой (в концах лопастей – «ЧРЬ СЛАВЫ», и, вероятно, «ІС ХС»; вдоль лопастей – «Крестъ твоємѹ покланяемѹ») и оборотной (многострочный текст Псалма 67).

Тип 8. Был исключен из классификации, поскольку после реставрации кресты оказались аналогичными типу 10.4.

Тип 9. Средние четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с изображением в невысоком рельефе (рис. 3)

Тип 9.1

XVII–XVIII вв.

Средние (около 4,5 x 3 см) четырехлопастные прямоугольноконечные кресты, широколопастные, с тонкой пластиной, с изображением в невысоком рельефе 8-конечного креста с терновым венцом, Копием и Тростью, с надписями на лицевой стороне: «ЧРЬ», «ІС ХС» в квадратных рамках, «К» и «Т» – в боковых ветвях, с выпуклым текстом Псалма 50 или иным на обороте.

Тип 9.2

XVII–XVIII вв.

Средние четырехконечные кресты с изображением 8-конечного креста, на лицевой стороне – с надписями в форме несложной вязи: «ЦРЬСЛ», «ІС» «ХС» (под титлами), «КОП», «ТРО», «НКЯ», с надписью внутри горизонтальных лопастей креста «Крестъ Твоємѹ покланяемѹ».

Тип 9.3

XVII–XVIII вв.

Средние (около 4,5 x 3 см) четырехлопастные прямоугольноконечные кресты, с тонкой пластиной, широколопастные, с изображенным тонкими контурными линиями 8-конечным крестом с Копием и Тростью, с надписями на лицевой стороне: «ЧРЬ», «ІС ХС» в круглых рамках, «КО» и «ТР» в боковых ветвях, с текстом молитвы на обороте в круглых медальонах: «Крест...» или иным.

Тип 10. Средние четырехконечные кресты с пространными надписями на обороте (рис. 3; 4)

Тип 10.1 (рис. 3)

XV в.

Средние (около 4 см высотой) четырехлопастные кресты с изображенным контурными линиями 8-конечным крестом на ступенчатой Голгофе, с крупными выпуклыми инициалами «ЧРЬ», «ІС» «ХС» на лицевой стороне и с надписью крупными буквами на обороте («крестъ твоємѹ поклан»).

Рис. 3. Кресты типов 7, 9, 10

Тип 10.2 (рис. 3)**XVII вв.**

Средние (около 4 см высотой) четырехконечные кресты с бортиком по периметру, с изображенным тонкими контурными линиями 7-конечным крестом на треугольной с двумя отрогами Голгофе, с крупными инициалами «ЧРЬ» «ІС» (с «І» в виде «Х») «ХС» на лицевой стороне и началом текста Псалма 67 на обороте мелкими четкими выпуклыми буквами.

Тип 10.3 (рис. 3)**XVII–XVIII вв.**

Средние (около 4 см высотой) четырехконечные кресты с заглубленным изображением 8-конечного креста на Голгофе с двумя отрогами, крупными инициалами: «ЦРЬ» «ІС» «ХС» на лицевой стороне и началом текста Псалма 50 крупными буквами, с лигатурами, на обороте.

Тип 10.4 (рис. 4)**XV–XVII вв.**

Средние (около 4,5 см высотой) четырехконечные кресты с рамкой по периметру, с изображением в высоком рельефе 8-конечного креста на Голгофе, инициалами «ЧРЬ» «ІС» «ХС» на лицевой стороне в квадратных рамках, заглубленной надписью крупными буквами на обороте («оружие *через букву «омега»*) крест твои...») либо без надписи на тыльной стороне.

Тип 10.4. А (рис. 4)**XVII–XVIII вв.**

Средние четырехконечные кресты с лучами сияния в средокрестии, рамкой по периметру, с изображением в высоком рельефе 8-конечного креста на Голгофе, с инициалами на лицевой стороне, надписью крупными выпуклыми буквами на обороте.

Тип 10.4. Б (рис. 3)**Конец XVIII–XIX в.**

Уменьшенные четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с венцом, украшенным шариками, вокруг средокрестия с изображением в высоком рельефе 8-конечного креста на Голгофе, с нечитаемой надписью крупными буквами на обороте.

Тип 10.5 (рис. 4)**XVII–XVIII вв.**

Крупные (свыше 6 см высотой) четырехконечные кресты *вытянутых пропорций* с заглубленным изображением широколопастного 8-конечного креста на Голгофе, надписями на лицевой стороне: «ЧРЬ СЛЯ (А)» (в две строки, «А» в виде «Я»), «ІС» «ХС» (в фигурных рамках), «К», «С», «К», «Т» (под титлами), с заглубленной надписью мелкими буквами на обороте («крест хранитель всея вселенне...») либо без надписи.

Тип 10.6 (рис. 4)**XVII–XVIII вв.**

Средние (около 4 см высотой) четырехконечные кресты с заглубленным изображением тонкого 7-конечного креста с терновым венцом, на Голгофе,

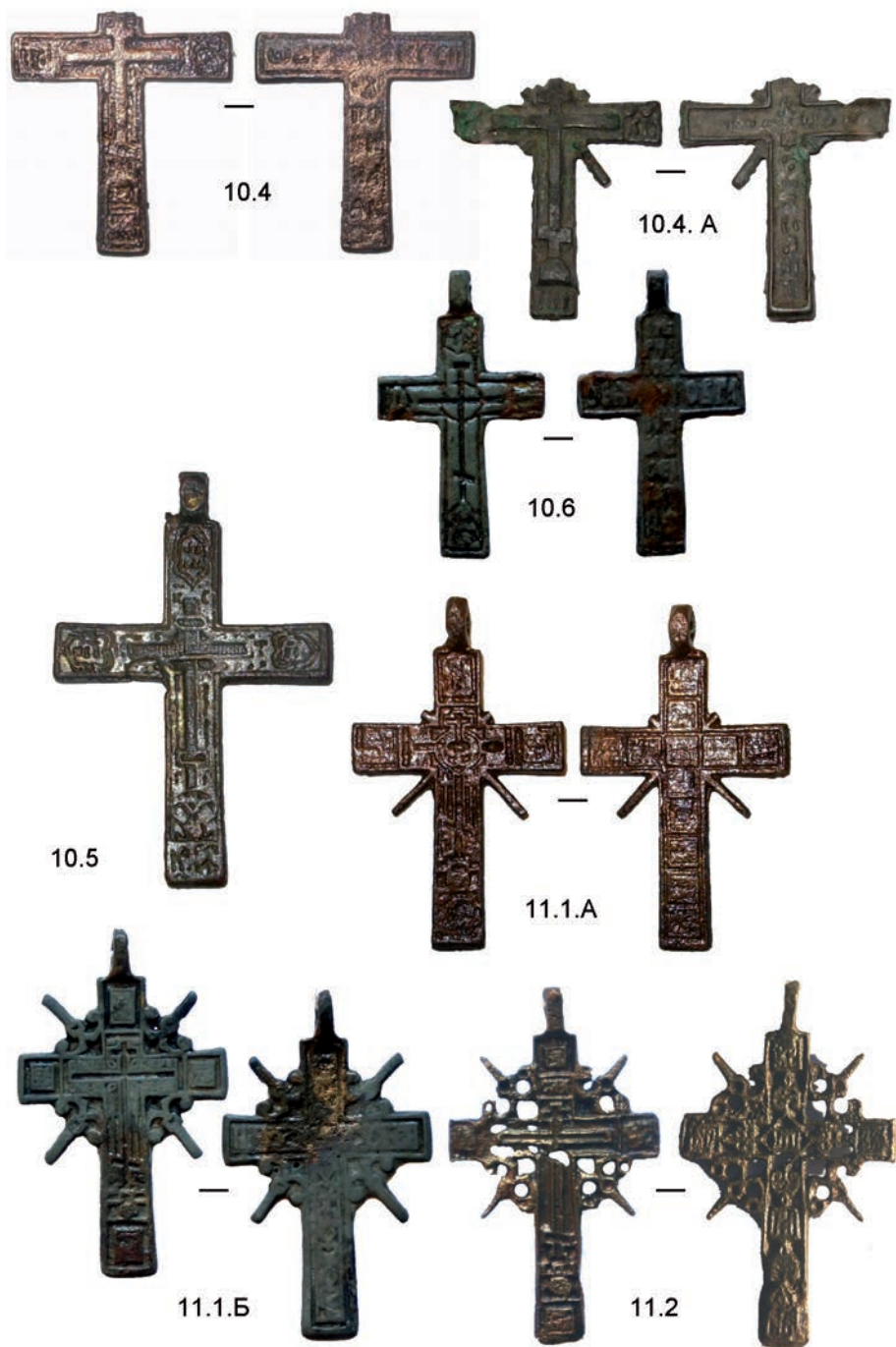

Рис. 4. Кресты типов 10, 11

с надписями на лицевой стороне, в рамках либо без них: «ЧРЪ», с инициалами, с гладкой либо заполненной выпуклой надписью тыльной стороной.

Тип 11. Крупные прямоугольноконечные кресты с изображением Голгофы и литым декором в средокрестии (рис. 4; 5)

Тип 11.1. А, Б (рис. 4)

XVII–XVIII вв.

Крупные четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с выпуклым бортиком по периметру, с лучами сияния (А) либо с устьицами (Б), с изображенным контурными линиями 8-конечным крестом, иногда с цатой, на ступенчатой Голгофе, с надписями внутри выделенных прямоугольных площадок: на лицевой стороне – «ЦРЬ СЛА», «ІС ХС», на тыльной стороне – имитация пространного текста в квадратных рамках либо в сочетании с орнаментом из сердцевидных листков.

Тип 11.2 (рис. 4)

Конец XVII–XVIII в.

Крупные четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с устьицами, с изображением в высоком рельефе 8-конечного креста с Орудиями Страстей на Голгофе и с надписями (*иногда в рамках*) под титлами «ЦРЬ СВЫ», «ІС ХС», «НН КА» (*с «И» в виде «Н»*), «МЛРБ» на лицевой стороне. С узкими лопастями без характерной для типов 6.2 и 6.3 каймы по периметру, на обороте – с многострочной надписью либо с надписью в квадратных медальонах в сочетании с орнаментом.

Тип 11.3 (рис. 5)

XVII–XVIII вв.

Средние и крупные четырехлопастные прямоугольноконечные кресты, «процветшие» по контуру, с устьицами либо фигурным терновым венцом с шариками либо лучами сияния. С изображенным контурными линиями 8-конечным крестом с цатой на массивной Голгофе. С заливочными инициалами в квадратных рамках с цветной эмалью и нечитаемой надписью в квадратных медальонах на обороте.

Тип 11.4 (рис. 5)

XVII–XVIII вв.

Крупные четырехлопастные прямоугольноконечные «процветшие» кресты, украшенные черной, белой, желтой и зеленой эмалью. С лучами сияния в виде бутонов, с ромбическими цветками на концах лопастей, композицией из листьев вокруг завершения нижней лопасти, а также с изображением на лицевой стороне в технике «жемчужницы» широколопастного 8-конечного креста с цатой, с надписями «ЧРЪС», «НС ХС» (в две строки), «копие», «трост», и с пространной надписью на лицевой и оборотной сторонах.

Тип 12. Кресты с венцом в средокрестии и с прямым либо фигурным завершением лопастей (рис. 5)

Тип 12.1

XVII–XVIII вв.

Средние четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с фигурным терновым венцом в средокрестии и с изображением на лицевой стороне широколопастного 8-конечного креста с цатой.

Рис. 5. Кресты типов 11, 12

Тип 12.2**XVII–XVIII вв.**

Крупные (около 5 см высотой) четырехлопастные кресты с утолщением на завершении лопастей в форме купола (листа), с фигурным терновым венцом (с лучами сияния либо с шариками) вокруг средокрестия. С изображением

8-конечного креста с цаптой выпуклыми контурными линиями, с надписями либо в двойных квадратных/круглых рамках с текстом по периметру, либо в фигурных рамках с растительным орнаментом: «ЦРЬ СЛТЬ», «ИС ХС», «НН КА», «МЛРБ» на лицевой стороне, с текстом: «крестъ твоємъ покланяемся...», размещенным на обороте в виде квадратных композиций из двухстрочных фрагментов по 6 букв либо из трехстрочных фрагментов по 12 букв. На лицевой стороне некоторых экземпляров по периметру подвески, в том числе и по кругу в медальонах на концах крестов, располагается текст Псалма 67.

Тип 12.3**XVII в.**

Крупные двусторонние четырехлопастные крестики с каплевидными концами и с фигурным венцом вокруг средокрестия, с полихромной эмалью. На лицевой стороне изображен 8-конечный крест с Орудиями Страстей, в концах лопастей – четырехлучевые мандорлы, на обороте – растительный орнамент.

Тип 13. Мелкие четырехлопастные прямоугольноконечные крестики с изображением 8-конечного голгофского креста (рис. 6)

Тип 13.1**XVI–XVII вв.**

Мелкие (около 3 см высотой) четырехлопастные прямоугольноконечные крестики с низкорельефным изображением 8-конечного креста на треугольной Голгофе, инициалами «НС ХС» в квадратных рамках и многострочной надписью на обороте.

Тип 13.2**XVI–XVII вв.**

Мелкие (около 3 см высотой) четырехлопастные прямоугольноконечные крестики с выпуклым бортиком по краю, с изображением тонкого 8-конечного креста и Орудий Страстей, выпуклыми надписями высокими буквами: «ИС ХС» на лицевой стороне и «крест – хранитель вся вселенная» на обороте.

Тип 13.3**XVII в.**

Мелкие (около 3 см высотой) четырехлопастные прямоугольноконечные крестики с изображением тонкими контурными линиями 8-конечного креста, с инициалами на лицевой стороне в квадратных рамках и надписью в 6 круглых медальонах на обороте.

Тип 13.4**XVI–XVII вв.**

Мелкие (около 3 см высотой) четырехлопастные прямоугольноконечные крестики с изображением 8-конечного креста на полукруглой Голгофе, без текстов либо с низкорельефными надписями.

Тип 13.5. А, Б**XVII–XVIII вв.**

Мелкие четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с чернью с лучами сияния, варьирующиеся по содержанию текстов и элементам иконографии:

А) с изображением 8-конечного креста и надписями в квадрифолийных рамках: «ЦРЬ» (*лигатура*), «ІС ХС» на лицевой стороне, на тыльной стороне с надписью «Крест Хранитель Всея Вселенне Крест Красота...»;

Б) с черневым изображением 8-конечного креста с наклоненными от него Орудиями Страстей, с инициалами в ромбических рамках, с надписью на обороте в крестовидной рамке-плетенке на Голгофе: «ги (*под титлом*) оружие крест...» (измененный текст стихиры из 8 Гласа Октоиха).

Тип 14. Четырехлопастные трехлопастноконечные кресты (рис. 6)

Тип 14.1

XVIII вв.

Четырехлопастные трехлопастноконечные средние (высотой около 4 см) кресты с изображенным контурными выпуклыми линиями крестом с цатой на Голгофе, с нечитаемыми надписями в декоративных ромбических медальонах со «слёзками» на лицевой стороне и с началом текста Псалма 67 в круглых медальонах на обороте стилизованными буквами.

Тип 14.2

XVI–XVII вв.

Четырехлопастные трехлопастноконечные мелкие (высотой около 3,5 см) кресты с изображением креста на Голгофе, с нечитаемыми надписями в одинаковых декоративных ромбических медальонах со «слёзками» как на лицевой стороне, так и на обороте.

Тип 15. Ланцетовидноконечные кресты с изображением Голгофы (рис. 6)

Тип 15.1

XVI–XVIII вв.

Четырехлопастные ланцетовидноконечные средние по размеру кресты с изображением в высоком рельефе голгофского 8-конечного креста, с массивными выпуклыми надписями «ЧРЬ С...», «ІС ХС» и другими.

Тип 16. Четырехконечные широколопастные («мужские старообрядческие») кресты (рис. 6)

Тип 16.1

XVI–XVIII вв.

Четырехконечные широколопастные средние (высотой около 4–4,5 см) кресты с изображением креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с выпуклым бортиком по периметру подвески, с надписями «ЧРЬ СВЫ», «ІС ХС», «СНЪ БЖИ» (под титлами) на лицевой стороне и с пространным многострочным текстом Псалма 67 с сокращениями мелкими выпуклыми буквами на обороте.

Тип 16.2

XVII–XIX вв.

Четырехконечные широколопастные крупные (высотой около 5,5 см) кресты с изображением креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с бортиком по периметру подвески, иногда с цветной эмалью, с надписями «ЧРЬ СЛВЫ», «ІС ХС», «СНЪ БЖИ», «НИКА» на лицевой стороне и с пространным многострочным текстом Псалма 67 на обороте мелкими выпуклыми буквами.

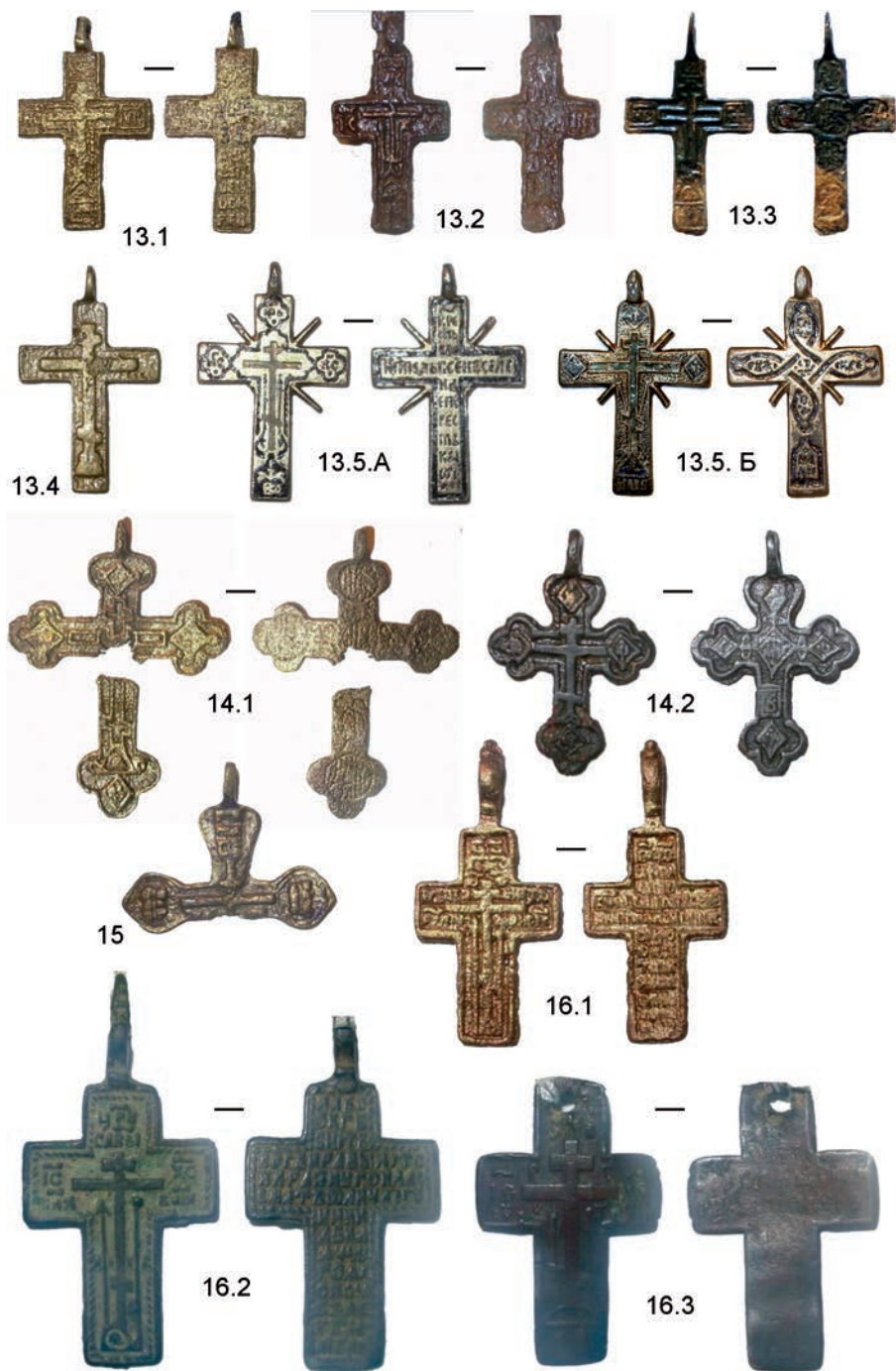

Рис. 6. Кресты типов 13–16

Тип 16.3**XIX–XX вв.**

Штампованные тонкие (с толщиной пластины менее 1 мм) четырехконечные широколопастные средние (высотой около 4,5 см) кресты с изображением креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с надписями «ЧРЬ СВЫ», «ИС ХС», «СНЪ БЖИ» (под титлами в форме тильды), на лицевой стороне и с пространственным многострочным текстом Псалма 67 аккуратными мелкими, стилизованными под устав, буквами на обороте.

Тип 17. Ромбовидные кресты с изображением Голгофы («листки»)
(рис. 7)

XVII–XX вв.

Четырехконечные кресты с литым декором с растительным орнаментом в пространстве между прямоугольными лопастями, завершающимися треугольной виньеткой, придающими подвеске форму ромба («листика»). С изображением 8-конечного креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с надписями «ЧРЬ СВЫ», «ИС ХС», «СНЪ БЖИ» (под титлами) на лицевой стороне и с пространственным многострочным нечитаемым текстом на обороте. Декорированы эмалью, различаются по размерам и предназначению:

Тип 17.1

Так называемые «женские» кресты, «женские листики»: крупные (высотой около 6 см).

Тип 17.2

Так называемые «девичьи» кресты, «девичьи листики»: средние (высотой около 4 см).

Тип 17.3

Так называемые «младенческие» крестики. Миниатюрные, в форме геометрически правильного ромба, без выраженных лопастей. С сокращенными надписями на лицевой и оборотной стороне.

Тип 18. Четырехлопастные криноконечные кресты с изображением 8-конечного креста на Голгофе (рис. 7)

Тип 18.1**XVI–XVIII вв.**

Четырехлопастные криноконечные кресты с изображением 8-конечного креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с бортиком по периметру подвески, с надписями «ЦЬ...», «ИС ХС», «НИК» (с лигатурами) в квадратных рамках на лицевой стороне и с орнаментом в виде завитушек на обеих сторонах.

Тип 18.2**XVII–XVIII вв.**

Четырехлопастные криноконечные со смыкающимися концами кресты со «слёзками» по периметру, с изображением креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с надписями «ЧРЛ СЛЯ (А)» («А» в виде «Я»), «НС ХС» («И» в виде «Н») в рамках на лицевой стороне либо со вставками из круглых камней или стекла в оправках в концах лопастей.

Тип 19. Был исключен из классификации.

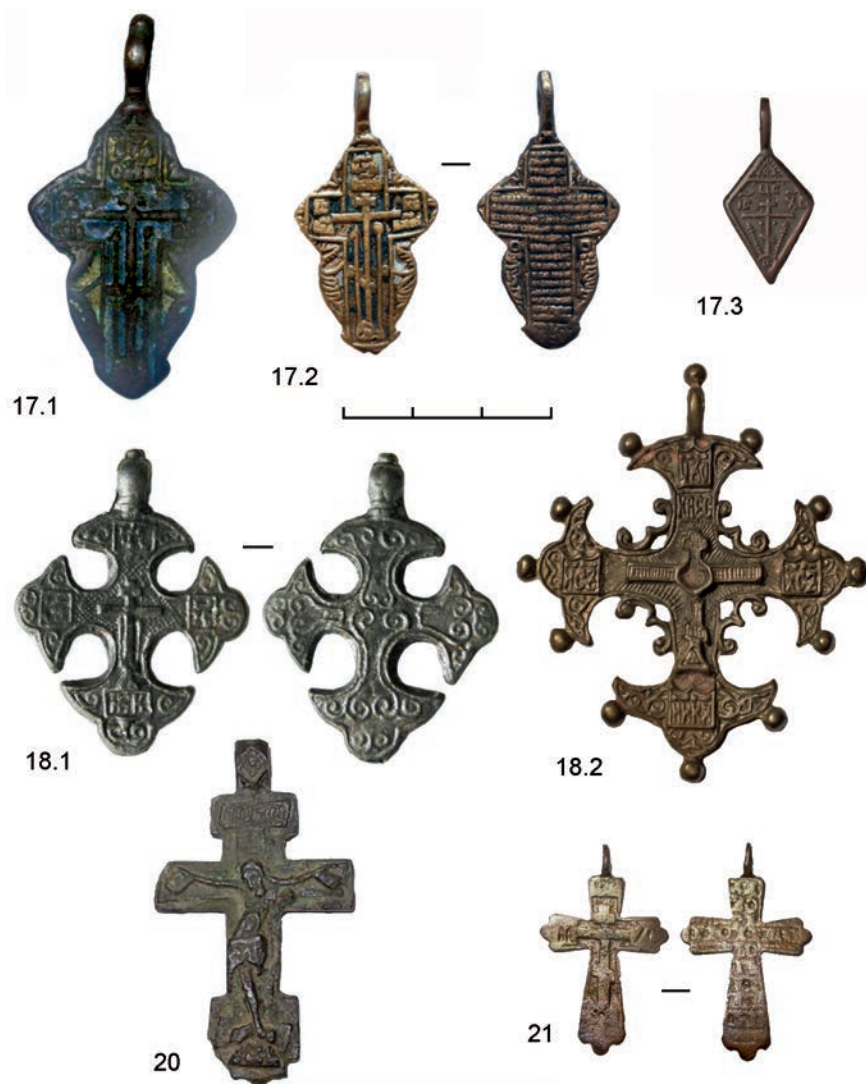

Рис. 7. Кресты типов 17, 18, 20, 21

Тип 20 (рис. 7)**XV–XVII в.**

Крупные восьмиконечные кресты с килевидным завершением нижней лопасти, с крестом в ромбе на ушке, с рельефным изображением Распятия и с однострочной надписью на титле креста над головой Христа: «IC XC».

Тип 21 (рис. 7)**XVII–XX вв.**

Мелкие кресты, литые либо штампованные, с трапециевидно расширяющимися концами и округлым, простым либо тройным, или прямым

завершением лопастей. С низкорельефными изображением креста на Голгофе и инициалами, с декором, возможно, имитирующим надпись на обороте.

Таким образом, по итогам выстраивания новой типологии и комплексного датирования выделенных типов, широкие, длительностью в два века, временные диапазоны бытования «голгофских» крестов следует по-прежнему признать нормой. Вместе с тем удалось значительно сузить временные рамки бытования отдельных разновидностей крестов за счет разделения типов и определения палеографических особенностей надписей на подвесках.

Справедливо сказать, что речь в новой классификации идет даже не о типах, а о моделях. Однако в интересах создания хронологической шкалы развития позднесредневековых христианских древностей подобное дробление оказалось неизбежным.

Предполагается, что практическая значимость данной работы заключается в возможности ее использования в качестве прикладного пособия для датирования вещей в ходе полевых археологических работ и составления научных отчетов о раскопках.

Литература

- Винокурова Э. П.*, 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.
- Гнутова С. В., Зотова Е. Я.*, 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. М.
- Иванова О. А.*, 2015. Палеографическое датирование нательных крестов: Курсовая работа студентки исторического факультета ПсковГУ / Науч. рук. Ю. В. Колпакова; науч. консультанты: д. ф. н. Л. Я. Костючук (ПсковГУ), д. ф. н. Т. В. Рождественская (СПбГУ). Псков.
- Колпакова Ю. В.*, 2009. Нательные кресты с изображением Голгофы среди предметов личного благочестия жителей Пскова и Псковской земли // Европейский путь России: Ордин-Нащокинские чтения. Вып. 1. Псков. С. 173–188.
- Колпакова Ю. В.*, 2016. Итоги изучения элементного состава нательных крестов с надписями из позднесредневековых погребений в Пскове и Изборске // АИППЗ. М-лы 61-го заседания (2015 г.). Вып. 31. Псков. С. 57–78.
- Молодин В. И.*, 2007. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск.
- Островский А. Б.*, 2007. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб.: Арт-палас. 347 с.

Е. В. Салмина, С. А. Салмин, Р. Г. Подгорная

Новый Торг Пскова: результаты проекта и дальнейшие перспективы¹

E. V. Salmina, S. A. Salmin, R. G. Podgornaya. The New Torg of Pskov: Project Results and Perspectives

Abstract. The work on the project “The New Torg of Pskov of the 16–18th centuries according to archaeology and written sources” lasted for two years. The most important result was complete reconstruction of the New Torg of Pskov interior layout on the entire area. Archaeological materials, chronicles and scribes books, documents of the 18th c., pictorial sources and urban plans were taken into account. Combined plans of the street network elements that existed on the territory of Torg, plans of separate sites and shopping lines (torgovye raydy) and inner pavings (according to the excavations of 1955, 1967, 1982, 1987, 2005, 2011–2012), compared with the historical plans of the city of Pskov of the 18–19th centuries and with the results of the paleorelief reconstruction of the site were composed. The combined catalog of finds collections from the excavations on the New Torg of Pskov territory includes more than 8,000 units. Certain observations of the specifics of “material culture of the Torg (Market)” are fulfilled, “goods” and specific complexes of Torgovye raydy and Gostiny Dvor are singled out.

Ключевые слова: Новый Торг, уличная сеть, торговые ряды

Keywords: New Torg (Market), street network, shopping lines

В 2016 г. был завершен серьезный этап работы по исследовательскому проекту «Новый Торг Пскова XVI–XVIII вв. по данным археологии и письменных источников», поддержанному Российским гуманитарным научным фондом. В работе принимали участие ученые из Пскова, Москвы, Петербурга, Казани.

Причиной обращения к теме псковского Нового Торга стали археологические открытия 2011 г., когда при раскопках были открыты на большой площади развалины деревянных конструкций торговых рядов XVI в., которые буквально впечатлили как широкую публику, так и специалистов (*Подгорная, Салмина, 2012. С. 127–149; 2013. С. 24–35*). Вскоре после первоначального осмысления результатов было принято решение о необходимости комплексного обобщения результатов археологических работ на этом участке города.

Раскопки 2011–2013 гг. были далеко не первыми, хотя, возможно, и самыми удачными раскопками на этом участке. Археологическое изучение Нового Торга

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-11-60005.

Пскова ведется с середины XX в. Нередко раскопки оказывались сопряженными со сложностями, не позволявшими завершить начатые работы (Гроздилов, 1962. С. 38–42; Ершова, 1988. С. 148–149; Михайлов, Яковлева, 2007. С. 29–44). В конце XX в. довольно успешно изучалась окраинная территория Торга (Лабутина, 1994. С. 6–43), а также территория в его восточной части, но на сегодняшний день материалы этих раскопок введены в научный оборот в незначительной степени, в форме кратких обзоров (Яковлева, 2009. С. 15; 2010. С. 13–14) или сюжетов, посвященных отдельным ярким комплексам (Подгорная и др., 2009. С. 42–58).

Долгожданное исследование Нового Торга, когда культурные отложения наконец были исследованы полностью до материка на большой площади, состоялось в 2011–2013 гг. на Лужских II, III, IV раскопах (руководители работ – Р. Г. Подгорная, Е. В. Салмина, С. А. Салмин). Важнейшими результатами этих раскопок стало, во-первых, раскрытие большого участка хорошо сохранившихся сооружений Нового Торга XVI–XVII вв., во-вторых – фиксация участков городской стены 1374/1375 гг.

Важнейшим результатом работы по проекту стала реконструкция внутренней планировки Нового Торга Пскова на всей площади. Были учтены данные археологии, летописей и писцовых книг, изобразительных источников и городских планов, использованы полученные ранее результаты локализации двух мясных рядов (Салмина и др., 2014. С. 31–41; 2014а. С. 328–331). Общие сводные планы элементов уличной сети, существовавшей на территории Торга, и планы отдельных участков сооружений торговых рядов совмещены с историческими планами Пскова XVIII–XIX вв. и с результатами реконструкции палеорельефа участка. Среди важнейших результатов этой части работы – довольно точная локализация ряда объектов, в настоящее время не имеющих наземных признаков: Гостиного двора приезжих гостей московских, Льяного и Соленого дворов. Неожиданный результат дало изучение комплекса раскопов восточной части Торга: если до начала исследования эта территория представлялась «нерегулярной» частью Торга, где сочетались «жилые» и «торговые» зоны, то фактически оказалось, что такая необычная планировка может быть соотнесена с территорией гостиных дворов.

Выполнен сводный план открытых при раскопках фортификационных сооружений (стен и рвов) 1374/1375 г., формирующих западную границу Нового Торга, скорректирована реконструируемая трасса скрытого в культурных отложениях памятника (Салмина и др., 2015). Реконструирован палеорельеф территории Нового Торга, охарактеризованы предполагаемые природно-ландшафтные условия территории. Данные сопоставлены с аналогичными результатами, полученными в результате проектов РГНФ №№ 08-01-00376а и 09-01-00376а «Петровский конец Пскова XV–XVIII веков по данным археологии и письменных источников», скорректированы некоторые данные прошлых лет, в конечном итоге получено широкое пространственное представление об этой части Окольного города в составе общей топографической картины Пскова периода вхождения его в состав Московского государства.

Получены обширные данные естественно-научных определений. Сохранность археологической древесины позволила взять более 260 образцов (раскоп

Лужский II 2011 и 2012 гг.). Коллекция обработана к.и.н. М. И. Кулаковой. Датировать удалось чуть более 40% коллекции. Полученные даты позволяют говорить, что большая часть исследованных конструкций Нового Торга сооружена в первые десятилетия после присоединения Пскова к Московскому государству. При этом порубочные даты ряда бревен позволяют говорить о том, что они были заготовлены еще до даты политических потрясений, а для некоторых – что они использованы вторично. Результаты определения пород древесины (автор – к.б.н. И. Г. Соколова) из мостовой и построек показали доминирующие породы деревьев, используемых в постройках и в разных группах изделий – хвойные породы, в основном сосна, реже – ель.

Наиболее важными оказались результаты определения остеологических материалов, выполненные к.и.н. Л. В. Яворской). Анализ многотысячных скоплений фрагментов челюстей коров убедительно интерпретирован как род дорожного замощения (*Яворская, 2013. С. 1179–1189; Яворская, 2014. С. 42–55*). Результаты обработки остеологических материалов с территории гостиных дворов, где существенную часть остеологической коллекции составляли кухонные отходы, показали их сходство с материалами других средневековых городов и разительные отличия от материалов торговых площадей. Впервые получены результаты определения костей птиц с территории Нового Торга (см. статью Д. Н. Шаймуратовой и И. В. Аськеева в настоящем сборнике).

Выделены основные черты хозяйственных и производственных построек, проанализированы выявленные при раскопках ремесленные комплексы – мастерские, располагавшиеся и функционировавшие непосредственно на территории Нового Торга (в составе торговых рядов и на отдельных лавочных местах). Результаты соотнесены с данными Писцовой книги, в которых места расположений специализированных мастерских «судоплатов»-жестянщиков соотносятся с раскрытыми при раскопках комплексами.

В сводный каталог вещевых коллекций раскопов на территории Нового Торга Пскова вошло более 8000 единиц. Проведена работа по дополнительной атрибуции части находок (в том числе консультации со специалистами), для этой же цели проделаны мероприятия по дополнительной расчистке и консервации некоторых находок из металла. В каталоге объединены коллекции, хранящиеся в фондах ПГОИАХМЗ и камеральной лаборатории ПАЦ, добавлены данные о предположительно утраченной части коллекций.

Сделаны наблюдения над спецификой «материальной культуры Торга». Выделены категории «товаров», соотносимые со специализацией рядов согласно письменным источникам, определен специфический «инструментный» комплекс Мясных торговых рядов, проанализирован вещевой комплекс Гостинного двора, сочетающий в себе черты материальной культуры богатой городской усадьбы и территории временного проживания приезжего иногороднего населения (*Салмина и др., 2016*).

На 60-м и 61-м заседаниях нашего Семинара работала специальная тематическая секция «Новый Торг Пскова и торговые связи Восточной Европы»; результаты работы были представлены также на конференции «История

гандлю на тэрыторыі Беларусі” (Минск, 24–25 сентября 2015 г.). В настоящее время работа по этой теме продолжается в рамках подготовки коллективной монографии «”Торг Болшей”: Новый Торг Пскова XVI–XVIII веков по данным археологии и письменных источников»

Подводя итоги, мы можем сказать, что археологическое исследование псковского Нового Торга позволило не только получить новую информацию о градостроительной ситуации в Пскове XVI–XVII вв. и конструктивных особенностях рыночной застройки, не только поставить вопрос о выявлении новых критериев выделения археологических вещевых комплексов торговых площадей и других общественных пространств, но и попытаться одновременно осмыслить данные археологических, письменных и картографических источников. Представляется, что этот опыт может быть использован для работы с материалами соседних территорий, что позволит в результате выйти на качественно новый уровень обобщений.

Литература

- Гроздилов Г. П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962.
- Ершова Т. Е., 1988. Новоторговский-5 раскоп на Полонище // АИППЗ: тез. докл. науч.-практ. конф. Псков.
- Лабутина И. К., 1994. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // АИП. Вып. 2. Псков.
- Михайлов А. В., Яковлева Е. А., 2007. Археологические исследования на Ново-Торговом IV раскопе // АИППЗ. Материалы 52-го заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. Псков.
- Подгорная Р. Г., Салмина Е. В., 2012. Раскопки Нового Торга в Пскове в 2011 году (предварительные обобщения) // ННЗ. Вып. 26: Материалы научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности. Великий Новгород.
- Подгорная Р. Г., Салмина Е. В., 2013. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор) // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). Псков.
- Подгорная Р. Г., Френкель Я. В., Яковлев А., 2009. В. Исследование отложений XVIII века в Новоторговском V раскопе // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (15–17 апреля 2008 г.). Псков.
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2014а. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2014 г.). Псков.
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2014б. Археологическое изучение торговых площадей русского позднесредневекового города (на примере Нового Торга Пскова) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Казань.
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2015. Исследования стены 1374/1375 г. в 2011–2013 гг. на Лужских II, III, IV раскопах // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (22–24 апреля 2014 г.). Псков.
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., Михайлов А. В., 2016. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопов 2005–2013 гг.) // АИППЗ. Материалы 61-го заседания (14–16 апреля 2008 г.). Псков.

- Яворская Л. В.*, 2013. «Костные вымостки» в древнерусских городах. «Анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. Т. 92, № 9.
- Яворская Л. В.*, 2014. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский II в Пскове // АИППЗ Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2014 г.). М.; Псков; СПб.: Нестор-История.
- Яковлева Е. А.*, 2009. Псковский археологический центр в 2007 году // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (15–17 апреля 2008 г.). Псков.
- Яковлева Е. А.*, 2010. Археология в Пскове в 2008 году // АИППЗ: Материалы 55-го заседания, посвященного юбилею профессора И. К. Лабутиной (13–15 апреля 2009 г.). Псков.

Д. Н. Шаймуратова, И. В. Аськеев

Кости птиц и некоторых млекопитающих из Лужских раскопов Псковского Нового Торга (по материалам археологических раскопок 2011 и 2013 гг.)

D. N. Shaymuratova, I. V. Askeyev. The Bones of Birds and Certain Mammals from Luzhsky Excavation Site of New Torg in Pskov (According to Archaeological Excavations in 2011 and 2013)

Abstract. This article presents the first results of the species identification and morphological diagnosis of the bird remains from medieval cultural layers of Pskov (Luzhsky excavation site of New Torg). Species and morphological diagnostics of the bones of birds and some mammals not previously defined were performed. Despite the fact that the number of birds in the all animal bones samples were not large, the information received has allowed to find out the value of the birds in the economic life of the inhabitants of medieval Pskov. The bird remains from the cultural layers of different periods may indicate the presence of the poultry and hunting of wild birds. Detection of anatomically complete tibia of European mink (*Mustela lutreola*) is the first finding of this species in the medieval archaeological sites in the North-West of Russia.

Ключевые слова: кости птиц, остатки европейской норки, средневековье, Новый Торг, Псков.

Keywords: birds bones, European mink (*Mustela lutreola*) remains, New Torg (Market), Pskov.

Псковский Новый Торг – один из важнейших археологических объектов г. Пскова. Археологическое изучение Нового Торга началось еще в середине XX в., однако полное детальное исследование культурных слоев (Лужские раскопы) было осуществлено в 2011–2013 гг. под руководством Р. Г. Подгорной, Е. В. Салминой, С. А. Салмина (*Салмина и др.*, 2014) в рамках проекта «Новый Торг Пскова 16–18 веков по данным археологии и письменных источников» (РГНФ, № 14–11–60005 а (р)).

В ходе раскопок Нового Торга были обнаружены кости млекопитающих, птиц и рыб (*Яворская*, 2014. С. 44, табл. 1; С. 46, табл. 2; С. 47, табл. 3)¹. Кости

¹ Авторы благодарят Л. В. Яворскую за переданную для изучения коллекцию костей птиц и млекопитающих.

птиц были переданы нам для изучения. Среди костей птиц нами диагностированы кости млекопитающих, которые не были определены.

Остатки птиц извлечены из двух раскопов – Лужский II 2011 г. и Лужский III 2013 г. раскопок. Всего в нашем распоряжении оказалось 29 костей птиц и 2 кости млекопитающих. Кости птиц извлечены из слоев периода Псковского Нового Торга – XVI–XVIII вв. и раннегородского времени – XII – начала XIV в. Остатки млекопитающих относятся к слоям конца XIII – начала XIV в. Кости птиц и млекопитающих происходили из различных участков раскопов (табл. 1) и были извлечены стандартным ручным методом сбора.

Среди костей птиц имеются анатомически полные кости (31% от всех костей) и фрагменты (69% от всех костей). Видовая диагностика проводилась с использованием сравнительной коллекции костей современных и субфоссильных птиц и млекопитающих лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Измерение костей проведено штангенциркулем с точностью до 0,1 мм согласно стандартным промерам (*Driesch*, 1976. P. 81, 86, 113, 116–127). Возраст и пол птиц определялся по размерным показателям костей и внешним структурным особенностям, а также по наличию у взрослых птиц медуллярного слоя (*Serjeantson*, 2009. P. 35–47). Медуллярный слой – это запас кальция, который образуется во внутренней полости кости и используется для формирования скорлупы яиц в период кладки. «Породный тип» домашних кур установлен на основе размеров костей (*Аськеев и др.*, 2011. С. 167, табл. 1. С. 167–170). Реконструкция массы тела домашних птиц выполнена на основе уравнений регрессии, полученных по отношениям размеров костей задних конечностей и массы тела: для домашних кур использовались оригинальные данные И. В. Аськеева, для домашних гусей расчет проводился по формулам, взятым из работы К. Е. Кембела и Л. Маркуса (*Campbell and Marcus*, 1992. P. 404, table 2). Все исследованные нами кости птиц и млекопитающих хранятся в коллекции субфоссильных остатков животных лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан.

Кости из культурных слоев раннегородского времени. Раскоп Лужский II. Из культурных слоев данного периода идентифицировано 11 костей птиц и 2 кости млекопитающих. Видовая диагностика костей птиц показала их принадлежность к 2 домашним видам – домашней курице *Gallus gallus f. domestica* (9 костей от 6 особей) и домашнему гусю *Anser anser f. domestica* (2 кости (фрагменты) от 2 особей). Все кости домашних кур и гусей принадлежали взрослым (adult) особям.

Кости домашней курицы в основном представлены элементами крыла и задних конечностей, элементы таза встречены в виде фрагментов. Значения измерений костей представлены в таблице 2.

Согласно размерам костей, домашнюю курицу из раннегородского периода Пскова в целом можно отнести к среднему «породному типу». В представленной выборке были идентифицированы кости от 2 самок (куры) и 2 самцов (петухи). Необходимо отметить, что для 1 кости (тибиотарзус) пол установлен по наличию в полости кости медуллярного слоя. По общей длине бедренной кости удалось реконструировать массу тела одной самки – 1,6 кг.

Таблица 1

Распределение идентифицированных костей птиц и млекопитающих по участкам Лужских раскопов из слоев раннегородского времени (XII – начало XIV в.) и периода существования Нового Торга (XVI–XVIII вв.).

Название и год раскопа	Этикетка	Датировка слоев	Название вида	Количество костей, экз.
Лужский II, 2011	уч. Л, я. 15	XII–XIII вв.	Домашняя курица	1
Лужский II, 2011	уч. А, пл. 18–19	XII–XIII вв.	Домашняя курица	1
Лужский II, 2011	уч. Л, я. 29	XII–XIII вв.	Домашняя курица	2
Лужский II, 2011	уч. Л, я. 42	XII–XIII вв.	Домашний гусь	1
Лужский II, 2011	уч. З, пл. 13	кон.XIII – нач.XIV в.	Домашняя курица	3
Лужский II, 2011	уч. З, пл. 13	кон.XIII – нач.XIV в.	Домашний гусь	1
Лужский II, 2011	уч. З, пл. 14	кон.XIII – нач.XIV в.	Домашняя курица	2
Лужский II, 2011	уч. Л, пл. 11	кон.XIII – нач.XIV в.	Европейская норка	1
Лужский II, 2011	уч. З, пл. 12	кон.XIII – нач.XIV в.	Домашняя кошка	1
Лужский II, 2011	уч. А, пл. 16	пер. пол. XVI в.	Домашняя курица	3
Лужский II, 2011	уч. А, пл. 16	пер. пол. XVI в.	Домашний гусь	1
Лужский II, 2011	уч. А, пл. 16	пер. пол. XVI в.	Глухарь	1
Лужский II, 2011	уч. А, пл. 14	пер. пол. XVI в.	Тетерев	2
Лужский II, 2011	уч. А, пл. 14	пер. пол. XVI в.	Кряква	2
Лужский II, 2011	уч. А, пл. 14	пер. пол. XVI в.	Белолобый гусь	1
Лужский II, 2011	уч. Б, пл. 15, кв. 17, я. 20	пер. пол. XVI в.	Домашний гусь	1
Лужский III, 2013	пл. 9–16	XVII – нач. XVIII в.	Домашняя курица	5
Лужский III, 2013	пл. 9–16	XVII – нач. XVIII в.	Домашний гусь	2
Всего костей птиц				29
Всего костей млекопитающих				2

Млекопитающие, идентифицированные в раннегородских культурных слоях, представлены большой берцовой костью (тибия) европейской норки *Mustela lutreola* (рис. 1, б) и лучевой костью домашней кошки *Felis catus*. Tibia норки принадлежала взрослому самцу. На диафизе кости просматривается след прирези. Возраст кошки установлен как полувзрослый (subadult) – около 6 месяцев. Следов разделки на кости не обнаружено. Значения измерений костей норки и кошки представлены в таблице 3.

Кости из культурных слоев периода Нового Торга. Раскопы Лужский II и Лужский III. Исследованный нами материал из культурных слоев времени Нового Торга представлен 18 костями птиц. Определено 6 видов из 2 отрядов – курообразных (Galliformes) и гусеобразных (Anseriformes). В отличие от слоя раннегородского времени, где отмечены кости только домашних птиц, в выборке из слоев периода Нового Торга идентифицированы остатки диких видов. В количественном отношении преобладали кости домашних птиц: 8 костей от 4 взрослых особей принадлежали домашней курице. По анатомическому составу в данной выборке представлены в основном элементы крыла и задних конечностей. Единично диагностированы элементы тазовой кости. Пол установлен для 3 костей – 2 самки и 1 самец. Для одной бедренной кости курицы отмечено наличие медуллярного слоя. Согласно проведенным измерениям костей, домашних кур из слоев периода Нового Торга можно отнести к среднему «породному типу».

Таблица 2

Значения измерений (в мм) костей птиц из слоев раннегородского времени (1) и периода Нового Торга (2). Обозначение измерений даются по: *Driesch, 1976*.

Вид	Кость	GL	Вр	Др	Bd/Did	BF	Dd	Dip	SC/SW
Домашняя курица	1 Коракоид, ♂	57,8			16	12,5			4,9
	1 Плечевая	66,7	18,9		14,4		8,2		6,2
	1 Плечевая	–	–		–		–		6,9
	1 Плечевая	–	–		–		–		7
	2 Плечевая	68,2	19,2		14,5		8,6		6,15
	2 Плечевая	73	21		14,5		–		7
	2 Локтевая	72	9		9,8			13	4,5
	2 Локтевая	71,1	9,3		10,5			13,1	4,1
	2 Локтевая	65,2	8,6		8,7			12,3	3,6
	2 Локтевая	–	–		10,1			–	4,2
	1 Бедренная, ♀*	70,8	–	10,1	13,4		11,5		6,5
	1 Бедренная	–	15	10,5	–		–		6,1
	1 Бедренная, ♂	–	17,4	11,8	–		–		6,8
	2 Бедренная, ♀	–	–	–	13,7		11,7		6,3
1 Тибиотарзус, ♀*	–	–	–	–		–	19,7	5,2	
Домашний гусь	2 Плечевая	–	–		–		–		10,6
	1 Тибиотарзус	–			–		–	–	8,3
	2 Тибиотарзус	–			16,2		17,4	24,2	8,6
	2 Тибиотарзус	–			–		16,5	–	8,8
2 Тибиотарзус	–			–		–	–	8	
Белолобый гусь	2 Лучевая	–	7,9		–				4,3
Кряква	2 Плечевая, ♂	–	21,5		–		–		
	2 Тибиотарзус	–			9,5		10,2	–	5,1
Тетерев	2 Коракоид	–			–	–	–		5,9
	2 Плечевая, ♂	–	22,4		–		–		7,8
Глухарь	2 Локтевая, ♂	133,6	16,7		16,6			22,7	7,7

* – кости от 1 особи.

Таблица 3

Значение измерений костей млекопитающих из слоев раннегородского времени. Обозначение измерений даются по: *Driesch, 1976*.

Вид	Кость	GL	Вр	Bd	SD
Европейская норка	Большая берцовая	52,3	10,6	7,1	3
Домашняя кошка	Лучевая	59,8	6,1	9	4,5

Пояснение к таблицам 2 и 3. Расшифровка обозначений измерений.

GL – наибольшая длина кости; Вр – ширина проксимального (верхнего) эпифиза; Др – глубина проксимального эпифиза; Bd – ширина дистального (нижнего) эпифиза; BF – ширина базальной артикулярной фасции дистального эпифиза; Dd – глубина дистального эпифиза; Did – диагональная ширина дистального эпифиза; Dip – диагональная ширина проксимального эпифиза; SC/SW/SD – наименьшая ширина диафиза.

В меньшем количестве идентифицированы кости домашнего гуся – 4 кости от 4 взрослых особей. По размеру обхвата диафиза тибиотарзуса реконструирована масса тела для трех особей: 4,6 кг; 4,8 кг и 3,99 кг.

Остатки диких птиц представлены 4 видами: тетерев *Lyrurus tetrix* – 2 кости от 1 взрослого самца, глухарь *Tetrao urogallus* – 1 кость от взрослого самца, кряква *Anas platyrhynchos* – 2 кости от взрослого самца, и белолобый гусь *Anser*

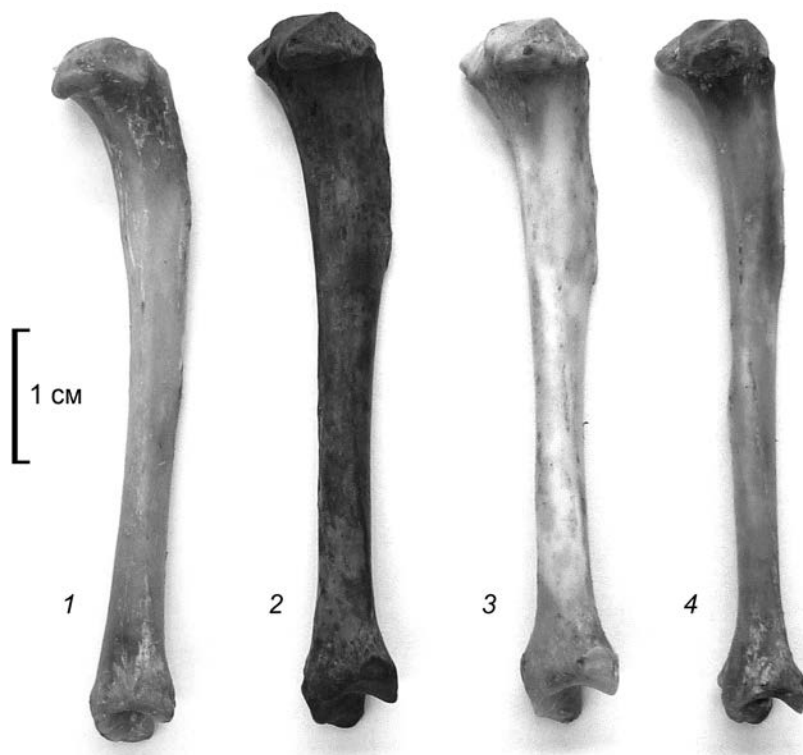

Рис. 1. Сравнение большой берцовой кости (тибии) трех представителей семейства куньих (*Mustelidae*): 1 – современный темный хорь (*Mustela putorius*); 2 – европейская норка из раскопа Лужский II; 3 – современная европейская норка; 4 – современный колонок (*Mustela sibirica*)

albifrons – 1 кость без установленного пола. В таблице 2 представлены значения измерений костей этих видов.

Несмотря на то, что количество костей птиц из Лужских раскопов Пскова невелико, полученная информация позволила выяснить значение птиц в хозяйственной жизни жителей средневекового Пскова. Костные остатки птиц, выявленные в слоях, характеризующих раннегородское время и период существования Нового Торга, могут указывать на наличие птицеводства и охоту на диких птиц, представленных лесными и водоплавающими видами, торговлю продуктами такой охоты. В целом выявленный видовой состав птиц из Лужских раскопов относительно сходен с видовым составом из средневековых городов Северо-Запада России – Новгородом (*Hamilton-Dyer*, 2002. Р. 101–104; *Зиновьев*, 2011. С. 280, табл. 1; *Maltby*, 2013. Р. 239, tab. 8; *Gorobets, Kovalchuk*, 2016, Р. 4, tab. 2) и Старой Ладогой (*Galimova et al.*, 2015. Р. 12), с преобладанием остатков домашней курицы. Отсутствие остатков диких птиц в культурных слоях раннегородского времени Пскова все же не исключает охоту на них в данный период.

Наличие в культурных слоях костей домашних кур с медулярным слоем может свидетельствовать о разведении этих птиц непосредственно на территории города и использовании их для получения яиц. Размеры костей псковских домашних кур и гусей сходны с размерами костей домашних птиц из средневековых археологических памятников Среднего Поволжья (Аськеев и др., 2013. С. 123–124), Москвы (Бурчак-Абрамович, Цалкин, 1969. С. 50), Центральной Европы (Makowiecki, Gotfredsen, 2002. Р. 77–82; Mlíkovský, 2003. Р. 226–231) и Украины (Уманская, 1972. С. 75–90; Gorobets, Kovalchuk, 2016. Р. 13, tab. 18). Практически на всех костях домашних и диких птиц просматриваются следы прирезей, локализованных преимущественно на диафизе кости. Отмечены одиночные и множественные повторности (серия прирезей), что свидетельствует о значении птиц в первую очередь как пищевого ресурса. На пищевой характер использования птиц также указывает преобладание трубчатых костей крыльев и задних конечностей (Ericson, 1987. Р. 65–75).

Обнаружение большой берцовой кости европейской норки является первой зафиксированной находкой этого вида в слоях средневековых археологических памятников на территории Севера-Запада России. Костные остатки данного вида очень редко были диагностированы в средневековых археологических памятниках Европы (Паавер, 1965. С. 345; табл. 92; Sommer, Benecke, 2004. Р. 253, table 1; Р. 261). Необходимо отметить, что А. В. Зиновьевым высказывается предположение о возможности будущих находок целых скелетов мелких кунных, в том числе и норки, в пределах средневекового Новгорода Великого и его окрестностей (Зиновьев, 2014. С. 86, 92).

Литература

- Аськеев И. В., Аськеев О. В., Галимова Д. Н., 2011. Становление птицеводства и развитие домашних птиц на территории Волго-Камья (по археозоологическим данным) // Археология и естественные науки Татарстана: сб. науч. ст. Кн. 4: Посвящается памяти д. б. н. Айды Григорьевны Петренко. Казань: Институт истории АН РТ.
- Аськеев И. В., Галимова Д. Н., Аськеев О. В., 2013. Птицы Среднего Поволжья в V–XVIII вв. н. э. (по материалам археологических раскопок) // Поволжская археология. № 3 (5).
- Бурчак-Абрамович Н. И., Цалкин В. И., 1969. Птицы из археологических раскопок в Московском кремле // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. Т. 74. № 6.
- Зиновьев А. В., 2011. Птицы средневекового Новгорода Великого (X–XIV вв.): фаунистический состав и хозяйственное значение // ННЗ. Вып. 25. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник.
- Зиновьев А. В., 2014. Охотничьи виды млекопитающих средневекового Новгорода Великого и его окрестностей (по археозоологическим данным) // Вестник ТвГУ. Серия «Биология и экология». № 4.
- Паавер К. Л., 1965. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Тарту.

- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г.*, 2014. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных // АИППЗ. Материалы 59-го заседания. Вып. 29: М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История.
- Уманская А. С.*, 1972. Домашние птицы из археологических памятников Украины // Природная обстановка и фауны прошлого. Киев: Наукова думка. Вып. 6.
- Яворская Л. В.*, 2014. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологическое исследование раскопа Лужский II в Пскове // АИППЗ. Материалы 59-го заседания. Вып. 29. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История.
- Campbell K. E., Marcus L.*, 1992. The relationships of hindlimb bone dimensions to body weight in birds. (Natural History Museum of Los Angeles County Science Series; 36.)
- Driesch A. V. D.*, 1976. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Vol. 1. Cambridge: Harvard Univ.
- Ericson P. G. P.*, 1987. Interpretations of archaeological bird remains: A taphonomic approach // Journal of Archaeological Science. Vol. 14, no. 1.
- Galimova D. N., Askeyev I. V., Askeyev O. V.*, 2015. The bird bones from Medieval town Staraya Ladoga // Abstracts of The X Nordic Meeting on Stratigraphy & The XI Nordic Conference on The Application of Scientific Methods. Helsinki: University of Helsinki.
- Gorobets L., Kovalchuk O.*, 2016. Birds in the medieval culture and economy of the East Slavs in the 10–13th centuries AD // Environmental Archaeology. DOI: 10.1080/14614103.2016.1141088
- Hamilton-Dyer S.*, 2002. The bird resources of medieval Novgorod, Russia // Acta Zoologica Cracoviensia. 45 (special issue).
- Makowiecki D., Gotfredsen A. B.*, 2002. Bird remains of medieval and post-medieval coastal sites at the Southern Baltic sea, Poland // Acta Zoologica Cracoviensia. 45 (special issue).
- Maltby M.*, 2013. The exploitation of animals in towns in the Medieval Baltic trading network: a case study from Novgorod // Археология Балтийского региона/Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Мاستыковой, А. Н. Хохлова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История.
- Mlíkovský J.*, 2003. Vögel aus der frühmittelalterlichen Burg Mikulčice, Mähren // Studien zum Burgwall von Mikulčice. 5 / Ed. L. Poláček. Brno.
- Serjeantson D.*, 2009. Birds. Cambridge Manuals in Archaeology. New York: Cambridge University Press.
- Sommer R., Benecke N.*, 2004. Late-and Post-Glacial history of Mustelidae in Europe // Mammal Rev. Vol. 34, no. 4.

И. К. Лабутина

**К истории строительства четвертой
каменной стены средневекового Пскова
(отклик на публикацию: *Гиппиус А. А., Круглова Т. В.,
Яковлева Е. А., 2014*)**

I. K. Labutina. To the History of the Medieval Pskov Fourth Stone Wall Construction (response to the publication: *Gippius A. A., Kruglova T. V., Yakovleva E. A.* The Record of the Shestodhev (Hexaemeron) of 1374 as a Source of the 14th century Pskov Historical Topography // АНРПЛ (АИППЗ). Proceedings of the Session 59. Issue 29. 2014. P. 105–115).

Abstract. Almost unexplainable part of the Entry of 1373/1374 («...pskovichi gadayut...») found a compelling interpretation in the expert analysis of A. A. Gippius, which allows the reader to understand the real meaning of the text. Like the Record as a whole, this part correlates with the news of Pskov Chronicles of the 70-ies of the 14th c. The authors rightly believe that reflections of the Pskovites («...pskovichi gadayut...») deal with an option of the fourth stone wall of Pskov route (1373/1374) and extension of the «grad» in the direction of a New Ascension. The data on the microrelief features of the settlement territory allocated for construction, proving that the plans of the fortress expansion in the direction of the New Ascension, then, were difficult to implement, is extremely valuable.

Ключевые слова: град Псков, Новое Вознесение, «гадати», «приятя», четвертая каменная стена.

Keywords: grad Pskov, the New Ascension, «gadati», «priati», the fourth stone wall.

Доклад Алексея Алексеевича Гиппиуса на 58-м заседании Псковского семинара в апреле 2012 г. был воспринят аудиторией с большим интересом. В ходе обсуждения автор доклада предложил статью своими соавторами в подготовке текста доклада к публикации Т. В. Кругловой и Е. А. Яковлевой.

Новое прочтение давно известной записи на псковском Шестодневе (Изборном Октоихе) 1374 г., предложенное А. А. Гиппиусом, позволило установить новые факты, касающиеся плана строительства крепостных сооружений в Пскове в последней четверти XIV в. и проанализировать возможности его осуществления.

Упомянутая запись, оставленная писцом Саввой – датированная, аналогична летописной по оформлению и содержанию. Наличие хронографической даты особо ценно для источников такого рода: они сравнимы с летописями

и могут подтверждать и дополнять летописные известия и сообщать новые факты. Такова и запись, ставшая предметом исследования авторов опубликованной статьи.

Дата Шестоднева (Изборного Октоиха) определялась именно по одной из записей писца этого кодекса священника Саввы, «дневник» которого на полях Шестоднева привлекал многих филологов и историков¹. Датированная (6882) Запись на л. 95 этого кодекса отличается от бытовых заметок попа Саввы. Она ценна как источник летописного характера. В тексте три известия: о совершении церкви святого Кюрила, о пребывании владыки Алексея в Пскове и третье: «...и псковичи гадают град (а) Пскова прияти на Новое Възнесение, а писал Сава попь» (Столярова, 2000. С. 307).

Первые два известия отразились и в летописном материале (с небольшим расхождением в хронографической дате – на один год – в определении даты приезда в Псков владыки Алексея); третье известие – совершенно оригинально.

Именно оно более всего привлекало исследователей Пскова: во-первых, потому, что в нем содержится единственное для XIV–XV вв. упоминание псковского монастыря Новое Вознесение; во-вторых, из-за трудности понимания смысла этого известия и попытки его раскрытия.

В настоящее время мы владеем рядом косвенных данных, касающихся возраста монастыря Новое Вознесение: он должен быть моложе монастыря Старое Вознесение (первое упоминание которого в земельной документации – XIV–XV вв., 1417/1419 гг.) (Лабутина, 2011а. С. 294, 295, прим. 8)²; запись в Синодике Нововознесенского монастыря конца XVII–XVIII вв. имен изборского князя Евстафия и членов его семьи позволила Л. А. Творогову отнести основание монастыря к периоду до 1359/1360 г. (смерть Евстафия) и даже – ко второй четверти XIV в. (Творогов, 1963. С. 183, 184).

При столь скудных сведениях о Нововознесенском монастыре еще важнее казалась разгадка смысла текста и редкой записи о нем. Ясно, что какая-то проблема заботила псковичей, что касалась она града Пскова в целом...

Был выдвинут ряд гипотез, но они оставались неубедительными.

Раскрыть планы псковичей относительно *Нового Вознесения*, отраженные в записи на Октоихе, не удавалось (Лабутина, 2009. С. 408, прим. 408). Критический разбор существующих предположений, приведенный в статье, убеждает, что «адекватной интерпретации записи до сих пор предложено не было» (с. 108).

Спасение «пришло» от А. А. Гиппиуса. Лингвистический анализ текста, проведенный им, основателен и убедителен. Главное внимание уделено семантике глагола *прияти*. Словари, дающие немало примеров значений, не содержат приемлемого для нашего случая (ближайшие – ‘присвоить, захватить’

¹ Подробный историографический обзор и описание кодекса опубликованы Л. В. Столяровой (Столярова, 1998. С. 180–192; Она же, 2000. С. 307–310).

² В грамотах 11 (XIV–XV вв.) и 12 (1417–1419) монастырь Вознесение называется с определением Старое.

и 'охватить, объять'). Привлеченные примеры летописных текстов позволяют исследователю сделать вывод, что структурно *прияти* составляет такую же пару с *прибавити*, какую у (н)яти образует с синонимичным ему *убавити* (с. 109). Наконец, приведенный А. А. Гиппиусом пример из статьи 1391 г. Никоновской летописи о строительстве в Городце («...Того же лета князь великий Михайло Александрович *прибавил* Нового городка на Волзе съ приступа, и ровь около копали») сближает текст с записью Псковского Шестоднева как по содержанию, так и по модели глагольного управления (с. 108–109).

«Загадочная часть» записи Псковского Шестоднева (Изборского Октоиха) переводится А. А. Гиппиусом так: «Псковичи думают расширить крепость Пскова в направлении Нового Вознесения» (или «до Нового Вознесения») (с. 108).

Лингвистическое обоснование перевода не только облегчает понимание текста записи, но и хорошо соотносится с насущными заботами псковичей, отраженными в летописных текстах. Авторы единодушны в том, что запись Шестоднева отражает планы псковичей на ожидающееся строительство четвертой линии каменных крепостных укреплений Пскова. Ведь запись Шестоднева отделена от начала строительства (6883) всего годом. Именно в 1374/1375 гг. осуществилась закладка четвертой каменной стены от реки Псковы к Великой реке. Авторы цитируют известия трех псковских летописей (с. 109–110), находят логическую связь между обсуждением расширения града и последующим строительством стены (С. 110). В последующей части статьи рассматриваются условия местности, где планировалось и проводилось возведение укреплений 1375 г., начало строительства, результаты выбора трассы стены.

К сожалению, на пути конкретизации верного перевода, где было установлено толкование *градъ Псковъ – крепость*, авторы в попытке интерпретации, того «что есть крепость для Пскова» оказались непоследовательными. «Что же касается сочетания *градъ Псковъ*, то оно, как хорошо известно, выступает в текстах этого времени как обозначение псковской крепости – Крома (*Лабутина*, 2011. С. 67)», – пишут авторы (С. 109). Ссылка ошибочна, в тексте Лабутинной такого утверждения нет. Исходя из вышеприведенного заключения, далее на с. 110, планируемые изменения крепости рассматриваются как расширение Крома.

Действительно, *Кром* – крепость, но внутреннее укрепление Пскова, имевшее синонимы (*детинец, город*), но никогда не обозначавшееся как *город (град) Псков (Лабутина*, 2011а. С. 334. Топографический указатель и разъяснения в тексте). В течение XIV–XV вв. пространственное значение сочетания «градъ Псковъ» менялось в сторону увеличения в связи со строительством новых линий крепостных укреплений (*Лабутина*, 2011а. С. 41, 41, 47). Между Кромом и трассой планируемой стены существовало еще два укрепления: Домантова стена и стена 1309 г. Не совсем понятен поиск конкретной части псковской крепости, соорудившейся в 1374/1375 гг., если летописи приводят ее обозначение как *четвертая стена каменная*. И, конечно, не приходится интерпретировать планы на расширение *града Пскова* как расширение *Крома* (с. 110). Расширение внутренней крепости не увеличило бы пространство града Пскова.

Итак, авторы правы и убедительны там, где связывают планы псковичей, отразившиеся в записи 1374 г., со строительством четвертой каменной стены Пскова. При этом возможное расширение территории города верно понимается ими, как изменение трассы, существовавшей внешней деревянной стены, что была «со дубом мало выше мужа» (с. 110, прим.7; с. 113). Время строительства этой стены точно не указано в летописи, но не исключено, что она была построена после нападения немцев на Псков в 1367 г., когда были сожжены посад весь (Полонище) и Запсковье (ПЛ-1. С. 23; ПЛ-2. С. 27, 101; *Алешковский*, 1978. С. 121).³ Характеристика конструкций стены позволяет считать ее необходимым, но временным сооружением.

Неизвестно, существовали ли альтернативные планы расширения псковской крепости, поэтому авторы рассматривают возможности того проекта, который упоминается в записи Шестоднева 1376 г., т. е. расширение в направлении монастыря Новое Вознесение.

Авторы характеризуют местоположение монастыря (центральная часть междуречья Псковы и Великой, примерно в 200 м от главной средневековой улицы Пскова Великой, в предстенье стены 1374/1375 гг., между Великими и Трупеховскими воротами) и анализируют черты первоначального рельефа этой территории. Анализ базируется на археологических, инженерно-геологических, палеогеографических исследованиях Е. А. Яковлевой и ее коллег, отраженных в многочисленных научных публикациях, касающихся территорий всего средневекового Пскова. В данной статье обращается внимание на главные природные объекты избранного участка – горки Васильеву и Романову (на ней находится Нововознесенский монастырь). Они разделены низиной, которая наследует местоположение рва. Микрорельеф участка должен был учитываться при строительстве крепости, и примеры использования объектов рельефа для усиления защитных свойств крепости в Пскове многочисленны. Часть из них приводятся в статье. Одним из традиционных было использование линейных понижений, обводненных или переувлажненных, служивших предстенной защитой. Так было и в случае со стеной 1374/1375 гг. (С. 112).

Как отмечают авторы, развитие посада в условиях внешней опасности требовало развития крепости.⁴ Не исключено, что планы расширения крепости в южном направлении определялись активным ростом посада вдоль Великой улицы. Эта часть посада на Полонище не вошла в состав защищенной деревянной стеной территории Пскова, как и близлежащий Нововознесенский монастырь.

В статье уделено внимание вопросам зависимости места для трассы стены от техники осады и изменения ее во времени. Так, стенобитные орудия конца XIII–XIV вв. применить в условиях низины перед стеной и примыкающей к ней возвышенности (Романова горка) было затруднительно.

³ Вероятно, что при разорении и пожаре Полонища в 1367 г. пострадали Нововознесенский монастырь и ближайшие к нему участки посада.

⁴ В середине XIV в. дворовая застройка посада уже существовала на территории, приближенной к Нововознесенскому монастырю, вблизи Великой улицы, ее участки были обнаружены на Васильевских раскопах (*Лабутина*, 2011б. С. 31, 32).

Авторы считают, что перед строителями каменной стены 1374/1375 гг. было два выбора:

«1) отклониться от существовавших деревянных укреплений, взяв монастырь под защиту городских стен;

2) проложить новую каменную ограду посада вдоль старой деревянной стены, оставив Новое Вознесение на незащищенной территории, в непосредственной близости от защищенных городских пределов» (с. 113).

Благодаря летописи мы знаем, что Псков принял второе решение. Авторы приводят убедительное основание, которыми могли руководствоваться псковичи: рациональность выбора трассы для деревянной стены (наличие удобного понижения для устройства рва у стены 1374/1375 гг., трудоемкость, затратность строительства «с учетом монастыря»; нерациональность выступа с «охватом» монастыря с точки зрения обороны). Второе решение лучше учитывало оборонительные свойства рельефа. В случае осады, монашествующие⁵ могли найти защиту в городе. Такое решение было прагматичным, связанным с наименьшими временными, финансовыми, ресурсными затратами (с. 114), и оно оправдало себя, как показывает история построенных укреплений.

Каменные стены, заложенные в 1374/1375 гг. и защитившие посад Пскова с напольной стороны и с флангов (вдоль берегов Псковы и Великой), строились, укрепляясь башнями и прикладами до начала XV в.⁶

Четвертая стена каменная являлась мощной крепостью, защитившей Псков уже в процессе строительства в 90-е годы XIV в. Вплоть до 1480 г. противники Пскова, зная боевые качества псковских фортификаций, не пытались атаковать их. До нашего времени из 9 башен на приступной стене сохранилась лишь Мстиславская башня, примыкающая к ней стена вдоль реки Великой, отдельные руинированные и даже не законсервированные участки приступной стены и свидетельства капитального основания стены в культурном слое (*Лабутина*, 1997. С. 387–392).

Об укреплении Пскова новыми каменными стенами, видимо, уже в ходе строительства знали на Руси, что отразилось в тексте обзора «А се имена всем градом рускым, далним и ближним»; «...Псковъ камень, о четырехъ стень...» (НПЛ. С. 477; *Янин*, 1995. С. 131).

Завершая рассмотрение сюжета о Записи Псковского Шестоднева 1374 г. как источника по исторической топографии Пскова не упустим самое важное.

⁵ Уточняем: не «братия». Монастырь был женским.

⁶ Стена, обозначенная в первом известии как *четвертая стена каменная (плитяная)*, позднее, до конца XIV в., именовалась: *новая стена на приступе, приступная стена*. На рубеже XIV–XV вв. ее (на приступе и флангах) стали называть *старой*, чтобы отличить от новых частей – прикладов, которые в частности, обозначали как *новая стена к старой стене на приступе*. Укрепления 1374/1375 гг. назывались *старой стеной* в 1465 г., уже в сравнении с *новой* деревянной стеной вокруг Запсковья и Полонища (*Лабутина*, 2011а. С. 40–44, 47). *Средним городом* первоначально (1510 г.), обозначали территорию города Пскова между *старой* (1374/1375 г.) и *Домантовой стеной*, затем это обозначение перенеслось на укрепления, ограничивающие эту территорию (*Лабутина*, 2011а. С. 48, 90).

Главное и первое – это открытие источника, достоверного по происхождению, но долгое время неясного по смыслу.⁷ Это впервые выполненное раскрытие содержания текста, выраженное в обоснованном его переводе. Запись «заговорила». Найденный А. А. Гиппиусом лингвистический ключ к тексту позволил оценить его содержание. И статья стала первым осмыслением информации, а авторы – первыми комментаторами.

Новое – в следующем. Получены совершенно оригинальные данные о подготовке к строительству новой крепостной стены, когда «пскововици гадают» по поводу определенного проекта расширения псковской крепости (см. выше).

Авторы впервые всесторонне рассматривают его, оценивая плюсы и минусы, прогнозируемые и реальные результаты. Это исследование ново и убедительно.

Обращение к открытому источнику вероятно не завершено. Следует вспомнить, что летописная информация о строительстве новой стены 1374/1375 гг. – подробнейшая, сравнимая, может быть, лишь с известиями об укреплении Крома. Но и она лаконична (время, объект строительства, официальные лица, организаторы строительства).

Период подготовки строительства вообще не отражен в летописях. Новый источник (Запись Шестоднева) относится к этому периоду.

Еще одно место нашего текста: «...и пскововици гадают» – будет привлекать к себе внимание, т.к. обозначение *пскововици* в псковской письменности XIV – начала XVI в. не просто адрес проживания, но часто определение социального статуса.

Обратившись к близкой теме крепостного строительства, мы обнаружим *пскововичей* среди действующих лиц летописных известий. Приведу краткий пересказ начальных сообщений о строительстве самых значимых укреплений Пскова: детинца, стены 1309 г., четвертой стены каменной 1374/1375 гг., деревянной стены 1465 г. вокруг Полонища и Запсковья.

В 1337 г. у детинца «оучиниша» («починение делати», «починиша») посадник Шолога *с мужи пскововичи (с плесковичи, с пскововичи)* (ПЛ-1. С. 17; ПЛ-2. С. 92).

В 1309 г. закладку стены плитняной (каменной) от святого Петра и Павла к Великой реке осуществляют Борис посадник *с пскововичи* (варианты: *и весь Псков, со пскововичи*) (ПЛ-1. С. 14; ПЛ-2. С. 22, 28).

В 1374/1375 гг. при великом князе Дмитриии, псковском князе Матфее и посаднике Григории Остафьевиче⁸ *пскововичи* заложили стену каменную (плинтяную) (ПЛ-1. С. 23; ПЛ-2. С. 28, 29, 104).

В 1465 (6973) году *пскововичи* «здумавши *с посажаны* и заложиша стену деревяную на Полонище и около всего посада Запсковьского ... и делаша

⁷ Имеется в виду часть текста.

⁸ А. Н. Насонов предполагал возможность неисправности текста и предлагал чтение: «при псковском князе Григории Остафьевиче, при посаднике Матфеи» (ПЛ-2. С. 28, прим. в-в). В последующих летописных известиях Григорий Остафьевич называется князем.

посажане сами своимъ и запасамъ» (ПЛ-1. С. 72); князь псковский Иван Александрович и посадника степенные Левонтий Макарьевич и Тимофей Васильевич... и *псковичи с посажане* «своихъ хоромовъ блюдоучи и заложиха стену деревяноу... а делаше *сами посажане* своим запасом, и поставиха тью стену вшу въ единою неделю» (ПЛ-2. С. 161).

Как удается проследить, все работы, связанные с началом строительства укреплений, упоминаются в летописях со ссылкой на участие *псковичей*. В 1309 и 1337 гг. стены закладываются посадником с псковичами (*посадник Борис со псковичи, посадник Шелога с псковичи*). В тех же текстах в разных списках встречаются замены наименованию *псковичи* синонимичными сочетаниями *мужи псковичи, весь Псков*.

В известии 1374/1375 гг. главная действующая сила – *псковичи*, а великий князь, псковский князь и посадник обозначены в составе торжественного заголовка к информации о важном событии и одновременно как косвенная дата («При великом князи Дмитриии...» – П1Л, ПЗЛ; «Въ лета великого князя Дмитрия ...» – П2Л).

Известия о постройке стены 1465 г. разнятся по набору действующих сил: в П1Л идея строительства принадлежит *псковичам* и *посажанам*, а само строительство осуществляется *посажанами* и их запасом; в ПЗЛ авторы проекта не называются, но рассказ традиционно содержит перечень официальных лиц (псковский князь и степенные посадники), далее названы *псковичи* и основные строители *посажане*.

В приведенных известиях везде присутствуют *псковичи*, без них подобные мероприятия не осуществляются. Как правило, в сообщениях о крепостном строительстве упоминались также посадник или посадники. Как представители исполнительной власти они возглавляли строительство. *Псковичи*, в отличие от *посажан*, члены городской общины, граждане Пскова. Судя по синонимам, применяемым к слову *псковичи* (*мужи псковичи, весь Псков*), они участвуют в решении государственных вопросов. Со времени упоминания вечевых собраний (сер. XV в.) они – участники вече, хотя и в предшествующее время упоминание *псковичей* могли свидетельствовать о действиях государства («*весь Псков*») и наличии веча (Кафенгауз, 1969. С. 90; *Алешковский*, 1978. С. 117–119).

Поскольку в повестку дня вечевых собраний XV в. часто включались вопросы финансирования строительных работ, в том числе и крепостных укреплений, очевидно, что крепостное строительство велось преимущественно на государственные средства (Кафенгауз, 1969. С. 104). Видимо, так же было и со стеной 1374/1375 гг. Но нам известен лишь один пример финансирования, предпринятого с участием *псковичей* на начальном этапе строительства 4-й стены каменной: продажа государственной земли, отраженная в купчей грамоте 70–80-х гг. XIV в. Тогда литовский князь Скиргайло купил у посадника Юрия, сотских и *всех плескович* землю и лес по рекам Великой и Мирожу. В тексте грамоты сообщается об условиях продажи и помещении вырученных средств: «... А та земля Скирманлу князю в одерень, а серебро в камень стену» (*Марасинова*, 1966. С. 46–47; *Лабутина*, 1982. С. 113–114).

Литература

- Алешковский М. Х.*, 1978. Социальные основы формирования территории Пскова X–XVI вв. (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города) // СА. № 2.
- Гиттиус А. А., Круглова Т. В., Яковлева Е. А.*, 2014. Запись Шестоднева 1374 г. как источник по исторической топографии Пскова // АИППЗ: Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29. М.; Псков; СПб. С. 105–115.
- Кафенгауз Б. Б.*, 1969. Древний Псков. М.
- Лабутина И. К.*, 1982. Псковские летописи и грамоты как источники по исторической топографии города Пскова XIV–XV веков // Русский город. Вып. 5. М.
- Лабутина И. К.*, 1997. Судьба укреплений 1374/1375 гг. в Пскове // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). СПб; Псков.
- Лабутина И. К.*, 2009. Из новых материалов по исторической топографии Пскова XIV – начала XVI в. // Великий Новгород и средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина. М.
- Лабутина И. К.*, 2011а. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.
- Лабутина И. К.*, 2011б. Роль археологических данных в изучении топографии Пскова // АИППЗ: Материалы 57-го заседания. М.
- Марасинова Л. М.*, 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.
- Столярова Л. В.*, 1988. «Дневник» псковского писца Саввы // *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М.
- Столярова Л. В.*, 2000. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.
- Янин В. Л.*, 1995. К вопросу о дате составления обзора «А се имена градом всем русским, далним и ближним» // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования, 1992–1993 годы. М.

А. Б. Постников

Основные массовые источники ГАПО для изучения псковской Церкви и духовенства в 1727–1762 гг.¹

A. B. Postnikov. Basic Mass Sources of the SAPR for Pskov Church and Clergy in 1727–1762 Study

Abstract. The goal of the article is introduction of the new mass sources for the research of the Pskov church and clergy into the scientific circulation. The work is based on the Pskov church confessional records of 1727–1762, kept in the State Archive of the Pskov Region (SAPR), which are used for research in full amount for the first time. The article presents general historiography on the subject as well as history of introduction of the confessional records into church usage. The results of the confessional records systematization in the table have afforded to define the cast of the functioning parishes in Pskov. For the period of research 597 confessional records of 57 “Pskov Town” churches were identified. They contain extensive data about the Church clergy personnel and the number of white clergy in Pskov during the first decades of the synodal period in Russian Orthodox Church history. On their basis it is possible to find out about the time and periods of clergy personnel’s service in every church, about their ascending up the “ladder of ranks”, that shows the clergy representatives life paths in the years when there were neither service records nor clergy accounts, containing biographical data. The remarkable feature of the confessional records is that they are the first source to appear where with the highest degree of completeness the people “spiritual and their household” were taken into account. They contain information about all members of the priesthood and clergy families and their age (female part including), that opens wide opportunities for the clergy representatives’ genealogies reconstruction and study of the clergy as a whole.

Ключевые слова: исповедные росписи, городское духовенство, синодальный период, Русская Православная Церковь

Keywords: confessional records, town clergy, synodal period, Russian Orthodox Church

Начало синодального периода в истории Русской Православной Церкви было ознаменовано основательным реформированием устройства высшего духовного управления. Отмена патриаршества и введение Духовной коллегии, а затем и Синода подчинило всю церковную иерархию власти абсолютного

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Церковь и духовенство Пскова в ходе реформ последней трети XVII – первой половины XVIII в.». № 16-11-60001 а(р).

монарха, да и само духовенство с тех пор оказалось встроено в систему «регулярного государства Петра I». Частичная секуляризация земель лишала Церковь хозяйственной самостоятельности, одновременно происходило «исправление духовного чина», складывавшегося в обособленное сословие. Духовенство было поставлено в зависимые условия необходимости обслуживания интересов меняющейся государственной власти. Канонические, догматические и обрядовые изменения, вызвавшие трагический раскол в Церкви с середины XVII в., продолжали нарастать, увеличивая духовное разделение в русском обществе. Несмотря на то, что церковно-государственные реформы последней трети XVII – первой половины XVIII в. в целом достаточно хорошо известны по обобщающим научным трудам, они продолжают притягивать внимание исследователей, как важный исторический опыт, сохраняющий непреходящее значение для дальнейших судеб России.

Менее изученными остаются вопросы практического воплощения внедряемых «сверху» реформ и законодательных предписаний, проблемы, связанные с их осуществлением на местах. Существенные сведения о том, как отразились церковные реформы на городском обществе, могут дать массовые источники, содержащие описания всего населения в целом или его отдельных сословий. Такие источники широко используются в трудах по исторической демографии. Но в отношении истории духовного сословия старого Пскова они оставались совершенно не разработанными. В историографии Пскова полностью отсутствуют специальные исследования, посвященные церкви и городскому духовенству первых десятилетий Синодального периода.

Существует лишь общая работа протоиерея В. Д. Смиречанского, написанная в конце XIX в. и посвященная истории Псковской епархии в целом. Она охватывает IX–XVIII вв. и является историко-статистическим сборником сведений, составленных в виде очерков. Период важнейших церковных реформ середины XVII в. – первой половины XVIII в. представлен здесь краткими и отрывочными зарисовками через биографии и деяния местных архиереев. В качестве основных источников использовались опубликованные дела Синода и архивные собрания указов Псковской духовной консистории (*Смиречанский*, 2010. С. 272–355).

Между тем, для изучения духовенства особенное значение имеют массовые документы государственного и церковно-приходского учета населения, которые составлялись на местах. Переписные книги и ревизские сказки как источники по истории псковской Церкви и духовенства последней трети XVII – первой половины XVIII в. уже привлекались нами для исследования темы (*Постников*, 2015). Предметом настоящей статьи является обозрение исповедных росписей, удачно дополняющих материалы ревизий, и имеющих самостоятельную источниковедческую ценность.

Исследованию таинства исповеди и истории его существования в Православной Восточной Церкви посвящен фундаментальный труд А. И. Алмазова (*Алмазов*, 1894), в котором собрано большое количество текстов древних памятников письменности с покаянными вопросниками и епитимийниками. Особое внимание уделено церковно-гражданским постановлениям в России, относящимся

к исповеди. В отдельной главе достаточно подробно представлено развитие законодательства о правилах обязательной ежегодной исповеди христиан с эпохи Средневековья до конца XIX в. А. И. Алмазов показал историю возникновения исповедных росписей, как особого вида церковно-приходской документации от первых попыток их введения в Москве в конце XVII в. до широкого распространения по России в 1720–30-х гг., а также последовательно изложил суть законов об исповеди, принятых в XVIII в. (Алмазов, 1894. Т. II. С. 367–387).

Личности древнерусского духовника и его дисциплинарной деятельности посвящено обстоятельное исследование С. И. Смирнова (1913). Вследствие петровских преобразований, как отмечает Смирнов, «сошло со сцены древнерусское духовничество, в котором черпали силы сторонники старого русского обряда и дореформенного уклада русской жизни» (Смирнов, 1913. С. 240–241). В то же время «верующий лишался свободы выбора духовника себе, и покаяльная семья начала представлять собою не добровольно объединившихся около духовного руководителя верующих, а известную церковно-административную единицу – приход» (Смирнов, 1913. С. 238).

В советское время документы церковного учета населения, по словам В. М. Кабузана, как важные исторические источники оказались «незаслуженно забыты». Он же вновь обратился к ним одним из первых, исследуя народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. по материалам ревизий. В своей работе по исторической демографии автор кратко представил историю введения в России исповедных росписей, правда, по недоразумению именуя их клировыми ведомостями (Кабузан, 1963. С. 82–84). Он справедливо полагал, что исповедные росписи «остаются незаменимым источником для определения численности женского населения тех периодов, когда ревизии его не учитывали (I, II и VI ревизии)» (Кабузан, 1963. С. 84). Сопоставляя общие итоговые данные о численности духовенства по материалам ревизий и исповедных ведомостей, В. М. Кабузан отметил, что «оба эти источника дают близкие цифры и различия не превышают нескольких процентов». Это свидетельствует о том, что исповедные росписи весьма точно учитывали численность неподатных категорий населения и, в частности, белого духовенства. «Указанное обстоятельство – подытоживает В. М. Кабузан – имеет немаловажное значение, так как клировые ведомости [то есть исповедные – А.П.] являются единственным источником для учета примерной численности ряда неподатных категорий, не учитывавшихся многими ревизиями XVIII и даже XIX в. (дворянство в общей сумме разночинцев, приказные чины, по III ревизии – духовенство и т. д.)» (Кабузан, 1963. С. 84).

Для нашей темы это свидетельство имеет особое значение, поскольку действительно материалов III ревизии по духовенству Псковской провинции в архивах не существует. Таким образом, сведения о псковском духовенстве 1750-х – начало 1760-х гг. можно получить только по сохранившимся исповедным росписям, которые восполняют данные, отсутствующие в III ревизии.

С конца XX в. архивные документы церковного учета населения, в том числе исповедные росписи, всё чаще привлекают внимание исследователей (Миронов, 1989; Гончаров, 1994; Морозова, 2002; Маркова, 2005; Владимиров

и др., 2008). Из новых специальных работ близких к рассматриваемой теме следует указать на монографию М. В. Корогодиной, посвященную изучению исповедных текстов в России в XIV–XIX вв. (*Корогодина*, 2006). Однако исповедные росписи церквей ею не рассматривались.

В 2004 г. к ним обращалась И. И. Дитрих, выборочно используя для изучения исторической демографии Пскова второй половины XVIII в. Ею были «проанализированы данные исповедных росписей церквей г. Пскова за 1763, 1765 и 1780 годы», которые сопоставлялись с материалами ревизий 1762 и 1782 гг. (*Дитрих*, 2004. Электронный ресурс). Основное внимание в работе было уделено демографическим показателям общего количества населения по «половозрастной структуре», «типу семей», смертности и рождаемости (с использованием данных метрических книг). Духовенство, как и другие городские сословия, в таких выкладках осталось практически не представлено даже по общим статистическим показателям.

В 2008 г. с материалами отдельных исповедных росписей церквей города Пскова XVIII – первой половины XIX в. работала сотрудница ПГОИАХМЗ Л. Н. Макеенко. Предметом её интереса был поиск сведений о семьях некоторых видных представителей местного дворянства и купечества для изучения их родов. Результатом её знакомства с документами стали две статьи: «Исповедные росписи как источник по истории дворянства и купечества» и «Состав прихожан церквей г. Пскова XVIII – первой половины XIX в.» (*Макеенко*, 2009; 2009а). Л. Н. Макеенко были выборочно просмотрены исповедные росписи 44 церквей Пскова, из которых лишь несколько дел относятся к первой половине XVIII в. за 1733–1734, 1747, 1755 и 1756 гг.

Аспирантка ПсковГУ М. М. Лебедева использовала материалы некоторых духовных росписей из собрания ГАПО при написании статьи «Антропонимика Островского уезда XVIII в. по исповедным росписям и метрическим книгам» (*Лебедева*, 2010. С. 163–167).

Псковскими краеведами С. Л. Свиридовой и Н. Ф. Левиным проводилась работа по обзору фондов ГАПО, содержащих метрические книги, исповедные росписи и клировые ведомости отдельных уездов Псковской епархии. Авторы предложили списки дополнений к основной описи № 1 по Порховскому и Великолуцкому уездам. Их дополнения не затрагивают материалы по городу Пскову (*Свиридова, Левин*, 2014; 2016).

Как можно видеть из приведенного выше обзора литературы, посвященной изучаемой теме, псковская Церковь и духовенство по исповедным росписям раньше не исследовались.

История введения исповедных росписей в церковный обиход

Первые попытки заведения «сказок и именных исповедных росписей о прихожанах, бывших и не бывших у исповеди и святого причастия в Великий пост» были предприняты новгородским митрополитом Корнилием в 1690 г. Рьяный последователь «никоновской реформации», Корнилий, стремился добиться выявления «раскольников» в ходе борьбы со сторонниками старых

церковных обрядов в своей епархии. Его почин был поддержан в 1697 г. в Москве патриархом Адрианом и царем Петром I (Миронов, 1989. С. 102).

В наставлении поповским старостам или благочинным смотрителям, посланном во Владимир от патриарха Адриана 26 декабря 1697 г., в восьмой статье предписывалось наблюдать, чтобы священники учили своих прихожан обязательной ежегодной исповеди в четыре святых поста, наипаче в Великий пост, и чтобы люди отнюдь не лишались причастия. В девятой статье особо оговаривалось требование составлять списки «небытейщиков» для последующего розыска о них в патриаршем Разряде: «А которые всяких чинов люди во святой великий пост ко исповеди приходить не будут, и отцев духовных у себя многие годы не имеют, и приходским попом на таких людей велеть приносить изветные именныя росписи, и о тех людех писать ко Святейшему Патриарху к Москве, его Святейшаго Патриарха в Розряд» (ПСЗ. Т. III. С. 415, № 1612). Однако состоявшийся патриарший указ о повсеместном донесении о людях укрывающихся от исповеди в то время не получил желаемого властями исполнения.

Указами 8 февраля 1716 г., 17 февраля 1718 г. и 16 июля 1722 г. были постепенно введены в обиход исповедные росписи, главной целью которых был строгий учет покорных господствующей церкви прихожан и выявление неисповедавшихся староверов, для обложения их двойной подушной податью (ПСЗ. Т. V. С. 196, № 2991; С. 200, № 2996; С. 544–545, № 3169; Т. VI. С. 737–742, № 4052).

До появления таких документов духовное сословие в целом, как правило, не учитывалось, поскольку было неподатным. Интересы государственного учета простирались в первую очередь на церковные земли и их владельцев. Теперь, с появлением политики «регулярного государства», духовный чин был встроен в систему строго упорядоченного общества, где каждый человек был обязан исполнять определенное служение или повинность государству для «общего блага». Этой же идее подспудно было подчинено и составление исповедных росписей. В них надлежало записывать всех законопослушных граждан, которые тем самым проходили ежегодную проверку на лояльность по отношению к государственной церкви, а также тех, кого относили к «раскольникам» и маргиналам, не желавшим встраиваться в жестко регламентируемую систему общественного устройства и мировоззрения.

Издание Духовного регламента 1721 г. положило предел традициям древнерусской покаянной дисциплины, которая была сильна в консервативных церковных кругах, тяготеющих к старообрядчеству. Отныне исповедь стала орудием государства для выявления староверов и инакомыслящих, недовольных государственной властью и господствующей церковью. По замечанию Духовного регламента, «несть лучшаго знаменья, почему познать раскольщика», как отказ от исповеди и причащения. «Сие прилежно подобает наблюдать Епископом, и приказывать, чтоб им священники приходские по вся годы о своих прихожанах доносили, кто из них не причащался через год, кто же и через два, и кто никогда же» (Духовный регламент...). Таковых «небытейщиков» надлежало приводить к присяге на верность Синодальной церкви и брать на первый раз штраф, на второй раз вдвое, а в третий раз, «противящихся», отправлять

в суд «к гражданскому наказанию». Люди, подвергшиеся троекратному денежному взысканию за неисповедь приводились к телесному наказанию. Если же они при этом подозревались в «склонности к расколу», то согласно высочайшему указу, подтвержденному Синодом в 1723 г., велено «отказывавшихся от исполнения долга исповеди посылать – мужского полу на галеры, а женска на прядильный двор» (цит. по: Алмазов, 1894. С. 385–386).

Как известно, «за нарушение тайны исповеди духовники, по церковным правилам, подвергаются запрещению священнослужения на три года, а в известных случаях и извержению из духовного сана» (Павлов, 2002. С. 224). Синодальное постановление от 17 мая 1722 г., несмотря на запрет церковных канонов, узаконивало нарушение тайны исповеди, обязуя священников доносить на тех, кто сознавался в злом умысле на честь и здоровье государя или открывал намерение к бунту и сопротивлению властям. Приходские священники предупреждались, что если кто из них «сего не исполнит и о вышеозначенном услышав, вскоре не объявит, тот без всякого милосердия, яко противник и таковым злодеям согласник паче же государственных вредов прикрыватель, по лишении сана и имени, лишен будет и живота» (Анисимов, 1989. С. 341–342). Теперь священное таинство исповеди благодаря такой профанации стало использоваться для полицейских и фискальных интересов государства, как инструмент розыска и обнаружения нелояльных и свободомыслящих граждан, а также для пополнения казны путем сбора штрафов с «неисповедников» и обложения двойным подушным окладом сторонников старой веры.

По наблюдению С. И. Смирнова, несмотря на суровость законодательных предписаний, широкое введение исповедных росписей в различных епархиях произошло не сразу, а лишь к концу 1720-х гг. «Практическое значение этих распоряжений разбивалось о косность и мздоимство нашего деморализованного духовенства. В 1722 г. оказалось, что указ 1716 г. приводится в исполнение только в Московской и Нижегородской епархиях. Пришлось повторять указ, угрожать за неисправность. Но дело не продвигалось вперед: в 1724 г. св. Синод сознался, что по всем его указам “достодолжного исполнения не учинено” и “из многих епархий ведомостей о раскольниках не прислано ж”. Два года спустя [в 1726 г. – А.П.], когда велено было ведомости о раскольниках и о сборе с них денег передать в Сенат, в синодальной конторе нашлись ведомости одной только Московской губернии. Пришлось снова и неоднократно требовать ведомости для отсылки в “высокий Сенат”» (Смирнов, 1913. С. 237).

Действительно, первые сохранившиеся исповедные росписи церковью Псковской епархии относятся к 1727 г., и это единичный случай, а не массовое явление.

По данным священника В. Д. Смиречанского, псковский епископ Рафаил Заборовский сделал распоряжение от 30 марта 1731 г. о том, «чтобы в Пскове священники не принимали на дух из других приходов, а прихожане, оставя своего священника, на исповедь к другим ходить не дерзали» (Смиречанский, 2010. С. 294).

При новом архиепископе Псковском и Нарвском Варлааме Леницком ужесточились дисциплинарные требования по духовному ведомству и за про-

винности следовали жестокие наказания. При нем же победой правящего архиерея завершился давний спор с псковским посадом о праве управления церковными вотчинами. По представлению от Варлаама, Синод донес императрице в декабре 1732 г. об обстоятельствах этой тяжбы, и 6 июля 1733 г. именным указом было постановлено церковных старост назначать только с архиерейского утверждения, а вотчинам быть под ведением владыки. Псковское купечество, недовольное архиереем, 28 февраля 1738 г. подало жалобу на Варлаама в Сенат. Среди представленных пунктов было прошение «вопреки запрещению преосвященного Варлаама, дозволить исповедоваться у кого кто пожелает и кого духовным отцом изберет» (*Смиречанский*, 2010. С. 314).

Первоначально существовавшая форма исповедных росписей была изменена и усовершенствована по указу императрицы Анны Иоанновны от 4 февраля 1737 г. Тогда Синод и Сенат сообща разработали новую подробную форму для записи исповедников на приходах. Она была утверждена и разослана по стране вместе с сенатским указом 16 апреля 1737 г. (ПСЗ. Т. X. С. 114–125, № 7226). С тех пор она существовала почти неизменной вплоть до отмены исповедных росписей после революции 1917 г.

Характеристика архивного фонда

Наибольшая часть исповедных росписей церквей и монастырей Псковской епархии хранится в ГАПО в фонде № 39 (Псковская духовная консистория). Это один из самых крупных старых архивных фондов. Существует 24 описи этого фонда, главный объем массовых источников содержится в первых двух: по первой описи – 8287 дел, по второй – 1654 дела, всего – 9941 единица хранения. Значительную долю собрания, почти третью часть, составляют исповедные росписи. Преобладающее их количество представлено в Описи 1 (с № 1323 по № 4279), т.е. всего дел с исповедными росписями разных уездов 2957. К ним следует добавить 59 единиц из Описи 2, включающей с № 1015 по № 1073 исповедные росписи в смеси, без упорядочения по уездам. Всего, таким образом, 3016 дел с исповедными росписями. Из них в первой описи по Псковскому уезду 366 единиц хранения с № 3612 по № 3977 за время с 1727 г. по 1863 г. По городу Пскову значится 151 единица хранения с № 3461 по № 3611 за период с 1733 г. по 1862–1875 гг. Все они являются консисторскими экземплярами, поступившими с мест для отчетности за минувший год или текущий.

Массовые церковно-приходские документы содержатся также и в других фондах ГАПО: в уездных духовных правлениях Псковской епархии и в 112 фондах пригородских и сельских церквей (*Свиридова, Левин*, 2014. С. 35–36). Все исповедные росписи по городу Пскову сосредоточены в первых двух описях дел Псковской духовной консистории. Именно они и были привлечены для исследования.

При этом необходимо отметить, что описи фонда 39, составленные в 1950-х гг. не всегда точно определяют содержание дел по названию, так как при разборе архива Псковской духовной консистории и переплетении дел,

объединенных по годам, в некоторых случаях оказались сшиты вместе росписи церковей города Пскова и погостских храмов Псковского и иных уездов. При отсутствии внутренних описей большинства дел, потребовалось их сплошное просматривание и составление перечня их содержания.

Временные границы этого вида источников, сохранившихся в архиве охватывают 1727–1915 гг. Однако наиболее полно сохранилась только ранняя часть коллекции до 1865 г. Более поздние росписи уцелели в количестве всего лишь нескольких случайных единиц.

К сожалению, с приходом советской власти старые архивные фонды царской России подвергались пересмотру относительно целесообразности дальнейшего хранения дел под предлогом того, что многие из них якобы «не имеют исторической ценности». Так, циркуляром Центрархива РСФСР от 25 мая 1927 г. было предписано местным архивам уничтожить «как ненужную макулатуру» «все исповедные росписи, начиная с 1865 года и более поздние», вплоть до 1917 г. (Перечень архивных материалов... С. 5). Уничтожение церковных архивов, находившихся на государственном хранении, являлось частью общей политики советского правительства, направленной на борьбу с Русской Православной Церковью. Такие варварские деяния встраиваются в один ряд с разрушением храмов «Союзом воинствующих безбожников». Этой, наверняка продуманной, злонамеренной акцией был нанесен невосполнимый ущерб исторической памяти русского народа. Люди лишились архивных документов, подтверждавших принадлежность их семей к родным приходским церквям и позволявших им восстанавливать свое родословие в ряде поколений.

Хронологические рамки настоящего изучения исповедных росписей охватывают время первых десятилетий синодального периода в истории Русской Православной Церкви. Нижняя временная граница обусловлена окончанием Северной войны и введением синодального правления Церковью в 1721 г., а также временем появления на Псковской земле исповедных росписей и сохранностью этого документального источника, начиная с 1727 г. Верхняя граница – восшествие на престол Екатерины II в 1762 г. – обозначает наступление нового исторического периода в жизни Русской Православной Церкви, когда она была подвергнута полной секуляризации земельных владений и массовому сокращению действующих монастырей и приходских церковей, до пределов строго ограниченных по духовным штатам 1764 г.

Для изучения персонального состава и численности псковского белого духовенства надлежало привлечь весь массив сохранившихся исповедных росписей. По существующим описям были выбраны все дела, имеющие росписи по городу Пскову в рамках изучаемого периода. Каждое из дел было просмотрено с составлением пообъектного описания их внутреннего содержания. По всем выявленным объектам, те листы, на которых записаны лица «духовные и их домашние» были полностью скопированы, также как и все итоговые данные о церковных приходах.

Общий корпус источников и их содержание нагляднее всего представить через таблицу (табл. 1).

Таблица 1

**Исповедные росписи церквей и монастырей города Пскова за 1727–1762 гг.
в Государственном архиве Псковской области (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1).**

№ п/п	Действующие храмы с приходами	Годы и шифры источников, в которых значатся действующие приходские храмы	Количество росписей
1	Алексея человека Божия «с Поля» в монастыре «из-за Великих ворот»	1737 г. (№ 3472. Л. 13–20); 1740 г. (№ 3474. Л. 49–54, 55); 1741 г. (№ 3476. Л. 34–37 об.); 1743 г. (№ 3479. Л. 47–52); 1745 г. (№ 3481. Л. 97–104 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 24, 25–31); 1748 г. (№ 3485. Л. 45–56 об.); 1749 г. (№ 3488. Л. 11, 13–19 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 23–29); 1751 г. (№ 3490. Л. 141–151 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 97–107, 108);	11
2	Анастасии Римлянки, «Настасенская, что в Больших Кузнецях», «Анастасианская с Кузнецкой улицы» на Полонице	1733 г. (№ 3461. Л. 121–125 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 117–123); 1740 г. (№ 3474. Л. 70–75); 1741 г. (№ 3476. Л. 68–72 об.); 1745 г. (№ 3481. Л. 165–171, 172); 1746 г. (№ 3482. Л. 85–91 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 22–27 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 23–29 об.); 1749 г. (№ 3486. Л. 29–35 об.); 1751 г. (№ 3491. Л. 29, 30–35 об.); 1755 г. (№ 3497. Л. 57–64 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 1, 2–9); 1759 г. (№ 3505. Л. 116–121); 1761 г. (№ 3510. Л. 93–98, 100–100 об.);	14
3	Благовещения Богородицы от Рыбницких ворот (бывшая Живоносного Источника) при Старой богадельне	1735 г. (№ 3464. Л. 70–73); 1740 г. (№ 3473. Л. 11–18); 1743 г. (№ 3479. Л. 103–105 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 67–70 об.); 1748 г. (Оп. 2. № 1018. Л. 1–4); 1749 г. (№ 3487. Л. 61–65); 1750 г. (№ 3489. Л. 60, 61–64 об.); 1751 г. (№ 3491. Л. 9, 10–13); 1752 г. (№ 3492. Л. 35, 35а–40); 1756 г. (№ 3499. Л. 101, 102–108 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 13–17 об., 20); 1761 г. (№ 3509. Л. 125–129 об.); 1762 г. (№ 3511. Л. 1–5, 6);	13
4	Богоявления Господня «в Бродях»; в Петровском конце; Приделы: Иоанна Предтечи, Трех святителей	1737 г. (№ 3472. Л. 1–10); 1740 г. (№ 3474. Л. 76–83 об.); 1741 г. (№ 3475. Л. 74–82 об.); 1743 г. (№ 3479. Л. 31–38 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 21–26); 1747 г. (№ 3484. Л. 80–85 об.); 1748 г. (№ 3481. Л. 25–30 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 118, 119–123); 1751 г. (№ 3490. Л. 77–82); 1755 г. (№ 3497. Л. 5–10 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 17, 18–21 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 113, 114–118); 1761 г. (№ 3510. Л. 37–41, 42); 1762 г. (№ 3511. Л. 63–67);	14
5	Богоявления Господня на Запсковье; приделы: Усекновения Главы Иоанна Предтечи; Трех святителей	1735 г. (№ 3464. Л. 45–53 об.); 1737 г. (№ 3467. Л. 23–30 об.); 1741 г. (№ 3476. Л. 41–46); 1747 г. (№ 3483. Л. 79, 80–89); 1748 г. (№ 3485. Л. 93–100 об.); 1749 г. (№ 3488. Л. 88, 89–96 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 91, 92–99); 1752 г. (№ 3492. Л. 49–56 об. (конец утрачен)); 1755 г. (№ 3497. Л. 83–92 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 119–126 об., 128–128 об.); год не указан, приделена к 1759 г. (№ 3506. Л. 139–147); 1761 г. (№ 3510. Л. 101–113 об., 116–116 об.);	12
6	Варвары Великомученицы девичья монастыря «из-за Петровских ворот»	1733 г. (№ 3461. Л. 103–109); 1735 г. (№ 3464. Л. 94–95 об.); 1737 г. (№ 3467. Л. 94–108 об.); 1740 г. (№ 3474. Л. 1–7); 1741 г. (№ 3475. Л. 61–69); 1747 г. (№ 3484. Л. 36–39); 1749 г. (№ 3488. Л. 21, 22–23 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 189–191); 1755 г. (№ 3497. Л. 27–29 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 90, 91–94); 1758 г. (№ 3503. Л. 121, 122–124 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 7–10, 12);	12
7	Варлаама Хутынского «со Званницы»	1733 г. (№ 3461. Л. 87–102 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 41); 1737 г. (№ 3467. Л. 1–12); 1740 г. (№ 3473. Л. 78–88); 1741 г. (№ 3475. Л. 17–25); 1743 г. (№ 3479. Л. 1–8 об., 23–28); 1745 г. (№ 3481. Л. 109–123 об.); 1746 г. (№ 3484. Л. 11, 12–23 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 61–71 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 33–44 об.); 1751 г. (№ 3491. Л. 44, 45–52); 1756 г. (№ 3499. Л. 162, 163–175 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 75, 76–83); 1761 г. (№ 3509. Л. 87–98);	14
8	Василия Великого «з Горки»	1733 г. (№ 3461. Л. 24–26); 1735 г. (№ 3464. Л. 92–93); 1740 г. (№ 3474. Л. 38–39, 40); 1743 г. (№ 3479. Л. 99–101, 102); 1745 г. (№ 3481. Л. 161–163 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 90–92 об.); 1749 г. (№ 3488. Л. 7, 8–10); 1750 г. (№ 3489. Л. 88, 89–92); 1751 г. (№ 3490. Л. 85, 86–89 об.); 1755 г. (№ 3497. Л. 11, 12–14 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 110, 111–114 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 21–25, 26–26 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 31–35, 36);	13

№ п/п	Действующие храмы с приходами	Годы и шифры источников, в которых значатся действующие приходские храмы	Количество росписей
9	Василия «с Болота» Трехсвятительский девичья монастырь	1741 г. (№ 3476. Л. 13–14 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 73–74, 93–93 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 48–49, 50); 1748 г. (№ 3481. Л. 67–67 об., 70); 1759 г. (№ 3505. Л. 1–4, 6); 1761 г. (№ 3509. Л. 139–140, 141–142);	6
10	Введения во храм Пресвятой Богородицы монастыря из-за Петровских ворот над Псковой в Песках	1746 г. (№ 3482. Л. 35–39); 1747 г. (№ 3483. Л. 61–66 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 57–61 об., 64); 1749 г. (№ 3488. Л. 33, 34–39 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 152–156); 1755 г. (№ 3497. Л. 53–56 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 109–113, 115);	7
11	Вознесения Господня с Романихи Нового девичья монастыря с Полоница	1733 г. (№ 3461. Л. 22–23 об.); 1735 г. (№ 3479. Л. 107–112 об.); 1736 г. (№ 3466. Л. 21–23, 35–36 об.); 1741 г. (№ 3475. Л. 49–51); 1743 г. (№ 3478. Л. 69–72); 1746 г. (№ 3482. Л. 92–93 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 132–135 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 75–79); 1749 г. (№ 3488. Л. 25, 26–28 об.); 1751 г. (№ 3491. Л. 58, 59–62); 1758 г. (№ 3503. Л. 101, 102–104); 1759 г. (№ 3505. Л. 176–177, 179); 1761 г. (№ 3509. Л. 123–124 об.);	13
12	Вознесения Господня Старого девичья монастыря с Полоница; придел Рождества Богородицы	1733 г. (№ 3461. Л. 9–12 об.); 1734 г. (№ 3463. Л. 2–5 об.); 1736 г. (№ 3466. Л. 25–30); 1740 г. (№ 3474. Л. 56–59, 60); 1741 г. (№ 3475. Л. 52–56); 1743 г. (№ 3479. Л. 53–56 об.); 1745 г. (№ 3481. Л. 133–135); 1746 г. (№ 3482. Л. 105–107); 1747 г. (№ 3484. Л. 94, 95–96 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 17–19, 22); 1749 г. (№ 3488. Л. 1, 2–4 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 53, 54–56); 1752 г. (№ 3492. Л. 43, 44–46 об.); 1755 г. (№ 3497. Л. 45–47 об.); 1756 г. (№ 3501. Л. 1, 2–4); 1759 г. (№ 3505. Л. 1–4, 6); 1761 г. (№ 3509. Л. 143–145 об., 148); 1762 г. (№ 3511. Л. 19–21 об., 22, 23–24, 25–25 об.);	18
13	Воскресения Христова «на Большой улице» с Полоница	1733 г. (№ 3461. Л. 13–17); 1735 г. (№ 3464. Л. 67–69 об.); 1740 г. (№ 3473. Л. 92–95); 1743 г. (№ 3479. Л. 91–93 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 97–98 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 97–100 об.); 1748 г. (№ 3481. Л. 33–36, 38–38 об.); 1749 г. (№ 3486. Л. 1, 2–4 об.); 1751 г. (№ 3492. Л. 76, 78–81); 1752 г. (№ 3492. Л. 57–60 об.); 1756 г. (№ 3501. Л. 35, 36–39 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 87–89, 90); 1761 г. (№ 3509. Л. 159–160 об., 162);	13
14	Воскресения «со Стадища» девичья монастыря	1735 г. (№ 3464. Л. 36–40 об.); 1743 г. (№ 3479. Л. 71–74 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 51, 52–53 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 74–78); 1748 г. (№ 3485. Л. 81–86, 92–92 об.); 1749 г. (№ 3486. Л. 17–21); 1751 г. (№ 3490. Л. 59, 60–62 об.); 1754 г. (№ 3495. Л. 16–19 об., 21); 1755 г. (№ 3497. Л. 65, 66–69); 1756 г. (№ 3499. Л. 11, 12–15); 1758 г. (№ 3506. Л. 55, 56–59); 1759 г. (№ 3506. Л. 85–88 об., 90–90 об.); 1760 г. (№ 3508. Л. 1–5); 1761 г. (№ 3510. Л. 51–54); 1762 г. (№ 3511. Л. 45–48, 50–50 об.);	15
15	Георгия Великомученика «что на Болоте» (собор); придел Иоанна Златоуста	1733 г. (№ 3461. Л. 32–34 об.); 1740 г. (№ 3474. Л. 17–19, 20); 1743 г. (№ 3478. Л. 67–68); 1747 г. (№ 3484. Л. 52–54); 1748 г. (№ 3485. Л. 88–91); 1749 г. (№ 3487. Л. 58–60 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 31–33 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 199–202); 1759 г. (№ 3505. Л. 39, 40–43); 1761 г. (№ 3509. Л. 1–4 об., 6–6 об.);	10
16	Георгия «со Взвозу»; придел Петра Митрополита	1733 г. (№ 3461. Л. 111–115); 1741 г. (№ 3476. Л. 64–67); 1746 г. (№ 3482. Л. 133–133 об., 144–145 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 13–14 об., 16); 1749 г. (№ 3486. Л. 23–26 об., 28); 1751 г. (№ 3491. Л. 64–69); 1752 г. (№ 3492. Л. 10–10 об. (конец утрачен)); 1756 г. (№ 3501. Л. 59, 60–62 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 51, 52–55); 1761 г. (№ 3510. Л. 15–19, 22);	10
17	Григория Богослова, «что бывал Путятин монастырь»	1735 г. (№ 3464. Л. 9–10 об.); 1737 г. (№ 3467. Л. 79–85 об.); 1740 г. (№ 3474. Л. 105–108 об.); 1741 г. (№ 3476. Л. 39–40 об.); 1743 г. (№ 3479. Л. 95–98); 1745 г. (№ 3481. Л. 137–139 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 86–90 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 7–10 об., 12); 1751 г. (№ 3490. Л. 158–161 об.); 1755 г. (№ 3497. Л. 71–74 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 48–52 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 13–17 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 134–136 об., 139–139 об.); 1761 г. (№ 3509. Л. 39–42);	14
18	Дмитрия Солунского «в Поле» «из-за Петровских ворот», бывшего мужского монастыря на реке Пскове	1761 г. (№ 3509. Л. 131–136 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 69–72 об.); [В 1761 г. произошло перемещение прихода от Варваринской церкви из-за Петровских ворот к Дмитриевской. – А. П.]	2

№ п/п	Действующие храмы с приходами	Годы и шифры источников, в которых значатся действующие приходские храмы	Количество росписей
19	Духа Святого девичья монастыря «со Усохи»	1740 г. (№ 3474. Л. 89–98, 99–99 об.); 1755 г. (№ 3497. Л. 31–31 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 21–25, 26–26 об.);	3
20	Жен Мироносиц мужского монастыря «на Скудельницах»; придел Рождественский. («Псковоградская Мурносицкая церковь»)	1756 г. (№ 3499. Л. 43, 44–46 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 57–60 об., 64–64 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 123–128 об., 130); 1762 г. (№ 3511. Л. 81–88 об., 90–90 об.);	4
21	Зачатия Пресвятыя Богородицы девичья монастыря от Торгу на Сенной ниве «с Мильца»	1735 г. (№ 3464. Л. 115–116 об.); 1740 г. (№ 3474. Л. 36–37 об.); 1741 г. (№ 3475. Л. 26–28); 1743 г. (№ 3478. Л. 91–92); 1747 г. (№ 3484. Л. 32, 33–35); 1751 г. (№ 3490. Л. 20–21, 22); 1752 г. (№ 3492. Л. 29–30 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 19, 20–21 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 181–182 об., 184); 1761 г. (№ 3509. Л. 157–158 об.); 1762 г. (№ 3511. Л. 56, 57–58, 60, 62–62 об.);	11
22	Ильи Пророка «с Мокрого луга» девичья монастыря на Запсковье	1735 г. (№ 3464. Л. 29–35 об.); 1740 г. (№ 3474. Л. 100–104); 1741 г. (№ 3475. Л. 44–48); 1743 г. (№ 3478. Л. 87–89 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 71–73 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 65–66 об., 68–68 об.); 1749 г. (№ 3487. Л. 1–5); 1750 г. (№ 3489. Л. 76–82 об.); 1751 г. (№ 3491. Л. 23, 24–27 об.); 1754 г. (№ 3495. Л. 1–5, 6–6 об.); 1755 г. (№ 3498. Л. 12–16); 1756 г. (№ 3499. Л. 145–149 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 75–80); 1759 г. (№ 3506. Л. 162–167 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 55–60);	15
23	Ильи Пророка «Сухого» «из Завеличья, что бывал девичья монастырь»	1733 г. (№ 3462. Л. 1–4 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 103–106); 1743 г. (№ 3479. Л. 81–84); 1746 г. (№ 3482. Л. 125, 126–129 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 35–39); 1750 г. (№ 3489. Л. 126, 127–129 об.); 1752 г. (№ 3492. Л. 88–92); 1755 г. (№ 3497. Л. 15–18 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 155, 156–160 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 194–196, 197, 199); 1759 г. (№ 3506. Л. 101–103, 104, 106–106 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 43–46); 1762 г. (№ 3511. Л. 81–88 об., 90–90 об.);	13
24	Иоакима и Анны девичья монастыря «с Полонища»; придел Св. пророка Наума. («Иоакиманская»)	1733 г. (№ 3461. Л. 78–81 об.); 1736 г. (№ 3466. Л. 15–19 об.); 1755 г. (№ 3498. Л. 8–10 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 85–86 об.); 1746 г. (№ 3484. Л. 1–6 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 55–60 об.); 1748 г. (№ 3481. Л. 39–43, 46); 1749 г. (№ 3487. Л. 44–46 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 134–137 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 131–134); 1754 г. (№ 3495. Л. 7–10 об., 11); 1756 г. (№ 3499. Л. 78, 79–82 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 145, 146–150 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 91–91 об., 93–98 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 65–69); 1762 г. (№ 3511. Л. 115–120);	16
25	Иоанна Богослова Костельникова монастыря на Мильянице с Мишариной горы	1741 г. (№ 3476. Л. 56–62); 1745 г. (№ 3481. Л. 145–152 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 115, 116–123 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 40, 41–47 об.); 1749 г. (№ 3488. Л. 78, 79–86 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 102, 103–109 об.); 1751 г. (№ 3492. Л. 94, 95–101 об.); 1756 г. (№ 3501. Л. 18, 19–27 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 1–7 об., 10); 1761 г. (№ 3509. Л. 31–38 об.);	10
26	Иоанна Милостивого «из Солодовников» у Петровских ворот; придел Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев	1739 г. (№ 3472. Л. 53–55 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 13–15, 16); 1745 г. (№ 3481. Л. 83–86); 1746 г. (№ 3482. Л. 9–11 об., 14); 1747 г. (№ 3483. Л. 108–111 об.); 1751 г. (№ 3492. Л. 4, 5–7 об.); 1755 г. (№ 3497. Л. 23–25); 1756 г. (№ 3499. Л. 96–100); 1758 г. (№ 3503. Л. 95–99); 1759 г. (№ 3506. Л. 168, 169–170 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 47–49); 1762 г. (№ 3511. Л. 7–9, 12);	12
27	Иоанна Предотечи девичья монастыря «з Завеличья»	1735 г. (№ 3464. Л. 96–102); 1740 г. (№ 3473. Л. 72–77); 1741 г. (№ 3475. Л. 1–6, 7, 8); 1743 г. (№ 3479. Л. 75–79); 1745 г. (№ 3481. Л. 91–94 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 47–50 об.); 1748 г. (№ 3481. Л. 11–15 об., 18); 1749 г. (№ 3487. Л. 40–43 об.); 1751 г. (№ 3491. Л. 1, 2–6); 1756 г. (№ 3499. Л. 35–41); 1758 г. (№ 3505. Л. 71–77 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 35–41 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 23–29 об.);	13
28	Казанской Богородицы с больницы, «из богодельни», «от Торгу»	1733 г. (№ 3461. Л. 18–21 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 111–114 об.); 1737 г. (№ 3467. Л. 181–186); 1740 г. (№ 3473. Л. 98–100); 1741 г. (№ 3475. Л. 57–59, 60); 1743 г. (№ 3478. Л. 83–84 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 13–15); 1748 г. (№ 3485. Л. 103–104 об., 108); 1749 г. (№ 3490. Л. 203, 204–213 об.); 1749 г. (№ 3486. Л. 14–16); 1750 г. (№ 3489. Л. 84, 85–86 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 41–44); 1752 г. (№ 3492. Л. 1–3); 1755 г. (№ 3497. Л. 49–52 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 64–68); 1759 г. (№ 3506. Л. 69–72, 73); 1761 г. (№ 3510. Л. 117–118 об., 122);	17

№ п/п	Действующие храмы с приходами	Годы и шифры источников, в которых значатся действующие приходские храмы	Количество росписей
29	Климента Папы Римского «з Завеличья»	1735 г. (№ 3464. Л. 54–61 об.); 1737 г. (№ 3467. Л. 120–147); 1740 г. (№ 3474. Л. 61–69); 1741 г. (№ 3476. Л. 16–24 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 61, 62–68 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 40–50 об., 51); 1751 г. (№ 3490. Л. 24–32 об.); 1752 г. (№ 3492. Л. 17–26 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 1, 2–8 об.); 1761 г. (№ 3509. Л. 65–72 об.);	10
30	Козмы и Дамиана «с Примостья», «з Запсковья»	1741 г. (№ 3475. Л. 29, 30–35 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 109–114 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 115–126 об.); 1749 г. (№ 3487. Л. 22–34 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 50–59); 1751 г. (№ 3490. Л. 169–181 об.); 1753 г. (№ 3493. Л. 1–12 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 23, 24–33 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 27–36 об., 38–38 об.); 1761 г. (№ 3509. Л. 15–24 об.);	10
31	Константина и Елены в Царевой слободе «з за Петровских ворот» («Царяконстантиновская»)	1737 г. (№ 3467. Л. 109–113 об.); 1740 г. (№ 3473. Л. 44–47); 1747 г. (№ 3483. Л. 16–20, 21); 1748 г. (№ 3481. Л. 155, 156–159 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 44–49); 1751 г. (№ 3490. Л. 14–17 об.); 1752 г. (№ 3492. Л. 11–15); 1755 г. (№ 3497. Л. 37–43 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 127, 128–132 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 15–20, 22); 1761 г. (№ 3509. Л. 25–28 об.);	11
32	Мины, Викентия и Виктора в архиерейском селе Куспе	1734 г. (Оп. 2. № 1015. Л. 1–9).	1
33	Михаила Архангела девичья монастыря «в Песках» («Архангельская церковь ис Песок»)	1733 г. (№ 3461. Л. 74–76 об.); 1739 г. (№ 3472. Л. 46–48); 1740 г. (№ 3473. Л. 104–107 об.); 1741 г. (№ 3476. Л. 26–29 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 17–19 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 73, 74–76 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 51–53, 54); 1750 г. (№ 3489. Л. 112, 113–115 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 71, 72–74 об.); 1755 г. (№ 3497. Л. 33–35 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 84–88); 1758 г. (№ 3503. Л. 105–109 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 180–180 об., 185–188 об.); 1760 г. (№ 3508. Л. 7–10 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 168–169 об.);	15
34	Михаила Архангела собор «з Большой улицы», «на Городце»	1733 г. (№ 3461. Л. 27–30, 82–83 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 62–64 об.); 1741 г. (№ 3475. Л. 109–113); 1743 г. (№ 3478. Л. 79–82); 1747 г. (№ 3483. Л. 103, 104–107); 1748 г. (№ 3485. Л. 143–146); 1749 г. (№ 3486. Л. 10–13); 1751 г. (№ 3490. Л. 135–139); 1752 г. (№ 3492. Л. 31–34 об.); 1756 г. (№ 3501. Л. 40, 41–45); 1759 г. (№ 3505. Л. 91–94); 1761 г. (№ 3509. Л. 163–166, 167); 1762 г. (№ 3511. Л. 121–124, 126);	13
35	Никиты «что за Великими воротами в Поле» монастыря в Выползовой слободе	1737 г. (№ 3467. Л. 165–180 об.); 1740 г. (№ 3474. Л. 8–16); 1741 г. (№ 3475. Л. 36, 37–43); 1743 г. (№ 3478. Л. 3–8 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 41–46); 1747 г. (№ 3484. Л. 101–108 об.); 1749 г. (№ 3488. Л. 61, 62–67 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 7–12); 1751 г. (№ 3490. Л. 123, 124–130); 1752 г. (№ 3492. Л. 82–87); 1756 г. (№ 3499. Л. 135–143 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 65–70 об.); 1761 г. (№ 3509. Л. 81–85 об.); год не указан, прилжена к 1761 г. (№ 3509. Л. 149–155 об.); 1762 г. (№ 3511. Л. 107–112 об., 114);	15
36	Николы Чудотворца «Каменоградцкаго», «от Каменной ограды» монастыря на Завеличье	1735 г. (№ 3464. Л. 85–88 об.); 1740 г. (№ 3474. Л. 84–87, 88); 1747 г. (№ 3483. Л. 99–102); 1749 г. (№ 3487. Л. 16–19); 1750 г. (№ 3489. Л. 19–22 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 109–113, 114); 1754 г. (№ 3495. Л. 12–15 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 87–90, 92); 1762 г. (№ 3511. Л. 127–129, 130);	9
37	Николы Чудотворца Кожина монастыря на Завеличье	1733 г. (№ 3461. Л. 64–73 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 74–79 об.); 1737 г. (№ 3469. Л. 1–12); 1741 г. (№ 3476. Л. 48–54 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 23–30); 1746 г. (№ 3482. Л. 134–139 об., 143); 1747 г. (№ 3483. Л. 55–60); 1748 г. (№ 3481. Л. 19–22 об., 24); 1749 г. (№ 3488. Л. 51, 52–58 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 94, 95–100); 1751 г. (№ 3490. Л. 10–12 об., 34–34 об., 36–40); 1759 г. (№ 3505. Л. 140–146, 147); год не указан, прилжена к 1759 г. (№ 3506. Л. 148–154 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 186–193); 1762 г. (№ 3511. Л. 69–77 об., 80);	15
38	Николы Чудотворца Любятовского монастыря	1733 г. (№ 3461. Л. 77–77 об.);	1

№ п/п	Действующие храмы с приходами	Годы и шифры источников, в которых значатся действующие приходские храмы	Количество росписей
39	Николы Чудотворца «что на Полонище с Пролома» у Покровских ворот	1735 г. (№ 3464. Л. 90–90 об.); 1737 г. (№ 3467. Л. 153 об.-164); 1740 г. (№ 3474. Л. 21–26, 27); 1741 г. (№ 3476. Л. 7–11 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 1–8 об., 34); 1747 г. (№ 3483. Л. 112–118 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 127–134 об., 136); 1749 г. (№ 3488. Л. 69, 70–76 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 66–73, 75); 1751 г. (№ 3491. Л. 15–21 об.); 1752 г. (№ 3505. Л. 160–167 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 54, 55–63); 1759 г. (№ 3505. Л. 148–157); 1761 г. (№ 3510. Л. 155–165); 1762 г. (№ 3511. Л. 131–138);	15
40	Николы Чудотворца «со Усохи»	1733 г. (№ 3461. Л. 38–41); 1735 г. (№ 3464. Л. 5–8); 1743 г. (№ 3478. Л. 95–100 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 9–12 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 121–125, 126); 1751 г. (№ 3492. Л. 62, 63–67); 1756 г. (№ 3499. Л. 116–121); 1759 г. (№ 3506. Л. 156–159 об., 161); 1761 г. (№ 3510. Л. 170–174); 1762 г. (№ 3511. Л. 13–16 об., 18–18 об.);	10
41	Николы Чудотворца «от Торгу»; придел Параскевы Пятницы	1733 г. (№ 3461. Л. 1–5 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 107–110 об.); 1745 г. (№ 3481. Л. 105–108); 1746 г. (№ 3482. Л. 94–96 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 6–8); 1748 г. (№ 3485. Л. 1–3 об., 6–6 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 65, 66–69 об.); 1755 г. (№ 3497. Л. 19, 20–21 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 122, 123–125 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 89, 90–92 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 45–47 об., 50); 1761 г. (№ 3510. Л. 75–78 об.); 1762 г. (№ 3511. Л. 51–53 об.);	13
42	Никольская церковь «с Поля» Образского монастыря за Великопольскими воротами	1733 г. (№ 3461. Л. 59–63); 1736 г. (№ 3466. Л. 2–8); 1740 г. (№ 3474. Л. 28–34, 35); 1743 г. (№ 3478. Л. 9–12); 1747 г. (№ 3484. Л. 127, 128–131 об.); 1749 г. (№ 3487. Л. 10, 11–15а об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 1–6); 1751 г. (№ 3490. Л. 183–188 об.); 1754 г. (№ 3495. Л. 22–29); 1759 г. (№ 3506. Л. 43, 44–53); 1761 г. (№ 3509. Л. 55–64 об.);	11
43	Образа Нерукотворенного «с Жабьей лавицы» на Запсковье («Образская»)	1737 г. (№ 3467. Л. 67–76 об.); 1740 г. (№ 3474. Л. 41–47, 48); 1745 г. (№ 3481. Л. 87–89); 1746 г. (№ 3484. Л. 7, 8–10 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 72–79); 1751 г. (№ 3490. Л. 45, 46–51 об.); 1756 г. (№ 3501. Л. 50–58); 1758 г. (№ 3503. Л. 135, 136–143); 1759 г. (№ 3505. Л. 124–133); 1761 г. (№ 3510. Л. 137–143 об., 146–146 об.);	10
44	Петра и Павла «что на Бую», собор	1733 г. (№ 3461. Л. 6–8 об.); 1741 г. (№ 3475. Л. 114–118 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 59–60 об., 61–66 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 99–103 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 93–98); 1748 г. (№ 3485. Л. 137–140 об., 142–142 об.); 1749 г. (№ 3488. Л. 41–48 об.); 1750 г. (№ 3481. Л. 71–81); 1751 г. (№ 3490. Л. 1–9 об.); 1756 г. (№ 3499. Л. 127–133 об.); 1758 г. (№ 3504. Л. 1–6); 1759 г. (№ 3506. Л. 23–34 об.); 1761 г. (№ 3509. Л. 7–12 об.); 1762 г. (№ 3511. Л. 91–96 об., 98);	14
45	Петра и Павла «Сереткина» монастыря; придел Успения Богородицы	1727 г. (№ 3612. Л. 89–91).	1
46	Покрова Богородицы «от Пролома» с Полонища; придел Рождества Богородицы в монастыре у Покровской башни	1737 г. (№ 3467. Л. 116–117);	1
47	Покрова Богородицы, «что у Торгу»	1735 г. (№ 3464. Л. 16–18 об.); 1741 г. (№ 3475. Л. 70–73 об.); 1743 г. (№ 3479. Л. 85–87 об., 88–88 об., 90); 1745 г. (№ 3481. Л. 141–144); 1746 г. (№ 3482. Л. 15–18, 20–20 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 28–31 об.); 1749 г. (№ 3487. Л. 6–9); 1751 г. (№ 3490. Л. 115–121); 1755 г. (№ 3497. Л. 75–75 об., 77–82); 1756 г. (№ 3499. Л. 70–76 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 81–87 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 200–204 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 1–8 об.);	13
48	Похвалы Богородицы «с Романихи», «с Полонища»	1733 г. (№ 3461. Л. 116–120 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 80–84); 1736 г. (№ 3466. Л. 31–33а); 1740 г. (№ 3473. Л. 110–112 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 75–78 об.); 1746 г. (№ 3482. Л. 69–72); 1747 г. (№ 3484. Л. 91–93 об.); 1749 г. (№ 3488. Л. 98, 99–102); 1751 г. (№ 3491. Л. 37–41 об.); 1756 г. (№ 3501. Л. 5–10); 1758 г. (№ 3505. Л. 79–79 об., 81–85 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 61–61 об., 63–66, 67–67 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 61–63, 64–64 об.);	13

№ п/п	Действующие храмы с приходами	Годы и шифры источников, в которых значатся действующие приходские храмы	Количество росписей
49	Преображения Господня Спасо–Надолбина монастыря на Запсковье	1735 г. (№ 3464. Л. 42–44 об.); 1741 г. (№ 3476. Л. 31–32 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 21–22 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 32–34 об.); 1748 г. (№ 3485. Л. 117–118 об., 120–120 об.); 1749 г. (№ 3487. Л. 35–36 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 42–43 об.); 1751 г. (№ 3491. Л. 54, 55–56 об.); 1755 г. (№ 3498. Л. 6–7); 1756 г. (№ 3499. Л. 151, 152–153 об.); 1758 г. (№ 3503. Л. 9–12); 1759 г. (№ 3505. Л. 190–192, 193–193 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 9–11 об., 14–14 об.);	13
50	Преображения Господня «Спаса от Старого костра»	1733 г. (№ 3461. Л. 35–37); 1743 г. (№ 3478. Л. 101–104 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 1–5); 1748 г. (№ 3485. Л. 109–112 об., 116); 1750 г. (№ 3489. Л. 35–40); 1751 г. (№ 3490. Л. 162–168); 1756 г. (№ 3501. Л. 11–17 об.); 1759 г. (№ 3505. Л. 168–174, 175); 1761 г. (№ 3509. Л. 73–79); 1761 г. (№ 3510. Л. 176–182, 184–184 об.);	10
51	Преполовения Пятидесятницы подворья Спасо-Преображенского Великопустынского монастыря	1733 г. (№ 3461. Л. 42–43 об.); 1734 г. (№ 3463. Л. 6);	2
52	Рождества Богородицы Снеготорского монастыря	1735 г. (№ 3465. Л. 1–7 об.);	1
53	Стефана архидьякона с Луга монастыря на Завеличье	1735 г. (№ 3464. Л. 124–125 об.); 1741 г. (№ 3476. Л. 1–1 об.); 1743 г. (№ 3479. Л. 45–46); 1745 г. (№ 3481. Л. 95–96); 1748 г. (№ 3481. Л. 1, 2–3); 1749 г. (№ 3487. Л. 37–38); 1751 г. (№ 3492. Л. 72, 73–74); 1755 г. (№ 3498. Л. 3–3 об.);	8
54	Троицкий собор (новый с 1699) приделы: Св. Александра Невского Св. Всеволода Гавриила	1734 г. (№ 3463. Л. 1); 1737 г. (№ 3470. Л. 1–9);	2
55	Успения Богородицы в Бутырской слободе	1733 г. (№ 3461. Л. 45–50 об.); 1745 г. (№ 3481. Л. 125–132 об.); 1747 г. (№ 3484. Л. 109–114 об.); 1748 г. (№ 3481. Л. 57–64 об., 66); 1750 г. (№ 3489. Л. 140–146 об.); 1751 г. (№ 3490. Л. 193–198 об.); 1756 г. (№ 3501. Л. 28, 29–34); 1758 г. (№ 3503. Л. 111, 112–119); 1759 г. (№ 3506. Л. 107–112 об.); 1760 г. (№ 3510. Л. 79, 80–86 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 147–154); 1762 г. (№ 3511. Л. 99–105);	12
56	Успения Богородицы, «что на Завеличье с Пароменья», собор	1733 г. (№ 3461. Л. 84–86 об.); 1735 г. (№ 3464. Л. 1–3 об.); 1737 г. (№ 3467. Л. 13–22); 1746 г. (№ 3482. Л. 27–33 об.); [1747] г. (№ 3482. Л. 55–60 об.); 1748 г. (№ 3481. Л. 47–56 об.); 1749 г. (№ 3487. Л. 48–57 об.); 1750 г. (№ 3489. Л. 13–18); 1751 г. (№ 3490. Л. 101–107 об.); 1759 г. (№ 3506. Л. 129–136, 138–138 об.); 1761 г. (№ 3510. Л. 131–134 об., 136–136 об.);	11
57	Успения Богородицы девичья монастыря «с Полонища»	1735 г. (№ 3464. Л. 11–12 об.); 1736 г. (№ 3466. Л. 10–13 об.); 1737 г. (№ 3467. Л. 150–153 об.); 1743 г. (№ 3478. Л. 1–2 об.); 1747 г. (№ 3483. Л. 96, 97–98 об.); 1748 г. (№ 3481. Л. 5–7, 10); 1749 г. (№ 3486. Л. 7–8, 9); 1751 г. (№ 3492. Л. 68, 69–71); 1755 г. (№ 3497. Л. 1–2 об.); 1756 г. (№ 3501. Л. 46, 47–49); 1759 г. (№ 3506. Л. 11–13, 14); 1761 г. (№ 3510. Л. 166–167 об.);	12
	Всего		597

Для составления обзорной таблицы было привлечено 46 архивных дел из 50 известных по городу Пскову за 1727–1762 гг. Каждое из них содержит в подшивке разное количество росписей (от одной до 29) и различается по содержанию набором объектов. По предложенной таблице можно видеть весь наличный состав сохранившихся исповедных росписей городских церквей и монастырей Пскова. Всего за изучаемый период 1727–1762 гг. было выявлено 597 исповедных росписей 57 «псковоградских» церквей. Причем по приходам

сохранилось от одной до 18 росписей за разные годы. Большая часть объектов представлена достаточным числом документов – свыше десяти.

К сожалению, из-за ветхости и пораженности плесенью четырех дел с ними не удалось познакомиться. Это дела № 3496 (Исповедные росписи церковью города Пскова: Успенской и Воскресенской за 1754 г.), № 3500 (Исповедные росписи церковью г. Пскова за 1756 г.), № 3502 (Исповедные росписи церковью г. Пскова за 1758 г.) и № 3507 (Исповедные росписи церковью г. Пскова за 1760 г.).

В то же время, с некоторыми другими пораженными плесенью делами нам довелось поработать в архивном изоляторе еще до будущей их реставрации. Они пока не получили сквозной нумерации листов, поскольку по заведенной в ГАПО практике, в ходе консервации некоторые чистые листы без записей могут удаляться из блока, а пораженные грибок – обрезаться. Поэтому, чтобы составить оглавление и иметь возможность сделать необходимые полистные ссылки, нам пришлось с помощью пронумерованных закладок произвести предварительную условную фолиацию дел, отражающую их физическое состояние до реставрации. Впоследствии архивная фолиация таких дел может немного измениться. К этим неоформленным ветхим делам относятся: № 3503 (за 1758 г.), № 3505 (за 1759 г.), № 3506 (за 1759 г.) и № 3511 (за 1762 г.).

Обзор выявленных источников

Формуляр исповедных росписей. Законодательно утвержденные исповедные росписи содержали сведения, представленные по образцовому формуляру. Однако наиболее полный и содержательный формуляр появился не сразу, а вырабатывался постепенно. Ранние документы за 1727–1736 гг. были менее подробными, так как в них не указывался возраст исповедников, и не было четкого разделения прихожан по сословиям. За основу описания был взят перечень приходских дворов, пронумерованных по порядку и заключенных в специальную таблицу. Каждая запись представляла отдельное домохозяйство. Она начиналась с прописания полного имени и чина (социального положения) владельца двора. Далее по иерархии своего родственного отношения к домохозяину назывались имена членов его семьи, а также зависимых людей и работников. Напротив каждого семейства, в столбцах справа, указывались только цифры общего числа людей исповедавшихся и причастившихся, либо только исповедавшихся, либо неисповедавшихся вообще. Также делалась отметка, у какого попа совершалась исповедь, и где этот человек «приобщался». Поскольку старинное правило о том, что «покаяние вольно есть», искоренялось в Синодальной церкви, исповедники должны были посещать одну строго определенную приходскую церковь по месту жительства и приписки. Если же они по старой памяти продолжали посещать своего излюбленного духовного отца и его храм вне пределов своего прихода, то, согласно закону, для исповеди и причащения у другого священника им следовало брать на это письменное разрешение своего приходского попа. В нем для отчетности надлежало сделать отметку о состоявшемся таинстве, а по возвращении обратно исповедоваться

вновь. Например, в росписях Стефановского монастыря с Лугу 1735 г. отмечалось, что люди «из разных приходов» «на покаянии были у него [степановского – А. П.] попа Григорья Федорова, а к приобщению святых таин уволены писменно тое ж Николаевския церкви из Устья к попу Сергию Петрову» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3464. Л. 125 об.).

С 16 апреля 1737 г. высочайшим указом, данным через Сенат, была усовершенствована форма исповедных росписей. Теперь всем приходским священникам вместе с причтом надлежало «сочинить прихожанам своим всякаго чина мужеска и женска пола, от престарелых и средовечных, до сущаго младенца именные по чинам и по домам, верныя, с показанием коемуждо лет от рождения их, росписи» по новому прилагаемому образцу (ПСЗ. Т. X. С. 115, № 7226). В третьем пункте указа особо оговаривалась строгая необходимость для мирян исповедоваться только при своем приходском храме. «И для того никто не должен и никому отнюдь не допускать приобщаться при другой церкви, кроме своей приходской, при ней же в приходе он жительствует, чтоб из-за того не могли укрываться и от двойнаго оклада избегать потаенные раскольники» (ПСЗ. Т. X. С. 116). Отныне приход воспринимался как низовая ячейка церковной администрации, встроенная в «Ведомство православного исповедания». Священно- и церковнослужители клятвенно обязывались всегда быть готовыми к государевой службе, и «иметь крепкое смотрение» за благочинием прихожан. В первое время многие псковские попы составляли исповедные росписи за 1737 г. с точным указанием «кто был на исповеди и Святых Таин сообщался, и в которых месяцах и числах и Святой Четырдесятницы седмицах и днях». Позднее эти подробности были опущены, и записывалось лишь «показание действия», то есть «был» человек или «не был». Если же кто-то «за каким винословием» только исповедовался, а не причастился, то в отдельном столбце следовало отмечать причину: «по совету духовника», «за нерачением своим», «за случающеюся немощию» или «за отлучкою» куда-нибудь по делам. Однако бывало, что некоторые особенно ревностные псковские попы, сурово раздавали епитимьи, и порой отлучали от причастия половину своих прихожан «за недостойнством».

Преимуществом исповедных росписей, составленных по новой форме, были подробные сведения, заключенные в особую разработанную таблицу. Они позволяют отчетливо представить каждого человека в отдельности в своем чину и сословии и, в то же время, увидеть его место в составе церковной общины, подтвердить проживание его в данном приходском округе. Здесь указывались сведения о родственниках, возрасте, общественном положении человека. Данные о «бытии у исповеди и причастия» сообщают в какой-то мере, о степени религиозного усердия и набожности христиан.

Все сведения о людях представлены в определенной последовательности. Сначала «духовные и их домашние», затем «военные», «приказные», «разночинцы», «посадские», «дворовые» и «поселяне».

Итоговые таблицы в конце каждой росписи позволяют узнать общую численность приходских дворов, закрепленных за данным храмом, количество прихожан мужского и женского пола, а также число жителей «порознь по чинам».

В качестве примера приведем выдержку из «Росписи Псковоградские Николаевские Каменоградские церкви» за 1751 г. «Двор 1. Поп Иоаникий Сергиев 52 [лет], жена ево Марфа Павлова 45 [лет], дети их Анна – 13, два сына Ануфрий – 6, Петр – 6. Двор 2. Дьячек Трофим Кононов – 31 [году], жена ево Евдокия Лвова – 29, дети их Ульяна – 5, Гаврил – 2, Иоан – полу году. Двор 3. Пономар Никифор Александров 28 [лет], жена ево Христина Афонасьева – 28» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3490. Л. 109). Таким образом, налицо весь клир приходского храма, где поименно перечислены «духовные и их домашние», а напротив имен написано, что «у исповеди и святого причастия были все», за исключением детей, не достигших семилетнего возраста.

Кроме поименного перечисления всех «духовных и их домашних», в начале каждой исповедной росписи сведения о клире данной церкви можно почерпнуть из рукоприкладств, которыми обязательно заверялся каждый документ по нижнему полю листов и в конце. Согласно требованию закона все духовные лица прихода подписывались в том, что предоставленные ими сведения совершенно правильны. «Буде же из онаго показания нашего по какому доносу явится хотя мало что ложное, или какая утайка и прикрытие, и за то повинны мы все не точию извержения чинов своих, но и жестокому в гражданском суде истязанию». Кроме того, рукоприкладства всех клириков прописаны на сопроводительных «доношениях» в Псковскую духовную консисторию, составлявшихся при ежегодной подаче исповедных росписей. Таким образом, в каждом полном документе трижды повторяются имена служащих в храме клириков, что бывает полезно при необходимости уточнить написание их имен или состав приходского штата.

Приходские церкви и их приходы

По исповедным росписям с 30-х годов XVIII в. прослеживается разделение города Пскова на приходские округа – сорока, наподобие того, как это было устроено в Москве. Существовали Козмодамианский и Архангельский сорока, объединявшие целый ряд приходских храмов в церковно-административный благочиннический округ. В него входило белое духовенство приходских церквей, девичьих обителей и упраздненных мужских монастырей, обращенных в приходские церкви.

Данный вид источников сообщает сведения о духовенстве и приходах 56 храмов. В это число входили кроме старинных приходских церквей 12 женских монастырей, а также некоторые из мужских монастырей Пскова, которые были упразднены в первой четверти XVIII в. и превратились в приходские храмы: Алексея с Поля, Дмитрия Солунского «из-за Петровских ворот», Жен Мироносиц, Иоанна Богослова на Милявице, Климента Папы Римского, Никиты с Поля, Николы Каменоградского, Николы Кожина, Образа с Поля, Покрова от Пролома, Спаса Надолбина и Стефана с Луга.

Размеры приходов были различны по числу приписных дворов. Некоторые традиционно являлись относительно крупными, как, например, приходы больших кончанских и уличанских храмов. К концу изучаемого периода, по данным

на 1761 г. у церкви Варлаама Хутынского «со Званицы» было 111 дворов, у Козмы и Дамиана с Примостья 83 двора, у Богоявления на Запсковье 64 двора. К ним приближались по численности округа церквей: Николы с Пролома (81), Климента на Завеличье (71), Образа Нерукотворенного «с Жабьей Лавицы» (66) и Николы с Поля (60). Они объединяли обширные людные городские территории. Средними по величине прихода были собор Петра и Павла с Буя (45 дворов), Успенский собор на Завеличье (39), Иоанновский девичь монастырь на Завеличье (37), храмы Никиты с Поля (56), Анастасии в Кузнецях (35), Воскресения с Полонища (18). Численность дворов не оставалась постоянной. Так, у церкви Богоявления в Бродах в 1740 г. состояло 37 дворов, в 1751 г. – 30, а в 1761 г. – всего 17. Наконец, были и весьма малолюдные приходы, насчитывавшие всего по несколько дворов, такие как бывшие монастырские храмы Григория Богослова Путятин (12), Спасо-Надолбин (8), Трехсвятительский с Болота (5) и Стефана с Лугу (5 дворов в 1751 г.).

Приходы сильно сократились по численности дворов и населения вследствие морового поветрия и пожарного разорения 1710 г. Многие храмы с тех пор вообще стояли «без пения» и разрушались. Духовенство малоприходных церквей бедствовало от скудных доходов за требы и скромного ружного жалования. Исконные приходские церкви, находясь внутри исторически сложившейся городской застройки, обладали ограниченным количеством приходских жилых дворов, и не имели возможности увеличить свои округа. Это естественным образом сказывалось на материальном обеспечении их служителей. В некоторой степени в лучшем положении находились соборные храмы в центре города: Петропавловский с Буя (45 дворов), Георгиевский с Болота (18 дворов) и Архангельский с Городца (24 двора). Они располагали хотя и не значительным числом приходских дворов, но среди их прихожан были люди состоятельные, из числа городской элиты. Кроме того, у соборных протопопов исповедовались другие протоиереи, что соответствовало их чину.

В 1718 г. были определены штаты священно- и церковнослужителей: на 100–150 дворов прихожан полагалось иметь одного попа, на 200–250 дворов – двух, на 300 дворов и более – трех священников. При каждом попе надлежало быть в сослужении двум причетникам – дьячку и пономарю. «Но нигде не велено иметь более двоих дьячков» (*Знаменский*, 1873. С. 185). С 1722 г. в связи с проведением I ревизии населения по определению Сената все излишние церковники сверх положенной «пропорции» подлежали включению в тягло. Но по синодальному приговору 10 августа того же года существующее число «действительно служащего» белого духовенства в малоприходных церквях в городах и селах «оставлено на прежнем положении», поскольку такие церкви были «построены до настоящего определения», «и священники к ним ставлены и причетники учинены в прошлых годах» (Описание документов и дел...). Духовные штаты составлялись по примеру крупных столичных городов и густонаселенных погостов, где за норму взято 100 приходских дворов для одноприходного причта, состоящего из попа, дьячка и пономаря. Таким образом, Синод разъяснил Сенату, что сия пропорция «учинена не на нынешнее, но на предбудущее время, когда б так приходские дворы распределены быть

могли». Естественно, что в Пскове первой половины XVIII в. указанные нормы оставались не выполненными, поскольку были недостижимы из-за малого числа городских приходских дворов после мора и пожара 1710 г., а также в силу исторически сложившегося храмового обилия.

При обозрении городских исповедных росписей можно видеть примеры, когда прихожан одной какой-нибудь церкви исповедовал поп из другого соседнего храма. Тому есть разные причины. Во-первых, такое бывало, когда умирал поп, служивший на своем приходе. Тогда, по приказу Псковской духовной консистории, таинство исповеди за текущий год принимал другой священник или даже иеромонах. Это было временной мерой впредь до поставления на приход нового попа. Во-вторых, бывали случаи провинностей приходского духовенства, за которые архиерей наказывал временным отлучением от служения. Например, по данным В. Д. Смиречанского, в правление архиепископа Варлаама, «за одну надпись имени на богослужебной книге священнику Ново-Вознесенского монастыря в 1736 году было запрещено священнослужение, и он считался праздным» (*Смиречанский*, 2010. С. 319). Здесь, вероятно, идет речь о попе Филиппе Анкидинове, значащемся при Нововознесенской церкви по росписям 1733–1734 и 1735 гг. (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 23–23 об.; № 3479. Л. 107–112 об.).

Действительно, исповедь за 1736 год у прихожан Нововознесенского монастыря принимал Похвальской церкви с Полоница поп Наум Михайлов, которому по указу был поручен соседний приход (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3466. Л. 35–36 об.). Даже спустя несколько лет, в 1741 г., отмечается, что «Нововознесенского девича монастыря бывой поп Дементей Емельянов» 67 лет, вместе с другими прихожанами исповедовался в Похвальской церкви (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3475. Л. 49). Лишь в 1743 г. появляется запись о том, что в Нововознесенской церкви вновь служит поп Филипп Акиндинов 54 лет, который сам принимал на исповедь своих прихожан (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3478. Л. 69).

Примечательные сведения содержит исповедная роспись девичьего монастыря Святого Духа со Усохи за 1740 г. В ней представлен список всех учеников «Псковских славенолатынских школ студентов» по классам. Это одно из наиболее ранних сохранившихся поименных перечислений учащихся старейшего учебного заведения Пскова. В последующие годы эта практика в росписях не прослеживается, а с 1759 г. в Духовском монастыре уже не было своего священника, но таинства совершал поп из соседней церкви Василия на Горке. Оба храма тогда состояли в одном приходе.

Исповедные росписи псковских церквей содержат списки жителей благотворительных учреждений – богаделен, входящих в состав приходских округов и закрепленных за определенными храмами для общественного призрения. В этом отношении данный источник является очень ценным для изучения вопроса о социальном служении духовенства «в миру», поскольку по христианскому нравственному закону забота о нищих, убогих, престарелых и нуждающихся людях – одно из важнейших душеспасительных дел.

Росписи позволяют выявить 21 городскую богадельню, действовавшую в 1720–1760-х гг. и полный состав их насельников мужского и женского пола.

Так в источниках описываются старцы и старицы из богаделен в приходах Петропавловского собора с Бую (четыре больницы), Архангельского собора с Большой улицы (мужская и женская богадельни), Успенского собора с Парома (одна больница), а также церквей: Благовещенской от Рыбницких ворот (три богадельни), Казанской из Больниц (три богадельни), Климонтовской с Завеличья, Варлаамской с Запсковья, Воскресенской с Полонища, Спасо-Надолбинской с Запсковья, Анастасиевской в Кузнецах, Богоявления с Запсковья, Образа Нерукотворного с Запсковья, Николы от Кож (мужская и женская больницы) и близ Успенского девичьего монастыря с Полонища больница «что у Красного Креста». В описании каждого благотворительного учреждения нередко бывает указано социальное происхождение и возраст проживавших в них богаделенных старцев и стариц, что иногда позволяет представить причины или жизненные обстоятельства, приведшие людей к поступлению в богадельню.

В Пскове существовало две больницы, изначально имевшие свои собственные храмы: Старая государева больница с церковью Живоносного Источника, которая была в 1730-е гг. переосвящена в Благовещенскую, и Новая больница А. Л. Ордина-Нащокина с церковью Казанской иконы Богородицы. Все прочие богоугодные заведения, основанные частными лицами, были распределены между действующими поблизости храмами. Приходские священники обязаны были не только принимать на исповедь нищую братию, но также оказывать ей духовное попечение различными требами и осуществлять надзор за богаделенными людьми. Кроме того, священнослужители поучали своих прихожан оказывать помощь нуждающимся согражданам, призывая их к делам личного милосердия и взаимопомощи внутри общины.

Бесприходные храмы

Помимо 57 городских церквей, имевших свои приходы, в Пскове в изучаемое время действовали еще 22 городских храма, которые не представлены исповедными росписями:

1. Не имели приходов храмы архиерейского дома в Кремле – Благовещенский и Четыредесятый мучеников, а также загородный храм Пантелеймона Дальнего в Бору, действовавший при летней даче псковских владык. Там служили иеромонахи.

Даже кафедральный Троицкий собор, от которого сохранилось две исповедных росписи за 1734 и 1737 гг. по-существу тоже не был приходским. Его исповедниками в 1737 г. кроме духовных лиц, являлись люди, находившиеся на службе в Архиерейском доме.

2. Отсутствовали исповедные росписи у городских мужских обителей и церквей монастырских подворий, которые также были бесприходными. Поскольку священнослужителями в мужских монастырях являлись иеромонахи и иеродьяконы, то по каноническим правилам, чтобы не впасть в искушения и не быть смущенными миром, им не подобало совершать таинства для мирян: крестить женский пол, исповедовать, венчать браки. Поэтому естественно, что

приходы могли быть только при женских обителях, где служило белое семейное духовенство и существовали не слишком строгие правила келлиотского монастырского устава.

Как исключение из общего правила можно отметить наличие по одной сохранившейся исповедной росписи в мужских монастырях Петропавловском Сереткинском за 1727 г., Никольском в Любятово за 1733 г. и Рождества Богородицы Снетогорском за 1735 г. Это объясняется тем обстоятельством, что указанные объекты находились за пределами города, на землях Псковского уезда, населенных крестьянами и бобылями, которые для исповеди приходили в ближайший монастырь, духовно окормлявший местную округу. Притом нужно заметить, что в таких случаях обычно служили в монастырском храме и «принимали на дух» прихожан белые попы. В Сереткиной обители это был поп Пахомий Семенов (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3612. Л. 90). Вскоре эта практика была прекращена, так как по сообщению переписной книги белого псковского духовенства, составленной при проведении Второй ревизии в 1744–1747 гг. «при Петропавловском Сереткине монастыре приходских дворов нет, а наперед сего при том монастыре священно- и церковно служители имелись» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 46 об.). Так же обстояло дело и в Снятогорской обители, о чем свидетельствует даже заголовок исповедной росписи 1735 г.: «Книги Синодалного ведомства Псковской Епархии Снятогорского монастыря церкви Рождества Богородицы попа Федора Емелианова о себе и о жены и приходских тоя церкви людех...» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3465. Л. 1). В Никольском Любятовском монастыре причетников и мирян исповедовал иеромонах Исаакий, сам ходивший на исповедь в Мирожский монастырь к иеромонаху Феофилакту (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 77–77 об.). Ко времени II ревизии 1744–1747 гг. про Снятогорский и Любятовский монастыри отмечалось, что «наперед сего священно- и церковнослужители имелись, а ныне при ревизии священно- и церковнослужителей кроме иеромонахов и положенных в подушной оклад не явилось, и приходских дворов не имеется» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 46–47 об.).

Также в исключительном случае при церкви Преполовения Пятидесятницы на подворье Спасо-Преображенского Великопустынского мужского монастыря в 1733 и 1734 гг. служил белый поп Акила Федоров. Поскольку приходских дворов здесь не было, то исповедь совершалась только для семей связанных службой с Великопустынским подворьем: дьячка самой церкви, сторожа и дворника. Кроме того, священник Акила Федоров был духовником для двух попов и попады «из разных приходов» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 43–43 об.).

3. В изучаемый период (по данным II ревизии 1744–1747 гг.) в Пскове имелось также несколько приписных «ружных безприходных церквей», к которым относились храмы Иоанна архиепископа Новгородского на Запсковье, Покрова Богородицы с Пролому и Козмы и Дамиана с Утоков (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 7 об., 8, 23, 23 об.). Кроме того, «при ружной церкви святых Великомученицы Варвары, что на Усохи Святогорскаго монастыря на подворье приходских дворов нет, а наперед сего при оной церкви

священно- и церковнослужители имелись» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 23). К моменту сбора сказок в 1745 г. при указанных ружных церквях служило белое духовенство, но так как приходов у них не было, то исповедные росписи не велись.

В исповедных росписях встречаются упоминания духовных лиц, служивших в приписных церквях и на подворьях, которые не имели своих приходов. Например, в 1761 г. поп Григорий Нестеров из церкви Иоанна Архиепископа Новгородского, вместе с женой и приемной дочерью приходили на покаяние в соседний храм Богоявления с Запсковья (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3510. Л. 102 об.). В 1756 г. клирики Сергиевской церкви с Залужья на подворье Николо-Любятова монастыря – исповедовались в Анастасиевской церкви в Кузнецях (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3499. Л. 2 об.), а дьячок Яков Семенов с семьей из церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы при Псково-Печерском подворье «приходили на дух» в соседний храм Николы со Усохи (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3499. Л. 117 об.).

Заключение

На основании данных представленной таблицы можно подвести итоги численности действующих в Пскове храмов в изучаемый период. Для общего исходного списка всех городских и околгородных церквей были взяты сведения на конец XVII в., выявленные нами ранее на материалах переписных книг и ревизских сказок (Постников, 2015). Тем самым показана максимальная численность существовавших храмов и ее последующая динамика. Всего в последнем десятилетии XVII в. действовало 114 церквей. Из них в годы Северной войны по разным причинам оказалось утрачено 36. К началу синодального периода, то есть к 1721 г., оставалось действующими 79. В том числе разных церквей с приходами, где составлялись исповедные росписи – 57. Из них иконных приходских церквей и обращенных в приходы упраздненных монастырей – 39. Женских монастырей с приходами – 12. Мужских монастырей с приходами – 3. Подворье с приходом – 1. Храмов архиерейского дома с приходами – 2. Остается 22 действующих храма, не представленных исповедными росписями. Это мужские монастыри, их подворья, объекты архиерейского дома и «ружные безприходные церкви».

В связи с ограниченностью объема данной статьи не представляется возможным привести таблицы с подсчетом приходских дворов и численностью прихожан, а также с перечнем персонального состава духовенства по каждой из церквей Пскова, действовавших в рассматриваемый период времени. Это остается задачей дальнейшего исследования темы.

Необходимо отметить, что в исповедных росписях отсутствуют сведения о черном духовенстве псковских мужских монастырей. Дело в том, что исповедные росписи монашествующих за XVIII в. по Псковской епархии вообще не сохранились. Самые ранние из случайно уцелевших в ГАПО до нашего времени относятся к концу XIX – началу XX в. Таким образом, выявленные источники могут сообщать полноценные сведения только по белому духовенству, а также белицам-вкладчицам и келейницам, проживавшим «в надежде пострижения»

при девичьих монастырях. Имена игумений и сестер-монахинь в женских монастырях упоминаются в росписях только тогда, когда у них в кельях жили родственницы, белицы-келейницы или подсоседницы, которых обязательно указывали как исповедниц. Сами инокини в таких документах не записывались.

Исповедные росписи, в отличие от ревизий населения, которые проводились в XVIII в. примерно раз в 20 лет, составлялись ежегодно. Они дают исчерпывающие сведения о персональном составе и численности белого духовенства без каких-либо изъятий и пропусков. На их основании можно узнать о времени и сроках служения духовных лиц в каждом храме, о перемещениях по «лестнице чинов», что дает представление о жизненном пути представителей духовенства в те годы, когда еще не существовало послужных списков и клировых ведомостей, содержащих биографические данные.

Замечательная особенность исповедных росписей состоит в том, что они являются первым по времени появившимся источником, в котором с наибольшей степенью полноты стали учитываться люди «духовные и их домашние». Здесь приводятся данные о всех членах семей священно- и церковнослужителей и их возрасте (включая женскую половину), что открывает широкие возможности для реконструкции родословий представителей духовенства и изучения духовного сословия в целом.

Однако в силу специфики формирования «духовного чина» вокруг отдельных храмов, персональный состав белого духовенства и членов их семей должен рассматриваться по месту служения, пообъектно. Но эта задача выходит за рамки данной статьи и является предметом дальнейшего исследования.

Литература

- Алмазов А. И., 1894. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Т. I. Общий устав совершения исповеди. 622 с.; Т. II. Специальные уставы, отдельные молитвословия и церковно-гражданские постановления, относящиеся к исповеди. 463 с.; Т. III. Приложения. 415 с. Одесса.
- Анисимов Е. В., 1989. Время петровских реформ. Л.: Лениздат.
- Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е., Чибисов М. Е., 2008. О возможности использования материалов церковноприходского учета населения для изучения профессиональной занятости населения // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа. Барнаул.
- Гончаров Ю. М., 1994. Исповедные росписи как массовый источник по истории купеческой семьи на Алтае в конце XIX – начале XX в. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. Барнаул.
- Дитрих И. И., 2004. Исповедные росписи и метрические книги как источники по исторической демографии г. Пскова // Макарьевские чтения: материалы Третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.)/отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. [Электронный ресурс: <http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2004-2/37.rtf>] (дата обращения: 01.07.2014).
- Духовный регламент Петра Первого: С прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

- Знаменский П. В.*, 1873. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. Казань: Университетская типография.
- Кабузан В. М.*, 1963. Народнонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М.: Изд-во АН СССР.
- Корогодина М. В.*, 2006. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин. 584 с.
- Лебедева М. М.*, 2010. Антропонимика Островского уезда XVIII в. по исповедным росписям и метрическим книгам // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. журн. № 32.
- Макеенко Л. Н.*, 2009. Исповедные росписи как источник по истории дворянства и купечества // Материалы Третьих псковских архивных чтений, 17–18 нояб. 2008 г. Псков.
- Макеенко Л. Н.*, 2009а. Состав прихожан церковей г. Пскова XVIII – первой половины XIX в. // Земля Псковская, древняя и современная: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Древлехранилища музея и 120-летию со дня рождения А. А. Пурышева (24–25 нояб. 2008 г.). Псков.
- Маркова М. А.*, 2005. Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII – первой половине XIX в. как исторический источник: Метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки: дис. ... канд. ист. наук. СПб. 183 с.
- Миронов Б. Н.*, 1989. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л. С. 102–106.
- Морозова Э. А.*, 2002. Изучение истории крестьянских семей первой половины XIX в. на основе сводной базы данных по ревизским сказкам и исповедальным ведомостям // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 30. С. 189–192.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. II. Первая часть. СПб.: Синодальная типография, 1879.
- Павлов А. С.*, 2002. Курс церковного права. СПб.: Изд-во «Лань».
- Перечень архивных материалов, подлежащих уничтожению // Бюл. Центрархива РСФСР. 1927. № 4/5 (59/60).
- ПСЗ. Т. III. 1689–1699 гг. СПб., 1830. 694 с.
- ПСЗ. Т. V. 1713–1719 гг. СПб., 1830. 782 с.
- ПСЗ. Т. VI. 1720–1722 гг. СПб., 1830. 817 с.
- ПСЗ. Т. X. 1737–1739 гг. СПб., 1830. 990 с.
- Постников А. Б.*, 2015. Переписные книги и ревизские сказки как источники по истории псковской Церкви и духовенства последней трети XVII – первой половины XVIII века // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та. Сер. 2. История. № 2.
- Свиридова С. Л., Левин Н. Ф.*, 2014. Обзор фондов ГАПО, содержащих метрические книги, исповедные росписи и клировые ведомости (с приложением их списков по Порховскому уезду) // Материалы Восьмых псковских архивных чтений 20–21 нояб. 2013 г. Псков: Изд. ГАПО.
- Свиридова С. Л., Левин Н. Ф.*, 2016. Клировые ведомости, исповедные росписи и метрические книги церковей и погостов г. Великие Луки и его уезда в фондах Государственного архива Псковской области // Псковские архивы. № 3.
- Смиречанский В. Д., протоиерей*, 2010. История Псковской епархии IX–XVIII веков. Историко-статистический сборник сведений. Псков: Псковская обл. типография.
- Смирнов С. И.*, 2013. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. С приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М.: Синодальная типография. 290 с.

Е. В. Гончарова

Движение зависимого населения Псковского уезда в первой половине XVIII в.

E. V. Goncharova. The Pskov district Dependent Population Rotation in the First half of the 18th century

Abstract. Data on the number of dependent population of the Pskov district in the first half of the 18th century preserved in the materials of registered males descriptions. According to the data of I revision (1719) there were recorded 19 690 males of per capita salary on the territory of the Pskov district. By 1746 – the time of the second revision – this number is increasing by 43% and amounts to 28 065 males. The greatest growth is observed in the realm of the palace possessions and is 53%. This could occur as a result of natural growth, and by the confiscation of other property owners. The percentage of the various categories of the dependent population virtually unchanged. Almost 32% of the total accounted for landowners serfs, 27% are the monastery, 15% – the church and to 13% – episcopal and palace serfs.

Ключевые слова: крепостные крестьяне, ревизские сказки, Псковский уезд.

Keywords: serf peasants, «revizskie skazki» (registered males descriptions), Pskov district

Изучение социальных процессов невозможно без учета численности и динамики населения. Большая часть жителей Российской империи вплоть до середины XIX в. находилась в зависимом состоянии. В связи с этим одной из важнейших задач внутренней политики XVIII в. был учет крепостных крестьян, который осуществлялся посредством проведения ревизий. Указ от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ» ввел подушную перепись крепостного населения (Полное собрание законов...). Таким образом, в результате проведения I и II ревизий были получены данные о числе зависимого населения Псковского уезда в первой половине XVIII в., которые сохранились в составе материалов описаний этого периода.

Собранная в ходе переписи информация на первом этапе заносилась в ревизские сказки, сведения которых затем обобщались в сводной документации. Из широкого круга массовых исторических источников ревизские сказки более прочих известны исследователям и при этом наименее изучены. Причиной этому служит значительный объем предоставляемой ревизиями информации, анализ которой требует привлечения значительных сил (*Кабузан, 1971. С. 3*).

На момент проведения I и II ревизий, которые пришлось на первую половину XVIII в., учету подлежали только лица мужского пола, а формуляр самих описаний еще не был выработан. Все статистические данные оформлялись в таблицу с указанием количества душ и изменений в их числе с момента последнего описания. Крепостные крестьяне записывались с уточнением возраста, причин убыли (смерть, бегство, перевод, запись в рекруты, замужество) и пополнения. После составления ревизские сказки направлялись в местные органы управления, где и формировались перечневые ведомости, которые затем поступали в ревизские комиссии (отметим, что помещики подавали ревизские сказки на крепостных непосредственно в ревизские комиссии). После обобщения данных в ревизских комиссиях они направлялись в уездные казначейства и казенную палату, где сведения проверялись и подытоживались на уровне губернии. И несмотря на определенную вероятность неточности общих показателей ввиду постоянного движения населения (смертность, рождаемость, бегство крепостных), укрывательства части крестьян, а так же некоторых двойных подсчетов (*Ден*, 1902. С. 120), ревизские описания дают возможность проследить изменения числа и состава зависимого населения (*Арсентьев, Егунова*, 1996. С. 214–229).

Сведения о крепостном крестьянстве Псковского края XVIII в. были привлечены В. М. Кабузаном (*Кабузан*, 1971. С. 52–83), Я. Е. Водарским (*Водарский*, 1977. С. 92–134), Е. В. Анисимовым (*Анисимов*, 1994. С. 158–177) и Б. Н. Мироновым (*Миронов*, 1999. С. 219–220) в связи с рассмотрением общих вопросов социально-экономической истории Российской империи и Северо-Западного региона в частности, однако исследователи не анализировали процессы, протекавшие на уровне уездов Псковской земли. В это же время наличие источников (ревизских описаний) позволяет проследить эти микропроцессы.

Изучение сводной ведомости по итогам II ревизии (за 1746 г.), сохранившейся в составе фонда 22 «Псковская провинциальная канцелярия» Государственного архива Псковской области, позволило дать общую характеристику движения зависимого населения и определить процентное соотношение различных категорий крепостных крестьян на территории Псковского уезда в первой половине XVIII в. Так, на момент I ревизии (1719 г.) в уезде было зафиксировано 19 690 душ мужского пола (далее – д. м. п.), состоявших в подушном окладе. К 1746 г. – времени второго описания – это число составило 28 065 д. м. п.

Среди учтенных по I ревизии крестьян было: 6 017 д. м. п. – помещичьих, 5 792 д. м. п. – монастырских, 2 764 д. м. п. – церковных, 2 696 д. м. п. – архиерейских и 2 421 д. м. п. – дворцовых. Таким образом, наиболее заметными были две категории: помещичьи и монастырские, на долю которых приходилось по 30% от общего числа. Примерно поровну было архиерейских и церковных – по 14%, дворцовые составляли 12%.

На момент II ревизии помещичьих крестьян насчитывалось уже 8 850 д. м. п., монастырских – 7 614 д. м. п., церковных – 4 138 д. м. п., архиерейских – 3 768 д. м. п. и дворцовых – 3 695 д. м. п. (ГАПО Ф. 22. Оп. 1. Д. 387).

Таблица 1

Движение зависимого населения в Псковском уезде в первой половине XVIII в.						
крестьяне	I ревизия		II ревизия		динамика	
	д. м. п.	%	д. м. п.	%	д. м. п.	%
дворцовые	2 421	12.3	3 695	13.2	1 274	53
помещичьи	6 017	30.6	8 850	31.5	2 833	47
архиерейские	2 696	13.7	3 768	13.4	1 072	40
монастырские	5 792	29.4	7 614	27.2	1 822	31
церковные	2 764	14.0	4 138	14.7	1 374	50
Всего	19 690	100	28 065	100	8 375	43
Источник: ГАПО Ф. 22. Оп. 1. Д. 387. Л. 831–1549						

Таблица 2

Динамика численности помещичьих крестьян Псковского региона в первой половине XVIII в.				
территория	I ревизия	II ревизия	динамика	
	д. м. п.	д. м. п.	д. м. п.	%
Псковский уезд	6 017	8 850	2 833	47
Псковская провинция	42 500	73 700	31 200	73
Псковская губерния	86 400	12 8070	41 670	48
Источники: ГАПО Ф. 22. Оп. 1. Д. 387. Л. 831–1549.; Анисимов, 1994. С. 158–177; Водарский, 1977. С. 151; Кабузан, 1971. С. 60–61.				

Общая структура крестьянства и процентное соотношение разных категорий крепостных практически не изменились за четверть века. Чуть больше стал разрыв между монастырскими и помещичьими. А последние стали преобладающей группой зависимого населения Псковского уезда и составили почти 32%. Монастырских было 27%, церковных – почти 15%, и по 13% приходилось на архиерейских и дворцовых (табл. 1).

Можно сопоставить динамику численности помещичьих крестьян в первой половине XVIII в. в Псковском уезде с данными для территории Псковской провинции и будущей Псковской губернии. Так, прирост в уезде составил 47%, что практически совпадает с данными для территории будущей губернии – 48%. А для провинции этот показатель достиг 73% (табл. 2).

Таким образом, общее число крепостных крестьян увеличилось между ревизиями на 43%. Рост числа дворцовых составил 53%, помещичьих – 47%, архиерейских – 40%, монастырских – 31% и церковных – 50%.

На движение зависимого населения в первой половине XVIII в. оказали влияние как естественные демографические факторы, так и политика правительства, которая реализовывалась, в том числе, посредством пожалований и конфискаций. Для учета последних даже было организовано специальное учреждение – Канцелярия конфискаций (Индова, 1975. С. 272–292). Эти земли в последующем могли стать резервом для раздач.

Следует отметить, что государственные крестьяне, как отдельная категория зависимого населения Псковского уезда, в первой половине XVIII в. по ревизским описаниям этого периода не прослеживается ни для Псковского уезда, ни для территории Псковского края. При этом преобладающими группами

в составе зависимого населения Псковского уезда были помещичьи и монастырские крестьяне. Примечательно, что их соотношение практически одинаково, что специфично именно для территории Псковского уезда, поскольку как по данным В. М. Кабузана (*Кабузан*, 1971. С. 72–73), так и по сведениям Е. В. Анисимова (*Анисимов*, 1994. С. 158–177), на территории Псковской губернии и всего Северо-Запада России помещичьи крестьяне заметно преобладали по отношению к крепостным духовных феодалов.

Литература

- Анисимов Е. В.*, 1994. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб.
- Арсентьев Н. Б., Егунова А. И.*, 1996. Ревизские сказки: новые возможности исторического исследования // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М.
- Водарский Я. Е.*, 1977. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М. 263 с.
- Ден В. Э.*, 1902. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 1. М. 377 с.
- Индова Е. И.*, 1975. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М.
- Кабузан В. М.*, 1971. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М. 190 с.
- Миронов Б. Н.*, 1999. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб. 548 с.
- Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825]. Т. 5. СПб.: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Н. В. Лопатин

Этнический аспект летописных известий о раннем Изборске

N. V. Lopatin. The Ethnic Aspect of the Old Russian Annalistic Narrations on Early Izborsk

Abstract. «The Legend of the Calling-in of the Varangians» within the Old Russian Chronicles tells that prince Truvor reigned in Izborsk, but does not point out the conformity of this town with any particular ancient tribe. Only the Ustiug Chronicle (16th cent.) names Izborsk the town of Krivichians. Another tradition is represented by «The Legend of Sloven and Rus» from the late chronicles (17th – 18th cent.), where the native people of Izborsk region are called Chud'. Despite the fact that both late-medieval messages have some certain grounds, they should be considered more as a phenomenon of historical thought of that time than as a reflection of real ethnographic information.

Ключевые слова: Новгородская летопись, Повесть временных лет, Устюжская летопись, Сказание о Словене и Русе, чудь, кривичи, славяне.

Keywords: Novgorod chronicle, Tale of bygone years, the Ustiug chronicle, the Legend of Sloven and Rus, Chud', Krivichians, Slavs.

Этническая характеристика средневекового населения Псковской земли – давняя тема исследований многих историков и археологов. Интригу этим исследованиям придает тот факт, что в Начальной летописи не названа «племенная» принадлежность славян, заселивших Псковскую землю.

Избрав конкретную тему, сформулированную в заголовке, следует в первую очередь указать, что в данном отношении (Изборск, этнический аспект) все летописи делятся на три группы:

1. Большинство вариантов Начальной летописи, где Изборск в контексте «Сказания о призвании варягов» назван местом княжения Трувора, но связь этого города с определенным «племенем» не указана.

2. Устюжская летопись XVI в., в которой Изборск объявлен городом «в кривичах».

3. Поздние летописи XVII–XVIII вв., содержащие в начальной части «Сказание о Словене и Русе», где жители земли Изборска именуются чудью.

Несмотря на то, что в «Сказании о призвании варягов» перечислены «племена» и города, ни одна из его основных версий – по Новгородской первой летописи (НПЛ) и по Повести временных лет (ПВЛ) – не дает прямого ответа на вопрос: в землях какого племени расположен Изборск? Столетиями вчитываясь в строчки летописей, историки усматривали в них свидетельства принадлежности Изборска разным племенам, действующим в «Сказании», а именно: кривичам, чуди, словенам и даже мере. Этногеография «Сказания», включая историографию вопроса, рассмотрена в другой публикации (Лопатин, 2015), поэтому здесь остановимся лишь на основных выводах и дополнительных соображениях.

Версия Варяжского сказания по НПЛ вообще не содержит явных указаний на соответствие трех упомянутых городов – Новгорода, Белоозера, Изборска – племенам, приглашающим князей. В этом, в частности, отношении от нее отличается версия ПВЛ, указывающая на прямую связь племен с городами: «перввии насельници в Новегороде словене, Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Белеозере весь, в Муроме мурома».

Научный спор о соотношении НПЛ и ПВЛ не прекращается, но здесь не будем в него углубляться, придерживаясь шахматовской традиции понимания НПЛ как отражения Начального киевского свода – предшественника ПВЛ. Целый ряд пассажей именно Варяжского сказания наиболее логично понимать как попытку автора ПВЛ объяснять темные места этого рассказа в версии НПЛ. К таким пояснениям относятся и вышеуказанные соответствия племен городам, и перечисление варяжских народов ради толкования руси как одного из них, и комментариев к фразе «новгородцы от рода варяжска» – «прежде бо беша словени».

На этом фоне показательны контексты двух версий «Сказания» с упоминаниями чуди: если в НПЛ чудь является явной вставкой в конец списка «племен», то в ПВЛ она расположена в начале перечней, не нарушая стройности фразы¹. Вставной характер упоминания чуди в НПЛ свидетельствует о непростой истории данного текста, редактирование которого прошло несколько этапов, предшествующих ПВЛ.

¹ Неубедительно рассуждение В. Я. Петрухина, усматривающего здесь дополнительный аргумент в пользу отстаиваемой им концепции вторичности НПЛ по отношению к ПВЛ: «... что заставило составителя НПЛ сделать эту вставку? Не иначе как традиция, включающая чудь в число варяжских данников и участников призвания варягов, свойственная всем редакциям ПВЛ. Стало быть, варяжская легенда в редакции ПВЛ была все же первичной по отношению к НПЛ» (Петрухин, 2012. С. 441). Но, утверждая вторичность текста НПЛ, придется предположить двукратное заимствование списка приглашающих племен из одного и того же источника: сперва – три племени, причем с изменением порядка перечисления (словене, кривичи, меря), и затем – дополнительно чудь (которую было бы удивительно для переписчика не заметить сразу, коль скоро в ПВЛ она стоит первой в списке). Гипотеза о заимствовании чуди в НПЛ из ПВЛ вероятнее могла бы свидетельствовать о контаминации, как это предполагал первоначально Шахматов.

Гипотетически намечаются три слоя в стратиграфии Варяжского Сказания по НПЛ. 1-й слой – в составе киевского Древнейшего сказания рубежа X–XI вв. (*Гиттис*, 2012. С. 54, 60, 61). К этому слою относится сюжет о варяжской дани и призвании всех трех князей в Новгород².

2-й слой «Сказания» – дополнения времени Ярослава. Предполагаем, что при молодом Ярославе киевский дружинный фольклор продолжал бытовать и развиваться в Новгороде. В том числе развивался и сюжет о призвании варягов. В этом контексте вполне мотивировано усложнение его несколькими острыми и злободневными вставками, актуальными для политики Ярослава в период его новгородского княжения – чудь (в третьем и четвертом перечнях), Изборск, Белоозеро. Устные сказания на эту тему должны были быть адресованы аудитории, имеющей отношение к осуществлению этой политики, – дружине князя. Здесь можно видеть аналогию с исландскими сагами XII века, в которых рассказ о прошлом соотносился с политическими реалиями своего времени (*Джаксон*, 1993. С. 19). Далее: так же, как и древнейшие записи в Киеве, это дополненное Сказание попало в летопись.

3-й слой – развитие композиции Древнейшего сказания в Начальном своде – статья 854 г. НПЛ, в том числе вставка во втором перечне «племен» – «а чюдь своим родом» (подробнее см.: *Лопатин*, 2015; 2016).

Что же касается текста «Сказания» в ПВЛ, то чрезвычайно примечательной и, очевидно, неслучайной его особенностью является пропуск в заключительном перечне, где обобщается этнонимия и топонимия Сказания, ровно двух названий: из этнонимов – чуди, из топонимов – Изборска. Данное умолчание указывает на смысловую связь между ними и заставляет предполагать намерение летописца (по некоторой причине не реализованное) назвать именно чудь «первыми насельниками» Изборска.

В обеих редакциях Сказания о призвании варягов просматривается взаимосвязь чуди с Изборском, однако с разной окраской. Если в редакции НПЛ присутствие Изборска следует понимать как иносказательное обозначение опорного пункта политики Ярослава в отношении чуди, то составитель ПВЛ, весьма вероятно, имел замысел связать с чудью само происхождение этого города.

* * *

Устюжская летопись начала XVI в. (называемая также Архангелогородским летописцем) в отношении нашей темы стоит особняком, поскольку текст Сказания о призвании варягов дополнен в ней уникальным известием: «... трети Трувор съде во Изборску, а то нынѣ пригородок псковский, а тогда был в кривичех большии город».

² Такой вариант повествования, в котором имена князей первоначально названы вне связи с тремя городами, содержится в ряде поздних летописей, например, в Устюжской: «И избрся 3 браты с роды своими: первыи [Р]юрик, вторыи Синеус, трети Трувор, и пояша с собою дружину многу, и изыдоша к Новугороду» (Устюжский... С. 20). Однако доказать древнее происхождение этой оригинальной фразы затруднительно.

Отношение ученых к этому памятнику неоднозначно. Целый ряд крупных специалистов предполагал в разное время присутствие в нем древнейших сведений, не сохранившихся в основных текстах Начальной летописи (А. А. Шахматов, А. Н. Тихомиров – см.: *Зиборов*, 2010. С. 290). Однако и сам Шахматов впоследствии, и А. Н. Насонов (1969. С. 21) отвергли такое отношение к Устюжской летописи; в настоящее время среди историков преобладающей стала точка зрения, что «ни одно из дополнительных известий этой летописи не обнаруживает черт первичности по отношению к ПВЛ и НІмл. и.; они представляются лишь попытками пояснить и дополнить ранние тексты» (*Лурье*, 1997. С. 64–65).

В. К. Зиборов в недавней публикации вновь выявляет в Устюжской летописи ряд фрагментов, которые на основе текстологического анализа являются предшествующими текстам и НПЛ, и ПВЛ (*Зиборов*, 2010). Дискуссию о наличии в Устюжской летописи древних элементов следует считать незавершенной, однако в сюжете о призвании варягов удастся наметить, напротив, только вставки позднего времени. К таковым предположительно относятся пассажи, выделенные ниже курсивом: «... новгородстии людие и с ними словени, и кривичи, и меряны...; ... и каждо своим родом живяше, а чюдь, *новгородцы* свою власть имуще...; *И начаша меж собою пословати и, снидошася вкупе...*; Придоша князи *немьския на Русь княжити...*; ... первыи Рюрик седе в Новегороде, *и оттоле наречен бысть Новеград Великии*, а брат его вторыи Синеус седе на Белеозере, третии Трувор седе во Изьборску, *а то ныне пригородок псковский, а тогда был в кривичех больший город*» (Устюжский... С. 20).

Таким образом, сообщение об Изборске как городе в земле кривичей находится в большом ряду инноваций данной летописи и должно быть отнесено к литературному творчеству автора XVI в., который в целом ряде вставок продемонстрировал свое стремление толковать древний текст.

* * *

В «Сказании о Словене и Русе», известном в многочисленных редакциях и списках XVII–XVIII вв., излагается легендарная версия древней, «дорюриковой», истории славянских народов и Руси, сфокусированная на центральной роли Новгорода. Сказание впервые появляется в сборниках конца 1630-х гг. и предположительно принадлежит перу митрополита Новгородского Киприана.

Приведем фрагмент Сказания, относящийся к нашей теме, по Мазуринскому летописцу (1682 г.): «Сын старейшаго князя Гостомысла, именуемый младый Словен, сей отъиде от отца своего в Чюдь и тамо постави град во имя свое над рекою на месте, нарицаемом Ходницы, и нарече имя граду Словенск, и княжив в нем три лета, и умре. Сын же его Избор переменяи граду Словенску имя и нарече во свое имя Изборск. Сей Избор, змием изъеден, умре» (ПСРЛ. Т. 31. С. 28).

По тексту изданной Н. А. Львовым «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» (Подробная летопись... С. 10): «Славенск, сын Гостомыслов, отшед от отца своего в Чудь, и тамо поставя град на месте нари-

цаемом Сходница, и нарече граду имя Славенск, и княжи в нем три лета и умре; сын же его Изборск премени тому граду Славенску имя, и нарече его во имя свое Изборск. Сей князь Изборск змием уяден, умре».

В оригинальном летописном памятнике, известном под названием «Кроник Псковский» (1689 г.), текст «Сказания о Словене и Русе» трансформирован, а сюжет об Изборске и его жителях значительно расширен: «Приидоша из западныя страны, из чюди выборныя люди и обладатели страны тоя в великий Нов град з дарами поклонитися старейшины, великому князю Гостомыслу и сыну его Младому Славену, чтоб отпустил к ним во страну сына своего княжити и обладати ими и всею строною их, что у них старейшины и обладателя над ними нет. И старейшина великий князь Гостомысл в великом Нове граде договор свой до (го)ворил с ними, что всякую дань с них имати и всякое вспоможение в великий Нов град отвозити и платити непременно, дондеже солнце нас огревает (л. 16) и земля нас питает. И пришелцы тии печати свои старейшины великому князю Гостомыслу отдаша и сына ево с печатю гостомысловою приняша, и во страну свою отидоша. И поживе той старейшина Младый Славен во стране той время доволно, 28 лет и умре при животе отца своего Гостомысла. И после его в той стране остася Зборск, сын его 20 лет. И той старейшина великий князь Гостомысл повеле внуку своему Зборску в той стране княжити и всеми людьми страны тоя обладати с подданными своими, и всякую дань на себя збирати и в великий Нов град помогати. И той старейшина Зборск поживе во стране той и владе ею 26 лет, змием уяден бысть и умре. И после того Зборска остася сын его Изборск, отехал в великий Нов град к прадеду своему великому князю Гостомыслу и поживе у него. И великий князь Гостомысл жени его в великом (л. 16 об.) Нове граде на Великославне дщери его Олеги. И поживе той князь Изборск и з женою своею Олегою в великом Нове граде 3 лета и потом отпусти его во отечество свое, наказав и наделив доволно. И приказа владомым во всем его слушать, и град землен во имя его изсыпать на горе висоце Изборск. И поживе в нем князь Изборск во граде Изборске время доволно 25 лет и умре. И после князя Изборска во граде Изборске остася княиня его Олегия Великославна со дщерию своею Олгою Изборсковной» (Турилов, Чернецов, 2016. С. 62, 63).

Обилие фантастических деталей в приведенных вариантах текста склоняет к мнению, что и чудская принадлежность жителей округа Изборска является в данном контексте плодом литературной работы периода позднего Средневековья, но не реликтом достоверных сведений эпохи начала Руси.

Однако важно отметить и то, что в тексте присутствуют и географические реалии Северо-Запада Руси (Лаврентьев, Турилов, 1996. С. 19; Буланин, Турилов, 1998). Так, в нем подробно поименованы реки в окрестностях Новгорода и Старой Руссы. В этом ряду и топоним *Ходницы* или *Сходница* в Изборске, совпадающий с названием речки, при которой расположено Изборское городище, позволяет предполагать достоверность некоторых сведений «Сказания» об Изборске. Поэтому нельзя исключать, что в основе версии о чудской принадлежности жителей Изборска в «Сказании о Словене и Русе» были местные фольклорные традиции, связанные с чудью. В частности, к таковым может

относиться топоним «чудские могилы», зафиксированный на окраине Изборска архиепископом Евгением при обследовании местности в 1818 г. Время появления этого топонима – вопрос открытый, и за неимением данных приходится признать более вероятной первоначальность летописного текста (см. об этом подробнее ниже).

Другим фактором, повлиявшим, вероятно, на актуализацию версии о чудской принадлежности земли Изборска, было использование этнонима *чухна*, *чухно* в XV–XVII вв. в отношении представителей народа сету, заселявшего окрестности Изборска и соседнюю территорию к западу. Так, в Псковской 2-й летописи под 1444 г. записано: «Тоя же осени князь Александръ Васильевич съ псковичами ездивше подъ Новыи городокъ немецкыи (Нейгаузен – *Н.Л.*), и потроша жито на своей земли, и поймавше 7 чюхновъ повѣсиша» (ПЛ-2. С. 47). Несудимая грамота 1549 г., подтверждавшаяся в 1606, 1621, 1632 гг., давала право Печерскому монастырю судить своих «слуг, крестьян, чюхнов» (*Масленникова*, 1996. С. 470); под последними понимались, очевидно, сетуские крестьяне (*Селарт*, 2016. С. 32). Этноним *чухна*, *чухно* является вариантом наименования *чуди*; причем слова эти являются либо однокоренными, либо близкими по происхождению (*Агеева*, 1970. С. 200–201).

Обе позднесредневековые традиции отличаются от дискурса Начального летописания прямыми указаниями на этническую принадлежность жителей древнего Изборска и его округа. Следует предполагать, что этот вопрос волновал авторов того времени так же, как и нас сегодня. Они искали ответ и находили его в соответствии со своими знаниями и историческими представлениями.

* * *

В XIX столетии берут начало дискуссии современного периода об этнической принадлежности жителей древнерусского Изборска среди ученых – историков и археологов. Не ставя здесь задачи сделать обзор историографии этой проблематики (см.: *Лопатин*, 2015), укажем на труды двух историков, являющиеся основным связующим звеном между перечисленными выше летописями и наукой Нового времени. Это «История государства Российского» Н. М. Карамзина (увидевшая свет в 1818 г.) и публикации митрополита Евгения (*Болховитинов*, 1825; 1831). Оба автора обращались ко всему комплексу вышеуказанных летописей, и оба заложили в науку линию признания жителей Изборска ветвью кривичей.

Карамзин, присоединившись к ряду предшественников, в том числе к Тащицеву (см.: *Буланин*, *Турилов*, 1998. С. 447), резко осудил историческую концепцию «Сказания о Словене и Русе» как баснословную. Он изложил «Сказание о Словене и Русе» в примечаниях к главе II «Истории», характеризуя как сказку, сочиненную в XVII веке и внесенную невеждами в летопись (*Карамзин*, 1989. С. 196–197). Сообразно с этим и версия чудской принадлежности жителей Изборска не заслужила внимания историографа, но в сюжете о призвании варягов он без сомнений назвал Изборск городом кривичей (Там же. С. 94). Соответствующая цитата из Архангелогородского летописца приведена им без комментариев (Там же. С. 242), хотя в другом месте он скептически отзывался

о стиле этого источника: «Так в новейшие времена украшали простые Несторы сказания» (Там же. С. 247).

Митрополит Евгений посчитал необходимым в повествовании об Изборске заявить: «Начало сего города, так как и народа, первоначально населившего оный, нам неизвестно» (Болховитинов, 1825. С. 190). В более позднем труде он пришел уже к определенному заключению: «Изборские кривичи были слабее соплеменников своих (полочан, смолян и ильменских славян – *Н.Л.*)... Издревле оселявшие обширные озера, Чудское и Псковское, лифляндские и естляндские чуди кажется с самого начала не позволяли им приблизиться к оному. По сему то избрали они в 15 верстах от озера Псковского высокую гору для построения на ней города своего Изборска» (Болховитинов, 1831. С. 5). Исследователь с сомнением относился к поздним летописям, продлевавшим историю Руси и Изборска в глубокую древность: «Но все сии сказания, как поздние и в древних летописях не обретающиеся, сомнительны» (Там же. С. 6). «Сказание Преподобного Нестора» он пересказывает явно с большим пиететом и тут же отмечает источник, к информации которого, очевидно, относился с доверием: «а Летописец Архангелогородский называет и Изборск городом кривичей» (Болховитинов, 1825. С. 193).

Тем не менее целый ряд описаний изборской местности в этой публикации звучит как отголоски «Сказания о Словене и Русе». Это и «Чудские могилы» (Болховитинов, 1825. Графическая таблица на вклейке, многократно опубликованная, напр.: Седов, 2007. С. 44), и река Сходница, описание расположения которой дано предельно точно: «Изборск... лежит ... на речке, коея верховье, против города, издревле называлось Смолкою..., ниже города от озера Городищенского... до Мальского озера именовалась Сходницею...» (Болховитинов, 1825. С. 189). Конкретную топографическую привязку находит и первоначальный Словенск, позднее переименованный в Изборск: «Если верить вышеупомянутой Летописи Львова, то древнейший Изборск был вниз по течению реки, а по сказанию старожилов, на левом оныя гористом берегу от нынешнего верстах в трех..., где течет река Сходница, и назывался *Словенск*, по имени князя Словена, сына Гостомыслова» (Там же. С. 199). Очевидно, что сами «сказания старожилов» уже находились под влиянием летописных текстов, изданных (наряду с историческими сочинениями) в течение XVIII в. О таком же влиянии литературы на развитие фольклора и местной топонимии Изборска свидетельствует и сообщение: «А поселяне близ ... городища ... указывают каменную большую плиту, якобы над Трувором» (Там же. С. 197).

Признавая Изборск городом кривичей, митрополит Евгений не сомневался и в реальности указания летописей на чудь в районе Изборска: «Варягорусские князья основали свои столицы при больших озерах на границах неприятельских... Трувор при Пейпусе в соседстве от ливонских чудей... Правда, столица Труворова была отдаленнее других от своего озера, потому что в его время чуди обсеяли еще все оное» (Там же. С. 195).

Несколько позднее, в 1840 г., археологическое обследование Изборска осуществил профессор Фридрих Крузе (*Грушина*, 2016), который, вполне очевидно, использовал публикацию митрополита Евгения в качестве путеводителя.

Ряд надписей, существенных для нашей темы, на археологической карте, составленной этим автором, совпадает с информацией предшественника: 1) «Slowensk» к северу от Городища; 2) «Chudische Gräber. Tumuli vom B. Eugenius angeblich aufgegraben» («Чудские могилы. Курганы, предположительно раскопанные епископом (?) Евгением»). Петлеобразный въезд на Городище по восточному склону холма также перекликается с изображением на панораме Изборска, опубликованной митрополитом. Правда, отсутствует гидроним *Сходница*, а на его месте подписано *Smolka*. В целом, касательно нашей темы, топонимия карты Ф. Крузе должна рассматриваться в едином комплексе с трудом митрополита Евгения.

* * *

Таким образом, причину появления Изборска в Начальной летописи следует усмотреть в его ключевом географическом положении. К началу XI в. это был небольшой город, располагавшийся у западных рубежей Новгородской земли, в регионе, уже колонизованном славянами, но значительную долю населения которого составляло автохтонное иноязычное население – чудь.

Этнический аспект летописных рассказов XVI–XVII вв. о раннем Изборске следует рассматривать в большей мере как явление исторической мысли своего времени, чем в качестве отражения ими реальной этнографической информации.

Этнокультурная история региона Изборска и соседних территорий активно изучается археологически. Несмотря на то, что на многие вопросы до сих пор не получены однозначные ответы, это направление исследований имеет большой потенциал для прояснения спорных вопросов истории края. Материалы археологии, которые, в отличие от письменных источников, продолжают пополняться весьма динамично, свидетельствуют о взаимодействии в регионе Изборска на протяжении I и II тысячелетий н. э. различных этносов, в том числе прибалтийско-финских (чудь) и славянских (в том числе, очевидно, кривичей). Действительное соотношение древних этносов было, конечно, значительно сложнее, чем это донесли до нас скудные сообщения летописей.

Литература

- Агеева Р. А., 1970. Об этнониме *чудь* (*чухна*, *чухарь*) // Этнонимы / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, Глав. редакция вост. л.-ры. С. 194–203.
- (Болховитинов) Евгений, 1825. Летопись древнего славено-русского княжеского города Изборска // Отечественные записки. Часть 22. Кн. 61. С. 189–250.
- (Болховитинов) Евгений, 1831. История княжества Псковского. Часть I. Киев.
- Буланин Д. М., Турилов А. А., 1998. Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 3. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 444–447.
- Гиттиус А. А., 2012. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера. С. 36–63.

- Грушина Л. Е.*, 2016. Исследование памятников археологии Изборска и округа профессором Дерптского университета Фридрихом Крузе в 1840 году // *Setumaa kogumik* 7. Tartu; Värska. С. 253–283.
- Джаксон Т. Н.*, 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе: (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука. 304 с.
- Зиборов В. К.*, 2010. О начальной части Устюжской летописи // Краеугольный камень. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова. Т. I. М.: Ломоносовъ. С. 290–298.
- Карамзин Н. М.*, 1989. История государства Российского. Т. I. М.: Наука. 640 с.
- Лаврентьев А. В., Турилов А. А.*, 1996. «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. Тезисы 15-й конференции. М.: Ин-т славяноведения и балканистики. С. 19–24.
- Лопатин Н. В.*, 2015. К этногеографии Сказания о призвании варягов // Города и веси средневековой Руси. М.; Вологда: Древности Севера. С. 286–292.
- Лопатин Н. В.*, 2016. Изборск и Варяжское сказание // РИ. № 5. С. 124–139.
- Лурье Я. С.*, 1997. История России в летописании и в восприятии Нового времени // Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб.: Дмитрий Буланин. С. 11–172.
- Масленникова Н. Н.*, 1996. Хозяйство Псково-Печерского монастыря в 40-х годах XVII в. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.: изд-во СПбГУ. С. 463–473.
- Насонов А. Н.*, 1969. История русского летописания XI – начала XVIII века. М.: Наука. 556 с.
- Петрухин В. Я.*, 2012. Финские племена и призвание варягов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Ун-т Дм. Пожарского. С. 437–447.
- Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Ч. I. СПб. ПСРЛ. Т. 31 – Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.
- Селарт А.*, 2016. Введение // Selart A. (ed.). The Pskovo-Pechersky Monastery During the Livonian War (1558–1582). Holdings in Estonia = Псково-Печерский монастырь во время Ливонской войны (1558–1582 гг.). Землевладение в Эстонии. Tartuer historische Studien. Band 5, Hamburg. С. 17–47.
- Турилов А. А., Чернецов А. В.*, 2016. Деяния княгини Ольги в «Псковском Кронике» 1689 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (65). С. 57–75.
- Устюжский летописный свод. Подг. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 128 с.

В. Ю. Соболев

Торговые связи населения Северо-Запада Новгородской земли

V. Yu. Sobolev. Trade Relations of the Population of the North-West of Novgorod Land

Abstract. The paper deals with certain categories of jewellery, details of costume, household items, which arrived in the North-West of Novgorod land as a result of trade with other ancient principalities, or neighbouring countries. Finds of ornaments, details of costume and gear, various household items demonstrate the extensive trade relations of the medieval rural population. Various categories of imported goods and items produced in other ancient principalities were regularly received by the North-West of Novgorod Land during the XIth–XIVth centuries. However, it is currently impossible to determine exactly what items came to the people of the West of Novgorod land through Novgorod itself, and which were received either directly or through another city or a trade centre.

Ключевые слова: Новгородская земля, торговля, торговые связи

Keywords: Novgorod land, trade, trade relations.

Вопросы внутренних и дальних торговых контактов населения отдельных городов, территорий, регионов уже на протяжении многих десятилетий являются объектом исследований. В первую очередь внимание ученых привлекают собственно торговый инвентарь, нумизматические материалы, яркие – для Новгородской земли это в первую очередь скандинавские – импорты (о скандинавском влиянии на древнерусскую культуру см.: *Лесман, 2004*). В тоже время не стоит забывать, что практически все средневековое новгородское население активно участвовало в торговле, предметами которой являлись не только заморские диковинки и ювелирные украшения, но и продукты сельского хозяйства или товары городских ремесленников. Не все предметы торговли, даже самые жизненно необходимые, могут быть прослежены археологически (например, соль¹), а наше знание о купле-продаже партий некоторых товаров несомненно дальней торговли может быть подтверждено лишь опосредованно (цветные металлы, сера и т.п.).

¹ Собственно археологически может быть прослежено только производство соли, но не ее хранение или перемещение.

Характер, причины, пути, способы и динамика поступления и причины смены одних типов вещей (например, предметов вооружения) другими должны рассматриваться в специальном тщательном исследовании. Цель настоящей статьи не в полном анализе всех найденных на Северо-Западе Новгородской земли предметов, которые могли попасть сюда в результате торговых операций. Важно выделить отдельные категории находок и попытаться наметить направления их поступления.

Торговый инвентарь и средства платежа

Находки *весов для малых взвешиваний* в захоронениях зачастую интерпретируются исследователями как свидетельство «профессиональной» деятельности погребенного (Успенская, 1976. С. 40). В погребальных памятниках Северо-Запада в раскопках XIX в., вероятно, они не были встречены, во всяком случае, не привлекли внимания исследователей. В западной части Новгородской земли известно небольшое число находок весов и их деталей, происходящих как из погребальных памятников, так и из культурных слоев поселений.

В Залахтовском могильнике остатки весов и несколько гирек были найдены в кургане 131, выделяющемся находкой меча и «всаднического набора» (Хвоцинская, 2004. С. 105). В схожем по набору вещей и хронологии кургане 10 группы у д. Ньюбиничи остатки весов были найдены в погребении так же вместе с обломками сильно корродированного меча, деталями наборного пояса и рядом украшений и фрагментов керамических сосудов (Кочкуркина, Линецкий, 1985. С. 136). В курганной группе Усть-Река, на южном берегу озера Ильмень, в погребении в кургане 4, исследованном Б. Д. Ершевым, были найдены весы, набор разновесов (Ершевский, Конецкий, 1985. С. 62–64; Торопов, 2014. С. 247) и обрывки кожаного пояса, украшенного бронзовыми накладками. Весы для малых взвешиваний, набор гирек и несколько монет были найдены в камерном погребении 4 и в погребении 3 под той же каменной насыпью могильника Удрай II (Платонова, 1981. С. 11–12; Равдина, 1988. С. 210–211; Платонова, 1998. С. 379).

К сожалению, реалии последних почти трех десятилетий таковы, что многие артефакты происходят из грабительских раскопок. Неплохо сохранившиеся детали весов происходят из захоронения, вскрытого в курганной группе у д. Войсковицы, они поступили в Музей истории Санкт-Петербурга и в настоящее время находятся в экспозиции². Еще одна находка, также не имеющая надежного археологического контекста, была сделана на западной окраине Ижорского плато. По словам коллекционера, предложившего ряд древних предметов для покупки в Государственный Эрмитаж, среди которых весы и набор гирек. Найдена была сделана на западе Ижорского плато, в районе д. Лялицы.

Отдельные гирьки и наборы разновесов также изредка встречаются в захоронениях в могильниках Северо-Запада: Залахтовье (Хвоцинская, 2004. С. 104–105), Бегуницах (Рябинин, 2001. С. 163–164. Табл. ХLI, 14), Ратчино (Стасюк, 2011. С. 92; Стасюк, 2012. С. 13), Кириллино. Среди находок, полученных при исследованиях открытых в Которске бескурганных (грунтовых)

² Благодарю И. В. Стасюка, обратившего мое внимание на эту находку.

могильников с погребениями по обряду кремации, также найдено несколько оплавленных гирек и фрагментов серебряных монет, кроме того сильно корродированная сферическая железная гирька, обтянутая бронзой, которая была найдена в погребении 3 курганной группы Которск IX (*Кузьмин, Михайлова, Соболев, 2000. С. 77*).

По имеющейся у меня информации, несколько гирек различных номиналом было найдено при несанкционированных раскопках курганной группы у д. Калихновщина.

Находки торгового инвентаря в культурных напластованиях сельских поселений Новгородской земли также не многочисленны. В качестве примера можно привести коромысло весов для малых взвешиваний и две весовые сферические гирьки различных номиналов, найденные в заполнении подполья погибшего в пожаре жилого дома в центральной части которского поселения, также в этом слое обнаружены два фрагмента дирхемов (*Кузьмин, 1991. С. 156. Рис. 2, 4, 5; Михайлова, 2014. С. 222; Михайлова, 2014; Соболев, 2015. С. 15–16. Рис. 5, 2–5*). В общей же сложности в культурном слое Которска было найдено 8 весовых гирек и более 25 фрагментов восточных серебряных монет. По мнению И. Г. Добровольского, монеты не составляли единого комплекса (клада), но выпали в слой по «естественным» причинам.

В целом, восточное и западноевропейское монетное серебро – достаточно распространенная категория находок как в культурных слоях поселений, так и в погребальных памятниках (*Равдина, 1988*). В то же время роль монет в захоронениях может существенно различаться. Чаще всего монеты с приклепанными ушками находятся в составе бусинных ожерелий, служа дополнительными украшениями. Но, например, византийские монеты в захоронениях XI–XII вв. использовались как предметы личного благочестия (*Богуславский, 1990*), аналогичную роль могли играть и западноевропейские монеты с крестом. Вне ожерелий находки монет временами интерпретируются исследователями как «обол мертвых», хотя отсутствуют свидетельства и доказательства самого существования в древнерусскую эпоху веры в необходимость оплаты перехода души человека из одного мира в другой.

Число же находок монет, попавших в захоронения не как украшения, но именно как средства платежа, не велико. Примером может служить погребение под насыпью кургана 13 могильника Которск XI. Здесь, в женской ингумации в районе пояса расчищена стопочка из 7 монет, очевидно помещавшихся в несохранившемся кошельке. Кошельки или мешочки с монетами в погребениях редки, обычно они не сохраняются в захоронениях, и об их наличии можно судить лишь по компактности расположения монет. Ближайшая территориально схожая находка была сделана при исследовании уже упоминавшегося камерного погребения 3 под каменной насыпью в Удрае (*Платонова, 1981. С. 11–12*). В качестве дополнительных немногочисленных аналогий можно указать стопочку – «грудку» по выражению автора раскопок – сплавившихся серебряных монет, найденных В. И. Сизовым в кургане 48 в Гнездово, находку нескольких слипшихся монет в одном из курганов у д. Дуденево (раскопки В. И. Колосова, 1903 г.) и в кургане в Пирдойла, исследовавшихся Э. Кивикоски. В кургане 15 II Пекуновского могильника на груди погребенного К. И. Комаровым были расчищены остатки кожаного кошелька с динарием внутри.

Повседневные вещи

Одним из массовых предметов торговли, обычно не замечаемых исследователями, являются *кресальные кремни*. Местные выходы качественного кремня, пригодного для высекания огня, на западе Новгородской земли отсутствуют. Все кремневое сырье в регионе является привозным. По наблюдению С. Н. Лисицына, просматривавшего коллекцию кремней, происходящих из раскопок Которского селища (*Лисицын, Соболев, 2016*), основная масса камня поступала с Валдая. Также встречается в коллекции и верхневолжский кремень. Одно огниво изготовлено из кремня рыжего цвета, который характерен для селижаровских местонахождений на оз. Волго и для месторождения на оз. Охват в верховьях Западной Двины. С. Н. Лисицын отметил отсутствие эстонского кремня и несколько фрагментов кремня скандинавского происхождения.

К повседневным предметам, попавшим на Северо-Запад в результате торговых операций можно отнести *шиферные пряслица* (*Кузьмин, Михайлова, Соболев, 2000. С. 78*), массовые в культурных слоях Новгорода и не редкие в погребениях XI–XII столетий, *кресало с бронзовой накладкой* в стиле Борре и небольшой *оселок*, изготовленный из пятнистого сланца (*Соболев, 2005. С. 78. Рис. 3; Соболев, 2015. Рис. 5, 10*), найденные на Которском селище и в одном из погребений могильника Которск XI. Накладки на языковидное кресало в Новгородской земле встречены при исследовании Рюрикова городища (*Янссон, 1999. С. 23, 27*) и «Городка на Маяте» (*Еремеев, 2006. С. 272*), еще одна случайная находка происходит из Поозерья (*Торопов, 2014. С. 246*), несколько экземпляров накладок известны в Карелии.

В XII в. в погребальных памятниках Северо-Запада на смену костяным наборным гребням приходят цельные двусторонние *самшитовые гребни*, прямоугольной и трапециевидной формы с частыми и редкими зубцами, долгое время считавшиеся импортами с Кавказа (*Колчин, 1968. С. 83–84; Рыбина 1978*], и имеющие, по мнению Л. И. Холден, византийское происхождение (*Холден, 2004. С. 71–72*).

Стоит отметить особенности хронологии поступления и распространения этих изделий. В Новгороде они появляются в XI в. и выходят из употребления лишь в XV столетии, при этом исследователями отмечался спад их поступления, приходящийся на XII в. Для сельских районов Новгородской земли их появление, вероятно, может датироваться не ранее середины XII или даже началом XIII столетия.

Керамика

Говоря об импортных керамических изделиях, археологи в первую очередь имеют в виду фрагменты гарной посуды, обычно представленные обломками амфор, или привозную столовую посуду. Обе категории находок относятся к редким и характерны для городских центров (*Волков, 1996; Коваль, 1999; Коваль, 2000; Коваль, 2003*). В сельских памятниках Северо-Запада Новгородской земли находок древностей этого круга не известно (*Коваль, 2003. Рис. 1*). В тоже время продукция городских гончаров, поступавших в сельские районы

если не как самостоятельный товар, то как тара для чего-либо, привезенного из города, довольно широко представлена в культурных слоях памятников региона. Например, проанализировав керамический комплекс Которского поселения, Е. Р. Михайлова (*Михайлова*, 1994; *Mikhaylova*, 2014), обратила внимание на фрагменты нескольких сосудов, выделяющихся формой и качеством изготовления. Это части венчика мискообразного сосуда, сопоставимого с керамикой фрезендорфского типа (ряд 3 по Э. Шульдту) и с группой 1 новгородской керамики с вертикальным горлом (по Г. П. Смирновой), фрагменты сосудов, довольно схожих с «доничковатыми» сосудами раннесредневекового Гданьска, обломки горшков с оформленным в виде прямоугольного выступа горизонтально срезанными венчиками и двумя параллельными валиками по плечу. Исследовательница отметила, что, керамика, традиционно выделяемая в группу «западнославянской», «изготавливалась в X–XI вв. по крайней мере, в городских центрах Северо-Западной Руси» (*Михайлова*, 1994. С. 53).

Развал еще одного сосуда, выделяющегося необычными для керамики Северо-Запада пропорциями и орнаментом, был обнаружен под насыпью кургана 4 кладбища Которск IX (*Кузьмин, Михайлова, Соболев*, 2000. С. 75–76). Он также может быть отнесен к группе традиционно выделяемой как «западная», или «западнославянская» керамика.

Находки нескольких черепков западнославянской керамики были сделаны при разборке каменной насыпи в Удрае, примесь «западной» керамики отмечалась Н. И. Платоновой и при исследовании селища Удрай II (*Платонова*, 1981. С. 5).

Фрагменты кувшина «имеющего аналогии в керамике Салтово-Маяцкой культуры» были найдены в уже упоминавшемся выше кургане 10 могильника Нюбиничи в Юго-Восточном Приладожье (*Кочкуркина, Лиевский*, 1985 С. 138).

Не имеющая, как кажется, аналогий в древнерусских погребальных памятниках находка была сделана в захоронении 1 под насыпью кургана 20, исследованного А. В. Арциховским в группе у д. Хрепле. Здесь в женском погребении, датируемом второй половиной XI – началом XII в. были найдены осколки сосуда прозрачного стекла с «синими дутыми прожилками» (*Арциховский*, 1929. С. 19–20; *Арциховский*, 1930). До проведения детального исследования этой находки правомерно предполагать византийское происхождение сосуда.

Украшения и детали костюма

Украшения и детали костюма, пожалуй, наиболее массовая категория находок, встречающихся при исследовании как поселенческих, так и погребальных памятников. Многие из вещей, входящих в эту категорию, поступили в те или иные пункты Новгородской земли именно в результате торговли, в данной работе хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые из них.

Стеклянные *бусы* – одна из наиболее хорошо изученных категорий древнерусских импортов. Для многих типов бус известны регионы и мастерские по производству сырья, места изготовления самих изделий. На западе Новгородской

земли представлены как бусы западно-европейского производства и/или сделанные из западно-европейского стекла, так и изделия византийских мастерских. Также многочисленны на Северо-Западе бусы из «самоцветных» камней, в первую очередь сердолика и горного хрусталя. В середине XIII столетия в Новгородской земле появляются кашинные бусы, довольно быстро выходящие из употребления (Лесман, 1994. С. 191–193), и один из самых далеко экспортируемых товаров – *раковины каури*, использовавшиеся в женском уборе вплоть до XV в.

Среди ювелирных украшений трудно с уверенностью выделить предметы и/или категории предметов, появившихся на сельских памятниках Новгородской земли в результате именно дальней, а не местной торговли³. Пожалуй, таковым с большей или меньшей степенью уверенности можно признать изделия, имеющие очевидное инокультурное происхождение и не вызвавшие массовых подражаний в древнерусском ювелирном производстве (Соболев, 2015а. С. 358–360). По всей вероятности, к привозным должны быть отнесены височные кольца необычных для Новгородской земли типов (например, височное кольцо с s-образным завитком, найденное на поселении Прость, «курчавые» височные кольца, восходящие к балканским образцам), бусы, напущенные на проволочные, часто завязанные двойным узлом, колечки, некоторые типы подвесок «гнездового типа» (Дементьева, 2007), с зернью и сканой композицией в виде четырех волют из рубчатой проволоки (Соболев, 2008; Лесман, 2014. С. 55–56; Соболев, 2015а. Рис. 3, 12) и подковообразных застежек (застежки с выделенной центральной частью дуги, с так называемыми гранеными головками (Лесман, 2004. С. 233; Соболев, 2015а. Рис. 3, 34, 35), часть ладьевидных браслетов (Лесман, 2014. С. 60–61; Соболев, 2015а. Рис. 29–33).

Стоит обратить особое внимание на тисненые из тонкого серебряного листа позолоченные бляшки, служившие для нашивания на женские головные уборы (Соболев, 2007. С. 255–257. Рис. 2, 10–19, 22, 23; Соболев, Торопов, 2014. С. 249–250). Идентичные по технике изготовления, а зачастую и просто однотипные изделия и их наборы широко представлены в погребальных и поселенческих древностях второй половины XIII–XV вв. по всей древнерусской территории и за ее пределами (Соболев 2015в. С. 104; Соболев, 2016). Любопытно отметить, что в Литве они не только вызвали большое число подражаний (Urbanavičius, Urbanavičiène, 1988; Volkaite-Kulikauskiene, 1997. Р. 89), но и получили собственную местную линию развития (напр.: Kernave, 2002. Р. 41, 83, 185, 188–192). В пределах Новгородской земли, преимущественно ее западной части, на сегодняшний день насчитывается более десятка пунктов с находками целых расшитых металлическими тиснеными накладками венчиков в женских захоронениях, несколько экземпляров потерянных бляшек происходят из культурных напластований поселений.

³ Стоит вновь отметить большое исследование Ю. М. Лесмана, в котором автор прослеживает скандинавское влияние на древнерусскую культуру (Лесман, 2014). В числе прочего в работе рассматриваются отдельные типы вещей и предметов, имеющих североевропейское происхождение и получивших свое развитие в древнерусской культуре.

Несомненным импортом на Северо-Западе являются шелковые ткани, чаще всего встречающиеся в погребальных памятниках в виде отдельных небольших фрагментов. По подсчетам М. В. Фехнер, на древнерусской территории не менее чем в 350 рядовых городских и сельских погребениях найдены фрагменты шелка. Из сравнительно недавних находок на территории западной части Новгородской земли стоит отметить обрывок шелковой ткани саржевого переплетения, найденный в захоронении 1, совершенном под насыпью кургана 10 некрополя Которск XI⁴. По мнению М. В. Фехнер, такой сорт шелка поступал преимущественно из центров шелкоткачества византийского круга (Фехнер, 1977. С. 137, 139; Фехнер, 1982. С. 58–60).

Также в результате торговли поступали в сельские районы и вышитые золотной нитью детали одежды. Часть этих изделий, по мнению исследователей, могла производиться на Руси, но в любом случае для сельских жителей Новгородской земли они являлись привозным товаром. Также как и шелковые ткани, вышитые нашивные детали одежды – редкая, но не уникальная находка в деревенских могильниках. Парчовый расшитый кружками с окантовкой плетенкой из простых и криновидных стилизованных побегов был доставлен Л. А. Васильевым в Кунсткамеру в составе коллекции предметов из раскопанного крестьянами кургана в селе Логовеще (Соболев, 2006. С. 305–306. Рис. 5; Соболев, 2007. С. 253–255). Фрагменты парчового венчика на голове и две парчовые тесемки в области груди и шеи были найдены в кургане 27 у д. Хрепле (Арциховский, 1929. С. 26), вышитые детали одежды были найдены, по сведениям М. В. Фехнер (Фехнер, 1976. С. 224), в погребениях у д. Кузнецово и Тяково, отдельные фрагменты тканей сохранились в коллекции находок из раскопок В. Н. Глазова в Причудье (Медведева, Соболев, 2015. Рис. 3).

Еще одна группа находок, часть которых попали на Северо-Запад в результате торговли – это предметы личного благочестия. Без сомнения, часть найденных в Новгородской земле крестиков, иконок-привесок и др. производилась либо в самом Новгороде либо в местных мастерских⁵, но также очевидно, что часть изделий являлась предметами внутрирусской и дальней торговли. В качестве примера можно привести иконки-привески с композицией Успения Богородицы. Обратившая первой внимание на эти изделия М. В. Седова (Седова, 1972. С. 72–74) на основании ареала их распространения предположила, что местом их производства мог быть Владимир (Седова, 1988). За последние десятилетия география находок существенно расширилась: отдельные образки и иконки в составе целых бусинных ожерелий были сделаны в Белозерье, Подмосковье, Костромской области, Новгородской земле. Находка двух

⁴ Пользуясь случаем, приношу свою глубокую благодарность Е. С. Зубковой, ра­зобравшей и сохранившей текстильные фрагменты из этого погребения.

⁵ Представляется вероятным, что помимо «основного производства» собствен­но в Новгороде, существовали ремесленные мастерские в немногочисленных городах и крупных селах Новгородской земли. Часть отливок низкого качества, явно вторич­ных, сделанных по оттиску изделия, позволяет поставить вопрос и об их изготовлении в сельских мастерских.

практически идентичных ожерелий в одном из захоронений в Которске и в погребении у дер. Раглицы (Соболев, Торопов, 2014. С. 347–349. Рис. 3) позволяет утверждать, что оба украшения были изготовлены или собраны в одном месте и проданы в готовом виде. В качестве другого примера можно привести один из типов иконок с изображением святого Георгия (Соболев, 2007. С. 260. Рис. 4, 6; Соболев, 2017), встречающихся как на древнерусской территории (Новгород, совр. Ленинградская, Рязанская, Брянская, Курская, Смоленская области, на Украине и в Белоруссии), так и за ее пределами – на территории Латвии и Польши; также безусловным импортом среди предметов личного благочестия являлись кресты из порфирита (Мусин, 2009. С. 230–233).

Последняя из рассматриваемых в настоящем обзоре категория находок, попадающих в Новгород и сельские районы Новгородской земли в результате торговых операций, это *детали наборных поясов*. Ременная гарнитура, восходящая к кочевнической традиции, в целом – достаточно редкая находка на Северо-Западе. Готовые пояса, наборы бляшек и отдельные бляшки, по всей видимости, являлись предметом оживленной торговли, распространяясь по всей древнерусской территории и за ее пределами.

Один из устойчивых наборов ременных украшений, получивший условное название пояса «новгородского» типа был выделен мною и К. А. Михайловым (Михайлов, Соболев, 2000), в этой же работе высказаны предположения о происхождении отдельных входивших в комплект поясного набора деталей. Стоит отметить, что детали поясов «новгородского» типа служили предметом торговли новгородцев и населения Готланда и материковой Швеции, где они были найдены не только в погребениях. Среди изделий, найденных в озере Furen (Zetterberg, 1958) и являющихся, по мнению автора публикации находки, утерянным мешком с товаром, не прошедшим «предпродажную» подготовку, были и бронзовые накладки для сборки поясов «новгородского» типа.

Также хотелось бы обратить внимание и на поясные наборы иных типов.

Не ранее середины – второй четверти XII столетия в Новгородской земле появляются целые пояса (Рябинин, 2001. Табл. XLIV) и отдельные их элементы – пряжки со щитками, кольца-разделители с обоймами, аналогичными щиткам пряжек и ременные наконечники, изготовленные в стиле Урнес и изображающие стилизованные головы и морды фантастических существ (Спицын, 1896. Табл. XIV, 23; Табл. X, 3; Табл. XIV, 28; Соболев, 2015а. Рис. 3, 25). Привозные изделия выделяются качеством проработки изображения и изготовления в целом, обоймы на разделительных кольцах объемные прорезные; возможно, часть находок представляют собой местные восточноевропейские подражания импортным образцам. Большая часть этих находок сделана в курганах Ижорского плато, отдельные детали происходят из Приладжья, Поозерья, западных районов новгородчины.

Ю. М. Лесман, проанализировавший распространение находок деталей ременной гарнитуры в стиле Урнас, доказал готландское происхождение этих поясов (Лесман, 2004), ставших предметом торговли не только внутри Балтийского региона (помимо древнерусского Северо-Запада и собственно Готланда) большое число находок сделано в Юго-Западной Финляндии, Прибалтике,

один целый пояс и отдельные детали происходят из Карелии), но и далеко за его пределами (Белоруссия, Киев).

Также во второй половине – конце XII столетия в Новгородской земле фиксируется появление импортных – тоже скандинавских по своему происхождению, поясных пряжек. Они выделяются очень характерными вытянутыми «носами» в центральной части рамок (*Спицын*, 1896. Табл. VII, 1; Табл. VII, 9; Табл. XVI, 24; *Соболев*, 2015а. Рис. 3, 24, 26, 27), вписанными в общий стиль пряжек, украшенных геометрическим орнаментом с включением растительных мотивов, иногда «нос», как кажется, выделен и несет собственное зооморфное изображение (*Спицын*, 1896, Табл. VII, 1).

В целом, данная группа импортов довольно немногочисленна, ареал распространения находок этих поясных деталей несколько уже и охватывает преимущественно Ижорское плато⁶.

Как и пояса с изготовленными в стиле Урнес деталями, поясные пряжки наглядно демонстрируют торговые связи населения Новгородской земли, происходившие, возможно, напрямую, минуя Новгород, а также контакты жителей западных, ближайших к морю, районов со странами Балтийского региона, и в первую очередь с Готландом.

Кроме пряжек в XIII–XIV вв. в самом Новгороде и также преимущественно в западной части Новгородской земли распространяются кольцевидные и сердцевидные застёжки (*Спицын*, 1896, Табл. IX, 23; Табл. X, 1, 2, 7–10, 12–16; Табл. XIV, 8, 14; *Спицын*, 1903. Табл. XXIII, 6; Табл. XXIV, 9, 14; *Седова*, 1981. С. 89–93; *Рябинин*, 2001. Табл. XXXIV; *Бельский*, 2012. С. 136–139; *Бельский*, 2015), привезенные из Западной Европы (*Svetikas*, 2009) или подражающие им (ср.: *Бельский*, 2015. Рис. 2, 1–2; *Рябинин*, 2001, Табл. XXXIV, 6; *Спицын*, 1903. Табл. XXIV, 9).

Подводя итоги, нужно отметить, что многочисленные находки украшений, деталей костюма и убора, бытовых предметов демонстрируют широкие торговые связи средневекового сельского населения. На Северо-Запад Новгородской земли на протяжении XI–XIV столетий регулярно поступали различные категории импортных товаров и вещей, произведенные в других древнерусских княжествах. Однако, в настоящее время невозможно точно установить, какие вещи попадали к жителям запада Новгородской земли через сам Новгород, а какие поступали напрямую или через другой городской или торговый центр – Псков, Ладогу и др.

Литература

Арицховский А. В., 1929. Раскопки курганов близ с. Хрепле Черновского района Новгородского округа на правом берегу р. Хрепелки // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. № 274.

⁶ Возможно, данное впечатление субъективно и сформировалось без учета дисбаланса между числом погребальных сооружений, раскопанных на Ижорском плато, и исследованных в других регионах.

- Арциховский А. В., 1930. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе // Материалы и исследования Новгородского музея. Вып. 1. Новгород.
- Бельский С. В., 2012. Могильник Кюлялахти Калмистояки в Северо-Западном Приладжье (археологические исследования 2006–2009 годов). СПб.
- Бельский С. В., 2015. Замкнутые фибулы в карельских могильниках: вопросы хронологии // Древние культуры Восточной Европы. Эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Замятинский сб. Вып. 4. СПб. С. 269–277.
- Богуславский О. И., 1990. О находках византийских монет в Южном Приладжье // ННЗ. Вып. 3. С. 59–61.
- Волков И. В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // ННЗ. Вып. 10. С. 90–97.
- Деметьева А. С., 2007. «Подвески гнездовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнездово. Результаты комплексного исследования памятника. М. С. 211–271.
- Еремеев И. И., 2006. Славянский городок в Восточном Приильменье // ННЗ. Вып. 20. С. 259–274.
- Ершевский Б. Д., Конецкий В. Я., 1985. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 61–65.
- Коваль В. Ю., 1999. Амфоры византийского круга в Древней Руси // ННЗ. Вып. 13. С. 246–260.
- Коваль В. Ю., 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М. С. 340–360.
- Коваль В. Ю., 2014. Византийская поливная керамика из раскопок в Новгороде // ННЗ. Вып. 14. С. 127–138.
- Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука. 184 с. (Археология СССР. САИ; вып. Е1–55).
- Кочуркина С. И., Линецкий А. М., 1985. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия.
- Кузьмин С. Л., 1991. Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М. С. 153–168.
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., 2000. Могильник Которск IX – кладбище населения Которского погоста // Stratum Plus: archaeology and cultural anthropology. № 5. P. 70–82.
- Лесман Ю. М., 1994. Кашпирные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород. С. 187–193.
- Лесман Ю. М., 2004. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас. XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Ч. 1. М. С. 233–236.
- Лесман Ю. М., 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum Plus. № 4: Люди и вещи Древней Руси. С. 43–87.
- Лисицын С. Н., Соболев В. Ю., 2016. Население эпох камня и палеометалла на севере Псковской области // Записки ИИМК. № 13. С. 56–67.
- Медведева М. В., Соболев В. Ю., 2015. В. Н. Глазов и его исследования на Северо-Западе России // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 7. Липецк. С. 133–148.
- Михайлов К. А., Соболев В. Ю., 2000. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // АВ. Вып. 7. СПб. С. 222–228.
- Михайлова Е. Р., 1994. Керамический комплекс Которского поселения IX–XII вв. // АИППЗ. Материалы науч. семинара 1993 г. Псков. С. 51–54.

- Мусин А. Е., 2009. Паломничество и особенности «перенесения сакрального» в христианской Европе // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М. С. 221–255.
- Платонова Н. И., 1981. Отчет о раскопках Лужского отряда Ильменской экспедиции в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8710.
- Платонова Н. И., 1998. Камерные погребения XI – начала XII в. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Тр. VI Междунар. конгр. славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. М. С. 372–380.
- Равдина Т. В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: каталог. М.
- Рыбина Е. А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Изд-во МГУ. 170 с.
- Рябикин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин. 260 с.
- Седова М. В. 1972. Ювелирные изделия Ярополча-Залесского // КСИА. Вып. 129. 1972. С. 70–76.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука.
- Седова М. В., 1988. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. М. С. 272–279.
- Соболев В. Ю., 2005. Находки, сделанные на селище Которской погост в 2002–2005 гг. // ННЗ. Вып. 19. С. 71–90.
- Соболев В. Ю., 2006. Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании фонда археологии МАЭ // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб. С. 302–341.
- Соболев В. Ю., 2007. Материалы раскопок древнерусских памятников в собрании фонда археологии МАЭ им. Петра Великого // АИППЗ: материалы 52-го заседания, посвящ. памяти проф. А. Р. Артемьева. Псков. С. 245–269.
- Соболев В. Ю., 2008. Новые находки вещей скандинавского круга в Которском погосте Шелонской пятины // XVI конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: материалы конф. Ч. 1. М.; Архангельск. С. 219–221.
- Соболев В. Ю., Торопов С. Е., 2014. Комплекс памятников у д. Раглицы в Верхнем Полужье: история и перспективы изучения // ННЗ. Вып. 28: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина. С. 345–353.
- Соболев В. Ю., 2015а. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования // АВ. Вып. 21. СПб. С. 352–367.
- Соболев В. Ю., 2015б. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X – первая половина XI века) // Новгородский исторический сборник. Новгород. С. 4–32.
- Соболев В. Ю., 2015в. Комплекс находок из раскопок Н. Е. Бранденбурга 1886–1887 гг. // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 5: Материалы международной конференции «город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории». СПб. С. 101–107.
- Соболев В. Ю., 2016. Об одном типе женских головных уборов древнерусского времени // Орнамента в артефактах традиционных культур: материалы XV Междунар. Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб. С. 18–21.
- Соболев В. Ю., 2017. Иконки-привески с конным изображением святого Георгия // В камне и в бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб. С. 537–547.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб. (МАР. № 20).
- Спицын А. А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб. (МАР. № 29). СПб.

- Стасюк И. В.*, 2011. Раскопки могильника Ратчино I на Ижорском плато в 2009 г. // АИППЗ: Материалы 56-го заседания, посвященного 130-летию Псковского археологического общества (2010). М.; Псков. С. 86–95.
- Стасюк И. В.*, 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н.э. // *Stratum plus*. № 5. С. 297–307.
- Торопов С. Е.*, 2014. Случайные находки скандинавских предметов из коллекций Новгородского музея // *Археологические вести*. Вып. 20. СПб. С. 225–252.
- Успенская А. В.*, 1976. Погребения купца на древнем селигерском пути // *Средневековая Русь*. М. С. 39–40.
- Фехнер М. В.*, 1976. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // *Средневековая Русь*. М. С. 222–225.
- Фехнер М. В.*, 1977. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // *СА*. № 3. С. 130–142.
- Фехнер М. В.*, 1982. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // *СА*. № 2. С. 57–70.
- Хвоцинская Н. В.*, 2004. Финны на западе Новгородской земли. Могильник Залахтовые. СПб. 408 с.
- Холден Л. И.*, 2004. Самшит с гор Талыша по Волге реке... (к вопросу о необходимости пересмотра некоторых аксиоматических положений в новгородском вещеведении) // *Новгородские археологические чтения*. Новгород. С. 66–80.
- Янсон И.*, 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина*. М.
- Kernave – litewska Troja. Katalog wystawy ze zbiorow Panstwowego museum-rezerwatu archeologii i historii w Kernave, Litwa. Warszawa, 2002.
- Mikhaylova E.* 2014a. Kotorsky Pogost – a local centre in the western part of Novgorod Land // *Strongholds and Power Centres. East of the Baltic Sea in the 11th–13th Centuries*. Muinasaja teadus. 24 Tartu. P. 209–238.
- Mikhailova H.*, 2014b. Kotorsky pogost – a local centre in the western part of Novgorod Land // *Linnuste raamatu eestikeelene paralleelpalkiri*. Muinasaja teadus. 24. Tartu. P. 157–186.
- Svetikas E.*, 2009. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės christianizacija XIV a. – XV a. // *Archeologiniai radiniai su krikščioniškais simbolais*. T. 1. Vilnius.
- Urbanavičius V., Urbanavičiėnė S.*, 1988. Kapinyno vieta tyrimu apzvalga // *Lietuvos archeologija*. Vilnius. P. 9–63.
- Volkaite-Kulikauskienė R.*, 1997. Senoves Lietuviu drabuziai ir ju papuosalai. Vilnius.

А. В. Михайлов, А. Б. Романовский

Селище у д. Залахтовье: результаты исследований последних лет

A. V. Mikhailov, A. B. Romanovsky. Settlement at the Village Zalahtovie:
Research Results of Recent Years

Abstract. The article is devoted to the archaeological research of the settlement Zalahtovie on the eastern shore of the Peipsi lake. The settlement is an important part of a significant complex of archaeological sites at the village Zalahtovie. For the first time the finds of the first half of the 1st Millennium A.D. are discovered at the site, new data on territorial zoning of the settlement (living area + area of economic use) and characteristics of cultural deposits are received.

Ключевые слова: селище Залахтовье, восточный берег Чудского озера, территориальное районирование населенного пункта

Keywords: settlement Zalahtovie, eastern shore of the Peipsi lake, territorial zoning of a settlement

Несмотря на то, что селища конца I – середины II тыс. н. э. составляют наиболее многочисленную категорию археологических памятников на территории Восточноевропейской равнины, степень их изученности сравнительно мала. Этот тезис особенно актуален для Северо-Запада Русской равнины и, в частности, для бассейна Псковско-Чудского озера. Единственным средневековым сельским поселением региона, достаточно хорошо изученным археологически, можно считать селище Выбуты, на котором в ходе многолетних раскопок было исследовано свыше 500 кв. м. В Восточном Причудье небольшие раскопки поселения Горки, относящегося к эпохе культуры псковских длинных курганов, были предприняты С. Г. Поповым (*Попов, Хвоцинская, 2007. С. 214–215*).

В районе д. Залахтовье Гдовского района Псковской области, расположенной на берегу залива Лахта Чудского озера, находится один из крупнейших на территории Восточного Причудья археологических комплексов, который включает: стоянку эпохи неолита, селище I тыс. н. э. – XIV в., пять курганных групп и одиночный курган 2-й пол. I тыс. н. э., три грунтовых могильника XII–XVII вв. (*Хвоцинская, 2004; Михайлов, 2014*).

Селище у д. Залахтовье расположено в 0,2 км к западу – юго-западу от деревни, по восточному берегу Теплого залива Чудского озера, на естественной возвышенности, называемой местными жителями «Речной горой» (рис. 1). Памятник традиционно соотносится с древнерусским этапом развития

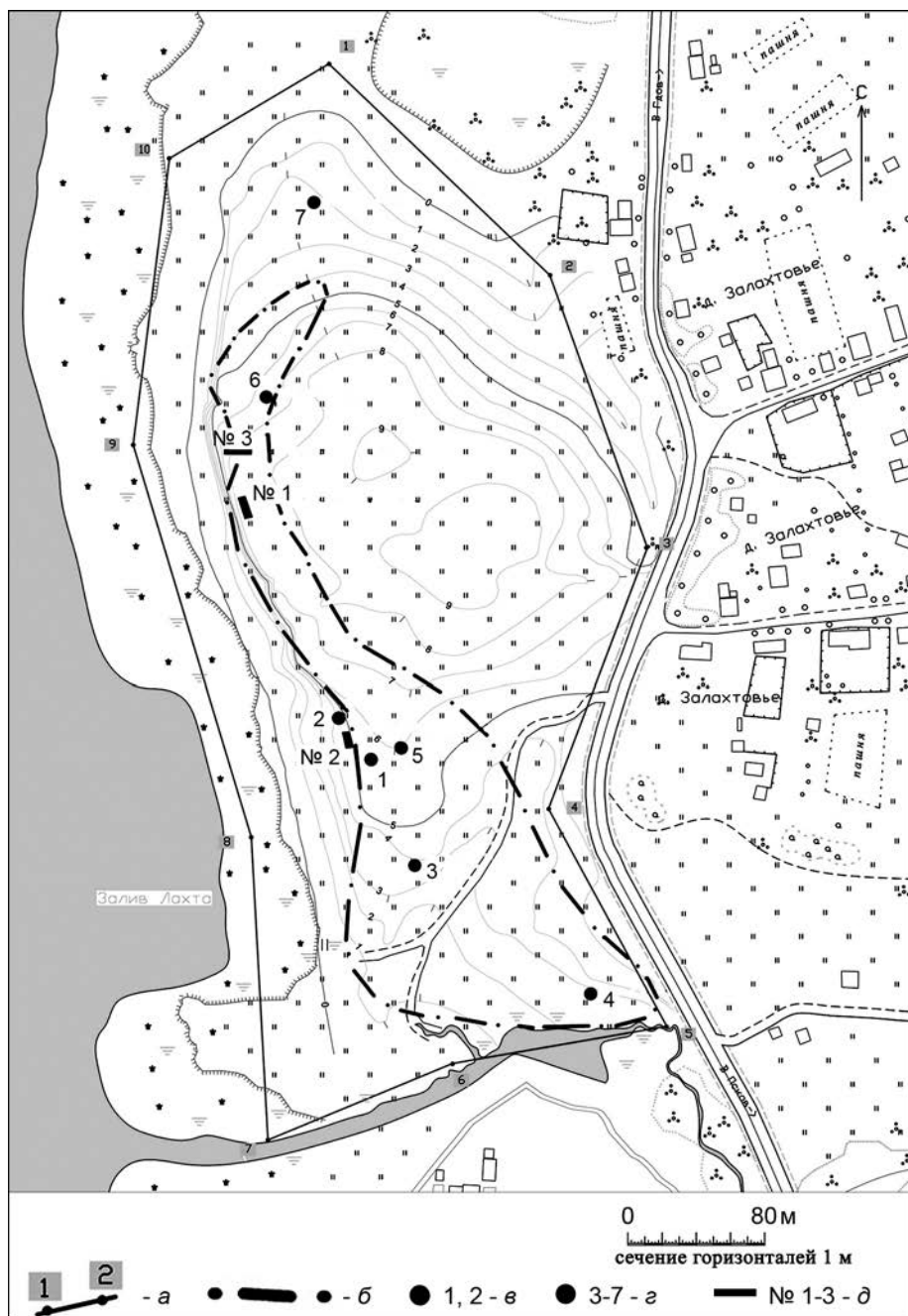

Рис. 1. План селища у д. Залахтовье с обозначением шурфов и раскопов разных лет. Условные обозначения: а – границы территории объекта археологического наследия «Селище I тыс. н. э. – XIV в.»; б – границы распространения культурного слоя; в – шурфы Н. В. Хвоцинской 1975 г.; г – шурфы 2015 г.; д – раскопы

Залахтовского могильника. Селище было открыто Н. В. Хвоцинской в 1975 г., заложившей два шурфа в его южной части. В шурфах и при зачистках обрывистого склона были найдены фрагменты лепной и древнерусской гончарной керамики. Обломки лепной керамики найдены в основном на мысу, образованным берегом залива и впадающим в него ручьем, а гончарная керамика встречалась на всей площади поселения. Площадь поселения определена Н. В. Хвоцинской предварительно как 65×150 м, т. е. около 1 га (*Хвоцинская, 1975; Хвоцинская, 2004. С. 17*).

Археологические исследования селища у д. Залахтовы были продолжены в 2008 г. под руководством А. В. Михайлова. Им исследовалась южная (раскоп 2) и центральная (раскоп 1) части поселения. Раскоп 2 (площадью 40 кв. м) был заложен на плавном южном склоне возвышенности, в 200 м к северу от места впадения в залив ручья; раскоп 1 (площадью 56 кв. м) – на краю склона в центральной части поселения (*Михайлов, 2008*).

В 2013 г. Гдовским отрядом ИИМК РАН совместно с ГБУК «Археологический центр Псковской области» под общим руководством С. Г. Попова на селище проводились работы, направленные на уточнение границ распространения культурного слоя и топографии поселения. Уточнению границ поселения способствовали работы в составе Гдовского отряда ИИМК РАН геоморфологов с географического факультета МГУ. На северной окраине поселения был заложен раскоп площадью 32 кв. м (*Попов, 2013*).

В 2015 г. А. Б. Романовским были осуществлены работы по определению границ территории ОКН, уточнению границ распространения, датировки культурного слоя. В рамках работ по определению границ территории памятника было заложено 5 шурфов общей площадью 14 кв. м. Выбор мест для заложения разведочных шурфов был обусловлен результатами предварительного зондирования механизированным буром. Зондирование проводилось в различных участках так называемой «Речной горы» (*Романовский, 2015*).

Интерес к Залахтовскому селищу не случаен и обусловлен рядом причин: 1) поселение, расположенное на перекрестке средневековых торговых коммуникаций (водных и сухопутных), очевидно, было и административным центром сельской округи в древнерусское время. Исследования подобных памятников на побережье Псковско-Чудского озера до сих пор не проводились; 2) курганная группа у д. Залахтовы и примыкающая к ней грунтовая часть могильника достаточно хорошо изучена археологически, что позволяет сравнить материалы, полученные при изучении поселения, с результатами археологического изучения могильника; 3) Залахтовское селище, открытое в начале 70-х гг. XX в., до настоящего времени (в отличие от могильника) недостаточно исследовано археологически; 4) площадка селища, расположенное на берегу залива Лахта Чудского озера, свободна от современной сельской застройки.

Проведенные в последние годы (2008–2015) исследования поселения на Речной горе позволили изменить наши первоначальные представления об этом памятнике.

Разведочный зондаж и шурфовка показали, что площадь распространения культурного слоя составляет ок. 2,2 га. Культурный слой распространяется не толь-

ко вдоль берега Лахты, но и по южному склону Речной горы, доходя до берега безымянного ручья. Достаточно сильно варьируется и мощность культурных отложений. Средняя мощность слоя составляет 0,6–0,7 м. В зонах хозяйственного освоения мощность культурного слоя не превышает 0,4 м. В шурфе 3 (2015 г.) на южном склоне возвышенности мощность слоя достигает 1,2–1,35 м.

Проведение раскопок достаточно широкой площадью, позволило открыть в раскопе 1 (2008 г.) комплекс построек и сооружений древнерусского времени (рис. 2).

Средневековые сооружения сохранились в нижней части культурного слоя раскопа 1, не затронутого современной распашкой. Северную часть раскопа занимает основание срубной постройки, сложенное из не крупных валунов. Сохранились остатки северного и восточного основания. Постройка была сооружена прямо на берегу залива и ориентирована относительно берега длинной стороной. В пятно раскопа попало практически все сооружение, за исключением северо-восточного угла. Предполагаемые размеры постройки – 4×2 м. В западной части постройки располагался очаг из мелких валунов. По всей видимости, с существовавшей жилой постройкой должна быть связана раскрытая в раскопе хозяйственная яма и основание глинобитной печи (вероятно, для выпечки хлеба), из которой происходит свыше 100 кг печной обмазки, в том числе несущей отпечатки деревянного (срубного) каркаса. По керамическому материалу, а также по индивидуальным находкам, выявленный в ходе раскопок дворовой комплекс (жилая постройка + хозяйственная яма + хлебная

Рис. 2. Сводный план объектов XI–XII вв. в раскопе 1 2008 г.

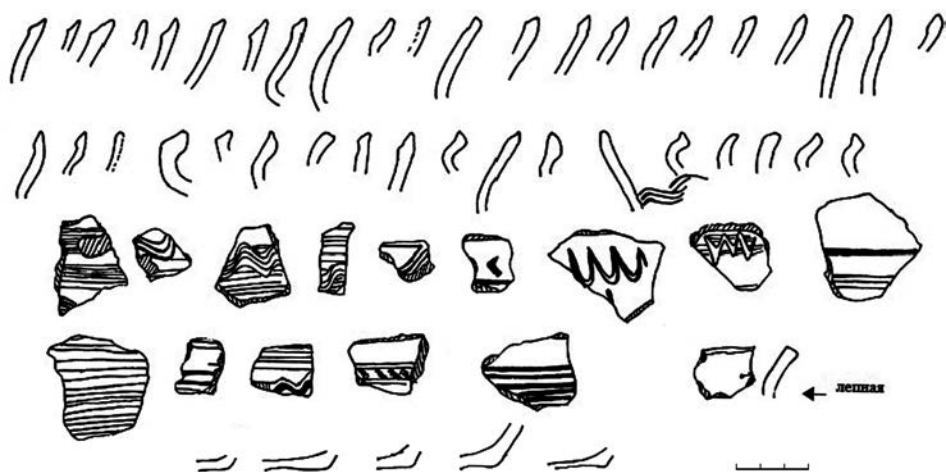

Рис. 3. Керамика древнерусского времени с территории селища у д. Залахтовье

печь) предварительно датируются XI–XII вв. Камни фундамента постройки перекрываются прослойкой пожара. Слой пожара фиксируется исключительно по профилям на всей площади раскопа. Стратиграфическая дата пожара, в котором, не исключено, и погибла выявленная постройка – XII в.

Участок хозяйственной зоны поселения, возможно, связанный с металлообработкой, был зафиксирован на южной границе селища, на берегу безымянного ручья.

Керамический комплекс селища достаточно однороден. Подавляющее большинство керамики – тонкостенные богато орнаментированные гончарные сосуды с высоким, отогнутым наружу венчиком, имеющим на внутренней части выступающий «зуб» (рис. 3). Керамика подобных типов хорошо известна по раскопкам Пскова и древнейших Псковских пригородов (Камно, Изборск) и датируется XI–XII вв. Стоит упомянуть, что такие же сосуды встречены в курганах с ингумациями Залахтовского могильника.

Находки лепной керамики немногочисленны, лепная керамика встречается в одних комплексах с древнерусской керамикой. Основной тип лепных сосудов – неорнаментированные сосуды с коротким вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком и выраженным плечиком. К этому можно добавить находки фрагментов миниатюрных сосудов, изготовленных без применения гончарного круга. Лепная керамика, происходящая из раскопов и шурфов характерна для культуры псковских длинных курганов.

Наиболее ранние находки с территории селища относятся к первой половине I тыс. н.э. Так, в раскопе 3 встречена железная булавка с кольцевидной головкой с завитком, аналоги которой происходят из каменных курганов с каменными ящиками в Кура и Азери, из ранних могильников с оградками – Тойла, Нала и Рандвере на о. Саарема и других могильников Эстонии (*Шмидельм*, 1955, С. 54–57. Рис. 10, рис. 11). В шурфе 3 обнаружены фрагменты

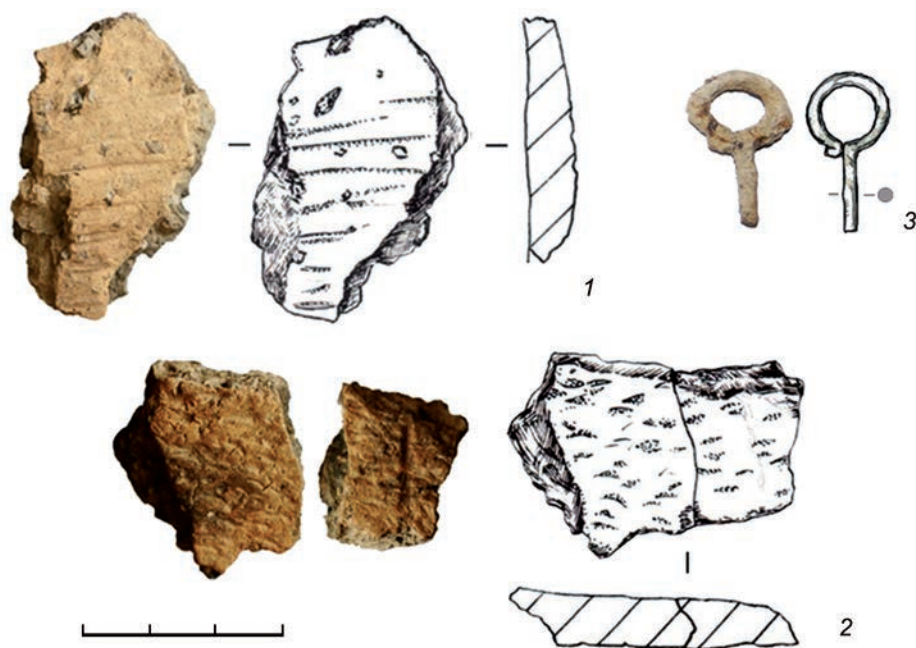

Рис. 4. Находки первой половины I тыс. н. э.

текстильной и штрихованной керамики (рис. 4). В этой связи уместно напомнить о находке трех железных топоров-кельтов и двух ножей с плавно изогнутой спинкой из кургана 46 Залахтовского могильника.

Вещевая коллекция находок с селища превышает 160 предметов. К наиболее ранним находкам относится серия глиняных пряслиц с широким отверстием и, возможно, несколько фрагментов бронзовых трапециевидных привесок, орнаментированных циркульным орнаментом. Большинство находок представлено изделиями из черного металла: фрагменты ножей, скобы, гвозди, ледоходные шипы. Значительная часть находок из железа относится к судовым крепежным деталям. Судовой крепеж представлен двумя категориями находок: судовыми заклепками (целыми экземплярами и клинкер-шайбами) и железными скобками для уплотнения и герметизации швов между досками обшивки – ластильными скобами (рис. 5). Обилие и разнообразие судовых деталей позволяет предположить использование участка для ремонта, а возможно и строительства судов. Датировка описанных типов крепежа весьма широка – от X до XV вв. Стоит отметить, что ластильные скобы применялись при строительстве лодок на восточном побережье Чудского озера вплоть до второй половины XX в. Вместе с тем, встречаемость заклепок и ластильных скоб указывает на использование на поселении различных судов, отличающихся как размерами, так и способами соединения обшивки – внакрой (заклепки) или встык (скобы) (Сорокин, 1997. С. 43–44).

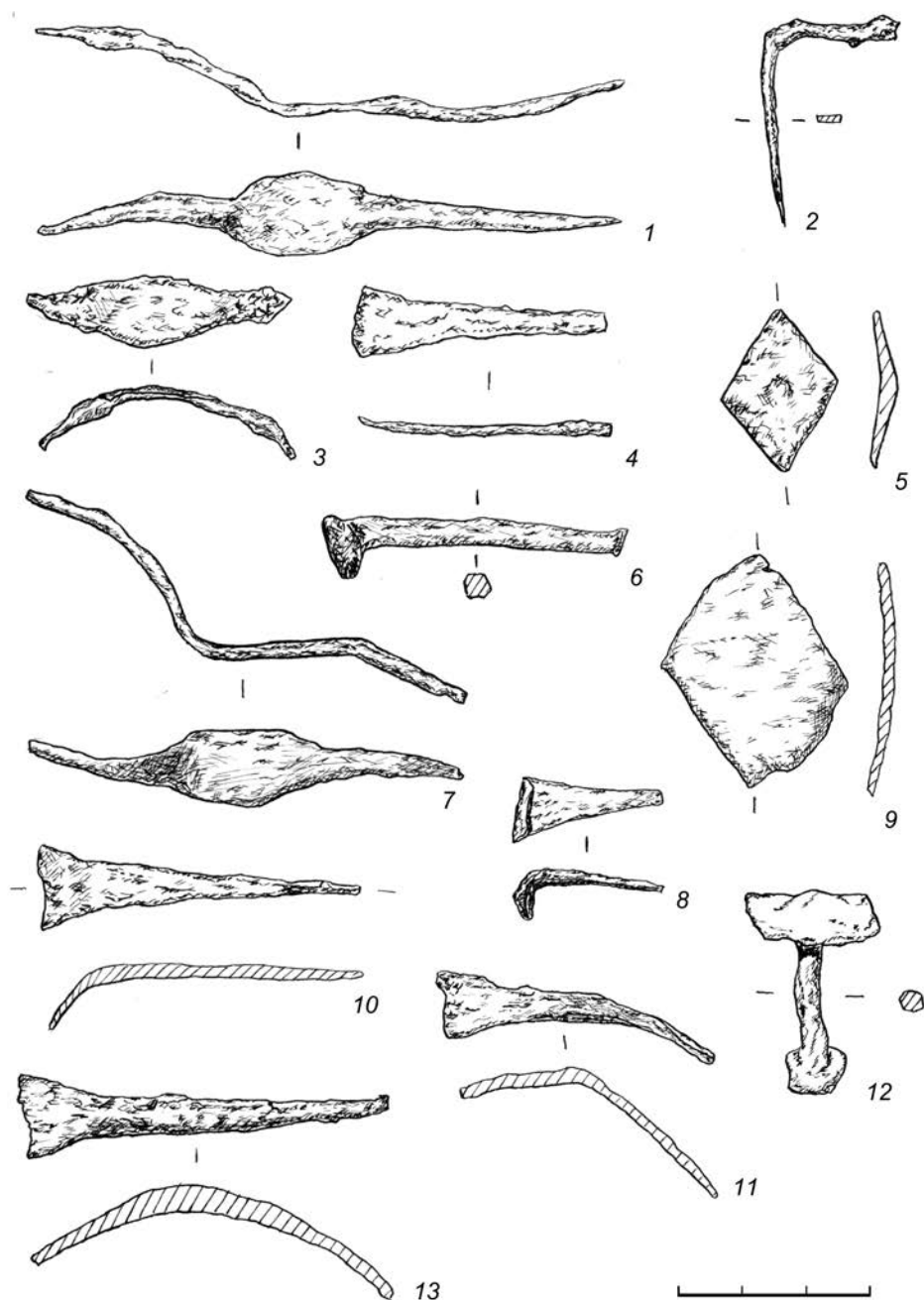

Рис. 5. Судовые детали: ластильные скобы, ладейная заклепка

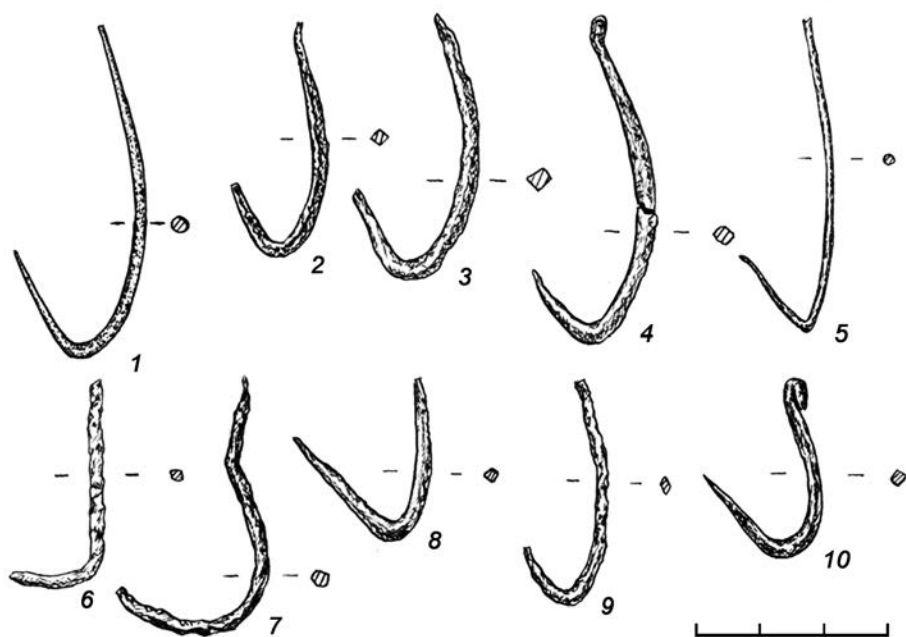

Рис. 6. Рыболовные крючки

В пределах раскопа встречен целый ряд рыболовных крючков, как железных, так и бронзовых (рис. 6). Подобно деталям судового крепежа, датировки рыболовных крючков очень широки. Примечательно, что в раскопе не обнаружено ни одной блесны, вместе с тем в мужских погребениях Залахтовского могильника XI–XII вв. известны находки блесен, но нет находок рыболовных крючков.

К охотничьему промыслу следует отнести находки двух наконечников стрел, в том числе наконечник стрелы для охоты на водоплавающую дичь.

Орудия труда представлены фрагментами инструментов для деревообработки. К предметам быта относятся оселки, точильные камни, кресальные кремни, иглы.

Находки украшений немногочисленны. Это фрагменты тонких бронзовых привесок, в том числе и орнаментированных, бронзовые спиральные пронизки, фрагмент дротовой гривны. Аналогичные находки встречаются в Залахтовском могильнике. У основания глинобитной печи найден фрагмент бочонковидной золотостеклянной бусины и обломок западноевропейского денария. Находки фрагментов тиглей для плавки цветного металла позволяют говорить о существовании у местных жителей опыта в обработке цветных металлов.

В результате полевых исследований селища у д. Залахтовье на протяжении последних лет были получены новые данные о территориальном зонировании поселения (жилая зона + зона хозяйственного использования), а также характеристике культурных отложений (мощность слоя, степень сохранности

органических материалов). Стало очевидным, что начало освоения этой территории следует относить к первой половине – середине I тыс. н.э. Новая волна населения, пришедшая на рубеже X–XI вв. с западного берега Чудского озера, использовала уже плоды первоначальной колонизации региона носителями культуры псковских длинных курганов. Расцвет поселения на Речной горе приходится на XI–XII вв., он хронологически совпадает с существованием в Залахтовском могильнике разнообразных по погребальному обряду и весьма богатых по погребальному инвентарю захоронений прибалтийско-финского облика. В конце XII – начале XIII в. поселение на Речной горе прекращает свое существование. Новые деревни, очевидно, возникают восточнее Речной горы, прикрываясь от озерных ветров. В это же время исчезают курганы в Залахтовском могильнике, им на смену приходят жальничные захоронения.

Селище на Речной горе представляется достаточно крупным поселением древнерусского времени на пересечении водных и сухопутных коммуникаций. Жители средневековой деревни, располагаясь в одной из наиболее удобных бухт на восточном берегу Чудского озера, были включены в торговые операции и обеспечение функционирования водного пути (ремонт судов). Одной из возможных причин прекращения жизни на поселении стало возросшее значение пути по Эмайыги по сравнению с Нарвским путем.

Литература

- Михайлов А. В., 2008. Отчет об археологических исследованиях селища и грунтового могильника у д. Залахтовье (Гдовский район Псковской области) в 2008 г. // Архив ГБУК ПО АЦПО.
- Михайлов А. В., 2014. Залахтовский археологический комплекс. Псков.
- Попов С. Г., 2013. Отчет о работах на селище у д. Залахтовье в 2013 г. // РО НА ИИМК РАН.
- Попов С. Г., Хвоцинская Н. В., 2007. Некоторые итоги изучения Гдовского района: (К 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН) // АИППЗ: Материалы 52-го заседания, посвящ. памяти проф. А. Р. Артемьева. Псков.
- Романовский А. Б., 2015. Отчет об археологической разведке с целью определения границ территории памятников археологии у д. Залахтовье в Гдовском районе Псковской области в 2015 г. // Архив ГБУК ПО АЦПО.
- Сорокин П. Е., 1997. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в Средневековье. СПб.
- Хвоцинская Н. В., 1975. Отчет о работах Гдовского отряда Псковской областной археологической экспедиции ЛОИА в 1975 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 6092.
- Хвоцинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.
- Шмидехельм М. Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии (V в. до н.э. – V в. н.э.). Таллин.

И. В. Стасюк

Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1¹

I. V. Stasiuk. Cemetery Ratchino I Early Medieval Cremations

Abstract. The article publishes the results of the study of the Xth–XIth centuries cremations, discovered in the course of the excavations of the Ratchino I multilayer necropolis in the west of the Izhora plateau. Two burials were found redeposited in medieval mounds, others were destroyed by plowing and are presented by objects and calcified bones in the mixed layer. The stowage set of cremations is represented mainly by the antiquities of Estonian type. The funeral rite was reconstructed as a cremation on the side with the placement of the remains in the ground pits (perhaps under small mounds), or directly under the sod without stone structures. It has analogues in the north and north-west Russia. Such a combination of the ceremony and inventory is typical for the Estonian-Russian border zone sites, located around Peipsi Lake, in Ponarovie and in the west of the Izhora plateau within the zone of the Baltic-Ladoga Glint. It is suggested that these sites belonged to the Chud' population, included in the process of formation of Rus since the Viking age.

Ключевые слова: кремация, чудь, эсты, Древняя Русь, эпоха викингов, Новгородская земля, Псковская земля, Ижорское плато, Причудье, Понаровье.

Keywords: cremation, Chud', Ests, Old Rus', Viking age, Novgorod land, Pskov land, Izhora plateau, Peipsi lake, Narva basin.

Древности эпохи викингов на Ижорском плато исследованы слабо. Долгое время сведения о них ограничивались немногочисленными находками, сделанными в конце XIX – первой трети XX в. (*Спицын, 1896. С. 5–6; Соколов, 2014*). В последние годы здесь выявлен ряд новых погребальных и поселенческих памятников, материалы которых свидетельствуют о включении плато в последней четверти I – начале II тыс. н. э. в ареал расселения прибалтийско-финских племен, культурно близких населению Эстонии и запада Псковщины (*Стасюк, 2012; Михайлова, 2015*).

Среди погребальных памятников наиболее изучен могильник Ратчино 1. В 2009–2015 гг. здесь были раскопаны остатки разрушенного многослойного некрополя, древнейшие захоронения которого относятся к раннему римскому времени, позднейшие – к началу XIII в. (*Стасюк, 2011*). Среди прочих

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»

исследованы остатки трупосожжений конца I – начала II тыс. н.э., рассмотренные в данной статье.

Слой памятника сильно перемешан, т.к. погребения в Ратчино совершались в течение длительного времени на компактном участке, позднейшие захоронения нарушали более ранние. Грунт для насыпки курганов в XII–XIII вв. брался на месте, поэтому их насыпи содержат переотложенные предметы и кости из разрушенных погребений. В XX–XXI вв. могильник подвергался интенсивной распашке, часть его была уничтожена при строительстве шоссейной дороги. В результате образовался мешаный слой однородного темно-бурого суглинка, заполняющий межкурганное пространство и частично перекрывающий склоны уцелевших курганов. Этот слой также содержит остатки разрушенных трупосожжений. Так, в раскопе 2015 г. на площади 74 м² в мешаном слое собрано 742 разрозненных фрагмента кальцинированных костей человека.

Сборы предметов на распашке производились местными жителями. В период работы экспедиции жители передали нам ряд металлических изделий и их фрагментов. Они включены в коллекцию и учтены в данной работе как подъемный материал.

Погребения открыты в двух случаях.

Погребение 2/2009²

В СЗ секторе кургана № 4 в толще насыпи, сложенной из плотного мешаного светло-бурого суглинка, на глубине 30 см от дневной поверхности зафиксирована продолговатая в плане линза темно-серого суглинка, насыщенного угольками, кальцинированными косточками и обожженными предметами (рис. 1: 1). Размер линзы по линии С – Ю 19–20 см, по линии В – Ю 14–15 см, мощность до 8 см. При ее разборе найдены вторично обожженные фрагменты двух лепных сосудов (рис. 2: 6, 7), оплавленные фрагменты спирального браслета-наруча и иглы от нагрудной булавки, неопределимые фрагменты бронзового изделия и обожженная до белого цвета сердоликовая многогранная бусина (рис. 2: 8–13). Учитывая незначительные размеры и мощность линзы, малое количество и анатомически произвольный набор кальцинированных костей, неполный состав и фрагментацию погребального инвентаря, можно определить погребение как разрушенное и переотложенное. Оно было вброшено вместе с грунтом в насыпь кургана № 4 при его возведении в XII в.

Спиральные браслеты-наручи широко распространены в финских и балтских древностях, где имеют длительную историю бытования. На западе Новгородской земли их находки связаны, как правило, с комплексами прибалтийско-финского происхождения и укладываются в период X–XII вв. (Рябинин, 2001. С. 73). У нагрудной булавки хронологически значимым признаком является форма навершия (Mägi, 1997. Р. 58–65), которое в данном случае утрачено.

² В числителе указан номер погребения согласно полевому отчету, в знаменателе – год раскопок

Рис. 1. Могильник Ратчино 1. Трупосожжения.
1 – погребение 2/2009, средний горизонт расчистки, вид сверху с запада;
2 – погребение 3/2010, вид сверху с востока.

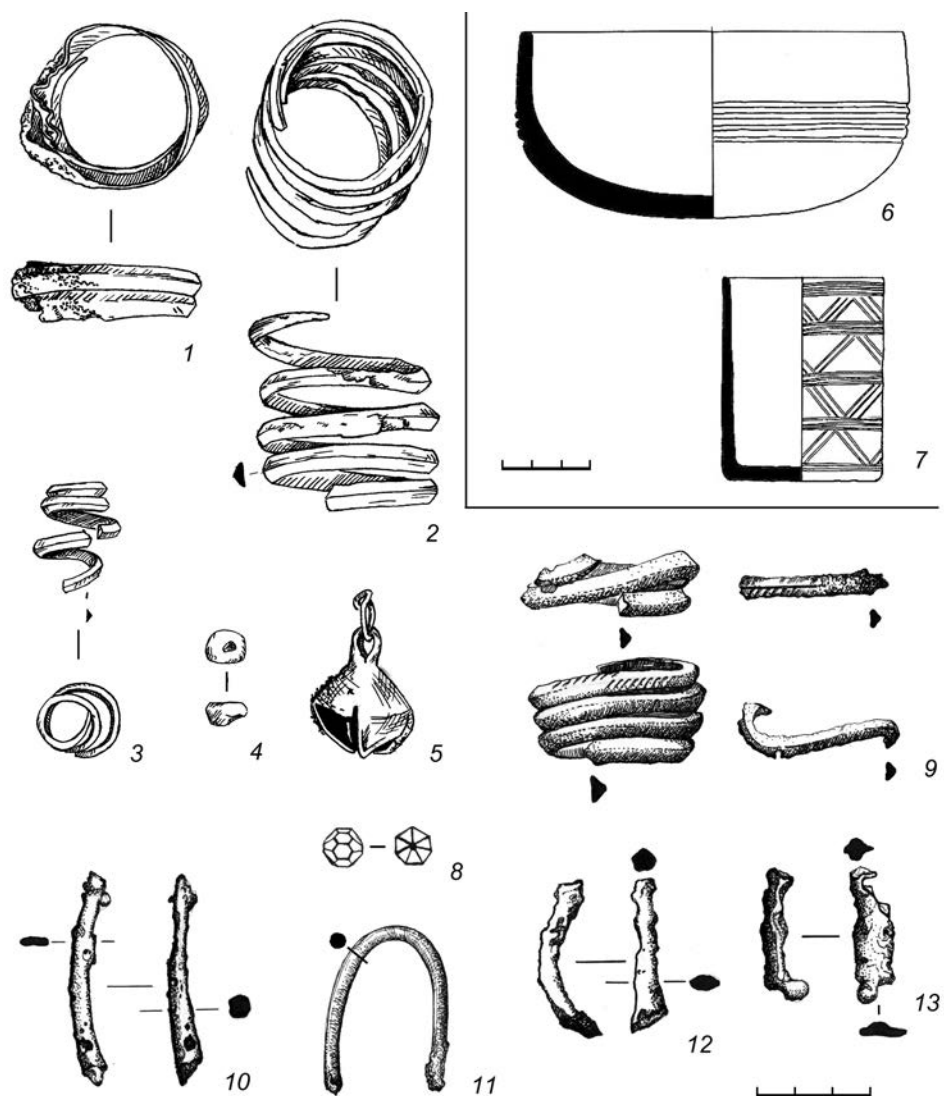

Рис. 2. Могильник Ратчино 1. Инвентарь погребений по обряду трупосожжения.
 1-7 – погребение 3/2010: 1, 2 – фрагменты спирального браслета; 3 – спиральный перстень;
 4 – бусина; 5 – бубенчик грушевидный крестопрорезной; 6, 7 – лепные сосуды.
 8-13 – погребение 2/2009: 8 – бусина; 9 – фрагменты спирального браслета; 10, 11 –
 фрагменты игл нагрудных булавок; 12, 13 – фрагменты неопределенного украшения.
 1-5, 9-13 – медный сплав; 6, 7 – керамика; 8 – сердолик

Сероглиняные лепные миски из плотного теста с заглаженной поверхностью, округлым дном, прямым венчиком и слабовыраженными плечиками встречены в памятниках второй половины I тыс. н.э. в Эстонии (Аун, 1992. С. 48–49; Tvauri, 2005. Р. 170), в трупосожжениях могильника Залахтовье (Хвоцинская, 2004. С. 108), в слоях IX–XI вв. Псковского городища (Белецкий, 1983. С. 52) и Среднего города (Белецкий, 2011. С. 372–373), Старого Изборска (Седов, 2007. С. 81) и городища Камно (Белецкий, 1977. С. 93). Миниатюрный тонкостенный сосуд с орнаментом из горизонтальных поясков двойного и тройного зигзага, разделенных горизонтальными линиями, сопоставим с североэстонской керамикой VIII–XI вв. (Tvauri, 2005. Р. 176; Tvauri, 2012. Р. 73).

Многогранные сердоликовые бусы известны в могильниках с сожжениями X–XI вв. на северо-западе России (Петренко, 1994. С. 74; Платонова, 2002. С. 135; Михайлова, 2014. С. 326). В Старой Ладогe они характерны для горизонта Д (Рябинин, 1995. С. 58).

В целом погребение датируется X – первой половиной XI в.

Погребение 3/2010

В северо-восточном секторе кургана № 3 в толще насыпи, сложенной из мешаного светло-бурого суглинка, на глубине 52 см от дневной поверхности выявлена округлая в плане линза серого суглинка с включениями угольков и кальцинированных костей (рис. 1: 2). Размеры линзы 16×18 см, мощность 4–6 см. При ее разборе найдены оплавленные предметы: фрагменты спирального браслета-наруча и спиральный перстень, изготовленные из узкой бронзовой пластинки треугольного сечения, грушевидный крестопорезной бубенчик с лепестками, орнаментированными по краю двумя тонкими врезными линиями, и зонная бусина из прозрачного светло-голубого стекла (рис. 2: 1–5). Как и в предыдущем случае, линза является переотложенной частью разрушенного сожжения, попавшего в насыпь кургана при его возведении в XII в.

Для датировки комплекса определяющей является находка грушевидного крестопорезного бубенчика с врезным двойным линейным орнаментом по краю лепестков. Данный тип датируется по материалам Новгорода и погребальных памятников Юго-Восточного Приладожья временем не позднее первой четверти XI в., что, по-видимому, и следует принять за верхнюю хронологическую границу погребения³.

Находки из мешаного слоя представлены большим количеством предметов из стекла, металла и керамики. Ниже рассмотрены только предметы, носящие следы воздействия высокой температуры и определяемые как инвентарь разрушенных трупосожжений.

По происхождению эти предметы можно разделить на три группы:

1) из слоя мешаного светло-бурого суглинка, слагающего насыпь курганов. Они связаны с сожжениями, разрушенными еще в древности при возведении курганов;

³ Определение Ю. М. Лесмана, принимавшего участие в раскопках в 2010 г.

Рис. 3. Могильник Ратчино 1. Находки из мешаного слоя.

1 – оплавок цветного металла с фрагментом черепа человека; 2, 3 – оплавленные фрагменты фибул XII–XIII вв. (с показанием аналогичных целых предметов)

2) из техногенного слоя темно-бурого мешаного суглинка, залегающего в межкурганном пространстве и частично покрывающего насыпи курганов. Они происходят из сожжений, разрушенных пахотой и строительством шоссейной дороги Гурлево – Перелесье;

3) подъемный материал с пахотного поля.

В источниковедческом плане они составляют единый массив, т.к. не образуют скоплений в пределах слоев и не сводятся в реконструируемые погребальные комплексы. Эти предметы могут быть проанализированы только в рамках единой коллекции по категориям и типам на уровне всего вещевого комплекса могильника (табл. 1).

Неопределимые фрагменты оплавленных изделий из медного сплава (далее – *оплавки*) составляют наиболее многочисленную категорию находок. Собрано 155 оплавок неправильной формы, размером от 0,2–0,3 см до 5–6 см. Это остатки украшений, полностью переплавленных в огне погребального костра. Самый массивный оплавок содержит в центре вплавленный в металл фрагмент человеческого черепа (рис. 3: 1).

Обилие оплавок указывает на то, что, во-первых, сжигаемые тела сопровождалось большим количеством предметов из цветного металла. Во-вторых, в огне погребального костра достигалась и поддерживалась высокая температура, достаточная для полной переплавки предметов. Это подтверждается полной кальцинацией человеческих костей: все они мелко раздроблены, лишены органических примесей, имеют белый цвет и высокую твердость.

Шейные гривны представлены фрагментом массивной дротовой гривны «с рыльцами» (рис. 4: 11), маленьким фрагментом массивной ложновитой гривны и четырьмя неопределимыми фрагментами дротовых гривен.

Таблица 1

**Могильник Ратчино 1. Инвентарь разрушенных трупосожжений.
Находки из мешаного слоя.**

Категория, тип	Количество	
	Целых	Фрагментов
Шейные гривны		
дротовые «с рыльцами»	–	1
ложновитые	–	1
неопр. типов	–	4
Бусы и делители бусинных нитей		
бусы стеклянные	13	7
делители бусинных нитей	1	–
Фибулы		
подковообразные	2	6
скорлупообразные	–	1
Булавки нагрудные		
с трехлопастным навершием	–	3
Браслеты		
массивные гладкие с утолщающимися концами	–	3
широкие ленточные с геометрическим орнаментом, ширина более 2 см	–	2
массивные ленточные с геометрическим орнаментом, ширина менее 2 см	–	6
ладьевидные «со змейкой»	–	1
узкомассивные дротовые гладкие с сужающимися концами	–	5
Перстни		
спиральные проволочные	–	2
Ременные пряжки и накладки		
пряжки лировидные	–	1
пряжки прочие неопр. типов	–	1
накладки плоские квадратные с орнаментом 4–лепестковой розеткой	1	–
Оружие		
наконечники копий ланцетовидные втульчатые	1	3
наконечники копий ланцетовидные черешковые	1	–
наконечники стрел ромбовидные	4	–
наконечники стрел листовидные и ланцетовидные	2	–
Орудия труда и бытовой инвентарь		
ножи	5	–
кресала калачевидные миниатюрные	2	–
серпы	2	1
косы	1	1
ножницы пружинные		1
шила	1	–
иглы швейные	2	–
иглы кожевенные	1	–
замки навесные	1	–
дужка от котла	1	–
удила	–	3
заклепки	35	–
пробой проволочные	4	–
Неопределимые фрагменты оплавленных изделий из цветного металла («оплавки»)	155	

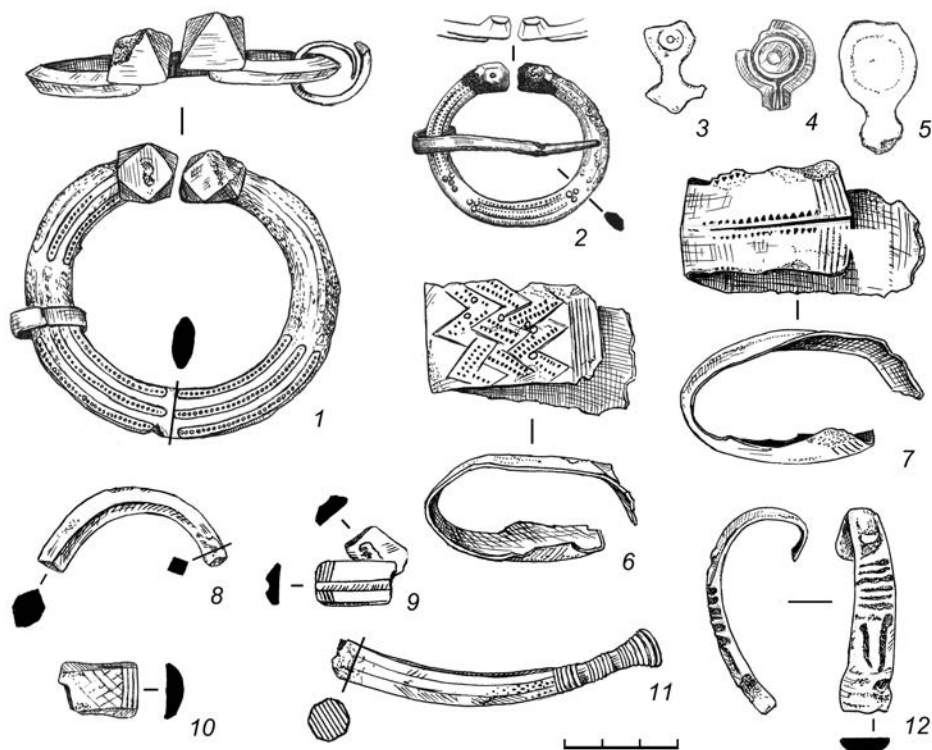

Рис. 4. Могильник Ратчино 1. Находки из мешаного слоя. Изделия из медного сплава. 1, 2 – подковообразные фибулы; 3–5 – фрагменты наверший нагрудных одежных булавок; 6–10, 12 – фрагменты браслетов; 11 – фрагмент дротовой шейной гривны «с рыльцами»

О значении гривен «с рыльцами» для выяснения истоков заселения Ижорского плато в древнерусскую эпоху, происхождения местной курганной культуры и ее генетических связях с курганами гдовского Причудья писали Н. В. Хвоцинская (*Хвоцинская*, 1981. С. 36), Е. А. Рябинин (*Рябинин*, 2001. С. 109) и Ю. М. Лесман (*Лесман*, 2011. С. 398–400). Не вдаваясь в подробности дискуссии, отметим, что с учетом новых находок в Ратчино, Малли и Ополе гривны «с рыльцами» должны рассматриваться как характерная черта ювелирного убора X–XI вв. в обоих регионах.

Стеклянные бусы. Найдено 19 экземпляров, относимых к 8 типам. Еще одна полностью переплавленная и ошлакованная бусина неопределима (табл. 2).

Количественно преобладают некрупные (диаметр 6–8 мм) зонные одноцветные темно-синие прозрачные бусы и крупные (диаметр чуть более 1 см) зонные черные глазчатые бусы с красно-белыми глазками и белыми пересекающимися линиями – «петлями». Две ребристые лимоновидные бусины (желтая и бесцветная) найдены сплавившимися вместе, нанизанными на тонкий бронзовый стержень или проволоку. Найден один фрагмент пронизки из прозрачного лилового стекла.

Таблица 2

**Могильник Ратчино 1. Инвентарь разрушенных трупосожжений.
Стекло́нные бусы из мешаного слоя.**

Тип	Шт.
Навитые зонные глазчатые из черного непрозрачного стекла с красно-белыми глазками и белыми линиями	5
Пронизка из лилового прозрачного стекла	1
Ребристая лимонovidная желтая	1
Ребристая лимонovidная прозрачная	1
Зонная из зеленого глухого стекла с желтыми полосками	1
Зонные темно-синие прозрачные, диаметр 6–8 мм	6
Лимонovidная темно-синяя (фрагмент многочастной пронизки?)	1
Светло-зеленого прозрачного стекла, форма неопределима	3
Тип неопределим	1

Все определимые бусы относятся к разновидностям, распространенным на севере лесной зоны Восточной Европы и в Скандинавии в X – первой половине XI в. (*Callmer*, 1977. P. 77; *Захаров, Макаров*, 2008. С. 291).

Разделитель бусинных нитей прямоугольной формы, с двумя отверстиями и циркульным орнаментом. Аналогичные находки на Ижорском плато редки, тяготеют к его западной окраине и происходят из комплексов прибалтийско-финского характера: это курган № 7 с трупоположением могильника Мануйлово (*Спицын*, 1896. С. 16, табл. XVI, 6) и случайная находка из разрушенного трупосожжения могильника Ополье.

Фибулы представлены двумя целыми (рис. 4: 1, 2) и пятью фрагментами массивных подковообразных застёжек с гранчатыми головками. Они характерны для мужского убора юго-восточной Балтии эпохи викингов и найдены в погребениях на территории Латвии, Эстонии, Финляндии, северо-запада России, а также в древнейших слоях Новгорода X – начала XI в. (*Седова*, 1959. С. 244). М. Мяги относит их бытование в Эстонии к IX–X вв. (*Mägi-Lõugas*, 1994. S. 481, таһу. I, III), П. Лиги и Н. В. Хвоцинская приводят находки XI в. в могильниках с кремациями северного и восточного Причудья (*Лиги*, 1982. С. 386–387; *Хвоцинская*, 2004. С. 81). Известны находки в могильниках X–XI вв. с бескурганскими кремациями на западе Новгородской земли (*Стасюк*, 2008. С. 12; *Мухайлова*, 2014. С. 320, 330).

С позднейшими сожжениями связаны два оплавленных фрагмента от подковообразной и скорлупообразной фибул, датированных XII–XIII вв. (рис. 3: 2, 3).

Булавки. Найдено три фрагмента нагрудных булавок с трехлопастным крестовидным навершием (рис. 4: 3–5). Аналогичные изделия распространены в X–XI вв. в Эстонии и составляли характерный этнографический элемент костюма эстов (*Selirand*, 1974. S. 146–147; *Лаул*, 1986. С. 199; *Mägi*, 1997. P. 65; *Хвоцинская*, 2004. С. 70). Оттуда они распространялись в соседние регионы Руси, Прибалтики и Финляндии. В Новгороде булавки этого типа найдены в слоях X – начала XI в. (*Седова*, 1959. С. 240; *Покровская*, 1998. С. 175), однако

в погребениях новгородской земли встречаются и позднее. Эволюция эстонских булавок с крестовидными навершиями подробно прослежена Н. В. Хвоцинской в могильнике Залахтове. Трехлопастные навершия без перемычек, с рельефным концентрическим декором лопастей характерны для ранней группы булавок, встречающихся в сожжениях и ранних труположениях XI – начала XII в. (*Хвоцинская*, 2004. С. 69–70).

Браслеты составляют группу из 17 находок, относящихся к 6 типам. Наиболее ранними являются массивные гладкие браслеты с утолщающимися концами, имеющими сечение в форме неправильного шести- или восьмигранника со скругленными углами (рис. 4: 8). Два фрагмента лишены орнамента, один орнаментирован с внешней стороны узкой неглубокой продольной канавкой, идущей от края к центру. Этот тип браслетов, восходящий к формам третьей четверти I тыс. н. э., широко распространен в Эстонии в эпоху викингов и датируется не позднее середины X в. (*Tamla*, 1991. S. 134–145; *Mägi-Lõugas*, 1995. P. 319).

Еще одна ранняя разновидность – массивные, сравнительно узкие (менее 2 см) ленточные браслеты с незначительно расширяющимися концами, изготовленные из толстой пластины уплощенно-линзовидного сечения со сложным геометрическим орнаментом, включающим несколько рядов перпендикулярных борозд по краю и параллельных линий с точками либо косой плетенкой в центре (рис. 4: 10). К этой же группе следует отнести два фрагмента массивных пластинчатых браслетов с продольной канавкой, идущей от края к центру (рис. 4: 9). Данная разновидность широко представлена в памятниках Эстонии и датируется X – началом XI в. (*Mägi-Lõugas*, 1995. P. 319–320).

В XI–XII вв. эти браслеты получают развитие. Пластина становится заметно шире (более 2 см) и тоньше, сохраняется общая композиция декора с незначительными вариациями его отдельных элементов. Декор богатый, но часто нанесен поверхностно и небрежно. Найдено всего два фрагмента таких браслетов, носящих следы пребывания в огне (рис. 4: 6, 7), и значительно большее количество необожженных. Видимо, появление этой группы браслетов хронологически совпало с постепенным вытеснением кремации ингумацией. Аналогичная тенденция отмечена Н. В. Хвоцинской в Залахтове (*Хвоцинская*, 2004. С. 84–86).

Единственная находка оплавленного ладьевидного браслета с декором в виде рельефной змейки (рис. 4: 12) является южнобалтийским дериватом скандинавской формы эпохи викингов и датируется XI в. Аналогичный браслет найден в Ратчино в распаханном детском труположении (*Стасюк*, 2011. С. 90, рис. 2: 14), что также указывает на бытование этого типа в период перехода от кремации к ингумации.

Дротовые узкомассивные гладкие неорнаментированные браслеты с утончающимися концами найдены как оплавленными (5 фрагментов), так и без следов воздействия высокой температуры.

Ременные пряжки и накладки. Одна пряжка лировидная, второй фрагмент сильно оплавлен и неопределим. Единственная ременная накладка с орнаментом – рельефной четырехлопастной розеткой – относится к «особому»

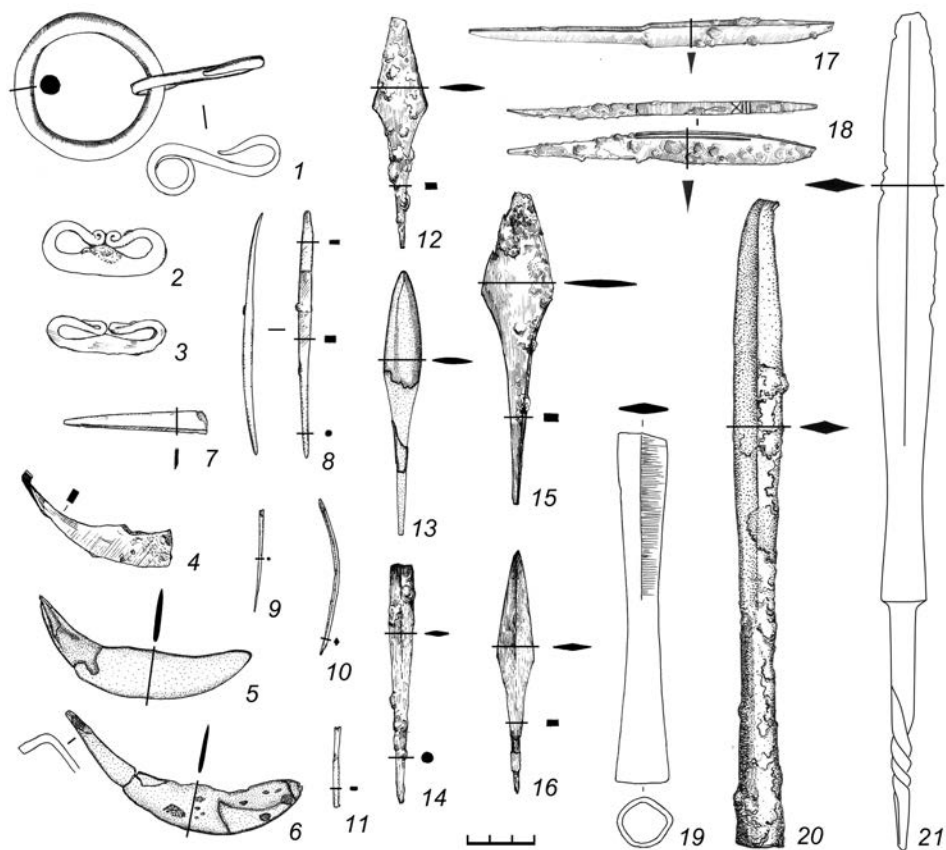

Рис. 5. Могильник Ратчино 1. Находки из мешаного слоя. Изделия из черного металла.

1 – фрагмент удил; 2, 3 – кресала; 4–6 – серпы; 7 – лезвие пружинных ножниц;
8 – шило; 9, 11 – иглы швейные; 10 – игла кожевенная; 12–16 – наконечники стрел;
17, 18 – ножи; 19–21 – наконечники копий

виду O29 по В. В. Мурашевой. Находки аналогичных накладок известны преимущественно в Прибалтике, Скандинавии и Финляндии в XI в. (Мурашева, 2000. С. 54–55, рис. 81; *Mägi*, 2002. P. 98)

Наконечники копий относятся к типу ланцетовидных, с длинным узким пером ромбического сечения, плавно переходящим в шейку. Найдены 1 целый и 3 фрагмента втульчатых наконечников (рис. 5: 19, 20), а также 1 редкий наконечник с тордированным черешком (рис. 5: 21).

Втульчатые ланцетовидные копья (тип E по Я. Петерсену) широко распространены в Северной Европе, на Руси и в Прибалтике в VIII – первой половине XI вв. и являются одним из наиболее характерных типов оружия эпохи викингов (Петерсен, 2005. С. 59–60; Кирпичников, 1966. С. 9). Находки черешковых ланцетовидных наконечников на Руси редки: два найдено в Изборске и три в курганах Юго-Восточного Приладожья, все они датированы IX–X вв.

Более 40 таких наконечников известно в Финляндии, что позволяет рассматривать их как финский вариант ланцетовидных копий (*Salmo*, 1938. С. 251–253; *Артемьев*, 1991. С. 183).

Наконечники стрел. Найдено 6 черешковых наконечников, 4 из них относятся к широко распространенному в Средние века типу ромбовидных наконечников без упора (рис. 5: 12, 15, 16).

Ланцетовидный наконечник (рис. 5: 14) типа 62 по А. Ф. Медведеву (*Медведев*, 1966. С. 73–74) характерен для северо-европейского вооружения X – первой половины XI в. Находки этого типа на северо-западе России часто связаны с памятниками скандинавского круга.

Лавролистный наконечник с округлыми плечиками, плавно переходящими в черешок, с плоским черешком без упора (рис. 5: 13) может быть отнесен к типу 63 по А. Ф. Медведеву, характерному для севера Руси IX–X вв. (*Медведев*, 1966. С. 74).

Удила. Встречены 3 фрагмента, возможно, одного экземпляра трехзвенчатых удил: кольцо с восьмеркообразным звеном грызла (рис. 5: 1), звено грызла и кольцо. Удила с трехчастным грызлом относятся к типу V по А. Н. Кирпичникову. Он широко распространен в Северной Европе, наиболее типичен для Скандинавии и Финляндии. Находки на Руси редки и датируются X–XI вв. (*Кирпичников*, 1973. С. 17). На Ижорском плато аналогичные удила найдены в могильнике Ополе (*Стасюк*, 2008. С. 8).

Ножи из трупосожжений (рис. 5: 17, 18) – 5 экземпляров, все относятся к группе IV восточноевропейских ножей по классификации Р. С. Минасяна (*Минасян*, 1980. С. 73–74) – черешковые ножи с длинным узким черешком, прямым толстым обухом и узким клинком, изготовленные в технике трехслойного пакета. Этот тип имеет скандинавское происхождение и широко распространяется в северной и восточной Европе в эпоху викингов. В Новгороде они наиболее характерны для X – начала XII в. (*Колчин*, 1959. С. 48), хотя отдельные экземпляры встречаются вплоть до конца XII в. (*Лесман*, 1984. С. 138).

Кресала калачевидные с язычком (рис. 5: 2, 3) отличаются миниатюрными размерами, не более 6 см в длину. По находкам в Новгороде тип датируется в основном X–XI вв. (*Колчин*, 1959. С. 99), но отдельные экземпляры встречаются до последней четверти XII в. (*Лесман*, 1984. С. 138).

Серпы из сожжений представлены миниатюрными формами (рис. 5: 4–6), аналоги которым известны в Эстонии второй половины I тыс. н.э. (*Laul, Tõnisson*, 1991. С. 90, joon 7; *Tvaari*, 2012. Р. 101), в XI–XII вв. в Причудье (*Хвоцинская*, 2004. С. 106), в нижнем горизонте Изборского городища (*Лопатин*, 2012. С. 131).

Косы-горбуши найдены дважды: это миниатюрная коса с узким (1,5 см) лезвием и обломок острия косы-горбуши обычного размера и ширины лезвия (3 см).

Ножницы представлены единственной находкой фрагмента лезвия (рис. 5: 7). Пружинные ножницы являлись массовым изделием, использовавшимся жителями Европы на протяжении длительного времени. Их форма, выработанная уже в раннем средневековье (*Petersen*, 1951. С. 303, fig. 168, 170),

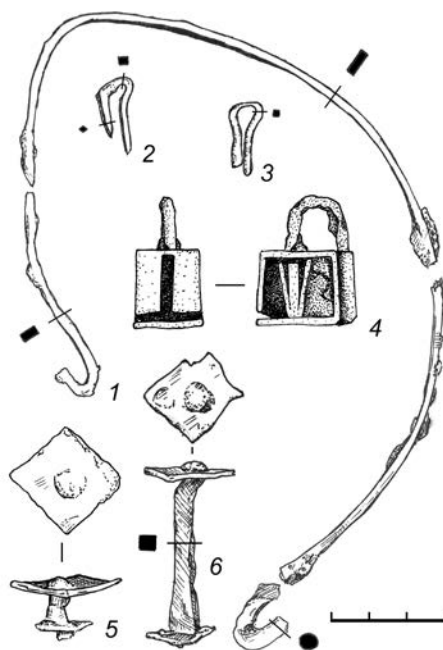

Рис. 6. Могильник Ратчино 1. Находки из мешаного слоя. Изделия из черного металла.
1 – дужка котла; 2, 3 – пробойи; 4 – замок; 5, 6 – заклепки

впоследствии мало изменялась. Так, среди хорошо стратифицированных новгородских находок X–XIV вв. выделить какие-либо хронологические различия не удастся (Колчин, 1959. С. 59).

Шило кожевненное с прямоугольным сечением рабочей части и круглым – черешка (рис. 5, 8) также представлено единственной находкой.

Иглы железные найдены к количеству 3 экземпляров: 2 швейные (рис. 5: 9, 11) и 1 кожевненная (рис. 5: 10).

Замок навесной коробчатый (рис. 6: 4), миниатюрный, одна боковая стенка корпуса утрачена. Относится к типу А по Б. А. Колчину (Колчин, 1959. С. 78, рис. 70) и характеризуется кубическим корпусом и Т-образным ключевым отверстием под плоский ключ. В Новгороде эти замки бытовали в X, XI и частично в XII в. Во второй половине XII в. они полностью выходят из употребления (Колчин, 1959. С. 80).

Дужка от котла (рис. 6: 1) – единственная известная находка на Ижорском плато. Изготовлена из железного прута прямоугольного сечения шириной 7–8 мм, толщиной 2–3 мм. Концы круглого сечения сужаются и загнуты крючками.

Заклепки железные с ромбической клинкер-шайбой составляют серию из 35 находок двух размерных групп: короткие (1,5–2,5 см) – 3 шт. (рис. 6: 5) и длинные (4–6 см) – 32 шт. (рис. 6: 6).

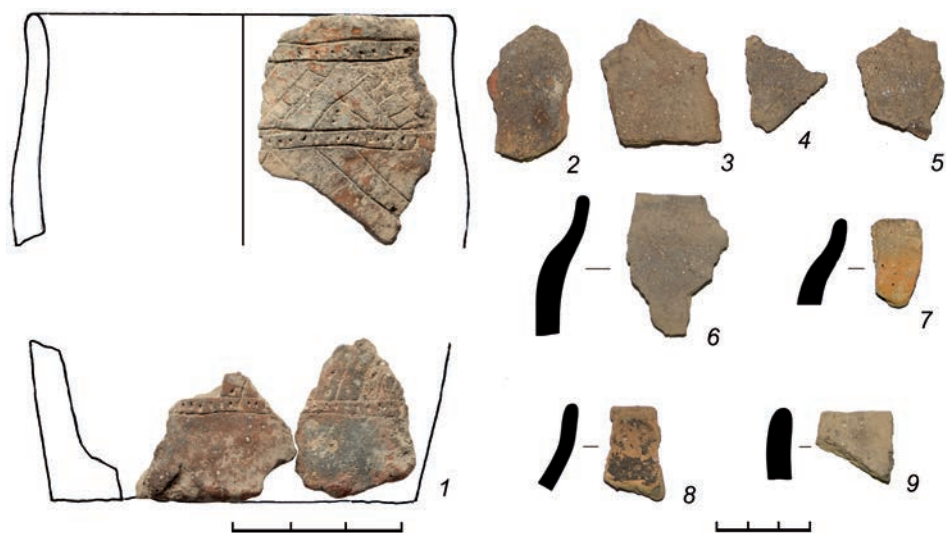

Рис. 7. Могильник Ратчино 1. Находки из мешаного слоя. Лепная керамика.

1 – слабопрофилированный сосуд с геометрическим орнаментом;
2–5 – фрагменты стенок; 6–9 – венчики мисок

Пробои в виде миниатюрных железных петелек (рис. 6: 2, 3) – найдено 4 шт. Служили, вероятно, для крепления веревочных или металлических ручек к деревянной утвари.

Керамика, носящая следы вторичного обжига, представлена исключительно лепными сосудами двух форм: округлодонные миски (рис. 7: 6–9) и слабопрофилированные сосуды.

Округлодонные сероглиняные миски с заглаженной или лощенной поверхностью, с прямым или немного загнутым внутрь венчиком очень характерны для прибалтийско-финской керамики IX–XI вв. Различные вариации этой формы представлены в древностях материковой Эстонии (Tvauri, 2012. P. 70) и острова Сааремаа (Mägi, 2002), в Финляндии (Kivikoski, 1973, taf. 114; 1031), у даугавских ливов (Zariņa, 2006. S. 423, att. 142, 3), в памятниках Юго-Восточного Приладожья (Спирidonов, 1985. С. 199, рис. 2), Белозерья (Голубева, 1973. С. 146, рис. 53) и, возможно, Карелии (Кочкуркина, 1981. С. 60–61; 2010. С. 148, рис. 159). Наиболее близкие аналоги ратчинским мискам найдены в грунтовых и курганных трупосожжениях X–XI вв. могильника Залахтовье (Хвощинская, 1977. С. 64, рис. 1: 12; 2004. С. 107–108).

Интересен миниатюрный слабопрофилированный тонкостенный «стаканчик» с линейно-точечным орнаментом (рис. 7: 1). Как и «стаканчик» из погребения 2, он не находит точных аналогий, однако близкие мотивы и композиция декора из нескольких горизонтальных орнаментальных поясков, заполненных диагональными линиями и разделенных горизонтальными линиями, широко представлены в Эстонии (Selirand, 1974, tahv. VIII; Tvauri, 2005. S. 99–102, 111)

и известны в Финляндии (*Kivikoski*, 1973, taf. 113, 1024) в памятниках второй половины I – начала II тыс. н.э.

Таким образом, всю группу трупосожжений Ратчинского могильника можно датировать в пределах X – первой половины XI в. Исключениями из общей массы находок являются фрагменты двух фибул XII–XIII вв., относящиеся, вероятно, к редким позднейшим реминисценциям обряда трупосожжения в эпоху господствующих трупоположений. Подобные случаи отмечены в курганах Ижорского плато XII–XIII вв. (*Спицын*, 1896. С. 7; *Рябинин*, 1997. С. 145).

Уловимые детали погребального обряда позволяют предположить, что изначально погребения помещались в неглубоких грунтовых ямках или непосредственно на поверхности земли без каменных конструкций. Нельзя полностью исключить того, что они были перекрыты невысокими земляными насыпями по аналогии с сожжениями могильника Залахтовье. В таком случае эти насыпи были настолько невелики, что уже к XII в. не опознавались как погребальные и не мешали строителям курганов брать из них грунт вместе с остатками захоронений.

Вещевой набор сожжений включает ряд общих североευропейских типов, широко распространившихся в эпоху викингов. Но большая его часть имеет выраженную региональную специфику. Женские украшения, керамика, миниатюрные серпы, делитель бус, поясная накладка находят многочисленные аналогии в памятниках Эстонии.

Господствующим типом погребальных памятников в Эстонии в это время являются каменные могильники. Грунтовые сожжения без каменных конструкций редки и немногочисленны (*Selirand*, 1974. S. 217–218; *Laul, Valk*, 2007. P. 30; *Tõavi*, 2012. P. 264–265). Близкие к Ратчино по обряду могильники с бескурганскими кремациями распространены восточнее, на территориях, составляющих основу северной Руси с ее древнейшими центрами – Ладогой, Псковом, Новгородом, Белоозером. Но их вещевой набор характеризуется иными типами украшений и керамики, не представленными в эстонских древностях и отражающими, видимо, иные этнографические комплексы (*Макаров, Зайцева*, 2007. С. 103; *Михайлова*, 2014).

В качестве ближайших прямых аналогий Ратчинскому некрополю на основании сочетания вещевого набора и погребального обряда должны рассматриваться могильники Йьуга, Ольгин Крест, Скарятин Гора, Кунингаюля в северном Причудье и Понаровье (*Ligi*, 1988, tahv. I, II; 1993. P. 155), Залахтовье (*Хвощинская*, 2004), недавно открытое Селище и, вероятно, ранние кремации могильника Сикселе в южном Причудье (*Laul, Valk*, 2007. P. 30–37; *Valk, Allmäe*, 2010), Ополье, Дятлицы и Малли на Ижорском плато (*Стасюк*, 2012).

Таким образом, выявляется круг синхронных погребальных памятников, расположенных в зоне «между Русью и Чудью», на западных рубежах Новгородской и Псковской земель – вокруг Псковского и Чудского озер, в Понаровье и на Ижорском плато в зоне Балтийско-Ладожского глинта. Они характеризуются сочетанием ориентированной на Эстонию материальной культуры с вариантами раннего древнерусского обряда погребения. По всей видимости, эти могильники оставлены чудским населением, рано и активно включенным в процессы сложения северной Руси в X–XI вв.

Литература

- Артемов А. Р.*, 1991. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // *Материалы по археологии Новгородской земли*. 1990. М.
- Аун М.*, 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.
- Белецкий С. В.*, 1977. Керамика городища Камно Псковской обл. // *КСИА*. Вып. 150. М.
- Белецкий С. В.*, 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // *АИП*. М.
- Белецкий С. В.*, 2011. Псков в I – начале II тыс. н.э. // *Российский археологический ежегодник*. № 1. СПб.
- Голубева Л. А.*, 1973. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
- Захаров С. Д., Макаров Н. А.*, 2008. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // *Археология севернорусской деревни X–XIII вв. М.*
- Кирпичников А. Н.*, 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л. (САИ; вып. Е1–36.)
- Кирпичников А. Н.*, 1973. Древнерусское оружие. Вып. 4: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М.; Л. (САИ; вып. Е1–36.)
- Колчин Б. А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. М. (МИА; № 65.)
- Кочуркина С. И.*, 1981. Археологические памятники корелы. Л.
- Кочуркина С. И.*, 2010. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск.
- Лаул С. К.*, 1986. Одежда эстонцев I–XVII вв. // *Древняя одежда народов Восточной Европы*. М.
- Лесман Ю. М.*, 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // *Археологическое исследование Новгородской земли*. Л.
- Лесман Ю. М.*, 2011. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика севернорусского пограничья в XI–XII веках // *Российский археологический ежегодник*. № 1. СПб.
- Лиги П. Х.*, 1982. Об исследовании водских курганов в Йыуга // *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused*. 31.
- Лопатин Н. В.*, 2012. Изборск // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., Вологда.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е.*, 2007. Новые исследования средневековых могильников с кремациями на севере Европейской России // *РА*. № 1.
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел VIII–XIV вв. (САИ; вып. Е1–36.)
- Минасян Р. С.*, 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // *АСГЭ*. Вып. 21. Л.
- Михайлова Е. Р.*, 2014. Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // *Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура*. М.
- Михайлова Е. Р.*, 2015. Древности Западной Ингрии I тыс. н.э.: новые материалы // *АВ*. Вып. 21. СПб.
- Мурашева В. В.*, 2000. Древнерусские ремешковые наборные украшения X–XIII вв. М.
- Петерсен Я.*, 2005. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.
- Петренко В. П.*, 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: сопки Северного Поволжья. СПб.

- Платонова Н. И., 2002. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.
- Покровская Л. В., 1998. Новгородские одежные булавки X–XIII вв. // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию Д. А. Авдусина. М.
- Рябини́н Е. А., 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналоги) // Ладога и Северная Русь: чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 дек. 1995 г.). СПб.
- Рябини́н Е. А., 1997. Курганы с трупосожжениями Водской земли // Славяне и финно-угры. СПб.
- Рябини́н Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб.
- Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.
- Седова М. В., 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.
- Соболев В. Ю., 2014. Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато // Stratum Plus. № 5.
- Спиридонов А. М., 1985. Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А. М. Линевского) // Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20. СПб.
- Стасюк И. В., 2008. Могильник у поселка Ополье: новые данные о ранних этапах освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья. СПб.
- Стасюк И. В., 2011. Раскопки могильника Ратчино 1 на Ижорском плато в 2009 году // АИППЗ. Материалы 56-го заседания (2010 г.). М.; Псков.
- Стасюк И. В., 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н.э. // Stratum Plus. № 5.
- Хвоцинская Н. В., 1977. О новом типе курганов в могильнике у дер. Залахтовье // КСИА. Вып. 150.
- Хвоцинская Н. В., 1981. О некоторых различиях курганов северо-запада Новгородской земли // КСИА. Вып. 166.
- Хвоцинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.
- Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Lund.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Laul S., Tõnisson E., 1991. Muistsete sirpide ja vikatite kujunemisloost Eestis // Muinasaja teadus, 1. Arheoloogiline kogumik. Tallinn.
- Laul S., Valk H., 2007. Siksälä. A community at the frontiers. Iron age and Medieval. Tallinn; Tartu.
- Ligi P., 1988. Kirde-Eesti vadjapäraste kalmete uurimise tulemusi // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. 37.
- Ligi P., 1993. Vadjapärased kalmel Kirde-Eestis (9.–16. sajand) // Muinasaja teadus. 2: Vadjapärased kalmel Eestis 9.–16. Sajandil. Tallinn.
- Mägi M., 1997. Eesti merovingi- ja viikingiaegsed rinnanõelad – võõrapärased ja omad // Eesti arheoloogiaajakiri (Estonian Journal of Archaeology). 1.
- Mägi M., 2002. At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Õsel), 9th–13th centuries AD. Tallinn.
- Mägi-Lõugas M., 1994. Eesti viikingiaegsed hoburaudsõled ja nende ornament // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. 43.

- Mägi-Lõugas M.*, 1995. Eesti viikingiaegsed käevõrud ja nende ornament // Muinasaja teadus. 3: Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Tallinn.
- Petersen J.*, 1951. Vikingetidens redskaper. Oslo.
- Salmo H.*, 1938. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XLII. Helsinki.
- Selirand J.*, 1974. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärgamise perioodil (11.–13. sajand). Tallinn.
- Tamla T.*, 1991. Jämenevate otstega käevõrud Eesti noorema rauaaja (10.–13. saj.) leidudes // Muinasaja teadus. 1: Arheoloogiline kogumik. Tallinn.
- Tvauri A.*, 2005. Eesti hilisrauaaja savinoud (11. Sajandist 13. Sajandi Kesksaigani) // Muinasaja teadus. 16. Tallinn; Tartu.
- Tvauri A.*, 2012. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia // Estonian Archaeology. 4. Tartu.
- Valk H., Allmäe R.*, 2010. Kirikumägi at Siksälä: evidence of a new grave form in south-eastern Estonia? // Eesti arheoloogiaajakiri (Estonian Journal of Archaeology). 14, 1. Tallinn.
- Zariņa A.*, 2006. Salaspils Laukskolā kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga.

Т. В. Николаева, В. Б. Панченко

Каменные кресты в собрании Псковского музея-заповедника: формирование коллекции

T. V. Nikolaeva, V. B. Panchenko. Stone Crosses in the Collection of the Pskov Museum-reserve: Formation of the Collection

Abstract. The collection of stone crosses of the Pskov museum-reserve began to take shape in the active period of the Pskov archaeological society. The PAT Catalog which was prepared for the opening of the museum mentioned 5 crosses and stated that they will be in front of the museum. Several crosses at the entrance to the Pogankin Chambers are fixed at the photos of that time (Pskov on old postcards). Now there are 58 items in the collection stored in the Mirozhsky monastery. Novgorod crosses constitute a very small part of the collection – seven crosses and three fragments. Stone crosses of Pskov collection are diverse in origin and functional use. Their features include several aspects which are important for their exposure in the museum: crosses representing different traditions (Novgorod, Pskov and Izborsk); crosses of different functional types (gravestones, votive), displaced cultural values.

Ключевые слова: каменные кресты, Псков, Новгород, Изборск, музейная коллекция.

Keywords: stone crosses, Pskov, Novgorod, Izborsk, museum collection

Коллекция каменных крестов Псковского музея-заповедника размещена в притворе Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря и состоит из 58 предметов: это каменные кресты разных типов, подпятные плиты, надгробные плиты и фрагменты каменных крестов и плит.

Существующее собрание формировалось в несколько этапов.

Начало музейной коллекции каменных крестов было положено в дореволюционный период (конец XIX – начало XX в.). В Каталоге музея ПАО, который был составлен в 1913 г. при подготовке выставки, приуроченной к открытию XVI Археологического съезда (*Александров, 2011. С. 13*), перечислены несколько крестов и указано, что они будут установлены перед входом в музей (Каталог, 1913. С. 1). Видимо, какие-то из этих крестов изображены на одной из дореволюционных открыток с видами Пскова во дворе Поганкиных палат (*Левин, 2004. С. 158, 160*).

Кресты из каталога ПАО:

два каменных креста, доставленных профессором Санкт-Петербургского Университета И. А. Шляпкиным из-под Изборска (№ 6 и 7)¹;

¹ Здесь и далее указаны номера по Каталогу ПАО.

крест «новгородского типа» XIV в., стоявший в поле возле деревни Лешовки Палкинской волости Псковского уезда, в 27 верстах от Изборска, доставлен А. Я. Лихтерманом (№ 8);

каменный крест, находившийся возле деревни Паничьи Горки Сидоровской волости Псковского уезда, доставлен В. Н. Крейтоном (№ 9);

подножие каменного креста, доставленного доктором П. К. Березским (№ 10);

часть каменного креста, найденная на Великолуцкой улице в 1908 г. при постройке дома Отделения Государственного Банка, подарок Н. И. Пульхерова (№ 1968);

«каменный 4-конечный крест, с двумя непонятными знаками» (№ 1964);
надгробные плиты (№ 1959–1967, 1969).

Советский период

О судьбе коллекции в период с 1917 г. по 1941 г. ничего не известно, возможно, она пополнялась благодаря деятельности Археологического общества, вновь созданного при историко-археологическом музее в Поганкиных палатах в 1920-х гг. (Музей в XX–XXI вв.).

Во время Великой Отечественной войны большая часть музейных коллекций осталась в оккупированном Пскове. В городе разместились некоторые подразделения группы армий «Север», в том числе и отдел «по охране культурно-художественных ценностей». К концу лета 1941 г. руководителем этого отдела, графом Сольмсом (в прошлом – директором исторического музея г. Франкфурга-на-Майне), в здании исторического музея на ул. Некрасова был создан «Музей Поганкина». В 1941–1944 гг. Псковский музей стал базой для хранения художественных ценностей, перемещенных со всего псковского региона, а также из Новгорода, Тихвина и дворцовых пригородов Ленинграда (Ткачева, 2007. С. 10). Инвентаризация и составление описей вывозимых предметов проводились В. С. Пономаревым, археологом и внуком известного новгородского коллекционера В. С. Передольского (Комарова, 2003. С. 58–64). Известно, что в 1942 г. в Псков был вывезен деревянный Людогочинский крест 1359 г., а зимой 1943 г. – Алексеевский крест XIV в., выломанный из стены Софийского собора (Пономарев, 2006. С. 228–253). После войны эти памятники были возвращены обратно в Новгород. Одно из хранилищ для перемещенных коллекций «доисторических древностей», живописи, фарфора, икон небольшого размера, пластики, предметов быта было организовано в период оккупации в трех помещениях Солодежни на ул. Гоголя (Ткачева, 2007. С. 10).

После войны в Солодежне разместились часть фондов Областного краеведческого музея. На фотографии 1960-х гг., сделанной в Солодежне Борисом Степановичем Скобельцыным (рис. 1) изображено не менее 7-ми каменных крестов (Скобельцын, 1969. С. 33). Ниже мы покажем, что два из них находились в Новгородском музее до середины 1920-х гг.

В 1968 г. создается Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, в состав которого входит и ансамбль Мирожского монастыря. В 1970-х гг. музейная коллекция каменных крестов перемещается в притвор Спасо-Преображенского собора, где и находится до настоящего времени (Лагунин, 2002. С. 105).

Рис. 1. Каменные кресты в Солодежне, 1960-е гг. (по: Скобельцын, 1969. С. 33)

Постановка крестов на государственный учет началась в послевоенные годы, самая ранняя запись поступления памятников относится к 1947 г. Только часть крестов в собрании имеет топографическую привязку к своему прежнему местоположению. Постановка на учет большей части памятников проводилась на современном этапе, с 2002 г., сотрудниками отдела «Мирожский монастырь» Т. В. Кругловой, Т. Н. Журавлевой, И. А. Мельниковой, Т. В. Николаевой². К настоящему времени установлено происхождение следующих крестов³.

Псковские кресты:

1) 5 крестов были привезены с погоста у церкви Успения Богородицы в селе Мелетово В. М. Рожнятовским (инв. № КП 32520-2, 32520-10, 32520-12, 32520-16, 34215-4)⁴;

2) 1 крест был обнаружен на погосте деревни Подгорица Псковского района, у часовни, и привезен В. М. Рожнятовским (инв. № 34215-1);

3) 1 крест был обнаружен О. К. Волочковой на погосте у церкви Николая со Устья и привезен В. М. Рожнятовским (инв. № 34215-2);

4) 3 креста были обнаружены на погосте Выбор Новоржевского района Б. Н. Харлашовым (инв. № 34215-3, 34215-5, 34215-6 – двусторонний);

² Пользуемся случаем выразить искреннюю благодарность сотрудникам музея за помощь в работе с коллекцией.

³ Отметим, что в предыдущей публикации псковского собрания каменных крестов, подготовленной В. М. Рожнятовским (*Рожнятовский*, 2000), описаны только 38 предметов, некоторые кресты атрибутированы неверно, изображения их содержат неточности.

⁴ Здесь и далее номера даны по учетной документации ПГОИАХМЗ.

Рис. 2. 1. Каменный крест, инв. № 32520/5. Фото 2016 г. 2. Каменный крест, инв. № 32520/5. Фото 1903 г. / ФО НА ИИМК РАН. Д. Q 683–64

5) 2 креста были обнаружены на кладбище в д. Виделебье и предоставлены в дар музею игуменом Андроником, привезены В. М. Рожнятовским (*Рожнятовский*, 2000. С. 28) (инв. № 34215–7, 34215–8);

6) 1 крест, по данным Инвентарной книги 1947 г., происходит из церкви Петра и Павла (не указано, какой именно) (№ КП 2244/1065 – о нем см. далее).

Новгородские кресты:

Время поступления и происхождение данных крестов не было отражено в учетной документации музея, они атрибутируются нами по публикациям и архивным источникам. Кресты относятся к разным типам, характерным для Новгорода и его ближайшей округи.

Два четырехконечных креста (рис. 2–4) были введены в научный оборот А. А. Спицыным и И. А. Шляпкиным в начале XX в. (*Спицын*, 1903; *Шляпкин*, 1906, рис. 335, 336).

Крест с двускатным перекрытием (голбцом), инв. № 32520/5, не имеющий аналогий, в 1903 г. находился в Новгородском музее (рис. 2, 1, 2). В 1925 г. он сфотографирован в интерьере иконного отдела Новгородского губмузея (рис. 3). В конце 1960-х гг. этот крест находился в Солодежне, он присутствует на фото Б. С. Скобельцына.

Рис. 3. Каменный крест инв. № 32520/5. Фото 1925 г. Часть экспозиции Новгородского губмузея / ФО НА ИИМК РАН. Д. О. 67–39

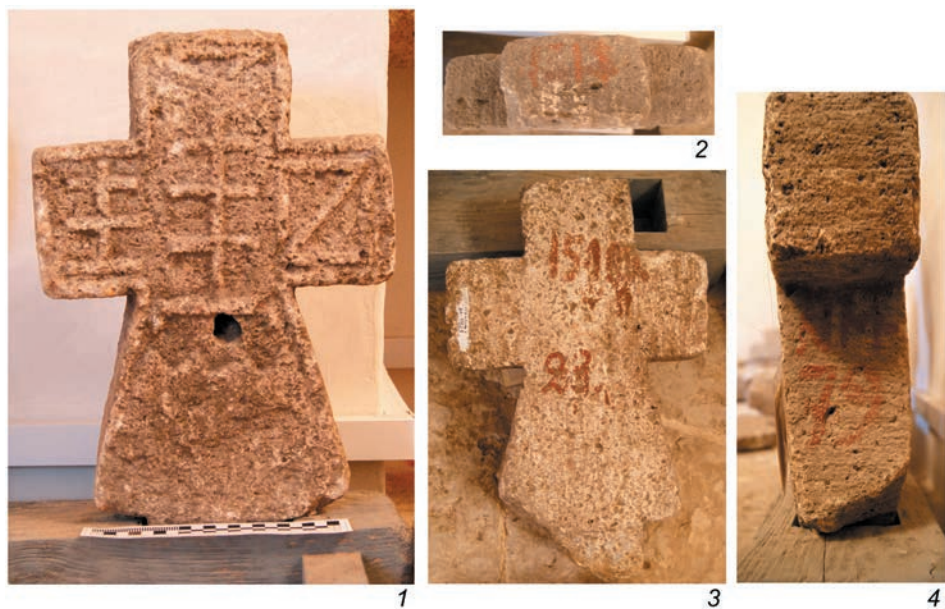

Рис. 4, 1–4. Каменный крест, инв. № ВХ 4929. Фото 2016 г.

Рис. 5. Каменные кресты в Новгородском губмузее.
 Фото 1925 г. / ФО НА ИИМК РАН. Д. О. 67–43

Четырехконечный крест, инв. № ВХ 4929 (рис. 4), происходит из д. Долец Тёсовской волости (совр. Лужский р-н Ленинградской области). Кресты из Тёсовской волости поступили в Новгородский музей не позже 1910 г. (Панченко, 2015. С. 262, 282). В 1925 г. этот крест все еще находился в Новгороде, в Новгородском губмузее (рис. 5). Возможно, интерес к этому небольшому памятнику проявил именно В. С. Пономарев, летом 1943 г. проводивший археологические раскопки в Лужском р-не, на р. Оредеже (Ткачева, 2007. С. 15), в местах распространения крестов данного типа. Второй крест

Рис. 6. Каменный крест, инв. № 32520/8. Фото 2015 г.

на этой же фотографии отождествляется с инв. № 32520/8 (рис. 6), изначально восьмиконечным (нижние лопасти отколоты). Кроме обычных монограмм «ІСУ ХЪ НИ КА», на нем читается молитва «Осподи спаси». Восьмиконечные кресты устанавливались в Новгороде по обету, на что указывают тексты на них. Во вторичном использовании такие кресты попадали в стены церквей как закладные (Панченко, 2014. С. 218). На основании палеографических особенностей они датируются XIV – началом XV в. Этот крест, также перевезенный из Новгорода после 1925 г., присутствует на фото Б. С. Скобельцына из Солодежни.

Рис. 7. Крест № КП 2243/1063, перемещенный в Псков из новгородской коллекции в период оккупации, с немецким номером NM 81

Рис. 8. Крест № КП 2244/1065, перемещенный в Псков из новгородской коллекции в период оккупации, с немецким номером NM 80

На некоторых крестах присутствуют номера, нарисованные красной краской (рис. 4, 2, 3), что характерно для крестов, находящихся в настоящее время в фондах новгородского музея и происходящих из его довоенной коллекции. Кроме того, на трех крестах красно-коричневой краской нанесены номера с шифром NM, т.е. «Новгородский музей» (рис. 4, 4), это немецкие номера, свидетельствующие о том, что кресты были занесены в опись перемещаемых

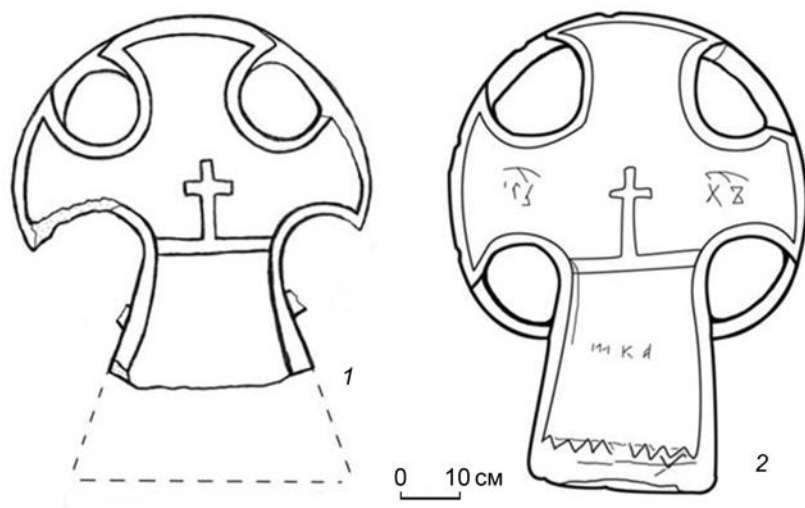

Рис. 9. 1. Крест, инв. № 32520-1 (прорисовка В. Б. Панченко). 2. Крест новгородского происхождения из коллекции Н. П. Лихачева (по: Панченко В. Б., 2014. С. 203. Илл. 1, 3)

предметов. Такой же шифр есть на крестах из Новгородского музея, возвращенных из Германии в 1947 г.⁵

Таким образом мы можем установить, что кроме креста ВХ 4929 с № NM-79, происхождение которого определяется по публикациям и архивным данным, из Новгородского музея в период оккупации были перемещены в Псков и остались в собрании кресты № КП 2243/1063 (NM 81) (рис. 7) и № КП 2244/1065 (NM 80) (рис. 8). В. М. Рожнятовский отмечал, что крест № КП 2244/1065, местом происхождения которого указана ц. Петра и Павла, до поступления в музей стоял в кабинете Л. А. Творогова, собиравшего каменные кресты с 50-х гг. (Рожнятовский, 2000. С. 27–28)⁶. Видимо, в этой церкви он оказался после войны случайно.

Два креста «в круге» без надписей неизвестного происхождения мы тоже относим к новгородским: инв. № 32520-4 имеет почти полное сходство с крестом из Новгородского музея (Спицын, 1903а. Л. 12), а инв. № 32520-1 (рис. 9, 1) – с новгородским крестом из коллекции Н. П. Лихачева (рис. 9, 2) и с одним из крестов, обнаруженных при строительстве Епархиального дома у Новгородской консистории в 1911 г. (ИАК, 2009. С. 1001–1002). Крест № 32520-1 также присутствует на фото Б. С. Скобельцына из Солодежни. Однако мы не можем с уверенностью говорить о времени появления данных

⁵ Благодарим хранителя коллекции каменных крестов Новгородского государственного музея-заповедника О. В. Жегурову за любезно предоставленную возможность работы в фондах музея.

⁶ В статье Рожнятовского это крест № 21, однако на рисунке ошибочно изображен другой крест, имеющий инв. № 32520/1.

Рис. 10. Крест, инв. № 32520-14.
Фото 1990-х гг.

крестов в Пскове. Известно, что новгородский крест «в круге» был найден при раскопках Троицкого собора 1367 г. (Белецкий, 1991. С. 67, № 180). Это свидетельствует о возможном импорте каменных крестов из Новгорода во второй половине XIV в. Еще один крест «в круге», инв. № ВХ 4945-9, совмещает в себе две традиции: рельефный ободок по краю, типичный для новгородских крестов, с монограммами и изображением креста в средокрестии, выполненными в технике углубленного рельефа, что характерно для псковских крестов. Время широкого распространения таких крестов в Нов-

городе – вторая половина XIV в. Надпись на кресте, инв. № ВХ 4945-9, могла появиться гораздо позже, время его перемещения в Псков неизвестно.

Еще один обломок креста «в круге», инв. № КП 34511-10, – нижняя часть с фрагментами дугообразных перемычек, с рельефным ободком по краю – тоже, очевидно, происходит из новгородского музея – на его обратной стороне сохранилась маркировка красной краской. Также два фрагмента лопастей крестов «в круге» (КП 36465, КП 34511-9), видимо, происходят от несохранившихся крестов новгородского происхождения.

Особо стоит рассмотреть крест № 32520-14 (рис. 10), который имеет перемычки, т. е. тоже представляет собой крест «в круге», но не новгородского, а избороского типа. В отличие от новгородских крестов, его лопасти отделены друг от друга не просверленными отверстиями, а выпиленными углами. Возможно, именно этот крест упоминается в Отчете секретаря Псковского Археологического общества за 1910 г. как поступивший от А. Я. Лихтермана «Большой каменный крест новгородского типа, XIV в., стоявший в поле, возле дер. Лешошки, Палкинской волости, Псков. уезда, в 27 в. от Изборска» (Отчет 1910–1911), и в Каталоге музея ПАО (№ 8) (Каталог, 1913. С. 1). Предположение о том, что крест № 32520-14 происходит из фондов ПАО, основывается на том, что очень похожий крест изображен на фотографиях начала XX в. у крыльца Поганкиных палат (Левин, 2004. С. 158, 160). Известен еще один такой же крест, вложенный в стену Никольской церкви на Городище в Изборске XVII в. (Соленикова, 1996. С. 21).

Ситуация, когда происхождение памятников в коллекции с трудом восстанавливается по архивным данным, типична для музеев нашей страны, в которых учетная документация могла быть уничтожена дважды – во время революции и во время Великой Отечественной войны. В дальнейшем работа по атрибуции крестов псково-изборского региона может быть продолжена, а хронология памятников уточнена на основании палеографического изучения их надписей.

Литература

- Александров А. А.*, 2011. 130 лет Псковскому Археологическому обществу // АИППЗ. Материалы 56-го заседания, посвященного 130-летию Псковского археологического общества (7–9 апреля 2010 г.). М., Псков. С. 5–16.
- Белецкий В. Д.*, 1991. Древний Псков. Каталог выставки. Л., 1991. С. 67. № 180.
- ИАК, 2009. Императорская археологическая комиссия 1859–1917. К 150-летию со дня основания. СПб.
- Каталог музея Псковского Археологического общества. Псков, 1913.
- Комарова Ю. Б.*, 2003. Перемещение культурных ценностей из Новгорода в 1941–1943 гг. (По материалам фонда Оперативного штаба рейхсфюрера Розенберга в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины) // Ежегодник ГОМЗ. 2002. Новгород.
- Лагунин И. И.*, 2002. Отдел истории Мирожского монастыря. Начало // Музея дивное пространство: храм памяти, наук и муз. Псков.
- Левин Н. Ф.*, 2004. Псков на старых открытках. Псков.
- Музей в XX–XXI вв. [Электронный ресурс] // Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. URL: http://museums.pskov.ru/istoriya_muzeya/istoriya
- Отчет секретаря Псковского Археологического общества за 1910 год // Труды ПАО. № 7. Псков, 1910–1911.
- Панченко В. Б.*, 2014. Каменные кресты из коллекции академика Н. П. Лихачева // Труды ГЭ. Т. LXXI. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. СПб.
- Панченко В. Б.*, 2015. Две заметки о каменных крестах на Северо-Западе России // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Выпуск 5. Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории». Старая Ладога. 13 июня 2015 г. СПб. С. 259–284.
- Пономарев В. С.*, 2006. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода // Ежегодник НГОМЗ. 2005. Новгород.
- Рожнятовский В. М.*, 2000. Псковское музейное собрание каменных крестов // АИППЗ. Материалы научного семинара 1996–1999 гг. Псков.
- Скобельцын Б. С.*, 1969. Псков. Памятники древнерусского зодчества. Л.
- Соленикова Е. В.*, 1996. Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. СПб.
- Спицын А. А.*, 1903. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА РАО. Т. V. Вып. 1. СПб.
- Спицын А. А.*, 1903 а. Альбом фотографий, сделанных по заказу А. А. Спицына // ФО НА ИИМК РАН. Д. Q 683.
- Ткачева Н. М.*, 2007. Псковский музей в годы оккупации 1941–1944 гг. // Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. Том 14. ПГОИАХМЗ. Книга 1. М.
- Шляткин И. А.*, 1906. Древнерусские кресты. I. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и нецерковной службы. СПб.

О. М. Олейников

Новые данные по исторической топографии Новгородского кремля

O. M. Oleinikov. New Data on the Historical Topography of the Novgorod Kremlin

Abstract. Studies conducted by the Novgorod expedition of IA RAS in the Novgorod Kremlin showed that the walls of the Citadel (Detinets) were already erected during the reign of Svyatoslav Igorevich, who reigned in Russia from 945 to 972, along with his mother, Princess Olga. And later fortifications, discovered at the Vladimirskaia and Metropolichiya towers, belong to the expansion of the borders of the Novgorod Citadel during the reign of Yaroslav the Wise and his son Vladimir on the eve of the construction of the Novgorod Cathedral of St. Sophia, that had been created in the middle of the XIth century.

Ключевые слова: Великий Новгород, X–XI вв., детинец, дубовые конструкции, разрез вала, ров, радиоуглеродное датирование.

Keywords: Veliky Novgorod, X–XI centuries, detinets, oak constructions, rampart section, moat, radiocarbon dating.

Новгородская экспедиция ИА РАН в течение нескольких лет проводит раскопки на территории Новгородского кремля. Целью исследований является обнаружение древнейших оборонительных сооружений Детинца (рис. 1).

Историография Новгородского Детинца обширная. С XIX в. ученые спорили об истории Детинца, основываясь в основном на летописных данных о строительных работах в Кремле. Научная дискуссия шла по двум вопросам: была ли древнейшая крепость деревянной (*Красов*, 1851. С. 8, примеч. 5, 9–13) или каменной (*Каргер*, 1946. С. 9–10; *Порфиридов*, 1947. С. 26, 99; *Орлов, Воробьев*, 1959. С. 6, 8; *Лихачев*, 1959. С. 13), и где располагался первоначальный город – в северной или южной части Кремля XV в. (*Красов*, 1851. С. 8; *Строков*, 1939. С. 142; *Орлов, Воробьев*, 1959. С. 5), или же с самого начала город занимал всю современную территорию Детинца (*Каргер*, 1946. С. 6; *Орлов, Воробьев*, 1959. С. 6).

Первые археологические данные по оборонительным сооружениям Детинца были получены в ходе исследовательских и производственных работ 1952–1960 гг., связанных с восстановлением Новгородского кремля (*Воробьев*, 1958). Особый интерес представляют материалы раскопок земляного вала, проведенные М. Х. Алешковским в 1957, 1959 и 1960 гг. под восточной частью Владимирской башни и западнее нее, с обеих сторон крепостной стены. Эти

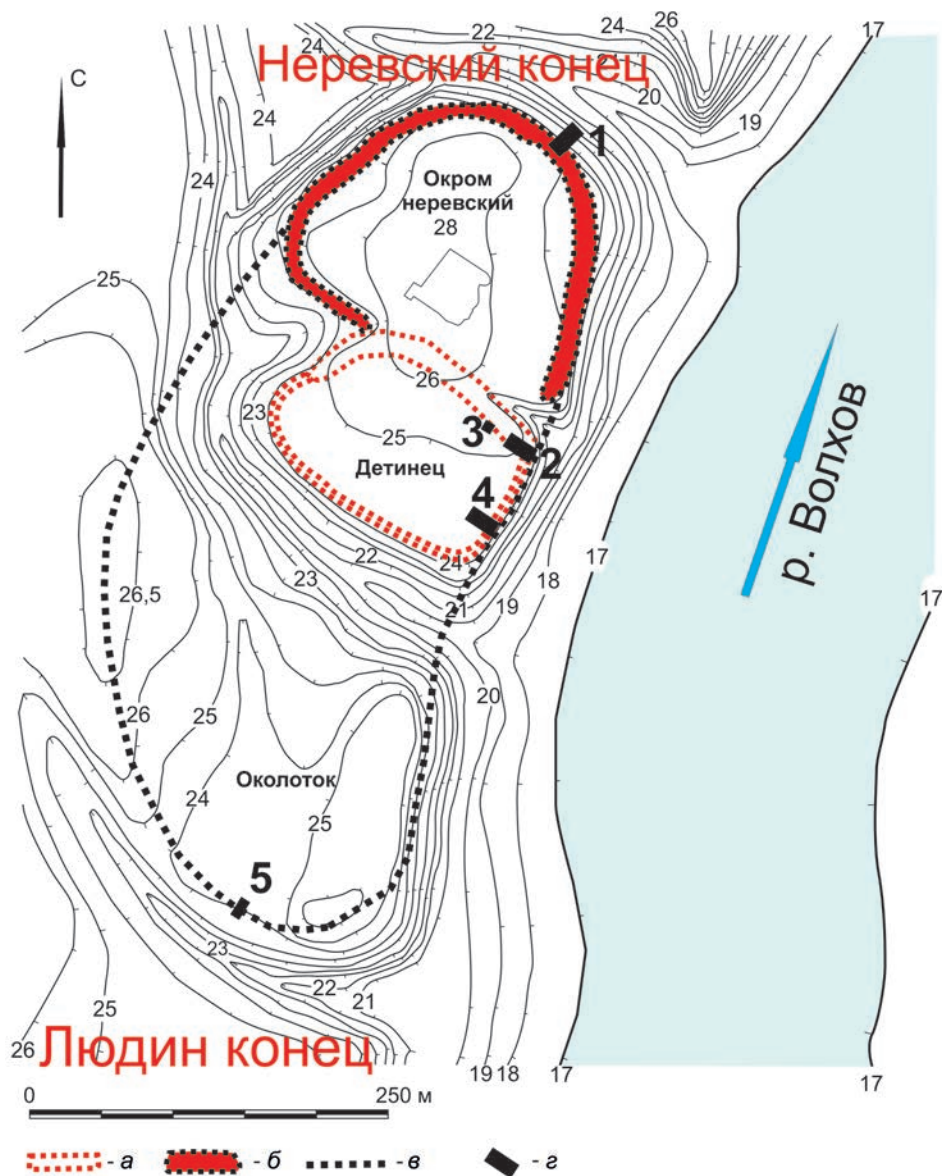

Рис. 1. Гипсометрический план палеорельефа Новгородского кремля с обозначением местоположения оборонительных сооружений Детинца.
 а – вал Детинца X в.; б – вал 1044 г.; в – современные границы Новгородского детинца;
 г – шурфы (1 – у Владимирской башни; 2 – у Софийской Звонницы; 3 – у церкви Входа Господня в Иерусалим; 4 – у Пречистенской башни; 5 – у Спасской башни)

работы выявили интереснейшую внутривальную деревянную конструкцию, представляющую систему городней – срубов из дубовых бревен. Городни делаются стенками на узкие клетки и не соединяются друг с другом, а стоят рядом. Клетки плотно засыпаны землей (Алешковский, 1962. С. 7–9). Автор раскопок датировал эти оборонительные сооружения 1044 г. (Там же. С. 11).

Чтобы проверить эти выводы, нами был повторно вскрыт шурф М. Х. Алешковского, расположенный в 20 м к западу от Владимирской башни, с внешней стороны крепостной стены (рис. 1, 1). В результате получены спилены 14 дубовых бревен внутривальной конструкции в северной части Детинца. Проведенный комплекс исследований методом дендродатирования (Е. А. Долгова) и радиоуглеродного датирования¹ убедительно доказал, что первые оборонительные сооружения в северной части Детинца были построены в 1044 г. (Олейников, 2014; Олейников, Долгих, 2015; 2016. С. 8).

Исследования оборонительных сооружений у Митрополичьей бушны в 2013 г. выявили ров, который был вырыт 1044 г. от оврага, проходящего по южной стороне холма (Большой Кремлевский овраг), до оврага, существовавшего вдоль северной стороны холма. Этот ров имел ширину около 19 м, а глубину – 5 м (Олейников, 2014. С. 58–59; Олейников, Долгих, 2015. С. 308; Олейников, Долгих, 2016. С. 8).

О наличии «города» в начальном периоде существования Новгорода есть косвенные упоминания в письменных источниках (ПСРЛ. Т. IX, 2000. С. 9, под 859; ПСРЛ. Т. III, 2000. С. 106–180, под 859–1044 г.). Поселение в X в. существовало и, естественно, не могло быть беззащитным. Даже в самом названии «Новгород» заложено понятие города, т. е. крепости. Так что упоминания Новгорода в летописях могут служить свидетельствами существования этих укреплений и в более раннее время. Новгородская летопись под 1016 г. говорит о городе, когда новгородцы, «исъкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ ... бѣжаша изъ града» (ПСРЛ. Т. III, 2000. С. 174).

Где же и когда был построен Новый город?

Размеры и местоположение раннего Новгорода можно определить, используя схемы палеорельефа Детинца и Софийской стороны Новгорода, составленные И. И. Кушниром, С. М. Казенновым, М. И. Петровым, Л. И. Петровой, С. В. Трояновским, Н. Ф. Фирсовой (*Кушнир*, 1960; *Казеннов*, 1995; *Петров, Трояновский*, 1997; *Петрова и др.*, 1999), а также привлекая новые данные по бурам и шурфам 2015 г. в Детинце. На основе всех этих данных нами получена предварительная схема палеорельефа новгородского Детинца (рис. 1). К северу от Большого Кремлевского оврага, который проходил через центральную часть Новгородского кремля с запада на восток и впадал в Волхов, располагался материковый холм, возвышавшийся в древности на 2 м над окружающей территорией (28 м в Балтийской системе высот). Можно предположить,

¹ Исследования образцов проводились в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (Санкт-Петербург), в Киевской Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины и МЧС Украины, в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (г. Афины, Джорджия, США).

что в южной части этого холма (Софийский) в X в. уже существовал «город» в виде «древо-земляной стены» и рва, который был вырыт от отрога Большого Кремлевского оврага до оврага на восточной стороне холма (на месте Тайничных ворот) (рис. 1, а). Площадь данной крепости равнялась бы 2 га, что сопоставимо с площадью раннего киевского Детинца (Археология Украинской ССР, 1986. С. 258).

Для подтверждения наших предположений был проведен частичный разрез вала у Пречистенской башни Новгородского кремля (рис. 1, 4). Шурф был заложен с внутренней стороны крепостной стены и имел форму прямоугольника (420×100 см), вытянутого перпендикулярно от подошвы каменной кремлевской стены в западную сторону. Видимая вершина вала возвышалась над дневной поверхностью Детинца на 150 см. Мощность прослеженных культурных напластований составила 510 см (рис. 2).

Материк, плотный суглинок, имел горизонтальную с небольшими неровностями поверхность, которая перекрыта почвенным слоем из коричневой и желтой супеси мощностью до 12 см. Этот слой характеризуется перемешанной структурой (огород?). Его перекрывал слой темно-коричневой тленовой супеси с включением угля мощностью до 16 см. В последнем обнаружен мелкий фрагмент раннекругового (лепного?) горшка.

У восточной стенки шурфа предматериковые слои прорезает яма округлой формы диаметром 45 см, углубленная в слой и материк на 75 см. В яму был поставлен дубовый столб диаметром 30 см, присыпанный валом, дневная поверхность которого в исследованной части была горизонтальной, при этом столб выходил на поверхность этой насыпи. На поверхности этого вала прослежен слой щепы мощностью до 6 см, связанный, вероятно, со строительством деревянной стены на его вершине. Возможно, что во время сооружения первичной насыпи вала в исследуемой части Детинца была построена деревянная оборонительная стена с использованием столбовой конструкции с внутренней стороны. В верхних слоях этого вала обнаружена раннекруговая керамика второй половины X в.

Выше идет насыпь вала (1044 г.), нижние слои которой состоят из темно-коричневой супеси с включением тлена и угля общей мощностью до 55 см (принесенный культурный слой конца X – первой половины XI в.) и перекрыты слоем глины мощностью до 20 см.

Вал 1044 г. перекрыт слоями насыпи, которую можно соотнести с летописным сообщением о строительстве оборонительной стены в Детинце Мстиславом Владимировичем в 1116 г. Выше идут слои следующих подсыпок насыпи вала.

В результате исследовательских работ 2015–2016 гг. характеристика оборонительных сооружений на мысу при впадении «Большого кремлевского оврага» в Волхов выглядит следующим образом: ширина вала составляет около 15 м, прослеженная высота – 4,5 м (в древности он был выше). Площадка, на которую была поставлена первая оборонительная стена, возвышалась над уровнем воды в Волхове на 8 м (24,5 м в Балтийской системе высот). Археологическая датировка этой стены – не позднее середины X в. Она была поставлена на невысокую насыпь, сооруженную по краю мыса. Можно предположить, что этой стене предшествовал частокол, поставленный по самому краю мысовой площадки.

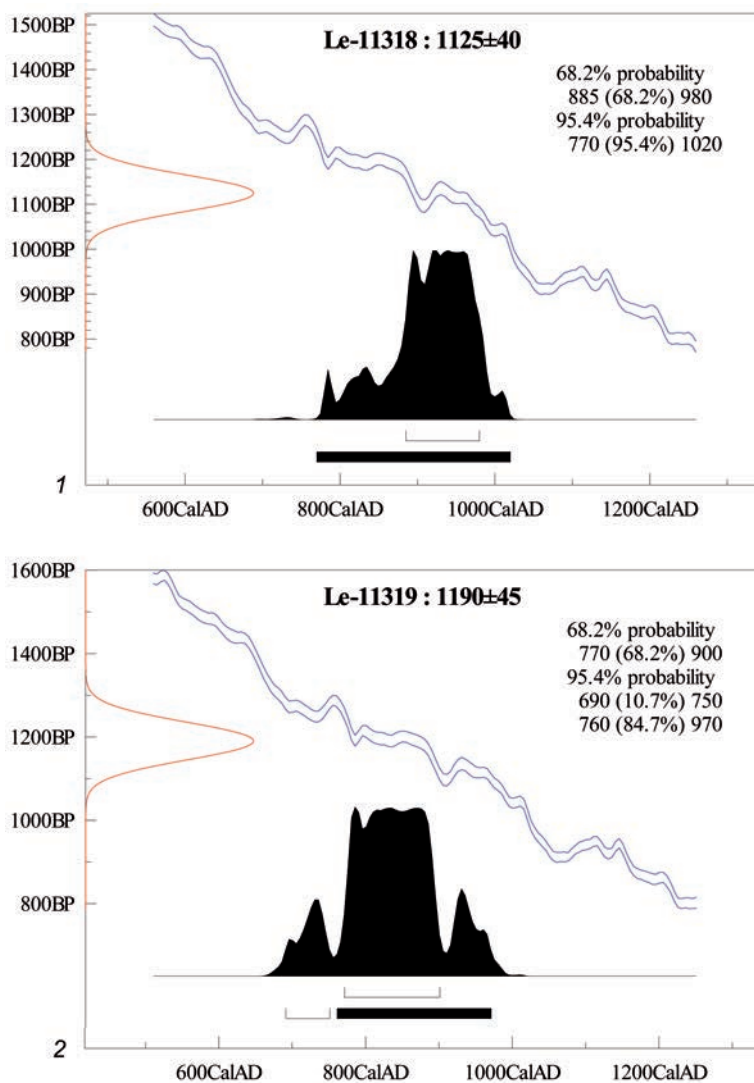

Рис. 3. Радиоуглеродные даты на калибровочной кривой IntCal 13 по столбу из шурфа у Пречистенской башни Новгородского детинца.

1 – Le-11318 (внешние 5 древесных колец столба); 2 – Le-11319 (60–65 древесные кольца столба)

Исследования, проведенные Новгородской экспедицией ИА РАН в Новгородском кремле, показали, что стены Детинца уже были возведены в период правления Святослава Игоревича, который княжил на Руси с 945 по 972 г. вместе со своей матерью, княгиней Ольгой. А более поздние укрепления, обнаруженные у Владимирской и Митрополичьей башен, говорят о расширении

гранц Новгородского детинца в период княжения Ярослава Мудрого и его сына Владимира в преддверии строительства новгородского собора Святой Софии, которое относится к середине XI в.

Литература

- Алешковский М. Х.*, 1962. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. Вып. 14. М.
- Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, 1986.
- Воробьев А. В.*, 1958. Реставрация Новгородского кремля // Архитектура СССР. № 1.
- Казеннов С. М.*, 1995. Реконструкция палеорельефа территории Новгородского кремля на начальный период активного градостроительного освоения (XI–XII вв.) // НИС. № 5 (15). СПб.
- Каргер М. К.*, 1946. Новгород Великий. М.
- Красов И. И.*, 1851. О местоположении древнего Новгорода. Историческое исследование Ивана Красова, представленное в Императорский С.-Петербургский Университет для получения степени Магистра Русской Истории. С приложением указа-теля и плана Новгорода. Новгород.
- Кушниц И. И.*, 1960. О культурном слое Новгорода // СА. № 3.
- Лихачев Д. С.*, 1959. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. М.
- Олейников О. М.*, 2014. Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (по материалам исследований 2013 г.) // ННЗ. Вып. 28. Великий Новгород.
- Олейников О. М., Долгих А. В.*, 2015. Результаты УМС радиоуглеродного датирования городских детинца Великого Новгорода из раскопок М. Х Алешковского в 1959 г. // КСИА. Вып. 239.
- Олейников О. М., Долгих А. В.*, 2016. Новые данные по датировке оборонительных сооружений Новгородского детинца // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь.
- Орлов С. Н., Воробьев А. В.*, 1959. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород.
- Петров М. И., Трояновский С. В.*, 1997. Моделирование палеорельефа исторической территории на примере Новгородского кремля // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики: труды VI конф. Ассоциации «История и компьютер». М.
- Петрова Л. И., Трояновский С. В., Фирсова Н. Д.*, 1999. О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // НиНЗ. Вып. 13. Новгород.
- Порфиридов Н. Г.*, 1947. Древний Новгород: Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. М.; Л.
- ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- Строков А. А.*, 1939. Новгород Великий: пособие для экскурсантов и туристов. Новгород.

М. И. Петров

Анализ функциональных групп в археологии средневекового города: возможности применения и исследовательский потенциал

M. I. Petrov. Analysis of Functional Groups in Archaeology of Medieval Town: Application and Research Potential

Abstract. Generation and analysis of functional groups of objects (or functional analysis) occupies an intermediate position between the collection general study and the study of specific categories of objects or individual findings. The basis of group allocation is the objects categorization according to the nature of application, i.e., functions. The necessity for such a study is caused by large volumes of merchandise collections originating from urban deposits. The report examines both international experience of this approach application (Trondheim, Szczecin) and its application to the materials of Novgorod. Depending on their quality characteristics and conditions of archaeologization functional groups may describe either individual characteristics of the estate, or be used to identify “the ware set of a standard homestead,” which, in its turn, allows one to study various activities of inhabitants of the medieval city in detail.

Ключевые слова: функциональный анализ в археологии, функциональные группы находок средневековый город, Новгород.

Keywords: functional analysis in archaeology, functional groups of finds (artifacts), medieval town, Novgorod.

Археологические исследования средневековых городов, в особенности, с органическим культурным слоем, можно охарактеризовать крайне обширным информационным потенциалом. В ходе исследований обнаруживаются остатки разнообразных структур и большое количество находок, для изучения которых необходимы специалисты различного профиля. Обработка материалов даже небольшого по площади городского раскопа представляет собой нетривиальную научную задачу, доступную только обширному коллективу специалистов.

Изучение находок, полученных в результате раскопок, представляет собой одно из важнейших направлений анализа раскопа, поскольку закладывает основу дальнейших штудий, в том числе и более широкой исторической проблематики. Однако размеры вещевых коллекций создают определенный набор сложностей, связанных как с общим количеством находок, так и с методическими подходами. Соответственно, многие исследователи, сталкивающиеся с необходимостью анализа городских раскопов, пытаются разработать

методические решения, необходимые для изучения широкого спектра вопросов на уровне отдельно взятого раскопа. Одним из таких подходов, является анализ функции и активности (*analysis of function and activity = function analysis*) (Nordeide, 1990), функциональный анализ (Kowalska, 2011), анализ функциональных групп (Петров, 2015). Этот подход характеризуется объединением предметов в группы на основании выполняемых ими функций и последующий анализ этих групп, но не отдельных категорий вещей. Разница в наименовании демонстрирует обособленность каждого исследователя в поисках приемлемого решения.

Наиболее ранний и подробно описанный образец применения метода приводится в статьях, посвященных изучению материалов Library Site в средневековом Трондхейме (Christophersen, 1990; Nordeide, 1990). В ходе исследований на этом раскопе площадью 3200 кв. м в историческом центре Трондхейма были выявлены остатки более 500 конструкций и собрана вещевая коллекция, насчитывающая около 300 000 предметов. Хронологический диапазон исследованных слоев рубеж X–XI вв. – начало XVII в. Полевые исследования продолжались с 1973 по 1985 г., аналитическая и публикационная деятельность – с 1984 по 1989 г.

Ошеломляющее количество находок обозначило некую проблему в норвежской городской археологии: как в организационном аспекте – нехватка средств на пост-раскопную обработку материала, так и в научном – теоретические и методологические принципы обработки материала из крупных городских раскопов сформулированы не были. Комбинация практических и теоретических проблем, вероятно, привела к возникновению определенных психологических барьеров, которые препятствовали началу обработки материалов (Nordeide, 1990. Р. 130).

В ходе аналитической обработки результатов раскопок был предложен метод исследований (анализ функций и активности), который ставил следующие задачи: поместить объекты детальных исследований в более широкий контекст; сравнить различные виды деятельности и получить знания об их отношениях; очертить исследовательский потенциал категорий предметов, которые обычно затрагиваются поверхностно (Nordeide, 1990. Р. 131).

Методика предполагала развитие в двух направлениях: анализ построек и анализ артефактов. Анализ построек был реализован в статье Акселя Кристоферсена, в которой на основании анализа функций зданий (в том числе с привлечением ассортимента артефактов из построек) удалось выделить особенности усадебной застройки Трондхейма, как планировочные, так и хронологические. В частности, было установлено, что здания с комбинированными функциями (ремесло + обмен/торговля) располагались в пространстве усадьбы около улиц, жилые постройки – в центральной части, а вспомогательные (бани, кухни) – в глубине городского надела (Christophersen, 1990. Р. 113). Приуличные здания, скорее всего, были многоэтажными и совмещали функции ремесленных мастерских и торговых точек, а также могли служить жильем. С течением времени их размеры увеличивались за счет усадебной территории, занятой жилой застройкой. Также на этих материалах удалось

проследить скачкообразные изменения в экономическом облике Трондхейма с XI по XIII в. (*Christophersen*, 1990. Р. 125–127).

Функциональный анализ артефактов соединяет две традиционные линии исследования вещей: с одной стороны, это детальное изучение конкретных предметов, с другой – глобальное изучение городского сообщества. Соответственно, анализ охватывает материалы в пределах одного раскопа, не вдаваясь в вещеведческие детали (типология, технология изготовления, стилистическое развитие и т. п.), но и не стремясь к глобальным обобщениям (например, ремесло в средневековом городе). Анализ функциональных групп несет два вектора исследований: синхронистическое, т. е. сравнение внутри одной фазы¹ с изучением пространственных характеристик, и диахронистическое, т. е. изучение развития и изменений между различными хронологическими отрезками (*Nordeide*, 1990. Р. 131–132).

Метод изначально был ориентирован на использование компьютерных технологий: была создана база данных (12 000 записей), в которую внесены номер находки, пространственное и хронологическое положение, функция предмета. Из анализа были исключены гвозди, заклепки, обувь, текстиль, керамика и стекло (*Nordeide*, 1990. Р. 132).

Предметы были соотнесены с восемью функциональными группами (домашняя деятельность; ремесла; торговля и обмен; сельское хозяйство и животноводство; морская активность; религия, идеология, коммуникации; война и охота), в каждой из которых были выделены несколько подгрупп (общее число – 40), получивших кодовое обозначение. При этом можно было оперировать данными на уровне подгрупп (*Nordeide*, 1990. Р. 132).

Автор детально рассматривает «подводные камни» метода, среди которых достоверность выборки в целом; проблема перемешивания слоев и перемещения находок; различная значимость вещественных остатков для характеристик ремесленной активности; проблемы использования количественных показателей для сопоставления материалов разных городских наделов и т. п. (*Nordeide*, 1990. Р. 132–137). Стратиграфия Library Site характеризуется малым количеством поздних вторжений и, следовательно, малым уровнем перемешанности. Вероятность активного перемещения находок между городскими наделами также невелика. Особо отмечается, что отходы производства и производственный инструментарий не одинаково отражают характер производства, что усложняет общую оценку деятельности. Для сравнения усадеб используется процентная доля находок конкретной усадьбы к общему количеству предметов этой функциональной группы/подгруппы, поскольку прямое сравнение количества предметов из разных функциональных групп невозможно.

В целом, применение функционального анализа позволило очертить как индивидуальные характеристики усадеб, так и проследить изменения занятий жителей исследованных участков Трондхейма на рубеже X–XI вв. до начала XVII столетия.

¹ В археологии Трондхейма понятие «фаза» крайне близко, если не идентично, понятию «горизонт/ярус» в археологии средневекового Новгорода. – М. П.

Функциональный анализ также использовался при изучении материалов раскопа на Овощном рынке в Щецине (Kowalska, 2011). При относительно небольшой площади (100 кв. м) мощность средневековых отложений, датированных X–XIII вв., достигала 8 м (Kowalska, 2011. Р. 20–27). Вещевая коллекция насчитывала ок. 139 000 находок, включая фрагменты керамики и обломки костей животных; индивидуальные находки составляют ок. 6%, т. е. более 8 000 предметов (Kowalska, 2011a. Р. 216).

Для изучения вещевого комплекса раскопа и определения характера построек (наряду с конструктивными особенностями зданий) А. Ковальска выделяет 8 функциональных групп: дом и домашнее оборудование; производственные и непроизводственные активности (торговля), орудия, рыбная ловля и водный транспорт, сельское хозяйство, личное снаряжение; украшения; игры, игрушки и [музыкальные] инструменты (Kowalska, 2011a. Р. 187). Необходимо отметить, что деление на подгруппы отсутствует, а описание ведется с учетом материала. Обширная коллекция индивидуальных находок раскопа на Овощном рынке характеризует не только повседневную жизнь, но и производственную деятельность жителей Щецина.

Детальный анализ раскопов с применением функционального анализа – нечастое явление в историографии. Однако зачастую исследователи исследуют отдельные функциональные группы, явно не определяя методику исследования как «анализ функциональных групп». В результате пространственного изучения торгового инвентаря (весы, гирьки, монеты) Сигтуны выяснилось, что концентрация этих предметов приходится на жилую, но не приуличную зону усадебной застройки, что, вероятно, указывает на предпочтительную область совершения сделок (Roslund, 1995. Р. 154–155).

Отсутствие единой системы деления на функциональные группы и деление (или его отсутствие) на подгруппы показывает, что методика находится в стадии разработки, и, в значительной степени, определяется характером исследуемого памятника и персональным исследовательским подходом.

Примеры Трондхейма и Щецина демонстрируют область плодотворного применения анализа функциональных групп: городские памятники со значительной мощностью отложений, сохраняющимися остатками построек и органических материалов в целом и, что наиболее важно, крупными объемами вещевых коллекций. Средневековые культурные отложения Новгорода и других городов с органическим культурным слоем, безусловно, относятся к этой же группе памятников.

Анализ функциональных групп был применен автором при изучении материалов раскопов Посольский-2006 (60 кв. м, 2 м средневековых отложений, около 900 индивидуальных находок) и Никольский-2007 (250 кв. м, 1.2 м средневековых отложений, ок. 1000 индивидуальных находок) (рис. 1). Движимым мотивом исследования была необходимость оперировать данными довольно крупных вещевых коллекций для изучения усадебных комплексов во всей полноте. Изначально предполагалось использование компьютерных методов анализа (в том числе средств ГИС), поэтому группы получили двойное обозначение: наименование и код, который вносился в базу данных для

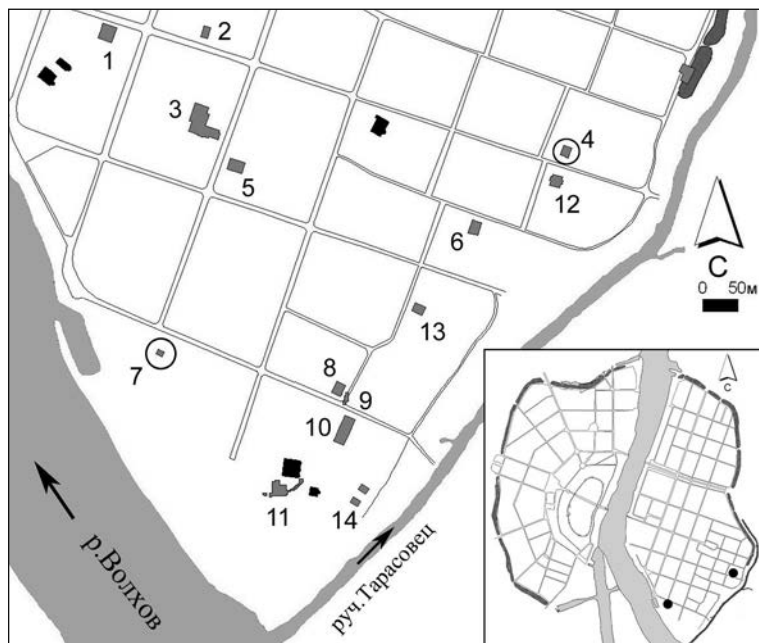

Рис. 1. Археологические исследования Славенского конца (центральная и южная части). Цифрами обозначены раскопы: 1 – Михайловский (1970); 2 – Дубошин (1978); 3 – Нутный I–III (1980–1984); 4 – Никольский-2007; 5 – Нутный-IV (2011); 6 – Ильменский-2009; 7 – Посольский-2006; 8 – Посольский-2008; 9 – Воскресенский (1937); 10 – Посольский-1999; 11 – раскопы на Славне (1932–1937); 12 – Никольский-2012; 13 – Воскресенский-2012; 14 – раскопы Петропавловский I и II (2014)

каждого предмета. Группировка происходила в процессе анализа коллекций и, в принципе, является открытой для дальнейших дополнений в случае появления предметов, не подходящих к уже выделенным функциональным группам (табл. 1).

По сравнению с разработками С. Нордейде и А. Ковальской, выделено значительно большее количество групп – 64, при этом наиболее близкой предстает группировка Библиотечного раскопа (40 функциональных подгрупп). Некоторые предметы изначально отнесены к двум группам (например, шиферные пряслица, которые относятся к предметам, указывающим на такое домашнее ремесло как прядение, но в то же время рассматриваются как предмет импорта). Причиной выделения отдельной группы «фрагменты цветных металлов» стала возможность отнесения объектов из этой группы (разнообразные обломки пластин, куски проволоки, оплавленные до неузнаваемости предметы) к нескольким группам – неопределяемые предметы и ювелирное ремесло, а также тот факт, что цветной металл в Новгороде является предметом импорта. Также более мелкие функциональные группы предоставляют больший набор возможностей при анализе: при необходимости их гораздо проще объединить в более крупные.

Таблица 1

Функциональные группы.

Буквенный индекс	Наименование	Номенклатура
Антр	Антропологические остатки	фрагменты человеческого скелета
АрхДет	Архитектурные детали	балясины, подпятники, двери, курица
ВД-Досп	Военное дело – доспех	кольчужные кольца, доспешные пластины
ВД-Огн	Военное дело – оружие огнестрельное	ядра, пули и т.п.
ВД-Ор	Военное дело – оружие	детали мечей, детали сабель, детали ножен
ВД-ОрДревк	Военное дело – оружие древковое	наконечники копий, втоки
ВД-ОрМет	Военное дело – оружие метательное	наконечники стрел, детали луков
ВзвСист	Системы взвешивания	весы, весовые гири, безмены, коромысла весов, чашки весов
Дос-Кур	Досуг – курение	трубки, мундштуки
Жив	Животные остатки	костные остатки животных (черепа)
ЗапСист	Запорные системы	ключи, замки, дверные крючки, пружины замков, корпуса замков, жековины
ИгрДет	Игрушки детские	свистульки, погремушки, деревянные мечи, деревянные колесики
ИгрУ	Игрушки универсальные	мяч, коньки, бабки-астргалы, бабки-битки
Имп-П	Импорт – продукты питания	грецкие орехи (скорлупа)
Имп-Т	Импорт – тара	амфоры
Инт	Элементы интерьера	настенные крюки, мебель, изразцы
К-Об	Костюм – обувь	сапоги, туфли, поршни, детали обуви, подошвы, стельки
К-Об-Присп	Костюм – обувь – приспособления	обувные шипы, подковки
К-Укр	Костюм – украшения	нашивные бляшки, дробницы
К-Фурн	Костюм – фурнитура	пуговицы, фибулы, язычки фибул, булавки
К-ФурнПояс	Костюм – фурнитура – поясная	поясные бляшки, пряжки, разделительные кольца, наконечники ремней
К-Эл	Элементы костюма	рукавицы и их детали, пояса, тесьма
КрепУ	Крепез универсальный	скобы, заклепки, гвозди, нагели
Кух-Пос	Кухня – посуда	горшки, миски, плошки, ковши, чаши
Кух-Пос-Пар	Кухня – посуда – парадная	стеклянные сосуды, поливная керамика
Кух-Утв	Кухня – утварь	половники, ложки, мутовки, жернова, затычки
Мвар	Многовариантное использование	кольца, железные пряжки неопределенного назначения, пробой, пробой с кольцом, шипы ледоходные, свинцовые грузики, звено цепи
Неизв	Область применения неизвестна	лопатки деревянные, напершия деревянные, глиняные грузики, обломки бронзовых сосудов,
Неопр	Неопределяемые объекты	предметы, поделки, изделия, неопределяемые детали объектов, ткань, кожаный крой
Нумизм	Нумизматика	монеты
Огн	Разведение огня	кресала, фрагменты кремня, трутницы
ОрТ-СХ	Сельскохозяйственные орудия	грабли, зуб граблей, зуб бороны, косы
ОрТ-У	Орудия труда – универсальные	ножи, топоры, обоймицы ножей, ножны, шила, неопределяемые рукояти (от ножа или шила), точильные камни, оселки, лопаты, чекмари, проколки
Ох	Промыслы – Охота	костяные наконечники стрел, томары

Буквенный индекс	Наименование	Номенклатура
Ох;Игр	Охота; Игрушки	деревянные стрелы
ПЛГ	Предметы личной гигиены	гребни, копоушки
ППБл	Предметы персонального благочестия	нательные кресты, иконки
Рем-Гонч	Ремесло – гончарство	гончарные круги
Рем-Дер	Деревообработка	заготовки деревянные, инструменты (ложкарь), резцы
Рем-Кость	Ремесло – косторезное	опиленные рога, опиленные кости, струги по кости
Рем-Неопр	Ремесло – неопределенное	неопределенные обломки инструментов, ложила
Рем-Отх	Ремесло – отходы	неопределенные отходы: шлак, бобышки
Рем-Пр	Ремесло – прядение	пряслица глиняные, веретена, прялки, кудельные булавки
Рем-Пр;Имп	Ремесло – прядение; Импорт	шиферные пряслица
Рем-Стр	Ремесло – строительство	клинья (для раскалывания бревен)
Рем-Юв	Ремесло – ювелирное	тигли, льячки, литевой брак
РыбЛ	Промыслы – Рыбная ловля	поплавки для сетей, грузила, петли от сетей
Сфраг	Сфрагистика	печати, пломбы, заготовки печатей и пломб
Счет	Счетные приспособления	бирки счетные
Сырье	Сырье	охра, воск
Т-Бер	Тара – берестяная	туеса, коробка
Т-Бонд	Тара – бондарная	днища, клепки бочек, клепки ведер, ободья
Т-МД	Тара – металлические детали	дужки котлов, ведер, ушки котлов
Т-Сунд	Тара – сундуки	петли сундучные, сундучные замки, сундучные накладки
Тр-Верх	Транспорт – верховая езда	удила, подковы, стремяна, скребницы
Тр-Водн	Транспорт – водный	детали судов: шанпоуты, рыбыны
Тр-Гуж	Транспорт – гужевой	копылы, оглобли
Укр	Украшения	бусины, привески, перстни, браслеты, бисер, лунница; бубенчик
Укр-Обер	Украшения – обереги	медвежий/волчий клыки и когти, кабаньи клыки,
УкрЖ	Украшения женские	височные кольца
ХозУтв	Хозяйственная утварь	угольные совки, веники
ЦвМ-Фр	Цветной металл – фрагменты	обломки пластин, проволока, выплески
ЦеркУтв	Церковная утварь	паникадила, рипиды
Шв	Швейное дело	иглы, игольники, наперстки

Функциональные группы использовались при описании и изучении усадебных комплексов раскопов: 9 сменяющих друг друга усадеб на раскопе Посольский-2006 и 8 усадеб на раскопе Никольский-2007. Сравнение вещевых комплексов (Петров, 2011) опирается на сопоставление плотностей различных функциональных групп в каждом усадебном комплексе. Поскольку зачастую количество находок некоторых категорий невелико, то их плотность будет также мала. Поэтому представляется целесообразным сравнивать плотностные характеристики, но показывать результаты в диапазонах значений.

Кроме собственно сравнения, важной исследовательской задачей становится выделение пороговых значений для функциональных групп в рамках отдельной усадьбы. С одной стороны это позволяет обнаружить количественные аномалии – наличие, отсутствие или существенную разницу в количестве

предметов различных фрагментов по сравнению с другими усадьбами (как разновременными, так и синхронными). Наиболее актуален подобный показатель для выявления остатков ремесленной или торговой деятельности. На это указывают попытки поиска пороговых значений путем установления насыщенности культурного слоя отходами: фрагментами кожи (Полонская, 1991. С. 118; Курбатов, 1997. С. 280; Курбатов, 2008. С. 211) или костными остатками для выявления следов торговли мясом (Яворская, 2014. С. 43). С другой стороны, такое пороговое значение позволяет выявить некую количественную норму различных предметов, которые можно обозначить как «стандартный вещевой комплекс новгородской усадьбы», что предоставляет широкие возможности для дальнейшего анализа. Превышение этого порогового значения или отсутствие предметов требуют пристального изучения, поскольку могут указывать на различные характеристики жителей усадьбы.

Бесспорно, для получения убедительных данных необходим анализ множества усадебных комплексов, в идеале полностью исследованных археологически. Однако, разработка и тестирование новых методов анализа более оперативно проводится на небольших объектах. Кроме того, для накопления данных важны любые исследованные усадебные комплексы, в том числе и изученные фрагментарно. Информационный потенциал исследованных усадеб неравнозначен: фактически только 5 комплексов (Пос06-до-яр; Пос06-ВЗ-I; Пос06-ВЗ-II; Нкл07-I-II; Нкл07-III; Нкл07-IV) характеризуются малой поврежденностью отложений и относительной целостностью. Наиболее яркие из этих комплексов уже введены в научный оборот (Нкл07-IV – Петров, 2014; Пос06-ВЗ-II – Петров, 2015; Нкл07-III – Петров, 2016).

Для выявления «комплекса стандартной усадьбы» могут быть использованы не все функциональные группы предметов. Ограничения накладываются как качественными характеристиками групп, так и характером их археологизации, который определяет сохранность и возможность обнаружения предметов. Кроме того, для сравнения представляется целесообразным уменьшить детализацию некоторых функциональных групп. Однозначную аномалию представляют человеческие останки, обнаруженные на усадьбе Пос06-ВЗ-II, которые требуют особого рассмотрения для выяснения условий их археологизации.

Ряд функциональных групп характеризует индивидуальность и даже уникальность усадебного комплекса, не будучи предметами повседневной жизни (табл. 2). К таким группам следует отнести следующие: предметы, связанные с военным делом; импортируемые продукты питания (грецкие орехи); импортная тара (амфоры); парадная посуда (поливная керамика, стеклянные сосуды); нумизматические находки; разнообразие свидетельств ремесленного производства (за исключением прядения как домашнего ремесла); снаряжение коня и всадника; объекты сфрагистики; церковная утварь. Наличие таких вещей на усадьбе уже дают определенную характеристику комплекса, однако их незначительное количество может указывать на случайное появление предмета на усадьбе или появление его в усадебных отложениях в результате перемешивания слоев.

Таблица 2

**Функциональные группы, характеризующие
индивидуальный облик усадьбы.**

Плотность находок измеряется в шт./куб. м

		Пос06- до-яр	Пос06- ВЗ-I	Пос06- ВЗ-II	Нкл07- I-II	Нкл07- III	Нкл07- IV	Медиана
	Объем, куб.м	4,26	9,45	23,54	23,55	33,73	72,59	
Военное дело - доспех	кол./пл.	2/0,47	12/1,27	93/3,95		1/0,03		7,00/0,250
Военное дело - оружие	кол./пл.				1/0,04	1/0,03	4/0,06	1,00/0,015
Системы взвешивания	кол./пл.			2/0,08			1/0,01	1,50/0
Импорт – продукты	кол./пл.				1/0,04			1,00/0
Импорт – тара	кол./пл.			1/0,04		2/0,06		1,50/0
Ремесло – гончарство	кол./пл.						1/0,01	1,00/0
Ремесло – обработка дерева	кол./пл.						1/0,01	1,00/0
Ремесло – косторезное	кол./пл.		1/0,011	2/0,08			2/0,03	2,00/0,015
Ремесло – отходы	кол./пл.		1/0,11	2/0,08			2/0,03	2,00/0,015
Ремесло – строительство	кол./пл.		2/0,21	1/0,04				1,50/0
Ремесло – ювелирное дело	кол./пл.						1/0,01	1,000/0
Сфрагистика	кол./пл.	2/0,47	1/0,11	4/0,17		10/0,3	7/0,1	4,00/0,14
Снаряжение верхового коня и всадника	кол./пл.						2/0,03	1,00/0
Церковная утварь	кол./пл.			1/0,04				1,00/0

Проведенные исследования показывают, что практически для всех указанных групп обнаружение на усадьбе одной-двух находок предстает стандартным значением. Однако для сфрагистических материалов наличие печатей или их заготовок уже выступает уникальной характеристикой комплекса, хотя обнаружение свинцовых пломб «дрогичинского типа» в количестве менее трех экземпляров предстает как фоновое значение. Единичные предметы из снаряжения коня и всадника, вероятно, уже могут выступать как имущественная характеристика, хотя представляется целесообразным проверить количество предметов вооружения и доспехов. Обнаружение более пяти предметов этой функциональной группы, скорее всего, указывают на присутствие на усадьбе человека, связанного с военным делом.

Количественные и плотностные показатели групп: архитектурные детали; останки животных (например, черепа и полные скелеты); элементы интерьера; кухонная посуда и утварь; хозяйственная утварь; детали и предметы костюма; водный и гужевой транспорт; берестяная и деревянная тара, включая металлические детали (табл. 3) – определяются не столько интенсивностью деятельности жителей, но особенностями археологизации и случайной сохранности. В подавляющем большинстве эти группы представлены предметами из органических материалов, которые, находясь внутри жилища, в первую очередь страдали от пожаров. Необходимо отметить, что находки из группы «парадная кухонная посуда» на основании степени их фрагментированности

Таблица 3

Функциональные группы, не входящие в «комплекс стандартной усадьбы».
Плотность находок измеряется в шт./куб. м

		Пос06- до-яр	Пос06- ВЗ-I	Пос06- ВЗ-II	Нкл07- I-II	Нкл07- III	Нкл07- IV	Медиана
	Объем, куб. м	4,26	9,45	23,54	23,55	33,73	72,59	
Архитектурные детали	кол./пл.	1/0,23			2/0,08		1/0,01	1,5
Останки животных	кол./пл.		1/0,11	1/0,04				1,00/0,005
Детали интерьера	кол./пл.					2/0,06	4/0,06	2
Элементы костюма	кол./пл.					1/0,03	13/0,18	2,5
Кухонная посуда	кол./пл.		3/0,32		4/0,17	4/0,12	1/0,01	4,00/0,145
Парадная посуда	кол./пл.	1/0,23	2/0,21				4/0,06	1,00/0,005
Кухонная утварь	кол./пл.		2/0,21	1/0,04	1/0,04	2/0,06	7/0,1	2,00/0,05
Тара – берестяная	кол./пл.		2/0,21	4/0,17	1/0,04	5/0,15	2/0,03	4,00/0,124
Тара – бондарная	кол./пл.			1/0,04	3/0,13		1/0,01	2,00/0,015
Тара – металл. детали	кол./пл.					4/0,12		2,5
Тара – сундучные детали	кол./пл.			2/0,08			1/0,01	2
Водный транспорт	кол./пл.	1/0,23		1/0,04			1/0,01	1,00/0,005
Гужевого транспорт	кол./пл.			2/0,08		2/0,06	1/0,01	2,00/0,005
Хозяйственная утварь	кол./пл.			3/0,13				2

и количества могут быть также отнесены к индивидуальным характеристикам усадьбы как привозные вещи или предметы роскоши.

В основном количество находок из этих функциональных групп не превышает 10 предметов, а их плотность невелика. Вероятно, их можно рассматривать как фон вещевого комплекса усадьбы, который может быть задействован для качественного анализа, но количественной информативности не несет.

Остальные находки из разных функциональных групп, как представляется, составляют «вещевой комплекс стандартной усадьбы» (табл. 4). В него входят группы, характеризующие собственно жителей усадьбы (обувь, детали костюма, украшения, предметы личной гигиены и персонального благочестия, игрушки); их занятия (универсальные и сельскохозяйственные орудия труда, инвентарь для рыбной ловли и охоты, детали водного и гужевого транспорта, домашние ремесла – прядение и швейное дело, приспособления для счета и фрагменты цветных металлов); предметы повседневной жизни (орудия для разведения огня, запорные системы), а также предметы многовариантного использования, универсальный крепеж, неопределяемые предметы и неизвестные находки.

На усадьбах с интенсивным уровнем жизнедеятельности обнаружено 40–60 деталей обуви, на менее ярких усадьбах – ок. 10 единиц, что видимо и следует рассматривать как нормальное значение. Детские игрушки в единичных количествах (1–3 предмета) обнаружены практически на всех усадьбах, но в случае превышения этого порога находки этой функциональной группы выступают убедительным свидетельством проживания детей на усадьбе.

Таблица 4

Функциональные группы, характеризующие «комплекс стандартной усадьбы».

Плотность находок измеряется в шт./куб. м

		Пос06- до-яр	Пос06- ВЗ-I	Пос06- ВЗ-II	Нкл07- I-II	Нкл07- III	Нкл07- IV	Медиана
	Объем, куб. м	4,26	9,45	23,54	23,55	33,73	72,59	
Запорные системы	кол./пл.		1/0,11	2/0,08	1/0,04	3/0,09	5/0,07	2,00/0,075
Игрушки	кол./пл.		2/0,21	3/0,13	1/0,04	2/0,06	7/0,07	2,00/0,080
?Охота/игрушки	кол./пл.			1/0,04		1/0,03	3/0,04	1,00/0,015
Костюм – обувь	кол./пл.	2/0,47	6/0,63	40/1,7	10/0,42	12/0,36	59/0,81	11,00/0,55
Костюм – фурнитура	кол./пл.			1/0,04	1/0,04	1/0,03	11/0,15	1,00/0,035
Универсальный крепеж	кол./пл.		1/0,11	9/0,38	2/0,08	10/0,3	4/0,06	4,00/0,095
Многовариантное использование	кол./пл.	1/0,23	1/0,11	5/0,21	4/0,17	4/0,12	9/0,12	4,00/0,145
Неизвестные предметы	кол./пл.			5/0,21	2/0,08	2/0,06	3/0,04	2,50/0,050
Неопределяемые предметы	кол./пл.	4/0,94	9/0,95	38/1,61	9/0,38	13/0,39	39/0,54	11,00/0,74
Разведение огня	кол./пл.	2/0,47	2/0,21	2/0,08	1/0,04			2,00/0,060
Орудия труда – с/х	кол./пл.				1/0,04	1/0,03		1
Прядение	кол./пл.		1/0,11	2/0,08			2/0,03	2,00/0,015
Прядение; импорт	кол./пл.			5/0,21	5/0,21	2/0,06	3/0,04	4,00/0,05
Орудия труда – универсальные	кол./пл.	3/0,7	5/0,53	12/0,51	11/0,47	9/0,27	19/0,26	10,00/0,49
Предм. личной гигиены	кол./пл.		2/0,21		1/0,04	1/0,03	2/0,03	1,50/0,03

Стандартное количество украшений варьируется в диапазоне 5–10 предметов, а превышение этого количества (усадьба Нкл07-IV) позволяет видеть в этих находках продукцию ювелирной мастерской.

1–2 находки предметов из функциональных групп «фурнитура костюма», «предметы личной гигиены» и «предметы персонального благочестия» представляют собой стандартное значение. Аналогичное количество предметов для разведения огня и сельскохозяйственного инструментария выявлено как пороговое значение для этих функциональных групп.

Функциональные группы «предметы многовариантного использования», неопределяемые и неизвестные предметы обнаружены в количестве ок. 10 объектов. По количественным показателям к ним примыкают группы «универсальные орудия труда» (10–15 находок) и «универсальный крепеж» (5–10 предметов). Информационный потенциал этих групп невелик, но превышение стандартного количества, вероятно, указывает на высокий уровень активности на усадьбе.

Домашнее ремесло (прядение и шитье) представлено 3–5 предметами, что видимо, следует рассматривать в качестве стандартного значения. Предметы, связанные с рыбной ловлей, обнаружены на всех усадьбах в количестве 1–5 предметов, что следует рассматривать как фоновое значение. Превышение этого количества убедительно указывает на наличие остатков рыболовного промысла на территории усадьбы

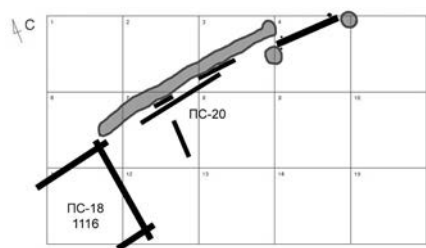

Рис. 2. Усадьба Пос06-В3-І.
Схема застройки

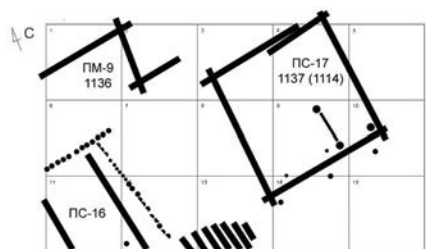

Рис. 3. Усадьба Пос06-В3-ІІ.
Схема застройки

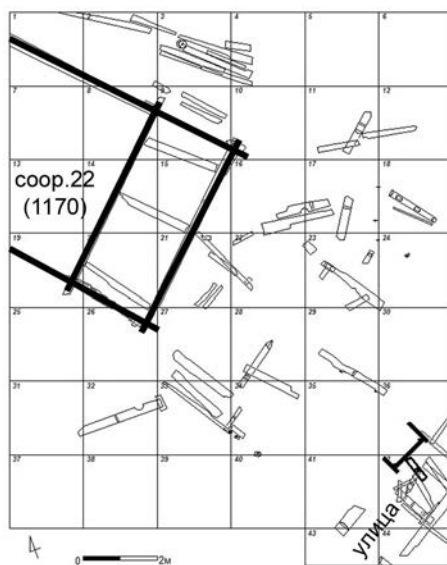

Рис. 4. Усадьба Нкл2007-І-ІІ.
Схема застройки

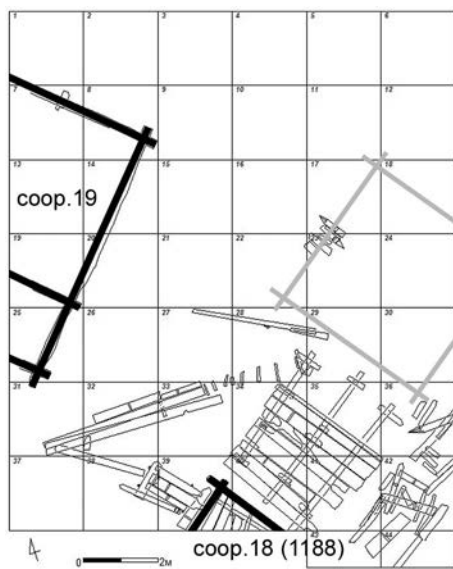

Рис. 5. Усадьба Нкл2007-ІІІ.
Схема застройки

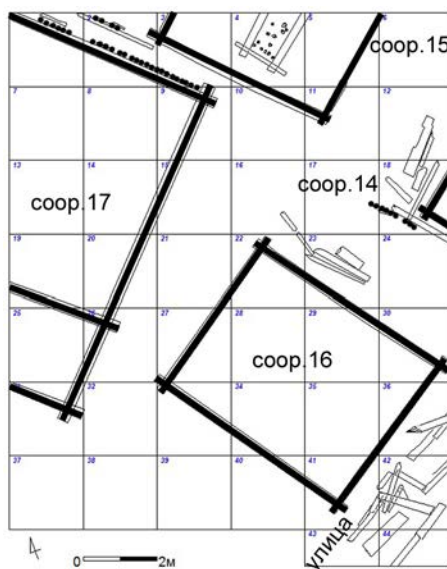

Рис. 6. Усадьба Нкл2007-ІV.
Схема застройки

Таблица 5

Усадебные комплексы с наиболее полными характеристиками.

	Пос06-ВЗ-I (рис. 2)	Пос06-ВЗ-II (рис. 3)	Нкл07-I II (рис. 4)	Нкл07-III (рис. 5)	Нкл07-IV (рис. 6)
Застройка	иссл. частично	иссл. частично	иссл. частично	иссл. частично	иссл. частично
	1 строение (вспом.)	2 строения (жилой? дом – четырёхстен; вспом.сруб	1 строение (пятистен)	2–?3 строения (пятистен; 1–?2 вспом.сруба с мощением между ними)	4 строения (пятистен; 1 вспом.сруб 2 произв.соор.)
Размерные группы (Фараджева, 2015. С. 124)	малый	малые	средний	пятистен – ?средний вспом. срубы – малые	пятистен – ?большой; четырёхстен – средний произв. сооружения – малые
Жители (мин. кол-во)		мужчина (обувь); женщина (ребенок, украшения); ребенок (игрушки, дет. обувь)			мужчина (оружие; снаряжение всадника, обувь); женщина (ребенок; украшения); ребенок (игрушки, дет. обувь)
Военное дело (занятие)					наконечники стрел, обкладка ножен сабли
Письменность	–	–	–	–	–
Сфрагистика (соц. и имущ статус)	+	++ (4 пломбы)		печать церковного круга; заготовка печати; 7 пломб	++ (7 пломб)

Полученные пороговые значения с определенной долей условности (учитывая небольшую выборку исходных данных) позволяют более детально взглянуть на усадебные комплексы с количественной точки зрения, поскольку неявные понятия «много» и «мало» получают определенные количественные рамки.

Детальные характеристики усадеб и разработанные критерии оценки количественных показателей позволяют перейти к сравнительному анализу усадебных комплексов, выявленных в раскопах Посольский-2006 и Никольский-2007 (рис. 2–6). В таблицу с обобщенными результатами (табл. 5) включены усадьбы с наиболее полными характеристиками, т.е. включающие детальный анализ как застройки, так и вещевого комплекса.

Установить минимальный состав жителей на усадьбе удалось только для наиболее ярких комплексов. Опираясь на разнообразные свидетельства, можно предполагать проживание на усадьбах Пос06-ВЗ-II и Нкл07-IV мужчины, женщины и ребенка (или нескольких детей). В остальных усадьбах (Пос06-ВЗ-I, Нкл07-I–II, Нкл07-III) недостаточно данных для установления жителей. В то же время необходимо отметить, что на усадьбе Нкл07-II практически отсутствуют материалы, показывающие присутствие женщин и детей среди жителей усадьбы: это выражено как в малом количестве или отсутствии украшений и детских игрушек, так и в отсутствии предметов, связанных с традиционно женскими домашними ремеслами – прядением и шитьем.

Свидетельства ремесленной деятельности также присущи только наиболее ярким комплексам: на усадьбе Пос06-ВЗ-II это демонтаж доспеха (возможно, разовый), а на усадьбе Нкл07-IV – ювелирное производство с изготовлением недорогих украшений. Явных свидетельств существования ремесленных мастерских в других усадебных комплексах не выявлено. В то же время такое домашнее ремесло как прядение и шитье представлено практически на каждой усадьбе, за исключением Нкл07-III.

Убедительные свидетельства промысловой деятельности обнаружены только на усадьбе Пос06-ВЗ-II, где найдены остатки рыболовных сетей. На прочих усадебных комплексах находки рыболовного инвентаря (преимущественно, грузил для сетей) выявлено только в фоновых количествах. Единичный фрагмент охотничьего снаряжения найден на усадьбе Нкл07-IV. Вероятно, только жители усадьбы Пос06-ВЗ-II занимались рыбной ловлей, а на остальных усадьбах находки носят случайный характер. Сельскохозяйственный инвентарь, связанный, вероятно, с подсобным хозяйством (огородничество, сенокошение) обнаружен лишь на усадьбах Нкл07-I-II и Нкл07-III.

Находки деталей транспорта присутствуют на усадьбах Пос06-ВЗ-II, Нкл07-усI-II и Нкл07-IV в фоновом количестве: детали гужевых транспортных средств на всех усадьбах, фрагменты водных средств не обнаружены на усадьбе Нкл07-I-II. На усадьбах Пос06-ВЗ-I и Нкл07-II элементов транспортных средств не обнаружено. Предметы снаряжения верхового коня встречены на усадьбе Нкл07-IV, что вкупе с находками деталей вооружения всадника указывает на наличие боевого верхового выезда.

Сфрагистические материалы обнаружены на всех усадьбах, кроме Нкл07-I-II, и представлены в основном свинцовыми пломбами, которые распределены неравномерно. Незначительное количество обнаружено на усадьбе Пос06-ВЗ-I; количество находок пломб на усадьбах Пос06-ВЗ-II и Нкл07-IV несколько превышает норму. Однако, наиболее ярким комплексом является усадьба Нкл07-II, где обнаружены как печати (печать церковного круга и заготовка), так и пломбы. Учитывая, что назначение и особенности свинцовых пломб остаются дискуссионным, эта категория находок не позволяет получить убедительные выводы о характере комплексов. Нельзя исключать, что на усадьбе Нкл07-IV пломбы могли быть использованы как сырье, равно как и их появление в этом комплексе в результате перемешивания отложений. Следует отметить, что лишь на одной усадьбе найдена вислая свинцовая печать, что свидетельствует о наличии у жителей усадьбы документа церковного круга. При этом остальные характеристики усадьбы Нкл07-II невыразительны.

Дополнительной характеристикой усадебного комплекса выступают изделия из импортных материалов (за исключением шиферных пряслиц), которые могут указывать на более высокий имущественный статус жителей. Подобные находки обнаружены на усадьбах Нкл07-I-II и Нкл07-IV.

В целом усадьбы, исследованные на раскопе Никольский-2007, характеризуются более высоким имущественным обликом – большой размер сооружений, предметы из импортных материалов, сфрагистический комплекс. Наиболее яркий из исследованных комплексов усадьбы Нкл07-IV также изучен

на этом раскопе. Дополнительным фактором оценки может служить положение земельного участка: усадьбы Посольского раскопа расположены в зоне пагодкового подтопления, и, вероятно, были менее престижны для поселения.

Детальное изучение и сопоставление усадебных комплексов подчеркивают ряд аспектов городской жизни, на которые на общем фоне средневековой городской материальной культуры ранее не обращалось внимания. На всех исследованных усадьбах отсутствуют находки, связанные с письменностью. Убедительное существование ремесленной мастерской доказано лишь для одной усадьбы, в то время как следов занятий ремеслом на остальных усадьбах не обнаружено (следы демонтажа доспеха вряд ли можно считать оружейной мастерской). Предполагающееся естественным присутствие детей на усадьбе также прослежено лишь на двух участках. Более того, выявлен усадебный комплекс, в котором отсутствуют свидетельства о проживании детей и женщин, но обнаружен сфрагистический комплекс, связанный с церковью. В целом, исследованные усадьбы при относительной общности материальной культуры демонстрируют значительное количество различий, что указывает на многообразие повседневной жизни средневекового Новгорода.

Функциональные группы, с одной стороны, позволяют «укрупнить» анализируемую вещевую коллекцию и, соответственно, не «потеряться» в огромном массиве разнородных находок, а с другой стороны – избежать чрезмерной глобализации, оставаясь в пределах одного раскопа и исследованных в нем городских усадеб.

Литература

- Курбатов А. В., 1997. Кожевенно-обувная мастерская в контексте культурного слоя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2. Тверь. С. 277–290.
- Курбатов А. В., 2008. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. № 3. С. 211–233.
- Петров М. И., 2011. Усадьбы средневекового Новгорода: к вопросу о критериях сравнения // ННЗ. Вып. 25. Великий Новгород. С. 137–147.
- Петров М. И., 2014. Усадебный комплекс начала XIII века по материалам раскопа Никольский-2007 в Новгороде // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29. М.; Псков; СПб. С. 235–244.
- Петров М. И., 2015. Усадебный комплекс 30–40-х гг. XII в. (по материалам раскопа Посольский-2006 в Великом Новгороде) // АИППЗ. Материалы 60-го заседания (2014 г.). Вып. 30. М.; Псков; СПб. С. 166–176.
- Петров М. И., 2016. Усадебный комплекс конца XII в. (усадьба Нкл2007-III) по материалам раскопа Никольский-2007 в Новгороде // АИППЗ. Материалы 61-го заседания (2015 г.). Вып. 31. М.; Псков; СПб. С. 216–226.
- Полонская М. Ю., 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М.: Изд-во МГУ. С. 105–125.
- Фараджева Н. Н., 2015. Ранняя застройка Людина и Неревского концов средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // РА. № 4. С. 123–133.

- Яворская Л. В.*, 2014. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский II во Пскове // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29. М.; Псков; СПб. С. 42–55.
- Christophersen A.*, 1990. Dwelling Houses, Workshops and Storehouses. Functional aspects of the development of wooden urban buildings in Trondheim from c. A.D. 1000 to A.D. 1600 // *Acta Archaeologica*, 1989. Vol. 60. Koebenhavn. P. 101–129.
- Kowalska A. B.*, 2011. Wykop na Rynku Warzywnym. Zależenia merytoryczne pracy. In: Kowalska A. B., Dworaczyk M., *Szczecin wczesnośredniowieczny. Nadodrzańskie centrum. Origines Polonorum*. T. 5. Warszawa. P. 20–28.
- Kowalska A. B.*, 2011a. Życie codzienne mieszkańców wczesnośredniowiecznego Szczecina w świetle źródeł archeologicznych // *Kowalska A. B., Dworaczyk M. Szczecin wczesnośredniowieczny. Nadodrzańskie centrum. Origines Polonorum*. T. 5. Warszawa. P. 216–342.
- Nordeide S. W.*, 1990. Activity in an urban community. Functional aspects of artefact material in Trondheim from c. A.D. 1000 to A.D. 1600 // *Acta Archaeologica*, 1989. Vol. 60. Koebenhavn. P. 130–150.
- Roslund M.*, 1995. Tools of Trade. Spatial interpretation of Trade Activities in Early Medieval Sigtuna // *Papers of the Archaeological Institute University of Lund*, 1993–1994. New Series. Vol. 10. P. 145–157.

Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, В. К. Сингх

Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв.

N. V. Eniosova, R. A. Mitoyan, V. K. Singh. New Data on the Chemical Composition of Jeweller's Raw Materials from Novgorod of the 10th–14th Centuries

Abstract. The present paper focuses on the results of elemental analysis of 211 objects made of non-ferrous and precious metals that have been found at the excavation of the Ljudin quarter of medieval Novgorod (Troitsky excavation I–XIV). The analytical data includes a wide range of metalworking evidence (metal waste, ingots, wire, unfinished objects, failed casting, sheet fragments and offcuts) and finished artefacts comprising Old Russian, Scandinavian, Baltic, Finnish and West-European jewellery, pagan and Christian objects and domestic items. Obtained results have been examined statistically: they divided to pure metals and alloys with the different intervals of elemental concentrations. The relationship between metals and alloys groups, different types of objects and manufacturing techniques offers new research opportunities. On the base of the bulk materials we are able to conclude that jewellers of the Ljudin Quarter worked mostly with the cheap metals and produced simple ornaments over the course of the 10th–14th centuries. However, gold and silver metalworking debris and metallic residues from the crucibles testify the goldsmith manufacturing at the manors «А» and «П» of the Troitsky excavation.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Людин конец, хронология, ювелирное ремесло, химический состав металлов и сплавов.

Keywords: medieval Novgorod, Ljudin quarter, chronology, jewelry craft, chemical composition of metals and alloys

Материалы раскопок Новгорода имеют огромное значение для решения ключевых проблем истории древнерусского ювелирного ремесла. Многолетние исследования городских слоев большими площадями открыли для науки древние усадьбы, на которых зафиксирована производственная деятельность, связанная с домашними промыслами и профессиональным ремеслом. Наиболее представительные комплексы хорошо известны по находкам и сооружениям Неревского раскопа. Эти материалы были обработаны и введены в научный оборот благодаря трудам Б. А. Колчина, Н. В. Рындиной, М. В. Седовой и П. И. Засурцева, оценивших уровень развития и степень технической оснащённости черной и цветной металлообработки Новгорода (*Засурцев, 1963; Колчин, 1959; Рындина, 1963. С. 200–268; Седова, 1981*). Сырьевая

база новгородских ювелиров исследована А. А. Коноваловым на основе данных по химическому составу металла сырьевых продуктов и готовых изделий Неревского раскопа (870 образцов). Он выявил набор цветных металлов и сплавов и определил динамику их использования в Новгороде на протяжении пяти столетий на фоне широкого древнерусского и европейского контекста (Коновалов, 2008. С. 9–106).

Уникальный по полноте, объему и хронологическому охвату материал Троицкого раскопа был изучен лишь частично в связи с художественными мастерскими усадьбы «А» конца XII – начала XIII в. Б. А. Колчиным, А. С. Хорошевым и В. Л. Яниным (Колчин, Хорошев, Янин, 1981). В рамках проекта «Кузнечные и ювелирные мастерские Людина конца средневекового Новгорода»¹ мы проводили комплексную обработку и систематизацию материалов Троицких раскопов (I–XIV вв.), включающую идентификацию, хронологический анализ и планиграфию находок, связанных с процессом производства различных изделий (Ениосова, Покровская, Сингх и др., 2011. С. 139–140). Дальнейшее развитие получило изучение сырьевых источников новгородских ювелиров. База данных по цветным и драгоценным металлам средневекового Новгорода существенно пополнилась благодаря исследованию находок производственного характера и различных групп украшений². В результате фонд анализов Троицкого раскопа насчитывает сейчас 211 проб.

Определение химического состава металла производилось в фондах НГОМЗ с помощью неразрушающего энергодисперсного рентгенофлуоресцентного безэталонного анализа. Информация о содержащихся в металле находок элементов получена с помощью портативного прибора, работа которого основана на применении полупроводниковых детекторов рентгеновского излучения: Si (Li) – детектор с энергетическим разрешением порядка 230 эВ в области энергий 15–20 кВ с регистрирующим многоканальным амплитудным анализатором (АИ-1024). Для расчета концентраций элементов без применения стандартных образцов использован метод фундаментальных параметров, учитывающий переменный состав анализируемых проб и межэлементное влияние (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 114–120). Определялись элементы с высокой концентрацией: основные компоненты сплава – медь, олово, свинец, цинк и серебро (Cu, Sn, Pb, Zn, Ag) и элементы-примеси – серебро, сурьма и мышьяк (Ag, Sb, As).

В выборку вошли следующие категории находок: слитки, выплески металла и литники, проволока, фрагменты сосудов, пластины, заготовки изделий, пуговицы, бубенчики и отходы их производства, фольга и золотные нити, инструменты (матрицы и наковальня), гирьки и весы; украшения карельского,

¹ Проект РГНФ 08-01-00234 «Кузнечные и ювелирные мастерские Людина конца средневекового Новгорода», руководитель проекта – Н. В. Ениосова.

² Исследование крестов, энколпионов, змеевиков и амулетов выполнено в рамках проекта РФФИ 10-06-0016а «Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: комплексное источниковедение», руководитель проекта – д. и. н. А. Е. Мусин (ИИМК РАН).

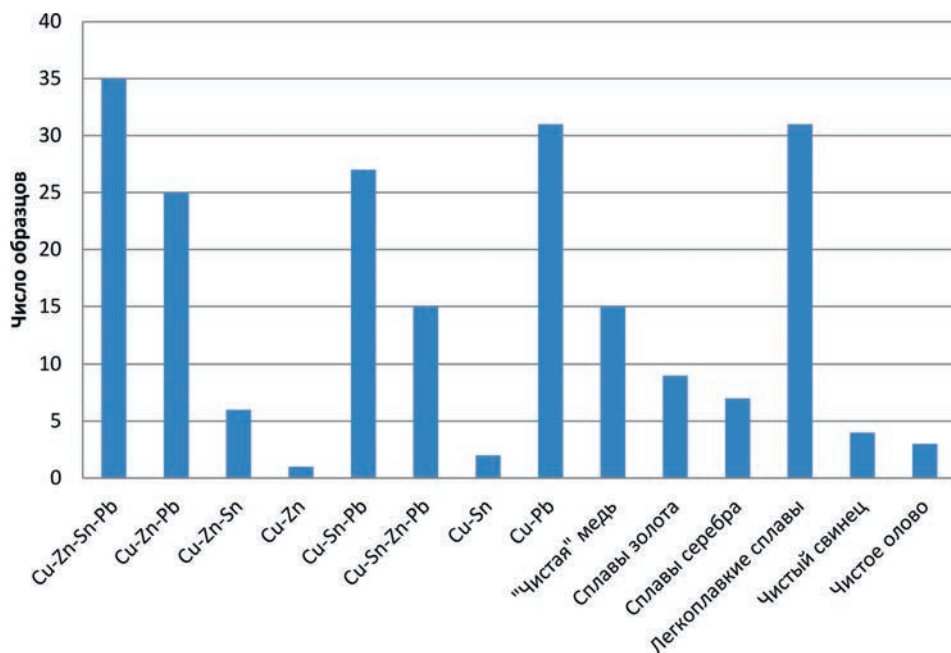

Рис. 1. Соотношение чистых металлов и сплавов в выборке по Троицкому раскопу (I–XIV)

прибалтийско-финского, скандинавского, западноевропейского и древнерусского происхождения. Результаты анализа обработаны статистически: они разделены на чистые металлы и сплавы с различными интервалами концентрации легирующих элементов. Эти данные соотнесены с типологическими группами находок и технологическими наблюдениями. Исходя из определенных заранее критериев сходства, исследованные пробы разбиты на 14 групп, среди которых представлены сплавы на основе меди и серебра, легкоплавкие сплавы, а также «чистые» – медь, свинец и олово (рис. 1).

Анализ выборки показывает, что примерно треть изученных образцов принадлежит к **бинарным (Cu-Zn), тройным (Cu-Zn-Pb и Cu-Zn-Sn) и многокомпонентным (Cu-Zn-Sn-Pb)** латуням³. Вещи, изготовленные из двойной и оловянной латуни, встречаются редко. Среди них есть сырьевые продукты – моток тонкой волоченой проволоки (единственный образец бинарного сплава меди и цинка) из мастерской Олисея Гречина на усадьбе «А» конца XII – начала XIII в. Пластина и фольга из оловянной латуни обнаружены в ювелирной мастерской, действовавшей на этой же усадьбе в предшествующий период между

³ Многокомпонентные сплавы (Cu-Zn-Sn-Pb и Cu-Sn-Zn-Pb) объединяют сплавы с одинаковым набором легирующих элементов и рассматриваются исследователями как индикаторы многократных переплавок лома, вышедших из употребления изделий. Во многих случаях широкое употребление многокомпонентных сплавов связано с ограниченной доступностью ювелирного сырья.

Рис. 2. Сырьевые продукты и изделия из латуней:

1 – пластины-заготовки из свинцовой латуни (Н-77, Тр-IV, 16-254-8⁴); 2 – деформированный слиток из свинцовой латуни (Н-75, Тр-III, 21-165-5); 3 – булавка с крестовидным навершием из многокомпонентной латуни (Н-77, Тр-IV, 21-169-5); 4 – фрагмент верхней ажурной скорлупки скандинавской овальной фибулы из свинцовой латуни (Н-86, Тр-VII, 19-602-24); 5 – чашечка складных весов из свинцовой латуни (Н-77, Тр-IV, 22-205-18); 6 – колокольчик из многокомпонентной латуни (Н-73, Тр-I, 16-34-163); 7 – крестик «скандинавского» типа из свинцовой латуни (Н-2005, Тр-XIV, 16-1797-3); 8, 9 – геральдические наклейки из многокомпонентной латуни (Н-89, Тр-IX, +3-918-72; Н-81, Тр-VI, 9-437-30)

30–90-ми годами XII в. Многокомпонентные и свинцовые латуни представлены среди производственных свидетельств более широко. К этим сплавам относятся сырьевые продукты – слитки, проволока, пластины и тонкая фольга; незаконченные изделия и заготовки, фрагменты сосудов (рис. 2, 1, 2). Содержание цинка в образцах варьирует от 2 до 25%. Из свинцовой и многокомпонентной латуни изготовлены скандинавские украшения – овальная фибула с усадьбы «Е»

⁴ Шифр находок обозначает: Новгород – год, Троицкий – номер раскопа, пласт – квадрат – полевой номер.

Рис. 3. Цилиндрические тигли с границы усадеб «Е» и «С» (Н-2000, Тр-ХІІ, 22-1547-6/н)

из слоя XI в.; булавки прибалтийско-финского происхождения с крестовидным навершием XI – рубежа XI–XII вв. с усадьбы «В» (рис. 2, 3, 4) и западноевропейские изделия – монета и геральдические накладки с усадеб «Е» и «М» (рис. 2, 8, 9) конца XIII – первой половины XIV в. (Покровская, 2005. С. 120–131. Рис. 2, 4, 5; Покровская, 2007. С. 281; Мусин, 2012. С. 132. Рис. 1, 1, 2). К этой группе сплавов принадлежат крестики «скандинавского» типа, писало и бытовые предметы – колокольчик, ключ, чашечки весов и гирьки (рис. 2, 5–7).

О масштабе использования латуней в одной из самых ранних мастерских Людина конца свидетельствует находка двух целых и 200 фрагментов плавильных сосудов стандартной формы и размеров (рис. 3). Они обнаружены в культурном слое первой половины XI столетия на небольшом участке вдоль северной границы усадеб «Е» и «С» Троицкого раскопа. Это цилиндрические тигли высотой 94–95 мм, толщина их стенок – 5 мм. Формовочная масса сосудов состоит из тонко отмученной глины с небольшими включениями мелкого песка и угольного порошка, который образует желтовато-коричневую сетку на поверхности шлифа, сделанного на поперечном срезе стенки тигля. Угольный порошок, добавленный в тесто, обеспечивал ему огнеупорные свойства и препятствовал окислению металла внутри сосуда – в тиглях этого типа были созданы практически идеальные условия для расплавления металла. Исследование шлаков, сохранившихся внутри тиглей, показало, что они предназначены для плавки свинцовой латуни. Хорошо известно, что цинк является летучим элементом; его потери при каждом нагревании латунного сплава могут достигать 10%. Для того, чтобы избежать испарения цинка, мастер-литейщик снабдил эти тигли крышками. Состав теста крышек отличается от формовочной массы тиглей: оно содержит до 70% кварца и более 20% оксида алюминия. Исследование химического состава тигельного шлака, образовавшегося на поверхности крышки, показало, что концентрация оксида цинка в нем достигает 57%, зафиксировано также

Таблица 1

Распределение Неревских и Троицких проб по типам сплавов.

Типы сплавов	Число проб (в %)	
	Неревский раскоп	Троицкий раскоп
«Чистая» медь (Cu)	29,8	7,2
Оловянная бронза (Cu-Sn)	8,8	0,9
Свинцовая бронза (Cu-Pb)	12,1	14,7
Оловянно-свинцовая бронза (Cu-Sn-Pb)	3,4	12,8
Оловянно-цинковая бронза (Cu-Sn-Zn)	0,2	–
Многокомпонентная бронза (Cu-Sn-Zn-Pb)	0,2	7,2
Двойная латунь (Cu-Zn)	16,7	0,4
Свинцовая латунь (Cu-Zn-Pb)	14,4	11,8
Оловянная латунь (Cu-Zn-Sn)	0,4	2,8
Многокомпонентная латунь (Cu-Zn-Sn-Pb)	0,4	16,7
Драгоценные металлы и сплавы	0,6	7,5
Легкоплавкие металлы и сплавы	13	18

присутствие оксидов меди и свинца. Объем целых цилиндрических тиглей составляет 60 см³ – в каждом из них можно было получить около 400 граммов медно-цинкового сплава (Ениосова, Ререн, 2011. С. 246).

Количественное распределение латунных сплавов Неревского раскопа показывает, что они доминировали в металлообработке в ранний период (X – начало XII в.). В отличие от Троицкой выборки, здесь практически не представлены многокомпонентные латуни, значительно больше изделий из бинарного сплава меди и цинка, число образцов, относящихся к свинцовым латуням сопоставимо (табл. 1). В двойных и свинцовых латунях Неревского раскопа раннего периода преобладают сплавы с содержанием цинка 1–7%.

Латуни применяли для изготовления многих типов изделий, однако лишь подковообразные фибулы, пластинчатые браслеты, поясные кольца и пряжки, украшения из проволоки, а также детали весов образуют значительные серии. В XII–XIII вв. картина распределения цветных металлов существенно меняется. Доля сплавов меди с цинком по сравнению с предшествующим периодом сокращается, хотя число латунных предметов увеличивается, а ассортимент расширяется. Кроме того, становится значительно больше образцов со средним и высоким (выше 10%) содержанием цинка в сплаве. Эти данные свидетельствуют о стабильном поступлении латуней в мастерские Неревского конца. В слоях XIV–XV вв. доля медно-цинковых сплавов в выборке остается неизменной (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 132–136). В целом, динамика употребления латунных сплавов в мастерских Людина и Неревского концов совпадает, но в материалах Неревского раскопа, в отличие от Троицкого, среди латуней мало находок, относящихся к сырьевому металлу (Коновалов, 2008. С. 44–48).

Зона распространения латунных сплавов охватывает северные, преимущественно северо-западные регионы Древнерусского государства. Высокий процент многокомпонентных латуней в X – первой половине XI в. является характерной чертой таких памятников Северо-Западной Руси как Псков,

Рис. 4. Заготовки, производственные отходы и изделия из бронзовых сплавов: 1 – трехчастная сбруйная накладка (Н-2002, Тр-ХIV, 9-1771-8); 2 – грибовидная наковальня (Н-75, Тр-II, 15-107-29); 3 – крестик с «грубым» распятием из многокомпонентной бронзы (Н-93, Тр-Х, 16-17-1035-193); 4 – литниковый канал-ёлочка со срезанными отливками из свинцово-оловянной бронзы (Н-83, Тр-VII, 2-526-252); 5 – заготовка ключа из многокомпонентной бронзы (Н-76, Тр-IV, 4-212-24); 6 – карельская фибула (Н-81, Тр-VI, 10-336-15); 7, 8 – карельские цепедержатели (Н-82, Тр-VI, 12-378; Н-81, Тр-VI, 7-365)

Старая Ладога, Залахтовье, курганы Ижорского плато. Начиная со второй половины – конца XI в., многокомпонентные бронзы и латуни присутствуют в материалах этих памятников в приблизительно равных пропорциях (Енисова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 133–136).

Суммарная доля **двойных (Cu-Sn)**, **тройных (Cu-Sn-Pb)** и **многокомпонентных (Cu-Sn-Zn-Pb)** бронзовых сплавов составляет около 20%. Реже всего встречаются бинарные бронзы: среди изделий этой группы наковальня с грибовидным верхом из мастерской второй половины XII в., открытая на усадьбе

«А» и 3-х частная массивная литая сбруйная накладка, обнаруженная в траншее на Троицком XIV раскопе (рис. 4, 1, 2). В Неревской выборке процент двойных бронз значительно выше. Тройные свинцово-оловянные и многокомпонентные бронзы чаще встречаются в материалах Людина конца (табл. 1).

В оловянно-свинцовых и многокомпонентных бронзах содержание олова редко превышает 5%; в выборке преобладают низкооловянные бронзы с концентрацией свинца от 1 до 5%. К сплавам этого типа относятся находки производственного характера – пластины и заготовки, литниковый канал-ёлочка, бракованный крестик, а также готовые изделия – амулеты (топорик и ложечка), бубенчик, кресты нателные, в том числе и экземпляр с грубым распятием XI в. с усадьбы «Г» (рис. 4, 3, 4).

Образцы, содержащие более 10% олова, также присутствуют среди оловянно-свинцовых и многокомпонентных бронз, все эти изделия получены с помощью литья. В металле хороса, крестиков, шумящих подвесок и заготовке ключа зафиксировано не более 15% олова (рис. 4, 5). Самое высокое содержание олова от 10 до 30–40% обнаружено в металле украшений, имеющих аналогии в карельских древностях – цепедержателях и фибулах второй половины XII – начала XIII в. с усадьбы «В» Троицкого раскопа (рис. 4, 6–8). Изделия с концентрацией олова свыше 20% могут иметь серебристую поверхность. Такой сплав получил название «белой» бронзы, температура его плавления приблизительно 800 °С (Meeks, 1986. P. 133–162). Для белых бронз характерна необычайная хрупкость, которая не дает возможности применить даже самые простые кузнечные операции для улучшения качества изделия. Мастер не мог исправить пороки отливок механической обработкой из-за опасности их повреждения.

Выбор сырья для изготовления литых украшений с поверхностью, имитирующей серебро, вероятно, был осознанным. Невысокая температура плавления, прекрасные литейные качества и цвет металла способствовали широкому использованию оловянно-свинцовых бронз для изготовления изделий, не требующих дополнительной обработки после отливки. Успешное изготовление украшения целиком зависело от мастерства литейщика (Равич, 1995. С. 162–163).

Высокооловянные бронзы редко встречаются и в Неревской выборке. В Новгороде доминируют сплавы с низким содержанием олова. Другую картину мы наблюдаем в металле украшений Карелии XII–XIV столетий. Здесь преобладают образцы, содержание олова в которых превышает 15–20% (Ениосова, 2010. С. 251–252). Карельские украшения, найденные на Троицком раскопе, рассматривают как доказательство постоянного проживания карел в Людином конце (Покровская, 2005. С. 120–132). Однако химический состав их металла свидетельствует против предположения о производстве специфических типов фибул и цепедержателей в новгородских мастерских. Необычный для Новгорода состав металла отражает региональные особенности использования сырья в ювелирном ремесле средневековой Карелии.

В целом, свинцово-оловянные бронзы Новгорода и Карелии характеризуются стабильным набором элементов-примесей – серебра (от 0,13 до 1%), мышьяка (от 0,1 до 2%) и сурьмы (от 0,1 до 2,68%). Вероятнее всего, эти примеси

свидетельствуют о едином рудном источнике меди – блеклых рудах. Несмотря на широкое распространение минералов этого типа в различных горнорудных областях, мы можем предположить, что медь с примесями серебра, мышьяка и сурьмы происходит из месторождений на территории Германии (*Forshell*, 1992. Р. 28). Очевидно, что в низких концентрациях, примеси попали в сплав из рудного источника.

Сплавы на основе меди, основные легирующие компоненты которых – олово и свинец, были широко распространены в эпоху Средневековья. Высокий процент бронз зафиксирован во всех выборках Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси второй половины XI–XV вв. На Северо-Западе бронзовые сплавы представлены в относительно поздних материалах Новгорода, Пскова, Торопца, Залахтовья, курганов Ижорского плато и карельских городищ. К этому же периоду относятся материалы западнорусских памятников – Полоцка, Новогрудки, Волковысска и Смоленска (*Ениосова, Митоян, Сарачева*, 2008. С. 136–144).

Доля свинцовых бронз (Cu-Pb) в материалах Людина конца составляет 15%. Содержание свинца в образцах этой группы варьирует от 1 до 7,5%. По формальным признакам металл такого типа принадлежит к бронзам, но, по сути – это загрязненная свинцом и другими примесями медь, полученная в результате выплавки из определенных сортов руды, добываемой, например, в некоторых рудниках Германии (*Вальтер*, 1988. С. 286–293). Среди находок этой группы фрагмент массивного овального слитка-лепешки второй половины XIV в. с усадьбы «Е» (рис. 5, 1). В его составе более 5% свинца и довольно значительные примеси мышьяка и сурьмы (As – 0,5%; Sb – 0,34%). Массивные овальные слитки с бортиком весом от 2 до 18 кг получали при непосредственной выплавке металла из руды. Датированные находки целых и фрагментированных слитков из Германии, Норвегии, Швеции и Латвии относятся к XI–XVI вв. В зависимости от состава руды, способа выплавки и очистки металла содержание свинца в слитках варьирует от 1 до 10% (*Forshell*, 1992. S. 75–93; *Rehren*, 1995. S. 59–64; *Svarane*, 1996. S. 105–107).

Фрагменты трех овальных слитков из загрязненной свинцом меди известны и в материалах Неревского раскопа XII–XV столетий (*Коновалов*, 2008. С. 47). Из слоя XV в., исследованного в припортовой зоне на Торговой стороне в Новгороде (раскоп на набережной Александра Невского), происходят два целых (12 и около 18 кг) и один фрагментированный слиток черновой меди с высоким содержанием никеля (3%), мышьяка (5%), сурьмы (2%) и свинца (1–7%). По данным свинцово-изотопного анализа их происхождение можно связывать с колчеданными и полиметаллическими восточно-альпийскими месторождениями (*Гайдуков, Олейников*, 2014. С. 263–266).

«Грязную» медь активно использовали для изготовления тисненых пуговиц и бубенчиков в мастерской, существующей с 1130 по 1190 гг. на усадьбе «А». В материалах этого комплекса представлены заготовки и отходы производства, а также готовая продукция (рис. 5, 2). Практически все исследованные образцы этих категорий находок (16 проб), а также фрагменты кованых сосудов (4 пробы) относятся к свинцовой бронзе с содержанием свинца от 1 до 7%. Из свинцовой бронзы изготовлен в технике басменного тиснения и один

Рис. 5. Сырьевые продукты, производственные отходы, и изделия из чистой и «грязной» меди: 1 – фрагмент овального слитка-лепешки (Н-84, Тр-VII, 6-580-62); 2 – отходы и заготовки производства бубенчиков (Н-77, Тр-IV, 16-254-8); 3 – отходы производства тисненых пуговиц (Н-75, Тр-II, 14-103-25); 4 – фрагмент оклада иконы (Н-77, Тр-IV, 14-252-182)

из окладов икон из художественной мастерской конца XII – начала XIII в. (рис. 5, 4). Такой металл нельзя считать хорошим сырьем для изготовления изделий с использованием пластической деформации. Высокое содержание свинца делает металл хрупким, снижает пластичность меди и не позволяет применять ковку в горячем состоянии (Мальцев, Теплинская, Степанова, 1955. С. 130–134). Очевидно, что чеканщики этой мастерской изготавливали продукцию в холодную, используя доступное им сырье невысокого качества.

В материалах многих памятников Древней Руси свинцовые бронзы представлены единичными образцами, однако можно выделить зону, где свинцовые бронзы занимали заметное место в металлообработке – северные русские земли. Находки из этого сплава обнаружены в Городке на Ловати, Пскове и Залахтове, на памятниках Белозерья, а по материалам выборки, полученной А. А. Коноваловым для Неревского раскопа, они составляют 12% (около половины всех бронзовых сплавов). Основная часть находок из свинцовой бронзы связана с сырьевыми продуктами и производственными отходами (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 145). Согласно данным, полученным для Новгорода и Пскова, доля свинцовых бронз в XIV–XV вв. значительно сокращается,

что вызвано широким применением рафинирования меди, которое документируется для Любека в источниках конца XIII в. О повышении требований к качеству медного сырья свидетельствует обращение послов Ганзейских городов в Прагу, Бреславль и Краков с просьбой «чтобы медь делали чистой, так как от продажи нечистых металлов очень страдают литейщики посуды» (Хорошкевич, 1963. С. 314–315).

Доля «чистой» меди в материалах Людина конца составляет около 7%. Все находки этой группы обнаружены на усадьбе «А»: к периоду функционирования мастерской между 1130 и 1190 гг. относятся пуговицы, бубенчики и отходы их производства (рис. 5, 3); три оклада икон, заготовка ушка котла и моток волочёной проволоки принадлежат комплексу мастерской Олисея Гречина (90-е годы XII в. – 1209 г.). Массивный обрубленный слиток, пластины, выплески металла из тигля и пуговка найдены в комплексе мастерской первой половины XIV в.

Следует отметить, что в материалах Неревского раскопа доля «чистой» меди значительно выше и составляет 30%. Из этого металла изготовлены многие категории украшений – подковообразные фибулы, булавки, браслеты, перстни, шумящие привески, бубенчики, кресты и сосуды. Медь представлена и среди производственных свидетельств (Коновалов, 2008. С. 21–23; 30–48). Существенная разница между выборками с Неревского и Троицкого раскопов может быть вызвана различным объемом данных по двум раскопам: 870 анализов в первом случае и 211 во втором. Кроме того, для Людина конца получена информация о химическом составе металла находок из драгоценных металлов и сплавов, отсутствующая в работе А. А. Коновалова. Различный набор сплавов и несовпадающий ассортимент изделий, подвергшихся анализу в двух массивах данных, также затрудняет их корректное сопоставление. Нельзя исключить также, что применение различных аналитических методов повлияло на полученные результаты⁵.

Пик использования меди в мастерских Неревского конца приходится на XII–XIII столетия, хотя в материалах XIV в. этот металл также представлен среди сырьевых продуктов ювелиров. Похожая динамика прослеживается и в псковских материалах. Значительная доля «чистой» меди зафиксирована в цветной металлообработке таких поселений X в., как Гнёздово (28%) и Сарское городище (25%). В материалах древнерусских городов XII–XIV вв. медные изделия и сырье составляют, как правило, менее 10% выборки (Енисова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 145–146).

Суммарная доля изделий из сплавов золота и серебра в материалах Троицкого раскопа составляет 7,5%. Следует отметить, что до начала 90-х гг. прошлого века драгоценные металлы редко привлекались для исследования элементного состава из-за разрушающей методики анализа. С внедрением в археологическую практику рентгенофлуоресцентного метода появились

⁵ Неревская выборка исследована с помощью полуколичественного оптического эмиссионного спектрального анализа, погрешность в определении элементов с концентрацией выше 1% может достигать 25% (Енисова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 113–114).

Рис. 6. Заготовки, отходы производства и изделия из золота:

1 – пряденные золотые нити с усадьбы «А» (Н-83, Тр-VI, 24-471-6); 2 – тонкая многослойная фольга (Н-81, Тр-VI, 12-399); 3 – обрезки пластин (Н-77, Тр-IV, 14-200-27; 14-208-128); 4 – бусина с зерненым геометрическим орнаментом (Н-2005, Тр-XIV, 11-1706-71); 5 – перстень с зернью и сканью (Н-99, Тр-XII, 14-1493-20); 6 – трехбусинное височное кольцо с зернью и сканью (Н-2007, Тр-XIV, 16 (мостовая) –1748-20)

новые возможности для быстрого пополнения фонда данных по химическому составу находок из драгоценных металлов. Тем не менее, изделий и сырьевых продуктов из золота и серебра в Новгороде совсем немного. Вероятно, эти ценные материалы утилизировали и хранили более тщательно, не выбрасывали вместе с другим производственным мусором.

Самые ранние находки из серебра и золота найдены в основном на усадьбе «А» – височное кольцо с загнутым концом второй половины X в. и фрагменты пряденных золотых нитей, проволоки и фольги, фрагмент рясна из слоев второй половины XI в. (рис. 6, 1–3). Ажурная золотая серьга происходит из слоя XI в. на усадьбах «Е/Ж» (Покровская, 2011. С. 257). Единичные находки производственных отходов второй половины X в. связаны с усадьбой «Г».

Обрезки пластин, проволока и фольга из драгоценных металлов обнаружены среди отходов в мастерской по производству тисненых бубенчиков, действовавшей непрерывно на усадьбе «А» с 30-х до 80–90-х годов XII в. Золотой перстень с яшмовой вставкой, фрагменты золотой фольги и рясна найдены и в мастерской Олисея Гречина конца XII – начала XIII в. (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 129–135). В этом производственном комплексе обнаружены миниатюрные сосуды из светло-серой глины без примеси песка, но с добавками

Рис. 7. Отходы производства и изделия из серебра:

- 1 – миниатюрный тигель для ртутной амальгамы (Н-77, Тр-IV, 15-16-254);
 2 – ажурный литой крест (Н-2005, Тр-XIV, 11-1678-100); 3 – каменный амулет
 в серебряной оправе (Н-84, Тр-VII, 7-584-97)

мелко растертого угля (рис. 7, 1). Анализ показал, что внутри этих тиглей содержалась ртуть, соединенная с серебром и золотом. Вероятно, в них готовили ртутную амальгаму для покрытия окладов икон (*Енисоова, Ререн, 2011. С. 250-251. Рис. 6, 4*). Свидетельства использования драгоценных металлов в ювелирном производстве во второй половине XII в. происходят также с усадьбы «П».

На самой большой усадьбе Троицкого раскопа «Е» в XI – первой четверти XII в. располагался общественно-административный центр Людина конца. Об этом свидетельствуют найденные здесь деревянные пломбы-цилиндры, отсутствие хозяйственных построек, бытового инвентаря, следов ремесленного производства, берестяные грамоты и находки, подчеркивающие высокий статус владельцев этой усадьбы: западноевропейские серебряные монеты и редкие для Новгорода золотые украшения – щитковый перстень (рис. 6, 5) и трехбусинное височное кольцо, выполненные в технике зерни и скани (*Янин, Хорошев, Рыбина и др., 2000. С. 9*). Трехбусинное височное золотое кольцо, найденное на усадьбе «И» относится к началу XII в. (*Покровская, 2011. С. 256. Рис. 1, 1*). Этим же столетием датируются золотая бусина и трехбусинное височное кольцо (рис. 6, 4, 6), выполненное в технике зерни и скани с усадеб «У» и «Т» в южной части Троицкого раскопа (*Степанов, Покровская, Сингх, 2013. С. 125*).

Немногочисленные анализы находок из золота и серебра с Троицкого раскопа показали разную пробу. Практически все золотные нити, фольга, проволока и пластины сделаны из сплава, содержащего более 70% золота, однако встречаются образцы более низкой пробы (около 50%). В этих случаях драгоценный металл разбавлен серебром и медью в различных пропорциях. Размер выборки не позволяет пока говорить о снижении пробы золота с течением времени.

Среди украшений, обнаруженных на усадьбе «У» есть искусно сделанный ажурный крест конца XI в. Несмотря на высокое качество работы, он отлит из низкопробного серебра, легированного латунью. Экзотический амулет – неолитическая стрела в оправе из вторично использованного серебряного

с зерню наконечника каменного креста-корсунчика происходит с усадьбы «Ж» и датируется второй половиной XII – началом XIII в. (рис. 7, 2, 3). Судя по стертým треугольникам зерни, оправа каменного креста служила долго, а потом получила вторую жизнь, благодаря припаянному ушку, с помощью которого амулет подвешивался к ожерелью. Металл этого украшения – высокопробное серебро (Ag – 95%). Из «чистого» серебра (Ag > 90%) изготовлены наконечники янтарного креста первой половины XIII в., обнаруженного на Троицком XV раскопе.

Свинцово-оловянные сплавы и нелегированные легкоплавкие металлы представлены 38 предметами (18% в выборке по Троицкому раскопу), однако находок из чистых олова и свинца значительно меньше, чем изделий из двойных (**Sn-Pb/Pb-Sn**) сплавов олова и свинца или тех же металлов с медью (**Sn-Cu/Pb-Cu**); а также тройных сплавов с различным соотношением этих компонентов (**Sn-Pb-Cu/Pb-Sn-Cu/Sn-Cu-Pb**). Из чистого олова сделаны крестики и тонкая фольга (рис. 8, 2), а из чистого свинца – пластина со знаками. Все эти находки происходят с усадьбы «А» и датируются XII в. В коллекции слитков Троицкого раскопа нет ни одного экземпляра из чистых легкоплавких металлов. Такая же картина характерна и для Неревского раскопа (Коновалов, 2008. С. 21–24).

В свинцово-оловянных сплавах могут превалировать свинец или олово, но медь всегда содержится в умеренных концентрациях (до 3%), что свидетельствует об осознанной добавке меди в легкоплавкий металл для придания ему прочности (рис. 8, 1). Все изделия этой группы – повседневные дешевые украшения – получены в процессе литья в каменные, глиняные или деревянные литейные формы. Среди них есть изделия разного качества. Например, литая зооморфная фигурка с плоским основанием первой половины XIV в. с усадьбы «А», вероятно, «проба пера» неумелого ученика (рис. 8, 3). Вместе с тем, есть образцы высокого качества: крестик «скандинавского» типа XI в. с усадьбы «П» (рис. 8, 4); змеевики с архангелом Михаилом с усадьбы «А» – отливки, совпадающие в мелких деталях (рис. 8, 6, 7), и геральдическая накладка – «крапива» с усадьбы «Г» (рис. 8, 5) из слоев 1340–1360 гг. (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 100. Рис. 51; Мусин, 2012. С. 132). Металл этих украшений содержит примерно равные доли свинца и олова и примесь меди в пределах 1%. Такой сплав имеет более низкую температуру плавления (183 °С), чем чистое олово или свинец и является наиболее удобным в производстве литых изделий (Гуляев, 1978. С. 621–626). Кроме того, в Средневековье свинец был более доступен и дешевле, чем олово, им разбавляли более дорогой металл в целях экономии (Dungworth & Egan, 2005. P. 323).

В материалах Неревского раскопа доля легкоплавких металлов составляет 13%. Пик их употребления приходится на XII–XIII вв. Несмотря на то, что в последующее время доля свинца, олова и их сплавов остается неизменной, в письменных источниках и археологических материалах мы находим неизмеримо большее количество сведений о масштабах употребления олова и свинца. Значительное увеличение ввоза свинца позволяло употреблять этот металл не только как ювелирное сырье, но и в строительных работах для покрытия церквей. находка в слоях XIV в. четверти 150-килограммового слитка

Рис. 8. Сырьевые продукты и изделия из легкоплавких металлов и сплавов:
 1 – слиток из свинца (Pb-98%) с добавкой меди (Н-77, Тр-IV, 16-253-131); 2 – многослойная оловянная фольга (Н-77, Тр-IV, 14-209-110); 3 – свинцово-оловянная зооморфная фигурка (Н-81, Тр-VI, 8-365); 4 – свинцово-оловянный крестик «скандинавского» типа (Н-99, Тр-XII, 15-1344-123); 5 – свинцово-оловянная геральдическая накладка-«крапива» (Н-95, Тр-XI, 1-1246-2); 6, 7 – амулеты-змеевики с архангелом Михаилом (Н-73, Тр-I, 12-43-12; Н-77, Тр-IV, 15-207-45)

польского свинца на Ильинском раскопе свидетельствует о масштабе ввоза этого металла в Новгород (Янин, 1966. С. 324).

На основе сравнительного анализа металлов и сплавов сырьевых продуктов, отходов и готовых изделий, а также заполнения тиглей можно заключить, что ювелиры Людина конца имели дело преимущественно с дешевыми материалами. Полученные данные о химическом составе металла значительно сократили число украшений хорошего качества, ранее ошибочно отнесенных авторами публикаций к серебру или биллону. Находки фрагментов

массивных слитков XII–XIV вв. и тиглей большого объема, появляющихся в XIV в. усадьбах Троицкого раскопа свидетельствуют о значительных запасах ювелирного сырья в мастерских этой части города. Однако, золотые пластины-заготовки и обрезки, фольга, серебряная и золотая проволока, а также заполнение некоторых типов тиглей свидетельствуют о существовании элитарного златокузнечного производства на усадьбах «А» и «П». Мастерские усадьбы «А» XII – начала XIII столетий были обеспечены наиболее разнообразным набором металлов и сплавов, а концентрация производственных свидетельств этого периода говорит о «сырьевом изобилии», связанном, вероятно, с особым статусом владельцев. Сведения о химическом составе металла помогают оценить осознанность выбора материала для создания однотипных украшений или предметов с особыми характеристиками. Нельзя не отметить также, что сравнение химического состава металла находок производственного характера обнаруживает существенные различия в сырьевой базе ювелиров Неревского и Людина концов, несмотря на то, что динамика использования различных металлов и сплавов в мастерских, исследованных на Неревском и Троицком раскопах, совпадает.

Литература

- Вальтер Г. В., 1988. Минеральные месторождения ФРГ // Минеральные месторождения Европы. Т. 3. М.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М., 2014. К вопросу об источниках сырья на новгородском рынке цветных металлов в XV веке // ННЗ. Вып. 28. Великий Новгород.
- Гуляев А. П., 1978. Металловедение. М.
- Ениосова Н. В., 2010. Новые данные о химическом составе цветного металла памятников летописной корелы // Кочкуркина С. И. Древнекорельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М.
- Ениосова Н. В., Ререн Т., 2011. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения – 3. Великий Новгород.
- Ениосова Н. В., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тарабардина О. А., 2011. Ювелирные мастерские Людина конца средневекового Новгорода // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. М.: ИА РАН.
- Засурцев П. И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV (МИА. № 123). М.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II (МИА. № 65). М.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.
- Коновалов А. А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М.

- Мальцев М. В., Теплинская В. М., Степанова М. В., 1955. Исследование влияния свинца и висмута на свойства меди и α -латуней // Исследование сплавов цветных металлов. № 1.
- Мусин А. Е., 2012. Европейская геральдика в материалах раскопок средневекового Новгорода: к истории связей Новгорода и Ганзы // Записки ИИМК РАН. № 7.
- Покровская Л. В., 2005. Комплекс ювелирных украшений усадьбы «В» Троицкого раскопа // ННЗ. Вып. 19. Великий Новгород.
- Покровская Л. В., 2007. Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе: топография // У истоков русской государственности: ист.-археол. сб. СПб.
- Покровская Л. В., 2011. Ювелирные украшения Людина конца: систематизация и топография (по материалам Троицкого раскопа) // Новгородские археологические чтения – 3. Великий Новгород.
- Равич И. Г., 1995. Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» // СА. № 3.
- Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. (МИА. № 117). М.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К., 2013. Усадьбы «Т» и «У» в южной части Троицкого раскопа (XIII–XIV) // ННЗ. Вып. 27. Великий Новгород.
- Хорошкевич А. Л., 1963. Торговля Новгорода в XIV–XV вв. М.
- Янин В. Л., 1966. Находка польского свинца в Новгороде // СА. № 2.
- Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., 2000. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XII раскоп) // ННЗ. Вып. 14. Великий Новгород.
- Dungworth D., Egan G., 2005. Copper, Tin and Lead Alloys in Early Post-Medieval London // Proceedings of the 33rd International Symposium on Archaeometry, 22–26 April 2002, Amsterdam: Eds. Kars H. & Burke E. Geoarchaeological and Bioarchaeological Studies. Vol. 3. Amsterdam: Vrije Universiteit.
- Forshell H. 1992. The inception of copper mining in Falun // Arkeologiska Forskningslaboratoriet. Stockholms Universitet.
- Meeks N., 1986. Tin-rich surfaces on bronze – some experimental and archaeological consideration // Archaeometry, Vol. 28. Pt. 2. Oxford.
- Rehren T., 1995. Kupfer vom Tor zur Welt // Kissipenny und Manilla. Duisburg.
- Svarane D., 1996. Krāsainū metāla darinājumu izejmateriģli Latvijā 10–12. Gs. // Arheologija un Etnogrāfija. XVII. Rīga.

И. В. Стасюк, С. А. Хмелевский

Курганная группа в д. Межно на межевом плане 1799 года и перспективы локализации утраченных археологических памятников бывшей Петербургской губернии¹

I. V. Stasiuk, S. A. Chmelevsky. Mezjno Barrow Cemetery on the Survey Plan of 1799 and prospects for Localization of the Lost Archaeological Sites of the Former Petersburg Province

Abstract. At the 59th session of the seminar in 2013 I. A. Fedorov (St. Petersburg) presented new archive and cartographic data of 1798 about the lost barrows on the bank of the Black Lake in Gatchina. These data associated with the materials of the latest archaeological research and pre-revolutionary photographs, give substantial complementary information about this site.

In 2014, while monitoring the current state of archaeological sites of Gatchina district, we examined the Mezjno barrow cemetery on the bank of the river Oredez to the south of Gatchina.

In the fund of St. Petersburg Province drawings of the Central State Historical Archive of St. Petersburg the authors found "The Land Plan of the village Mezjno of the Mariengof Manor belonging to a retired inspector orphanage for noble girls M. O. Deman", 1799, which designated this cemetery. Thus, for the Gatchina district of Leningrad region there are two established facts of survey plans of the late 18th century compliance to modern archaeological surveys.

While studying the inventory of the Fund of Boundary Department Central State Historical Archive of St. Petersburg we found extensive sets of survey documents (texts and maps) of all sites of the Izhora plateau and its surroundings that housed burial groups investigated by L. K. Ivanovsky in the late 19th century and later lost.

The authors believe that a detailed study of survey plans of the 18th–19th cc. in Central State Historical Archive of St. Petersburg is a promising method for precise localization of lost archaeological sites, the location of which is known only by a very rough text description, made according to missing objects of more than a century old.

Ключевые слова: курганная группа, утраченные археологические памятники, картографические данные, межевые планы обследований.

Keywords: barrow cemetery, lost archaeological sites, cartographic data, survey plans.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»

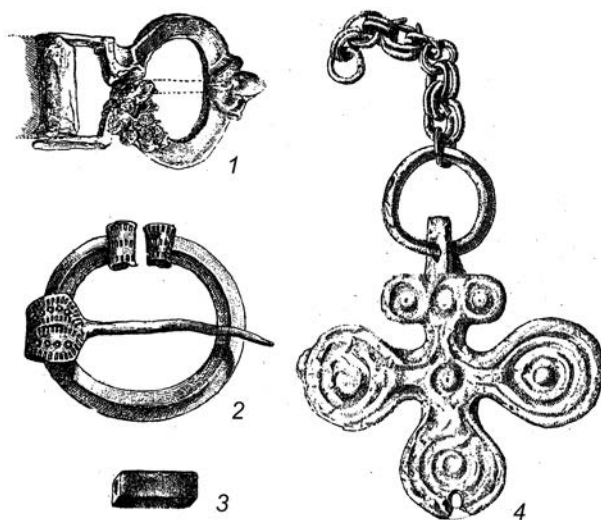

Рис. 1. Находки Л. К. Ивановского из курганов в д. Межно (по: Спицын, 1896).
 1 – лировидная пряжка; 2 – подковообразная фибула; 3 – бусина; 4 – подвеска из вторично использованного обломка трехлопастного навершия нагрудной булавки

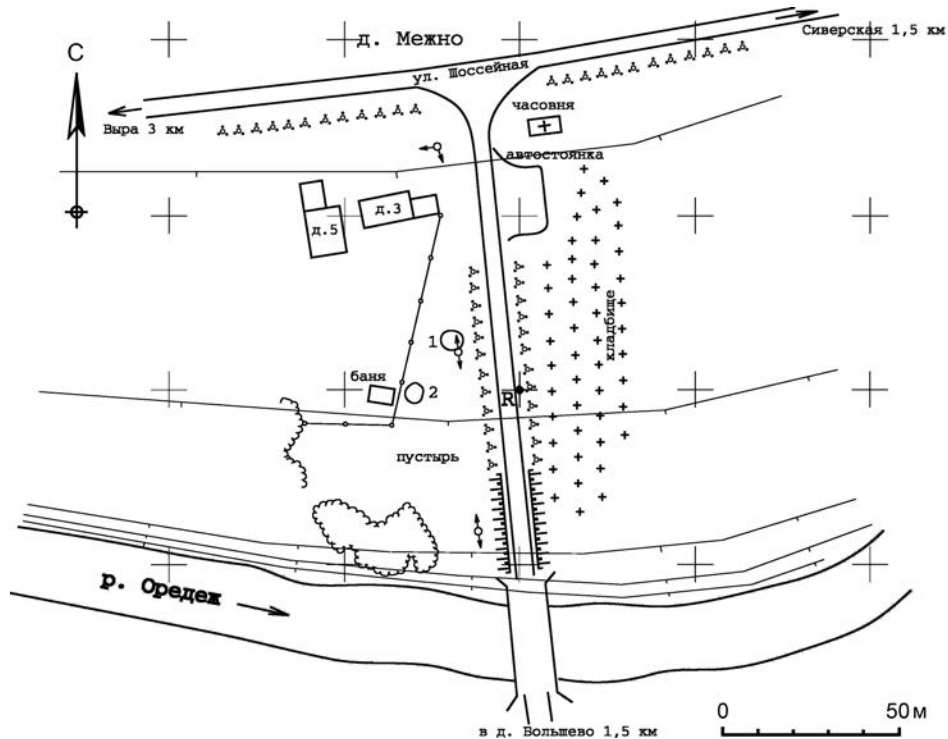

Рис. 2. План курганной группы в д. Межно. Съемка 2014 г.

Рис. 3. План земель дер. Межно мызы Мариенгофской владения отставной инспектриссы воспитательного дома благородного общества девиц М. О. Деман, 1799 год.

Курганная группа в д. Межно Гатчинского района Ленинградской области впервые выявлена и исследована Л. К. Ивановским в 1874 г. Им было раскопано 38 курганов с труположениями XII–XIII вв. (*Ивановский*, 1877. С. 226–230; *Спицын*, 1896. С. 107) (рис. 1).

В 1974 г. группа была обследована Ю. М. Лесманом. Им отмечены два сохранившихся кургана высотой 0,3 и 1,2 м, диаметром 3 и 6 м, с каменными обкладками в основании (*Лапшин*, 1990. С. 74, № 550). Памятник поставлен на государственный учет и охрану решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978. Позднее курганная группа археологами не обследовалась.

В 2014 г. в ходе работы по мониторингу современного состояния и использования памятников археологии, расположенных в восточной части Ижорского плато², памятник был обследован нами. Он расположен в южной части деревни Межно на левом (северном) берегу р. Оредеж, у дороги в д. Большево. В настоящее время группа состоит из двух поврежденных курганов, расположенных на пустыре, ограниченном с юга обрывистым берегом р. Оредеж, с запада – дорогой Межно – Большево, с востока – оградой участка дома № 3

² Работа выполнена при поддержке Министерства культуры РФ в рамках федеральной целевой программы «Культура России 2013–2018 гг.» (Государственный контракт от 22.08.2014 г. № 3215–01–41/05–14).

Рис. 4. План 1799 г., фрагмент. Показана курганная группа в д. Межно на берегу р. Оредеж

по Шоссейной улице, с севера – самой улицей Шоссейная. Курган № 1 поврежден опорой ЛЭП, установленной в южной поле насыпи, курган № 2 примыкает к забору частного дома (рис. 2).

Судя по количеству раскопанных Л. К. Ивановским курганов, могильник ранее занимал большую площадь, определить границы которой на местности без раскопок не представляется возможным.

В фонде Межевого отделения Петербургской губернии в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) нами выявлен «План земель дер. Межно мызы Мариенгофской владения отставной инспектриссы воспитательного дома благородного общества девиц М. О. Деман» 1799 года³ (рис. 3), на котором обозначена рассматриваемая курганная группа (рис. 4). На плане прослеживается расположение 18 отдельных курганов, при этом можно определить границы участка, занятого ими.

³ ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп. 107. Д. 569.

Для территории Гатчинского района это второй выявленный случай фиксации археологического памятника на плане конца XVIII в. Ранее И. А. Федоровым были представлены новые архивно-картографические данные 1798 г. об утраченных древнерусских курганах на берегу Черного озера в Гатчине (Федоров, 2014. С. 451–454).

Эти данные, сопоставленные с материалами позднейших археологических исследований и архивными фотоснимками (Равдоникас, 1932; Стасюк, 2007; Федоров, Мурзенков, 2010; Стасюк, 2013, рис. 31–34), так же как и в случае с курганной группой в д. Межно, существенно дополняют информацию о топографии памятника и изменениях окружающего ландшафта за последние 300 лет.

Изучая описи фонда Межевого отделения в ЦГИА СПб., мы обнаружили обширные комплекты межевых документов (текстовых и картографических) почти на все пункты Ижорского плато и его округи, где располагались исследованные Л. К. Ивановским в конце XIX в. и впоследствии утраченные древнерусские курганные группы, вопрос локализации которых до настоящего времени не решен.

Авторы полагают, что детальное изучение межевых планов XVIII–XIX вв. в ЦГИА СПб. является перспективным методом локализации утраченных археологических памятников Петербургской губернии, местонахождение которых известно только по весьма приблизительным текстовым описаниям, выполненным более ста лет назад.

Литература

- Ивановский Л. К., 1877. Курганы Вотской пятины Новгородской земли. Раскопки, произведенные Действ. Членом Л. К. Ивановским // Известия РАО. Т. VIII. СПб. С. 225–230.
- Латшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1: Западные районы. Л.
- Равдоникас В. И., 1932. Ижорский могильник в Красногвардейске (б. Гатчина) // Сообщения ГАИМК. № 11–12. Л. С. 24–31.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20. СПб.
- Стасюк И. В., 2007. «Ижорский могильник» в Красногвардейске – Гатчине: современное состояние [Электронный ресурс] // Сайт Северо-Западной археологической экспедиции Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. профессора Г. С. Лебедева НИИКСИ СПбГУ. URL: <http://nwaе.ru.ru/?0–902>.
- Стасюк И. В., 2013. Археологические памятники Гатчины и района. СПб.
- Федоров И. А., 2014. Курганная группа Гатчина 1. Новые архивно-картографические данные // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29. М., Псков, СПб. С. 451–454.
- Федоров И. А., Мурзенков Д. Н., 2010. Обследование грунтового и курганного могильников в г. Гатчина // Исследование погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб. С. 76–80.

*Е. В. Торопова, С. Е. Торопов, К. Г. Самойлов,
П. П. Колосницын, Е. Е. Колосницына*

Полевые исследования 2015 г. в городе Старая Русса и Новгородской области

E. V. Toropova, S. E. Toropov, K. G. Samoilo, P. P. Kolosnitsyn, E. E. Kolosnitsyna.
Field Studies of 2015 in Staraya Russa and Novgorod Region

Abstract. In 2015 the archaeological expedition of Novgorod State University (NovSU) carried out excavations in Staraya Russa and exploratory research on the territory of Veliky Novgorod and several districts of the Novgorod region. The article presents an overview of the research preliminary results of Pyatnitsky-II excavation and explorations in Novgorodian, Okulovsky, Borovichsky, Demansky, Lyubyntinsky, Hvoyninsky, Pestovsky districts of the Novgorod region and on the St. Anthony's monastery territory in Novgorod.

Ключевые слова: археологические раскопки, археологические разведки, Старая Русса, Новгородская область, Антониев монастырь

Keywords: archaeological excavations, archaeological exploration, Staraya Russa, Novgorod region, St. Anthony's monastery.

В 2015 г. археологической экспедицией Новгородского государственного университета (НовГУ) проводились раскопки в Старой Руссе, а также разведочные исследования на территории Великого Новгорода и ряда районов Новгородской области.

1. Исследования на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса¹

Пятницкий-II раскоп площадью 240 кв. м заложен в 2013 г. как продолжение раскопа Пятницкий-I (2002–2012 гг.) в южном и восточном направлениях. Он позволил объединить уже изученный участок с раскопом X, исследования на котором проводились А. Ф. Медведевым и Г. П. Смирновой в 1969–1970 гг. Это дает возможность согласовать стратиграфию и строительные горизонты в историческом ядре Русы на площади приблизительно 500 кв. м, что особенно актуально в связи с возможностью уточнения хронологии ярких находок и комплексов, открытых в раскопе X и первоначально датированных почти исключительно по аналогиям вещевому материалу и керамике (Торопова, 2004. С. 249–264). В течение полевого сезона 2015 г. изучен пласт 10 (гл.

¹ Исследования выполнены при поддержке РГНФ (проект 15-01-18034е).

-180/-200 см) и на большей части раскопа вскрыты напластования пласта 11 (гл. -200/-220 см). Таким образом, общая мощность культурного слоя, исследованного в 2013–2015 гг., составила 2–2,5 м (Торопова, 2015).

Стратиграфия. Основное заполнение пласта 10 составляли напластования зеленоватого навоза с примесью травы, разделенные линзами щепы, темно-коричневого гумуса и золисто-углистыми прослойками. В пласте 11 на исследованной площади доминировали прослойки пожаров, в которых погибли сооружения строительных *ярусов III* и *IV* (темно-серый гумусированный слой с примесью золы и угля, золистые и углистые прослойки). В пласте 10 (в кв. 140–144, 146–150, 152–156, 158–162, 164–168 до гл. (-182) – (-196) – (-200) см) прослеживалась донная часть котлована погребца № 2, датирующегося концом XVIII – началом XIX в. (*ярус верхний VA*) и изученного в 2014 г. (Торопова и др., 2015. С. 80–83). В юго-западном углу раскопа (кв. 175–176, 181–183), как и в предыдущем сезоне, зафиксирован котлован *раскопа X*. Прослежен уровень древней поверхности на момент возведения сооружений *яруса III*, относящегося к периоду начала 1370–1390-х гг. Прослежен уклон поверхности в южном направлении, достигающий 0,2–0,3 м. Это отмечено как в результате наблюдений за стратиграфией, так и на основании фиксации уклона выявленных сооружений, таких как вымостки № 3 и 5, сруб ПС-55 и др. Мощные прослойки пожаров, маркирующие гибель сооружений *яруса IV* в северной части раскопа, оказали влияние на конфигурацию прослоек, формировавшихся выше.

Застройка². В течение сезона были открыты или доисследованы остатки 25-ти различных сооружений. Продолжено изучение 9-ти построек, открытых как в предшествующем сезоне, так и в 2003–2006 гг.: впускные конструкции второй половины XVIII–XIX вв., остатки сруба ПС-46 (конец XIV – начало XV в.), 5 сооружений второй половины XIV в. (срубы ПС-8 и ПС-48, столбовая постройка ПС-49, вымостка № 3, линия частокола № 1). Кроме того, в процессе разборки культурных напластований открыты и исследованы еще 16 сооружений второй половины XIV–XV вв.: две линии частоколов (№ 2–3), датирующиеся XIV–XV вв.; семь срубных построек второй половины XIV в. (ПС-50, ПС-51, ПС-52, ПС-54, ПС-55, ПС-56, ПС-57); столбовое сооружение ПС-58; сруб производственной печи ПС-53; три вымостки (№ 5–7); внутриусадбная столбовая выгородка и развал камней.

Особого внимания заслуживает комплекс из 10 построек жилого, хозяйственного и производственного назначения, а также трех внутриусадбных вымосток, столбовой выгородки и линии межусадбного частокола, отнесенного к строительному *ярусу III* (начало 1370-х – 1390-е (?) гг.) (рис. 1: 1). Он представляет собой относительно синхронную застройку усадьбы «Б» и позволяет практически полностью изучить ее планиграфию. *Ярус III* был выделен на Пятницком-I раскопе в 2004–2005 гг. на основании младших дендродат сруба ПС-5 и линии межусадбного частокола (1373 г.). На Пятницком-II раскопе

² Дендрохронологический анализ образцов строительного дерева был выполнен в лаборатории дендрохронологии Центра по организации археологических исследований при НГОМЗ к. и. н. О. А. Тарабардиной.

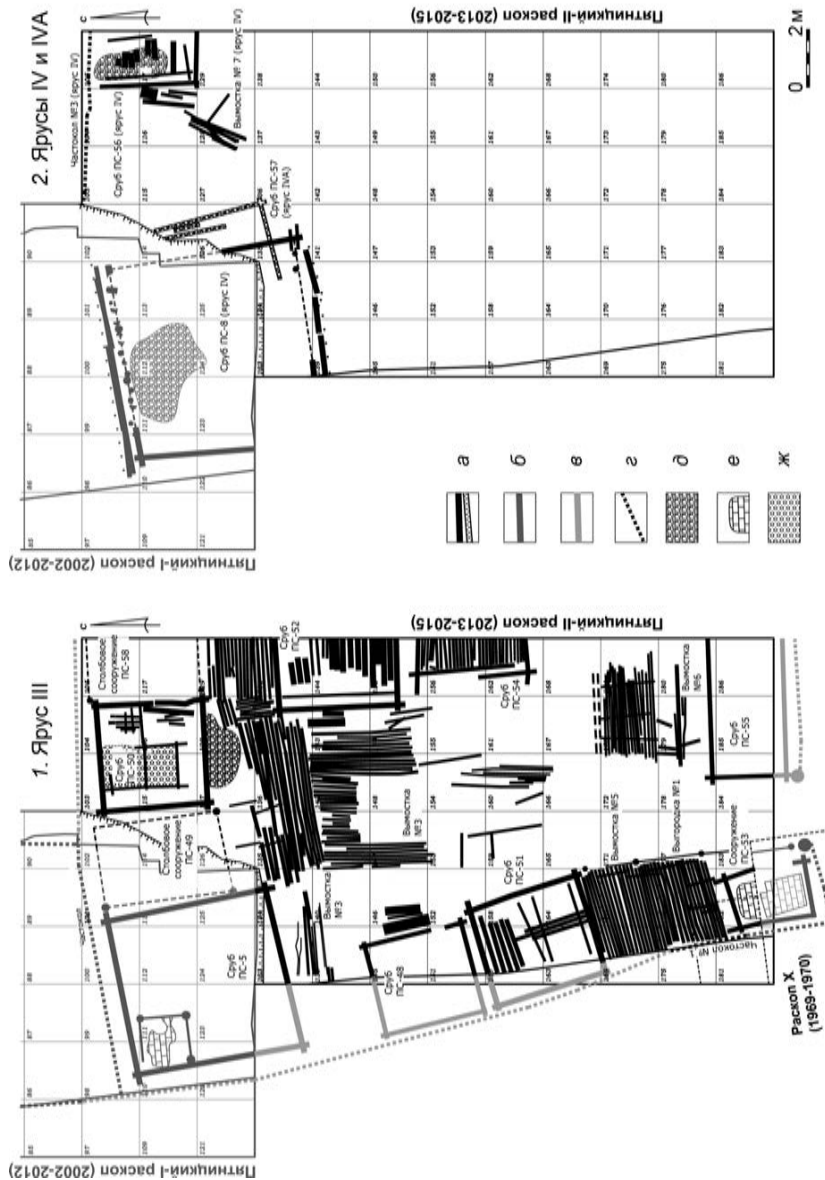

Рис. 1. Старая Русса–2015. Пятницкий-II раскоп. Планировка усадьбы «Б» на уровне яруса III (начало 1370-х – 1390-е (?) гг.), яруса IV (1360-е – начало 1370-х гг.) и яруса IVA (середина XIV в. (?)). Условные обозначения: а – элементы сооружений, исследованные в 2015 г.; б – элементы сооружений, вскрытые в предыдущие сезоны; в – реконструированные части сооружений; г – линии частокладов; д – развалы камней; е – кирпичная кладка; ж – глиняный под печи.

данный строительный горизонт начал изучаться в 2014 г.: южная часть сруба ПС-5, сруб ПС-48, столбовое сооружение ПС-49, вымостка № 3, а также линия межусадебного частокола № 1. В 2015 г. были доисследованы сруб ПС-48 и вымостка № 3, открыты и изучены относящиеся к данному ярусу срубы ПС-50, ПС-51, ПС-52, ПС-54, ПС-55, сруб производственной печи ПС-53, столбовое сооружение ПС-58, вымостки № 5 и № 6, а также столбовая выгородка № 1.

Ориентация изученной застройки связана с направлением улицы, проходящей в непосредственной близости к западу от участка. Судя по выявленной на территории Пятницкого-I раскопа линии межусадебного частокола 1373 г., северная граница усадьбы практически совпадает с бортом Пятницкого-II раскопа. В кв. 175, 181 в западной стенке раскопа прослежен участок линии частокола № 1, ограничивающий территорию усадьбы с запада. Продолжение этой линии частокола отмечалось и в раскопе X (рис. 1: 1). Совмещение планов показывает, что за пределами Пятницкого-II раскопа частокол еще приблизительно 2 м продолжается в юго-юго-восточном направлении, затем под прямым углом поворачивает на восток-северо-восток и через 2,8 м заканчивается вереей, маркирующей ворота и въезд в усадьбу. Фиксация в пределах всех трех раскопов северной, западной и южной границ усадьбы «Б» позволяет предполагать, что она имела трапециевидную в плане форму, размеры 25×16 м и площадь около 500 кв. м.

Планиграфия усадьбы демонстрирует достаточно непривычную структуру застройки. Жилые, хозяйственные и производственные сооружения располагались по периметру усадьбы, а ее центральная часть на значительной площади была замощена настилами из жердей и плах. Вход в постройки осуществлялся со стороны замощенной центральной части. Въезд в усадьбу находился с юга – между западной стеной сруба ПС-55 и столбовой выгородкой № 1 (рис. 1: 1). Большая часть конструкций имеет выраженные следы горения – очевидно, что данный горизонт застройки погиб в мощном пожаре.

Вдоль северной границы усадьбы располагались следующие сооружения:
– **жилой сруб ПС-5** (исследовался в 2003–2005 гг. (Торопова и др., 2005. С. 50–51) и 2014–2015 гг.). Представлял собой крупный сруб-четырёхстенок размерами 5,5×5,7 м, от которого сохранились 1–2 венца стен, подкладки и переводины, а также остатки печи. Подавляющая часть дендродат сооружения укладывается в период 1368–1373 гг. Нижний венец южной стены датируется 1387 г., что, вероятно, свидетельствует о ремонте;

– **столбовое сооружение ПС-49** размерами 2,8×4,5 м реконструировано на основании 3-х столбов с характерными пазами, предназначенными для вставки горизонтальных досок или плах. Судя по всему, это остатки небольшого хозяйственного сооружения, практически вплотную примыкавшего с востока к жилому дому ПС-5 и с запада – к производственному сооружению ПС-50, интерпретируемому как кузница;

– **производственное сооружение ПС-50** (кузница?) – квадратный сруб-четырёхстенок с внутренними размерами около 3,4×3,4 м. От него сохранились два венца стен, продольные подкладки под нижний венец, детали разобранного настила пола, а также остатки специфического отопительного устройства

в виде прямоугольного деревянного короба-пятистенка срубной конструкции размерами 2,5×1,3 м, сохранившегося на высоту двух венцов и заполненного прокаленными камнями с прослойками обожженной глины. Верхний горизонт камней с глиняной обмазкой имел гладкую спекшуюся поверхность, являющуюся подом печи. Судя по специфической конструкции и этнографическим аналогиям, это кузнечный горн. Такая интерпретация подтверждается большим количеством фрагментов шлака, выявленных в заполнении сруба и к западу от него, а также примесью мелких частиц окалины, придававших культурным напластованиям специфический ржавый цвет. Дендродаты постройки, полученные для бревен с несохранившимися, к сожалению, внешними кольцами, указывают на период после 1365 г. и после 1367 г. В непосредственной близости к западу от сруба найдены железные удила, фрагменты остроги, косы-горбуши, железного дрота, а также лезвие топора. Здесь же отмечена большая по сравнению с остальной территорией плотность фрагментов цренов и заклепок (1/3 от всего количества найденных). Вход в кузницу находился в центре южной стены. Он хорошо маркирован скоплением камней замощения между срубом и деревянной вымосткой;

– **столбовое сооружение ПС-58** – легкая хозяйственная постройка, примыкавшая с востока к кузнице, прослеженная на основании столбов с пазами. Размеры в пределах раскопа – 3,8×2,1 м. Ее северная стена шла вдоль границы усадьбы, а южная примыкала к вымостке № 3.

Вдоль восточной границы усадьбы располагались:

– **сруб ПС-52**, уходящий в восточную стенку раскопа. Внутренние размеры – 4×>2,2 м. Сохранились бревна стен на высоту до 2-х венцов, переводина и остатки сильно обгоревшего настила дощатого пола. Судя по импровизированным ступенькам, вход в постройку находился в центре западной стены. Дендродата бревна стены с несохранившимся внешним кольцом – позже 1369 г. По всей видимости, сооружение использовалось в хозяйственных целях;

– **сруб ПС-54** представлен уходящими в восточную стенку раскопа 3 нижними венцами стен, а также настилом пола, сложенного из жердей диаметром до 12 см. Следует отметить достаточно небрежный характер рубки сооружения. Основное заполнение сруба составлял плотный зеленоватый навоз с примесью травы, перекрытый прослойкой золы, образовавшейся в результате пожара. Дендродата бревна стены – 1375 г. Вероятно, постройка предназначалась для стойлового содержания скота.

Возможно, таким же образом использовалось и крупное **срубное сооружение ПС-55**, датируемое 1376 г. Оно было открыто в юго-восточном углу раскопа и частично уходило в его стенки. Внутренние размеры постройки превышали 4,7×1,96 м. Сохранились два венца стен, причем нижний – из дубовых бревен. Остатков пола не выявлено. Заполнение состояло из плотного зеленоватого навоза с примесью щепы и травы. Такой же навоз отмечен и на большой площади вокруг сооружения. Севернее сруба ПС-55 зафиксирована **вымостка № 6**. Ее южная часть была разобрана еще в древности, а северная будет доисследована позднее.

Вдоль западной границы усадьбы располагались:

– **сооружение ПС-53** – в юго-западном углу раскопа. Представляло собой остатки северной части небольшого обугленного сруба с внутренними размерами 1,7×1 м, в виде двух венцов из дубовых бревен. Южная часть конструкции обрезана котлованом раскопа X. В заполнении под золисто-углистым слоем пожара расчищена прослойка обожженной глиняной обмазки с включениями прокаленных кирпичей. Сооружение можно интерпретировать как остатки крупной печи, очевидно, производственного назначения. Анализ материалов раскопа X позволяет уверенно сопоставить ее с «печным срубом № 11», выявленным А. Ф. Медведевым и Г. П. Смирновой в пластах 11–13³ яруса 7–8. Согласно описанию, зафиксированы три обгорелых дубовых венца стен, развал камней, кирпичный под печи и залегавший под ним обугленный деревянный настил (Медведев, 1971; Смирнова, Медведев, 1971. Л. 23–24, 28–29). Общие реконструируемые внутренние размеры сруба составляют 1,7×2,6 м. С запада и юга он оконтуривался частоколом, который был воспринят А. Ф. Медведевым как стены сооружения, с востока – столбовой конструкцией выгородки № 1. Возможно, это остатки производственного комплекса, находившегося в юго-западном углу усадьбы «Б» и включавшего, помимо печи ПС-53, вымостку № 5, ведущую к срубу ПС-51. В качестве западной и южной стен сооружения использовалась линия частокола № 1, в качестве восточной – выгородка № 1. Гипотетическая интерпретация А. Ф. Медведева – соляная варница. Из заполнения сруба и ближайших квадратов в 2015 г. происходит 11 фрагментов и заклепок цренов;

– **жилой сруб ПС-51** своей западной частью уходил в стенку раскопа. Внутренние размеры открытой части постройки составляли 3,5×3 м. Сохранились остатки 4-х венцов трех стен, поперечные подкладки и два горизонта настила пола. Отопительное устройство представлено мощным, из нескольких горизонтов, развалом прокаленных камней, распространяющимся за пределы сруба. Комплекс находок, связываемый с сооружением, насчитывает 31 предмет, в том числе: полный профиль керамического сосуда из развала печи, фрагмент амфоры, заготовку вислой свинцовой печати, огарыши лучины, фрагменты яичной скорлупы. Наиболее вероятная интерпретация сооружения – жилой дом, вокруг которого велась интенсивная хозяйственная деятельность. За время его функционирования вокруг стен накопилось более 0,4 м культурных напластований. Младшая дендродата – 1375 г. Ее и предлагается считать временем возведения постройки;

– **сруб ПС-48**, от которого сохранились уходящие в западную стенку раскопа остатки обгоревшего и сильно истлевшего нижнего венца стен, вероятно, выполнял хозяйственные функции. Его размеры в пределах раскопа – 1,8×3,3 м.

³ Следует отметить, что в качестве условного нуля раскопа А. Ф. Медведевым и Г. П. Смирновой использовалась отметка дневной поверхности у СЗ угла. В этой связи в настоящий момент, вплоть до обнаружения стабильной точки, которая могла бы использоваться для перерасчета (например, крупного устойчивого бревна, имеющего нивелировочную отметку), достоверное приведение системы высотных отметок раскопа X к системе, используемой на Пятницких раскопах, затруднено.

К центральной части восточной стены примыкали импровизированные ступеньки, соединяющие вход с вымосткой № 3. В качестве ступенек использовались доски и большое перевернутое корыто. Анализ стратиграфии показывает, что сруб, младшая дендродата которого не ранее 1380 г., был возведен спустя существенный промежуток времени после основных построек яруса.

Аналогичную стратиграфическую позицию занимает обширная **вымостка № 3**, перекрывающая всю центральную часть усадьбы и частично разобранная еще в древности. Она представляла собой настил из жердей, досок и плах, уложенных в разных направлениях на площади 12×8–12 м непосредственно на грунт. В составе мощения есть доски и плахи с дендродатами: 1372 г., не ранее 1374 г., не ранее 1382 г., 1385 г. В порядке рабочей гипотезы предполагается, что настил сооружался в 1380-е гг.

На основании анализа стратиграфии и данных дендрохронологии для строительного *яруса III* могут быть выделены два периода застройки. На первом этапе, в 1373–1376 гг., возводились частоколы границ усадьбы и основные постройки, исключая сруб ПС-48. На втором, в 1380-е гг., ремонтировался жилой дом ПС-5, появился сруб ПС-48 и устраивались настилы внутриусадьбных вымосток.

В северной части раскопа под сооружениями *яруса III* зафиксированы остатки построек предшествующего *яруса IV* (1360-е – начало 1370-х гг.), который был выделен в 2005–2006 гг. на Пятницком-I раскопе. В 2015 г. к данному горизонту отнесены следующие сооружения (рис. 1: 2):

- **линия частокола № 3**, ограничивающая усадьбу «Б» с севера;
- остатки южной части **сруба ПС-8**, основная часть которого изучалась в 2005–2006 гг. на Пятницком-I раскопе. В 2015 г. вскрыты фрагменты обгоревших бревен восточной и южной стен, а также фундаментные подкладки и столбы-«стулья». Вдоль реконструируемой линии южной стены сруба лежали три массивные деревянные детали длиной до 1,7 и диаметром до 26 см, с нагелями (например, рис. 2: 3), укрепленные кольщиками. Функционально постройка представляла собой жилой дом размерами не менее 6,4×6,6 м. Стратиграфический комплекс сруба представлен прослойками угля с примесью золы, темно-серого гумуса и шлака, маркирующими гибель сооружения в пожаре. Младшая дендродата – 1366 г.;

- **сруб ПС-56**, вскрытый в подошве изученных напластований в северо-восточном углу усадьбы (внутренние размеры – 3,4×>1,5 м). От сооружения сохранились бревна нижнего венца южной и западной стен, подкладки, детали настила пола, а также развал камней отопительного устройства. Сохранность деревянных остатков плохая, определение функционального назначения постройки, вплоть до ее окончательного доисследования, затруднено;

- **вымостка № 7**, подходившая к западной стене сруба ПС-56 с юга-запада.

Строительный ярус IVA (середина XIV в. (?)) выделен в 2015 г. на Пятницком-II раскопе на основании стратиграфической позиции **сруба ПС-57**, залегающего ниже сруба ПС-8 (*ярус IV*), но выше сруба ПС-11 (*ярус V*), исследованного на Пятницком-I раскопе. Застройка данного яруса, представленная остатками единственного сооружения в виде бревен южной

и восточной стен, зафиксирована в северной части раскопа (рис. 1: 2); в центральной и южной частях исследуемой территории она уходит в нижележащие напластования.

Говоря о характеристиках исследуемой усадьбы, следует отметить плотность находок в культурном слое. Значительная концентрация массового материала в пластах 10–11, а всего зафиксировано 11453 фрагмента керамики и 6816 фрагментов костей, может быть объяснена высокой интенсивностью жизни на рассматриваемом участке. Характерно преобладание в коллекции находок из кожи (56%) и большое количество кожаных обрезков (5151 ед.). Относительно небольшой является доля массовых находок из неорганических материалов. Следует особенно обратить внимание на увеличившееся, по сравнению с сезонами 2013–2014 гг., количество фрагментов (57 ед.) и заклепок (30 ед.) цренов – противней из черного металла для вываривания соли. Это может свидетельствовать о связи жителей изучаемой усадьбы «Б» на этапах *ярусов III и IV* с солеваренным промыслом. Характерна концентрация остатков цренов в районе производственных построек ПС-50 (кузница) и ПС-53 (сруб производственной печи).

Коллекция индивидуальных находок 2015 г. состоит из 1630 предметов, изготовленных из кожи (916 ед.), дерева (308 ед.), черного (79 ед.) и сплавов цветных (54 ед.) металлов, текстиля (70 ед.), камня (25 ед.), бересты (17 ед.), глины (16 ед.), янтаря (16 ед.), кости (10 ед.), стекла (7 уд.) и прочих материалов (112 ед.)⁴.

В числе наиболее интересных артефактов: обрезок выделанной кожи с сохранившейся надписью из 4-х букв: «ФАТИ...», вероятно являющийся частью владельческой надписи – ФАТИ<АНА> (?) (11–105 № 27) (рис. 2: 2); заготовка вислой свинцовой актовой печати (11–164 № 175); товарная пломба (11–146 № 98); перстни (10 ед.); кожаная туфля западноевропейского покрова (10–174 № 491); значительный набор фрагментов текстиля (44 ед.), среди которых 2 фрагмента шелка (10–104 № 182 и 10–170 № 217). Самой яркой находкой сезона стала деталь волынки – изготовленная из осины⁵ трехканальная мелодическая трубка, называемая в современной музыкальной терминологии «чантр» (10–176 № 313) (рис. 2: 1). Предмет был найден в напластованиях, перекрывающих настил вымостки № 5. Выпадение предмета в культурный слой произошло в период с середины 1370-х гг. по первое десятилетие XV в., предпочтительно, с 1390-х гг. по 1407 г. Это первая находка детали такого музыкального инструмента на территории средневековой Руси.

В целом напластования, изученные на Пятницком-II раскопе в 2015 году, могут быть предварительно датированы второй половиной XIV – началом XV в.

⁴ Полная информация обо всех индивидуальных находках доступна для удаленного просмотра через электронную базу данных «Древности Новгородской земли» на сайте Новгородского университета (URL: <http://www.novsu.ru/archeology/db/>).

⁵ Определение пород дерева выполнено зав. лабораторией реставрации и консервации мокрого археологического дерева НГОМЗ Л. В. Кокуца.

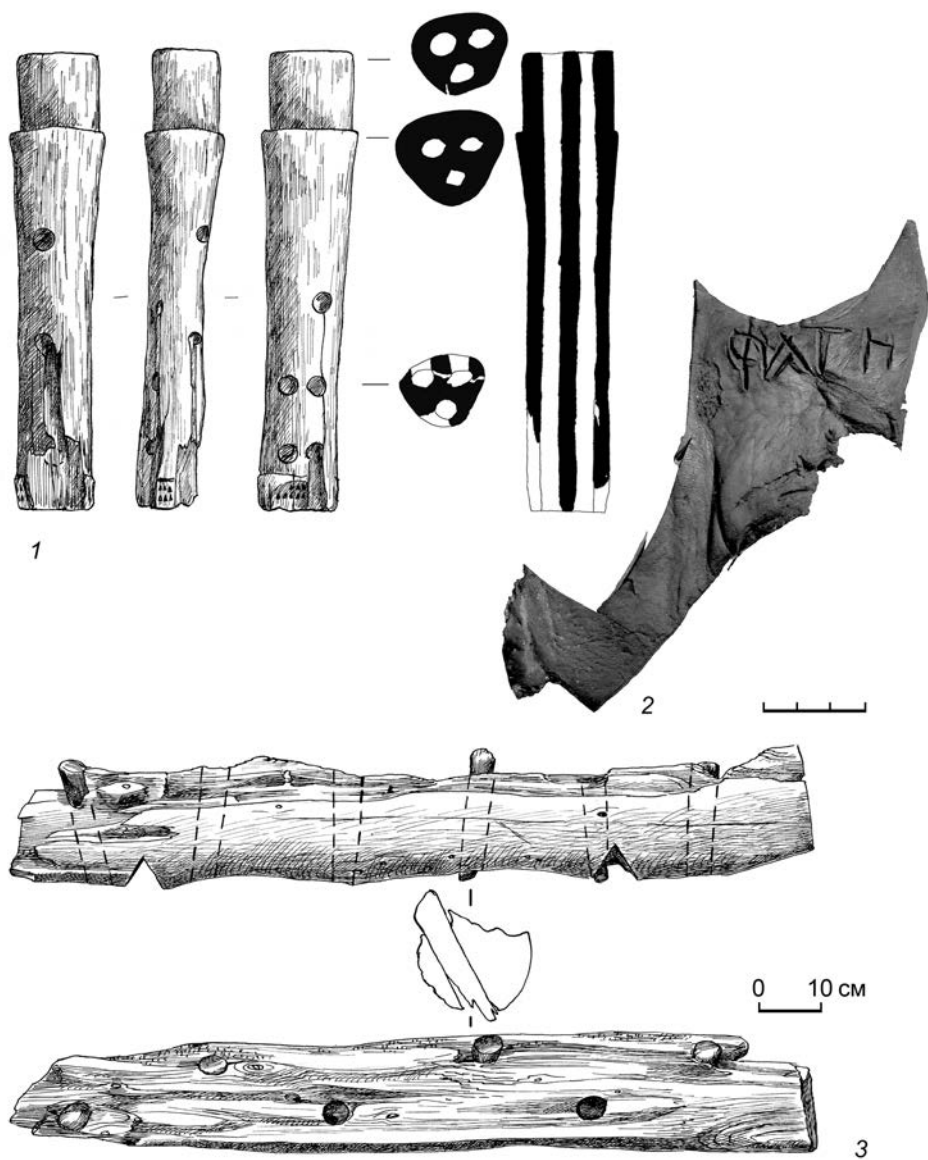

Рис. 2. Пятницкий-II раскоп. Индивидуальные находки:
1 – деталь (чантр) волынки, дерево (10-176 № 313); 2 – обрезок кожи с надписью (11-105 № 27); 3 – деталь с нагелями, дерево (11-139 № 107)

2. Археологические разведки

Разведочные исследования осуществлялись в Новгородском, Окуловском, Боровичском, Демянском, Любытинском, Хвойнинском, Пестовском районах Новгородской области.

В Окуловском районе проводились работы по уточнению границ памятников у д. Тухили в ур. Бобовик, на мысу при слиянии озер Боровно и Легоща. На государственной охране здесь состоят «группа сопок (3 насыпи)», а также перекрывающие друг друга «стоянка (III–II тыс. до н.э.)» и «селище VIII–XIII вв. н.э.» (Объекты культурного наследия..., 2012. С. 156) Погребальные насыпи впервые были описаны Н. К. Рерихом в 1902 г., при этом на одной из них отмечена часовня, а рядом – грунтовый могильник (жальник?): «около курганов видны следы могил в виде слабых возвышений» (Рерих, 1903. С. 16, 42). Группа сопок паспортизировалась в 1971 г. Г. И. Ивановским (Ивановский, 1971) и в 1978 г. В. В. Мильковым («Тухили IV») (Мильков, 1978; 1978а. С. 38–39; 1978б). Селище выявлено В. В. Мильковым в 1978 г. Культурный слой был зафиксирован на относительно небольшой площади (40×70 м) к востоку от сопок в 30–40 м от воды. Здесь же в 1979 г. выявлена перекрытая напластованиями селища стоянка каменного века «Тухили V».

В результате тщательного сбора и картирования подъемного материала, представленного фрагментами лепной и круговой керамики, а также шурфовки, было установлено, что селище имеет значительно большие размеры. Подъемный материал выявлен практически на всей территории мыса к востоку и северо-востоку от сопок, на площади 60–120×230 м. При этом он распространен практически до уреза воды оз. Боровно. В результате шурфовки установлено, что на отдельных участках памятника под пахотой сохранились непо потревоженные культурные напластования. В полученном керамическом материале может быть условно выделено две хронологические группы. Первая, включающая в себя фрагменты лепных и раннекруговых сосудов, отражает функционирование поселения и могильника, существовавших здесь во второй половине I – начале II тыс. н.э. Вторая, условно датируемая периодом XV – начала XX в., содержит обломки развитой круговой посуды из красножгущейся и беложгущейся глины и, вероятно, может быть связана с располагавшейся здесь деревней эпохи писцовых книг и, в более поздний период, помещицкой усадьбой.

Кроме того, были уточнены размеры могильника. Обнаружение на поверхности в 45–50 м к югу и юго-востоку от сопки № 1 кальцинированных костей позволяет предполагать, что некрополь в прошлом состоял из большого количества насыпей. Эти данные были подтверждены шурфовкой – в одном из шурфов, помимо значительного количества разрозненных кальцинированных костей и нескольких фрагментов лепной керамики, была открыта часть рва распаханного кургана. Предполагаемая территория могильника занимает пятно 50–90×150 м.

Разведочные работы выполнялись также на бывшей территории **Антониева монастыря в Великом Новгороде** (рис. 3). Культурный слой в северной части бывшей монастырской территории был выявлен С. Н. Орловым в начале 1970-х гг. и связывался с предшествовавшим монастырью «селом Волховским».

Рис. 3. Разведочные исследования 2015 г. в северной части территории быв. Антониева монастыря (Великий Новгород). План расположения шурфов. Условные обозначения: а – границы культурного слоя села Волховского по С. Н. Орлову; б – зона распространения железодельных отходов по С. Н. Орлову; в – раскопы С. Н. Орлова; з – шурфы 2015 г.

В 1973–1974 гг. им проводились масштабные (более 2000 кв. м) раскопки, а в последующие годы – многочисленные наблюдения, в результате которых были зафиксированы следы крупного металлургического комплекса по производству сыродутного железа. Однако результаты этих исследований не были в полной мере проанализированы и опубликованы (Орлов, 1984)⁶, фактически они отсутствуют в научном обороте.

В ходе исследований 2015 г. заложено 5 шурфов в северной части территории Антониева монастыря, на участке бывшего монастырского сада. Полученные результаты в ряде случаев противоречат выводам предшествующих исследований. Удалось установить, что вся территория, обозначенная на схеме С. Н. Орлова и как «зона распространения отходов железодельного производства», и как «зона культурных отложений» (Орлов, 1984. С. 153), занята культурными напластованиями XII–XX вв. разной степени интенсивности.

В прибрежной части, на склоне и краю площадки коренного берега, по сведениям С. Н. Орлова, фиксировалось до 0,8–1,2 м культурного слоя, «состоящего из отходов железодельного производства». По материалам шурфовки 2015 г. (шурф № 1 в 5 м к западу от прибрежной аллеи парка) здесь отмечено 0,49–0,65 м культурных отложений, верхняя часть которых повреждена распашкой монастырского сада и послевоенных огородов. Непотревоженный слой залегает начиная с гл. 0,19–0,44 м от дневной поверхности. Изученные напластования могут быть датированы XV–XX вв. Вместе с тем присутствие заметного количества керамики XII–XIV вв. позволяет предполагать наличие комплексов этого времени где-то в непосредственной близости от шурфа.

В северо-восточной части монастырской территории, на месте современного здания актового зала и севернее «нового корпуса» Гуманитарного института НовГУ, С. Н. Орловым отмечалось наличие поселенческого культурного слоя «поселка рудодельцев и ювелиров». Шурф 2015 г. (№ 2), заложенный в 14 м к западу-северо-западу от северо-западного угла здания спортзала, приблизительно в 40 м от границ раскопов С. Н. Орлова, продемонстрировал, что мощность культурных напластований здесь составляет 1,04–1,14 м, при этом верхние напластования (до гл. 0,62–0,65 м от дневной поверхности) представлены подсыпками, произведенными при строительстве корпусов в 1970-е гг. Ниже залегает слабовыраженный культурный слой, очевидно, относящийся к периферийной части поселения XII–XVII вв., в значительной мере переотложенный распашкой XVIII–XX вв. Следует констатировать, что выраженных непотревоженных напластований на участке, где они должны залегать согласно данным С. Н. Орлова, выявить не удалось.

Восточнее «нового корпуса» Гуманитарного института НовГУ, в зоне, где С. Н. Орловым культурные отложения не были зафиксированы, в 2015 г. выявлен культурный слой мощностью до 1–1,3 м (шурф № 3 в 9 м к востоку от восточного фасада «нового корпуса»). Его верхнюю часть (до гл. 0,72–0,84 м

⁶ Анализ дневниковых записей С. Н. Орлова, хранящихся в ОПИ НГОМЗ, приводит к выводу о том, что в публикацию и полевые отчеты попали сведения не обо всех работах.

от дневной поверхности) также составляли подсыпки 1970-х гг., ниже залегают напластования, имеющие большую плотность содержания керамики и относящиеся к XIII–XVIII вв.

Наибольшая интенсивность культурных отложений на исследованной части памятника отмечается вдоль ее южной границы, на стыке с исторической территорией ансамбля Антониева монастыря. По данным С. Н. Орлова, здесь присутствовали только отходы металлургического производства. Весной 2015 г. в парке между «старым» и «новым» корпусами Гуманитарного института был заложен шурф № 4 (площадь 1 кв. м); осенью 2015 г. он был расширен (шурф № 5) до 4 кв. м. Зафиксирована мощность культурных отложений – 0,94–1,14 м. Анализ стратиграфии и рассмотрение керамического материала позволяет реконструировать историю освоения этого участка. В древности первоначально здесь производились какие-то работы, следами которых является выявленная материковая яма. Керамический материал из данного комплекса позволяет осторожно предположить, что это произошло в пределах XII–XIII вв.⁷ Позднее рассматриваемая территория использовалась под пашню, пахотный горизонт при этом перекрыл яму. В пределах XII–XV вв. сюда, судя по всему, распространялась зона жилой застройки, маркируемая прослойкой темно-серого гумуса со следами развала отопительного сооружения. В XVIII–XX вв. верхняя часть культурных напластований (до гл. 0,27–0,57 м от дневной поверхности) была переотложена при функционировании сада и парка. Следует особенно отметить высокую насыщенность культурного слоя массовым керамическим материалом – из заполнения перекрывающих друг на друга шурфов № 4–5 (доведены до материка на площади 4 кв. м) происходит 2123 фрагмента (21,7 кг) керамики. Исследования территории Антониева монастыря планируется продолжить в следующих полевых сезонах.

Литература

- Ивановский Г. И.*, 1971. Бобовские сопки. Паспорт памятника археологии // Архив комитета государственной охраны культурного наследия Новгородской области.
- Медведев А. Ф.*, 1971. Отчет об археологических исследованиях в Старой Руссе в 1969–1970 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4630.
- Мильков В. В.*, 1978а. Отчет к Открытому листу № 164 о проведении археологических разведок в Окуловском районе Новгородской области. 1978 г. (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Мильков В. В.*, 1978б. Отчет о проведении археологических разведок в Окуловском районе Новгородской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7147.
- Мильков В. В.*, 1978в. Тухили IV, сопки. Паспорт // Архив комитета государственной охраны культурного наследия Новгородской области.
- Объекты культурного наследия Новгородской области. Памятники археологии. Великий Новгород, 2012.

⁷ При этом, следует учитывать, что в заполнении шурфа № 5 отмечены отдельные формы керамики, которые могут быть датированы XI в., что позволяет предполагать наличие комплексов этого времени где-то поблизости.

- Орлов С. Н., 1984. Археологические исследования на территории бывшего Антониева монастыря в Новгороде // Новгородский край. Л. С. 152–156.
- Рерих Н. К., 1903. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. Раскопки, произведенные в 1902 г. по поручению РАО // ЗОРСА РАО. Т. 5, вып. 1. СПб.
- Смирнова Г. П., Медведев А. Ф., 1971. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1969–1970 годах. Раскоп X (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 69.
- Торопова Е. В., 2004. Раскоп X в Старой Руссе (стратиграфия, топография и хронология) // Новгородские археологические чтения–2. Великий Новгород. С. 249–264.
- Торопова Е. В., 2015. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2015 г. (в 3-х томах) [Электронный ресурс] // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: сайт. URL: <http://www.novsu.ru/archeology/>. Дата обращения: 15.08.2016.
- Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Добрава О. П., Мясникова С. В., 2005. Итоги археологических исследований на Пятницком раскопе в Старой Руссе в 2004 г. // ННЗ. Вып. 19. Великий Новгород. С. 50–51.
- Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П., 2015. Археологические исследования в Старой Руссе в 2014 г. // ННЗ. Вып. 29. Великий Новгород. С. 80–83.

П. П. Колосницын

Деревянные кредитные («долговые») бирки в средневековых письменных источниках

P. P. Kolosnitsyn. Wooden Credit Tallies in the Medieval Written Sources

Abstract. Credit tallies (“zhereb’ya”) are considered to be one of most interesting categories of findings in medieval Russian towns. The most significant collections of credit tallies came from Veliky Novgorod (more than 80) and Staraya Russa (85). Credit tallies are wooden sticks which were marked with the system of notches according to the amount of borrowed money or goods and then split lengthwise. The portion kept by the issuer (the foil) exactly matched the piece (the stock) given to a debtor. According to the analysis of the archaeological records and written sources we can suppose that wooden credit tallies were widely spread in Novgorodian land in 10th – 15th centuries as a mean of recording debts and obligations among people. Also zhereb’ya could be used as representative money or promissory.

Ключевые слова: деревянные кредитные бирки, древнерусский город, Средневековье, Старая Русса, Великий Новгород.

Keywords: wooden credit tallies, Old Russian town, Middle Ages, Staraya Russa, Veliky Novgorod.

Нередко при раскопках в древнерусских городах, культурный слой которых сохраняет органические материалы, встречаются деревянные кредитные (или долговые) бирки. Они представляют собой деревянные палочки различной формы и сечения, на которые наносились зарубки в соответствии с количеством взятых в долг денег или товаров. После этого бирка расщеплялась вдоль так, чтобы линия раскола проходила по зарубкам. В результате получались две стыкующиеся друг с другом части (рис. 1). Это гарантировало невозможность внесения изменений в количество и форму зарубок на бирках и, выражаясь современным языком, защищало от подделки. Еще одно важное преимущество заключалось в том, что зарубки на бирке были понятны даже неграмотным. От «кредитных» бирок следует отличать «счетные бирки» – нерасколотые палочки, и предметы с зарубками, которые служили для подсчета и математических вычислений.

Деревянные бирки долгое время служили обычным средством фиксации долга и обязательств в Европе. В Англии подобные предметы, выпускавшиеся казначейством, использовались для безналичных расчетов в период с XI до нач. XIX в. Расколотые деревянные «кредитные» бирки нередко находят при раскопках европейских городов. В некоторых городских архивах Европы такие предметы сохранились до настоящего времени, а в быту применялись вплоть до XX в.

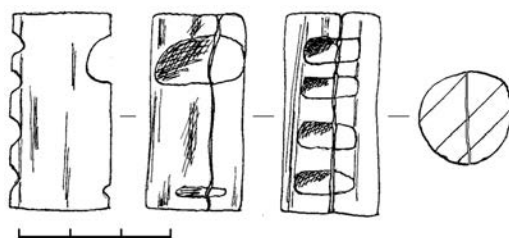

Рис. 1. Расколотая кредитная бирка, XIV в.
(Старая Русса, Пятницкий раскоп 013-088 № 065)

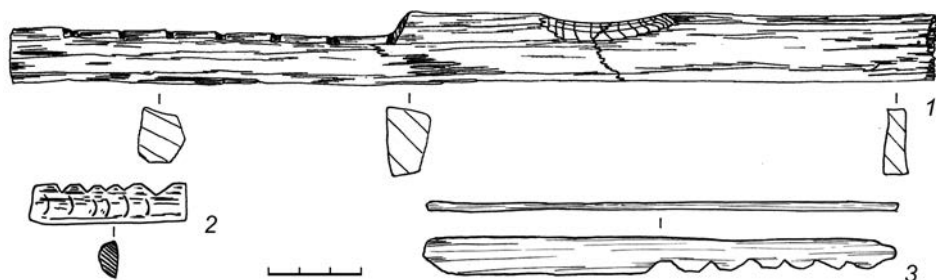

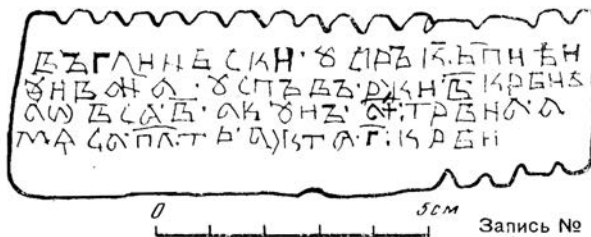
Рис. 2. Типы средневековых кредитных бирок из Старой Руссы. 1 – «Длинные бирки»;
2 – «Короткие бирки»; 3 – тонкие пластины с зарубками

Деревянные бирки обнаружены в ряде древнерусских городов, но наиболее значимые коллекции происходят из Новгорода, где Р. К. Ковалёв в 2002 г. насчитал 74 счетные бирки (с тех пор коллекция значительно увеличилась), и Старой Руссы, где на настоящий момент зафиксировано 85 долговых бирок (рис. 2).

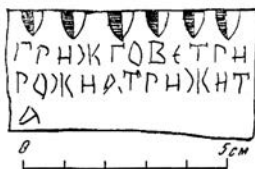
Коллекция бирок из Новгорода была исследована Р. К. Ковалёвым, который опубликовал ряд статей на эту тему (*Ковалёв, 2002*). Бирки из Старой Руссы стали объектом отдельного исследования, проведенного автором данной статьи (*Колосницын, 2013, 2014*).

Важно учитывать, что термин «кредитная» или «долговая» бирка отражает лишь одну из возможных функций данного предмета, который мог не только быть аналогом векселя (хотя чаще всего выступал именно в этой роли), но и фиксировать другие взаимные обязательства. Судя по данным исторических и этнографических источников, бирки могли быть свидетельством уплаты налогов и безналичным эквивалентом денег, применяться для учета взятых в кредит товаров, служить для учета отработанных крестьянином в пользу помещика дней, применяться для фиксации количества переданных пастуху животных или сданного на общественный склад зерна. Исходя из этого, следует заключить, что в широком смысле расколотые бирки служат для оформления между двумя лицами обязательств, выраженных в числах и суммах. Поэтому

вѣгланьски-шуръкъшии-
 Шивана-Шигъкъ-ржи-в-кривъ
 двкса-в-акъкъ-аі-грива-а
 мѣса-па-тъ-ажта-г-крив

грижговетри-
 рожнатрижит
 а

т. в.: Грижгове три рожі, а три жита.

По верхнему краю плашки нанесены шесть глубоких зарубок.

Рис. 3. Кредитные бирки с надписью № 2 и 4. (Янин, Зализняк, 1986. С. 82, 84).

термины «кредитная» или «долговая» бирка используются здесь только как устоявшееся условное название для данной группы предметов.

Естественно, в эпоху Средневековья термина «кредитная бирка» не существовало. Данные предметы, по мнению большинства исследователей, в письменных источниках упоминаются под древнерусским названием *жеребши* или *дощкы*. Слово бирка входит в обиход значительно позднее. При этом следует отметить, что этимология и происхождение этого слова неясны.

В письменных источниках упоминания *жеребши* или *дошек* довольно немногочисленны и вызвали серьезные затруднения у исследователей в их интерпретации. До появления археологических находок внешний вид этих предметов был загадочен. Проблема была решена после обнаружения на Неревском и Троицком раскопах в Новгороде 8 деревянных кредитных бирок с надписями, которые были опубликованы в 1986 г. (рис. 3) (Янин, Зализняк, 1986). На бока расколотых бирок нанесены поясняющие надписи, в которых были указаны денежные суммы и количество мер зерна, совпадавшие с числом зарубок, а также должников. Таким образом, эта категория предметов была уверенно атрибутирована. Вместе с тем следует отметить, что подавляющее большинство обнаруженных расколотых бирок надписей не имеет.

Итак, перейдем к рассмотрению упоминаний бирок в письменных источниках. Как уже выше упоминалось, в эпоху Средневековья кредитные бирки чаще всего назывались *жеребши* или *дощкы*. И с этим связана еще одна трудность – оба эти слова имеют несколько значений, что в ряде случаев затрудняет интерпретацию, и приходится судить по контексту упоминания. Всего, на настоящий момент, можно с достаточной уверенностью говорить об 11 упоминаниях кредитных бирок в письменных источниках.

Наиболее подробный документ с упоминанием деревянных кредитных бирок – это датируемая XV в. Псковская судная грамота, 13 статей которой так или иначе касаются использования «досок» (которые, по мнению ряда исследователей, являются долговыми бирками) (Черепнин, Яковлев, 1940). В целом документ рассмотрен обращавшимися к изучению этого вопроса исследователями (Янин, Зализняк, 1986. С. 82), поэтому можно ограничиться только краткими выводами.

Первостепенный из них – Псковская судная грамота прямо указывает на то, что «доски» использовались для фиксации суммы долга (при этом максимальная сумма долга определялась в 1 рубль, более крупные суммы требовали оформления письменных грамот или залога). Также, согласно грамоте, с помощью досок фиксировались суммы, передаваемые для проведения торговых операций и долей прибыли от них. Кроме того, доски выступали свидетельством при передаче вещей на временное хранение.

В связи с данными из судной грамоты крайне интересно единственное упоминание «досок» в корпусе русских летописей. Это известие Новгородской первой летописи, описывающее конфликт новгородцев и посадника Дмитра, произошедший в 1209 г., в ходе которого горожане разграбили и разделили имущество Мирошки и Дмитра, а «что на дощьках, а то князю оставиша»¹ (ПСРЛ. Т. 3., 2000. С. 51).

Если понимать здесь «дощьки» как кредитные бирки, которые выступали фактически в роли долговых расписок, то можно сделать вывод, что новгородцы не стали ни уничтожать эти «финансовые документы», ни делить их между собой, а передали их князю. Вероятно, этот выбор можно объяснить тем, что князь, как представитель власти, смог бы добиться выплаты зафиксированных этими бирками долгов. В то же время примечательно, что новгородцы не стали уничтожать «дощьки». То есть можно предположить, что новгородцы воспринимали их не просто как свидетельства долга одних частных лиц другим (в таком случае их было бы логичнее уничтожить, облегчив участь должников), а как нечто вроде ценных бумаг (или кредитных денег?), изъятие из обращения которых может нарушить экономическую ситуацию. В связи с этим следует вспомнить, что аналогичные функции деревянных бирок отмечались в Средневековье в других странах, например, в Англии, где долгое время существовала система деревянных бирок (the tally stick), используемых в качестве безналичных денег.

Еще семь упоминаний кредитных бирок выявлено в новгородских берестяных грамотах, происходящих с Неревского раскопа. Четыре из них (№ 295, 257, 99, 82) описаны исследователями, ранее обращавшимися к этой проблеме (Ковалёв, 2002. С. 38). В двух случаях упоминается выдача денег с фиксацией долга на «жеребье» – в **грамоте № 295** (20–30-е гг. XIII в., усадьба «Е») «расщепивши с вами жеребей» (Зализняк, 2004. С. 473) и в **грамоте № 257** (80–90-е гг.

¹ Полная цитата: «Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щить; аще кто потаи похватиль, а того единъ богъ вѣдаеть, и от того мнози разбогатѣша; а что на дъщькахъ, а то князю оставиша».

XIV в., усадьба «Е») – «а Якуну серебро дай, а жеребей возьми» (Зализняк, 2004. С. 625).

В **грамоте № 99** (40–60-е гг. XIV в., усадьба «Д») некий Ондрик просит Онцифора прислать жеребьи (Зализняк, 2004. С. 552), а в **грамоте № 82** (посл. четв. XII в., усадьба «Б») Творимир пишет о том, что если Фома приедет к его шурина, то тот вытащит доски (Зализняк, 2004. С. 430).

При работе с письменными документами удалось выявить еще три новгородские берестяные грамоты (№ 222, 322, 354), также происходящие с Неревского раскопа, в тексте которых, по всей видимости, фигурируют деревянные бирки, называющиеся «жеребья». Во всех документах жеребья упоминаются в контекстах, связанных с долговыми обязательствами или торговыми операциями.

Среди них известная берестяная **грамота № 354** (40–70-е гг. XIV в.). Ее автор (возможно, посадник Онцифор Лукинич) среди прочих указаний дает следующее: «да иди с Обросиемъ к Степану **жеребиши** взяв или возьмь рубль купи и другии конь» (Зализняк, 2004. С. 441). Вполне вероятно, что в тексте имеется в виду именно долговая бирка, и предлагается при покупке коня расплатиться либо посредством оформления долгового обязательства в виде бирки-жеребея, либо «наличным» рублем. Особо следует отметить, что Онцифор Лукинич является адресатом **грамоты № 99** (40–60-е гг. XIV в.), в которой также упоминаются жеребья, которые просят прислать для получения «недобора» (Зализняк, 2004. С. 528).

Еще один документ – это берестяная **грамота № 322** (1280-е – нач. 1310-х гг.). Она представляет собой запись долгов или повинностей, в которой упоминается отсутствие «жеребея»: «а **жеребея** нетоу ть ни коунамъ ни верши» (Зализняк, 2004. С. 355).

Другое упоминание термина «жеребие» в значении «долговая бирка» может относиться к **грамоте № 222** (1200–1220-е гг.): «ожь ти нь бьжали колобьягъ оу тьбь **жрѣбь** скоть по людьмо ни тоу тобь тощину въкъш одное» (Зализняк, 2004. С. 442). То есть автор грамоты говорит адресату, что если «колбяги» не сбежали, а у него есть жеребьи, то ущерба он не понесет.

Следует отметить, что все семь грамот, упоминающих жеребья, относятся к разному времени от XII до XV в., но концентрируются в южной части Неревского раскопа на усадьбах «Б», «Д», «Е», «И» и «К».

Следующая категория документов, в которых содержится информация о «жеребьях», это духовные грамоты – завещания. Работа с данными документами требует особого подхода, но даже первое обращение к опубликованным грамотам позволило выявить еще два упоминания.

Вот, например, «Духовная Остафия Ананьевича на недвижимое и движимое имущество в Ловоти, Шенкурье, Кокшенгском погосте и других местах», датируемая 1393 г. В тексте читаем «... А **взяти ми где что по жеребьямъ и по грамотамъ, а то все мое чисто возьмь сынъ мои Федоръ...**». Далее идет перечисление имен должников и сумм («у Матфеевыхъ, у Болсина, у Семена и у Гордѣя пять рублевъ за Марфу...» и т. д.) (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. С. 110).

Еще один документ из этой серии – Духовная грамота Мартемьяна, датируемая XV в. и хранившаяся в Архангельском монастыре. В ней после списка

долгов, взятых у различных людей, содержится фраза «*a иныя куны мои по жеребьюм детям моим чисты*» (Акты Юридическіе..., 1839. С. 434).

Таким образом, одно упоминание бирок в письменных источниках относится к XII в., четыре – к XIII, еще четыре – к XIV и два – к XV в. При этом, судя по археологическим находкам, бирки-жеребьи бытуют, начиная, как минимум, с X в. вплоть до XV в. Однако, судя по этнографическим данным, после этого они не исчезают, а продолжают использоваться в быту, но, вероятно, в гораздо меньшем масштабе, чем в Средневековье.

Исходя из имеющихся письменных источников (в том числе и бирок-жеребьев с надписями), можно уверенно утверждать, что с помощью жеребьев фиксировались долги в деньгах (упоминаются гривны, резаны и рубли) и зерне (ржи, жите и овсе). На одной из бирок с Неревского раскопа упоминается также полть (полутуша) мяса.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод о довольно широком использовании в X–XV вв. на Новгородской земле деревянных бирок как средства фиксации долгов и обязательств между частными лицами. Согласно псковской судной грамоте, доски (кредитные бирки) служили для фиксации малых сумм (менее рубля), однако неизвестно, насколько широко географически и хронологически применялся этот принцип. На одной из новгородских бирок-жеребьев зафиксирована денежная сумма в 11 гривен. При этом бирки используются одновременно с «грамотами» – письменными документами, судя по всему, фиксирующими более крупные долговые обязательства.

Еще раз следует отметить сообщение летописи о передаче «дошек» князю. Существование большого массива подобных кредитных обязательств, изъятие которых из обращения является недопустимым, позволяет сделать предположение о другой функции деревянных бирок. Жеребья могли выступать в качестве «обеспеченных» или «кредитных денег». Данное средство платежа могло выпускаться довольно широко и закрывать часть потребности в денежных средствах. Такая система существовала в Средневековье в Англии, а бирки в этой функции использовались во многих европейских городах того времени. Этому могло способствовать и довольно широкое распространение кредитных отношений в средневековом Новгороде. Конечно, эта гипотеза требует серьезных доказательств и пока может рассматриваться как предположение.

Литература

- Акты Юридическіе или собрание формъ стариннаго дѣлопроизводства. СПб., 1838. С. 434.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 110.
Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М. С. 473.
Ковалёв Р. К., 2002. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. № 1. С. 38–50.
Колосницын П. П., 2013. Результаты статистического исследования средневековых деревянных бирок из Старой Руссы // Вестн. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. № 73–1. С. 93–97.

- Колосницын П. П.*, 2014. Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе: опыт классификации // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2013 г.). Вып. 29. С. 266–273.
- ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 51.
- Черепнин Л. В., Яковлев А. И.*, 1940. Псковская судная грамота // Исторические записки. Т. 6. С. 235–297.
- Янин В. Л., Зализняк А. А.*, 1986. Надписи на деревянных «счетных» бирках // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М. С. 81–86.

В. Ю. Слюбов

Средневековые зооморфные подвески из раскопок Старой Руссы

V. Yu. Siuborov. Medieval Zoomorphic Pendants from the Excavations of Staraya Russa

Abstract. The paper is devoted to the study of 20 metal zoomorphic pendants from the collection of finds from Staraya Russa. Zoomorphic pendants represent one of the brightest categories of Medieval Russian pieces of jewellery. The fantastic horned bird, two fishes, 5 flat and 12 hollow horse-shape pendants can be distinguished among them. The unique features of the Staraya Russa cultural layers (that preserve organic materials) allow to use dendrochronology for dating some types of described pendants to very narrow periods of time.

Ключевые слова: зооморфные подвески, средневековая Русь, Старая Русса, дендрохронология.

Keywords: zoomorphic pendants, medieval Russia, Staraya Russa, dendrochronology.

Зооморфные подвески – одна из ярких категорий древнерусских украшений. Это выполненные из металла или кости изображения птиц и животных, игравшие важную роль в женском уборе. Первые исследования, посвященные месту и роли зооморфных подвесок в древнерусской культуре, появились еще во второй половине XIX в. (*Уваров*, 1872. С. 98; *Стицын*, 1896. С. 20–21). Однако наиболее полная типология этих предметов, основанная на анализе 1050 находок как из памятников Древней Руси, так и сопредельных территорий, была опубликована Е. А. Рябининым лишь в 1981 году (*Рябинин*, 1981). Предложенные им типологическая схема и датировки являются актуальными до сих пор. В последние годы вышел ряд работ, посвященных зооморфным подвескам Новгорода и Прибалтики (*Спиргис*, 2012; 2013; *Дорофеева*, 2014; *Покровская*, 2010; 2012).

В 1966 г. началось планомерное археологическое изучение одного из наиболее крупных городов Новгородской земли – Старой Руссы (в средневековье – Руса). Город расположен в южном Приильменье, в 60 км к югу от Новгорода. Его экономическое благополучие было связано в первую очередь с развитым солеваренным промыслом (*Торопова и др.*, 2011).

Основная часть находок зафиксирована на участках вблизи церкви Святого Георгия. Это 10 подвесок, из которых 6 найдены на Георгиевском-II, а 4 – на Георгиевском-I раскопах. Еще один район концентрации аналогичных предметов приходится на центральную часть города – всего 6 подвесок: 3 экз. – Пятницкий-I раскоп и по одному из II, XI и XVI раскопов (рис. 1).

Первые подвески были найдены уже в 1967 г. на раскопе II, располагавшемся на территории курорта, с тех пор и по настоящее время экспедициями под руководством А. Ф. Медведева (1966–1978 гг.), В. Г. Мироновой (1985–1998 гг.) и Е. В. Тороповой (1999 – наст. время.) зафиксировано 20 зооморфных подвесок и 9 деталей шумящих привесок. Среди них подвеска в виде фантастической рогатой птицы (рис. 2: 1), две подвески в виде рыбки (рис. 2: 2, 3), пять плоских подвесок в виде стилизованного конька (рис. 2, 4–6), двенадцать полых зооморфных шумящих подвесок-коньков (рис. 2: 7–18). Уникальные свойства культурного слоя, в котором, как и в культурном слое Новгорода, сохраняются органические материалы, позволяют использовать для датировки находок данные дендрохронологии, благодаря чему мы имеем ряд подвесок с весьма узкой датой.

В целом в материалах Старой Руссы можно выделить следующие группы подвесок:

Пластинчатые изображения одноглавых птиц

1. Плоская прорезная подвеска в виде фантастической рогатой птицы (Торопова, 2011. Пт-I. Осыпь вост. ст. № 49). Разм. 4,2×3,6 см (рис. 2: 1). Тип III, вар. 1 (*Рябинин*, 1981. С. 17). Найдена на Пятницком-I раскопе, расположенном в центральной части города.

Находки подвесок данного типа сконцентрированы на северо-западных землях Руси, значительная их часть происходит из Верхнего Полужья и Псковской земли (*Рябинин*, 1981. С. 12). Три подвески происходят из погребений жальника у д. Бор Окуловского района Новгородской области (*Мильков*, 1980. С. 20–22). Тип датируется в основном XII в.

Рельефные амулеты с петле й для вертикального подвешивания

2. Бронзовая литая подвеска в виде рыбки с петлей для вертикального подвешивания (*Торопов*, 2002. Гр-I. Пл. 10 кв. 30 № 112). Разм. 4,4×1,4 см (рис. 2: 2). Найдена на Георгиевском-I раскопе. Входит в состав комплекса из 5 бронзовых амулетов, включающего подвеску-ножны, подвеску-гребень и якорьковую подвеску, который происходит из заполнения сруба ГРС-9. Его выпадение в культурный слой связано с гибелью этого сооружения. Сруб был открыт в юго-западном углу раскопа, его западная и южная стенки оказались за пределами раскапываемого участка. Размеры изученной части – 7,2×5,6 м. Наиболее вероятная дата возведения постройки (по серии дендродат) – середина XII в. (1152 г.).

3. Бронзовая литая подвеска в виде рыбки с петлей для вертикального подвешивания (*Торопова*, 2006. Гр-II. Пл. 17 кв. 46 № 780). Разм. 3,6×1,4 см (рис. 2: 3). Найдена на Георгиевском-II раскопе, расположенном в 7–9 м к западу от западного придела ц. Св. Георгия, в слоях до 1410 г.

Эта малочисленная категория находок относится к группе VI – рельефные амулеты с петлей для вертикального подвешивания (*Рябинин*, 1981. С. 32), на данный момент исследователями насчитывается 15 экз. данного вида (*Дорофеева*, 2014. С. 251). Общая их датировка XII в.

Пластинчатые изображения одноглавых животных

4. Пластинчатый конек с согнутыми ногами и свернутым в петлю хвостом (*Медведев*, 1971. XI. Пл. 9 кв. 15 № 37). Разм. 3,2×2,9 см (рис. 2: 4). Тип XIV,

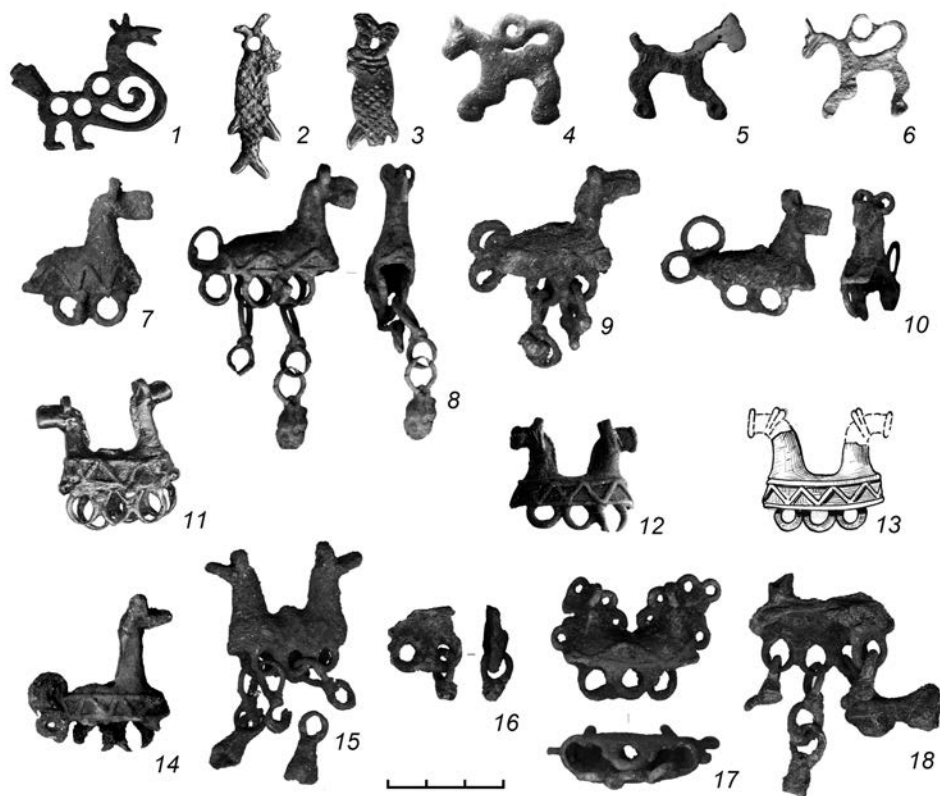

Рис. 2. Зооморфные подвески из раскопок в Старой Руссе

1 – пластинчатые изображения одноглавых птиц; 2, 3 – рельефные амулеты с петлей для вертикального подвешивания; 4–6 – пластинчатые изображения одноглавых животных; 9–20 – полые зооморфные подвески

вар. 1 (Рябинин, 1981. С. 28–29). Найден на раскопе XI, расположенном в центральной части города, в слоях второй половины – конца XIII в.

5. Плоский стилизованный конек с загнутым вверх хвостом, орнамента и ушек нет, мордочка «топориком», на лапках круглые углубления (Торопова, 2009. Пт-I. Пл. 19 кв. 13, 14 № 80). Разм. 3,4×2,9 см (рис. 2: 5). Тип XIV, вар. 1 (Рябинин, 1981. С. 28–29). Найден на Пятницком-I раскопе в заполнении сруба ПС-19 (темно-серый гумусированный слой с золисто-углистой супесью), который относится к IX строительному ярусу, датируемому 1230 – концом 1240-х гг. Среди находок из заполнения сруба можно отметить вислую свинцовую печать новгородского архиепископа Мартирия (1193–1199 гг.).

6. Пластинчатый конек с согнутыми ногами и свернутым в петлю хвостом (Торопов, 2002. Гр-I. Пл. 14 кв. 30 № 78). Разм. 2,8×2,9 см (рис. 2: 6). Тип XIV, вар. 1 (Рябинин, 1981. С. 28–29). Найден на Георгиевском-I раскопе, на улице

Сварога, в 100 м севернее ц. Св. Георгия, на левом берегу р. Малашки (средневекового русла р. Порусь), в слое первой половины XII в.

7. Пластинчатый конек с согнутыми ногами и свернутым в петлю хвостом (Торопов, 2002. Гр-I. Пл. 12 кв. 1 № 35). Разм. 3,4×2,9 см. Тип XIV, вар. 1 (Рябинин, 1981. С. 28–29). Найден на Георгиевском-I раскопе, в слое первой половины XII в. Вероятно, может быть связан с комплексом сруба ГРС-11, зафиксированного в северо-западном углу раскопа. Сруб относится к строительному ярусу 6. Его северная и западная стенки находились вне пределов раскопа. От постройки сохранились бревно нижнего венца восточной стены с подкладками и обугленный фрагмент бревна нижнего венца южной стены. Зафиксированная в раскопе часть сооружения имела размеры 3×4,5 м и была ориентирована по сторонам горизонта.

8. Пластинчатый конек с согнутыми ногами и свернутым в петлю хвостом (Торопов, 2002. Гр-I. Пл. 12 кв. 16 № 159). Разм. 3,5×2 см; 1,6×0,9 см; 1,2×0,8 см. Тип XIV, вар. 1 (Рябинин, 1981. С. 28–29). Найден на Георгиевском-I раскопе, в слое первой половины XII в.

Находки данной группы относятся к наиболее многочисленной категории пластинчатых зооморфных украшений. На территории Руси, по данным Е. А. Рябина, насчитывалось 104 экз. подвесок варианта 1 (Рябинин, 1981. С. 29). На территории Латвии Р. Спиргис насчитал 60 экземпляров (Спиргис, 2012. С. 198–199). Время наибольшего распространения подвесок такого типа на территории Древней Руси – XI – первая половина XII в., для Латвии это период XII–XIII вв.

Полие зооморфные подвески

9. Полая шумящая подвеска-конек, одноглавая (Торопова, 2006. Гр-II. Пл. 15 кв. 8 № 432). Разм. 3,3×4×1 см (рис. 2: 7). Тип XX, серия 1а (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 1а). Найдена на Георгиевском-II раскопе в слоях второй или третьей трети XIV в.

10. Полая шумящая подвеска-конек, одноглавая с двумя цепочками и привеской-бубенчиком (Торопова, 2006. Пт-I. Пл. 13 кв. 113 № 124). Разм. 5,4×1,3 см; высота с привесками 8,4 см (рис. 2: 8) Тип XX, серия 1а (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 1а). Найдена на Пятницком-I раскопе в напластованиях 1320–1360 гг.

11. Полая шумящая подвеска-конек, одноглавая (Торопова, 2006. Гр-II. Пл. 16 кв. 48 № 763). Разм.: 3,9×1,5 см; высота вместе с бубенчиком 5,7 см (рис. 2: 9). Тип XX, серия 1а (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 1а). Найдена на Георгиевском-II раскопе в слоях до 1410 г.

12. Полая шумящая подвеска-конек, одноглавая (Торопова, 2016. Пт-II. Пл. 12 кв. 155 № 131). Разм.: 4,4×3,4×1,1 см (рис. 2: 10). Тип XX, серия 1а (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 1а). Найдена на Пятницком-II раскопе в слое угля со щепой. Предварительно прослойка может быть отнесена к 4-му строительному ярусу, датированному 1360–1370 гг.

13. Полая шумящая подвеска-конек, двуглавая (Миронова, 1991. XVI. Пл. 12 кв. 12 № 42). Разм. 3,8×4 см (рис. 2: 11). Тип XX, серия 1б (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 1б). Найдена на XVI раскопе, расположенном в центральной части

города, на перекрестке ул. Сварога и Минеральной, в слоях конца XII – первой половины XIII в. Вероятно, находка связана с комплексом сруба № 5.

14. Полая шумящая подвеска-конек, двуглавая (Медведев, 1967. II. Пл. 12 кв. 37 № 40). Разм. 3,1×3,4 см (рис. 2: 12). Тип XX, серия 16 (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 16). Найдена на II раскопе, расположенном на территории курорта, в районе пересечения ул. Ломоносова и Минеральной, в слоях конца XII – первой половины XIII в.

15. Фрагмент полой шумящей подвески-конька двуглавой (Медведев, 1967. II. Пл. 9 кв. 69 № 17). Разм. 3,8×3,3 см (рис. 2: 13). Тип XX, серия 16 (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 16). Найдена на II раскопе в заполнении сруба № 8. Сруб относился к строительному ярусу 6–7 (первая четверть – середины XIV в.) и, вероятно, погиб в пожаре середины XIV в.

16. Полая шумящая подвеска-конек, одноглавая с горизонтально-уплощенной мордочкой, гривой и ушками, на спине отверстие (Торопова, 2008. Пт-I. Пл. 17 кв. 50 № 307). Разм. 3,9×4,3×1,2 см (рис. 2: 14). Тип XX, серия 2а (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 2а). Найдена на Пятницком-I раскопе в слоях 1270–1320 гг.

17. Полая шумящая подвеска-конек, двуглавая (Торопова, 2006. Гр-II. Пл. 15 кв. 47 № 687). Разм. 4,1×1,3 см; высота вместе с бубенчиками 6,4 см (рис. 2: 15). Тип XX, серия 2б (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 2а). Найдена на Георгиевском-II раскопе в слоях до 1410 г.

18. Фрагмент полой шумящей подвески-конька (Торопова, 2006. Гр-II. Пл. 16 кв. 49 № 764). Разм. 2×0,3 см, выс. 2,9 см (рис. 2: 16). Найдена на Георгиевском-II раскопе в слоях до 1410 г.

19. Полая шумящая подвеска-конек, двуглавая (Торопова, 2012. Кр-I. Пл. 13 кв. 38 № 12). Разм. 4,4×3,3×1,3 см (рис. 2: 17). Тип XX, серия 7 (Рябинин, 1981. С. 40, рис. 11, 7). Найдена на Курортном-I раскопе, расположенном на территории курорта, на юго-восточной окраине города, в слоях пожара XV в.

20. Полая шумящая подвеска-конек, двуглавая (?), с привесками-бубенчиками на цепочках (Торопова, 2006. Гр-II. Пл. 16 кв. 55 № 758). Разм. 3,9×0,9 см; высота вместе с привесками 5,8 см (рис. 2: 18). Найдена на Георгиевском-II раскопе в слоях второй половины XIV в.

Это самая многочисленная категория зооморфных подвесок, распространенная на всей территории Руси в XIII–XIV вв., а также на сопредельных территориях. Всего Е. А. Рябининым учтено 207 экз. (Рябинин, 1981. С. 39). Особенно велико их количество в Новгороде, где, по данным Л. В. Покровской, насчитывается 67 экз. (Покровская, 2012. С. 159).

Из рассмотренных в статье 20 подвесок 5 можно связать с комплексами срубов, еще 9 имеют стратиграфическую датировку с точностью от двух десятилетий до половины столетия, в остальных случаях хронологические рамки остаются весьма широкими. Старорусские находки в основном укладываются в общие хронологические рамки бытования своих типов. Наиболее распространенными, как и на территории всей Древней Руси, были коньки «смоленского» типа и полые шумящие подвески.

Литература

- Дорофеева Т. С.*, 2014. Отдельные находки металлических привесок-амулетов на Новгородском (Рюриковом) Городище // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.) Вып. 29. М.; Псков; СПб. С. 245–258.
- Медведев А. Ф.*, 1967. Отчет об археологических исследованиях в Старой Руссе в 1967 г. Раскоп II (территория Курорта), Раскоп III (к югу от ц. Николы), Раскоп IV (к Сев-вост. от ц. Николы), Раскоп V (к зап. от Воскресенского собора), Раскоп VI (к югу от ц. Мины), Раскоп VII (на Пушкинской ул.) // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Медведев А. Ф.*, 1971. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1970–1971 гг. Раскоп XI // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Мильков В. В.*, 1980. Отчет о проведении археологических работ в Новгородской области отрядом Новгородского музея // Архив ИА РАН. Р. 1. № 7741, на 33 л.; № 7741.
- Миронова В. Г.*, 1991. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1991 г. Раскоп XVI (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Покровская Л. В.*, 2010. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб. С. 259–272.
- Покровская Л. В.*, 2012. Топография полых шумящих коньков-амулетов в средневековом Новгороде // Stratum plus. № 5. С. 159–175.
- Рябинин Е. А.*, 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л. (Археология СССР. САИ; вып. Е1–60).
- Спиргис Р.*, 2012. Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии и их новая интерпретация // Stratum plus. № 5. С. 195–220.
- Спиргис Р.*, 2013. Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв. // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (2012 г.). М.; Псков; СПб. С. 370–380.
- Спицын А. А.*, 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. Вып. 20. СПб.
- Торопов С. Е.*, 2002. Отчет об археологических исследованиях в г. Старая Русса Новгородской области в 2002 г. Ч. II. Исследования на Георгиевском раскопе // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Торопова Е. В.*, 2006. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2006 г. // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Торопова Е. В.*, 2008. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2008 г. // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Торопова Е. В.*, 2009. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2009 г. // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Торопова Е. В.*, 2011. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2011 г. Ч. II // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Торопова Е. В.*, 2012. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства физкультурно-оздоровительного комплекса по адресу: Новгородская область г. Старая Русса, Минеральная ул., д. 62А (Курортный раскоп). В 10 томах. Том II: Описание пластов 12–13 // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Торопова Е. В.*, 2016. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2016 г. // Научный архив ОАНЗ НовГУ.
- Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е.*, 2011. Археологические исследования в Старой Руссе // Вестник РГНФ. № 1 (62). С. 155–166.
- Уваров А. С.*, 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам.

Е. Е. Носова

Популярность святого Макария Римского в культуре Северо-Запада Руси в XIV–XV вв.

E. E. Nosova. Saint Macarius of Rome Popularity in the North-West Russia Culture in the 14th–15th Centuries

Abstract. In the 14th century on the territory of Novgorod and Pskov lands became popular the little-known saint – Macarius of Rome: he was mentioned in theological disputes, beautiful fresco of Theophanes the Greek in the Church of Our Savior on Ilyina Street in Veliky Novgorod was created, image of Makarius was included in the “Sofia calendar”, increased the number of lists of the text lives. In the 14th century in Europe new outbreaks of plague were repeatedly noted. Within the Russian state mostly suffered Novgorod and Pskov lands. The proximity of the terrible disaster and mass deaths caused people to search for answers in theological and philosophical works devoted to eschatological matters. Such information a medieval reader could get, for example, from non-canonical art. The report is devoted to the consideration of the relationship of man as a person and philosophical search for the increased popularity of St. Macarius of Rome in the 14th–15th centuries in Pskov and Novgorod lands.

Ключевые слова: популярность святого Макария, Сказание о Макарии Римском, новгородско-псковские земли, чума.

Keywords: popularity of Saint Macarius, the Legend of Macarius the Roman, Novgorod and Pskov lands, plague.

В жизни человека, как во времена Древней Руси, так и в более поздние периоды среди богослужбных текстов всегда значительное место занимала апокрифическая литература. Как подчеркивает известная исследовательница древнерусской литературы В. П. Адрианова-Перетц, «Апокрифы для массового читателя заменяли отсутствовавшие у него научные сведения. Апокрифы еще ярче, чем Библия, изображали власть дьявола в мире, объясняя наглядно происхождение зла, несчастий, болезней» (*Адрианова-Перетц, 1941. С. 72*).

Апокрифическая литература стала приходить на Русь вместе с распространением христианства и грамотности. Некоторые тексты на Руси получили широкую известность и длительную популярность, как, например, «Хождение Богородицы по мукам», другие же были малоизвестны. Однако периодически в связи с историческими и культурными событиями возникал интерес к определенным сюжетам и конкретным святым, что вызывало всплеск обращений к текстам, повествующим о них. Конечно, важно знать и понять с чем это было связано.

Мы хотели бы остановиться на данной проблеме на примере анализа одного апокрифа, а именно: «Сказания о Макарии Римском». Оно было создано в Византии, а затем переведено с греческого языка на славянском юге. На Руси Сказание распространилось в домонгольскую эпоху и известно в списках, начиная с XIII в. В целом, как видно при изучении литературной истории апокрифа – он не был особо популярен (мы не наблюдаем ни развития самого текста апокрифа в течение времени, ни его влияния на русский фольклор, ни даже особого взаимодействия с последующими литературными произведениями). Тем интереснее выглядит тот факт, что «Сказание о Макарии Римском» неожиданно получило распространение в XIV–XV вв в Северо-Западных землях. Один из списков шестого перевода минейной греческой редакции А. И. Никифоров на основе текстологического анализа предположительно относит к списку, созданному на территории Псковской земли (Никифоров, 1923. С. 134). Впоследствии интерес к тексту постепенно угасает. Почему же этот малоизвестный и малораспространённый на Руси апокриф мог вызвать такой резонанс именно в XIV–XV вв.?

Сюжет апокрифа следующий: три инока одного из Месопотамских монастырей отправляются на поиски места, где небо «прилежит к земле». Они идут на восток и попадают в неведомые земли, населенные диковинными людьми и животными, видят разнообразные чудеса. В конце пути они приходят к пещере, где встречают святого Макария Римского. Старец, полностью покрытый волосами, посвящает их в историю своей жизни и убеждает, что «не может человек во плоти» попасть в рай. После этого иноки возвращаются обратно в монастырь, где и рассказывают о том, что видели и что поведал им святой Макарий (Салмина, 1999. С. 322–337).

Одной из важнейших черт апокрифа является то, что в нем затрагивается тема существованиярая на земле. Именно в контексте эсхатологического содержания апокрифа архиепископ Новгородский Василий в своем письме к епископу Тверскому Федору Доброму, привлекает «Сказание о Макарии Римском» для защиты идеи существования земногорая. Суть развернувшегося в 1347 г. спора заключалась в том, что одни, в том числе и епископ Федор, думали, что земной рай, в котором был Адам, уже не существует, а есть только рай мысленный, а другие, напротив, утверждали, что рай, бывший жилищем первых людей, до сих пор находится на земле. Последней точки зрения придерживался и архиепископ Василий (Демкова, 1999. С. 44–51).

Любопытно, что в XIV в. не только сам текст апокрифа стал чаще встречаться на территории Северо-Запада Руси, так же появились и изображения святого Макария Римского. Прежде всего, это его изображение на одной из фресок Феофана Грека в Ильинской церкви Великого Новгорода. В Троицком приделе храма художником были изображены образы столпников и пустынников, ведущих аскетическую жизнь в полном одиночестве вне монастырской общины (Носова, 2013. С. 15–19; 2014. С. 93–94).

Еще одно изображение святого Макария Римского встречается на одной из двусторонних иконок-таблеток, аналойных икон, находившихся в Софийском соборе Великого Новгорода (Носова, 2011. С. 221–225).

Итак, с чем же был связан интерес к данному святому? На Руси, как и в Европе этого времени, образованная часть жителей находила объяснения всему происходящему, опираясь на религиозные канонические и неканонические тексты. Особой популярностью пользовались произведения, затрагивающие эсхатологические темы: о конце мира, о воскрешении мертвых, о Страшном суде, об аде и рае и т. д.

Распространение апокрифического текста о Макарии Римском на Северо-Западе Руси в XIV–XV вв. было вызвано психологической потребностью общества объяснить страшные и непонятные явления, происходившие вокруг. Именно в это время на Европу и на Русь, в частности, обрушилась катастрофическая по последствиям эпидемия чумы, прозванная еще современниками «черной смертью».

Вспышки эпидемий были и до XIV в., но они не носили столь массового и разрушительного характера. Это была самая грозная пандемия из всех описанных в истории европейских народов. Где именно появилась чума – вопрос спорный, но большинство исследователей склоняются к мнению, что это произошло в Азии, хотя очаги болезни всегда существовали и в самой Европе. В 1347 г. эпидемия начала свой путь из Италии, и уже на следующий год она распространилась во всех прибрежных городах Средиземного моря, а затем подобно пожару охватила всю Европу. К. Г. Васильев и А. Е. Сегал приводят данные Б. В. Урланиса, который считал, что от «черной смерти» погибло около 14–15 млн. человек, что составило 1/5 часть всего населения Европы, и, по мнению которого, для восстановления народонаселения до прежнего уровня потребовалось не менее 110–120 лет (Васильев, Сегал, 1960. С. 27).

На территорию Руси чума пришла в середине XIV в. Началось распространение болезни из Пскова, поскольку он, будучи одним из крупнейших городов Северо-Запада Руси, имел тесные хорошо налаженные торговые отношения с Западной Европой. В Пскове постоянно кипела экономическая жизнь, было много приезжих купцов, торговцев, ростовщиков, ремесленников и т. д. из ближних и дальних мест. В летописях имеются довольно подробные сведения о появлении и распространении эпидемии.

Так, в Новгородской IV летописи приводится такое описание начала пандемии в Пскове: «Того же лета бысть мор зол в граде Пскове и по селам, смерти належаци мнози; мроша бо люди, мужи и жены, старьи и младьи, и дети, и попове, и чернцы и черницы» (ПСРЛ, 1848. С. 60). Не понимая, что происходит на самом деле, и не имея возможности хоть как-то объяснить это происшествие, псковитяне обращаются в Новгород к архиепископу Василию с просьбой посетить Псков, отслужить там молебен и благословить город. Архиепископ прибывает в город в конце мая и совершает крестный ход вокруг Пскова и через несколько дней отправляется обратно в Новгород, но по дороге умирает от «черной смерти». Торжественные похороны церковного деятеля, естественно, привлекли толпы народа, и через некоторое время в Новгороде начала свирепствовать эпидемия.

Дальше чума пошла по остальной территории Руси, она затронула Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль, Москву и другие города. Смертность была

столь велика и быстра, что это невольно отразилось в летописях. «Сие же смерть бысть скоро: храхнет человек кровию, и в третий день умираше, и быша мертвые всюду... – сообщает Никоновская летопись, – убо и священницы не успеваху тогда мертвых погребати, но во едину ночь до заутра сношаху к церкви мр̄твых до двадесять и до тридцати, и всем тем едино надгробное пение отпеваху, точию молитву разрешалную, иже глаголется рукопись, комуждо особь изглаголаваху... И не бе где погребати мертвых, все убо бяше могилы новыи... и мног плач и рыданье во всех людей бе, видяще друг друга скоро умирающе и сами на себя тоже ожидающе» (ПСРЛ, 1885. С. 223). В Новгородской IV же летописи описан тот факт, что попы в Пскове не успевали отпевать каждого покойника отдельно: «Попове бо не можаху проводить по единому из дворов за множество умирающих... но веляху комуждо мертвыя своя на церковный двор приваживать, об ночь бо умершим утре обреташеся до 30 или боле скопится у единой церкви, а всем тем один провод, отпеваху надгробную песнь... и тако полагаху и по 3 или по 5 голов во един гроб; такоже бяше по всем церквам, и негде уже бяше погребати умерших, все бо могилье на целых местах въскопавше погребяху» (ПСРЛ, 1848. С. 61).

Во второй половине XIV–XV вв. эпидемии чумы не раз возникали на территории как всей средневековой Руси, так и в Европе. Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий неизлечимая болезнь опустошила целые города и районы.

Перед угрозой неотвратимой гибели средневековый человек, веривший в потусторонний мир, задавался вопросом, что же будет с ним после смерти. Существует ли рай на земле или на небе; что есть ад; что есть грех и как его искупить; что есть Страшный суд и т.д. В Европейской культуре появились темы колеса Фортуны, хоровода смерти, проходили массовые покаяния, шествия флагеллантов, уходы в монастырь и т.д. (Гуревич, 1992. С. 691). На территории Руси картина была схожей. В силу реалий окружающей жизни некоторые люди впадали в панику и старались всячески избежать смерти (замолить грехи, отдать все имущество церкви, уйти в монастырь, а зачастую и впадали в ереси). Более образованная часть общества искала ответы в литературных текстах, и особую популярность получили произведения эсхатологического характера. В том числе все это проявилось в недолгом интересе к образу святого Макария – стали появляться его изображения, увеличилось количество списков текста, повествующего о нем. После окончания массовых эпидемий чумы XIV–XV вв. интерес к апокрифу о Макарии упал, и он стал «рядовым произведением» среди богатой апокрифической литературы. Да и сам святой, которого еще в средневековье периодически путали с Макарием Египетским, забылся и полностью был поглощен образом последнего (Носова, 2014).

Литература

- Адрианова-Перетц В. П.*, 1941. Апокрифы // История русской литературы. Т. 1. Литература XI – начала XIII века. М.; Л.
- Васильев К. Г., Сегал А. Е.*, 1960. История эпидемий в России. М.
- Гуревич А. Я.*, 1992. Человек Средневековья // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.
- Демкова Н. С.*, 1999. Послание Василия Новгородского Федору Тверскому о рае // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб.
- Никифоров А. И.*, 1923. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русской письменности // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 32. Вып. 2. Казань.
- Носова Е. Е.*, 2011. Макарий Египетский или Макарий Римский? К вопросу об атрибуции изображения святого на одной новгородской таблетке // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 4. Великий Новгород.
- Носова Е. Е.*, 2013. Об изображении святого Макария в церкви Спаса на Ильине улице в Великом Новгороде // Вестн. НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. № 72.
- Носова Е. Е.*, 2014. Какого же святого Макария почитали новгородцы в Средневековье? // Родина. № 1. М.
- ПСРЛ. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи. СПб., 1848.
- ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник именуемый патриаршею или никановскою летописью. СПб., 1885.
- Салмина М. А.*, 1999. Сказание о Макарии Римском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. СПб.

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

А. А. Александров

Реки русского Северо-Запада в античной традиции

A. A. Aleksandrov. Rivers of the Russian North-West in Antiquity Tradition

Abstract. Since Early Antiquity (Hesiod etc.) until the late 16th – 17th cc. interpolations (Herberstein and etc.) the tradition of ancient nomination of Eastern European rivers of the Baltic basin have continued (Vistula – Visla; Cron – Neman, Rudon – West Dvina; Turunt (water way) – sources of the Polota River – West Dvina – headwaters of the Velikaya River – the Kudeb' River – the Smolka River – the Bdyokha River – Pskov Lake – Peipus Lake – the Baltik Sea; Hezin from the source of the Lovat River – Ilmen Lake – the Volkhov River – Ladoga – the Neva River – the Baltic Sea).

According to the authors mentioned in the article, the rivers/waterways Rudon, Turunt and Hezin, as well as the rivers Tanais-Don and Borysthenes-Dnieper flow from the Riphean mountains of European Scythia. In a parallel ancient tradition the same applies to the Aldisk/Hardisk River (Neman) and the Panticap River (West Dvina).

The geographical location of these rivers allows us to correlate the Riphean mountains with the Central Russian upland. The Veneds in the “Germany” of Tacitus, and the Stavany in the “Geography” of Ptolemy, which are identified with the early Slavs, are not tied to reliable water points. In this context, Propertius' mentioning “Venet Eridan” (Eridan-Rudon-West Dvina) flowing through the territory of the hatched pottery culture and Dnieper-Dvina culture in the first century BC. is of interest. The River Parapamis described in Pliny the Elder's work as a dividing river between the European Scythia and Celticas can be correlated with the Pregel. Attempts of other geographical correlation between the listed rivers and the Riphean mountains of the European Scythia seem unconvincing.

Ключевые слова: Вистула, Парапамис, Хрон, Эридан, Рудон-Рубон, Турунт, Хезин, Алдиск, Пантикап, Танаис, Исса, Великая, Нарва, Европейская Скифия, Рипейские горы, Аланская гора, Алаунское плато, Среднерусская возвышенность, Оковский лес, Исаборг-Исбург, кельты, венецы, ставаны, эстии.

Keywords: Vistula, Parapamis, Cron, Eridan, Rudon-Rubon, Turunt, Hezin, Aldisk, Panticap, Tanais, Issa, Velikaya, Narva, the European Scythia, the Riphean mountains, Alan hill, Alaun plateau, Central Russian upland, Okovsky forest, Isaborg-Isburg, Celts, Venedy, Stavany, Estii.

Во второй половине I тыс. до н. э. и первой половине I тыс. н. э. крупнейшие реки Северо-Запада России носили совершенно иные названия, нежели в наше время. Это известно из античных преданий и исторических источников. Из этих великих рек для Псковской земли существенны три: Западная Двина, Великая и Ловать.

В Древней Греции был широко известен миф о некой северной реке, которая называлась Эридан. С ее устьем соотносилось место падения юноши Фаэтона. Он проехал по небу на колеснице бога солнца Гелиоса, но не справился с управлением и, объятый пламенем, упал в воды моря. Его сестры гелиады горько оплакивали юношу, и из их-то слез и образовался янтарь. Очень подробно миф о Фаэтоне, гелиадах, янтаре и Эридане изложен у Овидия (*Овидий. Метаморфозы*, II. С. 32–365). Янтарь, который находили в большом количестве на Балтике, ввозился с древнейших времен из этих мест в Грецию и Рим как предмет роскоши. Очевидно, по этому-то «янтарному пути» в античный мир и проникли какие-то представления о северных реках.

Северный Рудон-Рубон отождествлялся с этим Эриданом, который впадал в янтароносное море. В греческой мифологии – это мифическая река в земле гипербореев. Но было еще и предание о том, что Фаэтон поглотила река Фаэтон, приток Эридана. Так или иначе, слезы гелиад, превратившиеся в янтарь, Эридан унес в Океан.

Позднее с Эриданом стали соотносить знакомые грекам реки – По, Рона и некоторые другие. А в поздних мифах Эридан – одна из рек подземного царства. Эриданом именовался также речной бог, сын Океана и Тетии. О реальном Эридане в V в. до н. э. упоминает Геродот: «Я-то ведь не верю в существование реки, называемой у варваров Эриданом, которая впадает в Северное море (оттуда, по рассказам, привозят янтарь)» (*Геродот*, III. С. 115). Следовательно, какие-то другие авторы, его современники, верили, например, Эсхил и Еврипид.

Более определенно об Эридане писал Эвдокс (первая половина IV в. н. э.) – по его данным Эридан вытекает из Рипейских гор, находящихся в глубине Скифии и впадает в Западное море, близ земли кельтов (*Шафарик*, 1838. С. 211). Но основная территория кельтов – очень далеко от устья Западной Двины. Однако, противоречие здесь кажущееся, поскольку Тацит, описывая народ эстиев, сообщает, что их «... язык – ближе к британскому», а их земля богата янтарем (*Тацит*, 1993. С. 45). Лучший перевод текста Тацита в издании М. С. Боднарского сообщает: «Правый берег Свевского моря омывает земли эстов, у которых обычаи и одежда свевов, а язык ближе к британскому. Они почитают мать богов. Как эмблему своей религии они носят изображения кабанов. Это, служа вместо оружия и защиты против всего, доставляет почитателю богини безопасность даже среди неприятелей. У них редко употребляют мечи, но часто дубины. Они с большим терпением обрабатывают землю для хлеба и других его плодов, чем сколько сообразно с леностью германцев. Но они обшаривают и море и одни из всех собирают в мелководных местах и на самом берегу янтарь, называемый ими самими *glaesit*» (*Тацит*, 1953. С. 45). Надо отметить, что Тацит хорошо разбирался в делах Британии и посвятил ей специальную работу «Жизнеописание Агриколы», поэтому его британская языковая аналогия

заслуживает всяческого внимания. Кельтский британский язык по ряду деталей отличался и отличается от кельтского материкового. Юлий Агрикола волевал в Британии, был там наместником и хорошо ее знал; Тацит же был его зятем. Другие детали в тексте – поклонение матери богов и культовый знак кабана – это тоже ближе к кельтам. А собиранье янтаря маркирует жительство этих эстиев в янтароносной полосе Балтики.

Необходимо также иметь в виду, что «Галлы... перевалили Рипейские горы, направляясь к берегам Северного моря и заняли север Европы» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Камилл, XV). Римский консул Марк Фурий Камилл, ко времени правления которого относится эта экспансия, был избран диктатором в 396 г. до н.э. и скончался в 364 г. до н.э.

Рипейские горы здесь – это Среднерусская возвышенность (см. ниже). Берега же описанного Северного моря близки к устью Рудона (Западной Двины), или, скорее, устье этой реки на них и находится. Павсаний также связывает устье янтароносного Эридана с кельтами (Павсаний. I, XIX, 5; V, XII, 7). Здесь вполне могла быть какая-то реальная остаточная группа кельтов, а, соответственно, и земля их здесь – кельтская (Александров, 2011. С. 5–17). Либо, в представлениях античных географов, южный берег Балтики оказался «сжатым». Либо, то и другое вместе. Возможно, именно в этом контексте восточных транскельтских припоминаний надо понимать ирландское предание в книге «Захватов Ирландии» о происхождении гойделов из Скифии (Шкунаев, 1991. С. 253).

О присутствии кельтов на севере Европейской Скифии свидетельствует и факт кельтских заимствований в финских языках (Шахматов, 1911. Ч. 1. С. 717, 722, 724; Ч. 2. С. 801–806). Это могло происходить только в стабильной зоне хорошо известной финской гидронимии – территории, где финны всегда жили стабильно; если смотреть с юга на север, то это будет, как раз, за Рипейскими горами.

Об Эридане писали: Гесиод, Сократитель Гесиода, Ферекид, Эсхил, Еврипид, Скилакс и другие античные авторы (Шафарик, 1848. Т. 1, кн. 2. С. 432).

Н. А. Кун сообщает, что название Эридан у греков имели: река в Аттике, река на севере, возможно, Западная Двина и река По (Кун, 1955. С. 69).

По поводу первой и третьей рек весьма решительно и содержательно высказался Страбон. Так, касаясь вопроса об аттическом Эридане, он пишет: «...по словам Каллимаха, в его “Перечне рек” его разбирает смех, когда кто-нибудь осмеливается писать, что афинские девушки черпают чистую воду из светлой струи Эридана, пить которую отказывается даже скот» (Страбон. География. Кн. IX, I, 19).

В другом месте Страбон высказывается также весьма критически: «... большинство мифических сказаний и выдумок следует опустить, например сказания о Фэптоне и о Гелиадах, превращенных в тополя на Эридане (которого нет нигде на земле, хотя, как говорят, он находится поблизости от Пада); затем миф о янтарных островах, лежащих перед Падом, и о цесарках на них: ведь ничего такого нет в этой стране (Страбон. География. Кн V, I, С. 9). Существенно здесь и то, что географ Страбон почему-то не отождествляет По-Пад с Эриданом.

Таким образом, Страбон категорически отрицал всякую янтароносность на севере Италии в районе реки По (Падус) – это не тот Эридан, с которым связаны подобные предания. Страбон же закончил свою «Географию» около 7 г. до н.э.

Итак, в античной поэзии название Эридан встречается неоднократно как обозначение реки По (например, у Вергилия), так и других рек. Всё зависит от ситуации. Так, Секст Проперций (*Sextvs Propertivs*), знаменитый элегический поэт (родился около 50 г. до н.э., умер около 15 г. до н.э.) писал о своей возлюбленной Цинтии: «... Она на столько тысяч шагов отдалена от моего ложа, насколько Гипанис (*Hiraniis*) отстоит от венетского Эридана» (*Проперций Секст*. Элегии. I, XII. С. 3–4). Первая часть «Элегий» Проперция была написана им не позднее 28 г. до н.э. (*Альбрехт*, 2004. Т. 2. С. 843). При возможной небольшой разнице в датах в разных изданиях, видимо, именно отсюда Д. А. Мачинский взял 27 г. до н.э. как дату первого упоминания славян в письменных источниках (*Мачинский*, 2009. С. 464). Тацит в своей «Германии» отметил венетов «между феннами и певкинами» в 98 г., а Проперций мог владеть этой информацией приблизительно ста тридцатью годами ранее. Сведения он мог получить прямо с подробной карты мира Агриппы, установленной в центре Рима в Випсаниевом портике. Так что, Проперций вполне мог назвать этот Эридан венетским (*Александров*, 2013. С. 410–413). В этой связи выплывает весьма любопытное наблюдение: на время написания элегий Проперцием верхняя часть венетского Эридана занята днепро-двинской культурой, а нижняя – культурой штрихованной керамики. Фенны же должны быть севернее венетов – в соответствии с позднейшей информацией Тацита. При этом существенно, что норвежцы называют словом *fín* (финн') саамов, и этот этноним был воспринят Тацитом и Птолемеем от германцев (*Попов*, 1973. С. 86). Судя по современным исследованиям, южная граница расселения саамов-феннов во времена Проперция проходила где-то на широтах от Дудергофских высот до Лопской сотни в Новгороде (*Анфертьев*, 1988. С. 120), т.е., только до широт севера Псковской и Новгородской областей. Так что верховья Эридана-Западной Двины почти полностью входили в зону расселения днепро-двинцев, а низовья – в зону «штриховиков». Получается так, что те и другие по «венетскому Эридану» обозначены как венеты – то ли в силу родства между ними, то ли в силу единого этногеографического пространства.

Плиний Старший сообщает: «Далее – река Пантикап, которая разграничивает номадов и георгов, потом – Акесин. Некоторые сообщают, что ниже Ольвии с Борисфеном сливается Пантикап, более точные [авторы] – что Гипанис, в отличие от грубой ошибки тех, кто помещает последний в Азии» (*Плиний*, IV, 83). Хотя, согласно А. В. Подосинову, существует неясность в отождествлении реки Пантикапа, и есть несколько мнений относительно соотношения его с притоками Днепра реками Конкой и Ингульцом, а также с рекой Ворсклой (*Подосинов*, 2011. С. 262), но сами древние так не считали. Стефан Византийский в своей компиляции сообщает: «Пантикапей – очень большой город, столица прибоспорского края; основан сыном Эита, получившего это место от скифского царя Аганта и назвавшего этот город по имени мимотекущей реки Пантикапа» (*Стефан*

Византийский, 1890. С. 264). То же пишет в своей компиляции во второй половине XII в. Евстафий: «От реки Пантикапа имеет название тамошний большой город Пантикапей, основанный сыном Эита...» (*Евстафий*, 1890. С. 197). Пантикапей – это большой город в устье Меотиды, столица Боспорского царства, ныне Керчь. Керченский пролив воспринимался как продолжение и устье Дона, а Пантикап южный – это Дон; это обозначение дублируется той же парой рек, но в другой традиции и под другими названиями: Танаис (южный) – Дон и Танаис (северный) – Западная Двина у Скимна Хиосского.

Согласно Дионисию Перизегету, реки Алдеск (Ардеск) и Пантикап (северный) впадают устьями в янтароносную Балтику (*Подосинов*, 2007. С. 33–34). Таким образом, река Пантикапа соединяла берега Балтики и Черного моря, что довольно обычная ситуация для античной географии. Отсюда – замечательная возможность для путаницы: река Акезин оказывается у Плиния к востоку от устья южного Пантикапа, тогда как должна быть к востоку от устья северного Пантикапа, где он – под близким названием Хезин – у Птолемея и Маркиана и оказывается. А янтароносные устья Алдиска и Пантикапа (северного) – это устья Немана и Западной Двины. При этом янтарь в устье Западной Двины имеет солидную античную традицию о янтароносном Эридани, гелиадах и прочем. Существенно также, что Алдиск и Пантикап берут свое начало в Рипейских горах, соотносимых со Среднерусской возвышенностью и ее отрогами. По Маркиану, река Рудон – та же Западная Двина – берет свой исток из Аланской горы, которая, таким образом, входит в массив Рипейских гор, согласно определению Пантикапа у Дионисия. А Среднерусская возвышенность своей северной частью образует Алаунское плоскогорье и Валдайские горы; Алаунское плоскогорье вполне сопоставимо с Аланской горой.

Так что, Плиний Старший реки бассейна Балтики Пантикап и Акезин знал, хотя и не без некоторой путаницы с их размещением.

Плиний после перечисления ряда племен, который заканчивается певкинами и бастернами, переходит к рекам: «Знаменитые реки текут в Океан: Гутал, Вискул, или Вистла, Альбис, Висургис, Амисис, Рейн, Моса» (*Плиний*, IV.100). Перечисление рек идет справа налево, без перерывов – это Висла, Эльба, Везер, Эмс, Рейн и Маас; при этом река Гутал должна быть восточнее Вислы (*Подосинов*, 2011. С. 295). Учитывая непрерывность перечня рек, это, с высокой степенью вероятности, может быть Неман.

Таким образом, у Плиния имеется довольно полный список крупных рек юга Балтики, за исключением Турунта, названного позднее Птолемеем и Маркианом.

Реки Гипанис и Акесин, перечисленные рядом, встречаются у Страбона в качестве притоков Инда при описании им похода Александра Македонского. Об индийском Акесине он пишет довольно подробно. При этом Акесин – один из притоков Инда (*Страбон*, XV. С. 1, 18, 21, 25, 27, 29, 30, 45). В обычной античной гидрографии Гипанис – это Южный Буг или Кубань, а вот что есть Акесин? Вполне возможно, что не Страбон (сам или следуя какому-то источнику) перенес пару гидронимов из Восточной Европы в Индию, а эти дубликаты относятся к эпохе расселения индоевропейцев. Но тогда предполагаются истоки

этих дубликатов в Восточной Европе – не только два Гипаниса, но и один Акесин. Поэтому, я думаю, в силу этого, со знаком вопроса можно поставить Страбоновский Акесин на его законное место в таблице – у самого Страбона, у Арриана и на время вторжения Александра Македонского в Индию. Такие дубликаты возможны: то, что р. Кабул у древних индийцев называлась Кубха, а у древних греков – Куфен или Кафен – это Кубань (Клейн, 2010. С. 183).

Однако более определенные сведения о северных реках мы находим в поздних и значительно более конкретных описаниях прагматичных римлян. Так, Клавдий Птолемей (около 90–168 г. н.э.) в своем труде «Руководство по географии» сообщает о Восточной Европе и юго-восточном побережье Балтики. Сейчас известно, что Птолемей не оригинален в своих географических экскурсах и следует не дошедшему до нас сочинению Марина Тирского, который описывал реальность первой трети II в. н.э., то есть приблизительно в диапазоне 100–133/134 г.

Итак, Птолемей, вслед за Марином Тирским, знает, что: *«Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли. Описание такое: за устьем реки Вистулы... следуют:*

устье реки Хрона...

устье реки Рувона (Рудон, Бубон, Рубон, Судон)...

устье реки Турунта (Таурунт)...

устье реки Хесина (Херсин)...» (Птолемей, III, V, 1).

Вистула – это древнейшее название реки Висла. За ней следует устье следующей крупной реки. Римский поэт Маркиан Гераклеяский в IV веке также сообщает, что:

«За устьями реки Вистулы следуют устья реки Хрона; а за рекою Хроном далее находятся устья реки Рудона. Эти реки изливаются в Вендский залив, который начинается от реки Вистулы, простираясь на огромнейшее пространство...» (Маркиан, 39).

Локализация рек Птолемея и Маркиана вызывала споры. Они продолжают и сейчас. Так, относительно недавно, в 2010 г., появилась статья М. М. Казанского, посвященная рекам Балтийского бассейна на севере Восточной Европы. Автор начинает с опровержения своих предшественников, упрекая их в декларативности и отсутствии развернутой системы аргументации. Я детально и очень внимательно изучил работы В. А. Булкина о речном пути Турунт, и его аргументация с приведением перечня «турунтовских» топонимов в верхней части этого пути меня убедила, а вот контраргументация М. М. Казанского – нет (Казанский, 2010. С. 123–132).

Относительно Турунта: В. А. Булкин проследил «турунтовскую» топонимику в верховьях этого речного пути. Но ее удалось найти и несколько левее низовьев р. Великой, что хорошо маркирует «турунтовский» путь уже недалеко от Балтики.

Известный русский историк С. М. Середонин, комментируя сведения Птолемея, в своей «Исторической географии» со ссылкой на труд Ф. Брауна, пишет: «...от Вислы до Хрона по Птолемею почти 242 версты, что приводит

к устью Немана. Старинная картография долго называла р. Неман – Хроном. Такое имя эта река носит еще на картах XVI в. Я. Гастальди и знаменитого Г. Меркатора» (*Середонин*, 1917. С. 58). Известный путешественник и дипломат Сигизмунд Герберштейн в 1517 году был в Вильнюсе, «... где соединяются реки Вилия и Вильна и впадают в Неман, т.е. Кронон» (*Герберштейн*, 1988. С. 234). Море, в которое впадала эта река называлось у Плиния Cronium (*Плиний*, IV, 95); в средние века пруссы называли это море Chrono. На реке Неман еще в середине XIX в. существовал Kroniskas Pilnis – Замок Крона и поместье Kropo-Kilpinie (Лук Крона), а также место Kronic (*Шафарик*, 1848. Т. 1, кн. 2. С. 358).

Далее, идя с запада на восток вслед за перечнем рек Птолемея, мы приходим к устью Западной Двины. Название этой реки как Рудон (Рубон) было известно в том же году Герберштейну: «Из рек судоходны Рубон (*Duna*) и Нарва» (*Герберштейн*, 1988. С. 197).

Августин Мейерберг в 1661 г. сообщал о Двине: «Эта река, известная Птолемею под именем Рубона, получает свое начало и название от озера Двина ... в Волконском лесу» (*Мейерберг*, 1997. С. 30–31).

Вплоть до XIX в. Западная Двина в Витебской губернии, в отдельных местах своего течения, традиционно называлась: Руба (порог), Сладкая Руба, Тихая Руба, Кожемяцкая Руба; некоторые попуски и пороги в Латвии назывались Руба (*Сапунов*, 1893. С. 19). Река именовалась «... тихую то громкою Рубой» (*Булкин*, 1983. С. 7). Поэтому понятно, что эта архаичная местная традиция старой номинации реки, дожившая до XIX в., в XVI в. была гораздо более устойчивой, так что Герберштейну, а вслед за ним и Мейербергу, не составляло особого труда соотнести Западную Двину с Рудоном.

Сабин в 1544 г. называет ее Rhodanus, утверждая, что она образуется из двух рек и протекает через Ливонию и Куронию (*Шафарик*, 1847. С. 359, 360). При этом А. П. Сапунов считал, что этот Rhodanus образовывался слиянием двух рек – Полоты и Двины (*Сапунов*, 1893. С. 19). Соотнесение Западной Двины с Рудоном убедительно доказывал в нескольких статьях В. А. Булкин (*Булкин*, 1983. С. 6; 1985. С. 84–85; 1993. С. 97–98). Итак, Рудон (с вариантами названий) соответствует древнегреческому Эридану. Это последнее название, как и представление о северном янтаре, бытовали в античной поэзии вплоть до позднеримского периода, так что еще в IV в. римский элегический поэт Клавдиан в «Фесценнинах» смог написать:

«И отзовись,

О Эридан,

Плеском ольхи янтарной!» (*Клавдиан*, Fesc., 2, 15).

Понятно, что Клавдиан хорошо знал миф о Фаэтоне и янтароносных гелиадах. Давно замечено также, что река Рудон близка по звучанию «янтарной» реке Эридан, которая издавна связывалась с историческими венетами.

Этимология названия Рудон неясна. Возможно соотнесение с личным именем Руадан, известным в мифологии ирландских кельтов; Руадан – сын короля Бреса и богини Бригит. Еще ближе – прежнее, кельтское название р. Рона – Rhodanus, которая в римское время текла по землям Нарбоннской Галлии, и на которой был расположен город с типично кельтским

окончанием – Лугдунум, с посвящением главе кельтского пантеона солнечному богу Лугу. Этот гидроним Rhodanus почти одинаков с названием Западной Двины Rhodanus у комментатора Вергилия Сабина в середине XVI в. (1544 г.). Сабин отмечает, что эта река образуется из двух рек и протекает через Лифляндию и Курляндию (*Шафарик*, 1848. Т. 1, кн. 3. С. 211).

Находки кельтских песчаниковых идолов у г. Шклова и г. Слонима в Белоруссии и у д. Богово к северу от Пушкинских Гор предполагают присутствие здесь бастарнов – кельтов или кельтизированных германцев (*Александров*, 2011. С. 5–17). В этом случае, названия рек у Птолемея и Маркиана могут происходить из бастарнских источников, тогда как янтароносные в своих устьях Алдиск-Неман и Пантикап – Западная Двина в изложении Дионисия отражают какую-то другую традицию, в последнем случае, восходящую к Геродоту. При этом Маркиан мог взять свои сведения непосредственно от бастарнов, которые после гото-бастарнской войны при Пробе в 280 г. и затем при Диоклетиане в 295 г. откатились в пределы Римской империи. В 391 г., почти через сто лет, бастарны упоминаются снова как союзники Алариха.

Вслед за Рудоном и к востоку от него Птолемей называет реку Турунт, точнее только устье ее. Маркиан также сообщает: «*За рекою Рудоном находится устье реки Турунта... Реки Хесин и Турунт текут с вышележащих гор, которые называются Рипейскими горами и лежат внутри материка между Меотийским озером и Сарматским океаном. Река же Рудон течет из Аланской горы; у этой горы и вообще в этой области живет на широком пространстве народ Аланов-Сарматов, в землях которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт*» (*Маркиан*, 39). Герберштейн, в 1517 г. проезжая близ реки Двины, которую ливонцы называли Дуна, сообщил, что «... некоторые утверждают, что это Турант (*Turantus, Tarantus, а согласно другим – Рубон*)» (*Герберштейн*, 1988. С. 234). Герберштейн ехал из Браслава в Дриссу через Дедину, а на берегу р. Дриссы, по данным В. А. Булкина, зафиксирован в XVII в. топоним Tarantowie (*Булкин*, 2003. С. 273) – здесь уже чувствуется «дыхание» турунтового пути. Герберштейн, возможно, и не ошибся – водные пути Рудон и Турунт неизбежно должны были где-то пересекаться, а на каком-то участке могли и совпадать.

Далее гидроним Турунт всплывает в XVII в. В 1661 г. путешественник Август Мейерберг упоминает: «*Приблизившись к реке Великой, в древности Турунту...*» (*Мейерберг*, 1997. С. 43), а в 1671–1673 гг. у Якова Рейтенфельса в списке рек Московии упоминается «... Великая река или Турунту...» (*Рейтенфельс*, 1997. С. 391). Оба путешественника знают античные источники и почему-то пользуются старым названием реки, хотя знают и новое. Следовательно, еще в XVII в. старое название реки имело какое-то значение. Река же Великая впадает в Псковско-Чудской водоем, из которого вытекает река Нарова, впадающая в Балтику.

Таким образом, устьем реки Турунт может быть устье реки Наровы-Нарвы. Однако античные представления были сложнее, и Турунтом назывался также некий водный путь, протянувшийся от Рудона-Западной Двины до побережья Балтики. Петербургский историк В. А. Булкин, посвятивший несколько

специальных статей рекам Северо-Запада, по сведениям античных источников с привлечением данных XVI–XX вв., пришел к выводу, что Хрон – это Неман, Рудон или Рубон – это Западная Двина, Хезин – это течение Ловати, либо Луги, а Турунт-Турунтус – это путь по реке Полоте, и далее по реке Великой и затем – по озерам и реке Нарове, вплоть до ее впадения в Балтику. При этом Аланские или Нервийские горы – это Минская возвышенность (Булкин, 1985. С. 79–80). Впрочем, ту же самую интерпретацию привязки этих четырех рек античной традиции к современным рекам дал еще В. Н. Татищев (Татищев, 1962. Т. 1. С. 182).

Еще в XIX в. верховья Полоты именовались крестьянами как Турунт, а в состав Полоцкого повета в XVI в. входила Турунтовская волость, которая отчасти охватывала среднее и верхнее течение р. Полоты. У истоков Полоты была известна деревня Турунтова или Торонтово. В. А. Булкин приводит многочисленные топонимы на «Турунт» на р. Полоте и в междуречье рек Западной Двины и верховьев Великой и приходит к выводу, что «... за именем Турунт стоит озерно-речная система, включающая Полоту и (или) Дриссу, р. Великую, Чудское озеро и р. Нарову» (Булкин, 2003. С. 271–274).

Но тут «или» можно убрать. В Балтику впадает, по Птолемию, вовсе не маленькая река Полота (впадающая в Западную Двину!), а некая достаточно крупная река. В самом деле, если «турунтовская» топонимика есть у истоков, у начала водного пути, то, почему бы, не поискать ее продолжение в низовьях. И вот тут начинаются странности. По современному нижнему течению реки Великой (которая, казалось бы, только и могла быть Турунтом вместе с озерами и продолжением – рекой Наровой) турунтовская топонимика отсутствует. Но нельзя сказать, что в низовьях и окрестностях реки Великой ее нет совсем. В 1882 г. И. И. Василёв издал своеобразный справочник по Псковскому уезду, в котором и находим интересующие нас сведения: «Турунтова пуст., 3 ст., Палк. Вл., зем. 27 дс. 1351 сж., стр. 2; жт. 4 м, 3 ж.; 1 вод. мельница». На карте-трехверстке 1917 г. издания находим м. Турантова на левом берегу р. Кудебь, в 0,8 верстах к юго-востоку от д. Кузнецонки (Василев, 1882. С. 323). Известный историк Ю. Ю. Трусман в своей работе также отметил: «Турунтова, пуст. Палкин. См. р. Турунтус (Втб. губ.)» (Трусман, 1897. С. 80). Итак, пустошь с ее двумя домиками, водяной мельницей и семью жителями находилась на левом берегу реки Кудеби, левом притоке реки Великой. Рядом с пустошью до сих пор известен лес под названием Турантов Бор, который расположен в 200 м от реки и в 1 км вниз по течению от д. Кузнецонки (Харлашов, 1981. Л. 13). Истоки же реки Кудебь уводят в болотистый ныне район несколько южнее Изборска. Из этого же болотного массива берет свое начало речка Смолка, которая затем впадает в речку Бдѣха или Абдѣха, а та – в Псковское озеро. По карте XVII в. Валка Бдѣха обозначена как река Иса (Льугас, 1995. С. 32). Однако другая река Исса – это крупный левый приток реки Великой. Известный историк А. И. Попов в своей книге «Следы времен минувших», посвященной топонимике русского Северо-Запада, обратил внимание на то, что в финском-суоми языке iso значит «большой, великий». Кроме того, существенно, что река Исса-Иса берет свое начало в оз. Дедено или Дедово, а по-фински isoisä – это и есть «дедушка», буквально – «большой отец». Поэтому

историк сделал предположение, что первоначально истоки Великой в древнейшее дославянское время, финское население считало по первой реке – по Иссе, а славяне считали – либо к югу (еще в «Книге Большому Чертежу» в XVII в. считалось, что «... река Великая вытекла от Себежа»), либо к востоку – от озер Большой и Малый Вяз (Белецкий, 1996. С. 13). Историки первой половины – середины XIX в. также считали, что истоки Великой находятся не в Себеже, а в Великолуцком уезде. Что до реки Бдѣхи-Исы, то Попов допускал и другую возможность возникновения этого названия. Известно, что в договорах Пскова с Юрьевским епископом и Ливонским орденом Псковское и Чудское озера объединяются под одним названием «озеро Великое», что по-фински будет Iso, так что название Иса (Бдѣха) могло произойти и от озера (Попов, 1981. С. 31–32). Соответственно, название реки Великая – это точный перевод гидронима Иса. Итоговым выводом А. И. Попова повествование об Иссе-Великой тогда и заканчивалось. Но сейчас уже можно его продолжить.

В самом конце XVIII в., в 1790–1792 гг., в «Печорске», то есть в Печорах, стоял со своей ротой офицер С. А. Тучков. Любознательный офицер в свободное от службы время объездил окрестности и, в том числе, посетил и Изборск. В своих «Записках» он отметил: «Сей город находится при реке Иссе, что ныне называют Сливенские ключи, построен на горе...» (Тучков, 1996. С. 222). Ю. А. Трусман считал, речка Бдеха начиналась от Изборска (Isaborg) и носила название Isa; при этом он ссылался на карту Лотара (Трусман, 1894. С. 550). Это «Атлас мира» и карты 1770-х годов. Тобиаса Конрада Лоттера (1717–1777). На самом деле, на карте Лоттера 1772 г. обозначен город Isbursky на реке Iwa Reha fl. На карте де Витта, составленной до 1706 г., город Isbursky при реке Iwa Reha, как и на некоторых других картах. Эти сведения о реке Иса в Изборске практически синхронны данным о реке Иссе, приведенных Тучковым. Замечено также, что на карте Валка Изборск-Isburski также расположен на берегу реки Isa Reha fl. (Плоткин, 1993. С. 115); Изборск же лежит на берегу р. Смолки. Так что еще в конце XVIII в. речка Смолка, впадающая в Бдѣху, называлась Иса-Исея – практически так же, как и речка Бдѣха называлась Иса у Валка.

В атласе России 1745 г. показан уже Изборск, (а не Isaborg-Isburg) но справа от него сплошным течением до впадения в озеро – р. Иссареха. (Атлас..., 1745. Карта № 3). Надо отметить, что схема образования топонима Изборск от реки Иссы как Иссаборг была известна уже в 1853 г. (Пчелка, 1853. С. 542). Такое понимание этого топонима восходило к предшествующему времени: на карте России, составленной в начале XVII в. по чертежу Федора Борисовича Годунова, в числе прочих пунктов нанесены Псков – Pleskow и Изборск – Isburg (Сапунов, 1893, вкл. между С. 32 и 33). С. В. Белецкий, перемещая, согласно своей схеме, Псков в Изборск, а Изборск в Псков, также не отрицает схему Изборск – *Исуборг от р. Иса (Исса) (Белецкий, 1996. С. 79, 80).

Теперь совершенно понятно, что первоначально течение Смолки-Бдѣхи считалось одной рекой, и река эта называлась Иса-Исса. В начале XVII в. в германоязычной среде (шведы, немцы), по этой реке Иссе, согласно наработанный на Западе топонимической модели X-бург, Изборск именовался Isburg, Yseborg – город на Иссе.

Продолжим путешествие по Турунту. В нижнем течении р. Бдѣхи, на правом высоком ее берегу известна деревня Трынтова Гора, ныне Трынтово. Это тот же слегка искаженный «турунтовский» топоним, маркирующий участок древнего водного пути «Турунтус», который шел от верховьев Полоты до устья Наровы.

Пока можно предположить, что по каким-то, неизвестным нам причинам, древнейший водный путь, который античные авторы называли Турунт, а местные финны Иса (по крайней мере, с момента впадения р. Иссы в Великую оба понятия идентичны) сворачивал на систему Кудебь – болото (озеро на месте нынешнего болота?) – Смолка – Бдѣха и далее на озера Псковское и Чудское. Вероятно, в древнейший период тогдашняя гидрология не позволяла плыть иначе, а пороги в районе Выбут и в устье Великой были совершенно непроходимыми. Приходилось искать обходной путь. При этом, обводненность этого обходного пути была довольно высокой. В 1977 г. во время раскопок длинного кургана и селища у д. Лезги на берегу Бдѣхи С. В. Белецким и мною было записано предание, что река Бдѣха здесь когда-то давно была большой рекой и по ней ходили корабли, а в районе городища близ берега реки «во времена лука и стрел» было большое сражение. Вероятно, это последние отзвуки некогда существовавших реалий, сохранившиеся в народной памяти.

Вполне возможно, что некогда на значительном протяжении трассы водного пути Турунтус и течение рек Исы-Великой – Исеи – Исы совпадали и – на разных языках (но в тот же самый период) – обозначали одно и то же. Феномен же Иссы изборской в отдалении от Исы-Великой объясняется архаичным принципом пути по Турунту – это не только и не столько река, сколько водный путь по ней со всеми его волоками и боковыми ответвлениями и даже с пересечением другой крупной реки – Рудона-Западной Двины. Реки не могут пересекаться, пути – могут.

После Турунта – со всеми его загадками – Птолемей называет устье реки под названием Хесин или Херсин на берегу Венедского залива. Маркиан пишет о ней немного подробнее: *«... а за рекою Турунтом следует река Хесин и ее устье. За рекою Хесином находится неизвестный Иперборейский океан, принадлежащий к Иперборейской неизвестной земле. По реке Хесину живут агафирсы, народ Европейской Сарматии. Реки Хесин и Турунт текут с вышележащих гор, которые называются Рипейскими горами и лежат внутри материка между Мэотийским озером и Сарматским океаном. Река же Рудон из Аланской горы; у этой горы и вообще в этой области живет на широком пространстве народ Аланов-Сарматов, в земле которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт»* (Маркиан, 39).

Из маркиановского описания явствует, что Хесин – последняя крупная река, впадающая в Венедский залив (Балтику). После устья Хесина, как можно понять из описания, крупных рек больше нет. Дальше находится некий Иперборейский океан, в котором с трудом, но угадываются Белое и Баренцево моря. Птолемею и Маркиану известны устья этих рек, впадающих в море, а Маркиан называет еще и истоки, которые – для обеих рек – лежат в неких Рипейских горах.

Далее название Хезин всплывает в XVII в. Мейерберг в 1661 г. отметил: «... пристали в Великом Новгороде... Этим городом протекает река Хезин (*Chezinus*), называемая у русских Ловатью (*Lowat*), до впадения ее в озеро Ильмень, а потом носит название Волхова (*Wolckow*), до впадения ее, через озеро Ладогу, в Чудской залив». И далее об озере Ильмень: «Это озеро, приняв реку Хезину, у русских – Ловать, выпускает ее потом из своего недра под другим уже именем Волхова...» (Мейерберг, 1997. С. 44). Интересно отметить, что информатор путает реку Волхов, на которой стоит Новгород, с Ловатью, впадающей в Ильмень с юга. Или не путает, а неудачно пытается свести два местных разноречивых известия, одно из которых сообщает, что начало Волхова – это тоже Хезин. В 1680 г. Я. Рейтенфельс также сообщает о реке «... Ловать или Хезин...» (Рейтенфельс, 1997. С. 391).

По представлениям XVII в. Хезин – это только Ловать. Античные же представления по Птолемию и Маркиану были иные – они протягивали этот путь до устья при впадении в море; возможно, это море начиналось уже нынешним озером Ладога, тогда как Нева была еще проливом моря, – это представление о проливе есть в скандинавских сагах.

Об идентификации же Мейербергом и Рейтенфельсом Турунта и Хезина следует заметить, что вслед за Герберштейном с его Рудоном – Западной Двиной и Турунтом – Великой – они потому так и уверены в старом определении обеих рек в XVII в., что тогда на берегах этих рек было то же самое – жители традиционно еще припоминали старую номинацию. Доказательства? Пожалуйста: у Мейерберга Хезин – это Ловать до впадения в Ильмень, а дальше – Волхов. Ни в каких других источниках этого нет. Придумать такое нельзя – это можно только узнать на месте, у местных жителей. К тому же, в своих совпадающих определениях Мейерберг и Рейтенфельс не сговаривались – источники совершенно самостоятельны. К тому же, Рейтенфельс – сам ливонец, уроженец Лифляндии, и его знаниям о русском Северо-Западе, я полагаю, всегда можно доверять.

Теперь о Рипейских горах, из которых вытекают крупнейшие реки Европейской Скифии. Античная традиция основные Рипейские горы размещала где-то на территории Скифии – Восточной Европы. Первым их упомянул в своей поэме «Аримаспейя» Аристей Проконнеский около VII в. до н.э.: «А выше аримаспов простираются высокие горы Рипеи, с которых никогда не сходит снег и дует свирепый ветер Борей» (Пьянков, 2005. С. 32). По новейшим исследованиям, путешествие Аристея датируется 680–660 гг. до н.э. (Мусбахова, 2012. С. 50). Известный поэт Спарты Алкман в VII в. до н.э. (повидимому, по данным Аристея) писал: «гора Рипы сплошь покрытая лесом черной ночи грудь» (PMG. F. 90). Эти горы упоминают Гекатей и Гелланик, а также младший современник Геродота и Гелланика Дамаст Сипейский: «... выше аримаспов – Рипейские горы, с которых дует Борей, а снег никогда не сходит» (Щеглов, 2010. С. 20).

Рипейские горы упомянуты и у Гиппократом (ум. в 460 г. до н.э.). «Отец медицины» в своем труде «О воздухе, водах и местностях» сообщает о холодном климате Скифии, объясняя это тем, «... что она лежит под самым севером

и у подножия Рипейских гор, откуда дует северный ветер» (Гиппократ, 26.). Его современник Гелланик (Елланик), рассказывая о гипербореях, отмечает, что они живут выше Рипейских гор (Елланик. Собр. отр. 1893). В первой половине IV в. до н.э. Эвдокс отмечает, что река Эридан протекает именно с Рипейских гор, находящихся в глубине Скифии (Шафарик, 1838. С. 211). Аполлоний Родосский во второй половине III в. до н.э. отмечает, что Рипейские горы – выше дыхания Борея (Аполл. Род. Аргонавтика, IV, 285); схолии к Аполлонию дают ссылку на Каллимаха (ок. 310 – ок. 235 гг. до н.э.): «Посылают от Рипейской горы» (Схолии к аполлонию... Кн. IV, 280/45). «Рипейские ущелья» отмечены в «Орфической Аргонатике» (Орфеев поход, 1079).

Северный ветер по-гречески именовался Борей, а по-латыни – Аквилон. Указывали даже конкретно место на юге Рипейских гор, откуда извергается этот северный ветер – Гесклитрон; соответственно, народ к северу от Борея назывался гиперборей – «живущие за Бореем». Наиболее красочно охарактеризовал Рипейские горы Рейтенфельс в вольном переводе Плиния: «Далее следуют Рифейские, или Гиперборейские горы, которые Плиний назвал проклятыми душою мира и окутанными густым мраком» (Рейтенфельс, 1997. С. 391). Сам же Плиний писал: «... Рипейские горы и область, называемая Птерофором из-за постоянного падающего снега, похожего на перья; [эта] часть мира проклята самой природой, погружена в густую мглу, во все, что производит стужа, и во вместилище ледяного Аквилона» (Плиний, кн. IV, 88). В числе позднейших упоминаний Рипейских гор – свидетельство Филосторгия в его «Церковной истории», написанной около 365 г. (Филосторгий. История церкви. Кн. IX, 17).

Еще одни Рипейские горы находились в северной Греции, в Аркадии; разница в произношении между ними была обозначена в греческом языке только в придыхании в начале слова, либо в его отсутствии (Гонорат, Lib. IX, v. 81).

Иногда Рипейскими горами называли и Уральские горы. Поэтому традиционно считается, что это некий полумифический объект античной географии. Однако сами древние так не считали. Всякий раз под Рипейскими горами разумелся вполне конкретный объект. Вероятно, путаница началась тогда, когда слово «рипа» в индоевропейском языке обозначало любые горы вообще – в этом смысле все горы – Рипейские. Бонгард-Левиным и Грантовским замечено, что форма Рипа – в более ранних источниках, форма Рипей – в более поздних. То же слово в форме *ripa*, *rip* имеется в древнейшем письменном памятнике индоариев – «Ригведе» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1988. С. 113). Для того чтобы не запутаться самим, античные географы вводили дополнительные обозначения. Так, например, в «Космографии» Юлия Гонория (III–IV вв.) сообщается о реке Дон: «Река Танаис рождается на горе Гипербореи Рипей...». Далее приводятся сведения о Днепре: «Река Борисфен рождается на горе Гипербореи Рипей...» (Юлий Гонорий, А 33).

Аноним Равеннский (ок. 700 г.н.э.) также знает Рипейские горы: «Рядом же с берегом океана проходят Римфейские горы. С этих гор берет начало река, которая называется Танаис; большая часть ее впадает в залив Меотийского болота... Заканчивается [описание] всей Европы. Она ограничена с востока вышеупомянутыми Римфейскими горами, [которые относятся] к Каспийским

и Кавказским горам и в которых берет начало вышеозначенная река Танаис. Эта река Танаис несет свои воды в болота [Меотиды]» (Аноним Равеннский, II, 20).

Те же горы и реки известны и по «Космографии» Псевдо-Этика (V–VI вв.): «Река Танаис рождается на горе Гиперборейской, где находятся Рипеи в глухой горе... течет в болота Меотиды; проходит расстояние в 654 мили.

Река Борисфен рождается на горе Гиперборейской; впадает в Понт; проходит расстояние в 210 миль.

Река Меотида рождается на горе Спан; впадает в море Меотиду; проходит расстояние в 204 мили» (Псевдо-Этик, I, 33). Гора Спан – это Северный Кавказ, откуда и вытекает река Кубань-Меотида; это уже не Рипеи.

С гор Рипейских-Гиперборейских берут свое начало несколько рек – Турунт (речная система Великая – Нарова), Хесин (Ловать), Танаис (Дон), Борисфен (Днепр). Рудон (Западная Двина) вытекает из некой Аланской горы, а согласно Эвдоксу, – из Рипейских гор, так что Аланская гора также является частью Рипейских гор Центрально-Европейской Скифии. Истоки Хрона (Немана) прямо не обозначены, но, согласно отождествлению янтароносных Алдиска и Пантикапа с Неманом и Западной Двиной, тоже лежат в тех же Рипейских горах. Из этого следует, что шесть означенных рек, вытекающих из Рипейских гор, хорошо обозначают по периметру эти горы, – это Среднерусская возвышенность с ее отрогами; к этому выводу пришел еще Сапунов (Сапунов, 1893. С. 22). Всё это – вопреки мнению А. В. Подосинова, который склоняется к отождествлению Рипейских гор с Уральскими горами (Подосинов, 1997. С. 91–94). Конечно, можно построить карту-реконструкцию, в которой Хрон, Рудон, Турунтус, Хезин, Танаис, Борисфен (Неман, Двина, Турунт – путь от Полоты по Великой до Балтики, Хезин – путь от истока Ловати до устья Невы, Дон и Днепр) будут проистекать с Уральских гор, но такая карта не будет соответствовать никакой традиции – ни древней, ни современной.

Таким образом, отрог Валдая – Городокская возвышенность и ее отрог – Бежаницкая возвышенность в границах современной Псковской области – это северная часть легендарных Рипейских-Гиперборейских гор Европейской Скифии.

Рипейские горы – это именно то пространство, которое в этногеографическом смысле Птолемей именовал ставаны/стлаваны, а Тацит – венеты; здесь же протекает «венетский Эридан» по Проперцию. Восточную часть этого пространства занимает днепро-двинская культура – она перекрывается ареалом «дьяковских грузиков», являющихся верхними крышками светильников, и связанных, вероятно, – в смысле своей орнаментики и применения – с некоторыми проявлениями соляного культа (Александров, 1984. С. 107–110).

Крайние оконечности Рипейских гор (Среднерусская возвышенность) иногда путались в античных источниках с другими Рипейскими горами, и тогда совмещались реки и жившие на них народы, никак доселе несовместимые, как это, например, получилось у Аммиана Марцеллина при описании им Европы: «В самом начале этого материка, там, где кончаются Рифейские горы, живут аримфеи, праведные и известные своим миролюбием люди. Область их омывают реки Хроний и Висула» (Аммиан Марцеллин, кн. XXII, 8, 38).

Аримфеи или аргипеи ныне соотносятся с верхним Поволжьем – предгорьями Урала. Реки же Хрон и Вистула, то есть Неман и Висла, маркируют западную оконечность Среднерусской возвышенности; при этом, Неман-Хрон с нее же и берет свое начало. Таким образом, если разнести у Марцеллина географически никак не совместимые объекты, то получаются крайние – восточный и западный – рубежи тех же Рипейских гор Скифии.

Иногда Рипейские горы ошибочно помещали на западе, в Кельтике, о чем сообщал во второй половине I в. н. э. Валерий Проб: «Некоторые принимали Рифейские горы за Альпы. Но, собственно, Рифейские горы находятся в Скифии (Проб. Объяснение...1904. С. 25).

Возвращаясь же к загадке Хесина-Херсина, можно привести следующие соображения. Античные источники знали места устьев рек (Птолемей приводит даже координаты этих устьев), а также имели представление, откуда эти реки вытекают.

Возможно, в какой-то мере к античным рассуждениям именно об устьях крупных рек примешивался и чисто сакральный элемент, связанный с почитанием именно устьев рек. Так, Максим Тирский, современник императора Коммода, пишет: «... Рекам также воздаются почести или за пользу..., или за красоту..., или вследствие величины, как напр. Истру от скифов... Каппадокийцы считают гору божеством... у меотв такую же роль играет их озеро, а у массагетов – Танаид» (Максим Тирский, Речь 8-я, § 1). Священные реки обладали лечебной силой, как «... река Алдиск, излечивающая домашних животных...» (Евстафий, Объяснения... Р. 1837, 61 sq. ad XVIII, 70). Таким образом, священными считались реки Истр, Танаис и Алдиск (по лечебной функции); наверняка и другие крупные реки – Вистула, Рудон, Турунт и Хезин в античное время также были священными и все это знали. Традиция продолжалась и дальше – в древнерусских былинах есть персонифицированный образ реки Волхов.

Устья рек информировали о главных событиях: в ирландском эпосе богинями войны о победе возвещается «... **величайшим вершинам Ирландии, волшебным холмам, устьям рек и могучим водам**» (Битва при Маг Туиред, 1991. С. 48). Это – кельты с их иррациональным мышлением. А вот для прагматичных римлян имели значение именно крупнейшие судоходные реки с их устьями, имевшие военное стратегическое значение. Хотя персонификация рек была и у них: на Траяновой колонне в сюжете переправы римлян через Истр изображен бог этой реки.

Само же течение северных рек от истока до устья было для античных географов полнейшей загадкой. Единственным устьем крупной реки, соотносимой с Хезином, (к тому же, самым восточным по месторасположению) является устье реки Невы, а единственной крупной самой восточной рекой, действительно вытекающей из Рипейского массива, является река Ловать, в античное время – Хезин. Об озерах же Ильменском и Ладожском, а также о реке Волхов античные географы не знали, и всю водную систему рек и озер сочли за единую реку, что, впрочем, могло отражать и какие-то местные представления об этом крупнейшем водном пути.

О реке Волге античная география узнала позднее, чем о большинстве перечисленных выше рек. Птолемей уже знает ее под названием Ра. Вероятно, именно Волгу упоминает та же «Космография» Юлия Гонория: «*Река Терюидес рождается на [скифских] равнинах; родившись в трех местах, соединяется в одну [реку]; впадает в Каспийское море, проходит расстояние 842 мили*» (Юлий Гонорий, В 7). Об истоках этой реки в горах не сообщается – здесь упомянуто только о «равнинах», но две из трех основных ее составляющих – собственно Волга и Ока – также вытекают из Рипейских гор – Среднерусской возвышенности. Третий приток – Кама.

Таким образом, Рипейские горы (Рипей-Гипербореи) служили основным возвышенным водоразделом для всех крупных рек Восточной Европы, что нашло отражение в античных географических сочинениях. Совершенно очевидно, что места этого водораздела были покрыты лесными массивами. Приблизительно то же самое сообщает древнейшая русская летопись – «Повесть временных лет»: «... Днепр вытекает из Воковского леса, идет на юг, а Двина из того же леса идет на север в море Варяжское, из того же леса идет Волга на восток и втекает 70-ю устьями в море Хвалисьское» (Каспийское – А. А.) (Летописец Переяславля Суздальского, 1897. Л. 211 (об.)).

Старая популярная этимология гидронима Ока – от финского *joki* – река (Ключевский, 1904. С. 359–360), хотя М. Фасмер и отвергал этот вариант. Поскольку же из Оковского леса, границы которого ныне определены (см. ниже), река Ока не вытекает, а названия однокоренные, то, казалось бы, в целом, название этого летописного Оковского леса может быть понято как «Речной», что вполне соответствовало бы месту этого крупнейшего водораздела Восточной Европы. О. Н. Трубачев полагал, что Оковский лес – это адаптация выражения *Akū(n) medjas* – «родниковый лес», исходя из данных балтийских языков – литовского и латышского, что хорошо соотносится с природными данными этого водораздельного леса, отрицая связь раннего названия Оковского леса с волоками, которых тут было не менее шести (Алексеев, 1974. С. 11), с чем соотносится другое летописное название – Волоковский лес, которое Трубачев считает поздним. Еще один поздний вариант названия леса – Волконский (Трубачев, 1992. С. 156–165). Во всяком случае, на Эбсдорфской карте XIII в. обозначены реки *Olchis* и *Wolkans* – Волхов и Волга (Подосинов, 2007. С. 97); практически полное созвучие с Волконским лесом.

В любом варианте (или во всех поочередно), – «речной», «родниковый» или «волоковский» – этот лес занимал значительную часть того же пространства, что и Рипейские горы (Алексеев, 1974. С. 7. Рис. 2, карта). Оковский лес летописи – это территория крупнейшего водораздела Восточной Европы, в античное время – Европейской Скифии. Надо отметить, что, согласно Герберштейну, Танаис-Дон вытекал из другого леса, который именовался Оконницким или Епифановским, и территорию которого, вопреки античным данным, автор исключал из Рифейских гор (Герберштейн, 1988. С. 137).

П. И. Шафарик по глухой ссылке на Маркиана упоминает также Аланский лес, из которого вытекают реки Рудон и Борисфен (Шафарик, 1847. С. 368). Поскольку Западная Двина и Днепр вытекают из Оковского леса, то,

казалось бы, эти лесные массивы можно отождествить. Однако началом Борисфена-Днепра в античное время считалась р. Березина, поэтому с высокой долей вероятности, этот Аланский лес охватывал верховья Березины и близлежащие истоки Хрона-Немана. Однако со времени около 333 г. н.э. известно современное название Днепра – Данаприс (*Шафарик*, 1838. С. 218), и где мыслились в это время истоки переименованной реки, не совсем понятно. Поэтому, с некоторыми сомнениями, следует оставить оба варианта.

Совершенно ясно, что это накладываются краями части того же самого леса, который, согласно Алкману, в VII в. до н.э. сплошным массивом рос на Рипейских горах и, вероятно, занимал их полностью. Возможно, что этот лес мог именоваться Рипейским.

В заключение надо остановиться еще на одной исторической загадке. Плиний Старший сообщает о Балтике и ее южном побережье: «Северный океан, Гекатей называет его Амальхийским в той части, которая, начиная от реки Паропамиса, омывает Скифию, это слово на языке того народа означает «замерзший». Филемон говорит, что часть океана от Рипейских гор вплоть до мыса Рубеас кимеры называют Моримарузой, что значит мертвое море. Дальше океан называется Кронием» (Плиний. Естественная история, 1953, 94). Здесь мы находим несколько существенных сведений. Во-первых, Северный океан омывает Скифию. Имеется в виду Европейская Скифия, границы которой известны – ее западный рубеж на балтийском побережье проходит примерно посередине между устьями Вислы и Немана (*Мачинский*, 2009. С. 470. Карта 1). Во-вторых, этому месту соответствует только устье реки Прегеля, с которым и может быть идентифицирована загадочная река Паропамис. В-третьих, часть побережья океана от Рипейских гор до мыса Рубеас носит название Моримаруза. Рипейские горы Европейской Скифии к побережью не выходят, но устья двух рек, берущих свое начало в Рипейских горах, выходят. Это устье Хрона-Алдиска-Немана и устье Рудона-Пантикапа-Западной Двины. Для мыса Рубеас высчитаны четыре точки размещения (*Мачинский, Кулешов*, 2004. Вклейка между С. 44 и 45. Рис. 1). При перечислении объектов с востока на запад подходит любая из трех точек в западной части Скандинавского полуострова и на юге Финляндии. Но это уже не Скифия, это – Кельтика. На той же карте-схеме обозначена современная среднегодовая граница замерзания Балтики, начинающаяся от мыса немного западнее устья р. Венты. В соответствии с упоминанием Рипейских гор, в IV–II вв. до н.э. граница замерзания могла начинаться южнее – от устья Немана, вытекающего из этих гор.

Таким образом, все крупные реки восточной Балтики с их устьями и истоками, перечисленные в античной традиции, остаются на своих местах, по крайней мере, на современном уровне наших знаний. Впрочем, думаю, что в этом отношении и далее ничего существенным образом не переменится.

Издания источников

- Аполлоний Родосский*. Аргонавтика // *Латышев*, 1890–1900.
 Битва при Маг Туиред // Предания и мифы средневековой Ирландии. М.: Изд. МГУ, 1991.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Изд. МГУ, 1988.
- Геродот*. История. Л.: Наука, 1972.
- Гиптократ* [Иппократ]. О воздухе, водах и местностях // *Латышев*, 1890–1900.
- Гонорат Мавер Сервий*. Объяснения к Вергилию // *Латышев*, 1904.
- Гонорий Юлий*. Космография // *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002.
- Евстафий*. Комментарии к землеописанию Дионисия // *Латышев*, 1890–1900.
- Евстафий*. Объяснения к гомеровою Одиссее // *Латышев*, 1890–1900.
- Елланик*. Собрание отрывков // *Латышев*, 1890–1900.
- Каллимах*. Отрывок. Схолии к аполлониеву «Походу аргонавтов» // *Латышев*, 1890–1900.
- Клавдиан*. Фесценнины // Поздняя латинская поэзия. М.: Гослитиздат, 1982.
- Летописец Переяславля Суздальского. Русские летописи. I–III. М., 1897.
- Максим Тирский. Беседы // *Латышев*, 1890–1900.
- Маркиан*. Объезд Европейской Сарматии // *Латышев*, 1890–1900.
- Марцеллин Аммиан*. Римская история. СПб.: Алетейя, 1994.
- Мейерберг А.* Путешествие в Московию Барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, посланца августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. М.: Рита-Принт, 1997.
- Мела Помпоний*. О положении земли // *Боднарский М. С.* Античная география. М.: Географгиз, 1953.
- Овидий*. Метаморфозы. СПб.: Азбука-классика, 2007.
- Овидий Назон // *Подосинов А. В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М.: Наука, 1985.
- Орфеев поход аргонавтов // *Латышев*, 1890–1900.
- Павсаний*. Описание Эллады. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1996.
- Плиний Гай Секунд*. Естественная история: в 37 кн. // *Боднарский М. С.* Античная география. М.: Географгиз, 1953.
- Плиний Гай Секунд*. Естественная история: в 37 кн. // *Шелов-Коведяев Ф. В.* Плиний. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М.: Наука – Вост. лит., 1991.
- Плиний Гай Секунд*. Естественная история: в 37 кн. // *Подосинов А. В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011.
- Плутарх*. Избранные жизнеописания: в 2 т. М.: Правда, 1987.
- Проб Валерий*. Объяснение к Георгикам // *Латышев*, 1904.
- Проперций Секст*. Элегии // *Латышев*, 1949.
- Проперций Секст*. Элегии // Валерий Катулл. Стихотворения. Альбий Тибулл. Элегии. Секст Проперций. Элегии. М.: Гослитиздат, 1963.
- Псевдо-Этик*. Космография // *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002.

- Птолемей*. Географическое руководство // *Латышев*, 1890–1900.
- Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 // Утверждение династии. М.: Рита-Принт, 1997.
- [*Стефан Византийский*]. Из описания племен Стефана Византийского: сокр. // *Латышев*, 1890–1900.
- Страбон*. География. М.: Ладомир, 1994.
- Тацит Корнелий*. Германия // *Боднарский М. С.* Античная география. М.: Географгиз, 1953.
- Тацит Корнелий*. О происхождении германцев и местоположении Германии // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Ладомир, 1993.
- Филосторгий*. История церкви // *Латышев*, 1890–1900.

Литература

- Александров А. А.*, 2002. Каменный идол из д. Богово // Земля Псковская, древняя и современная: материалы науч.-практ. конф., 2000–2001 годов. Псков.
- Александров А. А.*, 2011. Кельтские каменные идолы в Восточной Европе // Земля Псковская, древняя и современная: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию Псковского музея, 28–29 нояб. 2011 г. Псков.
- Александров А. А.*, 1984. О дьяковских грузиках // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.
- Александров А. А.*, 2013. Первые упоминания славян в поздних римских источниках // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (17–19 апр. 2012 г.). М.
- Алексеев Л. В.*, 1974. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л.
- [*Альбрехт*] *Михаэль фон Альбрехт*, 2004. История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияние на позднейшие эпохи. Т. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
- Анфертьев А. Н.*, 1988. Сведения Тацита о народах северо-восточной Европы: опыт интерпретации // АИППЗ: тез. докл. науч.-практ. конф. Псков.
- Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною притом генеральною картою Великия сея Империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745.
- Белецкий С. В.*, 1996. Начало Пскова. СПб.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.*, 1988. Скифы и славяне: мифологические параллели // Древности славян и Руси. М.
- Булкин В. А.*, 1983. Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Минск.
- Булкин В. А.*, 1985. Из истории гидронима Двина // Материалы к этнической истории европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Булкин В. А.*, 1993. Мачинский, Ставаны, КШК и др. // Скифы, сарматы, славяне, Русь. СПб. (Пав. Вып. 6).
- Булкин В. А., Седых В. Н., Каргапольцев С. Ю.*, 2005. Реки восточной части Балтийского бассейна в позднеантичных источниках и некоторые археологические находки на р. Луге // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 2. История. Вып. 3.
- Булкин В. А.*, 2003. Турунт // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб.
- Васильев И. И.*, 1882. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков.

- Голицын Н. Н., 1863. История Пскова. Ч. 1 // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 5. СПб.
- Дучыц Л. В., 1993. Слонімскі ідал // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Мн.
- Кельтская мифология: Энциклопедия. М.: ЭКСМО, 2002.
- Клейн Л. С., 2010. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.
- Ключевский В. О., 1904. Курс русской истории. Ч. 1. М.
- Кун Н. А., 1955. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР.
- Латышев В. В., 1890–1900. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб.
- Латышев В. В., 1904. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том II. Римские писатели. Вып. 1. СПб.
- Латышев В. В., 1949. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. № 1.
- Льугас В., 1995. От Хийумаской «Изабеллы» до Псковской реки Великой // Austvegr = Восточный путь. № 1.
- Мачинский Д. А., 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л.
- Мачинский Д. А., 2009. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII – середине XI в. // Труды ГЭ. Вып. 49. СПб.
- Мачинский Д. А., Кулешов В. С., 2004. Северные народы середины IV – первой половины VI в. в «ГЕТИСА» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 дек. 2003 г.: сб. ст. СПб.
- Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж..
- Мусбахова В. Т., 2012. К вопросу о достоверности свидетельства Геродота о времени жизни Аристея из Проконнеса и времени создания «Аримаспей» // Аристей: Вестн. классической филологии и античной истории. Т. 5. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Плоткин К. М., 1993. К вопросу о топониме «Изборск» и реке Исе // Скифы, сарматы, славяне, Русь. СПб. (ПАВ. Вып. 6).
- Подосинов А. В., 1991. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М.
- Подосинов А. В., 1997. К вопросу о локализации Рипейских гор // Ладога и религиозное сознание: Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 дек. 1997 г.: материалы к чтениям. СПб.
- Подосинов А. В., 1998. Восточная Европа в «Космографии» Юлия Гонория (IV–V вв.) // Восточная Европа в древности и Средневековье: X чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 15–17 апр. 1998 г.: материалы к конф. М.
- Подосинов А. В., 2000. К находке древнейшей географической карты античности // ВДИ. № 3.
- Подосинов А. В., 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.
- Подосинов А. В., 2007. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.
- Подосинов А. В., 2011. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: тексты, перевод, комментарий. М.
- Попов А. И., 1973. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л.

- Попов А. И., 1981. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука.
- Пчелка. Журнальная всячина всячина // Северная пчела. 1853. № 156.
- Пьянков И. В., 2005. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон: альманах по древней истории и культуре. Вып. 3.
- Сапунов А. П., 1893. Река Западная Двина: Историко-географический обзор. Витебск.
- Середонин С. М., 1917. Историческая география // Записки классического отделения Русского Археологического общества. Т. IX. Пгр.
- Татищев В. Н., 1962. История российская. Т. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР.
- Трубачев О. Н., 1992. В поисках единства. М.: Наука.
- Трусман Ю. А., 1894. О происхождении названия г. Изборска и древнего населения его окрестностей // Живая старина. Вып. III, IV. СПб.
- Тучков С. А., 1996. Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М.
- Харлашов Б. Н., 1981. Отчет о работе в бассейне р. Кудебь в Палкинском районе Псковской области в 1981 году // Архив ИА АН СССР. Р-1/8576.
- Шафарик П., 1847. Славянские древности. Т. 1, кн. 2. М.
- Шафарик П., 1848. Славянские древности. Т. 1, кн. 3. М.
- Шахматов А. А., 1911. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. Ч. 1–2 // Известия Императорской академии наук. Сер. VI. № 9–10.
- Шелов-Коведяев Ф. В., 1991. Птолемей // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.). М.
- Шкунаев С. В., 1991. Комментарии. «Из книги «Захватов Ирландии» // Предания и мифы средневековой Ирландии. М.
- Штыхаў Г. В., Захарэнка П. Н., 1971. Старажытныя скарбы Беларусі. Мн.
- Щеглов Д. А., 2010. Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации // Аристей: Вестн. классической филологии и античной истории. Т. 1. М.

Приложение

Реки юго-запада Балтики в античной традиции

Висла	Прегель	Неман	З. Двина	Великая (путь)	Ловать (путь)	← Соврем. назв. / Авт. ↓
		Ардиск	Эридан			Геснод VIII в. до
			Эридан			Сокр.Геснода VIII в. до
			Эридан			Эсхил VI–V в. до
			Эридан			Ферекид V в. до
			Эридан			Еврипид V в. до
			Эридан			Геродот V в. до
			Танаис?			Пифей IV в. до
			Танаис?			Тимей из Тавр. IV в. до
			Эридан			Эвдокс IV в. до
			Эридан			Скилак IV в. до
			Эридан			Проперций I в. до
Вистла						Агриппа I в. до
			Эридан		Акесин ?	Страбон I в. до
			Танаис			Скимн Хиосск. I в. до
			Эридан			Овидий I в. до
Вистла	Паропамис	Гутал?	Пантикап		Акесин	Плиний I в.

<i>Висла</i>	<i>Прегель</i>	<i>Неман</i>	<i>З. Двина</i>	<i>Великая (путь)</i>	<i>Ловать (путь)</i>	← <i>Соврем. назв. / Авт.</i> ↓
Вистула						П. Мела I в.
		Алдиск	Пантикап			Дионисий I в.
					Акезин ?	Арриан II в.
			Эридан			Павсаний II в.
Вистула		Хрон	Рудон	Турунт	Хезин	Птолемей II в.
Вистула		Хринос	Рудон Танаис	Турунт	Хесин	Маркиан IV в.
			Эридан			Клавдиан IV в.
Селлианус						Певт. Табл. IV в.
Вистула		Хроний				Ам. Марцеллин IV в.
		Ардиск	Пантикапэй			Руф. Ф. Авиен IV в.
Вистула						Безым. автор V/VI вв.
Вистула						Иордан VI в.
Вистула		Бангис?				Ан. Равен. VII/VIII вв.
		Ардеск				Схол. Гесиода IX–X вв.
		Алдиск				Суда X в.
		Алдиск	Иридан Пантикап			Евстафий XII в.
		Алдиск	Пантикап			Ник. Влеммид XIII в.
		Кронон	Рубон	Турант		Герберштейн XVI в.
			Роданус			Сабин XVI в.
			Рубон	Турунт	Хезин	Мейерберг XVII в.
				Турунт	Хезин	Рейгенфельс XVII в.

А. А. Егорейченко

Городище Тарилово (Укля)

A. A. Egoreichenko. Hillfort Tarilovo (Uklya)

Abstract. The settlement is located 1.5 km North-West from the village Uklya, on the Northern shore of lake Uklya, near the abandoned farm Tarilovo on the top of the hill-outlier 16 m above the lake level. In 1992 and 1994, the author studied the area of 178 sq m in the Northern and Eastern parts of the hillfort.

The study revealed three stages in the operation of the Gorodische. The first is associated with the Dnieper-Dvina culture and dates back to the Ist Millennium BC. The second is the time of the late hatched pottery culture domination. The final date of this period, apparently, does not go beyond the III century AD. The third phase is related to the tribes of the mid – third quarter of the Ist Millennium AD, whose life was spent in the nearby village. The hillfort at this time was probably used as a shelter.

Ключевые слова: железный век, днепро-двинская культура, культура штрихованной керамики

Keywords: Iron age, Dnieper-Dvina culture, Hatched pottery culture.

Городище находится в 1,5 км северо-западнее д. Укля, на северном берегу одноименного озера, возле заброшенного хутора Тарилово. Размещено на вершине холма-останца высотой 16 м над уровнем озера. Площадка овальной формы, ее размеры: 35×40 м. Искусственные оборонительные сооружения отсутствуют. В северной части холма, на его склоне имеется террасообразный выступ, происхождение которого неясно.

Городище известно с конца XIX в., однако вплоть до конца XX в. раскопки на нем не предпринимались. В 1972 г. его обследовал М. М. Чернявский, в 1976, 1980 гг. – Л. В. Дучиц.

В 1992–1994 гг. А. А. Егорейченко исследовал 178 кв. м в северной и восточной частях площадки городища (рис. 1). Культурный слой представлял собой темно-серую супесь. На уровне V–VIII пластов его цвет менялся на черный из-за включения мелких углей. Мощность культурного слоя колебалась от 1,1 до 3,2 м. Как показали раскопки, в результате двух реконструкций площадка городища была расширена за счет сброса на склоны культурного слоя, а самим склонам с северной, западной и восточной сторон придана большая крутизна. Для предотвращения оползания грунта в северной части

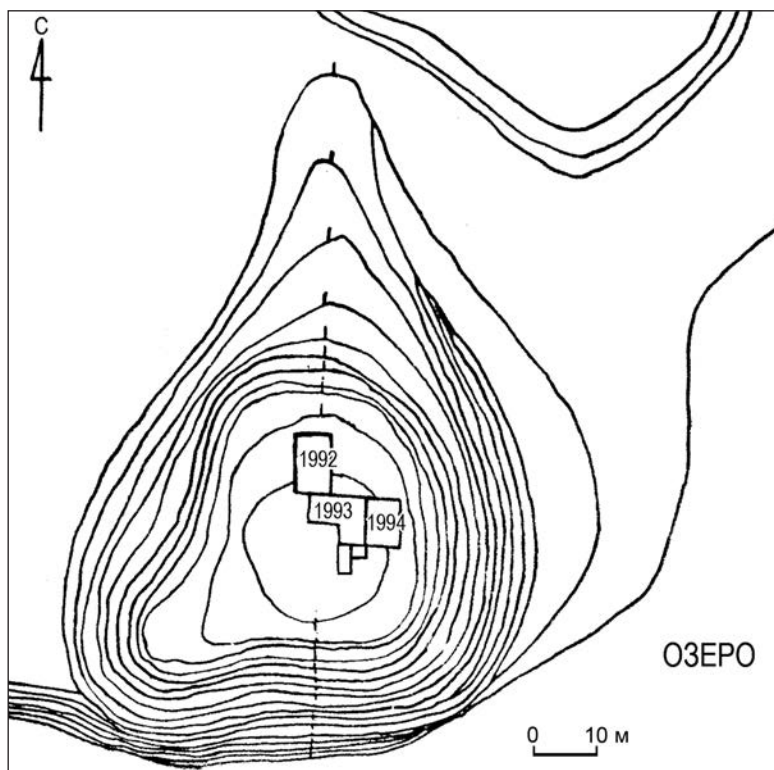

Рис. 1. План городища Тарилово (Укля)

были уложены две линии крупных валунных камней длиной 0,7–0,9 м в поперечнике.

В культурном слое неоднократно встречались каменные вымостки и разрозненные камни. Часть из них имела следы обжига. В нижней части культурных отложений обнаружено 7 глинобитных очагов (рис. 2).

Очаг 1. Зафиксирован в южной части раскопа 1992 г. на уровне VII пласта (0,6–0,7 м). Он имел овальную форму и был направлен устьем на запад. Его размеры: 1,2×1,6 м. Очаг оконтурен глинобитным валиком шириной 0,1–0,15 м. Он был заполнен 20-сантиметровой толщиной золы, под которой шел еще 10-сантиметровый слой углей.

Очаг 2. Зафиксирован в южной части раскопа 1993 г. (рис. 3: 2) на уровне VII–VIII пластов (0,6–0,8 м). Он имел круглую форму размерами 0,9×0,9 м и был ориентирован устьем на северо-запад. Его оконтуривала подковообразная полоса обожженной глины шириной 0,1 м и глубиной 0,1 м. Он был заполнен углем и золой. Внутри очага обнаружено несколько фрагментов днепро-двинской керамики.

Очаг 3. Размещался северо-восточнее очага 2 (рис. 3: 1) на уровне IX пласта (0,8–0,9 м). Для него также была характерна округлая форма. Его размеры:

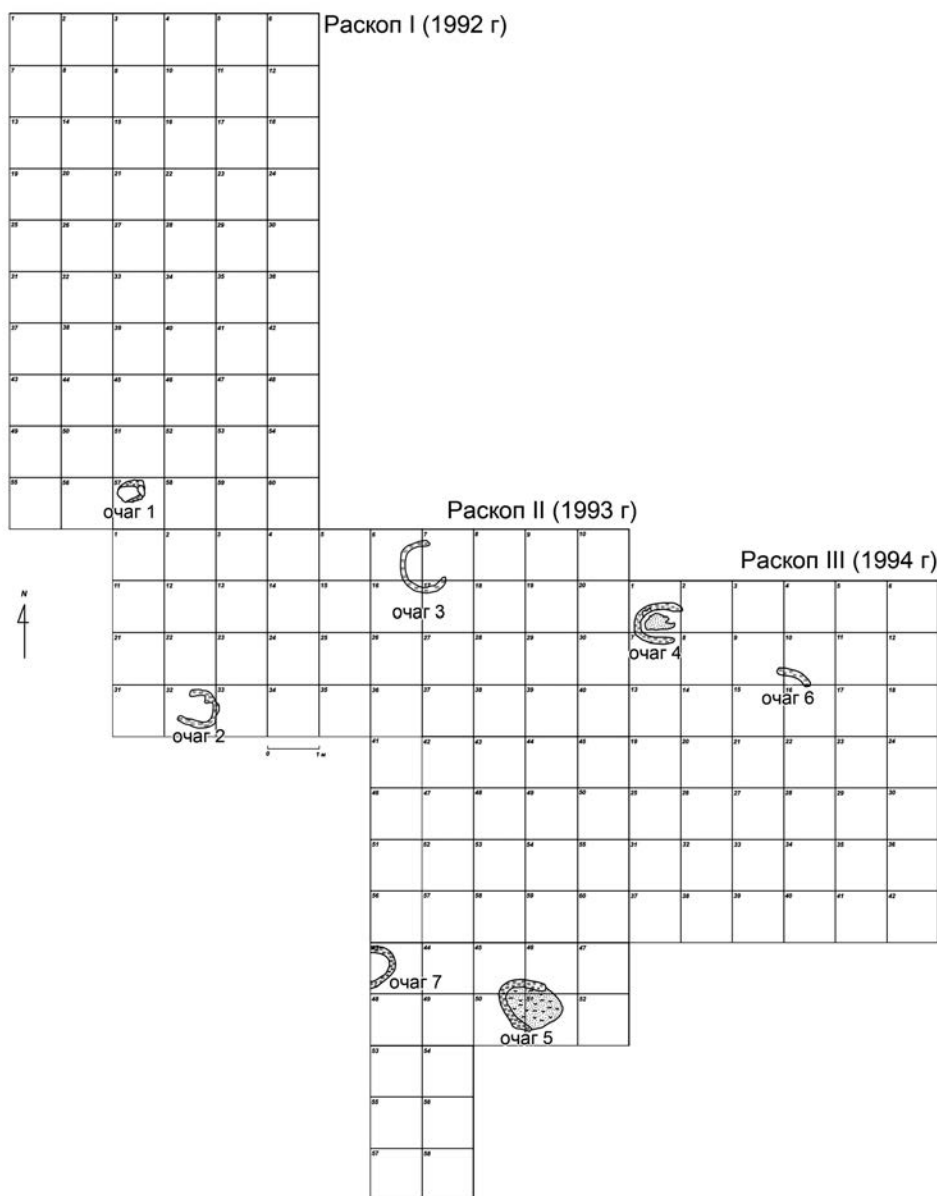

Рис. 2. Размещение очагов на городище Тарилово (Укля)

0,8×0,8 м. Устье очага находилось в восточной части. Очаг по краям имел глинобитный валик в форме подковы. Ширина валика – 0,1 м, толщина – 0,1 м. Заполнение – зола и угли.

Очаг 4. Находился в северной части раскопа 1994 г. на уровне VI пласта (0,5–0,6 м). Он имел овальную форму размерами 1,45×1,9 м. Очаг ориентирован

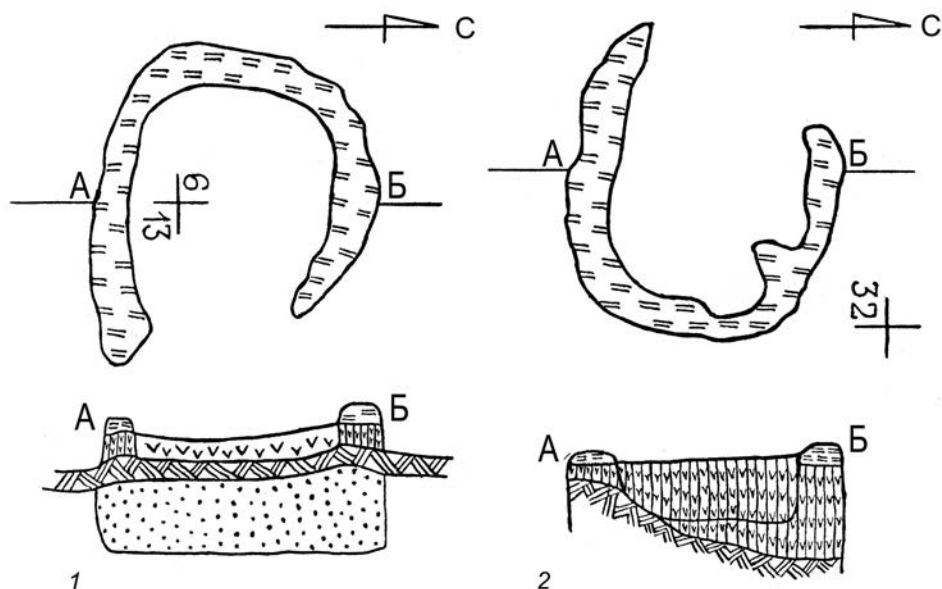

Рис. 3. План очагов городища Тарилowo (Укля)

устьем на восток. Его бортик обложен валиком из обожженной глины шириной 0,2 м и толщиной 0,08–0,2 м. Заполнение очага – зола и мелкие угли.

Очаг 5. Выявлен в южной части раскопа 1994 г. на уровне VII пласта (0,6–0,7 м). Он имел овальную форму. Его размеры: 1×1,2 м. Очаг был ориентирован устьем на юго-восток. Он был обложен подковообразным глинобитным валиком шириной 0,1–0,2 м и толщиной 0,05 м. Внутренняя часть очага заполнена золой и мелкими углями.

Очаг 6. Локализован в 2 м юго-восточнее очага 4. Сохранился фрагментарно. От него уцелела лишь незначительная часть глинобитного бортика длиной 0,2 м.

Очаг 7. Находился в юго-восточной части раскопа 1994 г. на уровне VIII пласта (0,7–0,8 м). Вскрыт частично. Часть его уходила за пределы раскопа. Он также имел подковообразную форму и был ориентирован с запада на восток. Ширина глиняного валика составляла 0,2 м, толщина – 0,05–0,08 м. В заполнении обнаружены 3 фрагмента лепной гладкостенной посуды днепродвинской культуры, в том числе венчик баночного горшка.

В материковой почве всех трех раскопов обнаружено большое количество ям, представляющих следы прежде всего столбов и кольев. Они разновременные, и уловить какую-либо закономерность в их расположении не представляется возможным. Тем не менее удалось зафиксировать следы некоторых объектов. Так, в раскопе 1994 г. в кв. 34–36, 39–42 прослежены контуры трех бревен, представлявших прямоугольную конструкцию. Ее размеры: 1,4×2,4 м. Ширина темного заполнения от бревен – 0,2 м, глубина – 0,2 м. Судя по отсутствию столбовых ям, этот объект имел срубную конструкцию стен.

Таблица 1

Распределение керамики по форме обработки поверхности.

Пласт	Гладкостенная	Штрихованная	Облитая	Шероховатая	Всего
I	184/40,6 %	82/18,1 %	37/8,2 %	150/33,1 %	453/100 %
II	379/41,6 %	158/17,3 %	155/17,0 %	219/24,0 %	911/100 %
III	373/38,4 %	211/21,7 %	69/7,1 %	319/32,8 %	972/100 %
IV	370/31,9 %	544/46,9 %	61/5,3 %	185/15,9 %	1160/100 %
V	381/39,2 %	501/51,6 %	40/4,1 %	49/5,0 %	971/100 %
VI	513/60,6 %	382/45,2 %	20/2,4 %	31/3,7 %	846/100 %
VII	308/44,3 %	315/45,3 %	27/3,9 %	45/6,5 %	695/100 %
VIII	241/76,0 %	317/22,7 %	-	2/0,6 %	317/100 %
IX	81/68,6 %	37/31,3 %	-	-	118/100 %
X	49/83,1 %	10/16,9 %	-	-	59/100 %
м/ямы	84/70,0 %	32/26,7 %	1/0,8 %	1/0,8 %	120/100 %

Наиболее массовую категорию находок составляли обломки лепной глиняной посуды. Было зафиксировано 6622 определимых фрагмента. По технике обработки поверхности они относились к гладкостенной, штрихованной, облитой и шероховатой керамике. При этом гладкостенные обломки составляли 2863 фрагмента (44,7%), штрихованные – 2344 фрагмента (35,4%), облитые – 410 фрагментов (6,2%), шероховатые – 1001 фрагмент (15,1%).

По пластам посуда распределялась следующим образом (табл. 1).

Гладкостенная керамика доминировала в I–III, VI, VIII–X пластах. Однако если в нижних пластах она была связана с днепро-двинской культурой, то в верхних с населением середины – третьей четверти I тыс. н.э.

Обломки штрихованной посуды доминировали в V, VI, IV пластах. Меньшая часть фрагментов принадлежала культуре ранней штрихованной керамики, подавляющее количество – культуре поздней штрихованной керамики. Представляет интерес тот факт, что в V–VII пластах темно-серый культурный слой уступает место черному из-за большого вкрапления мелких углей. Особенно четко это фиксировалось в раскопе 1994 г. По-видимому, это свидетельствует о насильственной смене носителей днепро-двинской культуры племенами культур штрихованной керамики.

Облитая и шероховатая посуда встречалась преимущественно в верхних пластах (в основном – I–IV) и была связана с населением середины – третьей четверти I тыс. н.э., чья жизнь главным образом протекала на примыкающем к городищу селище. Само городище в это время использовалось как убежище.

Шероховатость на сосуде образовывалась в результате нанесения на внешнюю поверхность слоя глины с большим количеством мелкой дресвы. После обработки и обжига мелкие выступающие зерна дресвы покрывали почти сплошь внешнюю поверхность. Облитая керамика, в отличие от шероховатой, имеет более грубую обработку внешней поверхности, когда на нее наносился слой жидкой глины со значительным количеством дресвы, который затем выбивался.

Керамика днепро-двинской культуры (рис. 5) характеризуется двумя формами: 1) баночными сосудами; 2) слабопрофилированными горшками. Доминирующей формой являлась баночная. Сосуды этого типа встречались во всей

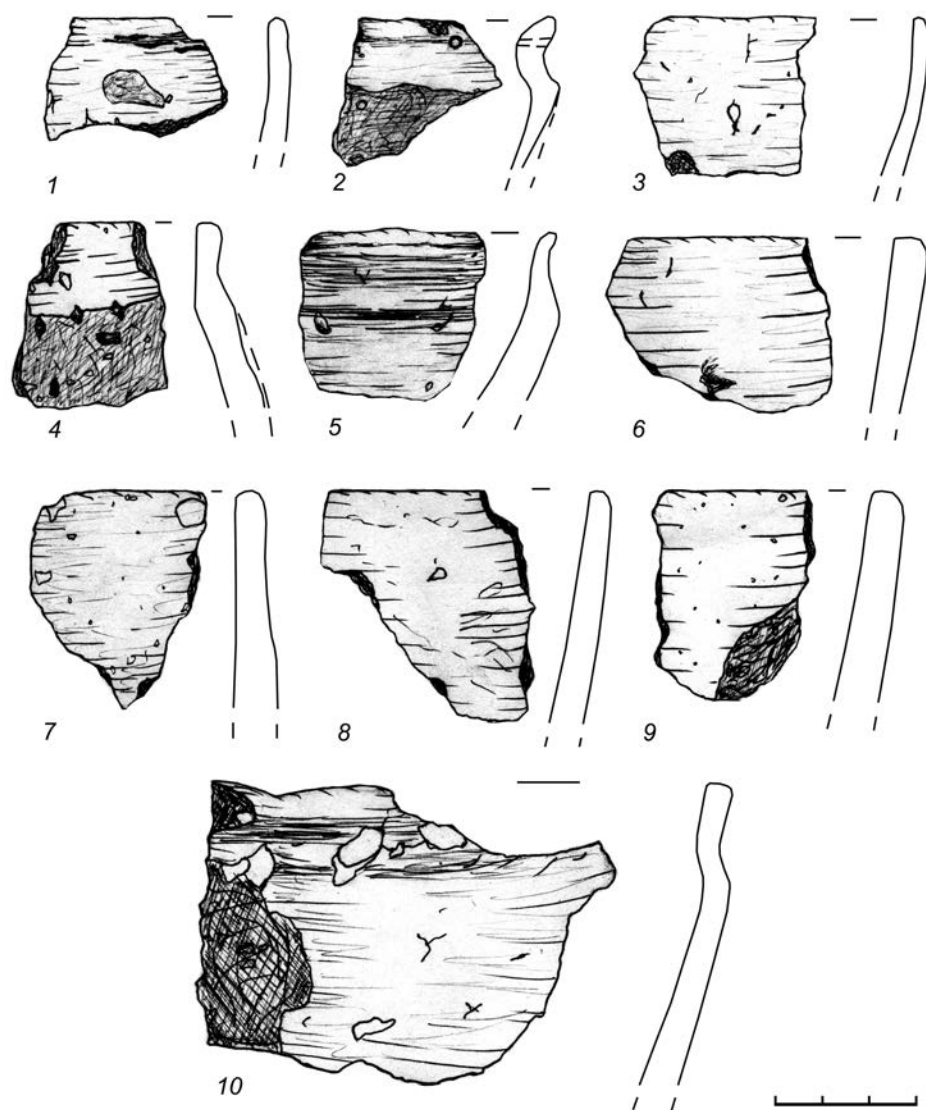

Рис. 5. Керамика днепро-двинской культуры из городища Тарилowo (Укля)

толще культурного слоя, однако их максимальная концентрация приходилась на II–VI пласты. Орнаментация для днепро-двинской посуды городища Тарилowo почти не характерна. Только изредка на сосудах встречались сквозные отверстия под краем венчика диаметром 0,5–0,6 см или ямочные вдавления.

Штрихованная посуда (рис. 6–7) представлена единичными фрагментами баночных и слабопрофилированных горшков, относящихся к культуре ранней штрихованной керамики. Подавляющая часть обломков принадлежала

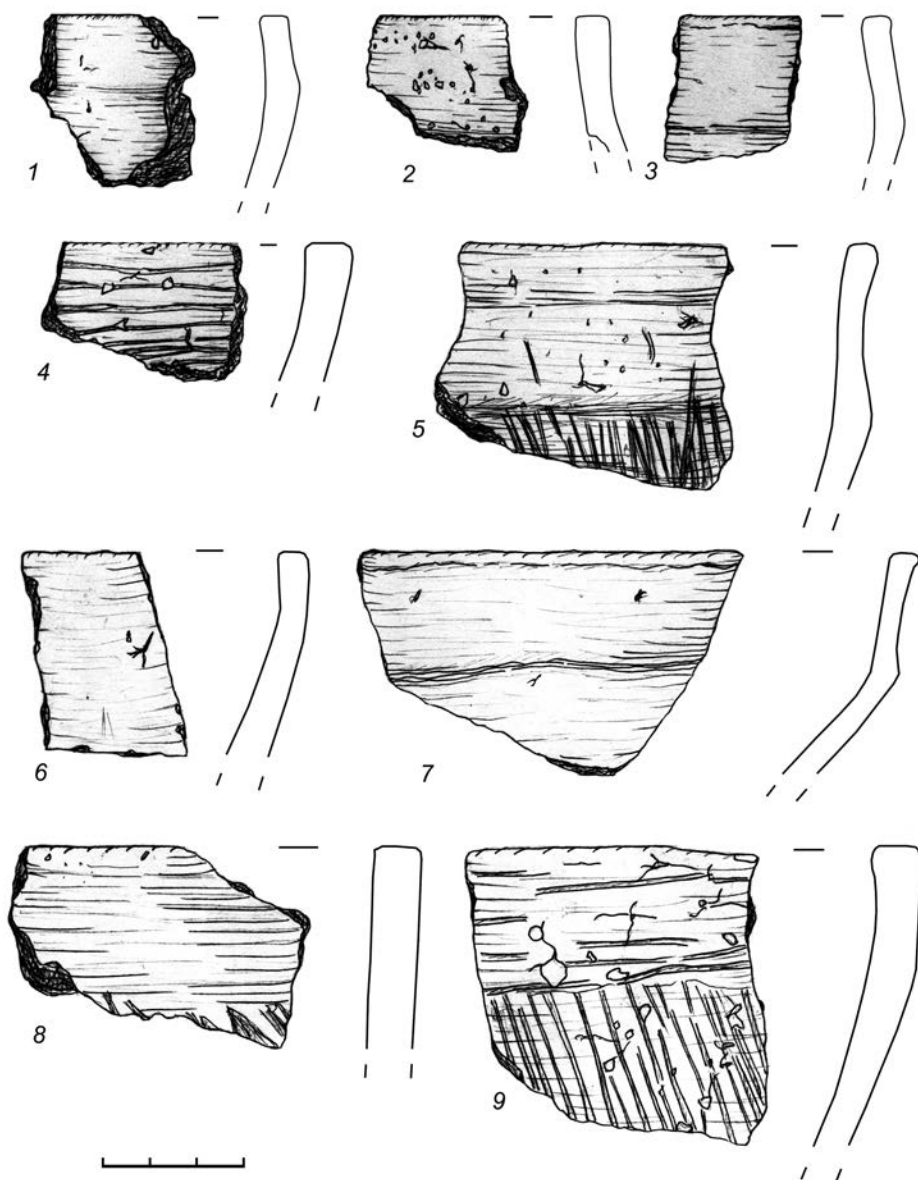

Рис. 6. Керамика культуры поздней штрихованной керамики из городища Тарилowo (Укля)

ребристым горшкам культуры поздней штрихованной керамики. Их максимальная концентрация наблюдалась в IV–VII пластах. Орнаментация для нее мало характерна. Лишь изредка встречались защипы, нанесенные на ребре сосудов.

Для сосудов середины – третьей четверти I тыс. н. э. (рис. 8) ведущей была баночная форма. Слабопрофилированные горшки единичны. Эта посуда не орнаментировалась.

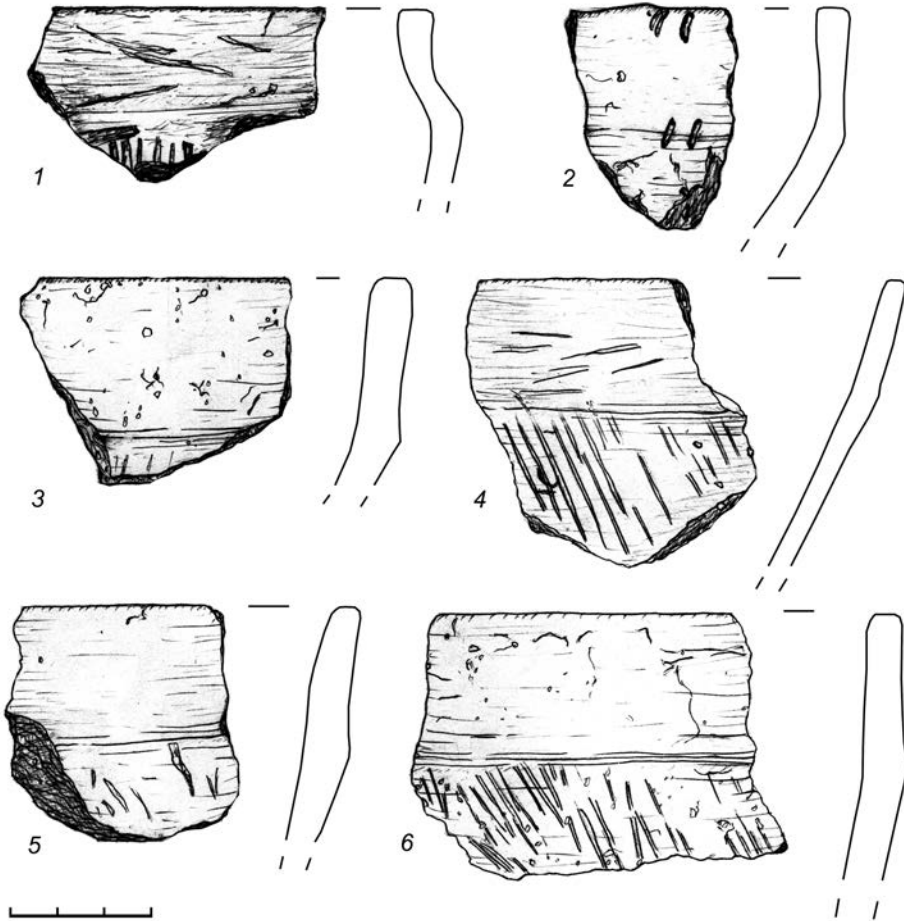

Рис. 7. Керамика культуры поздней штрихованной керамики из городища Тарилово (Укля)

Вещевой комплекс городища Тарилово представлен изделиями из камня, кости, железа, бронзы и глины. Необходимо сразу подчеркнуть, изделия из камня и кости были характерны главным образом для I тыс. до н.э., днепродвинской культуры и культуры ранней штрихованной керамики. Однако посуда последней практически отсутствует. Поэтому эти находки нужно прежде всего связывать с носителями днепродвинской культуры.

Довольно выразительную серию составляют клиновидные топоры (рис. 9: 3–5). Их длина колебалась от 6 до 14 см. Близкие экземпляры обнаружены на ряде классических городищ днепродвинской культуры в Белорусском Подвинье, в частности, на городище Замощье (*Шадыро*, 1985. Рис. 15: 1–8; 16: 17). Один из клиновидных топоров городища Тарилово был сделан из обломка проушного топора. Сверленных топоров на городище обнаружено не было. Найдена лишь часть лезвия, которая не позволяет дать его общую характеристику. Еще одно орудие труда представляет долотце (рис. 9: 2).

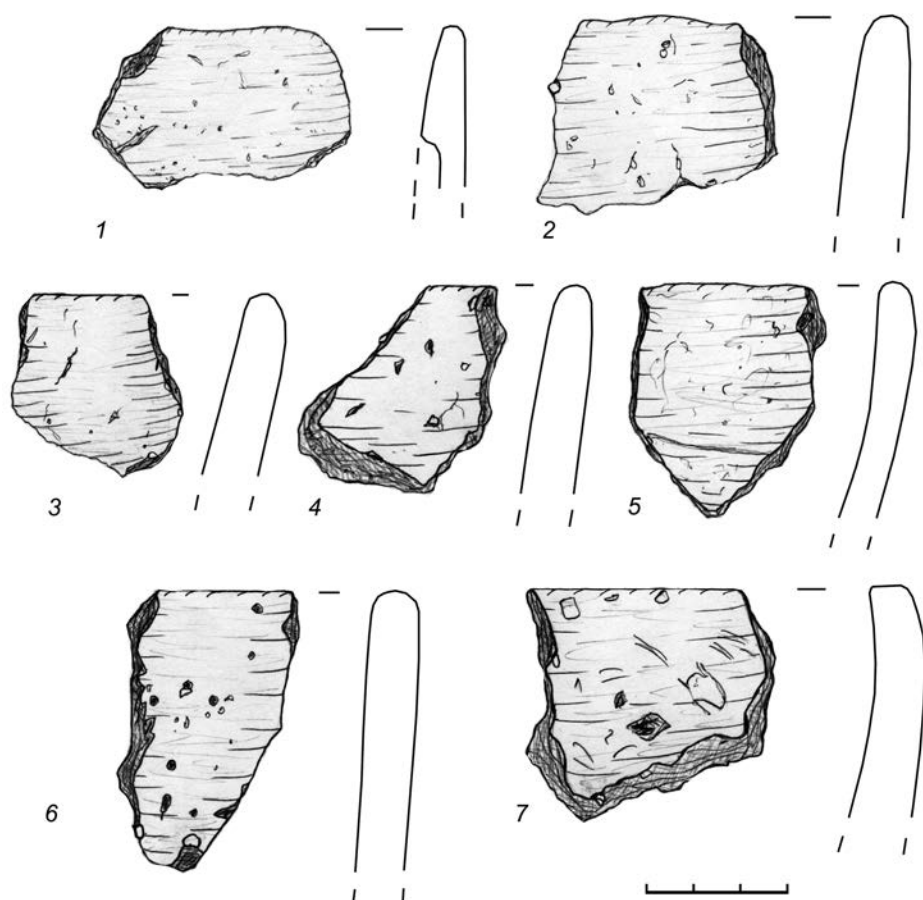

Рис. 8. Керамика середины – третьей четверти I тыс. н. э. из городища Тарилowo (Укля)

С земледелием связаны несколько зернотерок (рис. 10: 1), сделанных из валунных камней, и достаточно многочисленные терочки округлой формы (рис. 10: 2).

Среди других каменных находок отметим точильные бруски, которые, по-видимому, уже относятся к I тыс. н. э. Редкую находку представляет амулет с грубой отделкой, в верхней части которого имелось отверстие для подвешивания (рис. 9: 1).

Изделия из кости сравнительно немногочисленны. Так, орудия труда представлены прежде всего проколками (рис. 11: 7–9). Среди других находок рукоять (рис. 11: 5), пластинка, орнаментированная поперечными и зигзагообразными нарезками (рис. 11: 3), амулет из клыка кабана (рис. 11: 6), половинка восьмеркообразной подвески (рис. 11: 4).

Целые железные находки единичны. Это прежде всего шпора с загнутыми крючками (рис. 12: 4), кресало (рис. 12: 8), нож с прямой спинкой (рис. 12: 7),

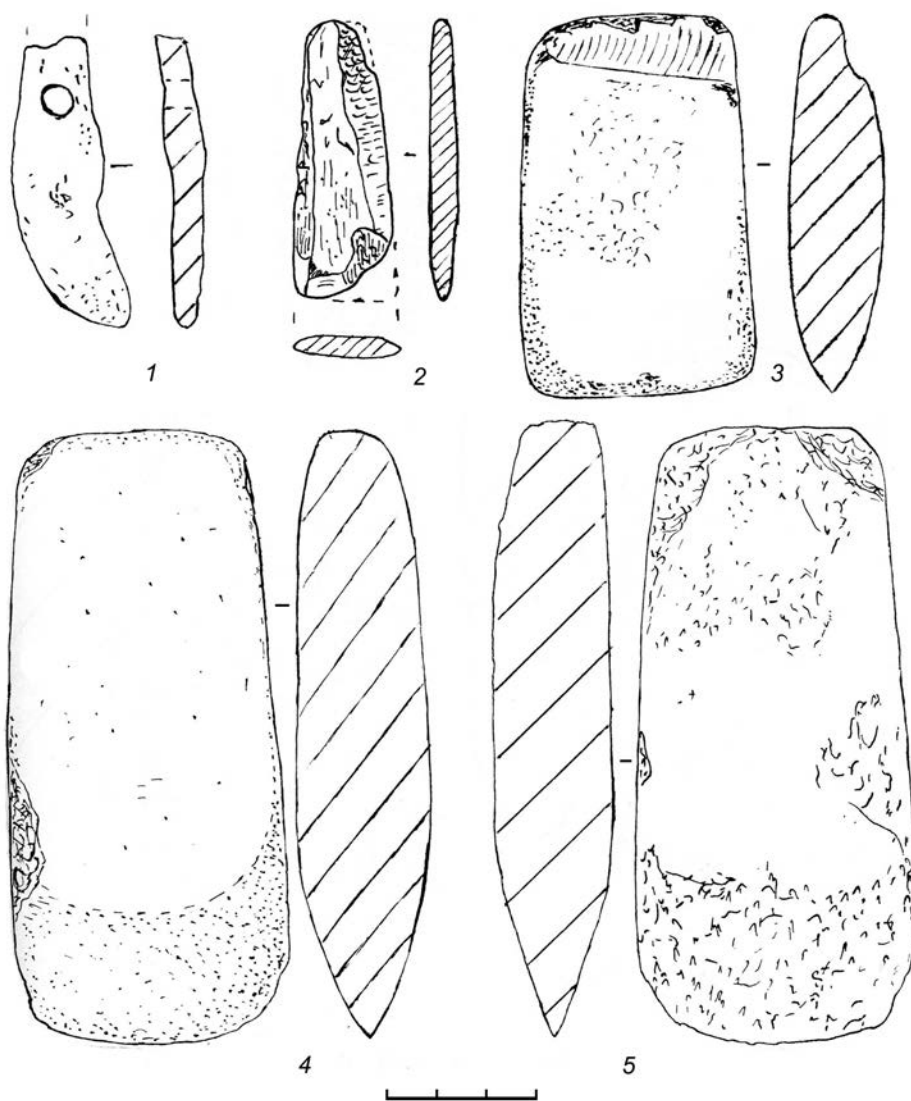

Рис. 9. Изделия из камня из городища Тарилово (Укля)

которые, по-видимому, диагностируют заключительную стадию жизни на городище. Так, подобные шпоры неоднократно встречались на поселениях банцеровской культуры (Митрофанов, 1978. Рис. 52: 19. Рис. 54: 6. Рис. 58: 27–29). Среди других изделий – шилья (рис. 12: 7), обломки серпов (рис. 12: 5–6), булавок с кольцевидным и посоховидным навершием (рис. 12: 3), фрагмент круглой пряжки (рис. 12: 2).

Изделий из бронзы всего два. Первая – это трапециевидная подвеска с пунсонными вдавлениями по боковым сторонам и остатками цепочки в ушке

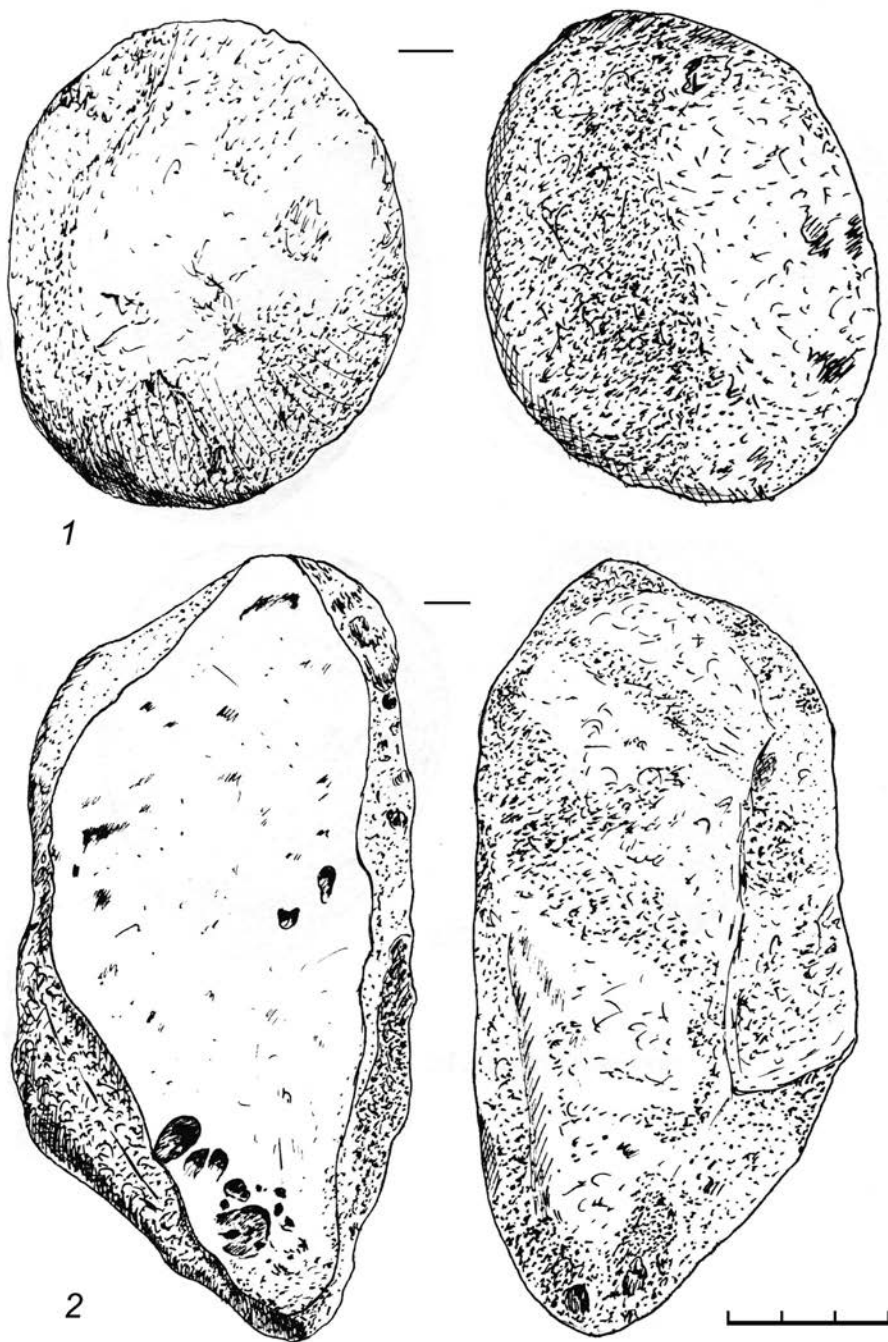

Рис. 10. Изделия из камня из городища Тарилowo (Укля)

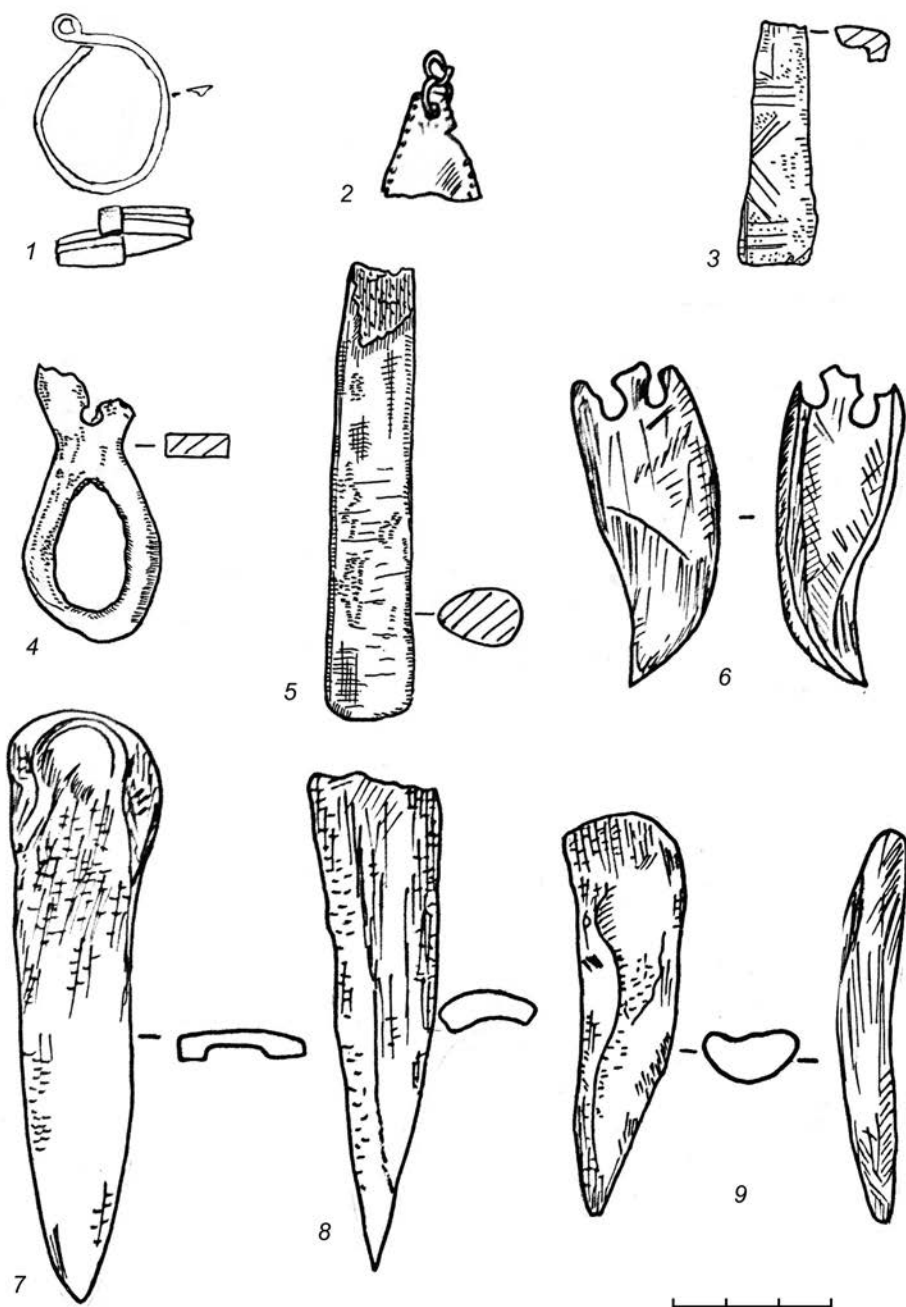

Рис. 11. Изделия из цветного металла и кости из городища Тарилowo (Укля)

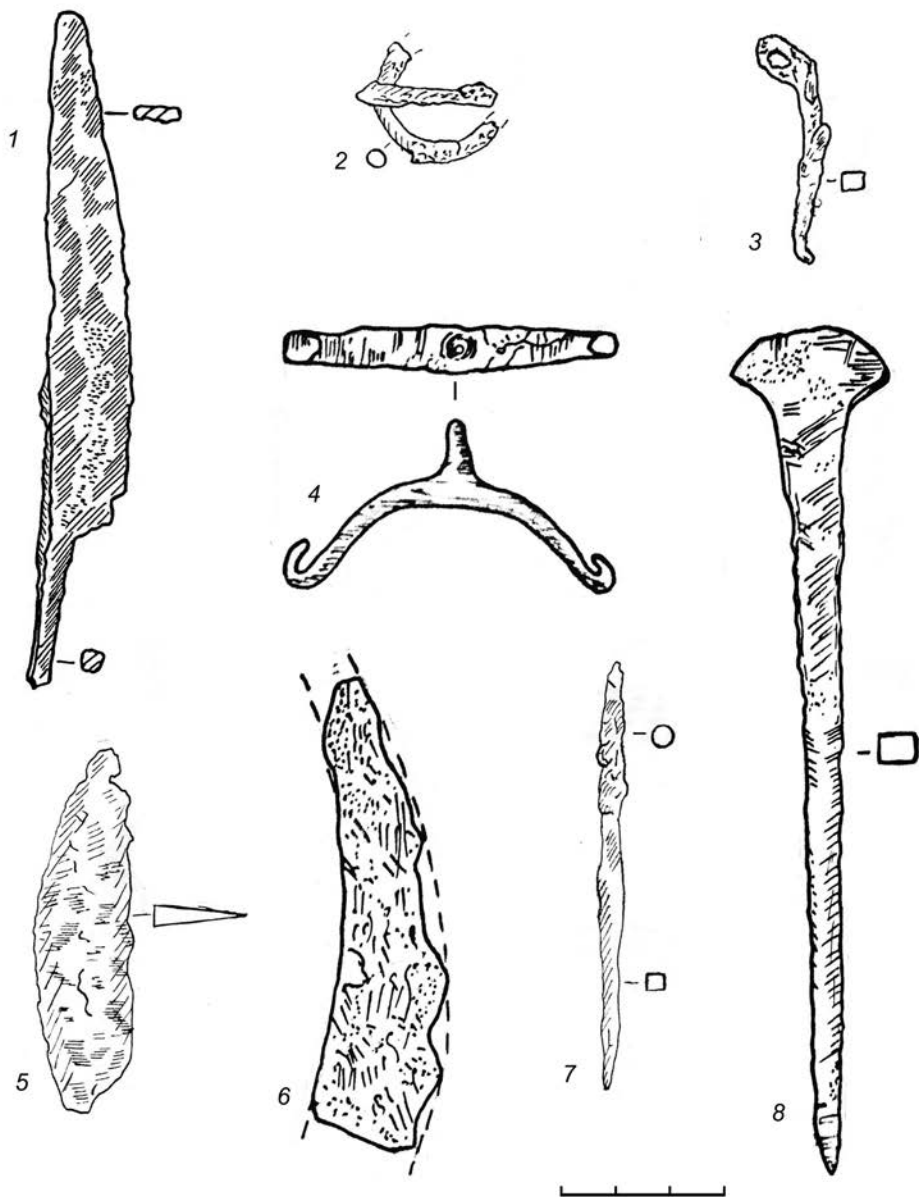

Рис. 12. Железные изделия из городища Тарилowo (Укля)

(рис. 11: 2). Аналогичные украшения были характерны для зарубинецкой культуры и культуры поздней штрихованной керамики (Каспарова, 1969. Рис. 16: 2, 3; Поболь, 1973. Рис. 11: 15–17, 20, 21; Егорейченко, 2006. Табл. 65: 10–18, 20–25). Вторая находка представляет собой однооборотное височное кольцо, сделанное из плоской пластины и имеющее в верхней части кольцо для подвешивания (рис. 11: 1).

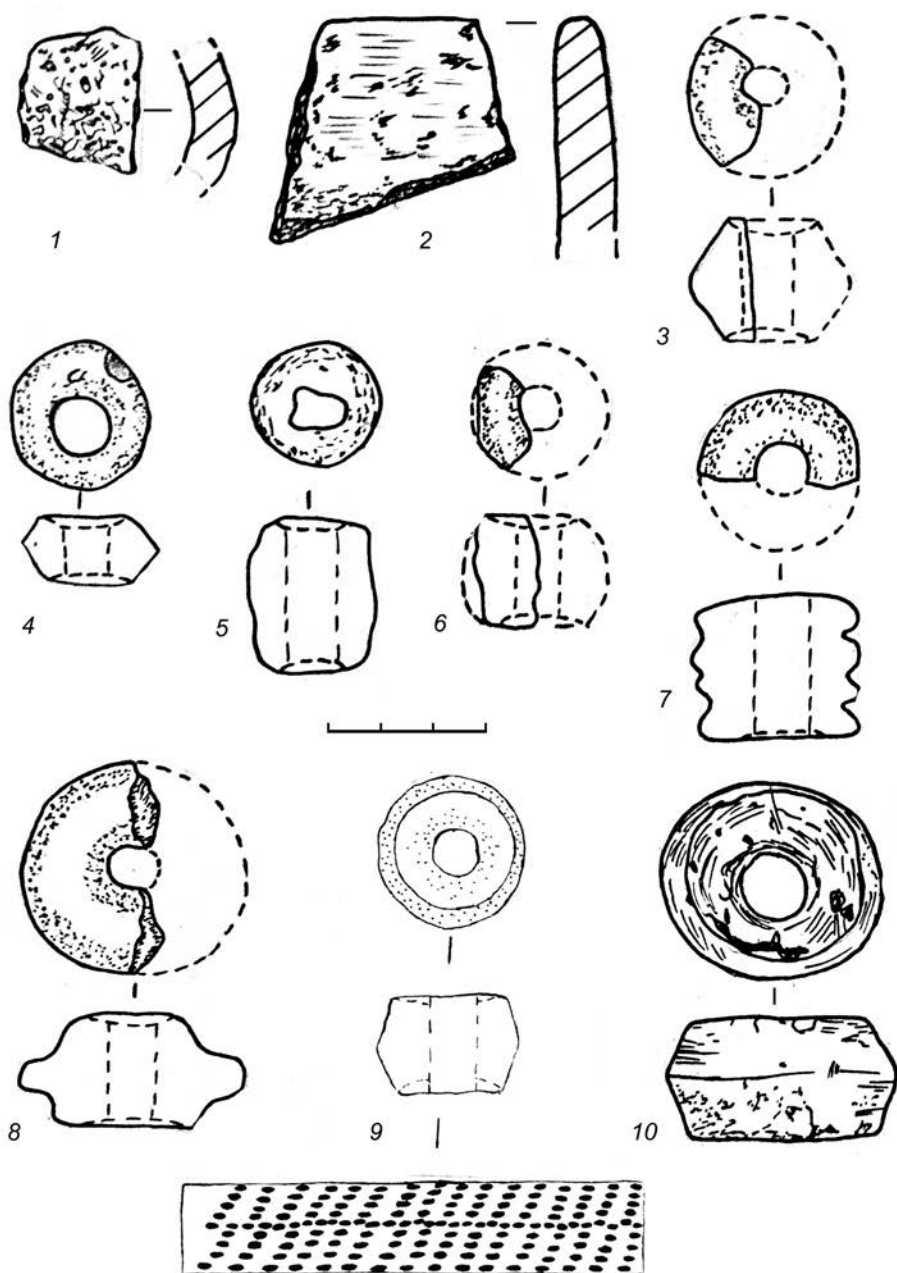

Рис. 13. Глиняные изделия из городища Тарилово (Укля)

Изделия из глины представлены льячкой, обломками тиглей (рис. 13: 1–2) и достаточно представительной серией пряслиц с различной профилировкой сечения (рис. 13: 3–10). Подавляющая их часть может быть связана с серединой – третьей четвертью I тыс. н. э.

Таким образом, в функционировании городища можно выделить три этапа. 1. Связан с носителями днепро-двинской культуры и датируется I тыс. до н. э. 2. Время доминирования носителей культуры поздней штрихованной керамики. Его начало определяет круглая железная пряжка. Подобные экземпляры были характерны для центральноевропейских культур фазы B2 раннеримского периода (80–150 гг. н. э.) (*Madyda-Legutko*, 1983. Tab. 1; 3). Конечная дата этого периода неясна, но, по-видимому, не выходит за пределы III в. н. э. 3. Заключительная фаза, связанная с племенами середины – третьей четверти I тыс. н. э., чья жизнь протекала на близлежащем селище, а городище, вероятно, использовалось в качестве убежища.

Литература

- Егорейченко А. А.*, 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.
- Каспарова К. В.*, 1969. Могильник и поселение у д. Отвержичи // МИА. № 160.
- Митрофанов А. Г.*, 1978. Железный век Средней Белоруссии. Минск.
- Поболь Л. Д.*, 1973. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск.
- Шадыро В. И.*, 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.
- Madyda-Legutko R.*, 1983. Metalowe części pasów na obszarze kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wpływów rzymskich // *Wiadomości Archeologiczne*. T. XI–XIII, Z. 1.

С. А. Салмин

Кан-Турали, Дунай-богатырь и рог из Черной могилы

S. A. Salmin. Kan Turali, Danube-Hero and the Horn from the Black Tomb

Abstract. “The Black Tomb” is one of the title monuments of Ancient Russian statehood. Among the grave goods of this burial “the big rhyton”, the overall appearance and multi-figure composition on the frieze of which has been the subject of scientific analysis (Korzukhina, Molchanov, Petrukhin, Rybakov, Shcheglova, etc.) is of special scientific interest.

In this article the author proposes to consider the image on the frieze of the horn as an illustration to “the Dastan of Kan Turali, son of Kanla-koja”, which is a part of the “The book of my grandfather Korkut” and on this basis considers the person who ordered “the big rhyton” to the representatives of one of the Pecheneg tribes, which became part of the Oghuz (Tork) union in the 10th c.

Ключевые слова: Древняя Русь, прикладное искусство, Черная могила, огузский эпос.

Keywords: Ancient Rus, decorative art, Black tomb, Oghuz epic.

Оковка рога из Черной могилы является одним из наиболее ярких произведений искусства, происходящих с территории Древнерусского государства X в., и неоднократно привлекала к себе внимание исследователей¹.

Одним из моментов, провоцирующих особый интерес исследователей к этому артефакту, является многофигурность фриза, несущего на себе изображения, которые могут быть истолкованы как орнито- и зооморфные орнаментальные элементы, а также изображения двух человеческих фигур, находящихся во взаимодействии и являющихся участниками общего сюжета.

Если изображения птиц и зверей не поддаются однозначному истолкованию, то сюжетообразующая группа, несомненно, представляет собой эпизод некоторого повествования (*Рыбаков, 1987. С. 333. Рис. 67*).

¹ Хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье автор не ставит перед собой задачу установить этническую, политическую или социальную принадлежность погребенных в кургане Черная могила персон, а ограничивается разбором сюжета изображенного на конкретном предмете из погребального инвентаря.

Две человеческие фигуры, формирующие центральную часть композиции (рис. 1: А), изображены в короткорукавной и короткополой одежде, позволяющей при желании трактовать ее как доспех. Левая фигура изображает мужчину лицом в профиль со сравнительно короткой прической (волосы перехвачены тесьмой?), крупным носом и длинными закрученными усами.

Вторая фигура имеет очень специфические черты: мастер изначально изобразил персонажа анфас (о чем свидетельствуют четко выделенные круглые глаза), но, вероятно, для необходимости уточнения идентификации персонажа добавил к изображению ниспадающую до пояса косу, нанесенную непосредственно по поверхности лица.

В руках оба персонажа держат крупные сложносоставные луки с двойным изгибом. На боку у «персонажа с косой» изображен достаточно характерный колчан, расположенный почти горизонтально – как в момент боевого использования.

Слева от «персонажа с усами» расположены 3 стрелы, две из которых сломаны, а одна цела и «остановлена» в полете.

Сюжеты, в которых происходят состязания лучников, широко распространены в мировом фольклоре, однако здесь мы не видим обязательных компонентов традиционных версий сюжетов (героическое сватовство – возвращение мужа).

Достаточно полный обзор мнений о сюжетной составляющей изображений изложен В. Я. Петрухиным и О. А. Щегловой (*Петрухин*, 2013. С. 332–341; *Щеглова*, 2017. С. 616–617). При рассмотрении предложенные нашими предшественниками версии представляются нам не учитывающими ряда информационных узлов, являющихся определяющими для истолкования сюжета, и, соответственно, не могут быть успешно использованы для прочтения рассматриваемого графического текста.

Для расшифровки сюжета, изображенного на оковке ритона, необходимо выделить детали, являвшиеся концептуальными с точки зрения мастера или заказчика. На мой взгляд, ими являются:

- изображение трех стрел, две из которых сломаны;
- разнополость персонажей;
- вооруженность обоих персонажей луками, причем ни один из них не изображен в момент выстрела или прицеливания.

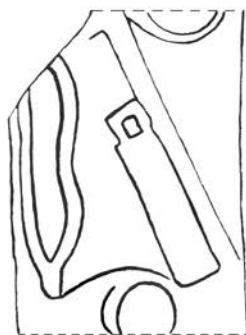
Все перечисленные детали противопоставлены тератологическим изображениям, не являются обязательными в орнаментальной композиции и, соответственно, несут исключительно смысловую нагрузку.

Известны два сказания, в которых упоминаются мужчина, женщина и две сломанные стрелы. Первое – «Дастан о Кан-Турали, сыне Канлы-Коджи», входящий в состав огузской «Книги моего деда Коркута» (Книга... С. 63–72). Второе – эпизод осетинского «Нартского эпоса» о похищении Челахсартагом, сыном Хыза, жены Сослана, так называемое взятие Гори (Нарты... С. 113–121).

Однако в осетинском сказании нет темы состязания и, соответственно, двух стрелков из лука – жена Сослана ломает две из трех подаренных Богом Челахсартагу смертоносных стрел, чтобы спасти жизнь Сослана и Батрадза,

А

Б

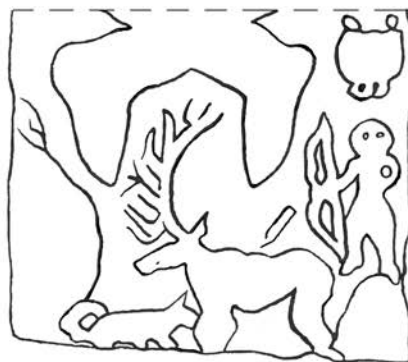

Рис. 1. Изображение на ритоне из Черной могилы в сравнении с западносибирской традицией: А – основная сюжетная композиция фриза большого ритона (по: Руденок, 2007. С. 3); Б – стела с р. Нени (по: Азбелев, 2010. Рис. 9)

третьей стрелой Челахсартаг убивает неуязвимого для обычного оружия Арахдзау (Нарты... С. 117).

Огузское сказание содержит большее количество интересующих нас разъяснений. Согласно письменному тексту, огузский витязь Кан-Турали, узнав о том, что у трапезундского правителя-тагавора есть дочь-богатырша Сельджан, добывает ее, победив трех чудовищных животных (быка, верблюда и льва). Когда Кан-Турали и Сельджан отправляются домой в огузские кочевья, юноша засыпает, а Сельджан, надев его доспех, наносит поражение «гяурам», посланным таговором в погоню за дочерью. Кан-Турали, проснувшись, вступает в бой, храбро сражается, но у него ранят коня, и Сельджан вывозит мужа из боя на крупе своей лошади.

Кан-Турали обвиняет жену в том, что та будет похваляться его спасением, и угрожает убить ее. Сельджан в гневе вызывает его на состязание «стрелой ли, мечом ли». Кан-Турали предоставляет первый выстрел женщине. Сельджан снимает с двух стрел наконечники, одну стрелу прячет, второй сбивает вошь с головы Кан-Турали, после чего происходит примирение.

Как мы видим, текст содержит значительную часть подробностей, которые могут быть использованы для разъяснения сюжета изображения:

- выстрелившая и отвернувшаяся женщина в мужской одежде;
- мужчина, снявший стрелу с тетивы, но удерживающий ее на рукояти лука пальцами левой руки, правая рука мужчины с раскрытой ладонью протянута к женщине;
- две сломанных стрелы за спиной мужчины.

Таким образом, мы можем предположить, что проиллюстрированный эпизод относится к эпическому наследию тюрков-огузов, вероятно, их северно-причерноморской ветви, традиционно именуемой «торками». Однако, на наш взгляд, информативность изображения этим не исчерпывается.

Некоторые особенности истории огузского племенного союза заставляют соотнести реалии сказаний с имеющейся у нас исторической информацией и попытаться уточнить этнос первоначального носителя сюжета. Отправным моментом для этого построения является именованное огузской версии сказания.

На то, что сюжет дастана о Кан-Турали находится вне основного героического цикла, исследователи уже обращали внимание, однако считали эту обособленность свидетельством позднего, малоазиатского происхождения дастана (*Жирмунский, 2007. С. 190*). На наш взгляд, это скорее связано с определенной этнокультурной обособленностью носителей сюжета.

Отец Кан-Турали носит имя широко известного в истории Причерноморья и восточной степи кочевого союза Канлы (Канглы), русские и византийские источники именуют канглов «печенеги (пачинакиты)» (*Константин Багрянородный, 1991. С. 37*). Союз Канглы оставил яркий след в истории степной Евразии, роды и «поколения», происходящие из него, существуют в большинстве современных кочевых и осевших этносов. После распада союза часть канглов откочевала в Причерноморье, часть – в Сибирь. Часть их, согласно сообщениям источников, вошла в племенной союз тюрков-огузов (туркменов, торков, гузов) (*Константин Багрянородный, 1991. С. 157*).

Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» сообщает о существовании внутри гузского (торкского) союза племен печенежского происхождения, внешним отличием которых является ношение короткополой и короткорукавной одежды, подобной той, которую мы видим на фризе².

Ибн-Фадлан также сообщает о печенегах, живущих среди узов (гузов) и имеющих более низкий социальный статус по сравнению с узами³.

Абу-л-Гази Хивинский в своей «Родословной туркмен» приводит сказание о происхождении «внешних (ички) салоров» (ведущего племени огузской эпической традиции) от печенежского вождя Тоймадука (*Абу-л-Гази*, 1958. С. 44).

Известно, что 6 племен потомков эпического Огуз-хана делились на две группы – уч-ок и боз-ок. Традиционно эти наименования переводятся как «три стрелы» и «разломанные на (3) части»⁴. Немаловажным представляется, что в объединении «три стрелы» одно из поколений носило наименование «беджене» – печенеги, к этой же группе относились и вышеупомянутые салоры, племя наполовину печенежское⁵. Показательно также декларируемое превосходство племен «боз-ок» над «уч-ок». (*Абу-л-Гази*, 1958. С. 26).

Связь сюжета с Западной Сибирью (территорией происхождения канглов) прослеживается и в особенностях изобразительных приемов, использованных создателем фриза на ритоне из Черной могилы. Фигура лучника и колчан, стилистически близкие к изображенным на ритоне, представлены на Ненинской стеле (рис. 1: Б) и на стеле с реки Каргы (VII–VIII вв.; *Азбелев*, 2010. С. 23, рис. 9). Возможно, что еще одним свидетельством сибирского или восточно-казахстанского происхождения основы сказания является наличие родового подразделения «турали» среди западносибирских татар (*Малолетко*, 2012. С. 53).

В. М. Жирмунским указывалась типологическая связь между дастаном и былинной о Дунае, одной из популярнейших тем в русском эпическом фольклоре (*Жирмунский*, 2007. С. 197). Представляется, однако, что связь эта

² «Когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые остались на месте, живут вместе с так называемыми узми... одяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников.» (*Константин Багрянородный*, 1991. С. 157).

³ «Потом мы прибыли после этого к печенегам, и вот они остановились у воды, похожей на море, не текущей, и вот они темные брютеты, и вот они с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гуззам» (*Ибн-Фадлан*, 1939. С. 65).

⁴ Представляется, что трактовка, озвученная В. М. Жирмунским и восходящая к легенде о переломленном на три части луке (*Фазлаллах Рашид ад-Дин*, 1987. С. 30–31; *Абу-л-Гази*, 1958. С. 25), более соответствует истине, чем распространенная версия перевода «боз-ок» как «серые стрелы».

⁵ «Так как этот мальчик происходил из иля Ит-бечене, ему дали имя Ирек. Среди тюрок существует такой обычай: собакам дают имя Ирек [или] Серек. У Ирека был сын по имени Арыклы. Говорят, что ички-салоры – потомки Арыклы» (*Абу-л-Гази*, 1958. С. 44).

скорее генетическая – огузский дастан и русская былина восходят к единому прототипу.

В обоих случаях главный мужской персонаж находится в своеобразной эпической изоляции и отсутствует в других сказаниях цикла. Дунай – инокультурный чужак и нахвальщик, побежденный Добрыней. Шатер его – черного цвета, а не белого, как у русских богатырей, следовательно, изготовлен не из полотна, а из войлока (Добрыня Никитич... С. 114–145.).

Былинная традиция, вопреки обыкновению, не связывает Дуная ни с одним русским городом. Кан-Турали, сын Канлы-Коджи, персонажа с именем, восходящим к обозначению племен печенежского союза, не появляется в других сказаниях цикла «истории внутренних и внешних огузов».

Обе женщины в рассматриваемых источниках являются дочерьми правителя-иноверца, литовского короля (рус.) или трапезундского тагавора (огуз.), богатыршами, по своей воле последовавшими за избранником.

В обоих случаях состязание спровоцировано превосходством женщины в охотничьих (рус.) или воинских (огуз.) умениях.

В обоих случаях упоминаются две сломанные или утраченные стрелы: в процессе состязания стрелы или предварительно портятся, или раскалываются на две половины о лезвие ножа, который служит мишенью (что может указывать на снятый наконечник стрелы). В русской былине есть вариант, при котором Дунай дважды промахивается по мишени, а третьей стрелой смертельно ранит жену (Славянская мифология. С. 173).

В огузском сказании дело заканчивается примирением после выстрела Сельджан-хатун. В былине Дунай убивает беременную жену Анастасию, которая сообщает о том, что ее нерожденный ребенок должен был стать богатырем. После этого Дунай убивает себя, и из его крови истекает река Дунай.

Значительное сюжетное сходство русского и огузского сказаний позволяет предположить или наличие у них общего прототипа, или момент культурного взаимодействия носителей этого сюжета на протяжении некоторого исторического периода. В этом случае начальный вариант сказания, скорее всего, принадлежал торкам и/или печенегам, а затем, возможно, через посредничество «Черных клобуков» Поросья, был воспринят русской традицией⁶ и приурочен к «Киевскому циклу» былин, где, впрочем, сохранил свою обособленность.

Соотнесение информации фольклорных («Книга моего деда Коркута», былина о Дунае, «Родословная туркмен») и исторических («Об управлении империей») источников позволяет предположить, что во всех случаях мы имеем дело с версиями и фрагментами единого сказания, вероятнее всего, повествующего о происхождении печенегов (или только печенежских родов, вошедших в состав огузского объединения).

Реконструируемый сюжет, на наш взгляд, содержал следующие мотивы:
– героическое сватовство к представительнице иного этноса;

⁶ Предположительно, момент проникновения сюжета можно соотнести с XII – первой половиной XIII в., периодом вхождения союза «Черных клобуков» в состав Древнерусского государства.

- спровоцированный героем поединок с женщиной, превосходящей его силой;
- последовавшее за этим примирение;
- происхождение от этого брака одного или нескольких племен (вероятно, печенежских по происхождению), позднее входящих в союз огузов под наименованием «три стрелы»⁷.

Литература

- Абу-л-Гази*, 1958. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского [Электронный ресурс]. URL: http://n.ziyouz.com/books/uzbeklib_ru/literatury_po_istorii_tjurkskih_narodov/Abul-Gazi%20Bahadurhan.%20Rodoslovnaja%20turkmen.pdf. Дата обращения 15.01.2016.
- Азбелев П. П.*, 2010. Кудыргинский сюжет. СПб.: Лема.
- Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. (Литературные памятники.)
- Жирмунский В. М.*, 2007. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. СПб.: Наука.
- Ибн-Фадлан*, 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. СПб.: Наука, 2007. (Литературные памятники).
- Константин Багрянородный*, 1991. Об управлении империей. М.: Наука.
- Малолетко А. М.*, 2012. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. VI: Раннее заселение Северной Азии. Томск: Томский ун-т.
- Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2: Тексты. М.: Гл. ред. вост. лит., 1989.
- Петрухин В. Я.*, 2013. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум.
- Руденок В. Я.*, 2007. Чернигов: из века в век. Чернигов: Десняньска правда.
- Рыбаков Б. А.*, 1987. Язычество древней Руси. М.: Наука.
- Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995.
- Фазлаллах Рашид ад-Дин*, 1987. Огуз-наме. Баку: Элм.
- Щеглова О. А.*, 2017. Статья Г. Ф. Корзухиной «Турьи рога черниговских курганов»: замечания к публикации архивного текста // В камне и бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.

⁷ В рамках данной статьи мы сознательно отказываемся от попытки объяснения семантики тератологических изображений. Однако, забегая немного вперед, отмечу, что, возможно, они могут являть собой изображения родовых «знамен». Во всяком случае, двуединость грифона на изображении наводит на определенные аналогии с двуглавым орлом как символом одного из ведущих огузских родов в малоазийский (сельджукский) период огузской истории. Также неслучайным представляется объединение части животных в единую группу орнаментальной плетенкой и выделение в отдельные группы орла (тамги салоров) и двух псов (напомню о формуле «ит-бечене» = псы-печенеги, характерной для огузской традиции).

В. Н. Кузнецова

Прибалтийский компонент в зооморфных украшениях Древней Руси

V. N. Kuznetsova. Baltic Component in Zoomorphic Decorations of Ancient Rus

Abstract. The article deals with the plate zoomorphic pendants of the 11th–12th cc., which have similar traits with the Baltic items. The similarity can be seen in contour and decor of pendants' bodies (in such traits as the forms of the slots, strapwork) and the representation of images (depicting of horns, opened mouth, form of legs). The Baltic influence can be traced to numerous and rare types of items. Pendants with curls in the slots were spread in the North-West of the Novgorod Land, they depict fantastic animals with horns and horses. Ornitho- and polymorphic pendants with similar decor were found in the Upper Dnieper, Klyazma regions, territory between Volga and Oka, Beloye lake region. Rare types of items were found in the Beloye lake and the Upper Volga regions, such as: double-headed pendants with triangle slots the design of which is close to the Baltic trapezoid chain-holders; bird-shaped pendants the bodies of which consist of interlacing lines (strapwork is a particularity of west-Finnish decorative tradition); pendants with rectangular slots and zoomorphic head with opened mouth that remind of dragons or snakes images on the Baltic fibulas.

Ключевые слова: зооморфные подвески, орнитоморфные подвески, Древняя Русь, балты, Северо-Запад Новгородской земли.

Keywords: zoomorphic pendants, ornithomorphic pendants, polymorphic pendants, Ancient Rus, Baltic, North-West of the Novgorod land.

На территории Древней Руси встречаются как импортные прибалтийские украшения в виде птиц и животных, так и изделия «прибалтийского облика». К первым относятся пластинчатые прорезные подвески-«птички», описанные Е. А. Рябиным к типу II группы I «вследствие широкого распространения аналогичного вида изделий за пределами Руси» (*Рябинин, 1981. С. 16*). Такие находки, датирующиеся концом X в., известны из могильника Залахтовье и Троицкого раскопа Великого Новгорода (*Хвоцинская, 2004. Табл. XXV: 12; CV: 9; Покровская, 2004. С. 162–163. Рис. 1: 4*) (рис. 1: 3).

Собственно пластинчатые орнитоморфные подвески – одни из наиболее ранних украшений, появившихся на территории Руси (рис. 1: 1, 4). Изделия

с сегментовидной прорезью на корпусе датируются концом X–XI в., основная часть находок происходит из Юго-Восточного Приладожья. Е. А. Рябиным эти подвески были объединены в тип I вариант 1. Исследователь отмечал, что данные украшения отличаются «удивительной стандартностью» (Рябинин, 1981. С. 14). Стоит отметить, что среди изделий, отнесенных к этому таксону как самим Е. А. Рябиным, так и другими авторами, присутствуют подвески, которые отличаются от основной массы изделий. Находки происходят из курганов у д. Ильино (Старая Ладога. С. 116, кат. 437) и д. Горелуха на р. Тихвинка (Михайлова, Кузьмин, Бехтер, 2008. С. 42. Рис. 16: 6), поселения Нефедьево на Средней Шексне (Кудряшов, 2006. Рис. 33: 9) и могильника Нефедьево на Кубенском озере (Макаров, 1997. Табл. 135: 1). Здесь сохранены пропорции оригинальных приладожских подвесок: высота (от головы до нижнего края корпуса) на один сантиметр меньше длины. На голове изображены хохолок и заостренный клюв. Лапы подвесок размещены ближе друг к другу, чем на изделиях Приладожья (Рябинин, 1981. Табл. I: 1–11), а также на возникших на их основе пластинчатых орнитоморфных украшениях XI–XII вв. (Там же. Табл. II: 1–4), и соединены небольшой перемычкой, на них также выделены пальцы. Такое расположение конечностей, а также рельефные пояски на хвостах, напоминают оформление орнитоморфных подвесок, происходящих из памятников Латвии (рис. 1: 6) и Финляндии (Хирвилуото, 1979. Рис. 2; Graudonis, 1987. Att. 4: 14; Spirģis, 2008. Att. 105: 11). Подвески из д. Горелухи и д. Нефедьево украшены пуансонным орнаментом, характерным для прибалтийской стилистики (рис. 1: 2, 5).

Изделия происходят из памятников, относящихся преимущественно к XI – началу XII в. Наиболее узкая дата представлена для погребения 31 могильника Нефедьево, набор вещей которого Н. А. Макаров считал типичным для XI в., а наличие в инвентаре ожерелья с цветными многочастными бусами-лимонками – свидетельствующим о том, «что погребение совершено не позднее третьей четверти XI в.» (Макаров, 1997. С. 126).

Характерными и для Древней Руси, и для Прибалтийских земель являются подвески с полукруглой или сердцевидной прорезью на корпусе, в центре которой располагается завиток. Подвески с таким декором были интерпретированы Л. А. Голубевой и Е. А. Рябиным как фантастические птички, однако для большинства из них характерно сочетание птичьих и звериных черт.

Собственно орнитоморфные изделия весьма немногочисленны (рис. 2: 8). Находки происходят из Смоленской (Бульчов, 1899. Табл. XXX: 13; 1913. Табл. VII: 16) и Московской областей (Голубева, 1979. Табл. 5: 6). Так называемые «рогатые уточки», подвески варианта 1 типа III по Е. А. Рябину, распространены преимущественно на Северо-Западе Новгородской земли в XII в. Они также были встречены в курганах Московской, Ивановской, Костромской обл., городских слоях Торопца и Дрогичей (Рябинин, 1981. Табл. II: 11–15, кат. 76–96). Стоит отметить, что подвески лишены орнитоморфных черт, о чем говорит не только роговидное навершие на голове, но и пасть млекопитающего с длинной верхней челюстью и укороченной нижней (рис. 2: 1, 2). Оформление голов двумя изогнутыми роговидными выступами характерно для подвесок

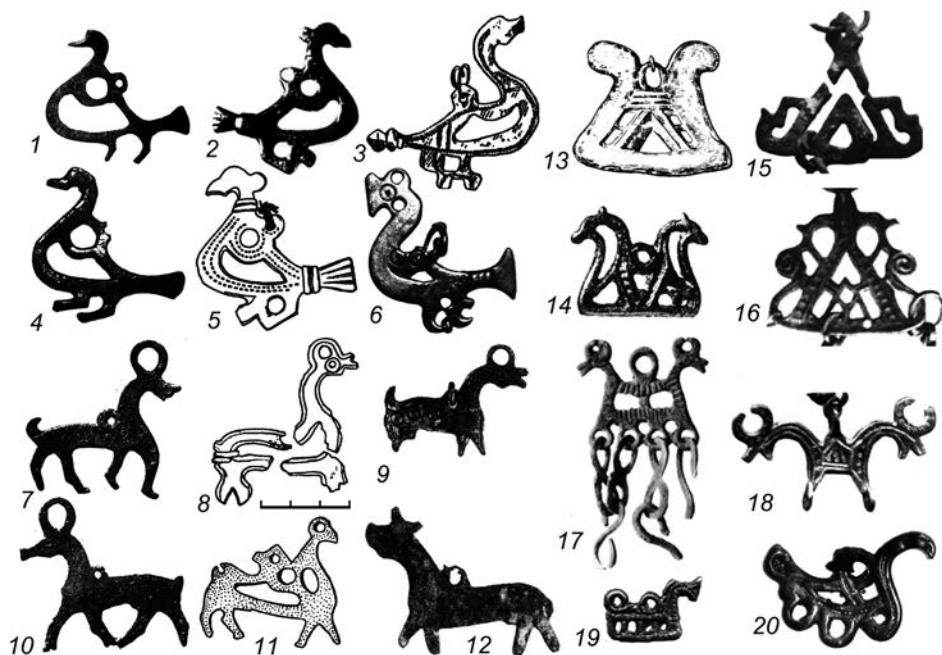

Рис. 1. Зооморфные подвески (1–14, 17–20) и цепедержатели (15–16)

1, 7, 10 – Карлуха (по: *Рябинин*, 1981. Табл. I: 1; X, 4, 7); 2 – Нефедьево (по: *Макаров*, 1997. Табл. 135: 1); 3 – Новгород (по: *Покровская*, 2004. Рис. 1: 4); 4 – Вырица (по: *Рябинин*, 1981. Табл. I: 5); 5 – Горелуха (по: *Михайлова*, *Кузьмин*, *Бехтер* 2008. Рис. 16: 6); 6 – Саласпилс Лаукскола (по: *Spirģis*, 2008. Att. 105: 11); 8 – Рагчино; 9 – Йыуга (по: *Ligi*, 1993. Tahv. XXXII: 6); 11 – Сельцо (по: *Рябинин*, 1981. Табл. XI: 7); 12 – Идяне (по: *Хирвилуото*, 1979. Рис. 3); 13 – Терешино (по: *Голубева*, 1979. Табл. 18: 18); 14 – Нефедьево (по: *Макаров*, 1997. Табл. 147: 6); 15 – Тюрвяя-Вянния (по: *Kivikoski*, 1951. Taf. 89: 717); 16, 18 – Саласпилс Лаукскола (по: *Zariņa*, 2006. Att. 133: 4; 136: 16); 17 – Ягодино (по: *Гатиук*, 1904. Табл. V: 8); 19 – Белоозеро (по: *Захаров*, 2004, рис. 67: 20); 20 – Вологодская обл. (экспозиция ВГИАХМЗ)

других разновидностей, происходящих из средневековых памятников Прибалтики (*Zariņa*, 2006. Att. 136: 16).

Вероятно, на основе подвесок варианта 1 типа III по Е. А. Рябину возникает еще несколько разновидностей украшений. В них сохраняются общие очертания корпуса и передней прорези с завитком, но существенно изменяются конфигурации головы и хвоста, увеличивается количество прорезей на корпусе, пара конечностей перемещается в заднюю часть туловища фигуры. Подобные полиморфные изделия встречаются на территории Руси и Прибалтики (рис. 2: 5, 6). Так, подвески с изогнутыми рогами, образующими круг, и хвостом, переданным колечком, в основном происходят с территории Латвии: из могильника Икшкилес Кабелес (*Спирģис*, 2012. Рис. 4: 8–12) и Даугмальского городища (*Мугуревич*, 1965. Табл. XXIX: 8). На территории России подобные изделия были найдены в могильниках Забердяжье, Заполье в Ленинградской

обл. (Рябинин, 1981, кат. 100, 102) и Кривец в бывшей Ярославской губ. (Голстой, Кондаков, 1897. С. 93. Рис. 118), а также в Ярополче Залесском (Седова, 1978. Табл. 6: 14). Последнее украшение (рис. 2: 7) выполнено в более грубой манере по сравнению с остальными и отличается от них своими пропорциями: высота несколько превышает ширину, в то время как в подвесках из латвийских памятников, Заполя и Кривца ситуация обратная.

Из Пятницкого-I раскопа Старой Руссы происходит подвеска, на голове которой обозначены два треугольных роговидных выступа; пасть открыта; хвост имеет трапециевидную форму (Средневековые древности... СР-2011 Пт-I № 49)¹. Аналоги такой трактовке голов встречаются среди подвесок Прибалтики (Zariņa, 2006. Att. 136: 18).

Помимо рогатых существ, на территории Древней Руси известны изображения, увенчанные массивной конской головой (рис. 2: 4). Пропорции и размеры варьируют, хотя во всех экземплярах сохраняются прорез с завитком, две округлые прорезы на корпусе, веерообразный хвост и изображение конской головы. Четыре из пяти известных изделий происходят из ярославских и костромских памятников (Рябинин, 1981, кат. 104–107. Табл. III: 4; IV: 5; Голубева, 1979. Табл. 6: 13, 15). Еще одна подвеска была зафиксирована в Молого-Шекснинском междуречье (Васенина, 2006. Рис. 12: 1).

Особое изделие происходит из Ярополча Залесского (Седова, 1978. Табл. 6: 19). Прорезной корпус венчает массивная звериная голова с оскаленной пастью, украшенная кольцевидным навершием. Помимо прорезы с завитком, здесь сохраняется изгиб шеи и корпуса, типичный для полиморфных подвесок, распространенных на Северо-Западе Новгородской земли и Прибалтики, а голова, лапы и хвост существенно переработаны, конечности размещаются в задней части корпуса, но оканчиваются круглыми отверстиями (рис. 2: 3). М. В. Седова полагала, что зооморфные подвески Ярополча-Залесского «свидетельствуют о наличии в составе его населения выходцев из местных муромо-мерянских племен» (Седова, 1972. С. 72). Однако кольцевидная форма «рогов» и хвоста, прорез с завитком рассматриваемого изделия если и говорят о финно-угорской стилистике, то о прибалтийско-финской. О северо-западном влиянии свидетельствует и массивная голова со звериным оскалом. Такое решение не свойственно волжско-финской изобразительной традиции, зооморфные образы которой весьма схематичны.

Прорез с завитком будет присутствовать также на подвесках-«коньках» XII–XIII вв., встреченных в Юго-Восточном Приладжье, Приневье, Белозерье, Верхнем Поволжье (рис. 2: 9–11). Изделия представлены двумя вариантами – с отверстиями на конечностях и без таковых. Оформление первых довольно стандартно, отличия продиктованы редуцированием элементов (иногда за счет литейного брака) (Археология древнего Ярославля, 2012. С. 45; Рябинин, 1981. Табл. XI: 2–5, XII: 2; Сорокин, 2008. Рис. 6: 4). Из могильника Ратчино на Ижорском плато, происходит наиболее грациальная подвеска

¹ См в статье В. Ю. Сяборова в настоящем сборнике: с. 233, рис. 2: 1.

Рис. 2. Прорезные подвески с завитком

1 – Малый Удрай; 2 – Боршево (по: Рябинин, 1981. Табл. II: 11, 14); 3, 7 – Ярополч-Залесский (по: Седова, 1978. Табл. 6: 14, 19); 4, 6 – Кривец (по: Толстой, Кондаков 1897. С. 93, рис. 118); 8 – Коханы (по: Булычев, 1899. Табл. XXX: 13); 9 – Любаново (по: Нефедов, 1899. Табл. 4: 12); 10 – Ратчино (фото И. В. Стасюка); 11 – Минино II (по: Археология севернорусской... Рис. 206: 9)

(рис. 2: 10). На крупе изделия помещены четыре круглые прорези. Тонкая морда, изгиб переносицы, открытая пасть с высунутым языком (в форме трилистника) напоминают оформление «коньков с уздечкой», варианта 1 типа XIII, по Е. А. Рябинину, и другие орнитоморфные и зооморфные образы, известные в культуре эстов и ливов (*Zariņa*, 2006. Att. 136: 20).

В работах Л. А. Голубевой (1979) и Е. А. Рябинина (1981) не были представлены подвески без отверстий на конечностях, на момент появления работ эта разновидность изделий еще не была известна. По сравнению с предыдущим вариантом, с отверстиями на конечностях, здесь резче обозначен переход от выпяченной груди к задней части корпуса. Большинство находок происходит из памятников Белозерья (*Макаров*, 1997. Табл. 142: 7; табл. 145: 13; табл. 148: 2, 3; Археология севернорусской деревни, 2007. Рис. 206: 9). Подвески известны в погребениях 48, 59, 68 могильника Нефедьево. В них были найдены вещи, как вышедшие из употребления в конце XI – первой трети XII в., так и появившиеся на рубеже XI–XII вв. К последним Н. А. Макаров отнес и подвески-«коньки». Как полагает исследователь, сочетание разновременных изделий было возможно на рубеже XI–XII вв. – в первой половине XII в. (*Макаров*, 1997. С. 126, 128). Еще одна подвеска происходит из комплекса первой половины XII в. – из погребения 3 могильника Минино II (*Зайцева*, 2008. С. 134). Известен также экземпляр из разрушенного могильника Кузомень I на р. Варзуга (*Ясински, Овсянников*, 1998. Рис. 2, 5). М. Э. Ясински и О. В. Овсянников полагали, что «период бытования основной части изделий из <...> некрополя может быть ограничен XII или концом XI–XII в.» (Там же. С. 28). Вероятно, мы можем говорить о местном производстве, вне севернорусских земель такая разновидность на данный момент не встречена.

Говоря об украшениях в виде четвероногого копытного животного, стоит отметить, что стилистические решения, родственные или аналогичные

оформлению прибалтийских украшений, встречаются в единичных экземплярах, точная аналогия которым не всегда известна. К таковым относятся изделия из Старой Ладogi (РО НА ИИМК РАН. Д. 22. Ф.35. Оп. 1. Л. 37. 2011 г. САЭ-2011, № 1173)², могильников Ратчино³ (рис. 1: 8) и Сельцо (*Рябинин*, 1981. Табл. XI: 7) (рис. 1: 11).

Подвески не похожи ни на «олений/лосей» X–XI вв. (Там же. Табл. X: 3–8) (рис. 1: 7, 10), ни на прорезных «коньков» XII–XIII вв. (Там же. Табл. XI: 2–5) (рис. 2: 9–11). Облик каждого индивидуален, из схожих элементов – кольцевидное навершие на голове и изображение конечностей в виде прямых, расходящихся из одной точки (на подвеске из Сельца так показана только пара передних конечностей). Аналогичное расположение ног представлено на подвеске из Идяне (*Хирвилуото*, 1979. Рис. 3) (рис. 1: 12). Ноги приладожских экземпляров слегка изогнуты.

Ближайшая аналогия ратчинской находки происходят из Йьуга (Эстония) (рис. 1: 9). Однако подвеска не прорезная, украшена циркульным орнаментом (*Ligi*, 1993. P. 162–163. Tahv. XXXII: 6). У находок из Ратчино и Йьуга схожим показаны раскрытые пасти в форме двулистников. Примечательно, что подобная трактовка в большей степени свойственна орнитоморфным подвескам, найденным на территории Прибалтики (*Latvijas PSR Arheoloģija*, 1974. Att. 123: 4).

Образ, запечатленный в вышеупомянутой подвеске из Старой Ладogi, в большей степени схож с объемными зооморфными фигурками, известными на территории Латвии (*Шноре*, 1961. Табл. V: 13–18; *Spiģis*, 2008. Att. 95: 8).

Из Вологодской и Костромской областей происходят орнитоморфные изделия, корпус которых состоит из «плетенки». Начиная с головы, подвеска представляет собой единую линию, изгибы которой формируют три петли – первый фестон на нижнем крае корпуса, петлю для подвешивания на спине фигуры и хвост в задней части корпуса. Всего вдоль нижнего края корпуса расположено три фестона, два последних не сформированы изгибающейся линией и, видимо, являются петлями для привесок (рис. 1: 20). Два целых изделия и один фрагмент украшения происходят из памятников Вологодской области (*Васенина*, 2006. Рис. 12: 2; экспозиция ВГИАХМЗ; *Захаров*, 2004. Рис. 67: 10). Еще один фрагментированный экземпляр известен из костромских курганов (КИАХМЗ № 15474/21).

Орнаментация в виде изгибающихся и переплетающихся линий часто встречается в западно-финской изобразительной традиции: «плетенкой» оформляются фибулы, цепедержатели, подвески, в том числе и зооморфные (*Kivikoski*, 1951. Taf. 75: 615–616; Taf. 137: 1076). Хотя точные аналоги данным изображениям в памятниках Прибалтики и Финляндии неизвестны.

Из Белозерья происходят еще одна разновидность подвесок, оформление которой выделяется на фоне большинства древнерусских изделий (рис. 1: 19).

² Автор выражает благодарность Н. В. Григорьевой за информацию о находке.

³ Автор выражает благодарность И. В. Стасюку за возможность публикации находки.

Нижняя часть щитка подвесок дополнена прямоугольными прорезями, в верхней части щитка расположены зооморфная голова с раскрытой пастью (в форме двулистника), петля для подвешивания и хвост, переданный завитком (Захаров, 2004. Рис. 67: 20; Макаров, 1997. Табл. 117: 3; табл. 142: 10).

Н. А. Макаров полагал, что подвески из Нефедьевского могильника являются переработкой двуглавых подвесок варианта 3 типа VII, по Е. А. Рябини-ну, и видел сходство в стилистике находок с металлопластикой Волго-Камья. По мнению исследователя, аналог данных украшений происходит из Починковского могильника в Поветлужье (Макаров, 1997. С. 148). Г. Е. Архипов, опубликовавший починковскую подвеску, полагал, что это изделие является особым вариантом подвесок-«коньков» типа XIII, по Е. А. Рябину (Архипов, 1986. Рис. 24: 3).

С двуглавыми украшениями нефедьевские подвески роднят только прямоугольные прорези в нижней части щитка. Хвост, показанный колечком, схож с оформлением этой же детали на подвесках-«коньках» (рис. 2: 9–11). В целом же, обилие орнаментальных полос на корпусе, форма головы, напоминающее изображения драконов/змей на фибулах, говорят в пользу прибалтийско-финского компонента в стилистике данных украшений.

Одна из подвесок происходит из погребения 48 могильника Нефедьево, датированного Н. А. Макаровым рубежом XI–XII – первой половиной XII в. (Макаров, 1997. С. 126). С. Д. Захаров отнес изделие из Белоозера к группе вещей, бытовавших в XII–XIII вв. (Захаров, 2004. С. 58).

В контексте изучения прибалтийского компонента следует обратить внимание на двуглавые подвески с треугольными и трапециевидными прорезями на щитках. Единичная двуглавая подвеска с крупной треугольной прорезью известна из костромских курганов (КИАХМЗ. № 15469/31; Голубева, 1979. С. 46) (рис. 1: 13). Из погребений 46 и 48 могильника Нефедьево происходят две подвески с тремя треугольными прорезями (Макаров, 1997. Табл. 116: 3; табл. 142: 6) (рис. 1: 14). Комплексы датированы XII в. и рубежом XI–XII – первой половиной XII в. соответственно (Там же. С. 126, 128). Общее композиционное решение и орнамент изделий с треугольными прорезями напоминают трапециевидные цепедержатели, например, изделия из Тюрвья-Вянния в Финляндии (Kivikoski, 1951. Taf. 89: 717) и Саласпилс-Лаукскола в Латвии (Zariņa, 2006. Att. 133: 2, 4, 5, 7) (рис. 1: 15, 16).

Из курганов у Кидомли и Ягодино в Тверском Поволжье (Гатицук, 1904. С. 42. Табл. V: 8), древнего Ярославля (Археология древнего Ярославля, 2012. С. 45) и кургана на р. Рожая в Московской области (Розенфельдт, 1973. С. 63. Рис. 17: 8) происходят подвески, щиток которых представляет собой трапециевидный каркас, а его боковые грани оканчиваются зооморфными головами с изогнутыми роговидными навершиями, образующими несомкнутое кольцо (рис. 1: 17). Находки датируются XII–XIII вв. (Рябинин, 1981, кат. 219–221). Трактовка голов схожа с подвесками в виде фантастических зверей, на груди которых расположена прорезь с завитком (рис. 2: 1–2), и изделиями в виде двух сросшихся протом из Саласпилс-Лаукскола (Zariņa, 2006. Att. 136: 16) (рис. 1: 18) и Новгорода (Покровская, 2009. Рис. 3: 5).

Подводя итоги, стоит отметить, что наиболее ярко прибалтийский компонент выражен в зооморфных украшениях, распространенных на Северо-Западе Новгородской земли. Однако прибалтийское влияние ощущается как в довольно многочисленных, так и редких разновидностях изделий. В целом, прибалтийская «вуаль» растворяется в районе Волго-Шекснинского междуречья, но и в севернорусских землях встречаются ее «отголоски», в виде прорезных коньков с завитком на груди, двуглавых подвесках с треугольными и трапециевидными прорезями на корпусе, «птичка» с сегментовидной прорезью и хохолком, орнитоморфных подвесках, корпус которых оформлен плетенкой, и пр.

Литература

- Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М., 2012.
- Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники. Т. 1. Поселения и могильники. М., 2007.
- Архинов А. Г., 1986. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола.
- Бульчов Н. И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.
- Бульчов Н. И., 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры (Ока) (Бассейн Волги). М.
- Васенина М. Г., 2006. Женский убор финно-угорского населения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века и Средневековья // Вепсы: история, культура, современность. Вологда.
- Гатищук С. А., 1904. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губернии // ИАК. Вып. 6. СПб.
- Голубева Л. А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров. М.
- Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Кудряшов А. В., 2006. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец.
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.
- Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л., Бехтер А. В., 2008. Курганная группа у д. Горелуха – памятник приладожской культуры (по материалам археологических памятников) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья. СПб.
- Мугуревич Э. С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига.
- Нефедов Ф. Д., 1899. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. III. М.
- Покровская Л. В., 2004. Привеска Людина конца средневекового Новгорода: хронология (по материалам Троицкого раскопа) // ННЗ. Вып. 18.
- Покровская Л. В., 2009. Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным) // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Ч. 1. Екатеринбург.
- Розенфельдт Р. Л., 1973. Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожая в Московской области // КСИА. Вып. 135.
- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.

- Седова М. В.*, 1972. Ювелирные изделия из Ярополча-Залесского // КСИА. Вып. 129.
- Седова М. В.*, 1978. Ярополч-Залесский. М.
- Сорокин П. Е.*, 2008. Ижора в эпоху Средневековья (к вопросу о происхождении и ранней истории) // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 2. СПб.
- Стургис Р.*, 2012. Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии и их новая интерпретация // Stratum Plus. Культурная антропология и археология. Вып. 5. Другая Русь. Чудь, меря и инии языци.
- Средневековые древности Новгородской земли: электронная база данных археологических находок. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.novsu.ru/archeology/db/\(дата обращения 03.10.2017\)](http://www.novsu.ru/archeology/db/(дата обращения 03.10.2017)).
- Старая Ладога – древняя столица Руси: каталог выставки. СПб., 2003.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П.*, 1897. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб.
- Хвощинская Н. В.*, 2004. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье. СПб.
- Хирвилуото А.-Л.*, 1979. Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов // Финно-угры и славяне. Л.
- Шноре Э. Д.*, 1961. Асотское городище. Рига.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В.*, 1998. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Т. 1. СПб.
- Graudonis J.*, 1987. Ikšķiles Rumuļu kapulauks // Arheoloģija un Etnografija. № 15.
- Kivikoski E.*, 1951. Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und text. II. Porvoo. Porvoo-Helsinki.
- Latvijas PSR Arheoloģija, 1974. Rīga.
- Ligi P.*, 1993. Vadjarārsed kalmed Kirde-Eestis (9–16 sajand) // Vadjarārsed kalmed Eestis 9.–16. sajandil.
- Spirģis R.*, 2008. Bruņrupuču Saktas Ar Krūšu Kultūras Attīstība Daugavas Lejtecē 10.–13. Gadsimtā. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta Apgāda.
- Zariņa A.*, 2006. Salaspils Laukskolas Kapulauks 10.–13. Gadsimts. Rīga.

А. О. Шевцов

Пути поступления византийских серебряных монет на территорию Древней Руси

A. O. Shevtsov. Routes of Byzantine Silver Coins to the Territory of Ancient Rus

Abstract. An important issue of monetary circulation is the way of penetration of coins in their circulation area. Eastern Europe in the 10th – 11th centuries was at the crossroads of transit routes of common silver market, so the Byzantine silver coins might have come there by multiple routes. There are two opinions in historiography about the route by which the Byzantine coins fell to Russia.

Some researchers postulate that Byzantine coins came from the outside together with the prevailing flow of silver from the West or the East. From this position, it appears that the fluctuations in the number of incoming coins depended not on Russian-Byzantine relations, but on the activity of foreign trade with the European or the Arab world.

The second position is expressed by T. Noonan, who insisted that the flow of miliarysies, dirhams and denarii took place in parallels, and they mixed already in Russia as a result of monetary exchange. Traditionally mapping of coin finds and study of Byzantine coins in hoards is used to identify routes of coins incoming. The new findings help to clarify our understanding of this process.

Ключевые слова: монеты, монетное обращение, клады, милиарисии, дирхемы, денарии, Византия, Древняя Русь.

Keywords: coins, monetary circulation, buried treasures, miliarysies, dirhams, denarii, Byzantium, Ancient Rus

Важный вопрос монетного обращения – пути проникновения монет в зоны их циркуляции. Восточная Европа в X–XI вв. оказалась на перекрестке транзитных путей единого рынка серебра, так что византийские серебряные монеты (милиарисии) могли поступать сюда множественными маршрутами. Одни исследователи постулируют, что византийские монеты приходили извне вместе с преобладающим потоком серебра с Запада или Востока. Находки в кладах Северо-Западной Руси «варварских» подражаний милиарисиям «скандинавского типа», по мнению В. В. Кропоткина, свидетельствуют о западном пути проникновения византийского серебра (*Кропоткин, 1962. С. 17*). Этому же мнению придерживается Ф. Андрощук, реконструируя движение

милиарисиев вместе с западноевропейскими денариями через Великую Польшу и Швецию (*Androshchuk*, 2013. Р. 166). Некоторые исследователи полагают, что милиарисии поступали в Северную, Восточную и Центральную Европу вместе с потоками куфического серебра (*Gliksman*, 2009. Р. 617). Так, В. Н. Зоценко сделал вывод, что византийские монеты поступали на Север Руси по Волге (*Зоценко*, 1991. С. 73). Из этого положения выходит, что флуктуации в количестве поступающих монет зависели не от русско-византийских отношений, а от активности внешней торговли империи с европейским или арабским миром.

Вторую позицию выразил Т. Нунан, настаивая, что поступление милиарисиев, дирхемов и денариев происходило параллельно, и смешивались они уже на Руси в результате денежного обмена. С. Моррисон отмечает роль варягов в перемещении византийских монет (*Morrisson*, 1981. Р. 132–133). Действительно, указанный ею период наиболее активного присутствия варяжских наемников на службе у византийского императора (980–1054) совпадает с хронологическим диапазоном византийских монет, наиболее встречаемых на Руси и в Скандинавии. Так, 21 из 33 отобранных Т. Нунаном смешанных комплексов, маркирующих обращение милиарисиев на Руси, были погребены в промежутке между ок. 975 – ок. 1050 (*Noonan*, 1980. Р. 152). Н. П. Бауер вообще допускал, что усиление выпуска милиарисиев было вызвано интенсификацией отношений между Византией и Русью, приводя для примера описание Константином VII приема Ольги, где все члены посольства одаривались именно серебряной монетой (*Бауер*, 2014. С. 158–159). Взаимосвязь между притоком византийских монет и норманнским присутствием замечена и в Великой Польше (*Gliksman*, 2009. Р. 618).

Традиционно картографирование монетных находок и изучение распространения византийских монет в кладах применяется для выявления маршрутов поступления монет. Важная работа, предпринятая американским исследователем Т. Нунаном, дабы объяснить присутствие византийского серебра на Руси, – это статья 1980 г. «Обращение византийских монет в Киевской Руси». Несмотря на множество правильных методических установок, построения Т. Нунана опираются на недостаточную источниковую базу, сведения о кладах он собрал из других публикаций, и некоторые из них на сегодняшний день могут быть откорректированы.

Нунан учитывает 33 комплекса, из которых 30 содержат милиарисии (в том числе 4 погребальных комплекса, и так называемый гнёздовский «клад» 1867–1868 гг., который на самом деле представляет собой смешение нескольких погребальных и кладовых комплексов). К настоящему времени я могу дополнить эту выборку еще 11 кладами серебра.

Таким образом, мы можем говорить о 36 кладовых комплексах, содержащих византийские серебряные монеты, найденных на Руси. Помимо них, для полноты данных можно привлечь погребальные комплексы, в которых наряду с милиарисиями встречаются иные монеты.

Клады, содержащие византийские монеты

Клады на Руси, как правило, не смешивают в себе монеты и предметы нескольких металлов. Так, милиарисии встречаются лишь в кладах серебра, причем их доля в кладах, содержащих более 100 монет, обычно не превышает 1%, потому что преобладают там дирхемы или денарии. Солиды обычно составляют доминанту в золотых монетно-вещевых комплексах, а фоллисы вообще не сочетаются ни с какими другими монетами, однако их редко набирается больше 10 штук в одном комплексе. Такое различное «поведение» разных византийских денежных номиналов объясняется тем, что в отличие от серебряных монет медные и золотые монеты не обращались на Руси, следовательно, как правило, не смешивались с другими монетами. Отсюда вытекает вывод о том, что комплексы, содержащие фоллисы или солиды, поступали на Русь в «готовом виде», т.е. формирование этих комплексов произошло в пределах Византийской империи. А значит, все монеты указанных комплексов поступили на Русь не ранее, чем была выпущена младшая монета в кладе. В случае кладов с милиарисиями монеты могли попасть на Русь в любое время в промежутке между датой их чеканки и временем формирования и тезаврации клада, условное определяемое по дате младшей монеты в кладе. При этом частая встречаемость милиарисиев в кладах одного времени говорит о концентрации этих выпусков в обращении, вследствие чего вероятность попадания достаточной редкой монеты в тезаврируемый комплекс растёт.

Наличие даже в самых крупных монетных кладах вещевой составляющей наводит на мысль, что в качестве средств платежа использовались не только монеты и обломки монет, но и любые серебряные предметы в периоды преобладания в монетном обращении обломков монет (Янин, 2009. С. 91–92), когда они принимались «на вес». Присутствие ломаных украшений не исключает интерпретации таких кладов как сырьевых запасов для изготовления ювелирных изделий. Таким образом, монетно-вещевые клады серебра могли принадлежать и ювелиру, и купцу, и человеку, добывшему это богатство путем грабежа или получившему его в наследство. Наконец, нужно заметить, что клады, как правило, обнаруженные при случайных обстоятельствах, чаще всего теряют часть монет или ценных предметов, похищенных или взятых «на память» находчиками (Янин, 2009. С. 262). Таким образом, случайно найденные клады, дошедшие до нас как монетные, могли содержать в себе и вещевой компонент. Иногда встречаются монетные клады с пробитыми милиарисиями и дирхемами (№ 3, 8, 38, 41) – это означает, что монеты-подвески могли возвращаться в денежный оборот, вероятно, в периоды нехватки серебряной монеты или в результате грабежа. В двух кладовых комплексах (№ 21, 46) монеты обращены в подвески и формируют женское украшение – монисто. Подобные мониста встречаются и в погребальных комплексах.

С территории Древней Руси происходит 36 кладов, содержащих византийские серебряные монеты (рис. 1). Четыре клада из Юго-Западной Руси (№ 46–48, 53) обнаружены в бассейне Прута, Днестра и Южного Буга.

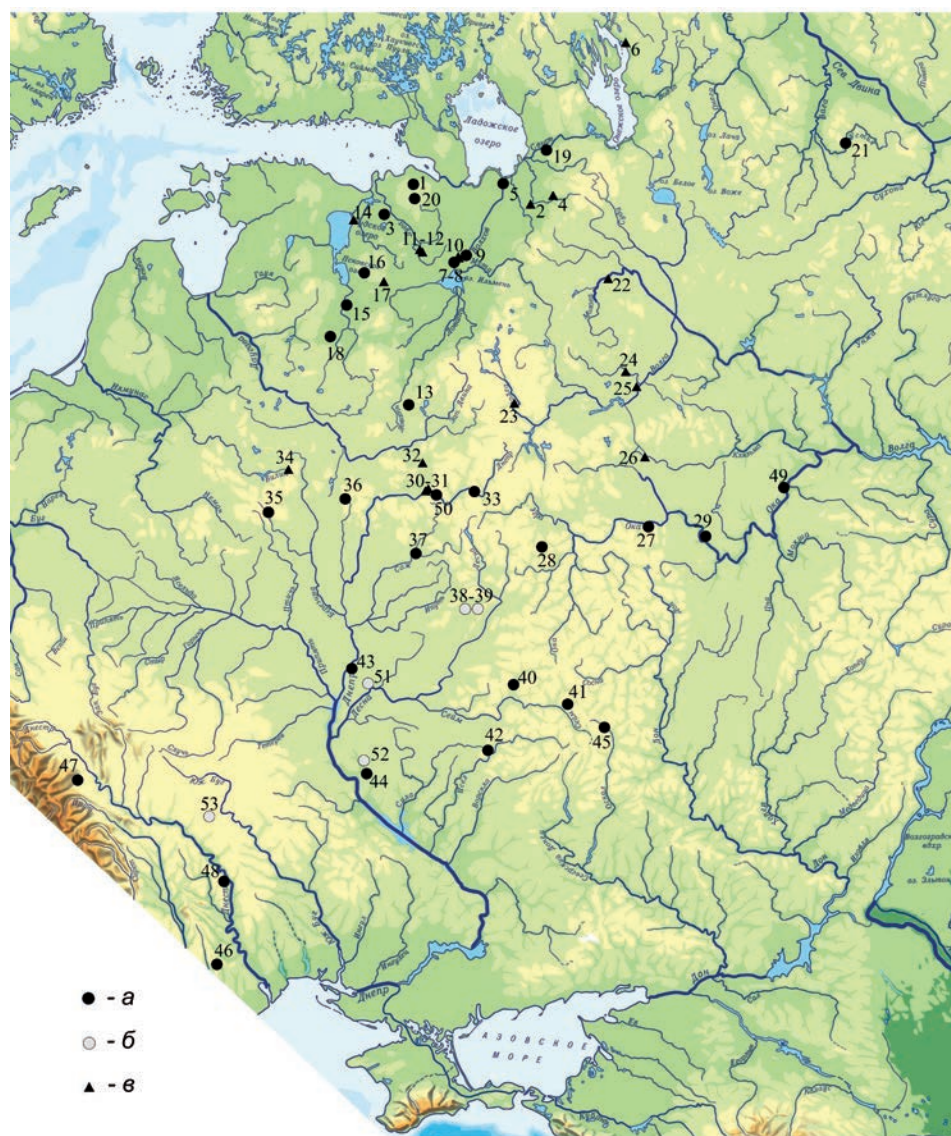

Рис. 1. Карта комплексов с милиарисиями на Руси.

Условные обозначения: *a* – клады с милиарисиями; *b* – клады с милиарисиями, точное местонахождение неизвестно; *v* – погребения с несколькими монетами (византийскими и иными). Экспликацию см. в приложении 1 на с. 304

15 кладов найдены на территориях, входящих в речную систему Днепра. Это подчеркивает его центральную роль в движении византийских монет. Недоумение Т. Нунана вызвал факт, что клады в основном расположены не прямо вдоль магистрали пути «из варяг в греки», а скорее на притоках.

Однако, как отмечал Н. П. Бауер: «зарытые клады отмечают собой не столько нормальное прохождение путей, а препоны... по дорогам допускающим проход», к тому же основная магистраль могла быть столь надежна, что не имелось причин для задержек (Бауер, 2014. С. 110).

В Среднем Поднепровье нам известно 10 кладов. Непосредственно с левого берега Днепра происходят три клада (№ 43, 44, 52). С левых притоков Днепра до нас дошли клад с Псла (№ 42), два – из бассейна Сейма (№ 40, 41), три (предположительно) – из бассейна Десны (№ 38, 39, 51). Еще один клад найден в верховьях Оскола (приток Северского Донца; № 45), но тяготеет этот клад к находкам Посеймья. В Верхнем Поднепровье обнаружено еще пять кладов: два – на Днепре (№ 63, 94), по одному – в бассейнах правых притоков р. Свислочь (№ 35) и р. Друть (№ 36) и левого притока – р. Сож (№ 37).

В течении Оки найдено четыре клада. С Верхней Волги нам не известно ни одного подобного комплекса. 12 серебряных кладов Северо-Западной Руси маркируют развитую систему коммуникаций. Клады на Ловати (№ 13), Волхове (№ 7–9 и 5) расположены вдоль основного пути от Западной Двины к Ладожскому озеру. На р. Свирь, соединяющей Ладожское и Онежское озера, найден еще один клад (№ 19). Два клада (№ 3, 20) найдены в бассейне Луги. К ним тяготеет еще один клад (№ 1), и вместе они обозначают путь вдоль побережья Финского залива между Нарвой и Невой. Три клада (№ 15, 16, 18) происходят с территорий, входящих в речную систему Псковского озера. Наконец, самый северный клад (№ 21) найден на реке Устья, притоке Ваги. Таким образом, картографирование монетных кладов позволяет увидеть основные пути, по которым распространялись византийские монеты.

Хронологический обзор кладов

IX – первая половина X в.

Клады: Завалишино № 45, Моисеево № 40, Хитровка № 27, Грабовицы № 47

С начала IX по первую половину X в. были тезаврированы четыре клада, содержащие византийские монеты. Самый ранний клад (№ 45) датируется началом IX в., т.е. вскоре после появления дирхема на Руси. Затем следует хиатус в почти 60 лет, на протяжении которых ни одна византийская монета не попадала в клады куфических монет. В 870-е выпадают два клада (№ 27, 40), после которых следует разрыв еще в пятьдесят лет. Такая редкая встречаемость и длительные временные интервалы между находками говорят, что для этого периода нехарактерно обращение византийских монет на Руси, а контакты между Русью и Византией могли быть лишь спорадическими (Noonan, 1980. P. 152). Немаловажно, что сами по себе милиарисии VIII–IX вв. очень редки. Тот факт, что все три клада найдены на восточных границах Руси, а также то, что византийские монеты отстают от младших монет на 15–30 лет, указывает, что эти монеты могли случайно попасть с Востока вместе с потоком дирхемов. Второй четвертью X в. датируется клад серебряных монет из бассейна Днестра (№ 47). В нем византийская монета – младшая (самый поздний дирхем отстает от нее на 15–40 лет), что само

по себе – редчайший случай для кладов серебряных монет. Следовательно, сюда она, скорее всего, поступила напрямую из Византии.

Вторая половина X в.

Клады: *Новгород № 7, Ерилово № 15, Новый Двор № 35, Старый Дедин № 37, Брянская обл. (?) № 38–39, 1-е Красниково № 41, Шпилевка № 42, Любеч № 43, Чернигов (?) № 51;*

Монетно-вещевые клады: *Тарутинский р-н Од. обл. № 46, Алчедарское гор. № 48, Винницкая обл. (?) № 53;*

Погребения: *Гнёздово № 31, Плешково № 25, Горки № 23*

Начиная со второй половины X в. клады, содержащие византийские монеты, выпадают регулярно. Ко второй группе (вторая половина X – рубеж X–XI вв.) относятся 10 монетных (№ 7, 15, 35, 37–39, 41–43, 51) и 3 монетно-вещевых клада (№ 46, 48, 53), датируемых промежутком 963/69–990 и содержащих милиарисии от Романа I (920–944) до Иоанна Цимисхия (969–976). К этой же хронологической группе можно причислить погребальные комплексы (№ 31, 25, 23) с монетами-подвесками Льва VI (886–912) и Иоанна Цимисхия (969–976). В кладах, а также погребальных комплексах этого периода наряду с дирхемами появляются западноевропейские монеты конца X в. Для большинства византийских монет из кладов этого периода характерно малое отставание от младшей монеты комплекса (в пределах 10–20 лет). Монеты, как правило, целые, в хорошем состоянии, т. е. на них отсутствуют следы износа. Среди прочих находок три клада выделяются количеством милиарисиев (№ 39, 41, 51). К сожалению, все эти комплексы найдены в ходе несанкционированных сборов, поэтому их топографическая привязка может вызывать определенные сомнения, однако содержащиеся в них в больших количествах однотипные целые монеты Константина VII и Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия свидетельствуют в пользу их прямого импорта из Византии. Данные монеты просто не успели раствориться среди доминирующих на Руси куфических монет. Отметим, что все три клада археологизированы на левых притоках Днепра, а всего из 12 кладов серебра второй группы лишь два найдены на Севере.

Первая половина XI в.

Клады: *Боровская № 1, Ложголово № 3, Старая Ладога № 5, Новгород № 8, Собачьи Горбы № 9, Васьково № 13, Молоди № 16, Колодези № 28, Коростово № 29, Поречье № 36, Денисы № 44, Муром № 49, Смоленск № 50, р. Супой (№ 52), клад-монисто: Благовещенское № 21;*

Погребения: *Ригачево № 4, Челмужи № 6, Деревяницы № 10, Удрай № 11–12, Павлов Погост № 14, Посады № 24, Новоселье (Саки) № 32, Избище № 34*

На первую половину XI в. приходится 15 серебряных монетных и монетно-вещевых кладов с милиарисиями от Романа I (920–944) до Василия II и Константина VIII (976–1025). Семь из 15 кладов происходят из Северо-Запада (№ 1, 3, 5, 8, 9, 13, 16), три – из бассейна Оки (№ 28, 29, 49) и четыре – из бассейна Днепра (№ 36, 44, 50, 52). Такое распределение в пользу Северо-Запада указывает на обозначенное Т. Нунаном «притяжение» византийского серебра в Новгородскую и Псковскую землю (Noonan, 1980. P. 161), только сейчас

мы можем заключить, что основная масса монет поступала туда после рубежа X–XI вв. Для этих кладов характерны единичные изношенные милиарисии, часто фрагментированные. Наряду с появившимися в большом количестве выпусками Василия II и Константина VIII (976–1025), по-прежнему встречаются выпуски Никифора II и Иоанна I, поступавшие в денежный оборот на Русь еще во второй половине X в. Погребальные комплексы этого времени подтверждают концентрацию погребений с византийскими милиарисиями на Северо-Западе (№ 4, 6, 10–12, 14). Причем в комплексах, где присутствуют монеты-подвески разных чеканов, можно убедиться в отсутствии какой-то хронологической закономерности в сочетании монет.

Вторая половина XI – начало XII в.

Монетно-вещевые клады: Скадино № 18, Лодейное Поле № 19, Шпаньково № 20, Дорогобуж № 33

Для второй половины XI в. характерно исчезновение милиарисиев из кладов серебра, хотя ранее они составляли доминанту среди кладов с византийскими монетами. Это связано с прекращением поступления на Русь милиарисиев, выпущенных после правления Василия II и Константина VIII (976–1025). В этот период, предположительно, был археологизирован клад серебряных монет с не определенными византийскими монетами (№ 33).

Завершают хронологический обзор три серебряных монетно-вещевых клада (№ 18–20), выпавших на Северо-Западе в 1100–1130 годах. Эти клады содержали все те же милиарисии Василия II и Константина VIII (976–1025) и подражания им, которые задержались более чем на 100 лет в денежном обращении Северо-Запада. Таким образом, эти клады подводят черту в обращении византийской серебряной монеты на Руси.

Если посмотреть на то, как представлены милиарисии разных выпусков в кладах (рис. 2), то в целом можно согласиться, что выпуски X в. оказывались на Руси сравнительно скоро после чеканки (особенно монеты Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия) и могли долго оставаться в обороте. Кроме того, можно отметить наличие пиков выпадения кладов с византийскими монетами – 970–980-е и 1030-е гг. Помня об условности датирования кладов по младшей монете, мы можем считать их периодами наибольшей концентрации милиарисиев в обращении на Руси.

Итак, были рассмотрены 36 кладов с византийскими монетами, происходящими с территории Древней Руси. Хронологический и топографический анализ показал неравномерность поступления монеты на Русь. Подтверждается длительное бытование византийских монет на Руси в качестве как целой монеты, так и обрезков, обломков, подвесок, которые изымались и возвращались в денежный оборот (на Северо-Западе для выпусков Василия II и Константина VIII оно составляло более 100 лет). Пик поступления милиарисиев выразился в регулярном выпадении кладов во второй половине X – первой половине XI в., причем до рубежа веков основная масса кладов тяготеет к речной системе Днепра и его притоков, а с начала XI в. – тезаврируется на Северо-Западе. В целом клады серебра, содержащие византийские монеты, маркируют основную магистраль, связывающую Византию и Русь – путь «из варяг в греки».

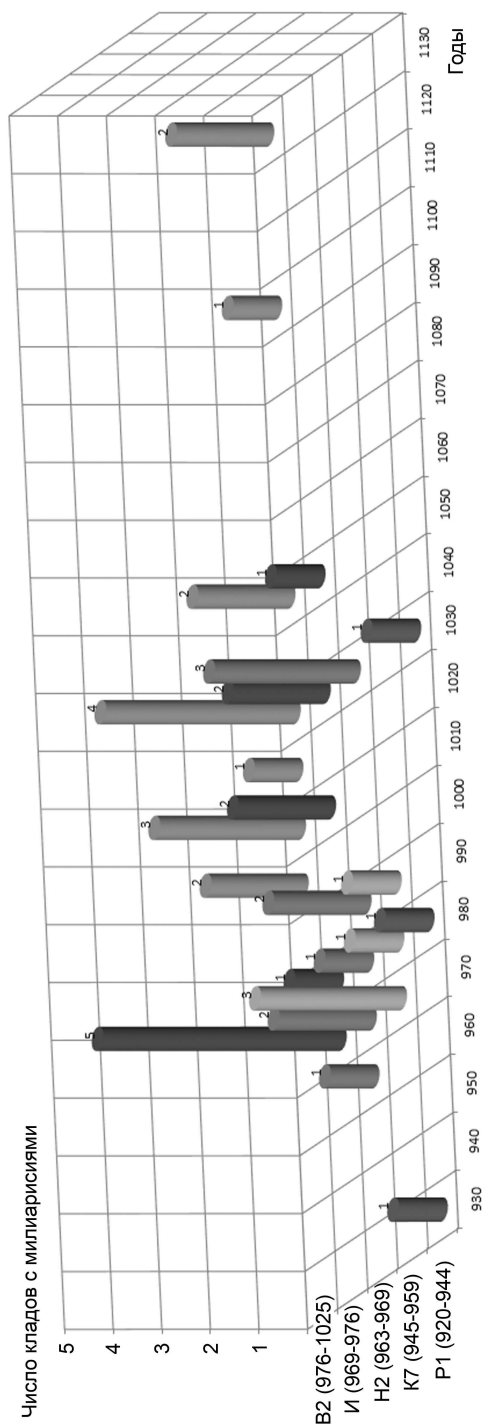

Рис. 2. Встречаемость наиболее часто представленных выпусков миллиарисиев в кладах серебра по десятилетиям.
 Р1 – Роман I (и Христофор до 931) (920–944); К7 – Константин VII и Роман II (945–959); Н2 – Никифор II Фока (963–969);
 И – Иоанн Цимисхий (969–976); В2 – Василий II и Константин VIII (976–1025)

Сводная таблица комплексов с миллиарсиями

№	Место находки	Год находки	Характер комплекса	Состав комплекса	Индекс м. о.	Византийские монеты	Датировка миллиарсиев	Младший дирхем	Младший денарий	Источник
1	Боровская	1846	монетно-вещевой клад	ок. 4000 монет (289 сохр.)	2	11 AR	969-976, 976-1025	1012	ок. 1035	Корзухина, 1954. С. 102, № 58; Кропоткин, 1962. С. 25, № 54; Ноопат, 1980. С. 179, № 19
2	Заловщик	1874	курган	3 монеты-привески	2	1' AR	976-1025	?	?	Кропоткин, 1962. С. 25, № 55; Равдина, 1988. С. 59, № 75
3	Ложголово	1948	монетный клад	89 монет и обл.	2	1' AR	976-1025	?	1016-1047	Кропоткин, 1962. С. 25, № 57; Ноопат, 1980. С. 179, № 21.
4	Ригачево	1928	курган	5 (7) монет	1	1' AR	977-989		978-1023	Кропоткин, 1962. С. 25, № 58; Равдина, 1988. С. 107, № 180
5	Старая Ладога	1920	монетно-вещевой клад	67 обл. и монет и 2 гривен	2	1 AR	976-1025	976/7	1002-1014	Корзухина, 1954, 102-60; Кропоткин, 1962. С. 25, № 60; Ноопат, 1980. С. 179, № 24
6	Челмужи	1934	курган	монисто с 3 монетами	0	3' AR	945-959, 969-976, 976-1025			Кропоткин, 1962. С. 30, № 134; Ноопат, 1980. С. 180, № 29; Равдина, 1988. С. 124, № 219
7	Новгород (1956)	1956	монетный клад	740 обл. и монет	1	1 AR	945-959	974/5		Кропоткин, 1962. С. 26, № 66; Ноопат, 1980. С. 177, № 6
8	Новгород (1993)	1993	монетный клад	столбик из 59 серебряных монет	1	2' AR	963-969, 977-989		1023-1040	Janin, Gajdukov, 1998. С. 347-348; С. 352, рис.1, 2
9	Собачьи Горбы	1906	монетно-вещевой клад	345 монет и обл.	2	2 AR	969-976, 976-1025	998	1038-1075	Корзухина, 1954. С. 100-101, № 55; Кропоткин, 1962. С. 26, № 67; Ноопат, 1980. С. 179, № 23
10	Деревяницы	до 1977	грунтовая могила	+ 2 монеты-привески	1	1' AR	963-969		1017-1023	Равдина, 1988. С. 51, № 63
11	Удрай	1981	погребение под каменной насыпью	2 монеты-привески у черепа + 2 монеты	1	2' AR	976-1025	997-1011		Равдина, 1988. С. 119-120, № 211
12	Удрай	1981	погребение под каменной насыпью	монисто из 4 монет + 8 монет и привесок (подражаний)	1	1' AR	945-959		978-1016	Равдина, 1988. С. 119-120, № 211

№	Место находки	Год находки	Характер комплекса	Состав комплекса	Индекс м. о.	Византийские монеты	Датировка милларисиев	Младший дирхем	Младший денарий	Источники
13	Васьково	1923	монетно-вещевой клад	4750 обл. и монет	2	5 AR	919-944, 963-969, 969-976, 976-1025	1012/3	1011-1059	Корзухина, 1954. С. 98-99, № 50; Кропоткин, 1962. С. 26, № 71; Ноопат, 1980. С. 178, № 215
14	Павлов Пост	1901	курган	монисто из 9 монет	2	1' AR	969-976	998-1012	1021-1036	Кропоткин, 1962. С. 27, № 77; Равдина, 1988. С. 94, № 155
15	Ерилово	1930	монетный клад	399 дирхемов и обл.	1	1 AR	945-959	975/6		Кропоткин, 1962. С. 26, № 73; Ноопат, 1980. С. 177, № 7
16	Молоди	1878	монетный клад	2,4 кг обл. и 0,9 кг ц. (ц. - 567 шт.)	3	2 AR	969-976, 976-1025	1009/10	978-1016	Кропоткин, 1962. С. 26, № 75; Ноопат, 1980. С. 178, № 14
17	Поддубье	1899	курган	2 монеты-подвески	1	1' AR	969-976		1068-1090	Кропоткин, 1962. С. 27, № 78; Равдина, 1988. С. 103, № 166
18	Скадино	1928	монетно-вещевой клад	839 монет	2	2 AR	976-1025	1006/7	1111-1137	Корзухина, 1954. С. 100, № 53; Кропоткин, 1962. С. 27, № 80; Ноопат, 1980. С. 180, № 32
19	Лодейное Поле	1949	монетно-вещевой клад	3,5 кг 2873 монет	2	2* AR	976-1025	957/8	1095-1105	Кропоткин, 1962. С. 25, № 56; Ноопат, 1980. С. 180, № 30
20	Шпальково	1913	монетно-вещевой клад	1850 монет определено	2	1+1* AR	976-1025	1004/5	1111-1137	Корзухина, 1954. С. 101, № 56; Кропоткин, 1962. С. 25, № 62; Ноопат, 1980. С. 180, № 31
21	Благовещенское	1920-е	монетно-вещевой клад	монисто из 9 монет	2	1' AR	963-969	940/1	ок. 1030	Кропоткин, 1962. С. 24, № 39; Ноопат, 1980. С. 178, № 17
22	Куреваниха	1966	курган	монисто из 12 монет	1	?1* AR	?	984/5		Равдина, 1988. С. 80, № 115; Ноопат, 1980. С. 178, № 10
23	Горки	1895	курган	3 монеты-привески	1	2' AR	969-976		990-995	Кропоткин, 1962. С. 24, № 49; Равдина, 1988. С. 47, № 55
24	Посады	1886	курган	монисто из 8-9 монет	2	1' AR	977-989	961-976	978-1016	Кропоткин, 1962. С. 24, № 50; Равдина, 1988. С. 105, № 172; Ноопат, 1980. С. 178, № 16
25	Плешково	1981	курган	монисто из 8 монет	2	1' AR	886-912	981/982	990-995	Равдина, 1988. С. 101, № 165
26	Большее	1896	курган	монета-подвеска+ монета	1	1' AR	945-959		?	Кропоткин, 1962. С. 25, № 63
27	Хитровка	1898	монетный клад	2,8 кг (1009 ц. и обл.)	1	1 AR	842-867	872/3		Кропоткин, 1962. С. 25, № 64; Ноопат, 1980. С. 177, № 3
28	Колодези	1964	монетный клад	1,5 кг (560 монет)	2	1 AR	976-1025	?	ок. 1050	Кропоткин, 1965. С. 186, № 132(535); Ноопат, 1980. С. 179, № 25

№	Место находки	Год находки	Характер комплекса	Состав комплекса	Индекс м. о.	Византийские монеты	Датировка миллиарсиев	Младший дирхем	Младший денарий	Источник
29	Коростово	1891	монетно-вещевой клад	950 обл. и монет	2	3 AR	969-976	976-997	996-1002	Корзухина, 1954. С. 105-64; Кротошкин, 1962. С. 27, № 91; Ноопат, 1980. С. 178, № 12
30	Гнездово (1867/8)	1867/8	погребение?	несколько монет	1	1 AR	780-797	?		Корзухина, 1954. С. 87-88, № 23; Кротошкин, 1962. С. 28, № 102; Ноопат, 1980. С. 77, № 5
31	Гнездово (Поль-25)	1977	курган	монета-подвеска+ монета, сожжение (950-970)	1	1' AR	886-908	905-906		Равдина, 1988. С. 46, № 52
32	Новоселье (Саки)	1905	курган	4 монеты-подвески	1	1' AR	945-959		1039-1056	Кротошкин, 1962. С. 28-29, № 110; Равдина, 1988. С. 109-110, № 188
33	Дорогобуж	1847	монетный клад	?	2	?	?	?	1047-1075	Кротошкин, 1962. С. 48, № 109
34	Избище	?	курган	8 монет-подвесок	2	3' AR	969-976, 977-989	908-932	983-1002	Рябцевич, 2000. С. 69
35	Новый Двор	1871	монетный клад	399 серебряных монет	2	1 AR	969-976	979/80	990	Кротошкин, 1962. С. 38, № 301; Ноопат, 1980. С. 178, № 13
36	Поречь	1886	монетно-вещевой клад	573 обл. и монет	3	2 AR	977-989	1014/15	1016-1035	Кротошкин, 1962. С. 38, № 302; Ноопат, 1980. С. 178, № 18
37	Старый Дедши	1926	монетный клад	201 монета	2	1 AR	969-976	978/9	955-976	Кротошкин, 1962. С. 39, № 303; Ноопат, 1980. С. 178, № 9
38	Брянская обл. (2001)	2001	монетный клад	470 монет	1	1' AR	963-969	952/3		Зайцев, 2011. С. 46
39	Брянская обл. (2005)	2005	монетный клад	177 ч. и обл.	1	18 AR	963-969	970-976		Зайцев, 2011. С. 46
40	Моисеево	1866	монетный клад	ок. 30 монет, 7 определены	1	1 AR	842-867	866-869		Кротошкин, 1962. С. 39, № 303; Ноопат, 1980. С. 178, № 9
41	1-е Красниково	1978	монетный клад	ок. 335 монет (51 опр.)	1	23 AR	963-969, 969-976	968-976		Лебедев и др., 2009. С. 6-16
42	Шплевка	1887	монетный клад	99 монет определено	1	1 AR	945-959	990-999		Корзухина, 1954. С. 86-19; Кротошкин, 1962. С. 36, № 259; Ноопат, 1980. С. 178, № 11
43	Любеч	1936	монетный клад	9 монет определено	1	1 AR	969-976	975/6		Кротошкин, 1965. С. 179, № 88 (558); Ноопат, 1980. С. 177, № 8

№	Место находки	Год находки	Характер комплекса	Состав комплекса	Индекс м. о.	Византийские монеты	Датировка миллиарсиев	Младший дирхем	Младший денарий	Источник
44	Деншы	1912	монетно-вещевой клад	3,5 кг (5400 обл. и п.)	3	4+1* AR	969-976, 976-1025	1008/9	1002-1026	Кропоткин, 1962. С. 32, № 163; Ноопан, 1980. С. 179, № 20
45	Завалишино	1927	монетный клад	52 обл. и п.	1	1 AR	775-780	809/10		Кропоткин, 1962. С. 24, № 45; Ноопан, 1980. С. 177, № 1
46	Тарутинский / Каушанский р-н	до 1960	монетно-вещевой клад/потребенсе?	монисто?	0	5' AR	945-959, 969-976			Кропоткин, 1962. С. 49, № 242а
47	Грабовицы	1929	монетный клад	более 60 монет, опр. 26 (>61 г)	1	1 AR	921-944	905/6		Кропоткин, 1962. С. 36, № 255; Ноопан, 1980. С. 177, № 4
48	Алчедарское городище	2008	монетно-вещевой клад	5 монет, украшения, серебр. слиток, гириак	1	3 AR	969-976	960/1		Болдуряну, 2010. С. 302-303
49	Муром	2006	монетно-вещевой клад	1001 обл. и п. монет + серебряные слитки	2	1 + 1' AR	977-989	1003/4	996-1002	Рева, Гростьянский, 2014. С. 107-115
50	Смоленск	1988	монетно-вещевой клад	> 4000 монет + обломки украшений	2	1 AR	977-989	?	1 четв. XI в.	Галанов, 2014. С. 11-13
51	Чернигов (?)	2012	монетный клад	12 кг	1	142+4' AR	931-944, 945-959, 963-969	979/80		Покрасс, Хролов, 2014. С. 33-36
52	р. Сулой (?)	2010	монетно-вещевой клад	1,8 кг обл. и 329 п. монет + украшения	3	~10 AR	?	?	трл 1012	Моисеенко, 2014. С. 86
53	Винницкая обл. (?)	2015	монетно-вещевой клад	24 обл. и п. серебр. монет + слиток серебра, медная монета-подвеска	1	5 AR + 1' AE	969-976	посл. треть X в.	ок. 1035	не опубликован

Условные обозначения:

AE – медные фоллисы, чеканенные в Константинополе

AR – серебряные миллиарсии, чеканенные в Константинополе

AV – золотые монеты: солиды, номисмы, гистамены и тетартроны, чеканенные в Константинополе

1' – монета, превращенная в подвеску (с пробитым отверстием или приклепанным ушком)

1* – подражание монете данного номинала

? – монета неуказанного номинала

Жирным шрифтом –клады, содержащие более 50 монет

Индекс м. о. – индекс монетного обращения (по Т. Нулану) характеризует наличие в комплексе монет иного географического происхождения помимо Византии

Литература

- Бауер Н. П.*, 2014. История древнерусских денежных систем (IX в. – 1535 г.). М.
- Болдуряну А.*, 2010. Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада // *Stratum plus*. № 5. СПб.; Кишинёв. С. 301–306.
- Галанов В. И.*, 2014. Памятники нумизматики эпохи викингов в фондах Смоленского государственного музея-заповедника // *Междунар. нумизматич. конф. «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»* (СПб., Ст. Ладога, 18–20 апр. 2014 года): м-лы докл. и сообщ. СПб. С. 10–15.
- Зайцев В. В.*, 2011. Новые находки античных и византийских монет на Брянщине // *Нумизматический альманах*. № 1 (42). М. С. 41–47.
- Зоценко В. Н.*, 1991. Византийская монета в Среднем Поднепровье // *Южная Русь и Византия: сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов)*. Киев. С. 57–79.
- Корзухина Г. Ф.*, 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.
- Кропоткин В. В.*, 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М. (САИ; вып. Е4–4.)
- Кропоткин В. В.*, 1965. Новые находки византийских монет на территории СССР // *Византийский временник*. № 51. С. 166–189.
- Лебедев В. П. Сотников А. В. Шпилев А. Г.*, 2009. Клад арабских и византийских монет 70-х гг. X в. из деревни 1-е Красниково Курской области // *Средневековая нумизматика Вост. Европы*. Вып. 3. М. С. 6–16.
- Моисеенко Н. С.*, 2014. Пополнение числа кладов с древнерусскими монетами // *Междунар. нумизматич. конф. «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»* (СПб., Ст. Ладога, 18–20 апр. 2014 года): м-лы докл. и сообщ. СПб. С. 84–95.
- Покрасс Ю. Л., Хромов К. К.*, 2014. Клад серебряных монет второй половины X века из Чернигова // *Междунар. нумизматич. конф. «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»* (СПб., Ст. Ладога, 18–20 апр. 2014 года): м-лы докл. и сообщ. СПб. С. 33–38.
- Равдина Т. В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: каталог. М., 1988.
- Рева Р. Ю., Тростьянский О. В.*, 2014. Денежно-вещевой клад начала XI века из окрестностей Мурома // *Междунар. нумизматич. конф. «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»* (СПб., Ст. Ладога, 18–20 апр. 2014 года): м-лы докл. и сообщ. СПб. С. 107–115.
- Рябцевич В. Н.*, 2000. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X – начала XIV вв. // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Вып. 15. Мінск. С. 66–72.
- Янин В. Л.*, 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.
- Androshchuk F.*, 2013. Byzantium and the Scandinavian world in the 9th–10th century // *From Goths to Varangians. Communications and cultural exchange between the Baltic and the Black Sea*. Aarhus. P. 147–191.
- Gliksmann A.*, 2009. Some remarks on the beginning of influx of Byzantine coins into Wielkopolska in the 10th century // *Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century*. Kraków. P. 605–623.
- Janin V. L. Gajdukov P. G.*, 1998. Ein Schatzfund aus Novgorod mit westeuropäischen und byzantinischen Münzen // *Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Vonder Eisenzeit zum Mittelalter, Festschrift für Michael Müller-Wille*. Neumünster. P. 345–357.
- Morrisson C.*, 1981. Le rôle des Varanges dans la transmission de la monnaie byzantine en Scandinavie // *Les Pays du Nord et Byzance*. Uppsala. P. 131–140.
- Noonan T.*, 1980. The Circulation of Byzantine Coins in Kievan Rus' // *Etudes byzantines*. 7, pt. 2. P. 143–181.

А. И. Корниенко

Створчатые браслеты-наручи как источник к изучению инструментария древнерусских ювелиров

A. I. Kornienko. Pivoted Shutters Bracelets (Naruchi) as a Source for Study of the Tools of Ancient Rus Jewelers

Abstract. For many centuries, masters of the Ancient Russian state reached their highest level of development in handicrafts. Jewelry making is one of the oldest crafts in the long history of mankind. Literature on this subject is enormous, and to display the main stages in the study of this issue, we have tried to organize the basic approaches to Ancient Russian Nelo wing bracelets

(Naruchi) study. This organization has its drawbacks. For example, in the basic paper of T. I. Makarova on Neloing silver in ancient Rus both stylistic and technological approaches are presented, the same can be said about the works of B. A. Rybakov, where a more elaborate semantic approach is added. This paper presents some aspects of technological approach to the study of ancient nelo silverware.

Ключевые слова: Древняя Русь, ювелирное ремесло, технологии, серебряные изделия, чернение.

Keywords: Ancient Rus, jewelry craft, technology, silverware, neloing silver.

Одним из важнейших вопросов в изучении ювелирного дела Древней Руси можно считать проблему выявления набора инструментов, которым пользовались мастера при изготовлении украшений. Насколько велик был такой комплекс, наличие каких инструментов было необходимо при работе с драгоценными металлами в различных ювелирных техниках?

Ответы на данные вопросы следует искать в дошедшей до нас готовой продукции древнерусских мастеров-ювелиров. В частности, таким источником могут служить серебряные браслеты-наручи с чернью. Изготавливались они из нескольких частей – створок, имеющих шарнирные крепления, позволяющие раздвигать створки. Использование двух равновеликих створок-пластинок характерно для византийских створчатых браслетов XI–XIII вв. и для древнерусских створчатых образцов XII–XIV вв.

Исторически сложение типа древнерусских створчатых браслетов связывается с влиянием византийской ювелирной школы (Даркевич, 1975. С. 271–273; Рябцева, 2005. С. 256; Макарова, 2008. С. 82). Особенности древнерусской ювелирной традиции определяются, как и в техники изготовления, так и в декорировании данного типа изделий. В отличие от византийских украшений, изображения на древнерусских образцах плоские, гравированные, первоначально выполнявшиеся на черневом фоне, а в более поздних образцах чернью заполняли линии гравировки. Развитие этих створчатых браслетов прослеживается от сложных к более простым образцам, подобное упрощение просматривается и на других древнерусских изделиях, например, на колтах с эмальями и чернью (Корзухина, 1950. С. 217–235; Макарова, 1986. С. 86, 91).

Что же касается инструментов мастеров-ювелиров, то следует отметить, что во многих исследованиях по изучению ювелирного дела Древней Руси особое внимание уделяется тиглям и литейным формам, наковальням, молоткам, остальной же набор, как отмечают исследователи, чаще всего не идентифицируются, чему способствует коррозия и фрагментарность орудия (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 77).

Настоящая работа посвящена обзору набора инструментов древнерусского мастера-ювелира, источниками к выявлению которого являются непосредственно сами инструменты, найденные в процессе археологических исследований, следы технологических операций, оставленные на готовых изделиях, письменные сведения – манускрипт Теофила Пресвитера «*Schedula diversarum artium*» («Записки о разных искусствах»), написанный в конце XI – начале XII в., а также современные справочники по ювелирному делу.

Т. И. Макаровой была разработана классификация серебряных с чернью браслетов-наручей, в основе которой лежит способ изготовления – ручная выколотка, тиснение, литье (Макарова, 1986. С. 7).

Ручная выколотка отличается отковки тем, что выполняется на листовом металле. При выколотке мастеру необходимо иметь набор ювелирных молотков с различными формами бойков (Бреполь, 2000. С. 203).

По форме рабочей поверхности и воздействию на материал бойки молотков в современном ювелирном производстве делятся следующим образом.

При работе с *плоским* бойком действие удара почти перпендикулярно к обрабатываемой поверхности и даже при большой силе удара металл незначительно вытесняется в стороны. В связи с этим, такой инструмент непригоден для изменения формы заготовки, хотя является незаменимым при отделке и сглаживании поверхности изделий (Бреполь, 2000. С. 151).

Закругленным бойком хорошо обрабатывать металл, не допуская сильной деформации поверхности заготовки.

Молоток с шаровидным бойком наиболее подходит для равномерной разгонки металла во все стороны. Однако, после работы таким инструментом на поверхности изделия могут оставаться следы, которые обычно заглаживают молотком с плоским бойком (Бреполь, 2000. С. 151).

Ювелирные молоточки были обнаружены при раскопках Южного городища Старой Рязани (3 экз. – с закругленным концом, плоским бойком,

с плоским бойком и сильно отогнутой клиновидной рабочей частью) и селища Каменное в Верхнем Подонье (*Монгайт*, 1955. С. 136; *Даркевич*, 1975. С. 46). В Серенске был найден небольшой железный молоточек в яме с ломом железных и бронзовых изделий. В постройке в Спас-Городке был найден железный молоток обычных размеров (97×31 мм), он мог использоваться для работы с пластинчатыми бронзовыми изделиями (*Зайцева, Сарачева*, 2011. С. 101).

Кроме металлических в производстве ювелирных украшений могли применяться и «мягкие» молотки, изготовленные из кости или дерева, однако, такие находки крайне редки, они практически не сохраняются в культурном слое.

В процессе формирования заготовки важен не только ударный инструмент, но и наковальня. В современном производстве используется много разновидностей наковален, в зависимости от технологических особенностей изготавливаемого изделия.

Среди археологических находок наковальни встречаются довольно часто. Интересна находка с Серенского городища – наковальня, имеющая вид железной пластины с вертикальными бортиками. Сохранился фрагмент её угла, толщина пластины составляет 3 мм. В современных руководствах по ювелирному делу описан способ использования подобной пластины в качестве неметаллической подкладной подушки для чеканных работ. Внутрь при этом заливается специально приготовленная смоляная смесь. Такая «наковальня» удобна тем, что на ее поверхности прочно фиксируется листовая заготовка.

Следующий технологический прием в классификации Т. И. Макаровой, который использовался для изготовления браслетов-наручей – тиснение (*Макарова*, 1986. С. 7). Техника тиснения серебра получила особое значение ввиду с широким распространением техники чернения, для которой требовалось выступающий рельефный рисунок и утопленный вниз фон.

Тиснение производилось путем накладывания тонких листов серебра на металлические матрицы, имеющие выпуклый рисунок.

В настоящий момент опубликовано более 150 древнерусских матриц. На сегодняшний день самая большая коллекция происходит из раскопок Серенского городища (29 экз.), далее идут коллекции Райковецкого городища (23) и Старой Рязани (19) (*Зайцева, Сарачева*, 2011. С. 94–101; *Гончаров*, 1950. С. 106–107; *Даркевич*, 1995. С. 148, 190–191). Самые большие коллекции матриц относятся к изготовлению такой категории серебряных украшений, как колты, найдены они в слоях многих древнерусских поселений.

Иная ситуация складывается в отношении браслетов-наручей: матрицы для их тиснения, в отличие от матриц для колтов, в настоящее время неизвестны. Однако, по мнению Т. И. Макаровой, сами украшения могут свидетельствовать о наличии таких матриц. Исследовательница определила несколько признаков, отвечающих за процесс тиснения – рельефные розетки, валики, ложную зернь, рельефные рифленые шарниры, углубленные киотцы наруча (*Макарова*, 1986. С. 86).

Рассмотрим данные признаки более подробно. Ложную зернь, розетки, вероятнее всего, делали с помощью чеканов, в связи с этим, рассматривать эти

Рис. 1. Детали браслетов-наручей со следами технологических операций:
 а, б – Шанчай (Литва) (по: Lietuvos Didziosios... С. 544, рис. 29; 545, рис. 31);
 в – Чернигов, 1887 г. (Украина) (ГЭ, № Пбс 1740, 1021/1, фото А. И. Корниенко);
 г – Тверь, 1906 г. (Россия) (по: Клады Древней Руси... С. 57, рис. 100)

детали как признаки тиснения нельзя (рис. 1, а). Еще один признак, выделенный исследовательницей, вызывает сомнения – рифленные шарниры, они припавались к створке, процесс их изготовления проходил отдельно от процесса формирования пластины и мог содержать другие технологические операции. Так, на браслете из Любеча мы видим рифленные шарниры, однако, нет никаких сомнений в том, что браслет был изготовлен в технике ручной выколотки, ложная зернь выполнена чеканкой (Коваленко, 1994. С. 137. Рис. 1, б). Еще одним примером отдельных технологических операций в изготовлении створок браслетов и их шарниров является находки двух браслетов в кладе в Войнешти. Авторами исследования данного клада было замечено, что шарниры на браслетах были декорированы врезным орнаментом и крепились к уже готовым створкам изделия (Ота, Georgescu, 2016. С. 309–310).

В какой технике делалось рифление шарниров? Обратим внимание на нарезки рифлений (рис. 1, б) заметим, что расстояния между ними разное, на всех отрезках шарниров. Вероятно, нарезка производилась вручную с помощью напильника, в той же технике создавались и так называемая катушечная проволока, которая обрамляет арочки и створки. Теофил в своих записках отмечает, что таким инструментом обрабатывают золотую и серебряную проволоку разного диаметра так, чтобы получались зерна (Манускрипт Теофила... С. 120).

Единственный признак, отвечающий за тиснение – это углубленные кюотцы, однако, применяли для их формирования, скорее всего, штампы (чеканы)

чем целые матрицы. На оборотной стороне браслета-наруча из Чернигова различимы следы ударного инструмента, вероятно, что мастер работал определенного вида чеканом для создания выпуклой поверхности киотца (рис. 1, в).

В зависимости от требований работ в ювелирном производстве используют разного вида чеканы, их количество и формы разнообразны. Отметим только универсальные виды, которые могли быть использованы древнерусскими мастерами-ювелирами.

Порушники и бобошники. Эти чеканы применяются для выбивания выпуклостей требуемой формы. Они имеют полушаровую головку или продолговатый, овальный боек (рис. 2, а).

Лощатники. Эта группа чеканов довольно обширная, бойки могут иметь различную форму, отвечающую обрабатываемой поверхности: квадратную, круглую, овальную, треугольную и т. д. (рис. 2, б). Для этих чеканов характерны скругленные грани, иначе на металле могут оставаться вмятины (*Бреполь*, 2000. С. 206).

Рифленые или матовые чеканы. Применяют такие чеканы для получения матовой поверхности и фона вокруг контурных рисунков. На лицевой поверхности бойка чекана гравировать насечку перекрещивающимися штрихами. Такой чекан мог использоваться и в древности, в оформлении фона на некоторых браслетах-наручах мы видим похожие следы операции (рис. 2, в).

Самым разнообразным видом чекана является *фигурный*. Он применяется для декорирования украшений. Рабочая часть таких чеканов (пуансонов) имела определенный рисунок (рис. 2, г). С помощью чеканов выполнялись различные единичные элементы, бордюры и розетки и т. д.

Если чеканы относятся к ударным орудиям для нанесения декора, то группу режущих инструментов составляют резцы-штихели. Это наиболее универсальные инструменты, с помощью которых на плоских или объемных украшениях или их моделях для отливки выполняли различный по характеру декор (углубленный, ажурный). Такие инструменты довольно редки в слоях древнерусских поселений, зачастую о многих видах резцов мы можем говорить лишь по следам, оставленным на готовой продукции.

На некоторых браслетах, удается выявить тонкий след, оставленный радирной иглой, ее использовали для переноса желаемого рисунка на материал. Однако, распознать такой след чаще всего невозможно, в связи с тем, что обычно, его перекрывает последующая гравировка (рис. 1, г).

В «Руководстве золотых и серебряных дел мастерства», составленном инженером А. И. Андрющенко, обобщившим большой опыт русских ювелиров XIX в., отмечается, что мастер должен иметь целый набор таких игл с правильно заостренным концом (*Андрющенко*, 1904. С. 54). Способ, которым эта операция производилась в XIX в., мог использоваться и древнерусскими ювелирами. Он состоит в следующем: пластина, на которую надо перевести рисунок, закрепляется неподвижно на специальной подушке. Такой подушкой может служить смола, разогретая в сосуде, как это делается при чеканке. После этого на заготовку кладут тонкий слой воска. Рисунок, сделанный карандашом на кальке, накладывают на воск лицевой стороной и слегка придавливают, отчего на воске остается отпечаток. Т. И. Макарова приводит и второй вариант

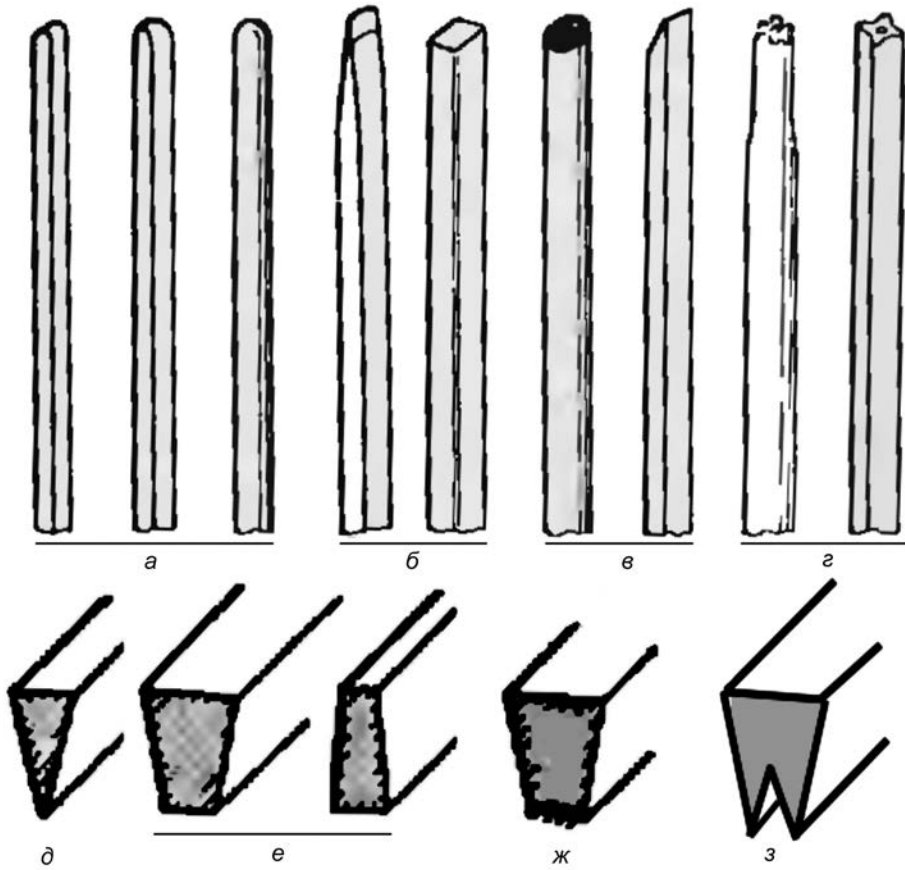

Рис. 2. Разновидности чеканов и резцов (по: *Бреполь*, 1982. С. 205, рис. 185; С. 199, рис. 178): а – порушники; б – лощатники; в – рифленые или матовые; г – фигурные; д – фляхштихель; е – мессерштихель; ж – фаденштихель; з – пунктирштихель

перевода рисунка: по линиям рисунка проводят деревянной палочкой с заостренным концом, после чего на воске остаются углубленные линии переведенного рисунка (*Макарова*, 1986. С. 10).

После перевода рисунка на поверхность металла радирной иглой мастер пускал в работу резцы-штихели. Набор таких инструментов довольно велик. Отличались они друг от друга формой рабочей части резцов. Штихель погружается в толщу металла на доли миллиметра, оставляя след острия и боковых граней. Попробуем реконструировать резцы оставленным ими следам на древнерусских украшениях с чернью.

Самый распространенный след гравировки на черненых украшениях Древней Руси – зигзаг. Он бывает мелким и крупным, хорошо различимым невооруженным глазом. Следует отметить, что на браслетах зигзагообразный след встречается двух видов: 1) широкий (рис. 3, а); 2) узкий (рис. 3, б).

Широкие следы, могли оставлять разные инструменты. На большинстве изделий широкий зигзаг выполнялся резцом – фляхштихелем (рис. 2, д). На его задней грани и режущей кромке находятся острые выступы. Резец с прямоугольным острием различных размеров широко применялся ювелирами в XIX в. (Андрющенко, 1904). Им пользуются и современные мастера. Фляхштихелем был частично нанесен орнамент на браслете из Владимира на Клязьме (рис. 3, а).

Узкий след можно реконструировать как треугольник. В справочнике по современному ювелирному производству резец, оставляющий такой след, называют, мессерштихель (рис. 2, е). Им выполняют волнистые линии большой глубины. Обычно таким резцом мастер оформляет границы киотцев, арочек на браслетах. Из частных случаев применения таких резцов отметим браслет из Червены, где ювелир использовал мессерштихель для забивки фона арочек (рис. 3, в).

Кроме того, еще один след в гравировке можно соотнести с соответствующим резцом. Т. И. Макарова выделяет рисунок, который дан пунктирной линией. След инструмента в этом случае – точка, которую могло оставить только острие. Исследовательница относит этот след к пунктирштихелю – инструменту, похожему на фляхштихель, с двумя заостренными зубцами вместо режущего края (рис. 2, з). Продвигая его вперед, гравер оставлял пунктирную линию (Макарова, 1986. С. 10). Мы выявили след такого инструмента на двух браслетах из Киевского клада 1903 г. в прорисовке тел животных и птиц (рис. 3, з).

На некоторых изделиях встречаются следы зубчатого инструмента разных размеров, например, на браслете из Твери (рис. 1, з), на колте из Черниговского клада (рис. 3, д), зубчатые следы мог оставлять фляхштихель, расположенный под нужным углом. Нам удалось зафиксировать следы фляхштихеля под 5-кратным увеличением на колтах из коллекции Изяславля, находящейся в фондах Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (рис. 3, е, ж).

Последний след, который можно связать с конкретным инструментом – это сетка, прямая или косая, которой часто обрабатывали поверхность под чернь. Такой след оставляет фаденштихель – резец с мелкими зубцами на режущем крае (рис. 2, ж).

Таким образом, мы представляем себе форму пяти инструментов, которыми пользовался древнерусский гравер. Вероятно, их было больше, и у каждого мастера – по несколько экземпляров. Фиксация следов инструмента ведет к реконструкции самих инструментов. Но для нас этот аспект изучения древней вещи имеет особый интерес: он дает еще один признак в той системе наблюдений, которые позволяют выделить произведения, сделанные одним мастером, и уловить традицию в произведениях разных мастеров.

Необходимо отметить еще один способ изготовления украшений, а именно тех, которые были отлиты в каменных формах. Каменные литейные формы обнаружены при раскопках многих древнерусских городов – столичных и провинциальных, крупных и малых. Как правило, они сделаны из мягких, легко

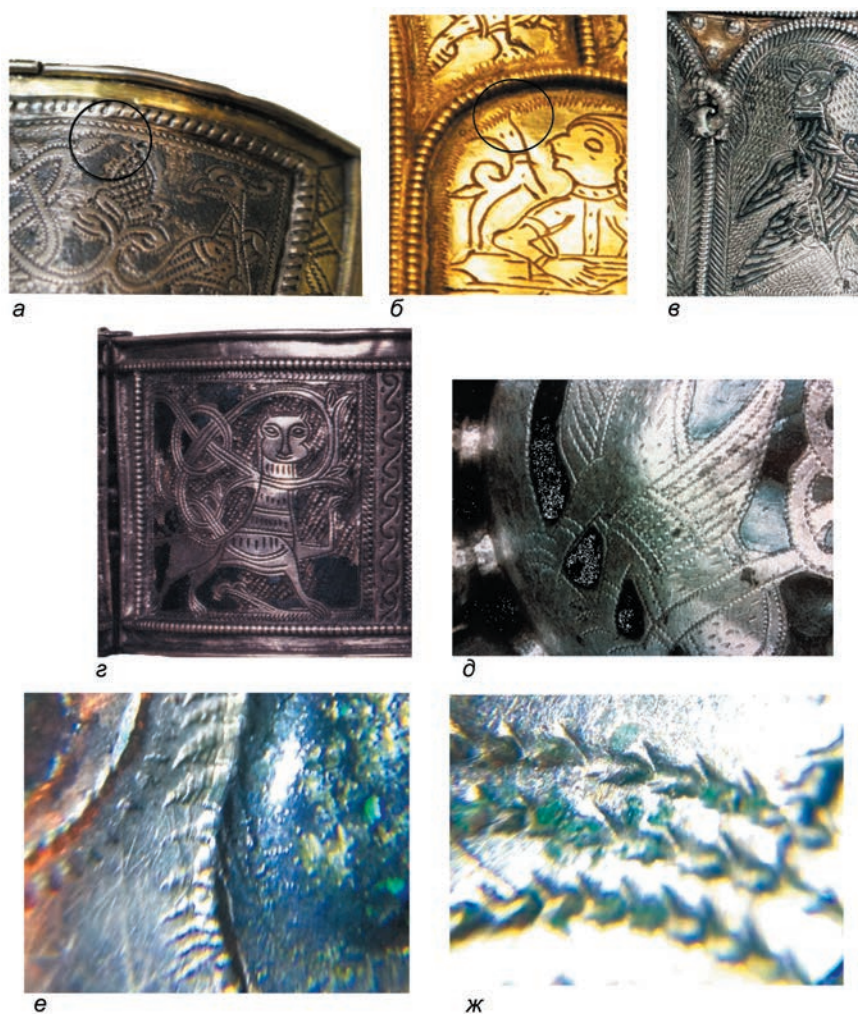

Рис. 3. Следы инструментов на готовых изделиях: а – Владимир, 1896 г. (Россия) (по: Сокровища ойкумены. С. 134); б – Старая Рязань, 1966 г. (Россия) (по: Клады Старой Рязани); в – Червень, 2010–2011 гг. (Польша) (по: Nasze. FM); г – Киев, 1903 г. (Россия) (по: Сокровища... С. 44); д – колт из клада в Чернигове, 1908 г. (по: Меч и златник... С. 271, № 655); е, ж – колт из клада в Изяславле, 1959 г. (по: Корниенко, 2017. С. 231, рис. 2, 3–4)

режущихся пород камня: сланца, пирофиллита, известняка, песчаника. Существенное преобладание каменных форм по сравнению с глиняными, роговыми и металлическими – характерная черта древнерусского и восточноевропейского средневекового ювелирного дела в целом. Исследователи, публикующие материалы памятников, всегда стараются привести изображения форм как одной из самых интересных и показательных категорий находок, поэтому они введены в научный оборот гораздо лучше других инструментов.

Самая большая коллекция на сегодняшний день происходит из Пскова. По сведениям Э. В. Королёвой, на 1996 год там было собрано 292 экз. этих инструментов (Королева, 1997. С. 170). Значительное количество форм обнаружено в Новгороде (более 100) (Рындина, 1963. С. 267–268). Приблизительно такое же количество в Киеве (Корзухина, 1950. С. 240).

Категории украшений, изготовленных в литейных формах, разнообразны, нас интересует категория створчатых браслетов. Литейные формы для наручей найдены в разных городах Руси. Но сами литые наручи – довольно редкая находка. Больше всего их встречено в Новгороде (19 экз.). Автором исследования технологии новгородского ювелирного дела проводились микроструктурные анализы вещевого комплекса, в частности, литейных створчатых браслетов. В результате анализов было выявлено, что из семи браслетов, отлитых в каменных формах, два были из биллона, четыре из оловянно-свинцового сплава и один из бронзы. Н. В. Рындина отмечает, что об этом свидетельствуют и характерные для литья в жесткие формы орнаментальные особенности этих браслетов. Их поверхность украшена переплетающимися выпуклыми линиями стилизованного растительного узора или нитями ложной зерни и филиграни (Рындина, 1963. С. 228; Рис. 16).

Необходимо отметить, что ни на одном из найденных литых браслетах из сплавов нет черни. Связано это, вероятно, с незнанием процесса чернения (Макарова, 1986. С. 90). Технология чернения сложный и трудоемкий процесс, который требовал от мастера определенного опыта и умения, не говоря уже об экономических аспектах. Мы склонны считать, что отсутствие черни на литых браслетах объясняется массовостью их производства, большим оборотом продукции и трудоемкое и долгое чернение не отвечало требованиям рынка.

Использование черни на изделиях, изготовленных из дешевых материалов литьем, предназначавшихся для более широкого круга потребления, чем заказные серебряные черневые наручи и колты, было бы не выгодно. Однако, нельзя говорить, что литые браслеты-наручи стали совсем примитивны, они подражают в орнаментации лучшим образцам из драгоценных металлов. Так, лицевая сторона браслета, найденного в Новгороде в слое 70-х гг. XII в., была покрыта рельефным узором, изображающим двух птиц с повернутыми друг к другу головами, между ними была дана плетенка, заканчивающаяся растительными побегами (Седова, 1981. С. 11. Рис. 44). Такой же сюжет мы встречаем на серебряном браслете-наруче из Твери (*Клады Древней Руси...*, 2015. С. 57. Рис. 101).

Использовали ли литье для изготовления серебряных браслетов? Т. И. Макарова справедливо отмечает, что способ изготовления литьем серебряных изделий был слишком дорогим. Между тем, в той же работе два браслета, найденные в кладе 1896 г. во Владимире, отнесены к литым изделиям (Макарова, 1986. С. 91).

Один из них похож на киевские наручи. Он двухъярусный, изображения размещаются в киотцах верхнего яруса и в квадратных отсеках нижнего яруса. По мнению Т. И. Макаровой валики, обрамляющие края браслетов и разделяющие его створки на ярусы, отлиты вместе со створками (Макарова, 1986. С. 91). Однако, на наш взгляд, при близком рассмотрении браслета видны следы пайки

валиков, а также зазор между пластиной и разделяющей полосой. Это свидетельствует о том, что данные элементы изготавливались отдельно от пластины-основы, что исключает использование техники литья для создания наруча.

Признаком литья второго браслета автор также выделяет валики, обрамляющие орнаментальное поле, но при этом отмечает, что по краю створки идет напаянная проволока (Макарова, 1986. С. 91). Мы считаем, что поскольку рельеф створок небольшой, орнаментальное поле могло быть опущено мастером с помощью штампа, за счет чего образовались так называемые валики. Оба браслета тонкие, что говорит об изготовлении их заготовки на листовой серебряной пластине.

В мастерских Древней Руси, на наш взгляд, способ литья для изготовления серебряных браслетов-наручей не применялся. Во-первых, это очень дорогой и трудоемкий способ изготовления вещи (создание эскиза, вырезание формы, оборудование для литья и т. д.). Во-вторых, браслет получался бы массивным и тяжелым, что очень неудобно при ношении. И, наконец, в-третьих, все серебряные браслеты были выполнены по индивидуальному заказу, даже среди тех, что находились в одном кладе и скорее всего, использовались как пара в уборе, нет браслетов с повторяющимися сюжетами. Поэтому изготавливать литейную форму, рассчитанную для массового производства, лишь для одной отливки нецелесообразно.

В заключение отметим, что серебряные с чернью браслеты-наручи могут являться источником не только к выявлению инструментария ювелиров, но и к выделению художественных традиций мастерских Древней Руси. На примере створчатых браслетов-наручей у нас наметились несколько групп, отвечающих одним параметрам, как в технологии чернения, так и в декоре, что может свидетельствовать о нескольких художественных традициях ювелирных мастерских Древней Руси.

Литература

- Андрющенко А. И., 1904. Руководство золотых и серебряных дел мастерства. Новгород.
- Бреполь Э., 1982. Теория и практика ювелирного дела. Л.
- Гончаров В. К., 1950. Райковецкое городище. Киев.
- Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии: произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М.
- Даркевич В. П., 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М.
- Клады Древней Руси в собрании Русского музея: каталог выставки / сост. С. М. Новиковская. СПб.: Palace Editions, 2015.
- Клады Старой Рязани [Электронный ресурс]. URL: <http://antiquetrip.info/clades/1160> (дата обращения 19.03.2016).
- Коваленко В. П., 1994. Мастерская ювелира XIII в. на детинце Любеча // Старожитності Русі – України. Київ. С. 132–140.
- Корзухина Г. Ф., 1950. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. № 14. С. 217–235.

- Кортищенко А. И., 2017. К вопросу о ювелирных мастерских древнего Изяславля // В камне и бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб. С. 229–240.
- Королева Э. В., 1997. Ювелирное ремесло средневекового Пскова // Тезисы докладов на VI Конгрессе славянской археологии. Т. 2. М. С. 169–179.
- Макарова Т. И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.
- Макарова Т. И., 2008. Чернь в драгоценном уборе Древней Руси // Жилина Н. В., Макарова Т. И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы. М. С. 62–98.
- Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах» // Сообщения Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервированию и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР). Вып. 7. М., 1963.
- Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
- Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань (МИА. № 49). М.; Л.
- Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии: Тр. Новгород. археол. экспедиции Т. 3 (МИА. № 117). М.
- Рябцева С. С., 2005. Створчатые браслеты-наручи // Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб. С. 256–265.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Сокровища ойкумены. Перед нашествием. История мировой культуры / ред. А. Журавлев. М.: Бук Хаус, 2005.
- Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės diduomenės juvelyrika XIII–XV a. Jewelry of the Nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the 13th–15th Centuries: parodos «Baltų menas» katalogo. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla. 2009.
- Nasze. FM [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasze.fm/news,8615> (дата обращения 19.03.2016).
- Oța S., Georgescu M., 2016. К вопросу об уточнении датировки клада из Войнешти (жудец Яссы) // Stratum plus. № 5. С. 301–319.

Н. А. Плавинский

Курганный могильник Навры в верховьях Вилии (по материалам раскопок 2012 и 2015 годов)

N. A. Plavinski. Naury Barrow Cemetery in the Upper Vilija Flow (on the Materials of Excavations in 2012 and 2015)

Abstract. The purpose of this article is to publish excavation materials of the Naury barrow cemetery which is situated in Miadziel district Minsk region which were conducted in 2012 and 2015. Excavations were carried out in the main group of the cemetery (group I) which dates back to the end of the 10th–12th centuries. Six barrows were excavated that contained inhumation burials.

Ключевые слова: верховья Вилии, курганный могильник, погребальный обряд, ингумация.

Keywords: the Vilia riverhead, burial mounds, burial rites, inhumation.

Расположение и история изучения курганного могильника Навры

Курганный могильник Навры (Сватковский сельский совет Мядельского района Минской области) размещается в верховьях Вилии, он находится в бассейне реки Узлянка, на ее левом берегу. Узлянка – левый приток Нарочи (Норочанки), которая, в свою очередь, является левым притоком Вилии (рис. 1).

Первоначально могильник состоял из трех курганных групп, насчитывавших не менее 130 насыпей. На данный момент в некрополе сохранились две курганные группы – основная (группа I) и группа II (рис. 2).

В **группе I** до начала исследований могильника в 1934 г. насчитывалось не менее 117 насыпей, хотя можно предполагать, что первоначально их количество могло быть несколько большим, так как часть курганов была уничтожена до 1934 г. в результате работ по расширению тракта на д. Княгинин (*Cehak-Notubowiczowa*, 1937. S. 42). Практически все курганы группы I сильно повреждены разновременными грабительскими ямами. Хронологические

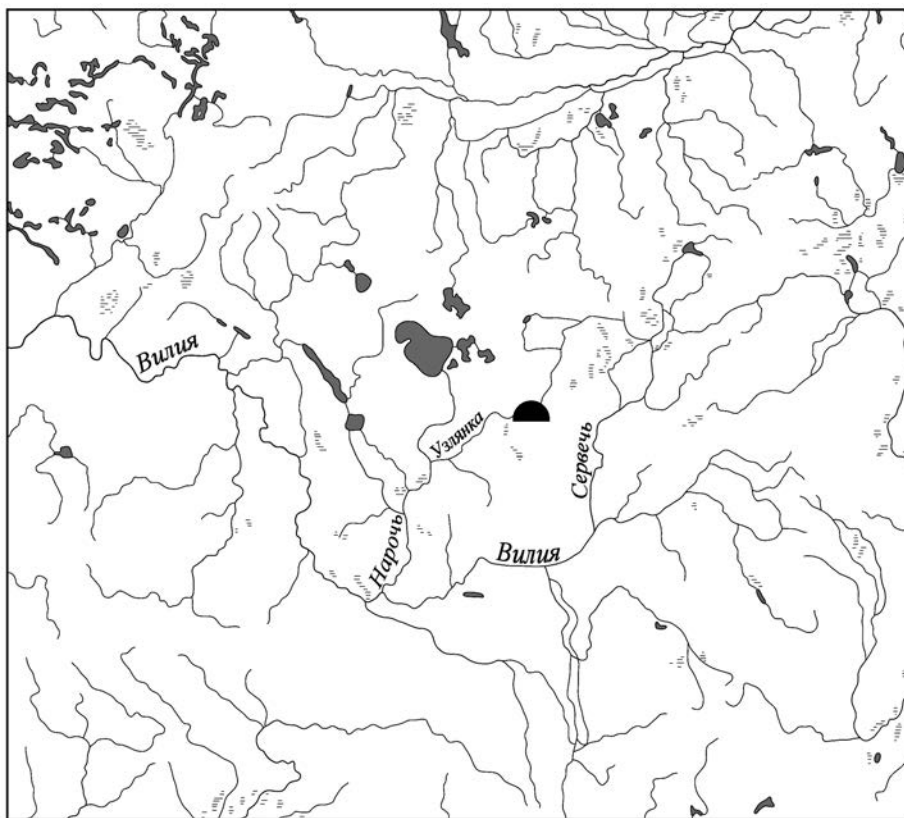

Рис. 1. Курганный могильник Навры в верховьях Вилии

рамки функционирования этой курганный группы могут быть определены в рамках конца X–XII вв. (Плавінскі, Плавінскі, 2011).

Группа II, состоящая из 12 сильно поврежденных насыпей, находится в 400 м к югу – юго-востоку от д. Навры (рис. 2).

Группа III, по сведениям Е. Цегак-Голубович, размещалась на расстоянии не менее 100 м к востоку от основной курганный группы (группа I). В 1934 г. исследовательница раскопала в этой группе 5 курганов. При этом, Е. Цегак-Голубович не сообщает, сколько всего насыпей насчитывалось в этой группе на момент раскопок (Сегак-Полубовічова, 1937. S. 5, 43). В настоящее время местонахождение данной курганный группы установить не удастся. Не исключено, что в 1934 г. были исследованы все, составлявшие данную группу, курганные насыпи.

В научной литературе курганный могильник Навры известен с конца XIX в. (Покровский, 1893. С. 22). Памятник неоднократно притягивал внимание исследователей. В 1934 г. раскопки могильника провела экспедиция Археологического музея Вильнюсского университета им. Стефана Батория под руководством Е. Цегак-Голубович. Сотрудники экспедиции сняли план некрополя

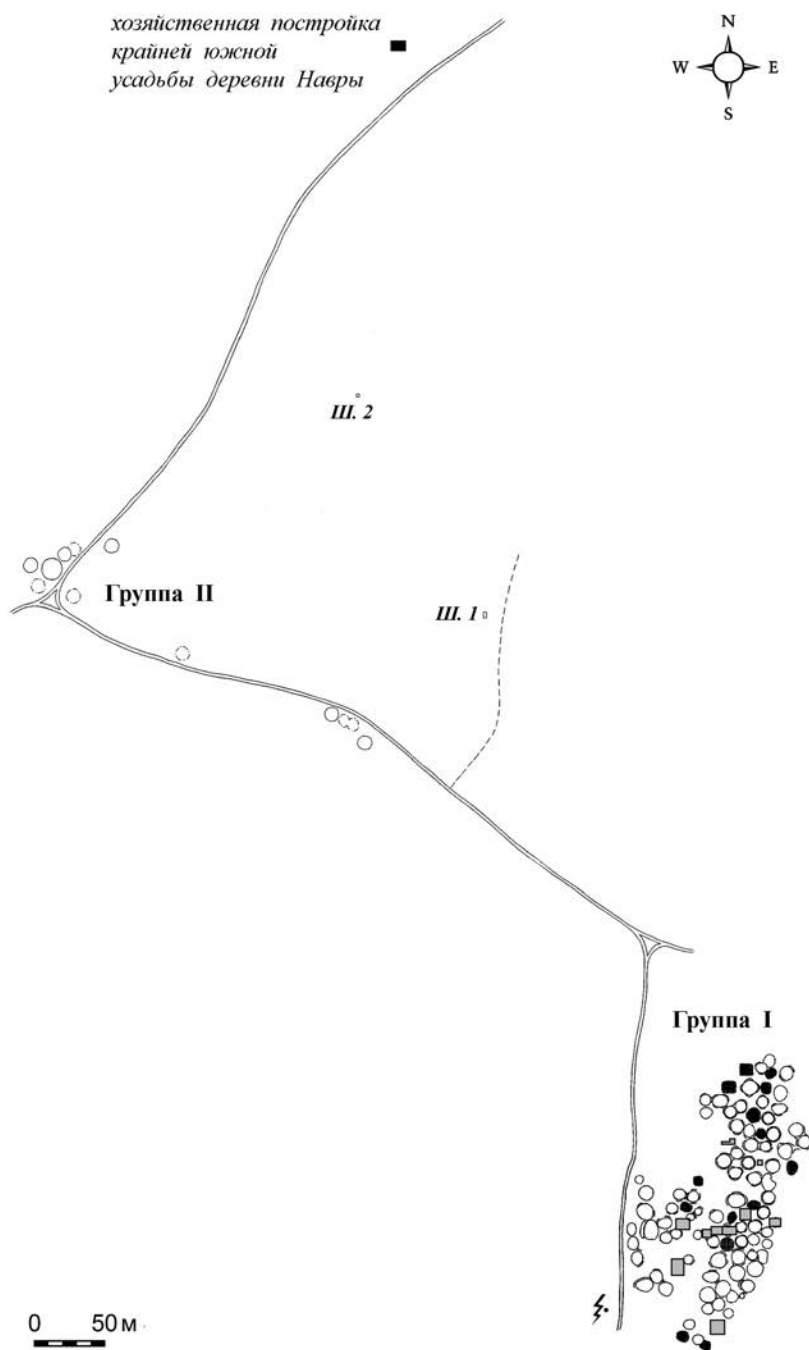

Рис. 2. Общий план курганного могильника Навры

Таблица 1

**Результаты исследований курганного могильника Навры
в 1934, 1987, 2012 и 2015–2016 гг.**

Автор раскопок	Год раскопок	Группа	Количество исследованных насыпей
А. Цегак-Голубович, В. Галубович	1934	I	24
А. Цегак-Голубович, В. Галубович	1934	III	5
В. Н. Рябцевич, А. Н. Плавинский	1987	I	9
Н. А. Плавинский	2012	I	4
Н. А. Плавинский	2015	I	2
Н. А. Плавинский	2016	I	2
Всего:			46

и раскопали 29 курганов. Следует отметить, что в отличие от многих других погребальных памятников, исследованных Е. Цегак-Голубович и В. Голубовичем, курганный могильник Навры был достаточно полно опубликован (*Cehak-Holubowiczowa*, 1937; *Holubowicz*, 1937; *Wrzosek*, 1937), что позволяет осуществить типологический анализ выявленного в ходе раскопок погребального инвентаря и статистический анализ погребального обряда некрополя.

В 1987 г. исследования в Наврах были возобновлены экспедицией исторического факультета Белорусского государственного университета под руководством В. Н. Рябцевича и А. Н. Плавинского. Был снят новый план курганной группы I и раскопано 9 курганов. Материалы исследований 1987 г. остаются практически не опубликованными, если не считать кратких энциклопедических заметок, посвященных этому памятнику (*Звяруга, Плавінскі*, 1993; *Плавінскі, Плавінскі*, 2011).

Благодаря значительному количеству исследованных насыпей (табл. 1), курганный могильник Навры на данный момент может рассматриваться как один из опорных памятников для разработки хронологии и изучения погребального обряда славянского населения Верхнего Повиля.

В 2012 г. исследования курганного могильника Навры были возобновлены экспедицией под руководством автора с целью уточнения вопросов его топографии, планиграфической структуры и строения погребальных надписей. В ходе нового этапа исследований был снят план могильника (рис. 3) и проведены раскопки в основной курганной группе (группа I). В 2012 г. были исследованы 4 погребальные насыпи (курганы 32–35), в 2015–2 насыпи (курганы 76 и 77), в 2016 – еще 2 (курганы 70 и 75). Таким образом, на протяжении 1934–2016 гг. в Наврах было раскопано 46 курганов, из которых 41 размещался в основной группе могильника (табл. 1).

Основной целью данного сообщения является публикация материалов раскопок 2012 и 2015 гг. и сравнение их с основными результатами исследований 1934 и 1987 гг.

Курган 32. С целью исследования кургана 32 был заложен раскоп I размером 8×8 м. Снаружи курган выглядел полусферическим, несколько вытянутым по линии северо-запад – юго-восток. Высота насыпи в ее современном

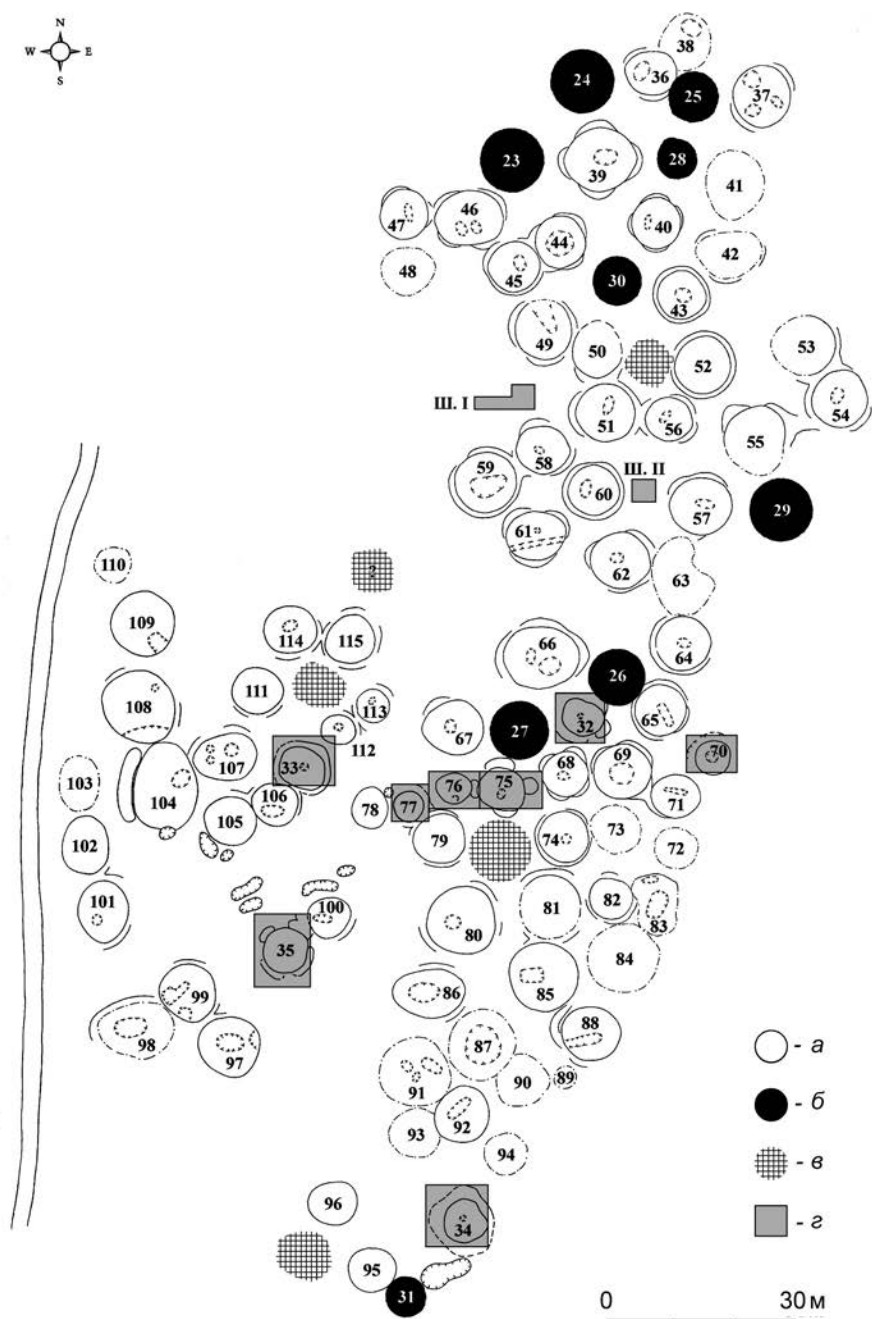

Рис. 3. Курганный могильник Навры. План курганной группы I: а – курган, б – курган, исследованный в 1987 г., в – предполагаемое место расположения кургана, раскопанного в 1934 г., з – раскопы и шурфы 2012, 2015 и 2016 гг.

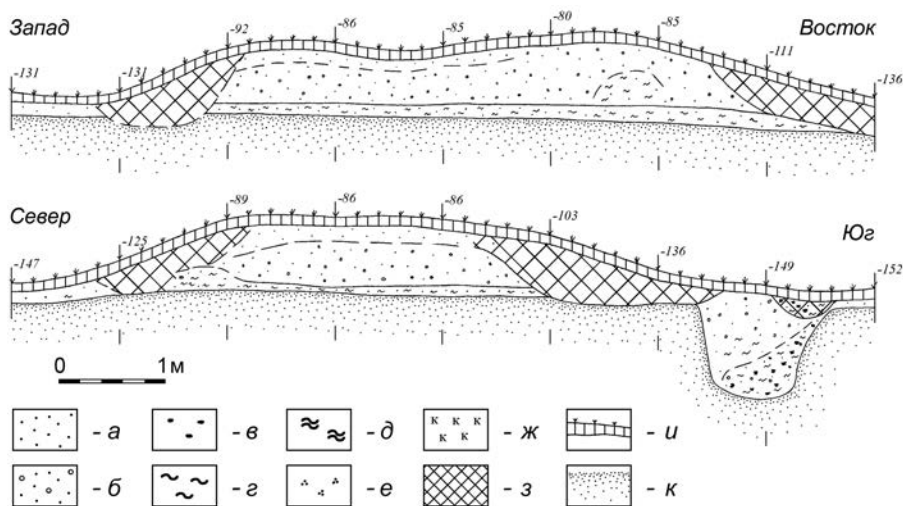

Рис. 4. Курганный могильник Навры. Курган 32. Профили кургана.

Условные обозначения: а – песок, б – гравеистый песок, в – уголь, г – пепел серого цвета, д – пепел белого цвета, е – сильно прокаленный песок, ж – кальцинированные кости, з – перекоп, и – дерн, к – материк

виде – 0,75–0,8 м. В результате раскопок определено, что основание кургана имело овальную форму, вытянутую с северо-запада на юго-восток длиной 6,5–7 м и шириной 5,5 м. Насыпь неоднократно подвергалась грабительским раскопкам (рис. 4: а).

Курган содержал женское погребение по обряду ингумации на основании, ориентированное головой на запад с отклонением к северу (рис. 5: 1). Оно было повреждено перекопом, возможно, неоднократно. В нетронутom состоянии осталась только часть костей ног. Все находки погребального инвентаря обнаружены в переотложенном состоянии. Они представлены двумя фрагментами железного ножа и 11 целыми и ферментированными бусинами (рис. 5: 2–13):

- боченовидные золотостеклянные – 7 экз.;
- серебростеклянная цилиндрическая – 1 экз.;
- золотостеклянная ребристая – 1 экз.;
- серебростеклянная ребристая – 1 экз.;
- призматическая четырехгранная из бардового непрозрачного стекла, поверхность которой украшена каплями желтого пастового стекла.

Набор бус может быть датирован временем от конца X до конца XI в., но наиболее вероятным временем его составления представляется середина XI в., соответственно, этим же временем датируется и само погребение.

Ритуальные действия, произведенные в процессе возведения кургана 32, могут быть реконструированы следующим образом. Умершая была положена на дневную поверхность (дерн), после этого над телом была возведена насыпь кургана. Грунт для этого был частично (?) взят из ровиков, размещенных

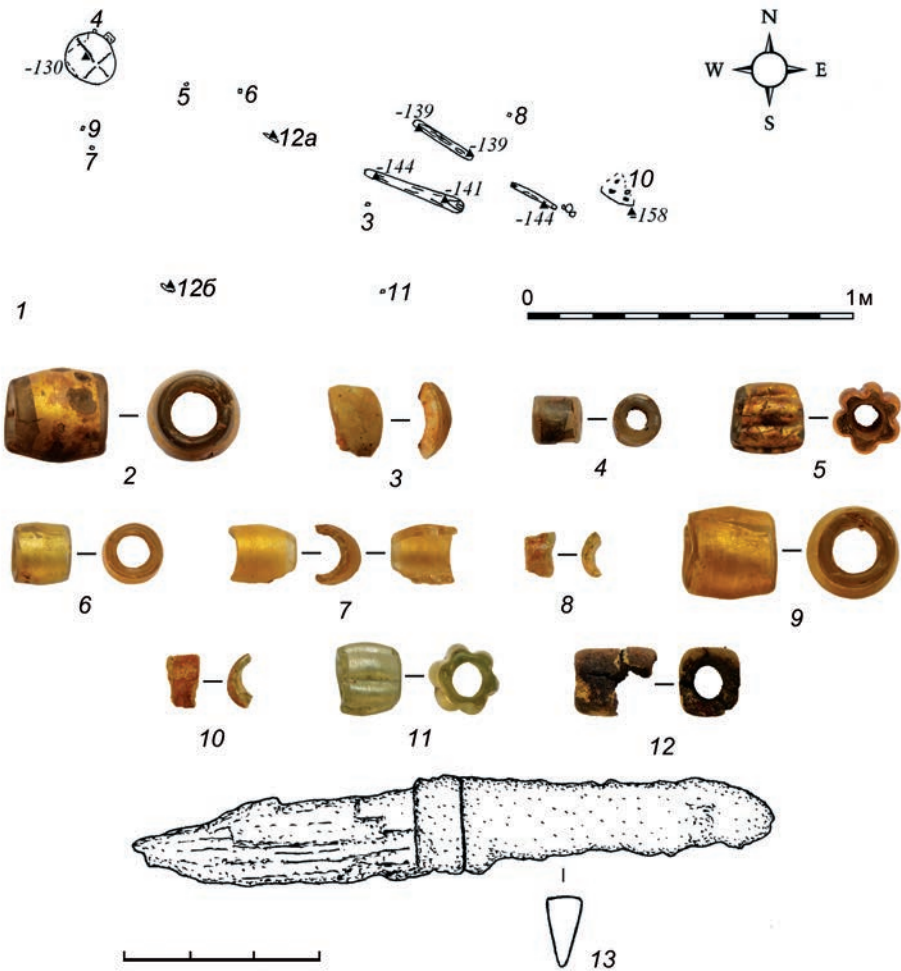

Рис. 5. Курганный могильник Навры. Курган 32. План погребения (1) и погребальный инвентарь: 2–11 – бусы, 12 – нож

по сторонам света с отклонением к востоку (наличие ровика с западной стороны кургана остается гипотетичной). Насыпь кургана, вероятно, была укреплена у основания деревянной конструкцией (обшивкой), состоявшей из досок и колев (Плавинский, Астапович, Сцяпанова, 2014. С. 352–354).

Курган 33. С целью исследования кургана 33 был заложен раскоп II размером 8×10 м. Снаружи курган выглядел полусферическим, несколько вытянутым по линии северо-запад – юго-восток. Его высота в современном виде – 0,95 м. В результате раскопок определено, что основание кургана имело округлую форму: длина по линии запад – восток – 7,2 м, по линии север – юг – около 7,5 м. Насыпь кургана многократно подвергалась грабительским раскопкам (рис. 6).

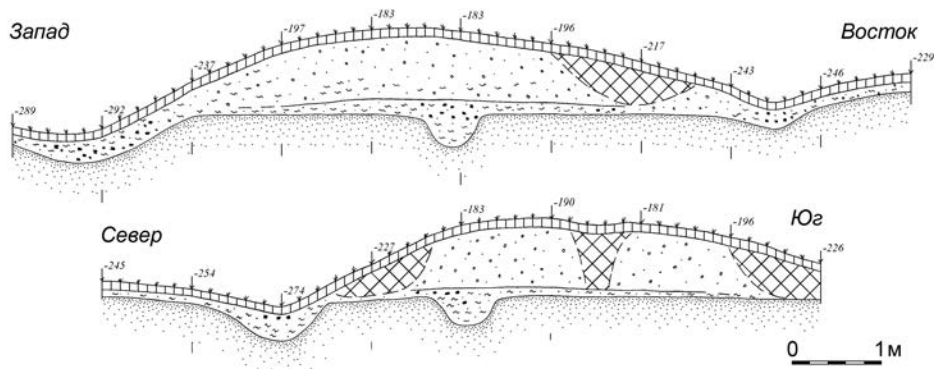

Рис. 6. Курганный могильник Навры. Профили кургана 33

Курган содержал женское погребение по обряду ингумации на основании, ориентированное головой на запад с отклонением к северу (рис. 7: 1). Оно было повреждено перекопом, возможно, неоднократно, в результате чего, не переотложенными остались только кости ног. Часть выкопанных грабителями костей таза и ребер была ссыпана в кучу под сдвинутым черепом. Вокруг черепа и в области грудной клетки погребенной были выявлены многочисленные бусы и 7 фрагментов височных колец. Набор бус состоял из 444 единиц разных типов, в том числе (рис. 7: 2–17):

- голубой рубленный бисер, изготовленный из тянутой трубочки – 224 экз.;
- белый пастовый бисер – 181 экз., в том числе 1 трехчастная и 10 двухчастных пронизок, изготовленных в технике навивки;
- желтый пастовый бисер, изготовленный в технике навивки – 38 экз.

Набор бус может быть датирован в рамках XI в., а наиболее вероятным временем его сложения представляется середина этого века.

Фрагменты височных колец принадлежали не менее чем двум браслетообразным экземплярам, завязанным на один или два конца (рис. 7: 18–24).

Недалеке от левого колена был найден железный нож (рис. 7: 25).

На основании выявленного набора бус, датировка кургана может быть определена в рамках XI в., причем, вероятно, насыпь была возведена в первой половине этого столетия.

Ритуальные действия, произведенные в процессе возведения кургана 33, можно реконструировать следующим образом: умершая была положена на дневную поверхность (дерн), после чего над телом была возведена насыпь кургана. Грунт для этого был частично (?) взят из кольцевого ровика, который из-за особенностей рельефа местности с западной и юго-западной сторон выглядел скорее как эскарп (Плавинські, Астаповіч, Сцяпанова, 2014. С. 354–356).

Курган 34. С целью исследования кургана 34 был заложен раскоп III размером 10×10 м. Снаружи насыпь выглядела полусферической. Ее высота в современном виде – 1,05 м. В результате раскопок было определено, что основание кургана имело размер 5,7 м с севера на юг и 6,1 м с запада на восток. Насыпь кургана неоднократно подвергалась грабительским раскопкам (рис. 8).

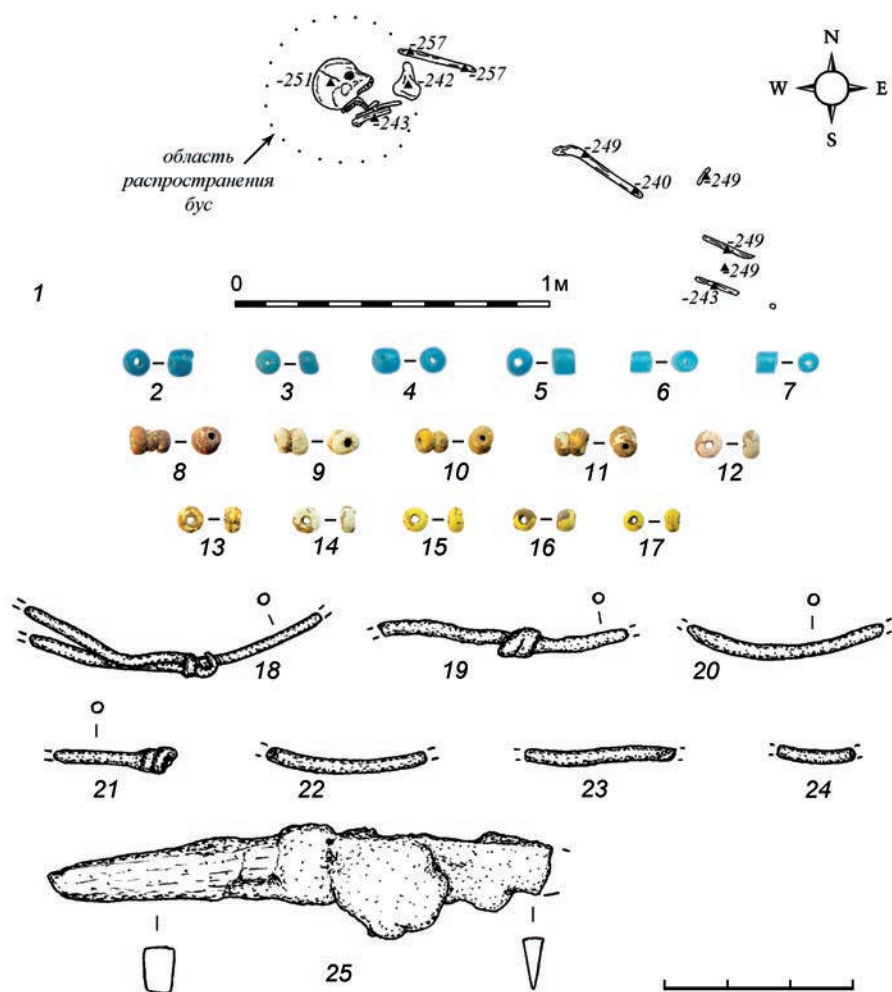

Рис. 7. Курганный могильник Навры. Курган 33. План погребения (1) и погребальный инвентарь: 2-17 – бисер, 18-24 – фрагменты браслетообразных височных колец, 25 – нож

Курган содержал не поврежденное перекопами погребение мужчины 50–60 лет по обряду ингумации, ориентированное головой на запад (рис. 9: 1). Костяк сохранился достаточно хорошо – выявлены кости ног и таза, позвонки, череп, а также левая лопатка и плечевые кости. Судя по размещению костей, руки погребенного были скрещены на груди. На черепе справа на лобной кости наблюдаются сквозные повреждения в виде двух параллельных проникающих надрезов (разрубов?), расположенных вдоль сагиттального шва. На фрагментах правой теменной кости зарегистрирован ряд из 4-х параллельных непроникающих надрезов, расположенных в том же направлении (рис. 10). Следы

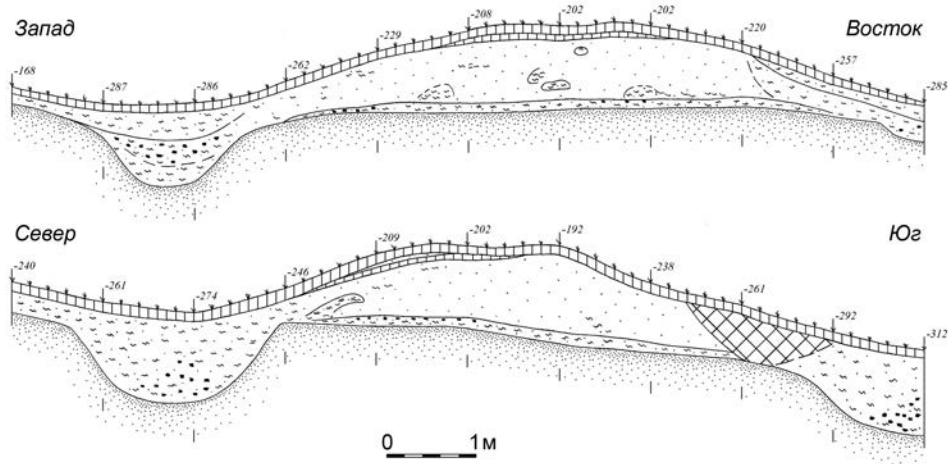

Рис. 8. Курганный могильник Навры. Профили кургана 34

костной реакции по краям надрезов указывают на то, что повреждения могли быть нанесены прижизненно.¹

При погребении были обнаружены (рис. 9: 2, 4–5):

- ложновитой перстень (на пальце правой руки);
- топор типа IVA по А. Н. Кирпичникову, размещавшийся в 0,2 м от левой ноги лезвием к погребенному и топоричем к его голове;
- развал кругового горшка, который имел коническое тулово, округлые плечики и отогнутый наружу венчик с округлым краем (к югу от правой ноги).

Вероятно, в ногах погребенного находился еще один круговой горшок, поврежденный перекопом, от которого сохранился только фрагмент венчика (рис. 9: 3), выявленный в заполнении восточного ровика.

На основании найденного инвентаря, погребение следует датировать в рамках середины – второй половины XI в. Возможно, оно было помещено в какой-то деревянной конструкции.

Ритуальные действия, произведенные в процессе возведения кургана 34, можно реконструировать следующим образом. Основание кургана перед его возведением было очищено огнем, после чего на него было помещено тело умершего, которое, возможно, находилось в какой-то деревянной конструкции. После этого над погребением возвели насыпь, грунт для которой был частично (?) взят из четырех ровиков, размещенных по сторонам света (*Плавінські, Астаповіч, Сцяпанавя, 2014. С. 356–357*).

Курган 35. С целью исследования кургана 35 был заложен раскоп IV размером 12×9 м. Снаружи насыпь выглядела полусферической. Ее высота

¹ Определение возраста погребенного осуществлено кандидатом биологических наук, заведующей кафедрой истории и туризма Полоцкого государственного университета О. А. Емельянчик, за что автор приносит ей искреннюю благодарность.

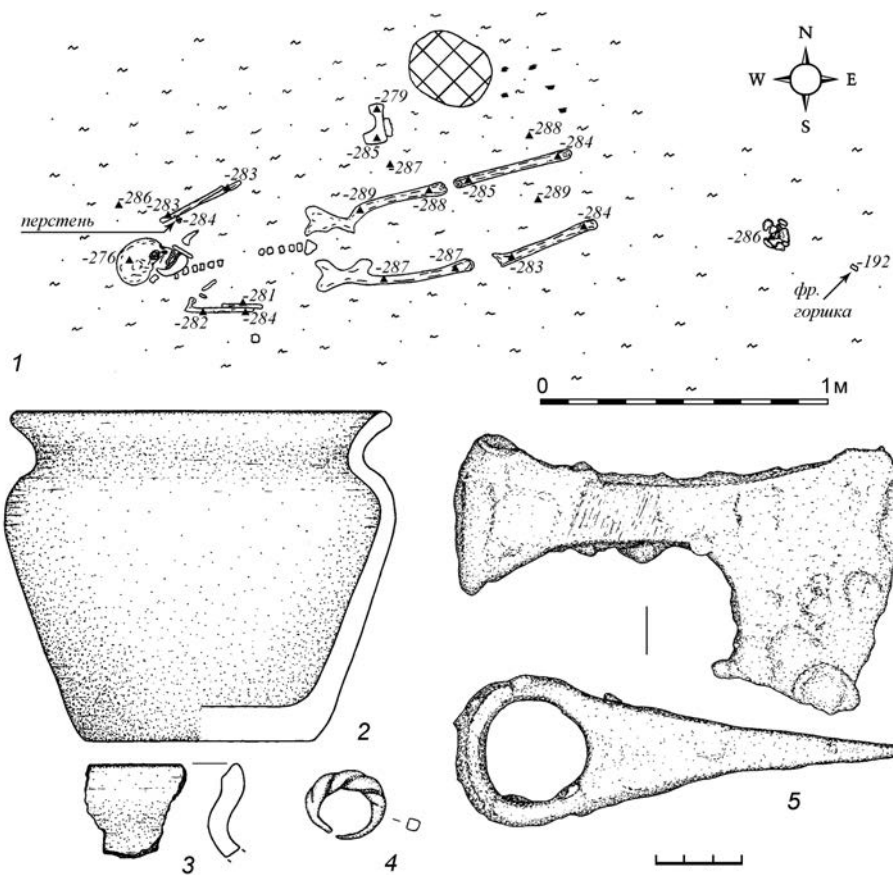

Рис. 9. Курганный могильник Навры. Курган 34. План погребения (1) и погребальный инвентарь: 2 – круговой горшок, 3 – венчик кругового горшка, 4 – перстень, 5 – топор

Рис. 10. Курганный могильник Навры. Курган 34. Череп погребенного мужчины 50–60 лет со следами повреждений

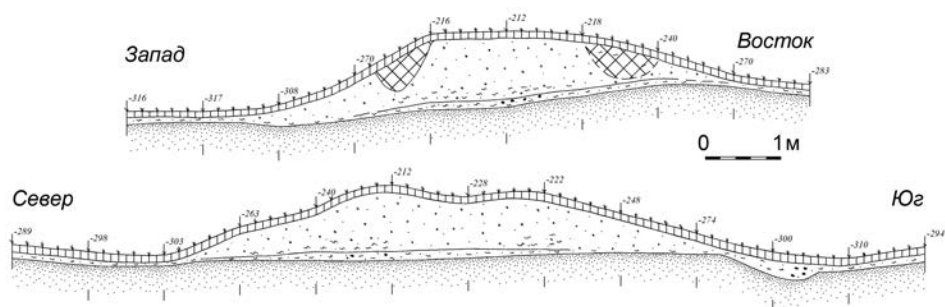

Рис. 11. Курганный могильник Навры. Профили кургана 35

в современном виде – 1 м. В результате раскопок определено, что основание кургана имело округлую форму размером приблизительно 6,4 м с севера на юг и 6,5 м с запада на восток. Насыпь, очевидно, неоднократно была повреждена перекопами (рис. 11).

Курган содержал мужское погребение по обряду ингумации на основании, ориентированное головой на юго-восток (рис. 12: 1). Кости сохранились относительно хорошо – раздавленный череп, кости рук, позвоночник и кости ног. Левая рука лежала вдоль тела, а правая, вероятно, была положена на низ живота.

При погребении выявлены (рис. 12: 2–7):

- железная фибула, вероятно, со спиральными концами (на груди справа);
- топор типа IV по А. Н. Кирпичникову, который был положен на кости предплечья обухом к погребенному и топориком к голове;
- кресало, форма которого может быть с некоторой степенью гипотетичности определена как калачевидная с язычком (в районе костей таза, с левой стороны);
- рядом с кресалом найдены три куска кремня для него;
- нож (с внутренней стороны левой бедренной кости ближе к тазу);
- поставленный круговой горшок, на венчике которого имеется своеобразный (достаточно деградировавший) «карнизик» (над тазом погребенного с левой стороны);
- под костями голени находился наконечник копья типа III по А. Н. Кирпичникову, положенный острием к ступне.

На основании найденного инвентаря погребение может быть датировано XI в.

Ритуальные действия, осуществленные в процессе возведения кургана 35, можно реконструировать следующим образом. Умерший был положен на дневную поверхность (дерн), после чего над телом возвели насыпь кургана. Грунт для этого был частично (?) взят из четырех ровиков, размещенных по линиям северо-запад – юго-восток и северо-восток – юго-запад (*Плавинські, Астаповіч, Сцяпанавя, 2014. С. 357–358*).

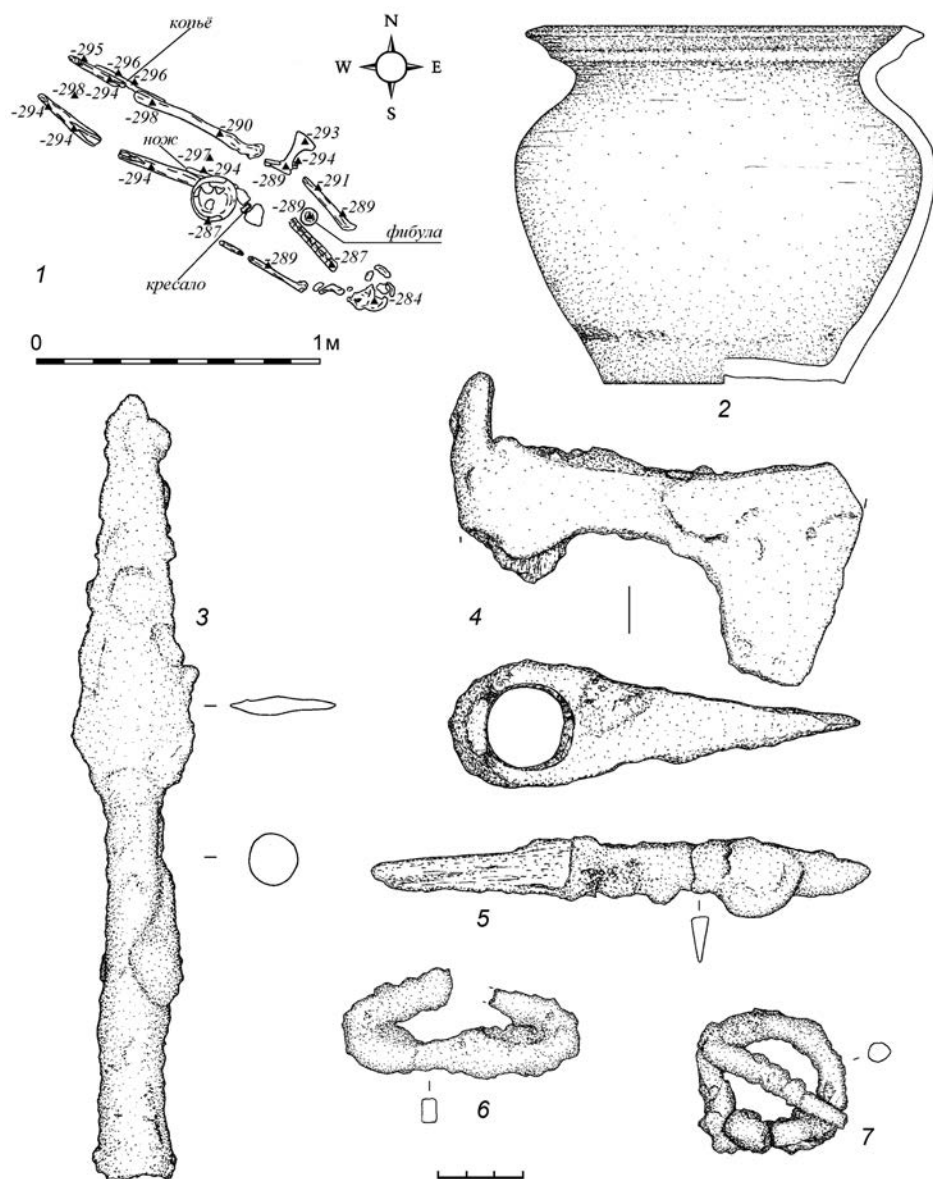

Рис. 12. Курганный могильник Навры. Курган 35. План погребения (1) и погребальный инвентарь: 2 – круговой горшок, 3 – наконечник копья, 4 – топор, 5 – нож, 6 – кресало, 7 – фибула

Кроме изучения погребальных насыпей в 2012 г. на территории основной группы могильника в межкурганном пространстве были заложены два шурфа (рис. 3). Целью закладки данных шурфов был поиск следов курганов (их оснований, ровиков, возникших в результате раскопок отвалов и т.д.),

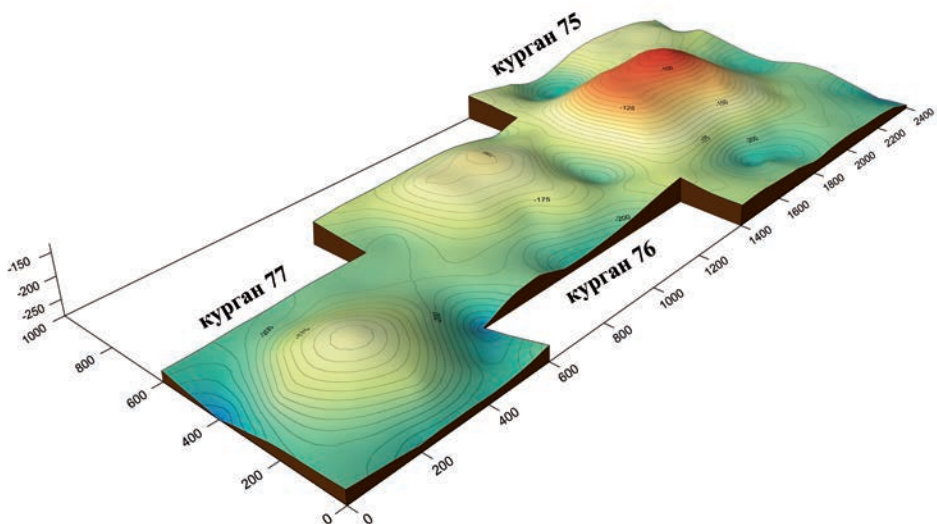

Рис. 13. Курганный могильник Навры. Модель дневной поверхности курганов 77, 76 (раскопки 2015 г.) и 75 (раскопки 2016 г.).

исследованных в 1934 г.² *Шурф I* имел форму буквы «Г» и общую площадь 28 кв.м, *Шурф II* – квадратную форму и общую площадь 16 кв. м. Следов оснований или ровиков курганов, исследованных в 1934 г., или отвалов, оставшихся после их раскопок, в обоих шурфах выявлено не было (*Плавинські, Астаповіч, Сцяпанавя*, 2014. С. 358).

В 2015 году были исследованы две размещенные рядом погребальные насыпи (рис. 13).

Курган 77. С целью исследования кургана 77 был заложен раскоп V. Внешне курган выглядел полусферическим. Его высота в современном виде – 0,75–0,78 м. В результате раскопок было определено, что основание кургана имело округлую форму диаметром около 4,5 м. В насыпи выявлено не менее двух перекопов (рис. 14).

Курган содержал погребение по обряду ингумации на основании. Погребенная девочка в возрасте около 7 лет³ размещалась на основании кургана и была ориентирована головой на запад с небольшим отклонением к северо-западу (рис. 15: 1). Костяк сохранился достаточно хорошо – выявлены череп, кости рук, ребра, отдельные позвонки, кости таза и ног. Руки погребенной были вытянуты вдоль тела. При погребении найден достаточно богатый инвентарь (рис. 15: 5–10):

² Необходимость закладки данных шурфов объяснялась тем, что, несмотря на общую схожесть планов 1934 г. (*Cehak-Holubowiczowa*, 1937. Рус. 1) и 2012 г., совместить их полностью пока не удалось

³ Определение костных останков из курганов 77 и 76 осуществлено заведующим лабораторией антропологии Государственного археологического музея (Варшава) доктором Л. М. Станашеком, за что автор приносит ему свою благодарность.

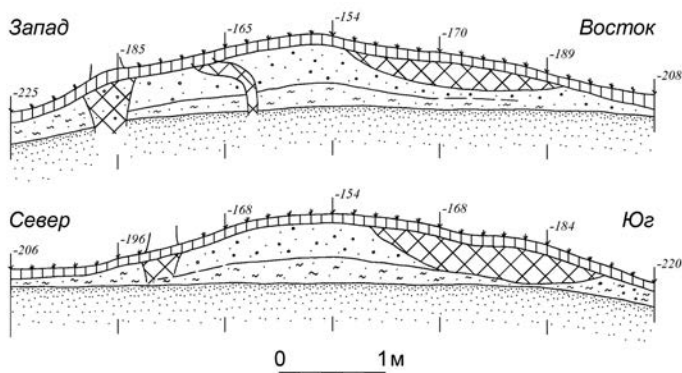

Рис. 14. Курганный могильник Навры. Профили кургана 77

– литой пластинчатый браслет с зооморфными концами (на запястье правой руки);

– литой орнаментированный проволочный браслет с заходящими концами (на запястье левой руки). Общий вид предмета позволяет предполагать, что помещенный в детское погребение браслет является вторичным изделием, который был специально согнут под размер детской руки из ранее сломанного украшения;

– два широкосрединных «усатых» перстня (на пальцах левой руки);
 – фрагмент биконического шиферного пряслица (к северу от левого колена);
 – лепной асимметричный горшок «с плечиками», поставленный в ногах погребенной.

Среди погребального инвентаря особый интерес представляют три височных кольца (одно браслетообразное, завязанное на один конец, два другие – маленькие, типологически неопределимые колючки, имеющие вид изготовленных «наспех» самодельных изделий), выявленные у правого виска (рис. 15: 2–4), и набор бус и бисера (всего 619 экз.), найденных в области головы и груди погребенной. Ассортимент бус представлен следующими типами:

– желтые лимонovidные двухслойные – 2 экз. (рис. 16: 1–2);
 – лимонovidная с металлической прокладкой (золотостеклянная) – 1 экз. (рис. 16: 3);

– зонные глухого печеночно-бордового стекла – 3 экз. (рис. 16: 5–7);
 – биконическая темного непрозрачного стекла с пояском из желтого непрозрачного стекла – 1 экз. (рис. 16: 4);

– желтый непрозрачный бисер зонной формы одно- и двухчастный, изготовленный в технике навивки – 217 экз. (рис. 16: 8–9);

– зеленый прозрачный бисер зонной и кольцевидной формы одно- и двухчастный, изготовленный в технике навивки – 402 экз. (рис. 16: 11–13);

– условно белый (точный цвет установить не удалось) зонной формы, изготовленный в технике навивки – 6 экз.

Судя по расположению в погребении, крупные бусины и часть бисера могли входить в состав ожерелья на шее девочки. Другая же часть бисера

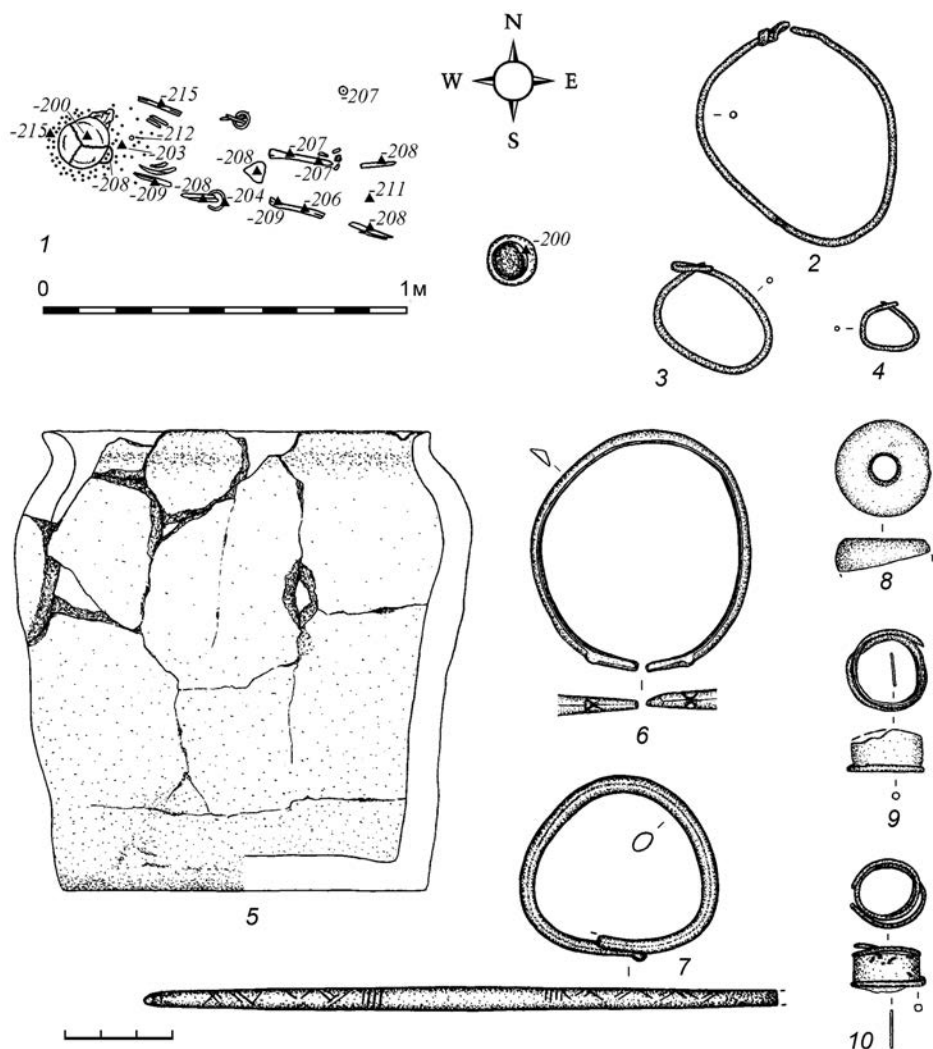

Рис. 15. Курганный могильник Навры. Курган 77. План погребения (1) и погребальный инвентарь: 2 – лепной горшок, 3–5 – височные кольца, 6 – фрагментированное шиферное пряслице, 7–8 – перстни, 9–10 – браслеты

украшала головной убор, предположительно, в форме небольшой вязаной, войлочной или кожаной шапочки (рис. 16: 14). Такой вывод можно сделать, исходя из того, что бисер найден на расстоянии 3–4 см вокруг черепа, на нем и под ним. Мысль о том, что бисер был нашит на головной убор, подтверждается находкой трех желтых непрозрачных бисерин, склеенных патиной, оси каналов которых расположены в разных направлениях, под углом примерно 90° (рис. 16: 10). Вероятно, это фрагмент бисерной вышивки, выполненной в виде зигзагов.

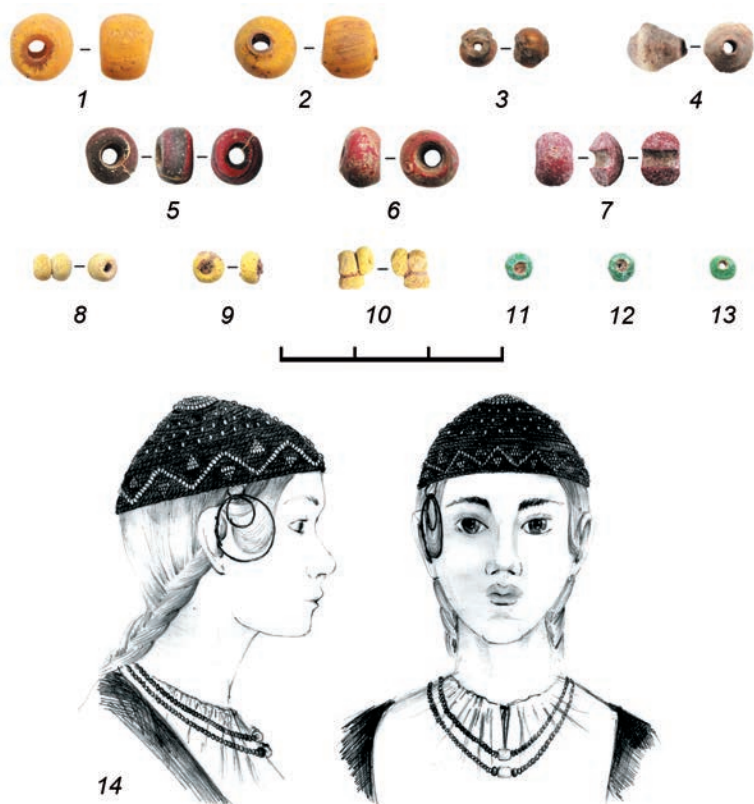

Рис. 16. Курганный могильник Навры. Курган 77. Погребальный инвентарь: 1–7 – бусы, 8–13 – бисер; 14 – реконструкция головного убора погребенной (рис. М. И. Степановой)

Набор бус из кургана 77 может быть широко датирован XI в., а наиболее вероятной представляется его возникновение в середине XI в. Такой датировке погребения не противоречит и хронология остального инвентаря (Плавинский, Степанова, 2017. С. 435).

Ритуальные действия, произведенные в процессе возведения кургана 77 могут быть реконструированы достаточно просто. Умершая девочка была уложена на дневную поверхность (дерн), после чего над ее телом возвели насыпь кургана, грунт для которой брался вокруг его основания. При этом, ровики вокруг кургана не выкапывались.

В случае с курганом 77 наибольший интерес представляет возможность достаточно уверенной и полной реконструкции головного убора погребенной. Следует отметить, что найденный в кургане 77 расшитый бусами головной убор является не единственным, а отражает определенную традицию, существовавшую в регионе Верхнего Повилья на протяжении XI в. Кроме кургана 77 подобный головной убор был, вероятно, выявлен также и в описанном выше кургане 33 (хотя данное погребение и было потревожено перекопом, взаиморасположение черепа

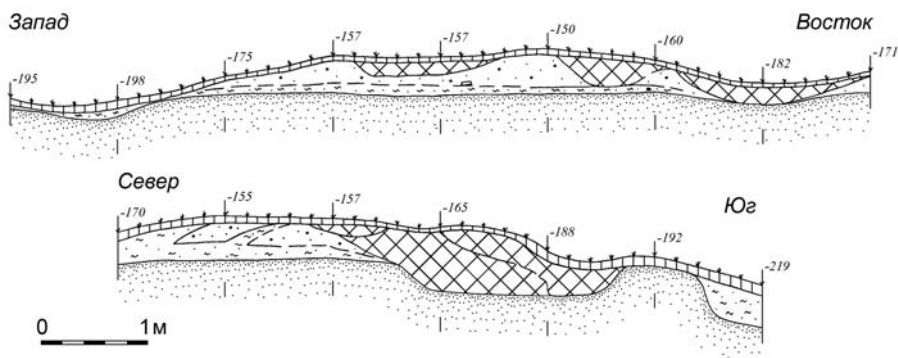

Рис. 17. Курганный могильник Навры. Профили кургана 76

и найденных бус позволяет предполагать, что первоначально они находились в области головы и, соответственно, были связаны с головным убором; естественно, реконструировать внешний вид этого головного убора не представляется возможным). Еще один головной убор, расшитый бисером был, вероятно, выявлен в кургане 3 могильника Костыки (Вилейский район Минской области), который датируется серединой – второй половиной XI в. Типологическая близость бус, составляющих наборы во всех трех погребениях (навитой бисер различных цветов, в первую очередь, зеленый прозрачный и желтый непрозрачный) и их относительная синхронность позволяют полагать, что они использовались для украшения одинаковых или достаточно близких по форме головных уборов (Плавинский, Степанова, 2017). Кроме того, не исключено, что аналогичные головные уборы могли быть найдены в ходе раскопок курганного могильника середины X – середины XII в. у д. Избище Логойского района, который размещается у самых истоков Вилии (Штыхай, 1997, 2008; Плавинский, Степанова, 2017. С. 438–441).

Курган 76. С целью изучения кургана 76 был заложен раскоп VI (рис. 13). Внешне курган выглядел очень сильно поврежденным перекопами. В процессе раскопок было выявлено, что насыпь была настолько сильно разрушена перекопами, что определить особенности ее строения не представляется возможным (рис. 17).

Курган содержал погребение человека 15–25 лет (возможно, женское) по обряду ингумации на основании, которое было практически полностью уничтожено перекопом (или перекопами) – в непереотложенном состоянии выявлены только кости одной ноги (рис. 18: 1). Рядом с костями были выявлены (рис. 18: 2–5):

– три переотложенные кольца с незамкнутыми концами, изготовленные из сплава с большим содержанием серебра (53,52–55,48%),⁴ функциональное назначение которых остается не определенным;

⁴ Спектральный анализ изделий из цветных металлов осуществлен кандидатом физико-математических наук, доцентом К. Ф. Ермалицкой (кафедра лазерной физики и спектроскопии физического факультета Белорусского государственного университета), за что автор ее искренне благодарит.

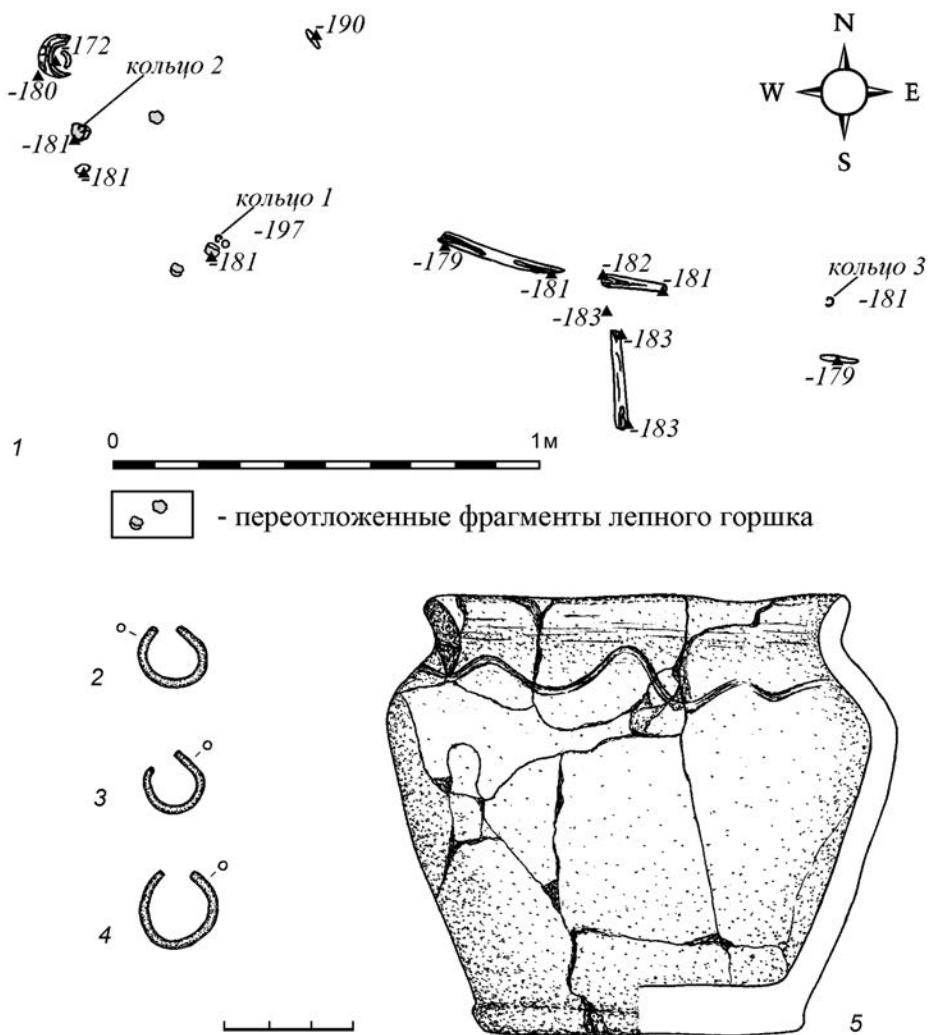

Рис. 18. Курганный могильник Навры. Курган 77. План погребения (1) и погребальный инвентарь: 2-4 – кольца, 5 – лепной горшок

– лепной горшок «с плечиками», украшенный грубым волнистым орнаментом, наличие которого позволяет датировать время совершения погребения не позднее чем первой половиной – серединой XI в.

Ритуальные действия, осуществленные в процессе возведения кургана 76, реконструировать практически невозможно из-за крайней степени ее повреждения перекопами. Единственное, что можно более или менее уверенно утверждать, это то, что тело умершей (?) было уложено на дневную поверхность (дерн). После этого, над погребением была возведена насыпь кургана, грунт

Таблица 2

**Погребальный обряд и поло-возрастная структура погребенных
в курганной группе I могильника Навры.**

Номер кургана в сводной нумерации	Номер кургана на плане 1987 г.	Номер кургана на плане 1934 г.	Ориентировка погребения	Пол	Возраст
1	–	5	W	М	около 40
2	–	8	NW	М	40–50
3	–	2	W	М	25–30
4	–	24	NW	М	30–40
5	–	9	SW	М	20–30
6	–	15	?	М	около 20
7	–	7	NW	М	29–25
8	–	6	?	М	50–60
9	–	23	W	М	50–55
10	–	12	?	М	20–30
11	–	22	?	М	около 60
12	–	21	NW	Ж	30–35
13	–	19	?	Ж	20–25
14	–	13	NW	Ж	около 20
15	–	10	?	Ж	
16	–	14	W	Ж	около 50
17	–	11	?	?	15–18
18	–	18	W	?	12–14
19	–	16	W	?	12–14
20	–	25	W	?	маленький ребенок
21	–	20	?	?	?
22	–	17	?	?	?
23	87 (1)	–	W	М	
24	86 (2)	–	W	М	
25	84 (3)	–	W с отклонением к N	Ж	
26	51 (4)	–	NW	Ж	
27	52 (5)	–	W с отклонением к N	?	ребенок
28	78 (6)	–	W	Ж	
29	62 (7)	–	NW	?	
30	74 (8)	–	W или NW	?	ребенок (?)
31	28 (9)	–	W с небольшим отклонением к N	Ж	
32	–	–	W с отклонением к N	Ж	
33	–	–	W с отклонением к N	Ж	
34	–	–	W	М	
35	–	–	SE	М	50–60
70	–	–	W	М (?)	около 12
75	–	–	W (ингумация) крямца	М ?	40–45 около 35
76	–	–	?	Ж (?)	15–25
77	–	–	W с отклонением к N	Ж	около 7
I	–	–	без погребения		
II	–	–	без погребения		

для которой брались вокруг ее основания и из ровиков, размещенных с запада и, вероятно, северо-запада.

Таким образом, на протяжении 2012 и 2015 гг. в курганном могильнике Навры было раскопано 6 погребальных насыпей (общая исследованная площадь составила 480 кв. м).

Материалы раскопок 2012 и 2015 гг. хорошо соотносятся с результатами исследований предыдущих лет, равно как и 2016 г. Обращает на себя внимание достаточно стандартизированный погребальный обряд практически во всех курганах основной группы могильника (табл. 2). Во всех случаях погребения были совершены на дневной поверхности и ориентированы головами на запад с небольшими отклонениями, обычно, к северо-западу. Из общего количества курганов выделяются только ингумация в кургане 35, ориентированная головой на юго-восток, и курган 70, содержащий парное погребение – ориентированную головой на запад мужскую ингумацию и кремацию, пол которой остался не определенным. Еще одной особенностью погребального обряда курганной группы I могильника Навры является то, что из 17 мужских погребений (16 взрослых мужчин и 1 мальчик) 11 содержали находки топоров типов IV и IVA. Кроме того, в кургане 35 кроме топора был найден еще и наконечник копья типа III. Это означает, что почти 2/3 мужских погребений сопровождалась предметами вооружения.

Литература

- Звяруга Я. Г., Плавинскі А. М., 1993. Наўры // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мн. С. 460.
- Плавинскі М. А., Плавинскі А. М., 2011. Наўры // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 2. Мн. С. 126.
- Плавинскі М. А., Астаповіч Э. А., Сцяпавінава М. І., 2014. Раскопкі курганнага могільніка Наўры і разведкі на Мядзельшчыне і Браслаўшчыне ў 2012 г. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 25. Мн. С. 351–359.
- Плавинский Н. А., Степанова М. И., 2017. Материалы к реконструкции женского погребального головного убора населения Верхнего Повиля XI в. // В камне и в бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб. С. 433–444. (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).
- Покровский Ф. В., 1893. Археологическая карта Виленской губернии. Вильна.
- Штыхаў Г. В., 1997. Курганы Мінскага ўзвышша // Заслаўскія чытанні, 1995 г. Заслаўе. С. 67–73.
- Штыхаў Г. В., 2008. Курганны могільнік Ізбішча-Дзвінаса // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 16. Мн.
- Cehak-Notubowiczowa H., 1937. Materiał i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim // Rocznik archeologiczny. Wilno. T. 1. S. 5–49.
- Notubowicz W., 1937. Ceramika słowiańska XI–XII wieku cmentaryska koło wsi Nawry // Rocznik archeologiczny. Wilno. T. 1. S. 52–69.
- Wrosek A., 1937. Skielety z kurhanów w Nawrach w pow. Postawskim // Rocznik archeologiczny. Wilno. T. 1. S. 70–84.

В. Н. Матвеев

Декор пола храма-усыпальницы Евфросиниевского монастыря в Полоцке

V. N. Matveev. The Decoration of the Floor in the Temple-shrine of St. Euphrosyne Monastery in Polotsk

Abstract. During the excavations held by M. Karger in the 2nd part of the 20th century in the ruins of not preserved so called temple-shrine of the St. Euphrosyne monastery in Polotsk a great amount of the ceramic glazed tiles was found. The majority of tiles at the present in the Nowgorod reserve are kept. This article is an attempt of description of the decoration of the floor of church based on classification and analyses of tile's collection. The laying of temple-shrine is resembling to the similar layings in churches of Galich and Grodno region, but it is the earliest example of such way of decoration, which influenced the posterior decoration of the floors in churches of Old Rus.

Ключевые слова: храм-усыпальница, керамические плитки, декор, выкладка, реконструкция

Keywords: temple-shrine, ceramic tiles, decoration, laying, reconstruction

На окраине современного Полоцка, в 2,5 км к северу от устья реки Полоты располагается древний Спасо-Евфросиньев монастырь, который широко известен благодаря находящейся там Спасской церкви. Этот уникальный по сохранности древнерусский памятник уцелел вплоть до кладки купола и сохранил почти весь комплекс фресок (*Сарабьянов, 2016*). Но Спасская церковь не была единственной постройкой в монастыре, к востоку от нее в древнерусское время располагался еще один храм.

Всего в Полоцке в XI–XIII вв. было сооружено 11 каменных зданий (*Ранопорт, 1982. С. 93–99*), из которых до наших дней сохранилась лишь Спасская церковь да Софийский собор, который в начале XVIII в. был очень сильно перестроен (*Булкин, 1988. С. 59*). Храм-усыпальница Евфросиниевского монастыря на поверхности земли не сохранился и сейчас представляет собой законсервированные в земле руины. Эта постройка не упоминается в летописи, поэтому ее посвящение точно не известно. В житии Преподобной она упоминается как церковь Спаса: «Есть церковка Святого Спаса на Сельце, где братья наша лежат, прежде нас бывшие епископы» (Житие... С. 13). В то же время

есть версия, что памятник был посвящен св. Георгию, которая основывается на старом названии места «Спас-Юревичи» (Хозеров, 1994. С. 60).

Остатки кладок памятника были обнаружены в результате хозяйственной деятельности монастыря в начале XX в. Первые раскопки были проведены в 1947 г. группой сотрудников Академии архитектуры СССР под руководством архитектора Е. Ащепкова, но их методика была крайне несовершенной (Каргер, 1977. С. 240). Полноценные же работы были осуществлены только в 1961–1964 гг. М. К. Каргером, в результате чего была вскрыта западная часть большого трехнефного храма, к которому с западной, южной и северной сторон примыкали широкие притворы (Там же. С. 241). Стены основного объема и притворов были сложены из плинфы в кладке со скрытым рядом, притворы были сооружены в аналогичной технике вскоре после постройки храма. В стенах основного объема были обнаружены ниши – остатки аркосолиев, а в притворах – многочисленные склепы, сложенные из плинфы. Именно большое количество найденных погребений, а также сообщение в житии о месте захоронения полоцких епископов и обусловило наименование памятника в литературе как «храм-усыпальница». Датировал исследователь его не позднее, чем самым началом XII в. (Там же. С. 245).

К сожалению, центральная и восточные части сооружения были уничтожены при строительстве монастырского погреба в годы войны, что существенно затруднило реконструкцию плана. В 1976 г. руины были доследованы экспедицией П. А. Раппопорта (*Pannonopt*, 1980. С. 145). В результате этих работ были открыты часовни в восточных частях галерей и была выполнена реконструкция плана памятника (рис. 1).

Храм был чрезвычайно богато украшен. Стены наоса и галерей были покрыты фресками (Каргер, 1977. С. 241), пол украшен плитками и смальтой. К сожалению, из-за разрушения центра памятника и его восточной части декор самых важных частей храма погиб безвозвратно, но и в сохранившихся компартиментах почти все плитки найдены в развалах, *in situ* обнаружено только два небольших фрагмента выкладки пола. В северной галерее на полу крипты и вокруг нее были обнаружены в большом количестве смальты от выкладки пола желтого, зеленого и коричневого цветов и плитки с черной (темно-коричневой) поливой (Там же. С. 244), в западной галерее – маленькие плиточки размером 4×4 см.

Такая степень сохранности пола памятника сильно осложняет возможности его изучения. Достоверно восстановить рисунок выкладки, конечно, уже невозможно, но все же некоторые выводы о характере декора можно получить на основании изучения коллекции керамических плиток, покрывавших пол здания. В настоящее время она оказалась разделена между тремя музеями Петербурга, Новгорода и Гродно, самое представительное собрание оказалось в фондах Новгородского музея (около 200 плиток)¹.

¹ Плитки хранятся в собрании Сектора архитектурной археологии ГЭ, НГОМЗ и Гродненского историко-археологического музея.

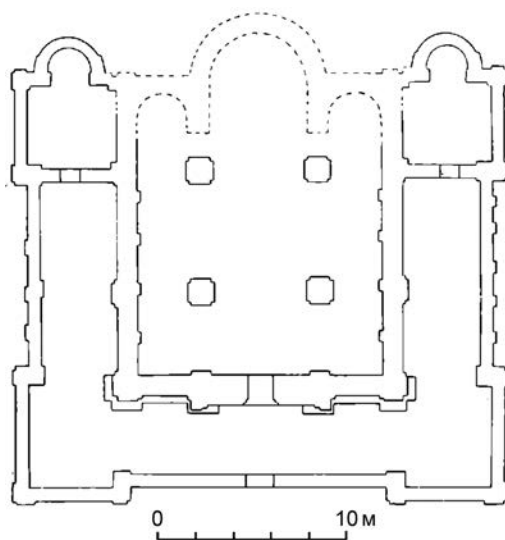

Рис. 1. План храма-усыпальницы (по: Ратнопорт, 1980. С. 147)

Всего для декора пола храма-усыпальницы использовались плитки шести разных форм: квадрат, треугольник, дуга, прямоугольник, трапеция и крестовидная. Образцы одной формы имели различные размеры, так что всего в выкладке использовался 21 различных вариант плиток (рис. 2).

I. Наибольшее разнообразие размеров было среди плиток квадратной формы:

1. Миниатюрные изделия размером 4×4 см, толщиной 1 см. Они могли использоваться как замена смальте. Размеры сторон колеблются от 3,6 до 4,1, толщина образцов 0,9–1,2 см. В коллекции 31 экз. (Шифр КП 33678, № 1, 5–8, 11, 19–28, 34–38, 46–50, 52–54, 57, 147)².

2. Со стороной 5,3 см. Сформированы из хорошо промешанной и прожженной глины, торцы подрезаны, в коллекции 3 экз. (КП 33678-39; НВ 20062-41, 142).

3. Со стороной 5,6/5,8 см и толщиной 2,2 см, аналогичная по тесту и формовке, 1 экз. (КП 33678-98).

4. Со стороной 8,4/8,9 см и толщиной 1,6 см, аналогичные характеристики, 1 экз. (КП 33678-15).

5. Со стороной 9,5 см и толщиной 2,1 см. 5 фрагментов (КП 33678-14, 140, 142; НВ 20062-502, 509).

6. Со стороной 10,2 см и толщиной 1,4 см. Торцы плиток подрезаны, тесто сформовано с примесью мелкой дресвы. В коллекции несколько десятков плиток подобного размера.

² Все коллекционные номера – из собрания НГОМЗ.

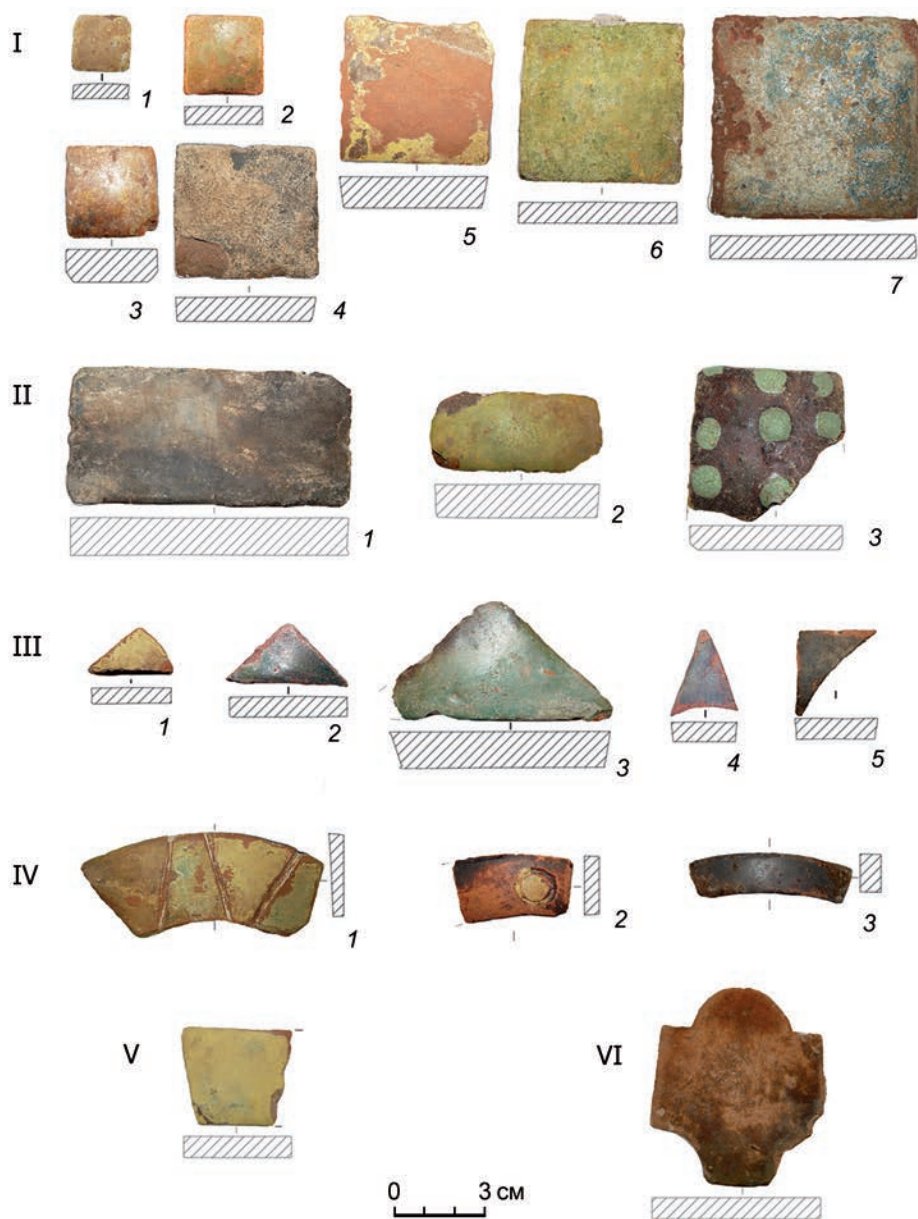

Рис. 2. Формы плиток храма-усыпальницы.

I – квадратные; II – прямоугольные; III – треугольные;
IV – дугообразные; V – трапециевидная; VI – крестовидная

7. Со стороной 13 см и толщиной 1,6 см, аналогичны по тесту и формовке. Также весьма многочисленная группа, 10 экз. (КП 33678-2, 41, 42, 44, 140, 144, 146; НВ 20062-483, 510).

8. Размеры сторон неизвестны³, так как все они найдены в обломках. Объединяет все их толщина 3,1 см, это самые толстые плитки из всей коллекции. У них подрезаны торцы, тесто однородное и хорошо промешанное, полива окрашена в зеленый, желтый и коричневый цвета.

II. Прямоугольные плитки присутствуют в трех вариантах:

1. Большой (15,7×7,7 см, толщина 2,5 см). 1 экз. (КП 33678-104).
2. Малый (размеры 9,3×4,4 см, толщина 2,2 см). В коллекции два экз. (КП 33678-97, 215).

3. С орнаментом. Это единственная (шифр КП 33678-4) во всей коллекции плитка, на которой есть полихромный орнамент, выполненный поливой (7 зеленых кругов на темно-коричневом фоне). Ширина образца 9,6 см, толщина 1,6 см, боковые грани подрезаны до половины своей высоты под углом около 60°.

III. Плитки треугольной формы. Их найдено относительно немного (10 шт.), но при этом они разделяются на 5 вариантов. Часть из них (варианты 1-3) имеют форму равнобедренного треугольника с прямыми сторонами, у других (варианты 4, 5) одна сторона скруглена.

1. Плитка в форме равнобедренного прямоугольного треугольника малого размера (катеты 3,8 см, гипотенуза 5,5 см, толщина 1 см). В коллекции 1 образец с желтой поливой (НВ 20062-136).

2. Плитки в форме равнобедренного прямоугольного треугольника среднего размера (катеты 5,5 см, гипотенуза 7,3 см, толщина 1,2 см). В коллекции 3 шт. (КП 33678-12, 13, 18).

3. Плитки в форме равнобедренного прямоугольного треугольника большого размера (катеты 9,3 см, гипотенуза 13 см, толщина 2,4 см). В коллекции 4 шт. (КП 33678-99-102).

4. Плитка в форме равнобедренного заостренного треугольника с круглением (стороны 5,5 см, толщина 1,4 см, шифр КП 33678-40).

5. Плитка в форме в форме равнобедренного прямоугольного треугольника с круглением гипотенузы (стороны 5,5 см, толщина 1,4 см, шифр НВ 20062-47). Последние два варианта явно использовались в круговой выкладке.

Плитки простых геометрических форм (квадратные и треугольные) чаще всего встречаются в выкладках храмов Древней Руси, это стандартный набор. А вот следующие формы встречаются гораздо реже и представляют собой гораздо больший интерес.

IV. Дугообразные плитки представлены пятью вариантами. Не все они сохранились целиком, так что полную форму их в некотором случае не установить. Сделаны они все из хорошо промешанного ярко-оранжевого теста, торцы подрезаны. В коллекции всего 7 предметов.

1. Дуга шириной 5,5 см, толщина ее 1,4/1,7 см, то есть она увеличивается от внешнего края к внутреннему. Особенность этих плиток в том, что их поверхность разделена вдавленными линиями на несколько трапецевидных

³ Так как форма точной реконструкции не поддается, рисунок этого типа не приводится.

секторов, покрытых зеленой и желтой поливой. 4 фрагмента (КП 33678-16, 32,45; НВ 20062-35).

2. Узкая дуга шириной 4 см, покрытая коричневой поливой, по центру – вдавленный круг, покрытый желтой поливой. В коллекции два фрагмента (КП 33678-31, 34).

3. Обломок дуги шириной 1,8 см и толщиной 1,4 см, покрытый коричневой поливой. Его длина 8 см, но так как фрагмент в единственном экземпляре (НВ 20062-36), то полный размер плитки не восстановить.

Необходимо отметить уникальную особенность этих плиток – наличие на них рельефных вдавленных линий. Большая часть плиток времен Киевской Руси покрыта монохромной поливой, есть некоторые образцы с различными орнаментами, но выполнены все они также исключительно с помощью поливы. Рельефы на древнерусских плитках встречаются только в исключительных случаях – это рельефные плитки с сюжетными изображениями из нескольких памятников Галича (*Малевская, Раппопорт, 1978. С. 87–97*). Наиболее же близкая аналогия такой плитки из Полоцка – это такая же дугообразная плитка с зигзагообразной линией из омпалия церкви Спаса в Галиче (*Иоаннисян, 1982, Л. 8*).

V и VI. Последние две формы представлены каждая одним экземпляром. Это плитки трапециевидной (размеры оснований 4,6 и 7,3 см, толщина 1,4 см, шифр КП 33678-43а) и крестовидной формы (12,5×10,5 см, толщина 1,4 см, шифр КП 33678-16а). Последний тип встречается также в некоторых других памятниках древнерусского зодчества. Такие плитки были найдены в Чернигове в постройке под Борисоглебским собором (терем, размеры 15×13×1,9 см; *Холостенко, 1963, 6*), в Успенском соборе Елецкого монастыря (13×9,5×1,4 см; *Холостенко, 1961. С. 57*), Старой кафедре под Владимиром-Волынским (длина 24 см; *Раппопорт, 1977. С. 261*), церкви на Коложе (12×9,5 см, толщина 1,8–2 см; *Воронин, 1954. С. 94*), развале на замчище в Пинске (14×13 см; *Равдина, 1963. С. 112*), в «ротонде Ольги» и Десятинной церкви – в ремонтах XII в. (12×10 см; *Харламов, 1986. С. 110*). В целом, для такого рода плиток выявляется некоторая закономерность: более ранние образцы имеют меньшие размеры, что еще раз косвенно подтверждает дату памятника – начало XII в.

Большое разнообразие форм и размеров плиток свидетельствует о сложном мозаичном рисунке пола, в котором присутствовали несколько различных зон выкладки. Центр храма с наибольшей вероятностью был выложен смальтой, а плитки использовались на периферии, что соответствовало стандартной схеме соотношения месторасположения этих материалов. Для декора храмов Древней Руси характерно при использовании в одном памятнике одновременно плиток со смальтой или шиферными плитами вынесение первых на периферийные зоны (боковые нефы, притворы, галереи). Судя по количеству плиток, можно предложить, что значительное пространство было покрыто изделиями квадратной формы двух основных форматов: со стороной 10 см и 13 см. Наличие еще 6 вариантов квадратных плиток свидетельствует о присутствии еще некоторого количества зон, где они могли быть использованы. В декоре полов древнерусских храмов использовалось два варианта выкладок квадратных плиток: параллельно стенам и по диагонали. Большое количество треугольных плиток может

говорить о том, что в памятнике использовался второй вариант выкладки (рис. 3: 2), так как именно при укладке квадратных плиток под углом 45° по отношению к оси храма у стен оставались лакуны треугольной формы, которые нуждались в заполнении. Имеющимся вариантам квадратов соответствуют варианты треугольных плиток, что подтверждает наличие нескольких зон диагональной выкладки квадратных плиток. Самые маленькие треугольники с размером стороны 3,8 см соответствуют самым маленьким квадратам со стороной 4 см. Второй вариант размера треугольников со стороной 5,5 см очевидно заполняет пустоты у стен в зоне, выложенной квадратными плитками со стороной 5,3 см. Наконец, треугольники со стороной 9,3 см соответствуют квадратам со стороной 9,5 см.

Часть пола была выложена плитками прямоугольной формы, возможно, в дополнение к квадратным, но их небольшое количество не позволит делать каких-либо более конкретных выводов. Очевидно, что орнаментированная плитка П-3 не была единственной в своем роде, а значит, часть пола храма была покрыта такими пятнистыми образцами. Наличие в наборе плиток в форме дуг и треугольников со скругленными сторонами свидетельствует о присутствии круговых выкладок: несколько дугообразных образцов образовывали круг из нескольких колец (рис. 3: 1). Также несомненно присутствие в выкладке зоны с крестовидными плитками, которые по своей форме плохо сочетаются с другими типами (рис. 3: 3). Точное место их расположения установить не представляется возможным.

На основе анализа форм плиток, использовавшихся для выкладки пола храма-усыпальницы, можно выделить некоторые ее характерные черты, учитывая при этом невозможность полной реконструкции.

1. Выкладка представляла собой сложный орнамент, где сочетались поливные плитки и смальта.

2. В выкладке было несколько разных зон, декорированных плитками разных вариантов:

а) несколько зон были выложены квадратными плитками разных размеров под углом в 45° к стенам здания;

б) отдельно существовала зона, выложенная крестовидными плитками;

в) часть пола была выложена круговыми композициями, скорее всего, они располагались где-то в наосе.

Такое разнообразие форм и размеров плиток, использованных для устройства декора в церкви-усыпальнице, не является характерным для Руси. Обычно в памятниках применялось несколько разных видов плиток. Объекты, где количество типов больше 10–15, редки, и все они находятся в западных регионах Древней Руси, в Галицкой и Гродненской землях. В Галицкой земле это Спасская церковь второй четв. XII в. (*Иоаннисян*, 1982, Л. 9; *Матвеев*, 2017), Олешковская ротонда (вторая пол. XII в.; *Томенчук*, 2005. С. 28–32) и Благовещенская церковь (начало XIII в.; *Peteński*, 1914. S. 79). В Гродненской земле это выкладки Коложской (вторая пол. XII в.; *Воронин*, 1954. С. 110) и Нижней церковью (вторая пол. XII в.; *Малевская*, 1966. С. 149) в Гродно, а также развал (здание так и не обнаружено) в Пинске (XI–XII в.; *Равдина*, 1963. С. 111).

Выкладка пола храма-усыпальницы занимает важное место в ряду других декорированных плитками полов храмов Древней Руси. Она относится

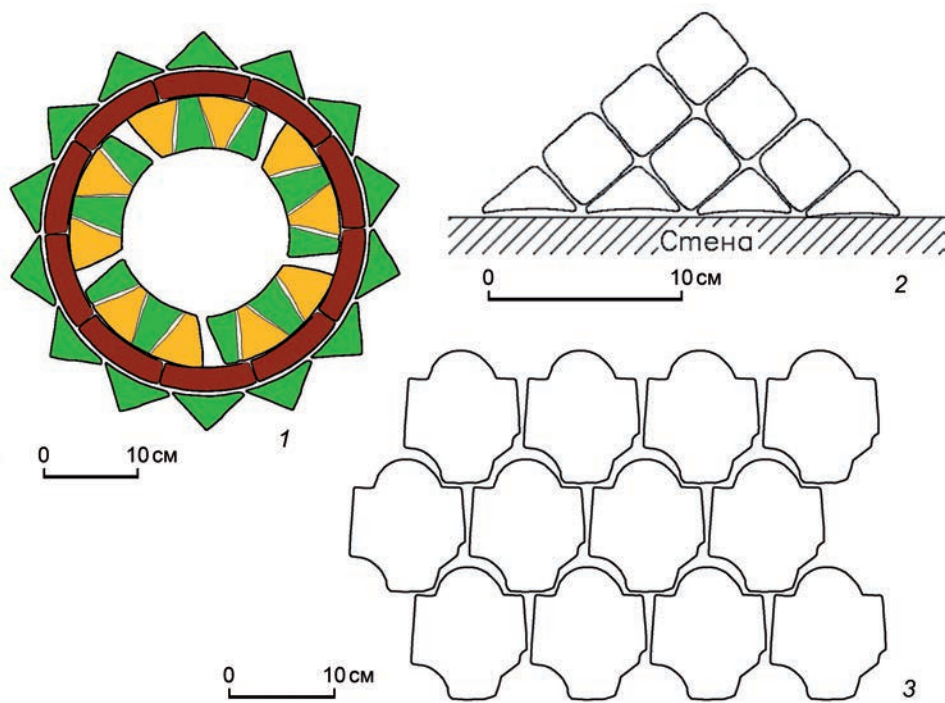

Рис. 3. Варианты выкладок в храме-усыпальнице

к началу XII в., в то время как все остальные памятники – ко второй половине этого столетия⁴, т.е. является самым ранним примером выкладки, где были использованы плитки нескольких разных форм, в том числе и детали круга. Мозаичный декор пола использовался и в XI в., но в то время для него использовали смальту, а в первом здании на Руси – Десятинной церкви – декоративные камни (Каргер, 1950. С. 19). Выкладка церкви-усыпальницы, вероятно, оказала некоторое влияние на стиль более поздних выкладок в церквях Галича и Гродно. Насколько это влияние было велико, была ли его роль решающей или преобладали заимствования из архитектуры соседней Польши, где еще в конце XI в. в Гнезно была выполнена сложная мозаичная плиточная вымостка (Mikolajczyk, Zurowski, 1962. S. 196) – вопрос еще не решенный.

И хоть вымостка храма-усыпальницы не сохранилась до наших дней и изучать ее можно лишь только по отдельным сохранившимся плиткам, найденным в слое разрушения при раскопках, она, тем не менее, заслуживает самого пристального внимания как самый ранний на Руси пример сложной мозаичной плиточной выкладки, оказавшей влияние на декор полов Руси в XII в.

⁴ Спорна датировка Нижней церкви в Гродно. Н. Н. Воронин относит ее ко второй четв. XII в. (Воронин, 1954. С. 140), П. А. Раппопорт – ко второй половине XII в. (Раппопорт, 1982. С. 102).

Литература

- Булкин Вал. А.*, 1988. Софийский собор в Полоцке (К вопросу о западных апсидах) // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. М. С. 59–63.
- Воронин Н. Н.*, 1954. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). МИА. № 41: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Том III. М. 237 с.
- Житие преподобной матери нашей Евфросинии, игуменнии и княжны Полоцкой. Полоцк, 2014. 70 с.
- Иоаннисян О. М.*, 1982. Отчет о работах Галицкого отряда Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Государственного Эрмитажа в 1981 г. Архив ИА НАНУ. 1981/38. Л. 13 с.
- Каргер М. К.*, 1950. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Труды Всероссийской академии художеств. Т. 1. М. С. 15–50.
- Каргер М. К.*, 1977. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке // СА, № 1. С. 240–247.
- Малевская М. В.*, 1966. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура Древней Руси. М. С. 146–151.
- Малевская М. В., Раппопорт П. А.*, 1978. Декоративные керамические плитки древнего Галича // Slovenska archeologia. Vol. XXVI-1. Bratislava. –с. 87–97.
- Матвеев В. Н.*, 2017. Коллекция плиток из церкви Спаса в Галиче в собрании Государственного Эрмитажа: формы, технология производства и опыт реконструкции орнамента пола // Труды ГЭ. Том LXXXVI. Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. СПб. С. 151–162.
- Равдина Т. В.*, 1963. Поливные керамические плитки из Пинска // КСИА. Вып. 96. С. 110–112.
- Раппопорт П. А.*, 1977. Старая кафедра в окрестностях Владимира-Волынского // СА. № 4. С. 253–265.
- Раппопорт П. А.*, 1980. Полоцкое зодчество XII века // СА, № 3. М. –с. 142–161.
- Раппопорт П. А.*, 1982. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников (САИ. Вып. Е1–47). М. 135 с.
- Сарабьянов В. Д.*, 2016. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке. 3-е изд., дополненное и переработанное. Спасо-Евфросиниевский женский монастырь. 513 с.
- Томенчук Б. П.*, 2005. Олешківська ротонда. Археологія дерев'яних храмів Галицької землі XII–XIII ст. Івано-Франківськ. –167 с.
- Харламов В. А.*, 1986. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII веков // Археологические исследования Киева 1978–1983. Киев. С. 106–120.
- Хозеров И. М.*, 1994. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Минск. 151 с.
- Холостенко Н. В.*, 1961. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 3. М. С. 51–67.
- Холостенко Н. В.*, 1963. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектурное наследство. Том 15. М. С. 3–17.
- Mikołajczyk G., Żurowski K.*, 1962. Wyniki badań archeologicznych w katedrze gnieźnieńskiej w 1958 roku // Sprawozdania archeologiczne. T. XIV. S. 193–201.
- Peteński J.*, 1914. Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej. Na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych. Kraków. 207 s.

С. В. Белецкий

О плинфе с клеймом из раскопок в Полоцке

S. V. Beletsky. On the Plinth with a Stamp from the Excavations in Polotsk

Abstract. The article discusses the pre-Mongol fragment of a plinth with letters and a picture of a bident impressed on the wet clay, found during excavations of the foundations of the Basilian monastery of the middle of the 18th century on the Upper castle of Polotsk.

On the basis of the analysis of the “Rurikids sign” (bident) impressed on the plinth, the author comes to the conclusion that this mark could not belong to the hypothetical descendant of Sviatopolk Yaropolchich. The author shows that the bident of that form fell out of use no later than 1013, and thus its presence can serve the basis for dating the construction, the plinth comes from.

Ключевые слова: плинфа, знак Рюриковичей, двузубец.

Keywords: plinth, Rurikids sign, bident.

При раскопках фундаментов Базилианского монастыря середины XVIII в. на Верхнем замке Полоцка в 1992–1994 гг. были найдены многочисленные фрагменты домонгольской плинфы со следами цемяночного раствора и серого известкового раствора XVIII в. По мнению С. В. Тарасова, плинфа, попавшая в кладку XVIII в., принадлежит Софийскому собору XI в. (*Тарасай*, 2009. С. 54).

Среди найденных фрагментов плинфы имеется обломок угловой части кирпича (сохранились фрагменты двух торцов) с оттиснутыми по сырой глине буквами и изображением двузубца (рис. 1). Судя по определениям «верхняя строка» и «нижняя строка» надписи, С. В. Тарасов полагает, что найденный фрагмент представлял собой правый верхний угол плинфы. В верхней строке левая буква, по С. В. Тарасову, это либо **Л**, либо **М**, от которой в площадь обломка вошла половина. Правая буква – это буква **А**, половина которой не оттиснулась, и ее пришлось «дописать» по сырой глине. Левая буква в нижней строке, по мнению С. В. Тарасова, это зеркальное изображение буквы **Н**, вырезанной на матрице без учета на оттиск, а правая буква – **Ф**. В целом исследователь реконструировал надпись как «[КЛЕЙ]ММ/[ПЛИ]НФ» (*Тарасай*, 2009. С. 55–56).

Рис. 1. Прорисовка фрагмента плинфы из раскопок на Верхнем Замке Полоцка
(по С. В. Тарасову)

У двузубца, по мнению С. В. Тарасова, «пры моцным павелічэнні і бакавым святлі відаць, што над настрыём правага рога ёсць выява чатырохканцовага крыжа! Крыжак мае ў сярэдзіне кропку і тры пялёсткі. Ніжні вертыкальны практычна адсутнічае. Крыж “сядзіць” гэтым пялёсткам на выстрыні зуба» (Тарасай, 2009. С. 58). Исследователь полагает, что знак аналогичен двузубцу Святополка Ярополчича, у которого «крыж так сама “прарастае” з зуба» (Там же. С. 58). Отметив, что у двузубца на полоцкой плинфе крестик помещен на правом, а не на левом, как у Святополка, зубце, С. В. Тарасов объясняет это ошибкой плинфodelателя, вырезавшего двузубец на матрице клейма без учета на оттиск. Стяжка, соединяющая зубцы двузубца близ основания зубцов, по мнению С. В. Тарасова, указывает на то, что знак принадлежал не самому Святополку, а его потомку. Полагая, что деятельность гипотетического Святополчича приходится на первую половину XI в., исследователь считает его «одним з кцытараў полоцкага храма» (Там же. С. 64).

Фотографии фрагмента плинфы в публикации читаются плохо (Там же. С. 71), и это не позволяет сравнивать прорисовку с реальным оттиском. Однако при знакомстве с оригиналом снимка¹ (рис. 2) выяснилось, что некоторые детали опубликованной прорисовки могут быть уточнены. Буква **Ф**, несмотря

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить С. В. Тарасова (Минск), любезно приславшего мне фотографию находки.

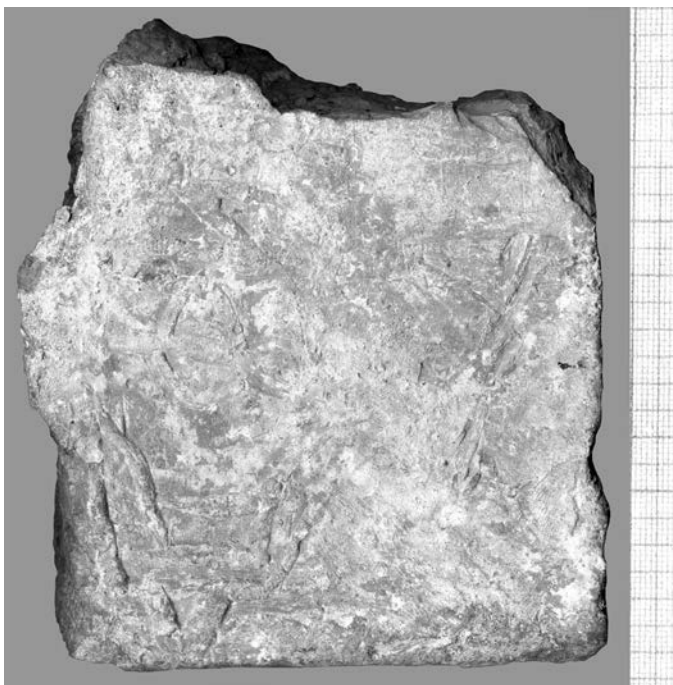

Рис. 2. Фрагмент плинфы из раскопок на Верхнем Замке Полоцка (фото С. В. Тарасова)

на незначительное повреждение канавкой, прочерченной пальцем по сырой глине, читается вполне отчетливо. Размещенная рядом с ней буква действительно может быть зеркальным изображением буквы **Н**, однако она может представлять собой и букву **И**: для XI в. подобное написание известно (*Черепнин*, 1956. С. 154, табл. 2). Сомнительно прочтение правой буквы верхней строки как «дописанной» буквы **А**: между прочерченными по сырой глине желобками на фотографии видны фрагменты оттиска, которые вместе с отчетливо читающейся частью буквы, принятой за петлю буквы **А**, составляют букву **Л**, частично смазанную канавками, прочерченными пальцем. Левая буква в той же строке не может быть уверенно интерпретирована ни как **М**, ни как **Л**: отчетливо читается только вертикальная мачта буквы, большая часть которой осталась за пределами фрагмента, а часть уничтожена сколами поверхности (рис. 3). Размещение буквы **Л** указывает на то, что строка, названная С. В. Тарасовым верхней, на самом деле является нижней, а найденный фрагмент представлял собой левый нижний угол плинфы. С учетом того, что размеры отдельных плинф из раскопок 1992–1994 гг. колебались от 19,5×27 до 24×36 см (*Тарасай*, 2009. С. 54), плинфа с клеймом могла иметь следующий вид (рис. 4). Заманчиво было бы увидеть в оттиснутой надписи имя **ФН/Л** [ИПП], однако учитывая, что в пространстве справа от сохранившейся части надписи могло разместиться от трех-пяти до полутора десятков букв, любая попытка реконструировать надпись неизбежно окажется фантазией.

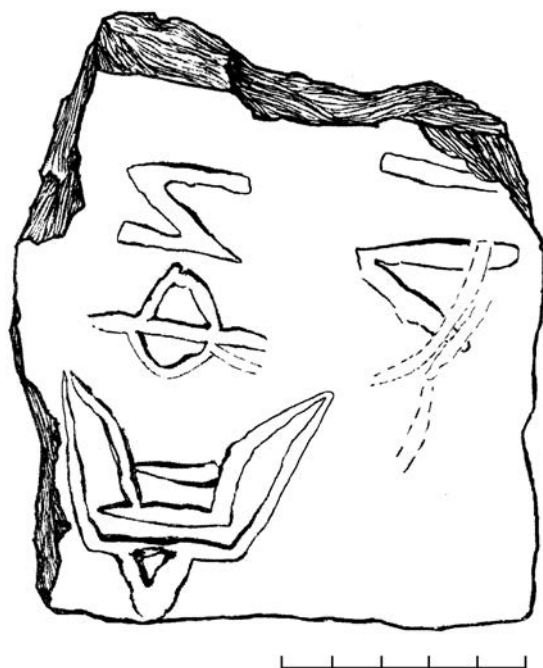

Рис. 3. Уточненная по фотографии прорисовка фрагмента плинфы из раскопок на Верхнем Замке Полоцка. Пунктиром обозначены канавки, прочерченные пальцем по поверхности плинфы

Крестик на вершине правого зубца двузубца я на фотографии разглядеть не смог. Вокруг вершины этого зубца на снимке хорошо видны неровности поверхности, которые при желании можно истолковать и как прямой крестик, и как крестик харизматический, и даже как раздвоение вершины зубца. Однако на фотографии отчетливо видна слегка скругленная вершина зубца, что в принципе исключает наличие у этого зубца какого-либо дополнительного завершения. Следовательно, нет оснований считать двузубец на полоцкой плинфе зеркальным оттиском двузубца Святополка Ярополчича и на этом основании атрибуировать знак неизвестному по письменным источникам потомку Святополка (Тарасай, 2009. С. 58–64).

Двузубец, оттиснутый на плинфе из Полоцка, аналогичен изображениям двузубцев X–XI вв. на печатях (Янин, 1970. С. 166, № 1)², на геральдических подвесках (Белецкий, 2004, № 31, 40; 2014а, № 59, 63), в гончарных клеймах (Белецкий, 2014б. С. 360, рис. 2, 1), в граффити на монетах (Белецкий, 2000. С. 385, рис. 16), оружии (Белецкий, 2000. С. 415–417, рис. 32, д), амфорах

² Еще один экземпляр печати X в. с изображениями двузубцев на обеих сторонах был осмотрен в сентябре 2013 г. на выставке «1000 лет украинской печати» в национальном музее истории Украины в Киеве (1000 років: 29).

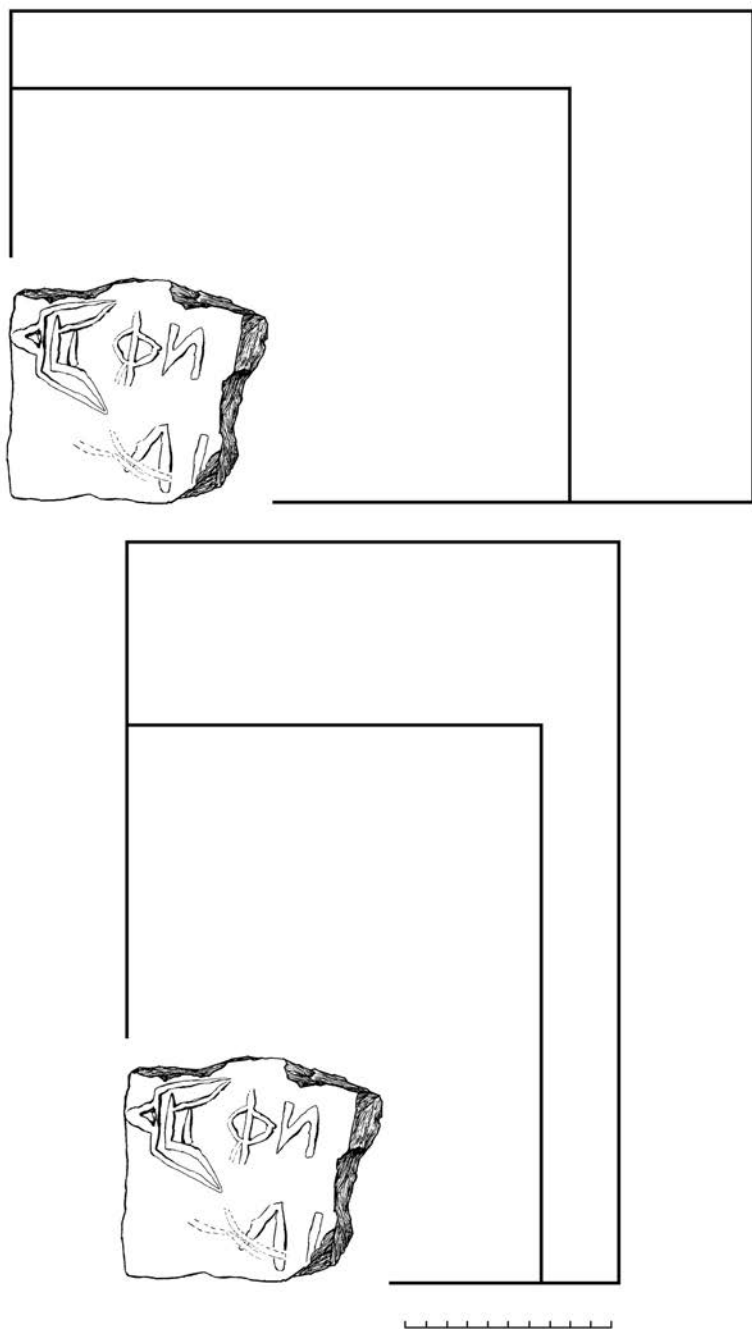

Рис. 4. Место фрагмента в площади плинфы

(Белецкий, 2000. С. 392, 393, рис. 19, 9, 20, 3, 4; 2016а. С. 288–303) и бытовых предметах (Белецкий, 2000. С. 392, рис. 19, 5, 5а). От обычного типа родового двузубца Рюриковичей он отличается наличием стяжки, соединяющей зубцы. Этот элемент уникален: такие стяжки у двузубцев X–XI вв. ранее не фиксировались. Известны шесть случаев подобных стяжек, и все они относятся к XII–XIII в. – у знака в клейме на майоликовой плитке из Рождественского собора в Суздале (Белецкий, 2016б, рис. 14, 1) и у двузубцев на печатях № 302б (Гайдуков, Янин, 2005, рис. 16), 303 (Янин, 1970. С. 220), 303а и 303б (Гайдуков, Янин, 2007, рис. 21, 22)³. Однако считать их аналогиями двузубцу на полоцком кирпиче я бы не решился: на суздальской плитке оттиснут трезубец, а у двузубцев на печатях зубцы соединены стяжкой практически у вершины зубцов. В любом случае, среди древнерусских княжеских знаков XII–XIII вв. стяжки также являются редчайшим элементом.

Таким образом, стяжка, соединяющая зубцы двузубца на полоцкой плинфе, в силу своей уникальности не может быть истолкована в качестве изобразительного элемента, символизирующего такую традиционную процедуру, как наследование⁴, повторяющуюся из поколения в поколение⁵. Вполне возможно, что стяжка, соединяющая зубцы двузубца, могла иметь геральдическое значение, однако дешифровать это значение пока не удастся. Очевидно только, что уникальность элемента не влияла на родовую принадлежность двузубца, а лишь свидетельствовала о разовом характере использования этого элемента.

В литературе высказывалось мнение, согласно которому изображение двузубца представляет собой «общий родовой знак князей Рюрика дома» (Мельникова, 1998. С. 181; Макаров и др., 2013. С. 438). Полагаю, оснований считать двузубец общим родовым символом всех князей Рюрика дома нет. Простой двузубец последовательно использовали Рюрик (?), Игорь Рюрикович, Святослав Игоревич, Ярополк Святославич и Святополк Ярополчич, то есть – представители старшей ветви рода. Однако социально престижным изобразительным символом младшей ветви рода стал не двузубец, а трезубец – именно такой знак был усвоен Владимиру Святославичу уже при жизни отца (рис. 5), и сыновья Владимира также использовали трезубцы, а не двузубец.

Последним представителем старшей ветви рода Рюриковичей, пользовавшимся обычным типом родового двузубца, был Святополк Ярополчич – посмертный сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром: он

³ Еще одна печать с таким же знаком экспонировалась на выставке «1000 лет украинской печати» в национальном музее истории Украины в Киеве (1000 років: 64, 71, № 39)

⁴ Ср.: «Дадатковая папярочная рыса поміж зубцями сведчыць, што, так бы мовіць, “уладальнік” знака паходзіў з асяроддзя сваякоў пасля Святаполка Яраполкавіча» (Тарасаў, 2009. С. 58).

⁵ Ранее было установлено, что при наследовании лично-родового символа старший сын менял форму ножки отцовского знака, а младшие сыновья изменяли форму зубца (Белецкий, 2012. С. 431–463).

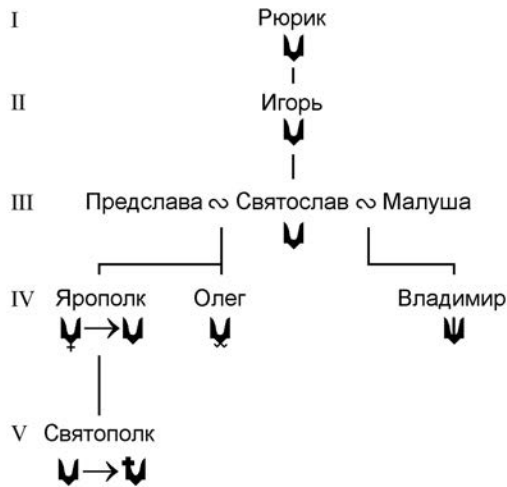

Рис. 5. Генеалогия знаков Рюриковичей X – начала XI в.

использовал двузубец в годы туровского княжения, однако не позднее 1013 г. Святополк начал пользоваться двузубцем с крестовидным правым зубцом (Белецкий, 2012. С. 436). Таким образом, после 1013 г. родовой двузубец Рюриковичей вышел из употребления. Следовательно, обломок плинфы из раскопок на Верхнем замке Полоцка датируется не позднее этого времени.

В письменных источниках сведения о строительстве Софийского собора в Полоцке отсутствуют. Возведение храма обычно относят ко времени около середины XI в. (Pannonort, 1982. С. 94). Если считать, вслед за С. В. Тарасовым (Тарасай, 2009. С. 54), что найденный фрагмент принадлежал зданию Софийского собора, мы должны признать, что храм был построен на несколько десятилетий раньше, и в число ктиторов собора входил туровский князь Святополк Ярополчич. Другим решением загадки является допущение, что данный фрагмент (а возможно, и еще какие-то обломки плинфы, использованные при строительстве Базилианского монастыря) принадлежал не Софийскому собору, а неизвестной по письменным источникам постройке более раннего времени. В этом случае неизвестная постройка была, скорее всего, разобрана до начала строительства Софийского собора, и плинфа от этой постройки была использована в качестве строительного материала при возведении здания нового храма.

Литература

- Белецкий С. В., 2000. Зарождение русской геральдики // *Stratum plus*. № 6.
 Белецкий С. В., 2004. Подвески с изображениями древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
 Белецкий С. В., 2012. Древнейшая геральдика Руси // *Повесть временных лет*. СПб.: Вита нова.

- Белецкий С. В.*, 2014а. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4: Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения» (Старая Ладога, 12–13 июля 2013 г.). СПб.
- Белецкий С. В.*, 2014б. Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (апрель 2013 г.). Вып. 29. М.; Псков; СПб.
- Белецкий С. В.*, 2016а. Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Оборонительные сооружения и монументальное зодчество Древней Руси: материалы конф. СПб.
- Белецкий С. В.*, 2016б. О знаках Рюриковичей в граффити из Саркела – Белой Вежи // Степи Восточной Европы в средние века: сб. памяти Светланы Александровны Плетневой. М.: ИА РАН.
- Гайдуков П. Г., Янин В. Л.*, 2005. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. // ННЗ. Вып. 19. Великий Новгород.
- Гайдуков П. Г., Янин В. Л.*, 2007. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // ННЗ. Вып. 21. Великий Новгород.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М.*, 2013. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск.
- Мельникова Е. А.*, 1998. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // История Руси – Украины. Київ.
- Раппопорт П. А.*, 1982. Русская архитектура X–XIII в.: каталог памятников. Л.
- Тарасюк С.*, 2009. Плінфа з виявай княжацкага знака з раскопак на Верхнім замку ў Полоцку // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. V. Мінск.
- 1000 років української печатки. Київ, 2013.
- Черепнин Л. В.*, 1956. Русская палеография. М.
- Янин В. Л.*, 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.

Л. В. Яворская, Е. Е. Антипина

Археозоологические исследования средневекового города: контексты и интерпретации

*L. V. Yavorskaya, E. E. Antipina. Archaeozoological Study of Medieval city:
Contexts and Interpretations*

Abstract. On the examples of specific osteological collections, obtained during excavations of medieval northwest Russian cities and middle Volga region a number of interpretation problems of the archaeological context of these materials is demonstrated. It is shown that in the urban areas scattered and fragmented animal bones are not only the result of meat consumption, but they can be also often interpreted as separate objects used for different household purposes. The study of archaeological and historical contexts of the so-called “kitchen bone waste” accumulation in cultural layer often allows us to document presence of trade and production sites connected with livestock products disposal, and to record changes in various urban neighborhoods operation intensity.

Ключевые слова: средневековый город, категории археозоологических материалов, костные вымостки, косторезное производство, накопление костей животных в культурном слое.

Keywords: medieval town, category of archaeozoological materials, bone pavement, carving production, the accumulation of animal bones in the cultural layer.

Один из массовых археологических материалов – кости животных из кухонных отбросов – широко используется для реконструкции системы мясного потребления и характеристики направлений тех хозяйственных отраслей (охоты, рыболовства, скотоводства и птицеводства), которые обеспечивали население животным белком.

Однако, если жители небольших селищ непосредственно занимались «производством» мяса или иного животного белка, то обитатели более крупных поселенческих единиц (городищ и городов) были, главным образом, потребителями этой продукции, в торговых поставках которой могли участвовать разные регионы как близкой, так и дальней хозяйственной округи. Безусловно, полнота и детальность изучения системы жизнеобеспечения столь разных поселений будет существенно отличаться. Кухонные костные отбросы из раскопок селищ

могут дать наиболее адекватную информацию как о мясных пристрастиях жителей, так и о структуре хозяйства. В городском же пространстве разрозненные и раздробленные кости животных оказываются отражением, прежде всего, объемов и специфики потребляемых мясных продуктов.

Цель данной работы – на примерах конкретных остеологических коллекций из раскопок средневековых городов русского Северо-Запада и Среднего Поволжья проанализировать многокомпонентность структуры таких археозоологических материалов и продемонстрировать ряд проблем интерпретации получаемых данных.

Скопления «кухонных» костных остатков в городе и археологические контексты их накопления

Одной из важных особенностей функционирования городов во все времена является стремительное накопление бытового мусора, значительную часть которого составляют кости животных. Среди них могут оказаться как пищевые костные остатки, так и части скелетов животных, которые были рабочими, помощниками или просто домашними питомцами, а также комменсалов обычных обитателей города, умерших как естественной смертью, так и погибших в результате эпидемий, катастроф или других чрезвычайных событий. Культурные напластования городов содержат также остатки органического сырья различных производств, в том числе и косторезного. В археологических исследованиях предполагается разделение всех таких костных отбросов на отдельные совершенно разные **категории** археозоологических материалов (*Антипина*, 2004, 2016).

Традиционно и закономерно основную часть содержащихся в культурном слое древнего города костей животных относят к одной категории «кухонных остатков» (*Цалкин*, 1956), которая является основой для изучения мясной диеты жителей. Главными критериями для ее выделения считаются специфическая раздробленность костей и следы от разделки туш. Для пересчета остеологических спектров в соотношения (спектры) относительных объемов потребления мясной пищи используются разные методики. Нами применяется многократно опубликованная схема такой процедуры с учетом размеров и возраста копытных животных из конкретных изучаемых поселений (*Антипина*, 2005; *Яворская*, 2015). Но, несмотря на различия, все эти методики достаточно просты, поэтому задача описания и расчетов мясной диеты городского населения выходит на первый план и становится почти обязательной. При этом данные, полученные по одной крупной в количественном отношении остеологической выборке или по совокупной коллекции, как правило, проецируются на весь город (*Цалкин*, 1956, 1967; *Петренко*, 1988; *Петренко*, *Асылгараева*, 2003 и др.).

Однако, следует подчеркнуть, что с того момента, как туши животных поступали в город, и пищевые отходы со стола горожан становились частью бытового мусора, начинались сложные и весьма извилистые пути перемещений костей по городскому пространству. Эти пути связаны и с особенностями мясной диеты жителей, и с системой убоя животных, и с поставкой мяса, но, главным образом, с неизбежным накоплением пищевых и производственных отбросов и необходимостью их утилизации – проблемой, которая в средневековых

городах Евразии (и даже в разных частях этих городов) решалась разными способами. Не удивительно, что в культурных напластованиях городов кухонные костные остатки могут быть распределены и достаточно равномерно, и в виде хорошо заметных скоплений, возникновение которых обусловлено весьма разнообразными причинами. Поэтому, изучая жизнь средневекового города, особое внимание необходимо уделять археологическому контексту при сборах **скоплений кухонных костных остатков**.

Одним из широко известных типов таких скоплений являются зафиксированные в древнерусских городах «костные вымостки» – специальные подсыпки костей животных для выравнивания поверхности разных территорий, ликвидации топких мест, заполнения выбоин на дорогах и т.п. (*Строков, Богусевич, 1939; Арциховский, 1949*), что можно считать оригинальным и эффективным способом утилизации кухонных костных остатков. Нам удалось установить не только ряд диагностирующих характеристик таких скоплений, но и проследить некоторые пути их накопления.

Детальное изучение «костных вымосток» в древнерусском Пскове и золо-тоордынском Азаке показало, что в них, как правило, обеднен видовой состав животных и анатомический набор костей. Сотни и тысячи скелетных фрагментов из таких скоплений соотносятся исключительно с не мясными частями туш (черепа и дистальные части конечностей) преимущественно одного либо двух видов копытных (*Тимонина, 2002; Яворская, 2013; 2014*). Так как обустройство «костных вымосток» представляется почти одномоментным событием, то указанные элементы скелетов должны были целенаправленно отбираться и накапливаться на каких-то специальных территориях. Подобные анатомические наборы могут быть получены при первичной обработке туш животных (обескровливание и снятие шкур), которая происходит на специальных бойнях, а также при разделке туш на мясных рынках. Но где именно и как происходило такое накопление для каждого города остается загадкой.

Обнаруженная в культурных напластованиях Азака «костная вымостка» XIV в. оказалась скоплением костей мелкого рогатого скота (МРС), преимущественно овец. Согласно археологическому контексту она располагалась в ремесленном районе, где одним из производств была обработка кож (*Боцаров, Масловский, 2015*). Такой контекст подтверждает предположение о том, что эти кости (остатки черепов, метаподий и фаланг) поступили сюда вместе со шкурами, и прямо здесь шло их накопление. Несомненно, мы имеем дело с перемещенными в пределах города отходами от разнообразной потребляемой жителями животноводческой продукции, в том числе и мясной. И хотя мясо этих животных, конечно же, поступало к горожанам, исследователи справедливо не относят кости из «вымостки» к кухонным остаткам (*Тимонина, 2002*).

Еще более яркий пример перемещения костных отходов в городском пространстве и формирования скоплений предоставила огромная остеологическая коллекция из раскопа Лужский II на территории Нового Торга в Пскове. По реконструкциям историков, здесь в XVI–XVII вв. было около 50 специализированных торговых рядов, включавших в себя более 1300 лавок, в том числе и мясных, а также таможенная изба, монетный, льняной, соляной и гостинный

дворы (Салмина и др., 2014). Без сомнений возведение построек Нового Торга могло быть только мероприятием общегородского, а никак не частного строительства. Более того, состав вещевых находок с территории этого торгового комплекса свидетельствует об **отсутствии** здесь заметных следов ведения **традиционного домашнего хозяйства** – количество предметов печной керамики, домашней утвари и инвентаря необычайно мало в сравнении с обычным значительным числом подобных находок из других слоев позднесредневековой городской застройки Пскова (Салмина и др., 2016).

В рамках такого археологического контекста особое внимание было уделено изучению остеологических материалов. Раскопки этого участка Пскова, особенно его низин, обнаружили под деревянными настилами мостовой пятна плотных «костных вымосток», основой которых были почти исключительно остатки черепов крупного рогатого скота со следами стандартизированной кухонной разделки.

Естественно было предположить, что такая унификация разделки возникла при рыночной разделке туш для продажи говядины. Но вероятность сохранения и длительного накопления сырых костей здесь же, в пределах мясных лавок на Новом Торгу, вызывала большие сомнения. Тем не менее, уже исторические сведения о существовании в XVII в. в городах Руси традиции раздачи бесплатного бульона по церковным праздникам позволили объяснить накопление остатков коровьих черепов прямо на территории Нового Торга (Яворская, 2013).

По нашему предположению, эти костные остатки трижды сменили местоположение в рамках средневекового города. Нереализуемые части голов, оставшиеся на месте разделки коровьих туш (в мясном ряду) переправлялись в расположенные неподалеку харчевни и трактиры для варки бульона. Хорошо вываренные, они в больших количествах накапливались на задних дворах этих заведений. И только после этого массово переносились в культурный слой того же Нового Торга для укрепления грунта под деревянными конструкциями лавок и мостовых. Заметим, что реконструируемый нами путь перемещения костных отбросов обозначил существование в Пскове в XVI–XVII вв. такого явления, которое современные культурологи назвали бы «промышленной пищей» или фастфудом – дешевой едой для бедных, хотя его можно отнести и к меценатству со стороны хозяев мясных лавок и харчевен.

Наше исследование зафиксировало обсуждаемые костные остатки уже в третьем их местоположении на пути перемещений по городскому пространству. Однако, если в одной из первых своих «ипостасей» после варки бульона эти кости были пищевыми отходами, то уже при формировании скопления для костной вымостки они стали одним из видов «строительного сырья».

Совершенно другой аспект процесса формирования неявных скоплений «кухонных» остатков выявило изучение археозоологических материалов из многолетних раскопок средневекового Болгара. Обработка хронологически близких многотысячных выборок костных кухонных остатков, равномерно заполнявших разные районы этого города, привела к расчету типичной для большинства жителей мясной диеты, в которой преобладала говядина – около 70%,

а баранина и конина занимали вторую и третью позиции (около 17 и 13% соответственно) (Яворская, 2015, 2015а).

В противоположность этим расчетам, остеологическая коллекция из центральной части Болгара показала, что здесь в середине XIV в. доля баранины (37%) в мясном потреблении оказалась всего лишь немногим ниже, чем доля традиционного источника белковой пищи – говядины (53%) (Яворская, 2015). Такие различия в объемах потребления баранины основным населением города и жителями центрального участка требовали объяснений. Несомненно, что в центральную часть Болгара в золотоордынский период поступало значительно больше мяса овец. Однако, учитывая, что археологические материалы однозначно указывали на активное развитие здесь кожевенного производства, вряд ли такие масштабные поставки мелкого рогатого скота можно было прямо связать с изменением именно мясного обеспечения. По-видимому, мясные тушки овец оказались «побочным» продуктом от повышенного спроса на обработку шкур этих животных, что самым существенным образом повлияло на соотношения костных остатков домашних копытных в культурных напластованиях центра золотоордынского Болгара.

Предложенную нами версию о превалирующей роли рыночного «кожевенного» фактора в изменении мясной диеты жителей центральной части Болгара подтвердила еще одна выборка, поступившая из существовавшего здесь же, но несколько ранее, ремесленного квартала, который в раннеордынский период (1236–1320-е гг.) объединял металлургическое, гончарное и кожевенное производства. В ней видовой состав домашних копытных почти не отличался от данных по материалам других синхронных коллекций Болгара (Яворская, 2015). Однако анатомический набор остатков МРС был особым: почти 40% в нем составляли лопаточные кости. Часть из них имела следы не только «кухонного» воздействия, но и следы обработки. Трасологическое исследование четырех экземпляров выявило такие особенности их обработки, которые с наибольшей вероятностью указывают на использование этих лопаточных костей как табличек для письма или нанесения знаков (Антипина, Яворская, Ситди-ков, 2015). Очевидно, такие таблички/бирки широко использовались в бытовой культуре Золотой Орды для удовлетворения разнообразных потребностей от торгового делопроизводства до религиозных текстов.

Таким образом, для ремесленного квартала центральной части Болгара нами установлен факт заготовок в период 1236–1320-х годов лопаточных костей из кухонных отбросов для производства костяных табличек. Эти сырьевые запасы существенно изменили не только анатомический набор остатков МРС, но отчасти и весь остеологический спектр коллекции раннеордынского времени.

В итоге мы приходим к убеждению, что кости копытных животных как из вымоستков, так и из других явных скоплений, несмотря на их первичное появление на территории средневековых городов в виде кухонных остатков (Псков XVI–XVIII вв.) и/или отходов при торговле мясом и заготовке шкур (Азак XIV в.), необходимо исследовать уже как самостоятельные объекты, которые использовались горожанами для решения разных бытовых

и производственных задач. Разумеется, такие выборки должны быть исключены из расчетов мясной диеты горожан. Кроме того среди типичных кухонных костных отходов долговременного происхождения могут встречаться и не выявляемые при раскопках концентрации отдельных элементов скелета разных животных в виде сырьевых запасов (лопаточные кости овец в Болгаре XIII–XIV вв.), которые также необходимо отделять от базовых материалов при реконструкции мясного рациона.

Кухонные костные отбросы как показатель интенсивности хозяйственной деятельности горожан

Как мы показали выше, появление скоплений костей животных в культурных напластованиях средневековых городов, как правило, было обусловлено целенаправленными и достаточно одномоментными событиями. В противоположность этому повседневно возникающие в городском пространстве кухонные костные отходы соотносятся уже с более длительными временными периодами и зачастую с не известными нам событиями городской жизни. И снова подчеркнем, что при исследовании этой категории остеологических материалов, археологическая и историческая информация может приоткрыть исследователю, насколько единообразным был бытовой контекст накопления изучаемых кухонных отходов или насколько резко менялась городская жизнь в эти периоды. Эти реперы в свою очередь позволяют более эффективно использовать археозоологические материалы в исторических реконструкциях, в частности, оценивать масштабы и активность городской жизни и даже относительную численность горожан.

Именно такой аспект функционирования золотоордынского Болгара мы смогли исследовать при изучении огромной археозоологической коллекции (около 50 000 фрагментов) из раскопок его центральной части, когда одним из авторов статьи была проведена синхронизация ее составлявших остеологических выборок с культурно-хронологическими горизонтами, выделенными археологами (*Коваль, Бадеев, 2015. С. 193–196*). Важно подчеркнуть, что изучаемые выборки происходили с территории одного и того же раскопа. На фоне сходной естественной сохранности и одинаковой кухонной раздробленности костей животных было зафиксировано изменение по культурно-хронологическим горизонтам абсолютного числа костных остатков. Вместе с тем, полученная структура остеологических спектров по домашним копытным, так же как и анатомические наборы по видам, практически не менялись. Поэтому прослеженную динамику в заполнении культурных напластований кухонными костными отходами на протяжении почти четырех столетий с X по конец XIV в., мы попытались соотнести с изменениями в исторической жизни города (*Яворская, 2015*).

По археологическим данным исследуемый участок центральной части нынешнего Болгара в конце X – начале XI в. был его окраиной, на котором зафиксированы следы железоделательного производства, здесь же было собрано лишь небольшое количество костных кухонных остатков. В последующих слоях предмонгольского периода в течение двух веков (XI – начало XIII в.) количество накапливаемых костных отходов становится больше. Археологами

зафиксировано возникновение здесь жилой застройки, что изменило статус изучаемого участка. Но интенсивность накопления кухонных остатков оставалась весьма невысокой: всего 28 костей в год (Яворская, 2015. С. 241–242. Табл. 2).

Включение Болгара в государство Золотая Орда в середине XIII в. кардинально изменило его статус, что сопровождалось значительными перепланировками и перестройками всего городского пространства. Вблизи изучаемой территории зафиксировано возведение Соборной мечети, что превратило ее в престижную зону. И количество костных кухонных остатков на участках жилой застройки вокруг мечети резко возрастает. Археологи проследили также, что в середине XIV в. данная территория полностью освобождается от прежней застройки под сооружение монументального городского базара (Коваль, Бадеев, 2015, С. 19–197). Для этого периода в одно столетие, отразившегося в нескольких культурно-хронологических горизонтах, рассчитанная нами интенсивность (скорость) накопления кухонных костных отходов составила 150 костей в год.

Дальнейшая история городского базара в Болгаре от его экономического расцвета до руинизации этого монументального архитектурного сооружения сжимается уже до 50 лет. Но несомненно, что в этот период численность населения города и число жителей вокруг базара достигало максимальных цифр. Для этого периода интенсивность накопления костных кухонных отходов была уже около 790 костей в год.

В итоге такого сопоставления выявлено, что и археологические материалы, и остеологические коллекции дают сходную информацию об этапах развития данного участка средневекового Болгара: возрастание объемов кухонных отходов отражает подъем и интенсификацию разнообразной деятельности горожан и роста их численности.

Еще более выпукло изменение функционального статуса конкретной городской территории было зафиксировано при изучении остеологической коллекции из Великого Новгорода (раскоп Кремлевский I 2009–2011 гг. в Кремле), которая включала более 18 тысяч костных фрагментов. Эти материалы составили хронологическую колонку в соответствии с культурными напластованиями конца X – начала XV в.

Согласно археологическому контексту, за эти пять веков функциональный статус небольшого участка Кремлевской территории менялся несколько раз. Однако таксономическая структура «кухонных» остатков оставалась одной и той же.

Рассчитанная нами интенсивность накопления костных кухонных остатков для периодов, когда на исследуемом участке функционировала городская жилая застройка, характеризуется рамками от 15 до 35 костей в год.

Во второй половине XIII в. на данном месте располагалась крупная деревянная восьмигранная в плане постройка. Возможно, это был храм, часть сруба которого выявлена в пределах раскопа. Подчеркнем, что в это время обычные городские жилые постройки здесь отсутствовали. А скорость попадания кухонных костных отходов в эти культурные напластования снижается до 10 костей в год.

На следующем хронологическом этапе (первая половина XIV в.) нами зафиксирован своеобразный пик в накопления костных кухонных отходов: здесь в культурных напластованиях всего за полстолетия сосредоточилось около 10 000 костных фрагментов. Оценка интенсивности этого процесса показывает, что их накопление происходило со скоростью около 200 костей в год. Исторические источники утверждают, что именно в этот период на данном участке кремлевской территории начинает функционировать резиденция новгородского архиепископа – Владычный двор. При новом владыке Феоктисте осуществляется перестройка Кремля, возводятся каменные крепостные стены, что очевидно активизировало жизнь ремесленников и других горожан. На фоне такого исторического контекста крайне любопытным оказалась резко увеличенная доля костей рыб в коллекции этого периода (48–70% от всех костных остатков по четырем пластам) по сравнению с остеологическими выборками других хронологических отрезков этой территории (от 2 до 26%). Такую специфику белковой диеты, характеризующуюся снижением в рационе доли животного мяса и увеличением потребления рыбы, можно объяснить закономерными особенностями кухни Владычного двора, настроенной на традиционную практику соблюдения регулярных коллективных постов.

Выводы:

1. Приведенные выше примеры о разном генезисе намеренных скоплений и равномерно распределенных костных кухонных отходов, которые обнаруживаются в пространстве средневековых городов, однозначно демонстрируют, что такая целостная, привычная и понятная археологам категория «кухонных остатков» оказывается многокомпонентной;

2. Теперь не вызывает сомнений, что городские археозоологические материалы менее всего пригодны для исследования скотоводства, как производственной отрасли, хотя для изучения жизни горожан они являются полноценным археологическим источником;

3. Наша работа с остеологическими коллекциями из разных городов Европейской части России показывает, что базой для реконструкции системы жизнеобеспечения городов и структуры потребления жителями мясных продуктов должны быть значительные по количественному объему остеологические выборки из разных участков памятника;

4. Мы убедились также, что главным и необходимым условием для корректной интерпретации этих материалов является соотнесение всех их составляющих выборок с археологическим контекстом раскопок и имеющейся исторической информацией.

При тщательном изучении археологического контекста и исторической информации археозоологические коллекции могут неожиданным образом «осветить» разные стороны городской жизни – от доказательств наличия тех или иных ремесленных производств до способов благоустройства городского пространства, а также обозначить реперы для оценки численности горожан и интенсивности их различного рода деятельности.

Литература

- Антипина Е. Е., 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М. С. 7–33.
- Антипина Е. Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М. С. 181–190.
- Антипина Е. Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых). М. С. 96–117.
- Антипина Е. Е., Яворская Л. В., Ситдииков А. Г., 2015. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.) // КСИА. Вып. 241. С. 402–408.
- Арицховский А. В., 1949. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 (МИА. № 11). С. 152–176.
- Бочаров С. Г., Масловский А. Н., 2015. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 157. Кн. 3. С. 7–11.
- Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю., 2015. Исследование центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. С. 188–199.
- Петренко А. Г., 1988. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М. С. 254–271.
- Петренко А. Г., Асылгараева Г. Ш., 2003. Археозоологические материалы из раскопок Казанского Кремля. Казань: Ин-т истории АНРТ. 320 с.
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2014. Археологическое изучение торговых площадей русского позднесредневекового города (на примере Нового Торга Пскова) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 3. Казань, 2014.
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., Михайлов А. В., 2016. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопок 2005–2013 гг.) // АИППЗ. Материалы 61-го заседания (2015 г.). Вып. 31. М.
- Строков А., Богусевич В., 1939. Археологическое исследование Новгорода. Новгород.
- Тимонина Г. И., 2002. Сведения о массовых находках рогатого скота в Азаке // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов. С. 223–231.
- Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (МИА. № 51). 184 с.
- Цалкин В. И., 1967. Домашние животные Золотой Орды // Бюл. МОИП. Отделение биологии. Т. 72. С. 114–130.
- Яворская Л. В., 2013. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоол. журн. Т. 92, № 9. С. 1179–1189.
- Яворская Л. В., 2014. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский-II в Пскове // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29. М. С. 42–55.
- Яворская Л. В., 2015. Динамика заполнения костями животных культурных напластований центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей // КСИА. Вып. 237. С. 239–251.
- Яворская Л. В., 2015а. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев. С. 197–207.

*С. А. Галкина, А. Г. Демин, А. В. Пантелеев,
А. С. Дружкова, В. А. Трифионов, Н. В. Григорьева*

Кости домашней курицы из археологических раскопок на территории Северо-Запада России: анализ ископаемой ДНК

*S. A. Galkina, A. G. Demin, A. V. Panteleev, A. S. Druzhkova, V. A. Trifonov,
N. V. Grigorieva.* Domestic Chicken Bones from Archaeological Excavations
in the North-West of Russia: Analysis of Fossil DNA

Abstract. 12 sequences of D-loop of mt DNA from the fossil specimens found on the territory of archaeological sites in Pskov, Staraya Ladoga, Veliky Novgorod and Saint-Petersburg are decoded for the first time. The reconstruction of genetic relations is done and a diagram of relationship between the discovered fossil samples from Western, Central and Southern Europe, as well as representatives of the modern populations of chickens is obtained. It is shown that most of the studied samples have similar mitochondrial haplotype that is relevant in the modern classification to version E1.1. This version can be called typical for the populations of chickens that inhabited the North-Western territory of modern Russia from the 9th to the 18th c.c.

Ключевые слова: птицы, *Gallus Gallus domesticus*, одомашнивание, митохондриальная ДНК, молекулярная археология.

Keywords: poultry, *Gallus Gallus domesticus*, domestication, mitochondrial DNA, molecular archaeology.

Введение. Использование методической базы молекулярной биологии и популяционной генетики в применении к органическим находкам различного происхождения (останки человека и животных, пыльца и семена растений) дает возможность реконструировать и эффективно исследовать структуру ископаемой ДНК возрастом до 40 000 лет, в том числе из сильно загрязненных и подвергшихся термической обработке образцов (*Paabo, 1986; Fu et al., 2013; Дружкова и др., 2015*). Применение методов молекулярной археологии позволяет точно идентифицировать таксономическую принадлежность останков, анализировать родственные связи, выявлять специфические мутации,

связанные с фенотипическим проявлением значимых признаков и детальнее изучать процессы формирования современного разнообразия животных и растительных видов. Установление родственных связей и, как следствие, построение маршрутов миграций особенно существенно при изучении любых одомашненных видов животных и растений, распространение которых невозможно без участия человека. Таким образом, доместифицированные виды животных и растений могут служить биологическими маркерами сельскохозяйственных, торговых и культурных контактов между человеческими сообществами, наряду с предметами материальной культуры. До недавнего времени не представлялось возможным связать ископаемые останки животных с их потенциальными предковыми популяциями из центров одомашнивания, однако методы молекулярной археологии в совокупности с огромным объемом накопленных данных о геногеографии современных животных позволяют заполнить этот пробел. К настоящему моменту выполнены работы по молекулярной археологии собак (*Druzhkova et al., 2013; Frantz et al., 2016*), лошадей (*Schubert et al., 2014; Orlando et al., 2013*), свиней (*Ottoni et al., 2013*), коров (*Scheu et al., 2015*), верблюдов (*Mohandesan et al., 2016*).

Несмотря на имеющиеся находки костей птиц, этот ценный научный материал зачастую остается невостребованным. Между тем, наличие домашних видов птиц и анализ их соотношения с промысловыми видами – важный показатель уровня развития хозяйственной деятельности общества. Так, содержание птиц в северных широтах требует определенных навыков хозяйствования (наличия зерна в количестве, достаточном для появления кормовых излишков, технологии длительного хранения зерна, строительства птичников).

Исследования ископаемых останков птиц сконцентрированы вокруг изучения домашней курицы, как наиболее многочисленного и важного объекта сельского хозяйства в современном мире. Изучение ископаемой ДНК кур, населявших Полинезию, Микронезию и западное побережье Южной Америки позволило уточнить пути расселения человека по островам Тихого океана (*Storey et al., 2007, 2012; Gongora et al., 2008; Thomson et al., 2014*), а также историю птицеводческого хозяйства населения острова Пасхи (*Gering et al., 2015*). В Европе исследования ископаемых кур проводились лишь одной группой исследователей и затрагивали популяции Западной и Южной Европы (*Flink et al., 2014*). Считается, что появление кур в Европе было связано со стремительным распространением потомков всего одной популяции, начиная с III в. до н.э. (*Flink et al., 2014*).

Что касается территории Древней Руси, то наиболее вероятны три пути расселения кур – с запада (из Европы), с востока (из Персии, Индии, Китая) и с юга (через Боспорское царство, Византию) (*Петров, 1962*, цит. по: *Моисеева, 2006*). Птицеводство, в частности разведение кур, было широко распространено в античных государствах Северного Причерноморья середины I тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э. (*Уманская, 1972*), при раскопках кости домашних птиц во множестве находили в помещениях, в мусорных свалках, в погребениях. Нередко встречается и хорошо сохранившаяся скорлупа куриных яиц (*Гайдукевич, 1949; Ливеров, 1959; Кругликова, 1984*).

Точных данных о времени и путях распространения кур по территории северной Евразии в настоящее время нет. Вместе с тем, при остеологическом анализе костного материала археологических памятников выясняется, что курообразные представлены на большинстве ключевых памятниках Русской равнины. Изучение видового состава птиц, соотношение одомашненных и промысловых видов, а также истории формирования и преобразования популяции домашней курицы, актуально для понимания региональных особенностей сложения системы хозяйственной деятельности населения. С целью реконструкции путей распространения домашних кур в эпоху Средневековья и Нового времени на Северо-Западе, была выделена ДНК из ископаемых костей кур, обнаруженных при археологических раскопках Псковского Кремля, Рюрикова городища, Староладожской крепости, Летнего сада и расшифрована последовательность фрагментов D-петли митохондриальной ДНК (мтДНК), что позволило выделить типовой генотип мтДНК в популяциях домашней курицы разновременных памятников региона.

Методика работы

Остеологическая идентификация ископаемых костей кур. Материалом для работы послужили хорошо сохранившиеся бедренные, локтевые и плечевые кости кур, обнаруженные при раскопках на территории Псковского Кремля, Рюрикова городища, Староладожской крепости и Летнего сада (г. Санкт-Петербург) (табл. 1). Идентификацию костей проводили с помощью сравнительной остеологической коллекции лаборатории орнитологии и герпетологии Зоологического института РАН (Санкт-Петербург). Датирование ископаемых объектов определялось стратиграфически, а также, в некоторых случаях, методом радиоуглеродного анализа (на базе Центра коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» СО РАН (Новосибирск) и лаборатории AMS Университета Аризоны (США).

Выделение ДНК из ископаемых костей кур. Выделение ДНК из ископаемых костей кур выполнялась с учетом всех мер предупреждения возможной контаминации современной ДНК и с соблюдением критериев аутентичности древней ДНК (Hofreiter et al., 2001; Willerslev, Cooper, 2005) на базе лаборатории сравнительной геномики Института молекулярной и клеточной биологии СО РАН (Новосибирск). Около 0,5 г костного порошка, полученного механическим истиранием фрагментов от каждого образца, промывали раствором 0,5 М ЭДТА с 0,5% лауроилсаркозином натрия, а затем инкубировали 2,5 часа при 55 °С в лизирующем буфере (0,5 М ЭДТА, 0,5% лауроилсаркозин натрия, 5 нг/мл протеиназы К). Не поддающиеся лизису фрагменты отделяли длительным центрифугированием при 7500 об/мин. Избирательную сорбцию ДНК из надосадочной жидкости проводили с помощью силикатных шариков и коммерческих буферов SiBB и SiWB (ThermoFisher Scientific, UK). С поверхности силикатных шариков ДНК экстрагировали коммерческим буфером EB для элюции (ThermoFisher Scientific, UK). Полученный раствор ДНК в дальнейшем подвергали дополнительной очистке с использованием коммерческого

Таблица 1

Ископаемые кости кур, использованные для выделения ДНК

Археологический сайт	Кость, № образца	Датировка
Великий Новгород, Рюриково городище, черный слой (раскопки 2009 г.)	ulna, 1	Стратиграфия: IX–XII вв. Радиоуглерод: 829 ± 45 г. cal. В.Р. 1σ calibration; NSF Arizona AMS Facility, no. 00737
Санкт-Петербург, Летний сад (раскопки 2010–2011 гг.)	humerus, 3	Стратиграфия: XVIII в. Радиоуглерод: 1752 ± 29 г. cal. В.Р. 1σ calibration; NSF Arizona AMS Facility, no. 00738
Старая Ладога, Земляное городище (раскопки 1939 г.)	humerus, 23	Стратиграфия: X–XII вв.
	ulna, 6s	- // -
Старая Ладога, Раскатная башня (раскопки 2015 г.)	humerus, 1s	Стратиграфия: кон. IX – нач. XII в.
	ulna, 2s	- // -
	humerus, 3s	- // -
	humerus, 4s	- // -
	humerus, 5s	- // -
Псков (раскопки 1994–2004 гг.)	humerus, 2	Стратиграфия: XVIII в. Радиоуглерод: 1757 ± 25 г. cal. В.Р. 1σ calibration; NSF Arizona AMS Facility, no. 00736
	ulna, 7s	Стратиграфия: XVIII в.
	femur, 10s	- // -

набора реактивов «PCR purification kit» согласно протоколу фирмы-изготовителя (Qiagen, USA).

Амплификация и секвенирование гипервариабельного участка D-петли митохондриальной ДНК. Полиморфизм последовательностей ДНК в настоящее время широко используется для исследования генетического разнообразия и происхождения одомашненных животных. В молекулярной археологии это, главным образом, высоко вариабельные последовательности D-петли мтДНК, которые предпочтительны для идентификации предполагаемых диких предков одомашненных видов, числа материнских линий и их географического происхождения.

Амплификацию гипервариабельного участка D-петли мтДНК из ископаемых костей кур мы проводили методом полимеразной цепной реакции (ПЦР) с использованием высокоточной полимеразы Phusion (ThermoFisher Scientific, UK) и праймеров, подобранных к перекрывающимся районам фрагмента 141–559 пар нуклеотидов от начала D-петли (Storey et al., 2007, 2012, наши данные):

141F: 5'ACCCATTATATGTATACGGGCATTTAA,

316R: 5'AACCATTCATAGTTAGGAGACTTGTT,

419R: 5'GTTGCTGATCTCTCGTGAGGT;

221F: 5'CATTCACCCTCCCCATAGACAG,

368R: 5'CGAGCATAACCAAATGGGTTAGA;

316F: 5'AACAAGTCACСТААСТАТГААТGGTTAC,

533R: 5'AGTTATGCATGGGATGTGCCTGACCGA.

ПЦР проводили в термоциклере MJ Mini (BioRad, США) по протоколу: 98 °C – 3 мин; (98 °C – 10 сек, 58 °C – 25 сек, 72 °C – 10 сек) × 30 циклов;

72 °C – 10 мин. Полученные фрагменты D-петли секвенировали, используя набор BigDye® Terminator v3.1 Cycle Sequencing Kit (Applied Biosystems, USA) и секвенатор 3500xL Genetic Analyzer (Applied Biosystems, USA).

Таким образом были расшифрованы последовательности гипервариабельного района D-петли мтДНК из 12 ископаемых образцов. Выравнивание первичных последовательностей ДНК проводили в программе BioEdit v.7.1.3.0 (Hall, 1999); для поиска сходных нуклеотидных последовательностей были использованы приложение BLAST и открытые базы данных Национального центра биотехнологической информации (США, <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/>). Расшифрованные нами последовательности были внесены в базу данных NCBI GenBank (## KP307147-KP307150) и включены в филогенетический анализ.

Филогенетический анализ. Выделение типового гаплотипа мтДНК

Конструирование филогенетической сети (рис. 1) для оценки эволюционных взаимосвязей между исследуемыми гаплотипами выполнялось в программе Network 4.6 (<http://www.fluxus-engineering.com/index.htm>) способом медианного объединения (Median Joining) (Bandelt et al., 1999). Для создания матрицы нуклеотидных последовательностей использовалась программа MEGA 6.06 (Tamura et al., 2013). Для построения сети, помимо полученных нами последовательностей ископаемой ДНК, были использованы данные о структуре D-петли мтДНК представителей ряда традиционных пород кур: орловская, юрловская, павловская, узбекская, русская белая и голошейная – всего 83 последовательности (Dyomin et al., 2016), а также 32 последовательности, относящиеся к типовым митохондриальным гаплотипам кур, представляющим гаплогруппы А, В, С1, С2, С3, D, E1, E2, E3, D, G, F, H, I, X, W по международной классификации, предложенной Миао с соавторами (Miao et al., 2013).

Дополнительно в анализ было включено 80 последовательностей D-петли, полученных из ископаемых образцов курицы с территории Великобритании, Германии, Греции и Австрии (Flink et al., 2014). Образцы, использованные в данной работе, относятся ко II в. до н.э. – XVIII в. н.э.

На полученной схеме (рис. 1) исследованные гаплотипы формируют 15 основных узлов, соответствующих различным гаплогруппам мтДНК кур. За исключением единственного образца из Пскова (относится к гаплогруппе С1), все проанализированные ископаемые последовательности принадлежат гаплогруппе E1 и представлены четырьмя близкими гаплотипами. При этом подавляющее число образцов из Пскова и Старой Ладogi относятся к гаплотипу E.1.1. Этот вариант мтДНК кур является наиболее распространенным в Европе и отмечается со II в. до н.э. Остальные гаплотипы отличаются от него одной или двумя мутациями. Большинство изученных нами образцов ископаемых костей кур относятся к IX–XII вв. Их генетическое сходство указывает на существование в это время в пределах северо-западных территорий популяции кур, представленной генетически родственными особями, что является признаком их устойчивого самовоспроизведения, возможного только при ведении птицеводческого хозяйства.

Заключение. На основании анализа 12 секвенированных последовательностей D-петли мтДНК ископаемых костей, обнаруженных на разновременных памятниках, можно заключить, что гаплотип E1.1 является типовым для популяции

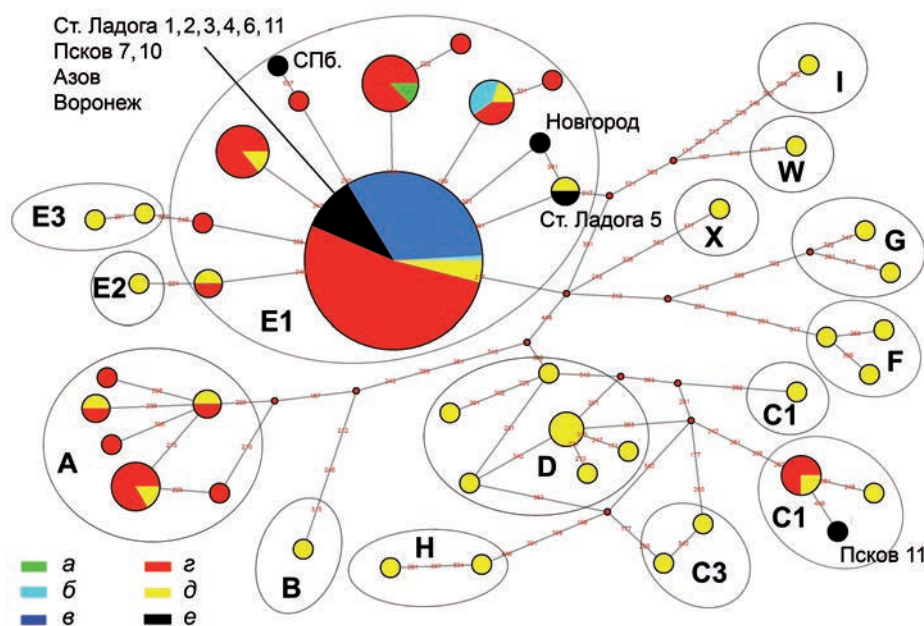

Рис. 1. Генетическая сеть, демонстрирующая связь ископаемых и современных гаплотипов домашней курицы. А, В, С1, С2, С3, D, E1, E2, E3, D, G, F, H, I, X, W – гаплогруппы мтДНК кур по международной классификации, предложенной Миао с соавторами (Miao et al., 2013). Диаметр кругов пропорционален числу образцов с данным гаплотипом, длина ветвей – количеству мутаций между ними. Цифрами обозначены позиции мутаций относительно начала D-петли. Условные обозначения: *a* – ископаемые образцы: Великобритания, 1500–1800 н.э. (Flink et al., 2014); *б* – ископаемые образцы: Великобритания, 1000–1400 н.э. (Flink et al., 2014); *в* – ископаемые образцы: Германия, Австрия, Великобритания, 200 до н.э. – 400 н.э. (Flink et al., 2014); *z* – представители современных российских пород кур; *д* – последовательности мтДНК, маркирующие современные гаплогруппы кур; *е* – ископаемые образцы кур европейской части России

кур, распространенной на территории Северо-Запада России с IX по XVIII вв. Наблюдаемое распределение гаплотипов позволяет аргументировано предположить, что генофонд популяций кур в исторический период формировался на базе генетически гомогенной популяции, представленной носителями гаплотипа E1.1. На территории современного Северо-Запада России, Западной, Центральной и Южной Европы данная популяция распространилась не позднее IX в.н.э. Экспансия других вариантов гаплогруппы E1, а также гаплогруппы C1 в генофонды популяций кур Северо-Запада России началась позже и связана с налаживанием активных торговых связей с Юго-Восточной Азией, а также началом целенаправленной селекции пород в России и странах Западной Европы.

Благодарности: Авторы выражают признательность сотрудникам ресурсных центров «ЦКП Хромас», «Развитие молекулярных и клеточных технологий» Научного парка Санкт-Петербургского государственного университета, а также «Геохронология кайнозоя» СО РАН (Новосибирск).

Литература

- Гайдукевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Дружкова А., Воробьева Н., Трифонов В. и др., 2015. Древняя ДНК: итоги и перспективы: (к 30-летию начала исследований) // Генетика. Т. 51. № 6. С. 627.
- Кругликова И. Т., 1984. Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья. М. С. 154–161. (Археология СССР).
- Ливеров П. Д., 1959. К вопросу о времени одомашнивания курицы // СА. № 2. С. 232.
- Мусеева И. Г., 2006. Породы кур и их генофонды // Генофонды сельскохозяйственных животных: генетические ресурсы животноводства России. М. С. 229–388, 411–432, 462–467.
- Петров С. Г., 1962. Происхождение и эволюция сельскохозяйственной птицы // Сельскохозяйственная птица. Т. 1. М. С. 800–810.
- Уманская А. С., 1972. Домашние птицы из археологических памятников Украины // Природная обстановка и фауны прошлого. Вып. 6. Киев. С. 71–95.
- Bandelt H.-J., Forster P., Rohlf A., 1999. Median-joining networks for inferring intraspecific phylogenies // Mol. Biol. Evol. № 16. P. 37–48.
- Druzhkova A. S., Thalmann O., Trifonov V. A. et al., 2013. Ancient DNA analysis affirms the canid from Altai as a primitive dog // PLoS One. Vol. 8. e57754.
- Dyomin A. G., Danilova M. I., Mwacharo J. M. et al., 2016. Mitochondrial DNA D-loop haplogroup contributions to the genetic diversity of East European domestic chickens from Russia // J. Anim. Breed Genet. doi: 10.1111/jbg. 12248.
- Flink L. G., Allen R., Barnett R. et al., 2014. Establishing the validity of domestication genes using DNA from ancient chickens // Proc. Nat. Acad. Sci. USA. Vol. 111. P. 6184–6189.
- Frantz L. A., Mullin V. E., Pionnier-Capitan M. et al., 2016. Genomic and archaeological evidence suggest a dual origin of domestic dogs // Science. Vol. 352. № 6290. P. 1228–1231.
- Fu Q., Mittnik A., Johnson P. L. et al., 2013. A revised timescale for human evolution based on ancient mitochondrial genomes // Cur. Biol. Vol. 23. № 7. P. 553–559.
- Gongora J., Rawlence N. J., Mobegi V. A. et al., 2008. Indo-European and Asian origins for Chilean and Pacific chickens revealed by mtDNA // Proc. Nat. Acad. Sci. Vol. 105. № 30. P. 10308–10313.
- Gering E., Johnsson M., Willis P. et al., 2015. Mixed ancestry and admixture in Kauai's feral chickens: invasion of domestic genes into ancient Red Junglefowl reservoirs // Mol. Ecol. Vol. 24. № 9. P. 2112–2124.
- Hall T. A., 1999. BioEdit: a user friendly biological sequence alignment editor and analysis program for Windows 95/98/NT // Nucl. Acid. Symp. Ser. № 41. P. 95–98.
- Hofreiter M., Jaenicke V., Serre D. et al., 2001. DNA sequences from multiple amplifications reveal artifacts induced by cytosine deamination in ancient DNA // Nucl. Acid. Res. Vol. 29. № 23. P. 4793–4799.
- Miao Y.-W., Peng M.-S., Wu G.-S. et al., 2013. Chicken domestication: an updated perspective based on mitochondrial genomes // Hered. (Edinb). № 110. P. 277–282.
- Mohandesan E., Speller C. F., Peters J. et al., 2016. Combined hybridization capture and shotgun sequencing for ancient DNA analysis of extinct wild and domestic dromedary camel // Mol. Ecol. Resour. doi: 10.1111/1755-0998.12551.
- Orlando L., Ginolhac A., Zhang G. et al., 2013. Recalibrating Equus evolution using the genome sequence of an early Middle Pleistocene horse // Nature. Vol. 499. № 7456. P. 74–78.
- Ottoni C., Flink L., Evin A. et al., 2013. Pig domestication and human-mediated dispersal in Western Eurasia revealed through ancient DNA and geometric morphometrics // Mol. Biol. Evol. Vol. 30. № 4. P. 824–832.

- Pääbo S.*, 1986. Molecular genetic investigations of ancient human remains // Cold Spring Harbor symposia on quantitative biology. Cold Spring Harbor Laboratory Press. Vol. 51. P. 441–446.
- Scheu A., Powell A., Bollongino R.* et al., 2015. The genetic prehistory of domesticated cattle from their origin to the spread across Europe // BMC Genet. Vol. 16. № 54. doi: 10.1186/s12863-015-0203-2.
- Schubert M., Jónsson H., Chang D.* et al., 2014. Prehistoric genomes reveal the genetic foundation and cost of horse domestication // Proc. Nat. Acad. Sci. USA. Vol. 111. № 52. P. E5661–9.
- Storey A. A., Ramírez J. M., Quiroz D.* et al., 2007. Radiocarbon and DNA evidence for a pre-Columbian introduction of Polynesian chickens to Chile // Proc. Nat. Acad. Sci. USA. Vol. 104. P. 10335–10339.
- Storey A. A., Athens J. S., Bryant D.* et al., 2012. Investigating the global dispersal of chickens in prehistory using ancient mitochondrial DNA signatures // PLoS One. 7: e39171.
- Tamura K., Stecher G., Peterson D.* et al., 2013. MEGA6: Molecular evolutionary genetics analysis version 6.0 // Mol. Biol. Evol. № 30. P. 2725–2729.
- Thomson V. A., Lebrasseur O., Austin J. J.* et al., 2014. Using ancient DNA to study the origins and dispersal of ancestral polynesian chickens across the pacific // Proc. Nat. Acad. Sci. Vol. 111. № 13. P. 4826–4831.
- Willerslev E., Cooper A.*, 2005. Review paper. ancient DNA // Proc. of the Royal Soc. of London. B: Biol. Sci. Vol. 272. № 1558. P. 3–16.

Р. Йонайтис

Об одной составляющей настольных игр. К постановке проблемы

R. Jonaitis. On One Constituent of the Table Games. To the Problem Definition

Abstract. The excavations in Bokšto street, 6 in Vilnius revealed 5 bone chips of pyramidal shape. Prior to this only two such chips – one from the hillfort of Punia, the other from the artisans quarter belonging to the bishop were known in Lithuania. Typically, these chips are cut on the top. On the tops or at the sides there is a sign in the form of “X”, “+” or just a few dots on the game bones. The chips date back to the end of the 16th – 17th centuries. In this article we try to answer some questions connected with the pyramidal chips: what do symbols, carved into the upper planes, mean? What game or games can they be connected with? Why were 5 chips found in one place? How could they get there? The assumption about the relationship and the emergence of the pyramidal chips in Lithuania with the Gosievsky family is made.

Ключевые слова: костяные фишки, настольные игры, позднее средневековье.

Keywords: bone chips, table games, the later middle ages.

Обычно в письменных источниках мы находим незначительные сведения и намеки на то, в какие настольные игры играло средневековое общество. Чаще всего называются горожане или представители знати. В этих источниках упоминаются самые популярные настольные игры – шахматы, шашки, игровые кости, карты (*Blaževičius*, 2011. Р. 5–6). То же самое можно сказать и об иконографических источниках – в большинстве своем в них отражаются шахматы, кости, нарды. Другие игры упоминаются редко, хотя, без всякого сомнения, люди играли и в алькерк, и в мельницу, и другие настольные игры, в которых использовались разного рода фишки. Поэтому находки костяных фишек пирамидальной формы при раскопках на ул. Бокшто в Вильнюсе, заслуживают отдельного внимания.

История настольных игр с применением разного рода фишек берет свое начало в начале II тыс./до н.э. в Иране, Палестине, Индии (*Blaževičius* 2011. Р. 131). Разновидность фишек менялась вместе с разнообразием настольных игр. На рубеже I и II тысячелетий разного рода фишки широко распространились по всей Европе. При росте популярности и разнообразности настольных игр росло разнообразие

и самих фишек. Использовались фишки самых разнообразных форм – зооморфные, цилиндрические, шарообразные и др. (Fitta, 1998. Р. 131–174). В Европе в Средние века были довольно популярны фишки в форме полушария, они были обнаружены на большей части Западной Европы, вдоль Днепро-Двинского торгового пути, в Скандинавии (Blaževičius, 2011. Р. 131). Однако наиболее популярными являлись фишки в форме невысокого цилиндра, самые простые из которых изготавливались из обыкновенных осколков бытовой керамики (Blaževičius, 2011. Р. 131). Такие фишки использовались с античных времен вплоть до XVIII в. Чаще фишки такой формы изготавливались из рога или кости. Примерно с XI–XII вв. такие фишки орнаментированы. В литовском археологическом материале чаще всего встречаются фишки в форме невысокого цилиндра, сделанные из рога или кости, орнаментированные концентрическими кругами. Таких фишек на сегодняшний день обнаружено 25 (Blaževičius, 2011. Р. 132).

Но мы хотим остановиться на фишках пирамидальной формы. Обычно такие фишки бывают со срезанной вершиной. На месте срезанной вершины или по бокам вырезан знак – «X» или несколько точек, как на игровых костях. Такие фишки обычно сделаны из рога, встречаются и костяные.

Такие фишки редки в археологическом материале Литвы (рис. 1). До широкомасштабных исследований на улице Бокшто подобных фишек в Литве было найдено всего 2 – одна на городище Пуня, вторая – в Старом городе Вильнюса. Во время археологических раскопок на ул. Бокшто 6 в Вильнюсе были найдены еще пять (!) таких фишек, что вызвало немало вопросов: почему именно здесь такая большая концентрация этих находок, с какой конкретной или конкретными играми они могут быть связаны? Оставался открытым и вопрос датировки. На эти и другие вопросы, связанные с фишками пирамидальной формы, мы и попытаемся ответить в этой статье.

Первый из рассматриваемых нами экземпляр был найден при раскопках городища Пуня – в центральной части Литвы, в слое конца XVI–XVII вв. (рис. 2: 1). В то время на городище располагался большой феодальный дворец (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1974. Р. 48). Надо отметить, что, вероятнее всего, сам дворец мог принадлежать роду Госиевских¹ (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1974. Р. 73). Письменные источники свидетельствуют о том, что этот знатный род здесь правил дольше всего. Это подтверждается и многочисленными находками изразцов с гербом Госиевских.

Почему мы обращаем особое внимание на род Госиевских? Дело в том, что в свое время одними из правителей комплекса зданий на улице Бокшто были именно Госиевские (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). К вкладу Госиевских в этот значимый для города комплекс мы обратимся позже. Вернемся непосредственно к фишке с городища Пуня. Руководитель раскопок в своей книге, посвященной истории и археологии городка Пуня, выделяет находку и дает подробное ее описание. Изделие четырехугольное, пирамидальной формы,

¹ В историографии нередко фамилия этого рода пишется через Н – Гонсиевские. Так пишет автор монографии о городище Пуня (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1974). Правильное правописание должно быть без буквы Н – Госиевские (*Tyla*, 2005).

Рис. 1. Места находок фишек пирамидальной формы на территории Литвы.

1 – Городище Пуня; 2 – Вильнюс

с полированной поверхностью. Размеры нижней части 8×8 см. Верхняя часть украшена двумя пересекающимися линиями и тремя асимметрично расположенными точками (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1974. Р. 70). По утверждению автора, в результате исследования в Ленинградском отделении ИА АН СССР было установлено, что нижняя часть фишки исцарапана в разных направлениях, а верхняя часть отполирована в результате того, что фишку многократно трогали пальцами (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1974. Р. 70). Автор раскопок датирует культурный слой, в котором была найдена фишка, концом XVI–XVII в. (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1974. Р. 47).

Другая фишка была найдена во время исследования квартала ремесленников на территории дворца епископов в Вильнюсе (рис. 2: 2). В этом квартале жили «люди епископа», ремесленники, выполнявшие непосредственно его заказы. При раскопках выявлены усадьбы ювелира и гончара (*Luchtanienė*, 2000. Р. 46). Костяная фишка была обнаружена в раскопе на периферии комплекса, в культурном слое, датируемом XVI в. (*Luchtanienė*, 1997). Изготовлена из рога, пирамидальной формы со срезанной верхушкой. На верхушке высверлено пять дырочек диаметром 4 мм, они расположены так, как на игровых костях. Размер основания фишки 50×60 мм, вершины – 22×22 мм (*Luchtanienė*, 1997). Стенки изделия отполированы от долгого пользования.

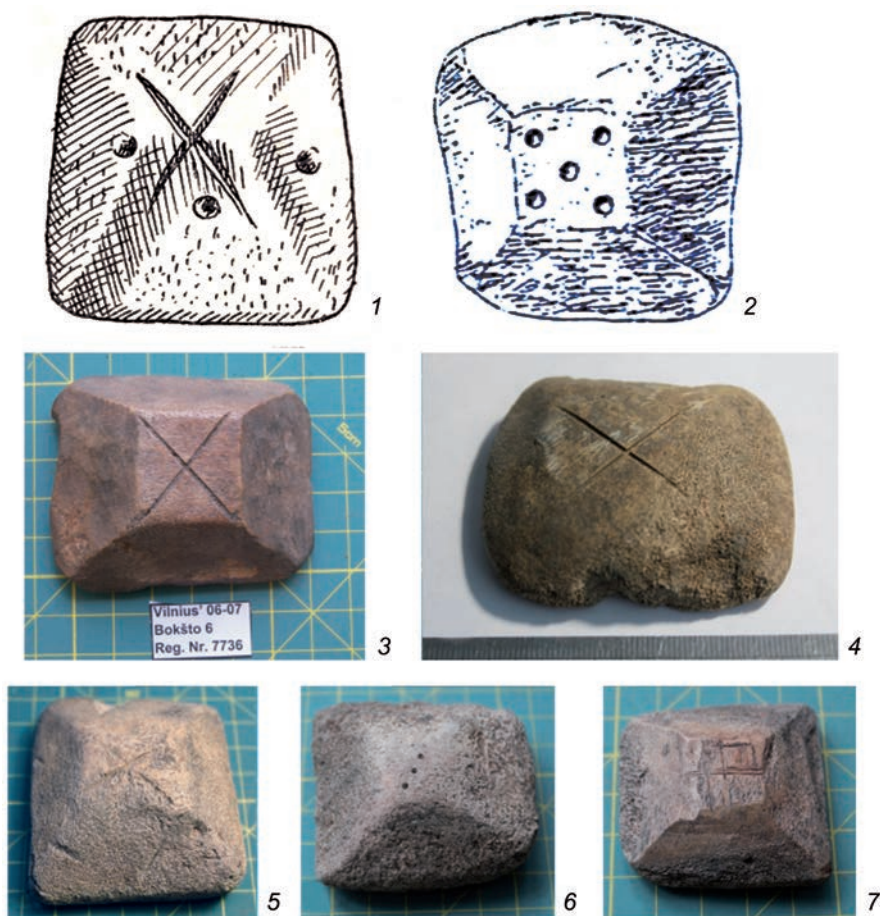

Рис. 2. Фишки пирамидальной формы найденные на территории Литвы.
 1 – Городище Пуня (по *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1974); 2 – Территория резиденции
 Вильнюсских епископов (по *Luchtanienė*, 2000); 3 – Ул. Бокшто, 6. Раскопки 2006 г.;
 4 – Ул. Бокшто, 6. Раскопки 2011 г.; 5–7 – Ул. Бокшто, 6. Раскопки 2012 г.
 (3–7 – фото Р. Йонайтиса)

Перейдем теперь к фишкам, найденным при раскопках на ул. Бокшто. Как уже упоминалось, за несколько сезонов раскопок обнаружено пять таких фишек. 4 фишки были найдены на небольшой территории, в самой северной части комплекса. Одна из них найдена в здании, остальные три – в маленьком дворике, на локальной территории площадью в несколько квадратных метров. Пятая фишка была найдена в восточном дворе поодаль от всех остальных (рис. 3).

Первый экземпляр был найден при раскопках в 2006 г. (*Jonaitis*, 2009). Обнаружена была в одном из помещений северо-западного корпуса (рис. 2: 3). По своей форме очень напоминает фишку, охарактеризованную предыдущей, ее размер 57×66 мм. На верхней плоскости изображен знак в виде буквы «X». Сама фишка обнаружена в перемешанном слое, датированном с конца XVI до начала XIX в.

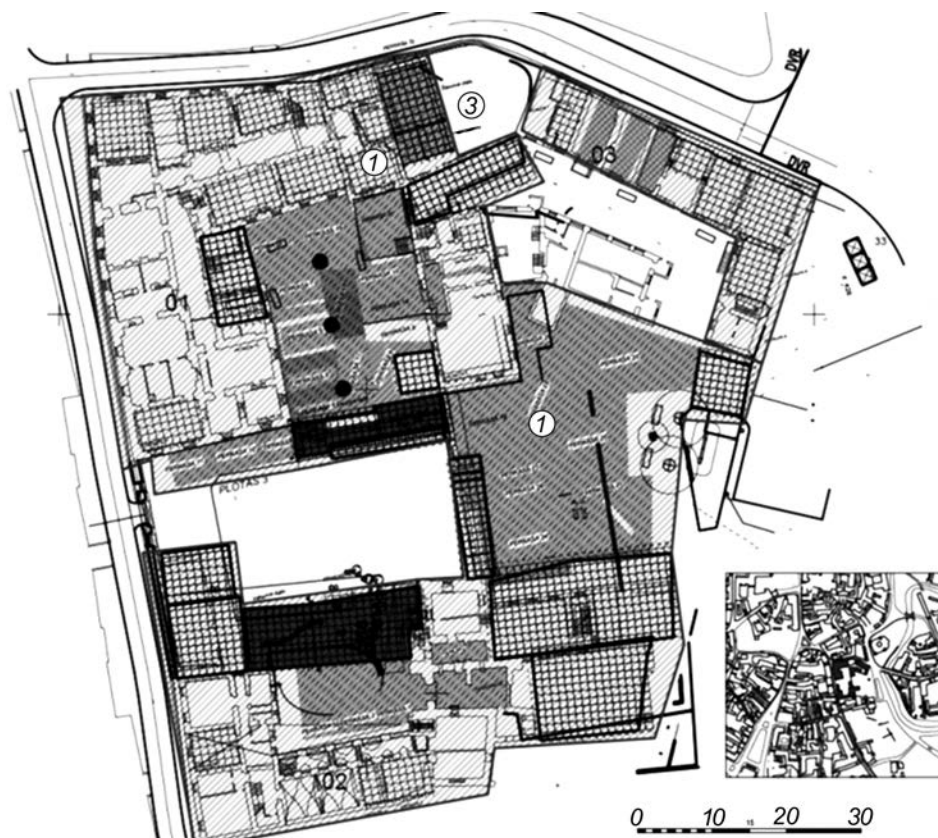

Рис. 3. План раскопок комплекса на ул. Бокшто 6. Цифрами обозначены местонахождения фишек пирамидальной формы (количество штук)

Во время раскопок в 2011 г. (руководитель Р. Йонайтис) в восточном дворе была обнаружена еще одна фишка пирамидальной формы (рис. 2: 4). Основание фишки 57×65 мм, высота 16 мм. На верхней части вырезан знак из двух пересеченных линий, напоминающий букву «X». Фишка сделана из рога, найдена в перекопанном слое, предварительно датированном XVI–XVII вв.

При раскопках в 2012 г. (Kaplūnaitė, 2014) были обнаружены еще 3 фишки – все они были найдены в небольшом внутреннем дворе в северной части комплекса. Первая из них довольно большая – в основании 64×69 мм, верхняя плоскость 34×34 мм, высота изделия 28 мм (рис. 2: 5). На верхней плоскости, как и на предыдущей фишке – знак из вырезанных двух пересеченных линий, подобный букве «X». Фишка сделана из рога, вероятнее всего оленьего.

Второй экземпляр, найденный в 2012 г., чуть меньше предыдущего – размер подножья 62×54 мм, верхняя плоскость 23×23 мм, высота 25 мм (рис. 2: 6). На верхней плоскости изображен знак из трех высверленных точек в одной линии, как на игровых костях. Фишка сделана из рога оленя.

Последний образец – самый маленький из всех (рис. 2: 7). Размеры основания 44×47 мм, верхняя плоскость 16×16 мм, высота 17 мм. На верхней плоскости знак из двух пересекающихся линий, но на этот раз знак имеет не форму буквы «X» как на предыдущих, а форму «+». На первый взгляд может показаться, что мастер, изготовлявший фишку, хотел пометить ее свастикой, но при более подробном осмотре определяется просто «+». «Свастикой» знак может казаться из-за того, что линии на фишке вырезаны (выцарапаны) не очень аккуратно. Как и другие фишки, эта сделана из рога оленя.

Такова вся коллекция фишек. Как видно, все они сходны и по размерам, и по форме – все они (кроме найденной на городище Пуня) пирамидальной формы со срезанными вершинами. Друг от друга их отличают знаки, вырезанные на верхних плоскостях. Это является, на наш взгляд, одним из основных моментов. На четырех из семи фишек присутствует знак «X» (на фишке из городища Пуня кроме «X» присутствуют и три точки, высверленные на трех разных плоскостях-гранях). На одной фишке выцарапан знак «+», на остальных двух высверлены по три и пять точек соответственно. Но что означают все эти знаки? Может быть, этими знаками помечались фишки, чтобы не перепутать с остальными? Но почему тогда одинаковые знаки в форме «X»? Может быть, знаки использовались для подсчета – собственно фишки с точками. Но как сочетается с этим знак «X», не говоря уже о фишке с комбинированным орнаментом? Мы все же склоняемся к мысли, что эти знаки или просто помечали фишку, чтобы ее не перепутать с другими или в какой-то мере для подсчета очков.

Можно предполагать, что прототип этих фишек пришел из Византии. В коллекции из византийского Херсона присутствуют костяные «игральные шашки» IX–XII вв. (рис. 4). Все они имеют форму «сплющенного» цилиндра (лишь одна подквадратная со скругленными углами), на всех присутствует комбинированный орнамент в виде знака формы «X» и нескольких точек; средние размеры – 3×4 см (Меч и златник... С. 202). Особенно близка к византийским находкам фишка из городища Пуня. Но надо также иметь в виду, что знак «X» – это очень универсальное изображение. Обобщая, можно сказать, что вопрос о значении орнаментов на пирамидальных фишках остается открытым. Для точного ответа на этот вопрос на данный момент не хватает данных.

Исходя из исторических данных, в которых упоминаются настольные игры на территории Литвы, определенно можно сказать, что они стали популярными с XVI в. Наибольшую популярность настольные игры приобрели в слоях высшего правящего класса, элиты. Этому не противоречат и находки фишек в Литве. Все они найдены в культурных напластованиях XVI–XVII вв. Некоторые найдены в перемешанном культурном слое, но нижние даты этих отложений – определенно XVI в. Имея только эти данные, мы можем сделать некоторые предположения по датировке. Можно предположить, что самая ранняя из литовских фишек – это фишка, найденная на городище Пуня. Она больше всего схожа с византийскими фишками. Другие литовские пирамидальные фишки – пирамидки со срезанной верхушкой – могут быть более поздними. Насколько раннюю дату имеет фишка с городища и насколько поздними являются остальные, пока ответить трудно.

Рис. 4. Игральные шашки из византийского Херсона (по: Меч и златник... С. 202, № 522)

Еще один интересующий нас вопрос, связанный с пирамидальными фишками – это принадлежность этих фишек к определенной настольной игре или играм. Пока отдельно найденные разного рода фишки невозможно сопоставить с той или иной игрой (за исключением шахмат). Чтобы понять, с какой игрой пирамидальные фишки могут быть связаны, нужно обратиться к доскам для настольных игр. Игровые доски являются еще более редкой находкой – в Литве их найдено несколько, в основном на территории Вильнюсских замков (*Blaževičius*, 2011). Как видно из иконографии, доски довольно большие, почти в человеческий рост.

Это отчасти соответствует и размеру рассматриваемых фишек. Конечно, нужно иметь в виду, что доски могут быть изображены увеличенными, с акцентом на самой настольной игре, уделяя ей особое место, а в действительности же найденные доски имеют гораздо меньшие размеры. Возможно предположить (сопоставив величину фишек и большое количество одинаковых знаков на верхних плоскостях), что фишки пирамидальной формы могут быть связаны со всем хорошо известной игрой «мельница», но это лишь предположение.

Еще один немаловажный вопрос – почему пять из семи находок обнаружены в определенном месте (Бокшто, 6) на локальной территории (маленький внутренний дворик в северной части комплекса)? Использовались ли пирамидальные фишки здесь, на месте, или же были перемещены с другого места?

Тут нам могут помочь исторические данные по комплексу на ул. Бокшто, тем более, что письменные источники по комплексу на ул. Бокшто, 6 собраны весьма досконально (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). Рассмотрим исторические данные по всему комплексу и более подробно остановимся на истории северной и северо-западной части комплекса – там, где были обнаружены интересующие нас фишки.

Весь комплекс на ул. Бокшто, 6 занимают исторические посessions № 93 и № 94². До 1999 г. на территории комплекса действовала самая старая

² *Посession* в данном контексте – участок земли, принадлежавший одному владельцу. В городах посession узким концом соединялись с площадью или с улицей. Посession № 93 занимала юго-восточную часть комплекса (там, где сейчас находится корпус № 2), а вся остальная территория комплекса по ул. Бокшто, 6 принадлежала посession № 94.

больница Вильнюса, в историографии называемая больница Савичяус (Савичь) (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). Основным ядром больницы, с которого началось формирование нынешнего комплекса, было имение (корпус в северо-западной части) Смоленского епископа Богуслава Корвин Госиевского. В другой части, в северо-восточном углу комплекса, граничили три владения: к северу – владения митрополита, к востоку – владения епископа, а к западу и югу простирались владения Вильнюсского магистрата. Судя по историческим данным, северо-восточная часть комплекса является самой ранней – первое упоминание относится к 1410 г. (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). В 1410 г. королевский ключник Григорий Громыка получил привилегию на постройку усадьбы, также он получил право держать здесь корчму. В начале XVI в. вдоль нынешней улицы Ишганитоё (северная черта комплекса) стояло несколько зданий, которые принадлежали Настасии Громыкайте. В 1533 г. она подарила два здания своему мужу Оникею Горностаю (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). В 1551 г. он передал всё в дар своему зятю князю Иоанну Крошинскому. В 1740 г. владения перешли в собственность Смоленского виночерпия и старосты города Укмярге Хилария Цишкевича (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). Судя по описям XVIII в., эта территория с одной стороны граничила с улицей Ишганитоё и Спасскими воротами, с другой стороны – с владениями епископа Госиевского. В 1536 г. северо-западная часть будущего комплекса принадлежала имению Александра Ходкевича. В конце XVII в. или в начале XVIII в. владения, именуемые усадьбой, принадлежали Слушкам. От них эту усадьбу и унаследовал епископ Госиевский. В 1744 г. епископ Госиевский по завещанию передал свою усадьбу и скупленные владения, находившиеся рядом, больнице для бедных (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). Южная часть комплекса, бывшая посессия № 93, была сформирована из нескольких владений. В XVI в. упоминаются два дома, которые в 1536 г. купил канцлер Великого княжества Литовского Альберт Гоштвот. В 1551 г. канцлер передал в дар все владения своему секретарю Станиславу Комаровскому. В 1600 г. упоминаются три владельца, в 1639 г. – владелец Томас Мациевский, в 1720 г. – жена каштеляна города Новогрудка Елизавета Францкявичене (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). В 1812 г. эта посессия со всеми на ней стоявшими зданиями была присоединена к уже действующей больнице, тем самым завершив формирование нынешнего комплекса на улице Бокшто, 6. Как видно, все или почти все владельцы разных частей данной территории принадлежали к знатным родам – а настольные игры были популярны именно среди представителей элиты. Итак, можно предполагать, что все найденные фишки могли быть использованы именно здесь.

Последний вопрос касается появления таких фишек в Литве. Места обнаружения фишек на территории Литвы также объединяет тот факт, что в число владельцев этих мест входили представители рода Госиевских. Согласно письменным источникам, одними из владельцев имения на городище были Госиевские (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1974. Р. 73), они правили здесь в XVII в. Место, где найдена вторая фишка – территория резиденции Вильнюсских епископов с 1543 по 1794 г. (*Drėma*, 1991. Р. 214). В первой половине XVI в. рядом с резиденцией был основан квартал ремесленников, уже упомянутых

«людей епископа». Хотя один из представителей этого рода Богуслав Корвин Госиевский был епископом Смоленским и представителем Вильнюсского епископства в Белоруссии, он жил здесь в Вильнюсе (Tyla, 2005. P. 14). Большинство вильнюсских пирамидальных фишек было найдено на ул. Бокшто, 6 – на территории комплекса, который в конце XVII в. унаследовал упомянутый епископ Госиевский. Не могли ли эти фишки распространиться в Литве с родом Госиевских? Тут надо учесть один немаловажный аспект – датировку. Время правления епископа – это конец XVII – начало XVIII в. Все найденные фишки попадают в период конца XVI–XVII в. Объяснением может служить то, что фишки реально датируются более поздним временем. Парадоксальным представляется то, что при отрицательном отношении официальной церкви к азартным играм (Blaževičius, 2011) атрибуты настольной (азартной) игры появляются в Литве при активном содействии представителей высшего клира, но, возможно, это просто случайное совпадение. В случае обнаружения фишек пирамидальной формы в ненарушенных, четко стратифицированных антропогенных отложениях можно будет сделать более конкретные выводы. Пока же приходится довольствоваться более-менее общими соображениями.

Литература

- Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники. Т. 1. Поселения и могильники. М., 2007.
- Архинов А. Г., 1986. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола.
- Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012.
- Blaževičius P., 2011. Seniausieji Lietuvos žaislai. Vilnius.
- Drėma V., 1991. Dingęs Vilnius. Vilnius.
- Fitta M., 1998. Spiele und spielzug in der Antike. Unterhaltung und vergnügen im Altertum. Stuttgart.
- Jonaitis R., 2009. Vilniaus senajo miesto vietos (A1610K1), sklype Bokšto g. 6, esamų pastatų vietose, 2006–2007 m. vykdytų archeologijos tyrimų ataskaita, (I dalis. Tekstas, tyrimų nuotraukos, priedai) // LIIR, f. 1., d. 4929.
- Kaplūnaitė I., 2014. Vilniaus senajo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), sklype Bokšto g. 6, 2012 m. vykdytų detaliųjų archeologijos tyrimų ataskaita // LIIR, f. 1., b. 6684.
- Luchtanienė D., 1997. Archeologiniai tyrimai Vilniuje, Reprerentacinių Rūmų teritorijoje (AtR–45), S. Daukanto a. 3/8, Universiteto g. 6, Totorių g. 28, ataskaita Individualių radinių bei čerpių sąrašas ir iliustracijos // LIIR f. 1., b. 2744.
- Luchtanienė D., 2000. XVI–XVII a. amatininkų kvartalas vyskupų rūmų teritorijoje // Kultūros paminklai. T. 7. Vilnius.
- Racevičienė A., Vileikiienė L., 2010. Savičiaus ligoninės statinių kompleksas Bokšto g. 6 ir Vilniaus miesto istorinės posesijos 522 ir 523 (Tymo g. 1, 3) istorinės urbanistinės raidos analizė. Rankraštis. Vilnius.
- Tyla A., 2005. Gosievskiai // Visuotinė Lietuvių enciklopedija (VLE). Vilnius.
- Volkaitė-Kulikauskienė R., 1974. Punios piliakalnis. Vilnius.

И. Каплунайте

Исследования на улице Майронё, 19. Отражение ремесел и торговли в Вильнюсе в XIX – начале XX в.

I. Kaplūnaitė. Excavations in Maironio street, 19. Crafts and Trade in Vilnius in the 19th – Early 20th Centuries

Abstract. The 19th – early 20th centuries, is a period that is usually of little interest to archaeologists. However, archaeological excavations in 2009 and 2014 in Maironio street, 19, in Vilnius came to be interesting as the chance to see how archaeology reflects this very often underestimated time period already known by written sources. The excavations were carried out on the site where, according to historical sources where stone houses, in which ordinary citizens lived, small craftsmen and traders rented the apartments had been situated since the 18th – 19th centuries. There were several small shops, a tavern, a Jewish school, a bakery, and so on. Though not numerous, the findings related to trade and craft (and thus urban lifestyle) expand our knowledge about daily life of ordinary citizens in the 19th – early 20th centuries. Most of the residents at the time were small artisans and merchants. So, in this article we mainly focus on the reflection of this stratum of population life and activity in the archaeological material. Our goal was to determine how cultural layers and artifacts reflect the data of the written sources and to show how archaeology confirms (or perhaps rejects?) the available information.

Ключевые слова: археология нового времени, город, торговля, ремесло.

Keywords: modern time archaeology, town, trade, craft.

XIX – начало XX в. – это период, который обычно мало интересуют археологов, большее внимание уделяется периоду до середины XVIII в. Кроме того, особенно в последнее время, все больше внимания уделяется археологии Второй Мировой войны. Однако все чаще встречается ситуация, когда для слоев XIX и поздних веков, у исследователей просто «нет терпения», особенно в том, что касается дальнейшего обнаружения материала и публикаций по данным раскопок (*Brooks, 2016. P. 2*). Этой ситуации способствует то, что археология Нового времени изучает период, который может похвастаться обилием письменных источников. Исходя из того, что история XIX – начала XX в. достаточно хорошо отражена в письменных

источниках, самим археологам зачастую не хватает мотивации для более подробного анализа археологического материала данного времени.

Основная область моих научных интересов приходится на это средневековье, XIII–XVI вв. Однако в этой статье я бы хотела поговорить о более позднем периоде истории Вильнюса, то есть, о XIX – начале XX в. Появлению данной статьи способствовали археологические исследования в 2009 и 2014 гг. в Вильнюсе по адресу ул. Майронё, 19 (рис. 1). Здесь были исследованы четыре шурфа и один раскоп общей площадью в 154 м². Раскопки проводились на месте, где, по историческим источникам, в XVIII–XIX вв. стояли каменные дома, в которых проживали обычные горожане, в основном мелкие ремесленники и торговцы. Здесь действовала еврейская школа, несколько магазинчиков, корчма и т. д. Одним словом, здесь был обычный Вильнюсский район.

Исследования в этом районе заинтересовали меня из-за возможности посмотреть, как археология отражает именно этот, часто недооценённый, период времени. Найденные находки, связанные с торговлей и ремеслом (а значит, с городским образом жизни), способствовали нашему интересу к повседневной жизни обычных жителей Вильнюса XIX – начала XX в. Обсуждаемый промежуток времени был очень переменчив и полон событий. Однако без особых изменений оставалось то, что большинство горожан рассматриваемого периода были мелкие торговцы и ремесленники. Таким образом, основное внимание при анализе результатов археологических исследований на улице Майроне, 19 будет сфокусировано на повседневной деятельности простых горожан Вильнюса – мелком ремесле и торговле.

Историография, включающая историю Вильнюса, ремесла, торговлю, жизнь горожан XIX – начала XX в., обширна. Она содержит не только обобщающие работы¹, но и исследования, затрагивающие узкоспециальные темы². Большое внимание уделялось еврейской общине XIX в., составлявшей немалую часть горожан того периода (*Civinskas*, 2006). В наличествующих письменных источниках XIX – начала XX в. есть много разных данных по описям горожан, статистических подсчетов, архивных документов, связанных с торговлей и ремеслом, списков торговцев, разного рода планов, описей зданий и т. д. Однако интересно, как все эти данные согласуются с археологическим материалом, как именно культурные напластования и археологические находки отражают то, что написано в источниках, как археология дополняет (а может, и опровергает?) имеющуюся информацию.

¹ Обобщающие работы по истории Литвы XIX в. (например, *Aleksandravičius, Kulakauskas*, 1996; *Bairašauskaitė, Medišauskienė, Miknys*, 2011; Lietuvos TSR istorijos šaltiniai...), а также конкретные работы по истории города Вильнюса (прежде всего, классическая «История города Вильнюса» Jurgini, Merkys, Tautavičius, 1968).

² Например, статьи, исследующие зачатки потребительского общества во второй половине XIX – начале XX в. (*Ambrulevičiūtė*, 2013) или историю Вильнюсского цеха мясников в первой половине XIX в. (*Pugačiauskas*, 2006).

Рис. 1. План Вильнюса.

1 – участок ул. Майронё, 19 (с помеченными местами раскопок 2009 и 2014 гг.);
2 – участок ул. Бокшто, 6 (карта Google Earth, дополнения И. Каплунайте).

* * *

После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Литва вошла в состав Российской империи. Новая власть содействовала созданию сильной группы торговцев и промышленников, которая способствовала подъёму материального благосостояния края (*Bairišauskaitė, Medišauskienė, Miknys*, 2011. P. 357). В особенности власть покровительствовала купцам, которым предоставлялись различные привилегии: освобождение от призыва в армию, освобождение от ряда налоговых выплат, разрешение носить шпагу и пр. (*Ambrulevičiūtė*, 2014. P. 37). Именно купечество, ремесленники цехов, каменщики, плотники и мелкие предприниматели рассматривались как представители слоя горожан (*Aleksandravičius, Kulakauskas*, 1996. P. 212).

В этот период увеличилось число больших заводов. В Вильнюсе преобладала пищевая промышленность, также действовали табачная мануфактура, бумажная фабрика, несколько пивоварен, кожевенные предприятия и прочее. Однако надо заметить, что большую часть горожан составляли мелкие предприниматели и производители, жившие за счет развиваемой индивидуальной деятельности (по принятому в 1811 г. закону о ремёслах) (*Bairišauskaitė, Medišauskienė, Miknys*, 2011. P. 359). Особенно это касается периода после отмены крепостного права в 1863 г., когда начал преобладать наемный труд. Так, большинство горожан были портные, кожевники, аптекари, лавочники, гончары, разного рода прислуга и прочие. В городе также велось садоводство, держались бани, корчмы, постоянные дворы и даже биллиардные (*Bairišauskaitė, Medišauskienė, Miknys*, 2011. P. 359).

Согласно письменным источникам, в конце XIX в. в Вильнюсе было 5000 лавок, треть из которых составляли лавки по продаже алкогольных напитков, табака и табачных изделий. Далее следовали хлебные, мясные, бакалейные лавки, а также магазины по продаже тканей, одежды, обуви (*Jurginis, Merkys, Tautavičius*, 1968. P. 281–282). Кроме продукции местного производства и продуктов сельского хозяйства, часть товаров импортировалась. В то время в Вильнюсе преобладал импорт из Латвии (Риги), России, Польши и немецких городов. Ввозился табак, масло, изделия из благородных металлов, ткани, фаянс, соль, керосин, строительные материалы, сахар, специи, вино, предметы роскоши (*Šalčius*, 1998. P. 170). Ввоз последних возрастал при улучшении экономической ситуации в городе. Сукно, кашемир, фарфор, золотые и серебряные изделия в основном импортировались из России и Польши (*Jurginis, Merkys, Tautavičius*, 1968. P. 282–283). Основные экспортные товары составляли кожа, железо, древесины, трикотажные изделия и сырье, а также отруби, скипидар, льняные и конопляные волокна и другие сельскохозяйственные продукты (*Jurginis, Merkys, Tautavičius*, 1968. P. 283; *Šalčius*, 1998. P. 170).

Торговля и ремесла в то время были неотделимы от еврейской части населения. Именно евреи составляли большую часть промышленников, торговцев, ремесленников. Так, по данным 1897 г., евреи составляли 41% всех жителей Вильнюса. Большую часть их дохода составляла сдача помещений в аренду (*Bairišauskaitė, Medišauskienė, Miknys*, 2011. P. 100, 421). В городах Вильнюсской губернии также преобладало еврейское население – 64% (*Bairišauskaitė,*

Medišauskienė, Miknys, 2011. P. 118). Согласно данным переписи, среди купцов также доминировали евреи – более 70% (*Bairišauskaitė, Medišauskienė, Miknys*, 2011. P. 117–118).

В XIX в. Вильнюс отличался обилием цехов. Здесь, как и в торговле, важную позицию занимали евреи. Так, известно, что в 1852 г. (время наивысшего подъема) в Вильнюсе было 62 цеха, 34 из которых принадлежали евреям (*Bairišauskaitė, Medišauskienė, Miknys*, 2011. P. 364). Как мы покажем дальше, исследованная нами территория в XIX – начале XX в. так же была связана с жителями Вильнюса еврейского происхождения.

Перейдём теперь к участку на ул. Майронё, 19 в Вильнюсе, археологические исследования которого способствовали появлению данной статьи. Исследуемый участок находится в восточной – центральной части старого города Вильнюса, примерно в 150 м к юго-западу от собора Пресвятой Божьей Матери (рис. 1). Этот квартал ограничен улицами Бокшто, Ишганитойе, Майронё и Кудру. С восточной стороны участок примыкает к территории по адресу ул. Бокшто, 6, на которой был обнаружен православный могильник, датируемый второй половиной XIII – началом XV в.³. Раскопки на улице Майронё и были связаны с благоустройством территории на улице Бокшто, 6.

О самой ранней деятельности в этой части старого города Вильнюса можно говорить только с конца XIII – начала XIV в. (подробнее см. *Jonaitis*, 2015. P. 36–38). В то время участок ул. Майронё, 19 попадал в северно-восточную часть Русского конца (так называемый *Civitas Rutenica*). Однако нет никаких данных о том, был ли он застроен. В XV в. участок оказался на перекрестке трёх владений. С северной стороны здесь были владения митрополита, с западной – владения магистрата (т. е. города) и с восточной стороны владения епископа⁴. В восточной части, во владениях епископа, располагался канал – ответвление реки Вильня.

Согласно историческим исследованиям данной территории, проведёнными в 2010 г. А. Рацевичене и Л. Вилейкене, здесь уже с конца XIV в. функционировала мельница, принадлежащая епископу. В начале XVI в. территория с восточной стороны граничила с городской оборонительной стеной на участке рядом со Спасскими воротами (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). В XVII–XVIII вв. рядом с исследуемым участком, на месте бывшего православного могильника, начали действовать монастырь и городская больница (больница «Савичяус», основана в 1744 г.) (*Vilniaus architektūra*, 1985. P. 64).

Согласно данным письменных источников, здесь, между городской стеной, мельницей и каналом, до второй половины XVIII в. располагались деревянные постройки, связанные с обслуживанием мельницы. Однако на имеющемся

³ Могильник на ул. Бокшто, 6 в Вильнюсе исследуется с 2005 г. (*Sarcevičius*, 2006). С 2006 по 2014 гг. здесь проводились археологические раскопки (руководители Р. Йонайтис и И. Каплунайте). Выявлено более 540 погребений, датируемых второй половиной XIII – началом XV в. (*Jonaitis*, 2009; *Kaplūnaitė*, 2015, 2016). контексту и локализации, могильник принадлежал православной общине.

⁴ Подробнее см. *Maroszek*, 1999. P. 163–186.

Рис. 2. Фрагмент плана Георга Макса Фюрстенгофа (около 1737 г.). Выделен исследуемый участок

Рис. 3. Фрагмент плана старого города Каролиса Грунерта (1808 г.). Помечен участок ул. Майронё, 19 и мельница

плане Фюрстенгофа (около 1737 г.) исследуемый участок еще не отмечен (рис. 2). Перемены на участке начали происходить в конце XVIII в. – тогда начали сносить городскую стену и ворота⁵. Именно в это время бывшие владения епископа перешли в распоряжение города. Здесь были сформированы два владения (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). Так появилась возможность на данной территории возводить капитальные строения вместо стоявших здесь деревянных «халуп».

На городском плане 1808 г. видно, что на исследуемой территории стояли два каменных и два деревянных здания (рис. 3) и несколько хозяйственных или торговых построек, расположенных ближе к улице Майронё.

Южное каменное здание стояло по крайней мере с второй половины XVIII в. По данным 1806 г., в здании было семь больших и три маленьких комнаты, их обогревали девять кафельных печей. Северное каменное здание было предположительно построено в начале XIX в. на месте стоявшей деревянной «халупы». В инвентаре Вильнюсской городской недвижимости 1806 г. сообщается, что в этом здании были три большие комнаты и две печи. Северное здание во второй половине XIX в. было уже двухэтажным. Согласно собранным А. Рацявичене и Л. Вилейкене историческим данным, здесь держал корчму еврей Янкель Сегаль, на первом этаже был магазин, на участке было несколько бань (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010).

Южное здание во второй половине XIX в. принадлежало больнице, здесь проживали сёстры милосердия. Здание было двухчастным, одно- и двухэтажным, разделено на однокомнатные квартиры для сдачи. Известно, что

⁵ Последний раз Вильнюсские оборонительные укрепления были использованы во время восстания Т. Костюшко в 1794 г. В 1799 г. царю было предложено их снести, под предлогом «гигиены и расширения городского пространства» (*Drėma*, 1991. P. 143–144).

в Вильнюсе такие дома с арендуемыми квартирами стали популярны в предпоследнем десятилетии XIX в., когда упал спрос на резиденции и особняки. Небольшие, чаще всего одно- и двухкомнатные квартиры были особенно популярны среди торговцев-евреев (*Ambrulevičiūtė*, 2015. Р. 240, 246). На ул. Майронё, 19, в таких арендуемых квартирах, согласно письменным источникам, проживали разного рода ремесленники, например, портные, сапожники и слесари (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). В этих домах, в арендуемых помещениях, так же действовали баня, пекарня, прачечная, несколько магазинчиков (*Racevičienė*, 1980. Р. 4). Помещения здесь могли арендовать горожане разных конфессий и национальностей, однако, согласно имеющимся документам, сами дома принадлежали, без всякого сомнения, жителям Вильнюса еврейского происхождения. В письменных источниках запечатлены такие фамилии владельцев: Йоссель Лурье, Мендель и Мойша Лурье, Гана и Исаак Сегаловы, Мира Гершанович, Симгх Сольц. Известно, что в 1865 г. Йоссель Лурье, подарил «в вечное пользование» весь второй этаж еврейскому молельному дому, а затем это владение перешло к раввину Гинзбургу (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). Кроме того, как уже упоминалось, помещения для корчмы здесь арендовал еврей Янкель Сегаль⁶. Эта ситуация отражена в уже упоминавшихся нами письменных данных о том, что евреи составляли большую часть горожан того времени. Участок на ул. Майронё, 19 не был исключением.

В XIX в. рядом с участком на улице Майронё, 19, всё еще действовала мельница – она отмечена на плане 1808 г (рис. 3). А к западу, на верху склона, на месте бывшего средневекового могильника, процветала больница. В 60-х гг. XIX в. ситуация вокруг исследуемого участка изменилась. Была снесена мельница, принадлежащая епископу, канал реки Вильня засыпан, а на их месте сформирована городская площадь.

В инвентаре недвижимости 1901 г. описана та же деятельность, что и во второй половине XIX в. Схожая ситуация продолжалась вплоть до Второй Мировой войны. Во время войны, в 1940 г, здания на улице Майронё, 19 были национализированы (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010). Южное здание было снесено в 1944 г. – на послевоенном плане 1945 г. оно уже отсутствует, однако северное здание на этом плане еще обозначено. Оно было снесено лишь в 1960 г., когда была сформирована нынешняя улица Майронё (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010).

Во второй половине XX в. к западу от исследуемого участка все еще действовала больница, но это был уже диспансер кожно-венерических заболеваний. После сноса здания, внизу склона начал накапливаться мусор из больницы. Мало заметной с улицы свалкой, начали пользоваться и горожане.

В XXI в. после закрытия диспансера в «комплексе зданий больницы Савичяус» начались работы по реконструкции этого памятника.

Наряду с этими работами, появилась необходимость в археологических раскопках в восточной части территории, возле нынешней улицы Майронё.

⁶ В 1863 г., в акте оценки квартирной комиссии пишется, что Йоссель Лурье свой 2-х этажный дом сдает Янкелю Сегалу с правом на содержание корчмы (*Racevičienė, Vileikienė*, 2010).

В 2009 г. были проведены первые разведывательные археологические раскопки по адресу ул. Майронё, 19⁷. Задачей раскопок было уточнение восточной границы участка Бокшто, 6, т. е. поиск фундаментов забора или зданий. В том же году были исследованы четыре раскопа общей площадью 54 м², заложенные на предполагаемом месте границы, там, где должны были быть каменные дома, присутствующие на плане 1808 г. (рис. 3, 4).

Раскопки проводились до глубины 2,5–3 м, поскольку целью разведывательных раскопок было только уточнение границ бывшего участка, до материка раскопы не доводились⁸.

Исследования были затруднены из-за того, что раскопки проводились на крутом склоне, среди корней старых деревьев, где фиксировались перемешанные и рыхлые верхние культурные отложения. Самые ранние исследованные отложения датируются XVII–XVIII вв. Вместе с тем, также обнаружены фрагменты бытовой и строительной керамики, датируемые XVI в.

Культурный слой сильно нарушен во второй половине XX в. при прокладке разного рода коммуникаций. Во время археологических исследований во всех четырех раскопах были обнаружены фрагменты одного и того же здания. Согласно архитектору Р. Зилинскому, который провел архитектурно-исторический анализ обнаруженного фундамента, именно это сооружение следует считать старой восточной границей комплекса на ул. Бокшто, 6. Фундамент датируется XVII–XVIII вв., фиксируются также следы поздних пристроек и реконструкций XIX в. (*Kaplūnaitė*, 2010. Р. 22–23). Обнаружены также не только фрагменты фундаментов, но и части подвальных помещений (Раскоп № 1). В южном раскопе обнаружен юго-восточный угол здания – вероятно, это и есть «южное здание» (см. выше), упоминавшееся в письменных источниках второй половины XVIII в.

Кроме этого, были обнаружены фрагменты других каменных строений, датируемых XVIII–XIX вв., а также следы ранней деревянной постройки – колья, доски (которые могли быть остатками деревянного пола). Датировку деревянных сооружений установить не удалось, однако, они могут быть связаны с деревянными постройками, упомянутыми в письменных источниках, и предназначенными для обслуживания мельницы. То, что здесь стояла водяная мельница, очень хорошо иллюстрируют жернова, обнаруженные в одном из раскопов, на глубине 2,5 м.

В 2009 г. главным образом исследовался верхний насыпной перемешанный горизонт, сформировавшийся при накоплении мусора и прокладке коммуникаций во второй половине XX в. Были обнаружены всего лишь несколько находок, связанных с ремеслом – это заготовка из кости животного и сильно проржавевшие плоскогубцы (рис. 5). О торговых связях (импорте) свидетельствует тарелка, сделанная на заводе М. Кузнецова в Риге (рис. 5). Обнаружены

⁷ Руководитель И. Каплунайте (*Kaplūnaitė*, 2010).

⁸ Площадь раскопа № 1 составила 10 м², раскопа № 2 – 17 м², раскопа № 3 – 14,5 м², раскопа № 4 – 12 м² (*Kaplūnaitė*, 2010).

Рис. 4. Вид раскопа 2014 г. с обнаруженными стенами построек.
Фото И. Каплунайте

Рис. 5. Находки, обнаруженные на ул. Майронё, 19. Фото И. Каплунайте

также находки, отражающие повседневную жизнь: головка курительной трубки, глиняный свисток, замок, ключ и пр. Отметим, что раскопки 2009 г. позволили уточнить данные, зафиксированные в письменных источниках. Ранее предполагалось, что каменные здания в южной части появились в самом начале XIX в., до этого здесь были только деревянные (*Racevičienė, Vileikienė, 2010*). Фрагменты каменных фундаментов, выявленные при археологических раскопках, позволили делать выводы о более ранней застройке каменными зданиями в XVII в., а может быть и в XVI в.

Более обширную информацию о торговле и ремёслах XIX – начала XX в. дали археологические раскопки на ул. Майронё, 19, проведенные в 2014 г.⁹, когда был исследован раскоп площадью в 100 м². Он был расположен на склоне, на месте запланированного въезда на территорию Бокшто, 6 с улицы Майронё. В самых верхних отложениях были обнаружены находки трех типов: очевидный мусор последних нескольких десятилетий (включая останки кошек в целлофановых мешках); электрические кабели и трубы; фрагменты каменных стен. Как и прогнозировалось, с учетом исторических планов, раскоп попал точно на место уже упоминавшегося нами «северного» каменного здания.

⁹ Руководитель раскопок И. Каплунайте (*Kaplūnaitė, 2015*).

Культурные напластования на участке раскопа сильно повреждены. Самый ранний горизонт датируется только XIX в., однако, здесь зафиксировано множество каменных стен построек (рис. 4). В западной части раскопа выявлена западная стена здания. На ней, как на фундаменте, в прошлом веке был построен забор из силикатного кирпича, отделявший территорию больницы от улицы Майронё. В раскопе обнаружена и другая, восточная, стена здания. Обе стены соединяет еще одна внутренняя стена, проходящая в направлении восток – запад. Как отметил архитектор Р. Зилинскас, этот прямоугольный контур вполне мог быть фундаментом лестницы или башни (*Zilinskas, 2014. P. 1*). В поперечном направлении здание пересекал каменный коллектор канализации — его фрагменты так же были обнаружены при раскопках на территории Бокшто, 6. Найденные фрагменты каменных стен датируются серединой XVIII в. (*Zilinskas, 2014. P. 1*). Во время раскопок выявлен и один из этапов реконструкции – обнаружен фрагмент фундамента надстройки, датируемый концом XIX или началом XX в.

Вокруг фундаментов удалось углубиться до 2–2,5 м от нынешней дневной поверхности. В западной части раскопа, на такой глубине был достигнут материк – белый песок. Однако восточную часть раскопа не удалось исследовать до материка. Во-первых, из-за того, что в западной части раскопа на глубине 2,5 м проходила действующая теплотрасса, и работы из-за требований безопасности около нее были прекращены. Во-вторых, работу затруднял быстрый подъём грунтовых вод. Самый ранний культурный слой в раскопе датируется не ранее конца XIX в., кроме того, он сохранился только в юго-западной части раскопа. Однако о более ранней жизнедеятельности на этой территории (кроме каменных стен) свидетельствуют найденные в перемешанном культурном слое находки, датируемые XVI в. Надо заметить, что в том же самом 2014 г., проводились археологические раскопки к западу от исследуемого раскопа на ул. Майронё, 19, на территории ул. Бокшто, 6¹⁰. Здесь, за забором между ул. Бокшто, 6 и ул. Майронё, 19, фиксирован культурный слой датируемый XVI в. Можно предположить, что на ул. Майронё так же могли быть следы более ранней человеческой жизнедеятельности, однако, они были уничтожены при строительстве поздних каменных зданий и разного рода реконструкциях. Окончательно культурный слой пострадал в XX в., когда здесь прокладывались различные рода коммуникации – они в изобилии обнаружены в нашем раскопе.

Хотя культурный слой в исследуемом раскопе 2014 г. датируется не ранее, чем XIX в., удалось обнаружить находки, которые очень хорошо отражают повседневную жизнь людей. В хаосе раскопа, по комплексам находок, удалось выделить культурный слой двух периодов. Самые ранние находки, отражающие жизнь в XIX или даже во второй половине XVIII в., мы обнаружили в центральной части раскопа. Было найдено несколько польских грошей Станислава Августа, датируемые концом XVIII в., российские монеты XVIII–XIX вв. Также обнаружен счётный жетон из Нюрнберга, датируемый началом XVII в.,

¹⁰ Руководитель И. Каплунайте (*Kaplūnaitė, 2016*).

Рис. 6. Находки, обнаруженные на ул. Майронё, 19. Фото И. Каплунайте

который вполне мог быть использован и в XIX в. Найдено несколько пуговиц, детали декора, рукоять ножа, железная мотыга. Как более интересную находку можно выделить дверную табличку с надписью «ПОРТНОЙ В. ЛИТВИН» (рис. 6), подтвердившую известные по письменным источникам факты о проживавших здесь мелких ремесленников. Среди находок бытовой керамики можно выделить фрагмент декоративной/сувенирной тарелки с гербом и надписью «КОНЬЯК ШУСТОВ» (рис. 5), дно тарелки с гербом и надписью «ВРОЦЛАВЕК», еще один фрагмент тарелки, на котором можно видеть герб и латинскую букву P.

Поздние этапы истории участка ул. Майронё, 19 (первая половина XX в.) отражают находки, обнаруженные внутри здания. Одна из находок сразу подтвердила информацию о том, кому могли принадлежать здания в этом месте (или же то, что здесь действовала синагога) – это ажурная звезда Давида, сделанная из медного сплава (рис. 6). Датировку хорошо демонстрирует нумизматический материал – несколько копеек Николая II, польские пять грошей, датируемые 1923–1939 гг. О повседневной жизни говорят такие находки как ключи, подсвечник, перстень, элементы декора. Обнаружены несколько фрагментов тарелок, в т. ч. завода М. Кузнецова в Риге и польского производства. Как более интересную находку можно выделить три серебряные вилки (рис. 6), которые были найдены завернутые в польскую газету (сохранились только остатки). Так же обнаружен односторонний подвесной жетон с цифрой семь. Собрана коллекция разных стеклянных бутылочек (рис. 5), очевидно,

принадлежавших жившему здесь аптекарю. Обнаруженный комплекс находок подтверждает данные исторических источников о проживавших на этой территории разных ремесленниках, действующие магазин и синагогу. Немногочисленные импортные изделия показывают преобладающие торговые направления: Латвия, Россия, Польша.

Видно, что находок напрямую связанных с торговлей и ремеслом, во время раскопок на ул. Майронё, 19, было найдено немного. Однако была исследована довольно небольшая площадь (154 м²), материк был достигнут только частично, культурный слой был перекопан во второй половине XX в. Как обсуждалось ранее, крупным купцам Вильнюса в XIX в., было особенно важно приобрести недвижимость в центре города. Хотя в то время осваивались и расширялись новые районы Вильнюса, все-таки именно главные городские артерии в конце века превратились в коммерческий и административный центр (*Ambrulevičiūtė*, 2015. P. 241). Дальше от основного центра города, территория по адресу ул. Майронё, 19 была населена мелкими производителями, торговцами, ремесленниками. Тут они не только жили (арендовали квартиры), но и держали мастерские, бани, лавки и пр.

Здесь был один из рядовых Вильнюсских кварталов, населенный обыкновенными горожанами. Такую ситуацию иллюстрирует не только информация из письменных источников, но и данные археологических раскопок. Получены находки XIX – начала XX вв.: бытовая и строительная керамика (в т. ч. фрагменты импортных тарелок), фрагменты стеклянных бутылок и пузырьков, замки, ключи, ножи, инструменты, монеты и пр. Попадались и вещи более редкие, роскошные: подсвечник, перстень, серебряные вилки, импортная и декоративная керамика. Весь комплекс находок не показывает большой роскоши, но отражает повседневный быт обычных горожан. Находки указывают на профессиональное и этническое разнообразие (звезда Давида, вилки, завернутые в польскую газету и т. д.).

Исследования на улице Майронё позволили по-новому взглянуть на период – XIX – начало XX в., часто археологам не интересный. Обнаруженные находки не только уточнили и расширили информацию письменных источников, но и позволили лучше представить повседневный быт, довольно близкий нашему времени.

Литература

- Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники. Т. 1. Поселения и могильники. М., 2007.
- Архипов А. Г., 1986. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола.
- Aleksandravičius E., Kulakauskas A.*, 1996. Carų valdžioje. Lietuva XIX amžiuje. Vilnius.
- Ambrulevičiūtė A.*, 2013. Vartotojų visuomenės užuomazgos Lietuvoje (XIX a. antra pusė – XX a. pradžia) // Sociologija. Mintis ir veiksmai. N 2 (33). P. 134–158.
- Ambrulevičiūtė A.*, 2014. Vilniaus pirkkliai 1800–1824 metais // VU mokslo darbai. Teisė. Tomas 92. Vilnius. P. 34–47.

- Ambrulevičiūtė A.*, 2015. Buitinių patogumų pokyčiai Vilniaus pirklių namuose XIX a. antrojoje pusėje // *Lituanistica*. T. 61, N 4 (102). P. 239–253.
- Bairišauskaitė T., Medišauskienė Z., Miknys R.*, 2011. Lietuvos istorija. Devynioliktas amžius: visuomenė ir valdžia. T. VIII. I dalis. Vilnius.
- Brooks A.*, 2016. Introduction: The importance of British material culture to historical archaeologies of the Nineteenth century // *The importance of British material culture to historical archaeologies of the Nineteenth century* (ed. A. Brooks). University of Nebraska Press.
- Civinskas R.*, 2006. Rusijos politikos įtaka žydų miestiečių ekonominei veiklai XIX a. viduryje // *Žydai Lietuvos ekonominėje-socialinėje struktūroje: tarp tarpininko ir konkurento* (sud. V. Sirutavičius, D. Staliūnas). Vilnius. P. 51–78.
- Drėma V.*, 1991. Dingęs Vilnius. Vilnius.
- Jonaitis, R.*, 2009. Vilniaus senojo miesto vietoje (A1610K1), sklype Bokšto g. 6, esamų pastatų vietose, 2006–2007 m. vykdytų archeologijos tyrimų ataskaita (I dalis. Tekstas, tyrimų nuotraukos, priedai) // *LIIR*. F. 1., b. 4929.
- Jurginis J., Merkys V., Tautavičius A.*, 1968. Vilniaus miesto istorija nuo seniausių laikų iki Spalio revoliucijos. Vilnius.
- Kaplūnaitė I.*, 2010. Vilniaus senojo miesto vietoje (A1610K1), sklype Maironio g. 19, 2009 m. vykdytų archeologijos žvalgomųjų tyrimų ataskaita. Vilnius.
- Kaplūnaitė I.*, 2015. Vilniaus senojo miesto vietoje (A1610K1), sklype Maironio g. 19, 2014 m. vykdytų detaliųjų archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius.
- Kaplūnaitė I.*, 2016. Vilniaus senojo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), Ligoninės statinių kompleksu (1033) ir Vilniaus miesto gynybinių įtvirtinimų liekanų (39) teritorijos, Vilniaus m. sav., Vilniaus m. Bokšto g. 6 2014 metų detaliųjų archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius.
- Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. I tomas. Feodalinis laikotarpis (red. K. Jablonskis, J. Jurginis, J. Žiugžda). Vilnius, 1955.
- Maroszek J.*, 1999. Ulice Wilna w XIV–XVIII wieku // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. N 1–2. Warszawa. P. 163–186.
- Pugačiauskas V.*, 2006. Vilniaus mėsinių cechų XIX a. pirmoje pusėje // Lietuvos istorijos metraštis, 2005. T. 2. Vilnius. P. 69–92.
- Racevičienė A., Vileikienė L.*, 2010. Savičiaus ligoninės statinių kompleksas Bokšto g. 6 ir Vilniaus miesto istorinės posesijos 522 ir 523 (Tymo g. 1, 3) istorinės urbanistinės raidos analizė. Rankraštis. Vilnius.
- Racevičienė J.*, 1980. Gyv. namas Vilniuje, Tiesos 19. Istoriniai tyrimai. Vilniaus apskrities archyvas. F. 1019, ap. 11, b. 480. Vilnius.
- Šalčius P.*, 1998. Raštai. Lietuvos prekybos istorija. Vilnius.
- Sarcevičius S.*, 2006. Archeologinių žvalgomųjų tyrimų Vilniuje, Bokšto g. Nr. 6, ataskaita // *LIIR*, F. 1, b. 4535.
- Vilniaus architektūra. Sud. K. Čerbulėnas, J. Glemža, A. Jankevičienė, V. Levandauskas, J. Minkevičius, J. Stasiulaitis. Vilnius, 1985.
- Zilinskas R.*, 2014. Statinių liekanos Vilniuje, Maironio g. 19A. Vilniaus miesto gynybinių įtvirtinimų liekanų teritorijoje 39, Vilniaus senamiestyje 16073, Vilniaus senojo miesto vietoje su priemiesčiais 25504. Rankraštis. Vilnius.

П. Е. Сорокин, О. В. Андреева

Конструктивное устройство построек шведского города Ниена

P. E. Sorokin, O. V. Andreeva. Structural Patterns of Buildings
in the Swedish Town of Nyen

Abstract. Archaeological investigation of the Swedish town of Nyen, situated on the right Bank of the Okhta river at its mouth, in the 17th century, was conducted in the period from 1999 to 2008. The work was carried out on a plot of around 900 sq. m at Kontorskaja street (Saint-Petersburg), in the construction zone. The cultural layer of the 17th century with a capacity of approximately 0,6 m is divided into 2 stratigraphic horizons. The remains of 9 wooden dwelling and household buildings were studied. Among them are different types of structures: on the surface and deep in the ground, log, and frame-and-pillar. Their design can be traced to the Western European tradition of construction.

Ключевые слова: Город Ниен, постройки наземные, заглубленные, срубные, каркасные, печь, пол.

Keywords: Town of Nyen, buildings on the surface and deep in the ground, log, frame-and-pillar, stove, floors.

Археологическое изучение шведского города Ниена, располагавшегося на правом берегу Охты у ее устья в XVII столетии, было начато в 1992 г. с разведочного обследования его территории (Сорокин, 1994, 2001). В 2001 г. часть ее была включена в состав выявленного археологического объекта «Центр города Ниена». В период с 1999 по 2008 гг. на участке общей площадью около 900 кв. м, расположенном на южной стороне Конторской улицы (г. Санкт-Петербург), в зонах строительства велись работы по изучению исторического культурного слоя (Сорокин, Андреева, 2010). Согласно историческим планам города Ниена здесь уже в первой половине XVII в. существовали кварталы городской застройки, а во второй его половине поблизости находились ратуша и немецкая церковь.

Культурные слои, вскрытые под дорожным покрытием и газоном, делятся на четыре основных горизонта: 1. Слой конца XIX–XX в.; 2. Слой XVIII – конца XIX в.; 3. Слой XVII в.; 4. Погребенная почва. Их общая мощность составляет около 1,6 м, в заглублениях до 2,50–3,10 м, мощность слоя XVII в. колеблется

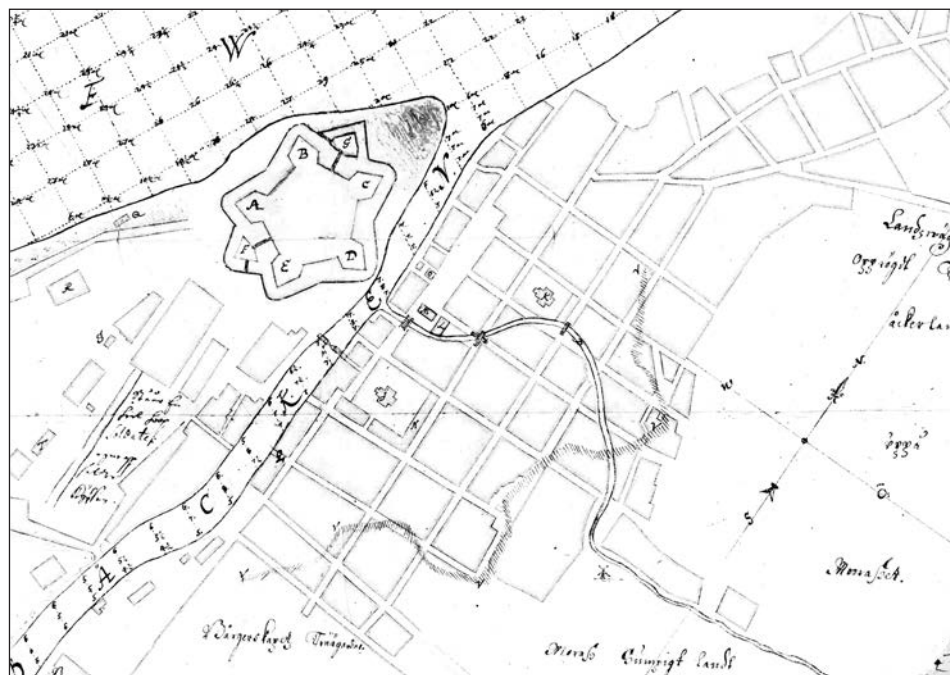

Рис. 1. Центральная часть г. Ниена и крепости Ниеншанц на плане И. Мейера 1698 г. Шведский военный архив. Стокгольм

от 0,10 до 0,75 м (до 2,00 м на месте заглубленных сооружений). На большей части участка слой XVII в. разделяется на два основных стратиграфических горизонта, связанных с двумя ярусами деревянных построек, включающих помимо деревянных сооружений прослойки времени их строительства и существования. Оба горизонта перекрыты слоями пожара, разрушения и разборки построек. Дневная поверхность XVII в. находится на глубине 1,00–1,20 м от современной поверхности, минимальная глубина до верхнего слоя 0,40 м.

В слое XVII в. были изучены остатки 9 деревянных построек, часть каменного фундамента, земляное сооружение хозяйственного назначения, а также 7 бревенчатых и дощатых настилов, 3 ограды из частокола. С ними связаны 18 хозяйственных ям, 10 малых дренажных канав открытого типа и одна большая – магистральная, 3 траншеи с дренажными трубами и одна – с накопительной бочкой.

Городские кварталы Ниена располагались, в отличие от современных, ориентированных относительно Невы, вдоль берега р. Охты, что соответствует историческим планам XVII в. (КГА: SFP Östersjöprovinserna Nyen 7) (рис. 1). Все постройки были ориентированы углами по сторонам света с небольшим отклонением в соответствии с городской планировкой.

Обнаруженные в слоях XVII в. постройки по своим конструктивным особенностям могут быть разделены на два основных типа: постройки наземные и заглубленные в грунт. Наземные постройки в зависимости от конструкции стен подразделяются на каркасно-столбовые и срубные.

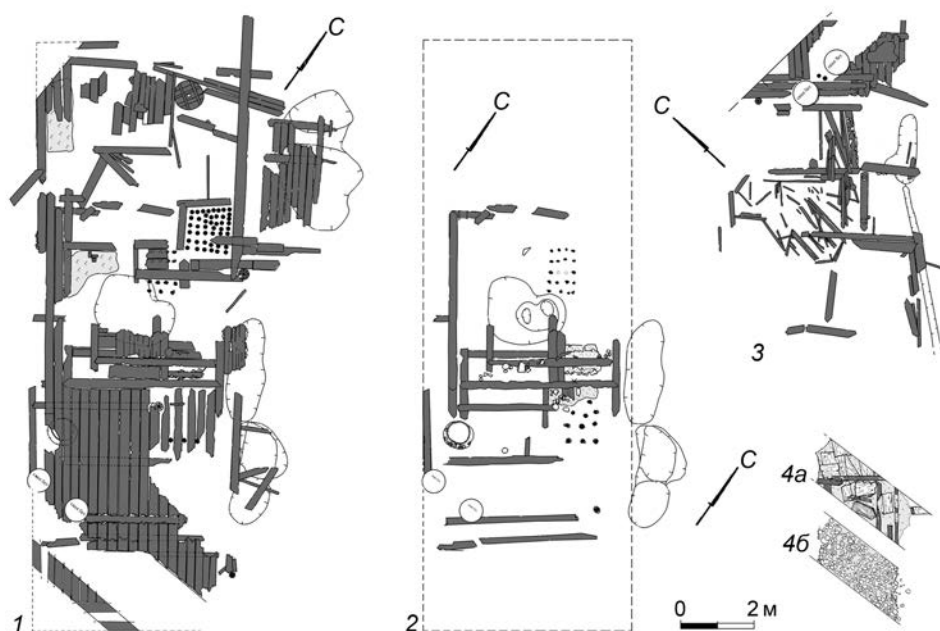

Рис. 2. Каркасно-столбовые постройки.

1 – постройка 3, план верхнего яруса; 2 – постройка 3, план нижнего яруса;
3 – постройка 2, план; 4а – постройка 9, план на уровне деревянных конструкций,
4б – постройка 9, план на уровне вымостки

Постройки 2 и 3 были каркасно-столбовой конструкции (рис. 2). Предположительно к этому типу относится также постройка 9, раскопанная частично. Все они были заложены на земной поверхности без заглубления и использования фундамента. Постройки имели прямоугольную форму, занимали большое пространство и состояли из нескольких частей жилого и хозяйственного назначения, разделенных на отдельные помещения.

В жилых помещениях имелись печи из сырцового кирпича. В основании их были опечки в виде заостренных сосновых и березовых кольев высотой до 0,90 м и диаметром 0,10–0,12 м, вбитых вертикально с небольшими промежутками, 3–8 рядами по 4–8 кольев в ряду. Размеры оснований трех печей составляют: 0,80–1,10×1,20–1,30 м. В них использовался сырцовый кирпич двух видов: 0,17×0,17 и 0,23×0,13 м.

Полы в постройках устроены поверх песчаной подсыпки и перекрыты дощатыми настилами, уложенными на поперечные лаги. В хозяйственной части пол мог быть оставлен земляным, либо в целях гидроизоляции перекрыт слоями бересты, промазанной глиной. Стены сооружений не сохранились. Но найденные на месте построек части строительных материалов указывают на использование в них досок и не перевязанных между собой бревен, вставлявшихся, вероятно, в пазы столбовых конструкций. Находки керамических строительных материалов – кирпича, изразцов и черепицы на месте построек

единичны. Кроме того, не выявлено скоплений глины и соломы, указывающих на использование фахверковых конструкций. В основание внешних стен и межкомнатных перегородок по большей части также уложены доски, плахи, жерди и не ошкуренные бревна, нередко во вторичном использовании. Отдельные из них закреплены вбитыми кольями. Местами под бревна подложены обломки кирпичей и колотый булыжник для выравнивания поверхности.

Постройка 3 прямоугольной формы вытянута по линии северо-запад – юго-восток. С трех сторон ее окружают бревенчатые настилы, вдоль четвертой – юго-восточной стены, выходящей во двор, расположены три хозяйственные ямы. Зафиксированы три строительных периода этой постройки. На раннем этапе здесь располагалось небольшое квадратное в плане однокамерное сооружение с печью в восточном углу, ограниченное с северо-запада и северо-востока хозяйственными ямами. Затем яма в центральной части была перекрыта настилом и с северо-запада пристроено еще одно помещение с печью. При следующей перестройке постройка состояла уже из трех частей. К жилой юго-восточной и центральной проходной частям с северо-запада была пристроена хозяйственная часть с земляным полом, печь в центральной части разобрана и перенесена в северо-западную. Длина новой постройки составила не менее 14,50 м, ширина около 6 м. От нее сохранился один ряд бревен, расположенных по периметру. При строительстве использованы, в основном, сосновые ошкуренные бревна диаметром 0,20–0,26 м, горбыль и доски-тесины, а также колья из хвойных пород древесины и березы. В углах бревна между собой не перевязаны и врубки на концах отсутствуют. Каждая сторона образована несколькими бревнами, лежащими в линию со смещением и не перевязанными между собой. Внутри постройка разделена на три части рядами поперечных бревен.

Северо-западная часть постройки имеет размеры 6,00×6,00 м. В ее западном углу расчищено ограниченное по периметру бревнами прямоугольное помещение размерами 2,80×2,20 м, вытянутое вдоль северо-западной границы постройки. Пол помещения набран из подогнанных бревен, плах и толстой доски-тесины, уложенных хаотично на набросанные жерди и крупные ветки. В противоположном восточном углу расчищено основание печи размерами 1,10×1,20 м.

Внутренние габариты центральной части постройки последнего этапа не превышали 2,80×4,50–6,00 м. В первый период существования помещения ширина его предположительно была больше и достигала 3,60 м. У его северо-западной стены сохранились остатки основания печи размерами 80×130 см и развал необожженного кирпича.

Юго-восточная часть постройки последнего периода имела размеры не менее 5,20×5,80–6,00 м. Часть помещения размерами 5,20×4,00 м была перекрыта полом из подтесанного с трех сторон соснового горбыля шириной 0,29 м, толщиной – 0,06 м с трапециевидными врубками снизу для укладки на 3 поперечные лаги диаметром 0,18–0,20 м. В западном углу помещения под полом в грунт была вкопана дренажная бочка без дна. В северном углу на участке размерами 1,80×2,00 м на уровне пола был устроен деревянный настил из сосновых бревен

диаметром до 0,25 см, уложенных в том же направлении, что и доски пола. Настил перекрывал основание печи размерами 0,90×1,20 м. Пространство между кольями было заполнено комьями глины и обломками сырцового кирпича.

Постройка 2 имела прямоугольную форму, была вытянута по линии северо-восток – юго-запад и выходила на севере за пределы раскопа. С северо-востока к постройке примыкал настил, с юга располагалась яма и дренажная канавка открытого типа. Длина изученной части постройки 6,40–6,60 м., ширина около 5,00–5,20 м. Предположительно, внутреннее пространство было разделено двумя поперечными и одной продольной перегородкой на 6 несимметричных частей размерами от 1,60×2,00 м до 2,50×3,00 м. По периметру постройки сохранились бревна, горбыль, доски-тесины и колья, лежащие в 1–2 ряда и не образующие прочных связей, по длине примерно равные длине или ширине образуемого помещения. Диаметр самых крупных бревен не превышал 0,15–0,20 см. Полов и остатков печей в раскопанной части сооружения обнаружено не было.

Постройка 9 была вытянута по линии северо-запад – юго-восток (прослежена северо-восточная граница сооружения). Береста и не ошкуренные бревна небольшого диаметра в пределах раскопа покрывали площадь 2,20×3,00 м. Изучить систему соединения конструктивных элементов постройки не удалось, хотя очевидно, что бревна лежали перпендикулярно друг другу. Пространство под бревнами выстлано слоями бересты, обмазанной глиной с включениями угля. В их основании на всей площади постройки обнаружен слой булыжника, уложенный на глинистое основание с углем мощностью 0,12 м.

Среди срубных построек имеются три наземных сруба-четырёхстенка, поставленные на грунт без фундамента. К ним относится полностью раскопанная постройка 6 и исследованные частично постройки 7 и 8.

Постройка 6 – наземный сруб прямоугольной формы с полом из плах, вытянута по линии северо-запад – юго-восток (рис. 3: 5). Длина постройки 3,60 м, ширина 2,30 м. По периметру она ограничена бревнами, лежавшими в один ряд. Места соединения бревен между собой не сохранились. Внутреннее пространство помещения перекрыто полом из плах шириной до 0,25 м, представляющих собой половинки бревен, обработанных с трех сторон. Плахи были уложены поперек постройки на земную поверхность (погребенную почву) и подсыпку из крупнозернистого песка.

Постройка 7 – наземный сруб, вероятно, вытянутый с юго-востока на северо-запад. В раскопе изучена его северо-восточная часть 3×2,3 м (рис. 3: 7). С северо-востока она ограничена рядом обработанных бревен, к которым с юго-запада примыкает пол из досок шириной 0,25–0,28 м. На полу расчищены перемещенные остатки изразцовой печи.

Постройка 8 – наземный сруб с земляным полом. В раскопе изучен ее северный угол размерами 1,50×1,00 м. Сохранился нижний венец сруба из бревен диаметром 0,20 см, места соединения бревен выгорели.

Постройки, заглубленные в грунт, представляют собой срубы-четырёхстенки, основание которых образовано однокамерным полуподвальным помещением с лестничным входом снаружи. К ним относится полностью

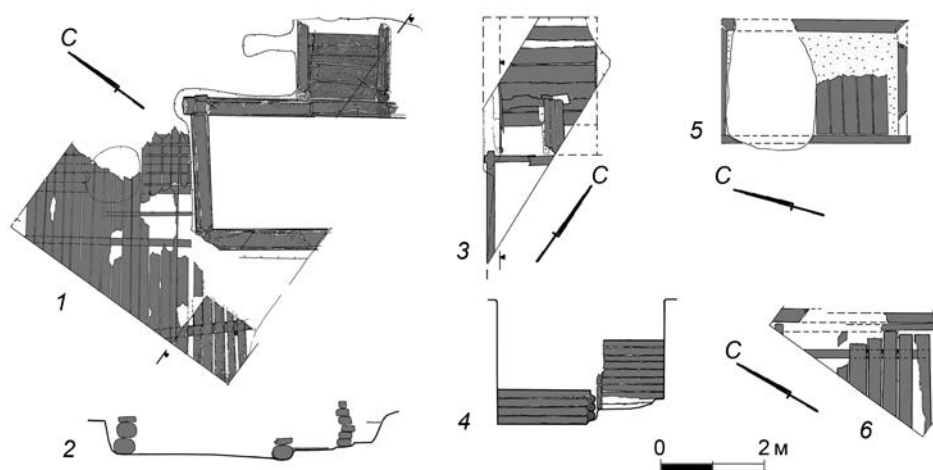

Рис. 3. Срубные постройки.

1 – постройка 4 и примыкающий настил, план; 2 – постройка 4, разрез; 3 – постройка 5, разрез; 4 – постройка 5, разрез; 5 – постройка 6, план; 6 – постройка 7

раскопанная **постройка 1** (рис. 4) с двумя строительными периодами (1А и 1Б), а также частично исследованные **постройки 4 и 5** (рис. 3: 1–4; табл. 1). Судя по находкам в их заполнении, верхний уровень срубов был жилым и отапливался при помощи изразцовых печей. Находки черепицы на месте построек незначительны. Постройки однотипные, различаются в основном размерами, оформлением врубок в местах соединения бревен, а также системой устройства лестниц и крепления ступеней. Прямоугольные в плане срубы ориентированы углами по сторонам света и установлены на дно котлованов, заглубленных ниже уровня погребенной почвы на 0,75–1,80 м. Пространство между постройкой и бортами котлована засыпано. Срубы сделаны из сосновых ошкуренных бревен диаметром 0,25–0,35 м, нижние венцы не ошкурены. Комлевые части бревен диаметром до 0,29–0,32 м в углах построек чередуются. Соединение бревен в углах выполнено рубкой «в обло» с выпуском остатков длиной 0,05–0,18 м. Бревна за исключением двух бревен нижнего венца, по периметру в местах соединения имеют 4 либо 6 трапециевидных врубок (две крупных сверху и снизу и по две небольших с боковых сторон бревна). В первом случае в месте скрещивания бревен каждое бревно в сечении имеет форму прямоугольника (постройка 1А), во втором случае – форму уплощенного шестигранника (рис. 4: 4). Такие типы соединения венцов были характерны для западноевропейских, в частности, для северогерманских срубных построек. Были получены дендродаты обоих периодов строительства – постройка 1А имеет дату 1667, 1Б – 1682. Разница между строительными периодами составляет 15 лет¹.

¹ Дендрохронологическое датирование было выполнено в лаборатории Новгородского археологического центра О. А. Тарабардиной.

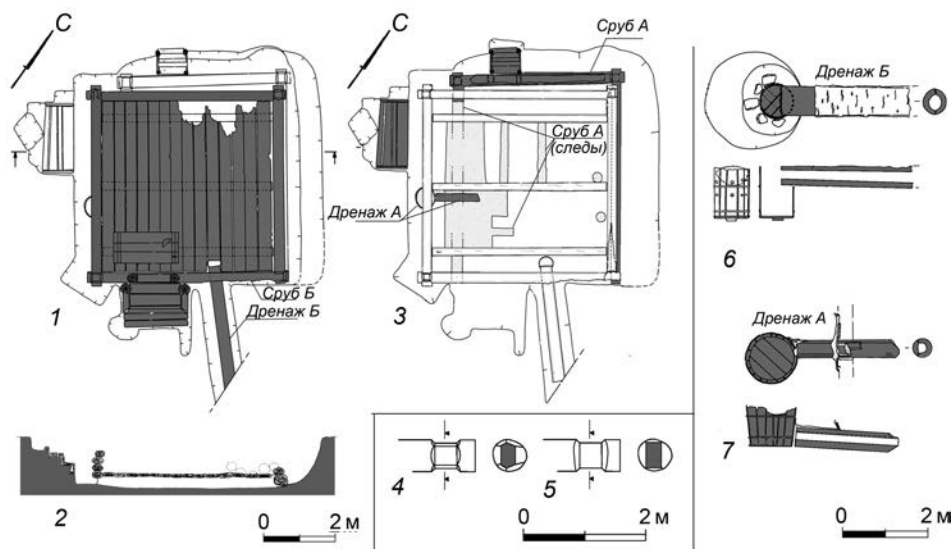

Рис. 4. Срубные постройки.

1 – постройка 1Б, план; 2 – постройка 1Б, разрез; 3 – постройка 1А, план; 4, 5 – варианты врубков; 6 – дренажная система постройки 1Б; 7 – дренажная система постройки 1А

Вход в постройки представлял собой заглубленное в материк входное помещение, полого спускающееся к дверному проему шириной 0,60–0,90 м (постройка 1А, 1Б). Порог высотой до 0,26 м располагался на уровне второго либо третьего венца сруба. В помещении размещалась лестница, состоящая из ступеней и нижней площадки. Ступени выбирались в грунте и обшивались горизонтально (постройка 4, 5) либо горизонтально и вертикально установленными досками (постройки 1А, 1Б). Боковые стенки входного помещения были обшиты досками (постройка 1А, 5) либо бревнами со шпунтованным окончанием (постройка 1Б, 4) и соединялись с вертикально установленными у стены сруба стойками круглого либо квадратного сечения. Доски ступеней заводились в пазы в боковых стенках. В постройках: 1Б, 4 и 5 имелся один вход, смещенный к одному из углов сруба, в постройке 1А было два, возможно, разновременных входа в смежных стенах.

По сохранившимся остаткам сруба постройки 1Б можно составить представление о высоте заглубленной части. В нижнем ярусе постройки 1Б было не менее 6 венцов. Сохранились остатки досок перекрытия, уложенные поверх 4 потолочных балок диаметром 0,22 м, расположенных на расстоянии 1,00 м друг от друга. Постройка была заглублена в грунт на 1,15 м. Реконструируемая высота стен при диаметре бревен 0,25–0,28 м составляет не менее 1,50–1,60 м. Таким образом, перекрытие находилось где-то на 0,35–0,45 м выше уровня дневной поверхности.

Образованное срубом внутреннее помещение в постройках 4 и 5 имело земляной пол, в постройках 1А, 1Б в нем был устроен дощатый пол, уложенный

Таблица 1

Габариты срубных построек.

№	Сруб					Котлован		Лестница (ширина× длина), м
	Внешние габариты/ внутренние габариты, м	Сохр. высота стен, м	Диаметр бревен, м	Полы	Дренаж	Габариты, м	Глубина, м	
1А	5,40×4,40/4,90×3,80	(0,94)	0,25–0,29	+	+	6,00×5,30	1,45	0,75×0,90 1,70×1,80
1Б	5,00×5,00/4,50×4,50	(0,73)	0,25–0,32	+	+	5,90×5,50	1,45	1,35×1,80
4	(4,20)×2,60–2,80/ (4,00)×2,00–2,20	(0,89)	0,30–0,35	-	-	(4,30)×3,00	0,90	1,35×(1,50)
5	(2,10)×(2,10)/	(1,37)	0,16–0,20	-	-	(2,10)×(2,10)	1,80	1,80×2,40

на не ошкуренные сосновые подпольные лаги. Доски пола постройки 1Б были сделаны из горбыля толщиной до 0,14 м и шириной 0,32–0,33 м, грубо обработанного с боковых сторон и гладко оструганного с лицевой. Они располагались перпендикулярно перекрытию и на нижней плоскости имели трапециевидные врубки для укладки на три подпольные лаги. У юго-восточной стены одна доска была короче других на 0,30 м, за счет чего в полу на стыке с нижним венцом оставлено квадратное отверстие. Под ним расчищена дренажная система (рис. 4: 6), состоявшая из вкопанной в грунт водосборной кадки диаметром 0,36 м и высотой 0,53 м с отверстиями в стенках и выводящей воду за пределы постройки водоотводной трубы, уложенной в траншею. Труба длиной более 3 м была выполнена из двух половинок продольно расколотого ошкуренного бревна диаметром 0,28 м. В бревне выдолблен желоб 0,13×0,16 м. Верхняя часть трубы и стыки перекрыты слоями бересты и обмазаны глиной. Водоотводное отверстие в торце трубы было перекрыто свинцовым диском диаметром 0,28 м, толщиной – 0,02–0,05 м, края которого были загнуты по внешней поверхности трубы. В его средней части имеется 19 отверстий, пробитых с помощью четырехгранных и круглых в сечении пробойников. Похожая дренажная система была обнаружена под полом постройки 1А (рис. 4: 7). Срубы с земляным полом, вероятно, не имели системы водоотводов.

Археологическое изучение города Ниена показало наличие в нем различных типов деревянных построек: наземных и заглубленных, срубных и каркасно-столбовых. При этом в их конструкции прослеживаются, в основном, западноевропейские традиции домостроения.

Литература

Сорокин П. Е., 1994. Археологические исследования в устье реки Охты // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб. С. 107–110.
 Сорокин П. Е., 2001. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб.: Литера.
 Сорокин П. Е., Андреева О. В., 2010. Исследование шведского города Ниена в Санкт-Петербурге // АО 2007 года. М. С. 40–53.
 КГА: SFP Östersjöprovinserna Nyen 7 // Шведский военный архив. Стокгольм.

С. Е. Шуньгина

К вопросу об исторических кладбищах Санкт-Петербурга (по материалам археологических исследований у ц. Благовещения на Васильевском острове в 2012 г.)

S. E. Shungina. On the Issue of the Historic Cemeteries of St. Petersburg (Based on Archaeological Research at the Annunciation Church on Vasilevsky Island in 2012)

Abstract. The article presents information about the results of archaeological research in 2012 in St. Petersburg at the 8th line of Vasilevsky Island, 61, Building 2: features of territorial division of the cemetery, information about graves, anthropological features of those buried and the accompanying findings. The importance and necessity of placing the site under the state protection, that is still questioned is emphasized.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, XVIII век, городское кладбище, сохранность погребения.

Keywords: Saint Petersburg, XVIII century, the city cemetery, the preservation of burial.

В конце 2012 г. ОАО «СПб НИиП институт по реставрации памятников истории и культуры «НИИ Спецпроектреставрация» были произведены археологические исследования на участке строительства, входящего в подзону ЗА 2, по адресу: г. Санкт-Петербург, 8-я линия Васильевского острова, д. 61, корп. 2. Целями проводившихся работ являлись: исследование части кладбища, бытовавшего с 1738 г. по 1770-е гг. в границах пятна предполагаемой застройки, определение части его границ, особенностей устройства, плотности погребений, изучение напластований на указанной территории для определения степени их сохранности, научной информативности и организации мероприятий для дальнейшего сохранения. До начала работ участок представлял собою пустырь со снесенным зданием детского сада (постройка 1960-х гг.) с западной стороны и снесенным аварийным флигелем синодального подворья с южной стороны. Был заложен раскоп общей площадью 165,3 кв. м, что

составило 6% от площади участка предполагаемого строительства (2751,4 кв. м). Участки А, Б и В исследованы до материка и последнего яруса погребений, участок Г был разведочным, напластования были сняты до уровня пятен погребений и верха заполнения внутрикладбищенской водоотводной канавы.

Историческое Благовещенское кладбище в Петербурге располагается на территории Васильевского острова, в северной его части, ограничено Малым проспектом, 7-й и 8-й линиями. Использовалось для совершения захоронений в 1738–1770-х гг. и имело размеры около 7 тыс. кв. сажен, около 3 га (РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д 406. Л. 119 об.). Будучи в указанное время одним из петербургских общегородских кладбищ, впоследствии передало эту традицию существующему ныне Смоленскому кладбищу.

На исторических планах Санкт-Петербурга начала XVIII в. это место показано свободным. Трасса Малого проспекта только намечалась, здесь протекал приток реки Смоленки с затоном и пруд, выкопанный для понижения уровня грунтовых вод. В 1727 г. были прорыты каналы между 6–7-й и 8–9-й линиями (трасса последних доходила до водоема). Несмотря на незначительную высоту места, у запруженного ручья была четко выраженная долина с пологими берегами (выемка на его месте сохранялась в городском ландшафте вплоть до появления в конце XIX века планов с проведенными на них горизонталями). Скорее всего, по этой же причине, как показали работы ИИМК при прокладке ливневой канализации в 2009 году, в северной части кладбища погребения редки и на некотором отдалении от церкви исчезают вовсе (*Мурашкин* и др., 2010. С. 71). На плане 1738 г., составленном И. Б. Зихгеймом, в южной части участка впервые появляются постройки, расположенные по фронту 7-й и 8-й линий. Одним из первых зданий, относящихся к нашей теме, является богадельня, сооруженная ктиторм Благовещенской церкви И. И. Чиркиным. По мнению авторов книги, посвященной 250-летию ц. Благовещения, «богадельня для престарелых и убогих... возникла еще до строительства церкви и выстроена была, вероятно, в силу указа Правительствующего Сената от 29 мая 1733 г., в котором было прописано «... престарелых, дряхлых и весьма больных, неимущих пропитания, – определять в богадельни», которые предписывалось открывать при церквях. По преданию старожилов, богадельня была каменная, одноэтажная, рядом с домом, означенном для помещения священнослужителей (построено позже), по 7-й линии» (Храм Благовещения... С. 88). После создания общегородских богаделен при Смольном монастыре призываемые были переведены туда. Дом бывшей богадельни отдан для помещения народного Благовещенского училища, открытого в 1786 г. и существовавшего здесь до 1831 г. (Василюстровский район. Энциклопедия... С. 236). Его местоположение зафиксировано на плане 1798 г. (в юго-восточной четверти участка), на плане 1828 г. зафиксирован небольшой сад, располагавшийся к западу от здания училища, который визуально отделял учебное заведение от совсем еще недавно действовавшего кладбища¹.

¹ Сейчас примерно на этом месте находится здание школы № 28 (Санкт-Петербург, 7-я линия В. О., д. 66), построенное в 1930-х гг.

Историю кладбища можно разделить на три разновеликих этапа². Первый (*начальный*, 1738–1746 гг.) «при старой церкви» – период становления, освоения места. Включаем сюда краткий этап до начала строительства церкви и ситуацию, когда кладбище в 1746 г. оказалось на грани закрытия. В конце 1730-х гг. указами императрицы Анны Иоанновны было закрыто сразу два городских кладбища: Вознесенское и Ямское. Их место должны были занять несколько вновь организованных, отвечающих новым санитарным требованиям. Из предложенных к рассмотрению, только проект Благовещенского кладбища на Васильевском острове был реализован (РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Л. 94–99 об.). Помимо «устроения» места захоронения здесь предполагалось построить церковь и организовать при ней приход для жителей северной половины острова (РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Л. 100–100 об.). В качестве образца был использован «опробованный» ранее проект ц. Трех Святителей здесь же на Васильевском острове (судя по размерам постройки), подготовленный и осуществленный архитектором Осипом Трезини. Церковь, построенная к маю 1741 г., располагалась относительно недалеко от водоёма, примерно по центру оси участка СЮ. Вероятнее всего, именно ее остатки были зафиксированы при земляных работах 2009 г. (*Мурашкин* и др., 2010. С. 58–60). Для сбора денег на строительство каменного храма и, возможно, для регулирования количества погребенных при церкви, было установлено вносить не меньше 10 рублей, а также по общим указаниям организации кладбищ, все могилы выкладывать кирпичом, сводить своды, а потом утаптывать накрепко землю. За два с половиной года, с апреля 1741 по сентябрь 1743 г., таким образом, было собрано 490 рублей – сумма, потраченная на приобретение новых колоколов (Описание документов... Т. 23 (1747). № 251. Стб. 341–348).

Из-за выявившегося явного несоблюдения санитарных норм при совершении захоронений (вероятно, в том числе, и погребений без кирпичных склепов, открытых в ходе наших исследований) кладбище было временно закрыто в 1746 году, но уже в следующем году открыто вновь (Полное собрание постановлений... Т. III (1747). № 1032. С. 112). С этого момента начинается второй этап (*основной*, 1747 – начало 1770-х гг.), время стабильного функционирования со своим вполне определившимся кругом захораниваемых, с появлением семейных участков и максимальным расширением причта до 9 человек служителей и трех священников, связанным с ростом числа совершаемых треб. Прежде всего, в 1749 г. начинается строительство новой каменной Благовещенской церкви. На плане Трускотта 1753 г. показаны две церкви: каменная и деревянная. План П. де Сент-Илера 1765–1773 гг. фиксирует границы территории, прилегающей к ц. Благовещения. В северной – северо-западной части участка читаются пруды, из-за которых 8–9-е линии еще не соединены с Малым проспектом. Южная часть участка огорожена легкой изгородью. Аналогичная ситуация зафиксирована на Сенатском плане 1798 г. В 1763 г. разбирают старую деревянную церковь (Храм Благовещения... С. 51). На месте

² Приношу благодарность А. П. Кошелькову за участие в подготовке данных материалов и анализе архивных источников.

алтаря был установлен крест в деревянной ограде. К 1772 г. после эпидемии холеры, случившейся в предыдущем году в Москве, практически все городские кладбища в обеих столицах были закрыты. В Петербурге сохранились только располагавшиеся за городской чертой Волковское и Смоленское. Строгость запрета фиксируется в метрических книгах петербургских церквей, где полностью исчезают упоминания ранних петербургских кладбищ (ЦГИА СПб. Ф. 859. Оп. 1. Д. 1. Л. 202 сл.).

Третий этап – *финальный* – время существования кладбища после его закрытия: в 1770–1830-е гг., пока были живы родственники погребенных и кладбище сохранялось по-прежнему в виде кладбища. К началу XIX в. перестраивается ныне существующая Благовещенская церковь. С 1845 г. закрытое кладбище сначала было превращено в сад при возрожденном Воскресенском Новодевичьем монастыре, затем южный участок отошел к Синодальному подворью. С середины XIX в. на территории исторического Благовещенского кладбища, как на церковной территории, так и на территории, отошедшей к Синодальному подворью, производилось строительство двух- – трехэтажных построек. Архитектором Карлом Николаевичем Вербицким в непосредственной близости от церкви было выстроено здание богадельни (8-я линия, дом 63А, 1874–1875 гг.), а также здание детского приюта (дом 65, 1882–1883 гг.). В самом конце XIX в. архитектор Косяков перестраивает здание Благовещенского синодального подворья с Никольской церковью (дом 61 по 8-й линии). В 1909 г. к корпусу Синодального подворья с востока пристраивают еще один, ныне существующий корпус, замыкая, таким образом, южную сторону бывшей кладбищенской территории. Кроме кирпичных зданий на участке появляются и небольшие деревянные строения. Сад существовал здесь и в советское время до организации в 1960-е гг. детского сада завода Козицкого (8-я линия, д. 61А).

Самые первые раскопки, проводимые близ ц. Благовещения, относятся к 1963 г., когда под руководством А. Д. Грача были организованы археологические исследования погребения С. П. Крашенинникова. Поводом для этого послужили ремонтные работы того года: при прокладке траншей для ливневой канализации в октябре 1963 г. к востоку и северу от церкви были обнаружены надгробные плиты, в том числе, и знаменитого исследователя Камчатки³. Фотофиксация хранится в фондах фототеки ИИМК РАН, альбом О.2723 «Раскопки на месте погребения С. П. Крашенинникова».

В июне – июле 2009 г. на территории Благовещенского сада, расположенного в Василеостровском р-не Санкт-Петербурга в границах: 7–8 линии В. О., Малый проспект, территория Благовещенской церкви под руководством к. и.

³ Об обнаружении надгробных плит сохранились Акты Государственной инспекции по охране памятников г. Ленинграда, датированные октябрём и ноябрём 1963 года, а также письмо Музея М. В. Ломоносова ЛО Института истории естествознания и техники АН СССР о разрешении проведения археологических работ (Архив КГИОП. Ф. п. 19, год 1957–1966, № П-2649. Л. 119, 120, 130, 133–135).

н. Н. Ф. Соловьевой (ИИМК РАН) были проведены археологические надзорные работы – обследование котлованов под колодцы дождевой канализации (Мурашкин и др., 2010. С. 59). В нескольких профилях котлованов, расположенных в восточной, северной и западной частях сада, в средней части стратиграфического профиля отмечены слои щепы, свидетельствующие о строительной деятельности на данном участке. В нижней части разрезов почти во всех частях сада отмечен мощный (до 0,5 м) слой гумусированной супеси, насыщенный, особенно в нижней части, щепой, досками, кусками обработанного дерева. По-видимому, именно этот слой, залегающий фактически на контакте с материком, отражает строительство самой первой, деревянной церкви Благовещения, построенной в 1740–1742 гг. В этом же слое встречаются артефакты, датированные наиболее ранним временем – первой половиной XVIII в.: фрагменты мундштуков голландских курительных трубок, белостенная керамика, фрагменты черепицы, «помадницы», фрагменты фаянсовых и фарфоровых изделий. В котлованах 1 и 2, расположенных ближе всего к Благовещенской церкви, зафиксированы остатки трех примыкающих друг к другу склепов, сложенных из неклеяемого кирпича на глиняном и известковом растворе. В склепах обнаружены остатки деревянных гробов, фрагменты костей. Судя по кирпичам, склепы относятся к XVIII в., когда на территории сада функционировало кладбище (Мурашкин и др., 2010. С. 53).

В мае – июне 2012 г. отделом охранной археологии ИИМК РАН были проведены историко-библиографические изыскания и археологическое обследование территории общей площадью 2770 кв. м, расположенной по адресу: Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61, корп. 2, лит. В. В ходе производства работ было заложено 4 шурфа общей площадью 16 кв.м. Два шурфа расположены в северной и восточной части территории, два шурфа заложены в западной части площадки. В шурфах 1, 2 и 3 зафиксирован слой коричневой сильно гумусированной супеси с минимальным количеством артефактов XIX в., формирование которого связано с существовавшим на исследуемом участке монастырского сада. В шурфах 2 и 3 зафиксирован ряд погребений (в шурфе 2 – пять могильных ям, в шурфе 3 – четыре деревянных гроба), ориентированных по оси запад – восток, относящихся к православному кладбищу при церкви Благовещения. В связи с открытием погребений в шурфах 2 и 3 работы там были приостановлены, а погребальные сооружения законсервированы (Архив КГИОП. Ф. п. 1122, № 13761; *Блохин, Поликартова*, 2013. С. 13–24.).

Таким образом, письменные источники и имеющаяся информация являются прочным основанием для наших исследований. Мощность антропогенных отложений на исследованном участке составила около 2,4–2,67 м. Их основной объем (от 1,6 до 2 м) составляют отложения второй половины XIX–XX вв. в виде неоднократных подсыпок строительного мусора, мешаного слоя, песка, также зафиксированы керамические трубы ныне не действующих коммуникаций. Здесь же выявлены фундаментные столбы и их руинированные остатки, сложенные из известняковых плит, служившие основанием для легких деревянных построек, относящихся к внутридворовым хозяйственным сооружениям XIX – начала XX в. Следует отметить, что все выявленные конструкции

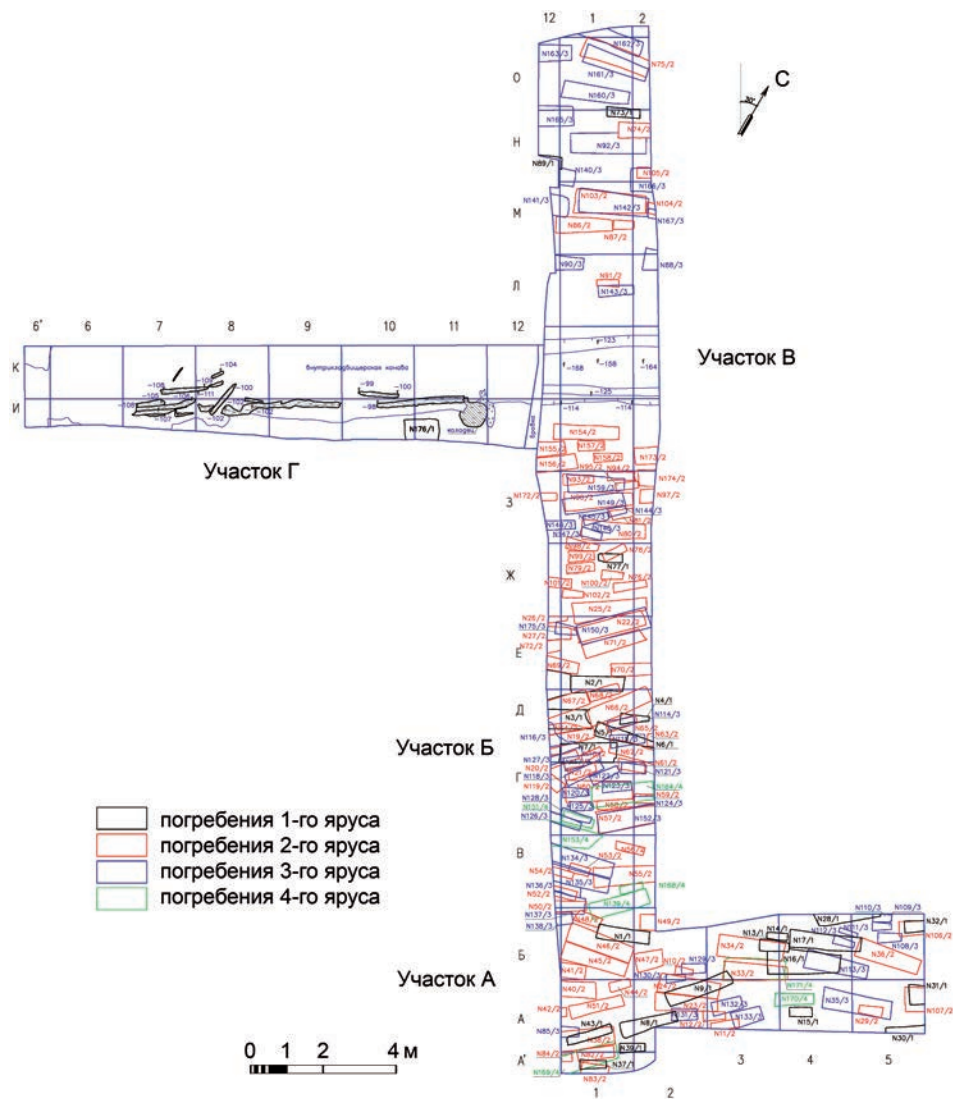

Рис. 1. СПб., 8-я линия В. О., д. 61, корп. 2. Совмещенный план погребений 1–4-го ярусов

были опущены до верха погребений и не нарушали их целостности (о кладбище знали, помнили и, таким образом, проявляли уважение к усопшим).

Нижнюю часть напластований мощностью около 80 см составляет слой переотложенной пестроцветной гумусированной супеси с погребениями, которые относятся к кладбищу при Благовещенской церкви. Верхняя граница супеси перекрыта насыпными слоями – подсыпками рубежа XVIII – первой половины XIX в., преимущественно представленными мешаным слоем светло-коричневого и светло-серого цвета. Над ним

Таблица 1

Степень сохранности погребений.

Ярус	Кол-во погребений	Не вскрывались	Костяк не сохранился	Костяк сохранился частично	Костяк сохранился полностью	Пустая яма
1	25	5	11	7	1	1
2	87	16	45	21	5	
3	56	16	16	21	3	
4	8	6	-	1	1	
Всего	176	43	72	50	10	1
% погреб.	100%	24,4%	40,9%	28,4%	5,7%	0,6%

в непо потревоженных местах была зафиксирована ровная, четкая фиксируемая прослойка темно-серого культурного слоя мощностью около 10–15 см, верх которой находится примерно на глубине 2,09 м БС (1,00–1,20 м от уровня современной дневной поверхности). Последняя, вероятнее всего, может маркировать нивелировку поверхности на период середины XIX в., когда здесь был организован сад.

В супесных напластованиях выявлено 176 погребений, расположенных в 4 яруса. Это труположения в деревянных гробах, преимущественная ориентация погребенных ЗЮЗ – ВСВ. Сохранность трех степеней: полная, частичная и не сохранившиеся костяки (в основном к ним относятся погребения младенцев). Погребения выявлены по всей площади раскопа и продолжаются за его пределами во всех направлениях (рис. 1). На уровне 1-го яруса (самого верхнего) открыто 25 погребений, (из них одно несостоявшееся погребение представлено в виде засыпанной могильной ямы), на уровне 2-го яруса – 87 погребений, на уровне 3-го яруса – 56 погребений, на уровне 4-го яруса – 8 погребений (из них 6 погребений в связи с морозами не раскрывались и были законсервированы). Почти в половине из них (40,9%) костяки не сохранились и были представлены в виде гробов, заполненных водонасыщенной серой однородной гумусированной супесью (на момент исследований уровень грунтовых вод был зафиксирован на отметке –93 см относительно репера, что стратиграфически соответствовало верху погребений 2-го яруса). Не вскрытые погребения – это те захоронения, которые попали в границы раскопа меньшей частью и, чтобы не нарушать их целостность, не вскрывались вовсе. Примерно у трети погребений костяк сохранился частично и был представлен единичными костями скелета. Это связано с нарушением погребения при совершении более позднего захоронения или последующей хозяйственной деятельностью (при этом оказывались разрушенными и гробы), а также, возможно, с агрессивностью грунтовых вод и окружающей среды, в результате которых кости истлели (особенно это касается детских погребений). Полностью или практически полностью сохранилось всего 5,7% погребений (табл. 1).

Планиграфически в границах раскопа выделяется два участка кладбища, разделенных внутрикладбищенской дренажной канавой шириной около 1,8 м, и, таким образом, в границах исследованной территории условно его можно

разделить на северную и южную части. Южная часть отличается несколько большей плотностью захоронений. Это хорошо видно как на сводном плане, так и на планах погребений отдельных ярусов.

На уровне 4-го яруса зафиксированы единичные самые ранние (первые) захоронения на участке. Они расположены в южной части. На уровне 3-го яруса в южной части они сгруппированы отдельными «островками», причем среди них выделяются группы детских (младенческих) погребений. В северной части – это единичные погребения, совершенные рядом друг с другом. На уровне 2 яруса в южной части раскопа зафиксировано наибольшее количество погребений, причем в плане практически не читаются какие-либо промежутки между захоронениями, предположить наличие тропинки можно в кв. АБ-4. В северной части в профилях и в плане четко прослеживались границы могильных ям. В южной части границы пятен могильных ям прослеживались не всегда, при этом часть из них была уничтожена при последующих захоронениях. Не исключено также, что производились групповые захоронения, как, например, это было зафиксировано в западном профиле, в кв. В-12, где на одном уровне ниже материка располагалось несколько погребений 3-го яруса. Если рассматривать характер погребений по профилям стен раскопа, то следует отметить, что гробы погребений 2–4-го ярусов находятся один над другим, и зачастую верхние погребения своей тяжестью деформировали нижние гробы. Прослойка супеси наблюдается только между ярусами захоронений 2 и 1, она составляет около 10–12 см (например, профиль западной стенки, кв. Д-12). Следует отметить, что при такой плотности выявленных захоронений в этой части кладбища, оно использовалось довольно активно, что может объясняться располагавшейся рядом богадельней для престарелых и убогих, находившейся здесь в период после 1733 г. (точная дата строительства неизвестна) по 1786 г. С другой стороны – эта часть кладбища является наиболее отдаленной от церкви, и по статусу здесь, вероятнее всего, хоронили представителей бедных сословий. Об этом свидетельствует также полное отсутствие кирпичных склепов.

Для проведения палеоантропологических исследований были переданы все сохранившиеся костяки и их фрагменты: пакеты (27 ед.) с разрозненными остеологическими материалами (собраны на уровне переотложенной супеси над погребениями 1-го яруса), содержащими фрагменты костей как минимум 21 человека и фрагментированные кости животных, а также костные останки не менее 67 человек из 54 погребений, что составляет 30,7% от общего числа зафиксированных погребений⁴. Работа выполнена студентами

⁴ В одном из 55 пакетов, относящемуся к погребению 74/2, находилась кость животного; к неизученным лабораторно относятся также почти все погребения 4-го яруса, которые были зафиксированы *in situ*, но не вынимались с целью сохранения их целостности в связи с усилением морозов и большой хрупкостью костей (они законсервированы).

Таблица 2

Количество погребенных по половозрастному составу.

Ярус	Кол-во погребений/ захороненных	муж.	жен.	взр.	подр.	дет.	не опред.
1	25/29	2	2+1(?)*	3	1(?)	11	10
2	87/92	6	8+1(?)	8	1+1(?)	32	36
3	56/58	5	2+1(?)	–	2+1(?)	28	20
4	8/8	–	1	–	–	3	4
Всего	176/187	13	13+3(?)	11	3+3(?)	74	70
% захорон.	100%	6,9%	8,6%	5,9%	3,2%	39,6%	37,4%

* данные со знаком вопроса (?) в одной строке относятся к одному захоронению, поскольку в этом случае не был точно определен пол и возраст погребенных

СПбГУ В. П. Колосовым и В. В. Галкиным под руководством к. и. н., м. н. с. отдела антропологии МАЭ РАН А. А. Казарницкого.

В разрозненных остеологических материалах присутствуют кости почти исключительно взрослых людей, пол и возраст которых, как правило, установить невозможно, и один скелет ребенка 7–10 лет, а также множество костей животных. Подавляющее большинство материалов из конкретных погребений имеют крайне плохую сохранность, но, несмотря на это, имеющаяся часть антропологических останков позволила получить данные о половозрастном составе, некоторые сведения о травмах и патологиях, несколько черепов отобрано для более подробного краниометрического изучения. По половозрастному составу подавляющее большинство погребений содержит в себе детские захоронения, мужские и женские погребения распределяются практически поровну (по данным исследователей 54% мужских захоронений и 46% – женских), подростковые погребения единичны, при этом они не всегда точно определены (табл. 2).

В 32% погребений были обнаружены фрагменты костей более одного человека. Наибольшая смертность в анализируемой группе погребенных пришлась на возраст от рождения до двух лет, в дальнейшем риск смерти резко сокращался к 4–5 годам и продолжал снижаться вплоть до конца подросткового периода. Пик смертности среди взрослого населения наблюдается в возрастной категории 25–35 лет, средняя продолжительность достигших совершеннолетия составила около 36 лет, причем для мужчин этот показатель выше (42,5 года), чем для женщин (31,3 года). Патологии и травмы погребенных зафиксированы в 15 случаях, более подробно эти особенности представлены в таблице 3. Зафиксированы четыре случая (6%) остеомиелита и два случая (3%) многослойного периостита длинных трубчатых костей свободных верхних и нижних конечностей, несколько случаев кариеса, прижизненных потерь зубов, одонтогенного остеомиелита и травматических повреждений черепа. Одним из таких погребений, где были зафиксированы и травматические повреждения и прижизненные патологические изменения, является погребение 36/2. Здесь были зафиксированы сросшиеся переломы носовых костей и левой

Таблица 3

Травмы и патологии погребенных.

№ погреб.	Пол погребенного			Возр.	Особенность	Травма	Патология
	ж	м	дет.				
8/1	+	(?)		25–35	прижизненная потеря левого верхнего второго моляра		+
17/1	+			30–40	следы прижизненных травм и остеомиелитические изменения диафизов больших и малых берцовых костей	+	+
23/2	+			30–40	прижизненная потеря правого нижнего премоляра; кариез		+
24/2	+	(?)		25–35	значительная массивность костей рук		+(?)
33/2	+			35–45	перимортальный или постмортальный дефект костной ткани левой теменной кости диаметром 5–10 мм возле венечного шва; прижизненная утрата нижнего левого третьего моляра; кариез	+	+
34/2			+	30–40	прижизненные травмы лобной и теменной костей черепа (крупные дефекты костной ткани в центре и левой половине чешуи лобной кости, а также на правой теменной кости в 20–30 мм от сагиттального и венечного швов со следами воспалительного процесса и заживления); васкулярная реакция надкостницы чешуи лобной и теменных костей, обусловленная регулярным низкотемпературным стрессом; прижизненная утрата правого нижнего первого моляра	+	+
36/2	+			25–35	сросшиеся переломы носовых костей и левой лопатки, следы благополучно заживших травматических повреждений правой теменной кости и чешуи затылочной кости черепа; прижизненная потеря правых первого и второго верхних моляров, всех нижних моляров и левых нижних премоляров; однотогенный остеомиелит; cribra orbitalia; множественные многослойные периоститы диафизов бедренных, больших и малых берцовых костей, возникающие вследствие тяжелых заболеваний органов грудной клетки (рак легких, гнойные заболевания легких, изредка – туберкулез или врожденный порок сердца).	+	+
75/2			+	30–40	прижизненная потеря нижних первых моляров		+
156/2		взр.		?	утолщение диафизов больших берцовых костей вследствие гнойного остеомиелита		+
112/3			+	3–6 мес.	патологические изменения наружного слухового прохода, вызванные, вероятно, воспалением прилегающих тканей при остром отите		+
113/3			+	45–55	одонтогенный остеомиелит		+
115/3			+	6–8	патологическое искривление диафизов костей предплечья с образованием гнойных кист (остеомиелит?)		+
117/3			+	4	cribra orbitalia		+
122/3			+	1–1,5	патологическое искривление диафизов, возможно, вследствие хондродисплазии (?)		+
150/3			+	?	периостит бедренной кости (вероятно, следствие заболеваний органов грудной клетки или сифилис)		+
15 погребенный	6	4	4			4	15

лопатки, следы благополучно заживших травматических повреждений правой теменной кости и чешуи затылочной кости черепа; прижизненная потеря правых первого и второго верхних моляров, всех нижних моляров и левых нижних премоляров; однотогенный остеомиелит; *cribra orbitalia*; множественные многослойные периоститы диафизов бедренных, больших и малых берцовых костей, возникающие вследствие тяжелых заболеваний органов грудной клетки (рак легких, гнойные заболевания легких, изредка – туберкулез или врожденный порок сердца). Какую-либо закономерность встречаемости травм и патологий выявить не удастся, хотя воспалительные заболевания трубчатых костей распространены в рассматриваемой группе сравнительно широко. Тем не менее, по мнению авторов исследований, выборка недостаточно репрезентативна для экстраполяции этих данных на всё население Васильевского острова второй половины XVIII – начала XIX в.

Для подробного краниометрического изучения было отобрано 6 черепов, 1 мужской и 5 женских. По результатам этого исследования черепа демонстрируют наибольшее сходство с сериями русских Псковской, Новгородской, Тверской и Московской областей. Формирование, по крайней мере, женской части населения Васильевского острова второй половины XVIII – начала XIX в. происходило, по всей видимости, при участии русских переселенцев из центральных и северо-западных областей европейской части России.

Как в ходе полевых работ, так и в процессе камеральных исследований, нами было обращено внимание на случаи присутствия в одном погребении костей и их фрагментов, принадлежавших двум индивидуумам. Таких случаев 13, они зафиксированы на уровне 1–3 ярусов. Полностью сохранившихся погребений двух человек не зафиксировано ни в одном случае. Везде четко выделяется скелет или подавляющее число костей «основного» погребения, а другому принадлежат лишь единичные кости. Большая часть погребений с присутствием костей другого индивида оказались потревоженными, гробы разрушенными, поэтому проникновение туда «лишних» костей, возможно, произошло в результате последующих погребений. Например, таким оказалось погребение 8/1, где среди костей скелета, вероятно, женщины 25–35 лет, рядом с берцовыми костями находились два фрагмента трубчатых костей второго индивида. Аналогичная ситуация была прослежена при исследовании погребений начала XVIII в. в Санкт-Петербурге на Сытнинской улице в 2014 г., где были исследованы коллективные захоронения (по предварительным данным) крестьян, отбывавших трудовую повинность на строительных работах (*Широбоков, Учанева, 2010. С. 239–247*). В шести погребениях вероятность последующего проникновения в гроб костей маловероятна. К ним относятся погребения 2/1, 17/1, 23/2, 25/2, 36/2, 149/3. Все они отличаются хорошей сохранностью древесины и целостностью гробов, крышки их находились на своих местах. В погребении 25/2 был зафиксирован плохо сохранившийся скелет мужчины 30–40 лет и левая лопатка новорожденного ребенка. Такие парные захоронения известны при исследованиях различных памятников (например, среди погребений XVIII–XIX вв. на территории Большого Успенского мужского монастыря в Тихвине). В остальных случаях зафиксированы кости,

принадлежавшие взрослым индивидам. В погребении 17/1 среди частично сохранившихся костей женского скелета был обнаружен фрагмент глабеллярной части лобной кости взрослого человека. В погребении 23/2 основной скелет принадлежал женщине 30–40 лет, кроме того, в гробу были обнаружены диафизы правой и левой лучевых костей, диафиз левой локтевой кости другого взрослого человека. В представленном выше относительно хорошо сохранившемся погребении 36/2 был обнаружен фрагмент первой плюсневой кости другого индивида. В погребении 149/3 второму индивиду (возможно, мужчине 45–55 лет) отнесены фрагмент второй нижней челюсти и фрагмент челюсти затылочной кости взрослого человека. Интерпретировать данный факт пока нет возможности.

После проведенных исследований останки погребенных перезахоронены на территории братского Смоленского кладбища на острове Декабристов на основании решения Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка г. Санкт-Петербурга.

Коллекция индивидуальных находок немногочисленна, она насчитывает 57 предметов (рис. 2). Они делятся на бытовые предметы (например, в заполнении канавы обнаружены фрагменты ножа с деревянной ручкой, развал тарелки, изготовленной в Англии), строительную керамику, предметы, которые происходят из погребений (нательные кресты, подвеска, фрагменты кожаной обуви, лапти). Среди последних отметим редкую находку восковой свечи в детском погребении № 114/3.

При расчистке погребений обнаружено 8 нательных крестов, изготовленных из сплава цветных металлов или олова. Для их атрибуции и датировки использована классификация А. Б. Островского (*Островский, 2007*). В соответствии с ней к типу III-1.1-Б (прямоконечные, без обрамляющих выступов, без заполнения углов средокрестия; без расширения полупланок; на лицевой стороне изображен крест) относятся кресты № 9, 48 и 49 (детские погребения № 6/1, 109/3, 146/3), они датируются периодом XVIII–XIX вв. К типу III-3-2-Б (прямоконечные, без обрамляющих выступов, с заполнением углов средокрестия растительным элементом с изображением Голгофского креста) относим кресты № 26 (обнаружен в погребении № 71/2 костяк не сохранился) и 53 (происходит из женского погребения № 159/3). По форме и оформлению внешней стороны креста полная аналогия представлена в каталоге А. Б. Островского под № 130 (*Островский, 2007. С. 201*), который датируется XVIII в. К типу III-4-2.2-Б (прямоконечные, с заполнением углов средокрестия и обрамляющими периметр выступами, при этом использованы различные фигуры; в углах средокрестия растительный элемент, с изображением на поверхности Голгофского креста) отнесены кресты № 46 (из мужского погребения № 113/3) и 50 (из детского погребения № 147/3). Первый из них по своему оформлению аналогичен серебряному кресту XVIII в. из коллекции Ф. М. Плюшкина, № 161 по каталогу (*Островский, 2007. С. 216*). Последний также может быть отнесен к типу III-4-2.3-Б (прямоконечные, с заполнением средокрестия и с обрамлением по периметру; использованы различные фигуры; в углах фигура, в которой сочетаются луч (*этот элемент*

Рис. 2. Некоторые находки из погребений: 1-5, 7-9 – нательные кресты, 6 – подвеска, 10 – монеты, 11 – обломки свечи; 1, 3, 6 – олово, 2, 4, 5, 7-10 – цветной металл, 11 – воск

отсутствует – С.Ш.) и растительный элемент с изображением Голгофского креста). Этот крест по своему оформлению аналогичен крестам XVIII в. и XVII–XVIII вв. Нательный крест № 23 (из женского погребения № 22/2) соседствовал с ажурной подвеской (№ 24). У креста была завернута боковая полупланка, которую удалось вернуть на место в результате реставрации; ушко округлое, тонкое. В связи с плохой сохранностью изображения на кресте не читаются. Пока этот крест не поддается классификации.

В коллекции также имеются 7 находок из кожи, происходящих преимущественно из погребений. Все они представляют собой остатки обуви в той или иной степени сохранности. По конструктивным деталям и некоторым технологическим признакам, выявленным на сохранившихся и определяемых деталях, можно сказать, что погребенные были обуты в низкую обувь жесткой конструкции⁵.

Особое внимание в коллекции привлекает довольно хорошей сохранности пара кожаных туфель жесткой конструкции на деревянных скошенных каблуках, без задников из погребения № 35/3 (№ 39). Подобная обувь входит в моду во второй четверти XVIII в. Для неё характерны слегка зауженный нос, цельнокроеная берца с поднарядом и подошва изогнутой формы (с крокулем), зауженная пяточная часть которой одновременно служила набойкой для деревянного каблука. По всей видимости, в погребении № 8/1 были аналогичные туфли (№ 18), от которых сохранились подошвы, одна из которых целая – с крокулем

⁵ Приношу искреннюю благодарность Е. С. Зубковой за помощь и консультацию при подготовке этих материалов.

(вторая в виде обрывка) и обрывки верхов, по форме края подобные верху вышеописанных туфель. Набор деталей пары обуви из погребения № 33/2 (№ 40) – два деревянных обтяжных каблука, подошва и обрывки верха. На подошве фиксируются следы от соединительного шва «в подтай», которым она соединялась с верхом обуви. Подобный шов характерен исключительно для обуви жесткой конструкции, которая с XVI в. окончательно вытеснила все виды обуви мягкой конструкции. Детальное изучение обрывков верха позволяет предположить, что обувь представляла собой низкие туфли с двухчастными берцами со швом на пятке, с деревянными обтяжными каблуками. Обувь (как мужская, так и женская) на деревянных обтяжных каблуках появляется с началом петровского времени. Каблуки у мужской обуви сохраняли форму наборных кожаных и были невысоки, тогда у женской они были скошенными и несколько выше. Судя по форме сохранившихся каблуков от описываемой пары обуви, это были мужские туфли с округлыми носами (несмотря на то, что погребение по данным антропологического исследования определено как женское). Остатки обуви из слоя строительного мусора и погребения № 67/2 – подошва с наборным кожаным каблуком, подбитая железными гвоздями в пяточной области, задник и обрывки верха с цельнокроеным поднарядом (№ 7), и обрывок подошвы и верха (№ 28) однозначно отнести к виду низкой обуви невозможно в силу плохой сохранности верха. Наборные кожаные каблуки появляются на Руси на рубеже XVI–XVII вв. и продолжают существовать наряду с деревянными обтяжными, вошедшими в применение (как уже упомянуто выше) с началом петровского времени. След от соединительного шва «в подтай» на подошве, наличие берестяной прокладки на подошве, жесткий задник с берестяной прокладкой, остатки ранта и поднаряда под обрывками верха – всё это свидетельствует о том, что обувь была, несомненно, жесткой конструкции. Однако все перечисленные детали могли быть набором как для сапог (обуви высокой), так и для низких туфель. Более подробное изучение остатков верха позволяет высказаться в пользу низких туфель, которые в жестком варианте появляются в конце XVII в. Что касается находки из погребения № 132/3 деталей от детской кожаной обуви (№ 47) – то, скорее всего, это были сапожки с тиснёными головками. Все определяемые на деталях технологические признаки: следы шва «в подтай» на подошвах, остатки ранта по периметру подошвы, наличие наборного кожаного каблука говорят о жесткой конструкции. Тиснение на головках сапожек, которое применялось в XV–XVI вв., а также наборный каблук могут свидетельствовать о более раннем происхождении описываемой пары обуви, однако не исключено, что детская обувь могла долгое время сохраняться в семье и передаваться от поколения к поколению. Остальные находки, представляющие собой отдельные детали жесткой обуви – наборные кожаные каблуки, обрывок подошвы со следами шва «в подтай», не выходят за хронологические рамки бытования вышеописанных находок.

Подводя итог обзору коллекции находок из кожи, можно сказать, что по набору деталей, по конструктивным и технологическим признакам хронологические рамки происхождения и бытования обуви ограничиваются концом XVII – второй половиной XVIII в. Аналогичные типы обуви

обнаруживаются в слоях этого времени в Москве, Пскове, Твери и других русских городах (Осипов, 2006. С. 42–47). Находки переданы на постоянное хранение в фонды МАЭ РАН.

Таким образом, в результате работ получена ценная информация, свидетельствующая о границах кладбища (оно распространено по всему пятну застройки), об особенностях погребений, планировки, плотности захоронений, их сохранности. Несмотря на направленную в КГИОП информацию, до сих пор не принято решение государственных контролирующих органов о дальнейшей деятельности на этой территории, а само историческое кладбище не поставлено на охрану.

Литература

- Блохин Е. К., Поликарпова А. О.*, 2013. Предварительное археологическое исследование кладбища при церкви Благовещения на Васильевском острове // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьёва. № 3. СПб. Василеостровский район. Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга / сост. Г. Ю. Никитенко, В. Д. Соболев. СПб., 2002.
- Мурашкин А. И., Городилов А. Ю., Грицик Е. А., Казашев Э. А., Соловьёва Н. Ф.*, 2010. Археологический надзор за ходом реконструкции Благовещенского сада на Малом проспекте Васильевского острова в 2009 г. // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьёва. № 1. СПб.
- Осипов Д. О.*, 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.
- Островский А. Б.*, 2007. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб.
- Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. III (1747). № 1032. СПб., 1912.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 23 (1747). № 251. СПб., 1911.
- Храм Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове. 250 лет. СПб., 2012.
- Широбоков И. Г., Учанева Е. Н.*, 2010. Первые строители Петербурга: некоторые результаты изучения скелетных останков из коллективных захоронений в районе ул. Сытнинской // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьёва. № 5. СПб.

Архивные материалы

- Архив КГИОП. Ф. п. 19, № П-2649. 1957–1966 гг. ц. Благовещения Пресвятой Богородицы. Переписка.
- Архив КГИОП. Ф. п. 1122, № 13761. 2012 г. Отчет о выполнении научно-исследовательских археологических работ на территории по адресу: г. Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61, корп. 2, лит. В. СПб.
- РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Об открытии кладбищ на Васильевском и Петербургском островах. 1732–1741 гг. 178 л.
- ЦГИА СПб. Ф. 859. Оп. 1. Д. 1. Церковь Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы (1714–1918 гг.).

Н. Н. Мальшева, Т. Г. Сарачева

Керамические сосуды в архитектуре собора Покрова на Рву в Москве

*N. N. Malysheva, T. G. Saracheva. Ceramic Vessels in the Architecture of
Intercession Cathedral on the Moat in Moscow*

Abstract. Ceramic vessels used as 'golosniki' (resonators) were found in interiors of seven from nine churches of Intercession Cathedral on the Moat (St Basil's Cathedral), was built from 1555 to 1561. As result of full-scale examine of golosniki's some part and analyze of archive data were found, that their number, form, size and place in each church are different. Ceramic vessels are also registered on facade walls of cathedral's two churches, that rare meet at Ancient Russian architectural monuments. In total were found 219 ceramic vessels. Such representative set of vessels, which have narrow chronology is of great interest for the research of Later Middle Ages ceramic collections.

Ключевые слова: архитектурный памятник, обмерные чертежи, сосуды-голосники, акустика помещений, керамические коллекции.

Keywords: architectural monument, dimensional drawings, resonator vessels, acoustics, ceramic collections.

Одной из малоизученных страниц строительной истории памятника русской архитектуры середины XVI в. – собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (храма Василия Блаженного) – являются керамические сосуды, выявленные как в интерьерах, так и на его фасадах. Известно, что они широко применялись в древнерусском зодчестве с целью улучшения акустических свойств помещений, а также для облегчения веса сводов. Несмотря на то, что исследователи храмов часто отмечают наличие сосудов-голосников, специальные работы по ним единичны (*Стасов*, 1861, 1865; *Полянский*, 1876; *Грязнов*, 1893; *Даль*, 1875; *Гезе*, 1901; *Покрышкин*, 1906; *Верховская*, 1936; *Раппопорт*, 1994; *Микита*, 2008).

Помимо несомненного интереса к этой теме исследователей архитектуры, стоит отметить научную значимость голосников в контексте археологического изучения керамических коллекций эпохи средневековья. Сосуды, вмурованные в стены каменных храмов в момент их строительства, представляют собой закрытый комплекс, на который можно опереться при выделении периодов

развития региональных керамических наборов и датировать их с большей точностью. Они могут быть надежным хронологическим репером для датировки керамических форм, обнаруженных в процессе археологических раскопок, так как год сооружения многих храмов известен по письменным источникам. Известно, что замена голосников в интерьерах храма не проводилась, если не было масштабной перестройки памятника, следовательно, все сосуды из него чаще всего относятся к узкому хронологическому периоду. В каждом храме голосниковая система состоит из совокупности сосудов, иногда разных форм, часто достаточно представительной. Например, в Покровском соборе на сегодняшний день выявлено 219 керамических сосудов. Среди них можно выделить две формы – кувшины и корчаги.

Введение в научный оборот керамических коллекций архитектурных памятников поможет аргументированно уточнить время возникновения и этапы развития некоторых типов сосудов, что существенно дополнит общую картину развития средневековой керамики. Это особенно важно для археологических памятников, в культурном слое которых плохо сохраняются органические остатки и отсутствуют возможности для получения дендродат или они минимальны.

Как правило, голосники расположены на значительной высоте, вследствие чего их исследование в большинстве случаев становится возможным лишь во время проведения реставрационных работ с установкой строительных лесов. Именно в ходе реставрационных работ, летом 2015 г., появилась возможность подняться по лесам на уровень голосников в интерьере центральной церкви Покровского собора и осуществить их детальное исследование. Впоследствии были изучены голосники еще одной церкви собора, расположенные на незначительной высоте. В остальных церквях голосники недоступны, и мы могли лишь констатировать факт их наличия и количество (Малышева и др., 2016. С. 92–95).

Обращение к архивным материалам по реставрации собора показало, что во время масштабных работ в 1954–1957 гг., когда составлялись обмерные чертежи, архитекторами были зафиксированы голосники с разной степенью подробности. Благодаря этому появилась уникальная возможность соотнести натурные наблюдения с кроками чертежей, а также получить информацию о недоступных в настоящее время для изучения сосудах. Это позволило наиболее полно охарактеризовать керамические сосуды Покровского собора, сознательно не затрагивая вопросы их акустических свойств, а сосредоточив основное внимание на важных для археологов метрических, морфологических и технологических показателях.

Особенностью Покровского собора, возведенного в 1555–1561 гг., является то, что он состоит из 9 самостоятельных церквей. Керамические сосуды находятся в интерьерах 7 из 9 церквей второго яруса храма (83 экз.)¹ и на фасадах 2 из 7 церквей (136 экз.) с голосниками в интерьерах (рис. 1). Мы не можем

¹ В состав собора входят два более поздних, небольших по размерам, нижних придела – святых Василия Блаженного (1588) и Иоанна Блаженного (1672), голосники в которых отсутствуют.

Рис. 2. Килевидные кокошники с размещенными в них керамическими сосудами на фасаде церкви Покрова Пресвятой Богородицы

отметить, что размещение керамических сосудов на фасадах церквей представляет собой довольно редкое и мало исследованное явление в древнерусской архитектуре.

В соответствии с архитектурными особенностями и размерами церкви с голосниками разделяются на три группы: центральная Покрова Пресвятой Богородицы; четыре большие – во имя святых Киприана и Иустины, Святой Живоначальной Троицы, Великорецкого образа святителя Николая (Николы Великорецкого) и Входа Господня в Иерусалим; две малые – во имя преподобного Александра Свирского и Трех Патриархов Константинопольских Александра, Иоанна и Павла Нового. Рассмотрим особенности размещения керамических сосудов в церквях по выделенным группам.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы – центральная церковь собора – состоит из четверика, двух восьмериков и высокого шатра. Здесь насчитывается 16 голосников в интерьере, расположенных в верхней части нижнего восьмерика, по два сосуда на каждой грани. Столько же сосудов вмуровано на фасаде в килевидных кокошниках, которые украшают верхний восьмерик церкви (рис. 2). Высота церкви составляет 47,5 м, пояс голосников в интерьере находится на высоте около 21 м, на фасаде – около 29 м (рис. 3).

Четыре большие церкви собора состоят из двух восьмериков и светового барабана, перекрытого сводом. Высота больших церквей колеблется

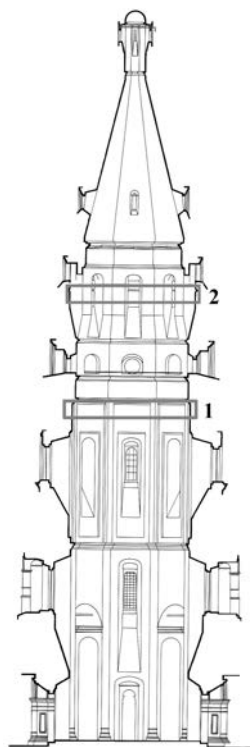

Рис. 3. Схема расположения голосников в церкви Покрова Пресвятой Богородицы

от 20,5 до 23 м. Голосники в них находятся приблизительно на уровне 13–14 м, что соответствует около 2/3 высоты столпов. С точки зрения архитектуры в трех церквях голосники расположены одинаково, в верхней части второго восьмерика – у основания барабана.

В церкви Киприана и Иустины 8 голосников вмурованы по одному на каждой грани. Сходная картина и в церкви Троицы, однако здесь сосудов 7, так как на западной грани устроена ниша с окном. Это единственный пример несимметричного расположения сосудов. В остальных церквях количество голосников разное, но всегда кратно 4. Это связано с конструктивными особенностями архитектурных объемов, построенных на сочетании четвериков и восьмериков.

В интерьере церкви Входа Господня в Иерусалим также 8 сосудов, которые снизу совершенно не видны, так как они спрятаны в четырех глубоких нишах, ориентированных по сторонам света, по два в каждой. Они вмурованы в стенки ниш, у основания² (Брунов, 1988. С. 48).

В декоративном убранстве фасада этой церкви использовано 120 керамических сосудов: 24 – в верхней части восьмигранного барабана (по 3 на каждой

² Архив отдела «Покровский собор». П-3/21г.

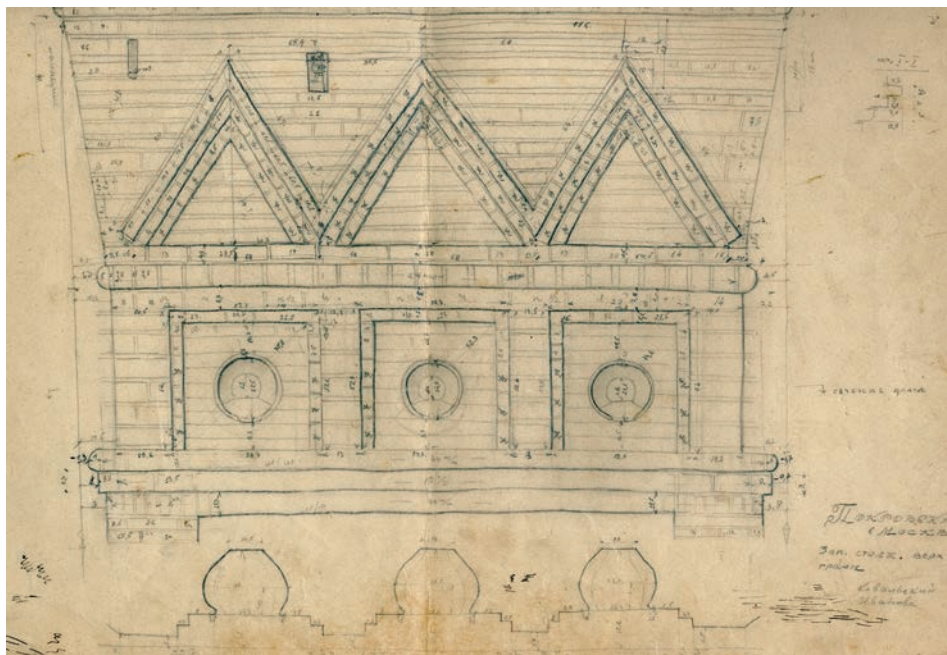

Рис. 4. Одна из граней восьмигранного барабана церкви Входа Господня в Иерусалим. Чертеж. 1950-е гг.

границы) (рис. 4, 5) и 96 расположены по контуру полукруглых кокошников, завершающих верхний восьмигранник и оформляющих его переход к барабану (рис. 6). Кокошников восемь, в каждом вмуровано по 12 сосудов. Они находятся примерно на уровне ниш с голосниками, однако логично предположить, что в данном случае зодчие использовали сосуды с целью оформления контура кокошников круглыми отверстиями одного диаметра.

В интерьере церкви Николая Великорецкого выявлено 32 голосника – максимальное число сосудов в интерьере одной церкви собора. Они расположены в три ряда. Это единственный в соборе пример наличия голосников в барабане.

Между большими церквами собора поставлены 4 малые церкви, которые отличаются в архитектурном отношении. Они состоят из четверика, восьмерика и светового барабана, перекрытого сводом. Голосники находятся в двух столпах с восточной стороны храма, причем система их устройства различна.

В церкви Трех Патриархов Константинопольских насчитывается 8 сосудов, по два на каждой грани нижнего четверика внутри арочек. Высота церкви составляет 14,6 м, голосники находятся на высоте около 4 м. В церкви Александра Свирского хорошо видны отверстия четырех голосников в центре граней восьмерика. Высота церкви 15 м, расстояние от пола до голосников около 7 м.

Перейдем к рассмотрению морфологии и метрики голосников. В результате натурального изучения совместно с А. А. Полюляхом голосников в двух церквах в 2015 г. была реконструирована их форма (Малышева и др., 2017).

Рис. 5. Керамические сосуды на барабане церкви Входа Господня в Иерусалим.
Реставрация 2003 г.

Все 16 голосников из интерьера центральной церкви имеют одинаковую форму – кувшины с туловом овоидной формы, с носиком-сливом и ручкой (рис. 7). Цвет поверхности светло-желтый. В стены они вмурованы таким образом, что носик-слив находится сверху, а ручка – снизу.

Благодаря зондажу, выполненному художниками-реставраторами под одним из кувшинов, удалось установить, что ручка шириной 4 см и толщиной 2,5 см имеет дугообразную форму и прямоугольное сечение³. На наружную поверхность ручки нанесен декор в виде двух параллельных желобков с ногтевыми вдавлениями по ним. Зондаж позволил также изучить забутовку вокруг кувшинов: это битый кирпич на известковом растворе (рис. 8).

В церкви Трех Патриархов Константинопольских в стены вмурованы подобные по форме белоглиняные кувшины, но меньших размеров. Как и в Покровской церкви, они имеют овоидную форму тулова с аналогичной профилировкой.

³ Благодарим художников-реставраторов Межобластного научно-реставрационного художественного управления (Москва) А. А. Бринцева и К. Ю. Муравьева, сделавших зондаж.

Рис. 6. Декоративное оформление кокошников церкви Входа Господня в Иерусалим

Наличие носиков-сливов, а также ручек на голосниках из центральной церкви позволяет говорить о том, что строители храма, вероятно, использовали обычные бытовые кувшины, а не иные специально сделанные для этой цели сосуды. Подобная практика отмечалась неоднократно для домонгольского времени и особенно для XVI–XVII вв. (*Раннопорт*, 1994. С. 52–53; *Верховская*, 1936. С. 50). Судя по размерам сосудов и фотографиям, на которых видны носики-сливы, можно предположить, что в церквях святых Киприана и Иустины и святителя Николая также вмурованы кувшины.

По метрическим показателям керамические сосуды из шести церквей Покровского собора можно условно разделить на три группы⁴.

Большие голосники высотой 45–56,5 см находятся в интерьерах центральной церкви, большой церкви Входа Господня в Иерусалим и малой церкви преподобного Александра Свирского. Самые крупные кувшины находятся в центральной церкви. Их высота 51–56,5 см, максимальный диаметр 43 см. Диаметр венчика составляет 13–15 см, диаметр дна 19 см.

Сосуды из церкви преподобного Александра Свирского практически не уступают по размерам: высота 48–50 см, максимальный диаметр 47 см, диаметр дна 20 см. Особенностью этих голосников является большой диаметр

⁴ В архивных материалах отсутствует информация по размерам голосников из церкви Николая Великорецкого.

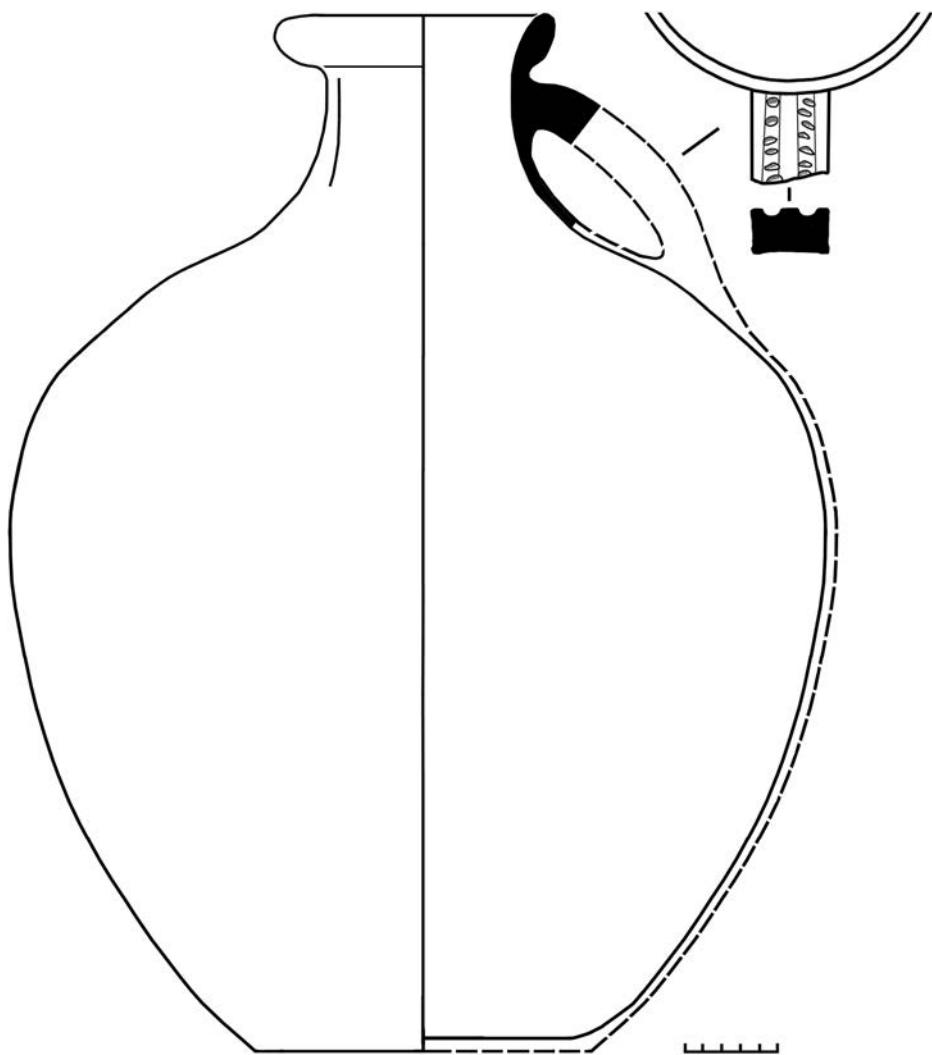

Рис. 7. Кувшин-голосник из церкви Покрова Пресвятой Богородицы

венчика – 17–19 см. Он практически соответствует диаметру дна. Трудно допустить, что здесь вмурованы кувшины.

Восемь голосников из церкви Входа Господня в Иерусалим существенно уступают по диаметру дна – 10–11 см, диаметр венчика – 13–14 см. Их высота 45–51 см, однако максимальный диаметр оказался самым большим из зафиксированных – 48 см.

Средние голосники высотой 27–38 см выявлены в малой церкви Трех Патриархов Константинопольских, большой церкви святых Киприана и Иустины и на фасаде центральной церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

Рис. 8. Зондаж под сосудом из церкви Покрова Пресвятой Богородицы

Кувшины в церкви Трех Патриархов Константинопольских имеют высоту 34–38 см при максимальном расширении 31 см. Диаметр венчика – 11–13 см, дна – 13 см. В церкви святых Киприана и Иустины голосники близки по высоте – 32–36 см, однако их максимальный диаметр существенно меньше – 22–24 см, диаметр венчика – 14–15 см.

В кокошниках на фасаде церкви Покрова размещены сосуды иных пропорций: их высота колеблется в пределах 27–32 см, диаметр венчика 26–29,5 см, при максимальном расширении 29–31,5 см. В архиве Покровского собора сохранился счет от подрядчика каменных работ А. Е. Мишакова от 21 сентября 1900 г., благодаря которому известно, что «... на средней башне вместо старых колостников

вставляли новые счетом 15-ть» (Архив отдела «Покровский собор». П-1/43). В процессе исследования голосников в интерьере этой церкви стало ясно, что они не были заменены. В 1899–1900 гг. проводили масштабные реставрационные работы на фасадах, в том числе заменили керамические сосуды в кокошниках (История строительства... 2002. С. 135). Таким образом, фасадные сосуды на центральной церкви датируются началом XX в., за исключением одного.

Малые голосники высотой 15–26 см находятся в большой церкви Святой Живоначальной Троицы и на фасаде церкви Входа Господня в Иерусалим. Информация по размерам сосудов церкви Святой Троицы минимальна: установлены диаметры венчиков – 11–13,5 см и высота трех из семи сосудов – 24–26 см. Данные по максимальному диаметру и размеру дна отсутствуют.

На фасаде церкви Входа Господня в Иерусалим размеры сосудов, расположенных в верхней части барабана, следующие: высота – 21,7–26 см, диаметр венчика – 22,8–27,7 см, дна – 12–15,5 см, максимальное расширение тулова – 30–35,2 см. Размещенные в кокошниках этой церкви керамические сосуды самые маленькие из выявленных в Покровском соборе. Их высота колеблется от 15 до 17,5 см, а диаметр венчика – от 11 до 15 см. Однако следует отметить, что в кокошниках были измерены не все сосуды; все параметры известны лишь для двух из них с восточной грани восьмерика. Их высота – 17,8; 18,5 см; диаметр венчика – 14,3; 13,4 см; диаметр донца – 8; 9 см; максимальное расширение тулова – 18; 16,4 см.

Выделенные условно метрические группы голосников не всегда соотносятся с группами церквей. Самые высокие кувшины находятся в интерьере центральной церкви, а на ее фасаде в настоящее время размещены керамические сосуды среднего размера. В то же время в больших церквях установлены сосуды всех трех размеров, а в малой церкви преподобного Александра Свирского голосники практически таких же размеров, как в центральной церкви.

Анализ метрических данных показал, что для каждой церкви собора были использованы различные наборы керамических сосудов, которые не повторяются, несмотря на то, что все столпы возводились одновременно. В интерьере центральной церкви использовали сосуды, вероятно, взятые из одной партии керамики, так как сходство 16 голосников очевидно. В церкви Трех Патриархов Константинопольских различия между 8 кувшинами также несущественны.

Следует обратить внимание на то, что размеры сосудов, вмурованных в стены каждой из церквей, не совпадают. Различия по высоте составляют 2–6 см. Кажется, этой погрешностью можно пренебречь. Однако в результате консультаций со специалистами установлено, что акустические показатели голосников зависят даже от таких незначительных колебаний в размерах. Следовательно, можно предположить, что для каждой церкви составлялся набор с преднамеренным выбором разновеликих сосудов.

Изучение внутренней поверхности голосников в центральной церкви и в церкви Трех Патриархов Константинопольских позволило сделать ряд наблюдений по технологии изготовления сосудов. Судя по наличию пальцевых зацепов, они изготовлены на ручном гончарном круге методом ленточного налета полос с последующим заглаживанием внешней поверхности. Определена

ширина полос на сосудах центральной церкви – 5–6 см. Характерный светло-желтый оттенок внешней и внутренней поверхности голосников свидетельствует об их производстве в Гжели.

Белоглиняные кувшины с подобной конфигурацией и пропорциями формы, изготовлявшиеся в Гжели, бытуют в Москве в XVI в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 46). По плечу они декорировались прямыми и волнистыми линиями, линиями точек-ямок. Целые формы и многочисленные фрагменты подобных белоглиняных кувшинов были найдены во время археологических раскопок Никитского погоста XVI в. (Меткомелинское II селище) на р. Дорке в Раменском районе Московской области, наряду с другой белоглиняной посудой (горшками, корчагами, мисками, сковородами и плошками), изготовленной гончарами Гжели (*Полюлях*, 2015. С. 21–23, рис. 5). Необходимо отметить, что белоглиняная керамика составляет одну из самых массовых керамических групп в позднесредневековых слоях XVI–XVIII вв. Москвы и Подмосковья.

Кувшины-голосники Покровского собора могли быть приобретены недалеко от него, в торговых рядах Китай-города, где в середине XVI в. находились три горшечных ряда (*Тверская*, 1959. С. 45; *История Москвы*, 1952. С. 155–161). Гончарная посуда здесь продавалась в больших количествах. Так, в 1567 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил в Москве 50 горшков и 7 кувшинов глиняных (*Никольский*, 1897–1910. С. 166, 181, 186 и др.). О торговле в Москве в середине XVI в. гончарной посудой сообщает английский купец и дипломат А. Дженкинсон: «А зимой бывает большой торг за стенами замка (видимо, у Кремля и Китай-города – прим. авт.) на замерзшей реке, там продают хлеб, глиняные горшки, кади, сани и т. п.» (*Дженкинсон*, 1937. С. 78).

В заключение хочется привести слова В. В. Стасова: «Голосники существуют еще в церквях разных краев России: их надо исследовать и описать как можно более, отдельно в каждой местности, и лишь только по совершении этих предварительных работ станет возможно искать общих положений и выводов» (*Стасов*, 1861. С. 137). С тех пор по разным причинам исчезли многие средневековые храмы, поэтому каждый сохранившийся голосник – бесценный источник для изучения не только системы древней акустики, но и керамического производства эпохи средневековья в целом.

Литература

- Брунов Н. И.*, 1988. Храм Василия Блаженного в Москве. М.
- Верховская И. Н.*, 1936. Голосники и их роль в акустике помещения. С 12 рисунками и 6 таблицами // Сборник работ акустического раздела. М. С. 46–72. (Труды научно-исследовательского музыкального института при Московской государственной консерватории; вып. 1.)
- Гезе В. Е.*, 1901. Заметки о некоторых киевских древностях // ЗРАО. Т. 12, вып. 1–1. СПб. С. 191–198.
- Грязнов В.*, 1893. Коложская Борисоглебская церковь в г. Гродне // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета IX археологического съезда. Вильна. С. 361–371.

- Даль Л. В.*, 1875. Назначение голосников // Зодчий. СПб. № 7–8. С. 88–89.
- Дженкинсон А.*, 1937. Путь из Англии в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л. С. 78–80.
- История Москвы. Т. 1. М., 1952.
- История строительства, перестроек и реставрации Покровского собора на Рву в XVI–XX вв. Историческая справка. Глава 2. 2002. М. // Архив Покровского собора.
- Мальшева Н. Н., Полюлях А. А., Сарачева Т. Г.*, 2016. Голосники собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (храма Василия Блаженного) // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья: материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. (Новый Иерусалим, 2014–2015). Москва. С. 92–95.
- Мальшева Н. Н., Полюлях А. А., Сарачева Т. Г.*, 2017. Новые сведения о голосниках собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву в Москве // Археология Подмосковья. М-лы науч. семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 372–386.
- Микита Г. И.*, 2008. Голосниковые системы в строительных конструкциях специализированных сооружений. М.
- Никольский Н. К.*, 1897–1910. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 1, вып. 1–2. СПб. С. 166–186.
- Покрышкин П. П.*, 1906. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 гг. (МАР. № 30). СПб. 36 с.; 27 табл.
- Полюлях А. А.*, 2015. Факторы возникновения и характер развития мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV – первой трети XX в. // Москва: материалы и исследования по истории и археологии. М. С. 8–35.
- Полянский С.*, 1876. Новые соображения о так называемых голосниках в древних церквях // Вестник Общества древнерусского искусства. № 11–12, отд. IV. С. 87–92.
- Раппопорт П. А.*, 1994. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.
- Стасов В. В.*, 1861. Голосники в древних новгородских и псковских церквях (с двумя таблицами чертежей) // Известия Императорского Археологического общества. Т. 3. СПб. С. 126–141.
- Стасов В. В.*, 1865. Еще известия о голосниках // Известия Императорского Археологического общества. Т. 5, вып. 4. СПб. С. 87–92.
- Тверская Д. И.*, 1959. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М. (Тр. ГИМ; вып. 34.)

Сведения об авторах

Александров Анатолий Алексеевич, Псков, Псковский государственный государственный объединенный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, atlialex@ya.ru

Андреева Ольга Викторовна, Санкт-Петербург, Северо-Западный научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. szin nasledie@yandex.ru

Антипина Е. Е., Москва, Институт археологии РАН, bikantu@mail.ru

Аськеев Игорь Васильевич, Казань, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, archaeozoologist@yandex.ru

Белецкий Сергей Васильевич, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН, serge_beletsky@mail.ru

Галкина Светлана Анатольевна, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, svetlana.galkina@spbu.ru

Гончарова Екатерина Викторовна, Псков, Псковский государственный университет, diva1986@yandex.ru

Григорьева Наталья Владимировна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН, mak-kon4@yandex.ru

Демин Александр Геннадьевич, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, gustle.reed@gmail.com

Дружкова Анна Сергеевна, Новосибирск, Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН, gada@mcb.nsc.ru

Ениосова Наталья Валерьевна, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, eniosova@gmail.com

Егорейченко Александр Андреевич, Белорусский государственный университет, wegor_alex@mail.ru

Йонайтис Ритис, Вильнюс, Институт истории Литвы, gytisarch@mail.ru

Каплунайте Ирма, Вильнюс, Институт истории Литвы, irma_kap@yahoo.com

Колосницын Павел Павлович, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, kpp82@mail.ru

Колосницына Екатерина Евгеньевна, Новгородский объединенный музей-заповедник, bbk kolosnicyna@mail.ru

Колпакова Юлия Вячеславовна, Псков, Псковский государственный университет, pskov-sova@mail.ru

- Королёва Эльвира Валерьевна, Псков, Псковский государственный объединенный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, koroleva.elvira@gmail.com
- Корниенко Алёна Игоревна, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, kornienko@hermitage.ru
- Костючук Лариса Яковлевна, Псков, Псковский государственный университет, anh57@yandex.ru
- Кузнецова Валентина Николаевна, Санкт-Петербург, Российский этнографический музей, valentkuznets@mail.ru
- Кулакова Марина Ильинична, Псков, Археологический центр Псковской области, marinakul@yandex.ru
- Лабутина Инга Константиновна, Псков, редколлегия Материалов семинара «Археология и истории Пскова и Псковской земли»
- Лопатин Николай Владимирович, Москва, Институт археологии РАН, n.lopatin@gmail.com
- Мальшева Надежда Николаевна, Москва, Государственный Исторический музей, nadezhda-malysheva@mail.ru
- Матвеев Василий Николаевич, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, vmatveev88@inbox.ru
- Митоян Роберт Агасиевич, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, mitoyan@geol.msu.ru
- Михайлов Александр Валерьевич, Псков, Археологический центр Псковской области, navigarch@gmail.com
- Николаева Татьяна Владимировна, Псков, Псковский государственный объединенный музей-заповедник, kreiri@mail.ru
- Носова Екатерина Евгеньевна, Санкт-Петербург, Институт русской литературы РАН, kottimoshka@mail.ru
- Олейников Олег Михайлович, Москва, Институт археологии РАН, olejnikov1960@yandex.ru
- Пантелеев Андрей Валентинович, Санкт-Петербург, Зоологический институт РАН, rav001@list.ru
- Панченко Виктория Борисовна, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, vikipanch@gmail.com
- Петров Михаил Иванович, Великий Новгород, Новгородский центр по организации и обеспечению археологических исследований, m_i_petrov@mail.ru
- Плавинский Николай Александрович, Минск, Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета, plavinsky_arc@mail.ru
- Подгорная Розалия Геннадиевна, Псков, Археологический центр Псковской области, roza_podgornaya@mail.ru
- Постников Арсений Борисович, Псков, Псковский государственный объединенный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, postnikovarsenii@mail.ru

- Романовский Антон Борисович, Псков, Археологический центр Псковской области, rantonpsk2010@mail.ru
- Салмин Сергей Анатольевич, Псков, Псковский археологический центр, solvarg@rambler.ru
- Салмина Елена Вячеславовна, Псков, Археологический центр Псковской области, muntrik102@yandex.ru
- Самойлов Кирилл Глебович, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, jevoli@mail.ru
- Сарачева Татьяна Григорьевна, Москва, Государственный Исторический музей, hoards@mail.ru
- Сингх Виктор Кашмирович, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, arxeolog@gmail.com
- Соболев Владислав Юрьевич, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, vlad.sobolev@gmail.com.
- Сорокин Петр Егорович, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН petrsookin@yandex.ru
- Стасюк Иван Вадимович, Извара, Музей-усадьба Н. К. Рериха, nogroendreng@mail.ru
- Сюбаров Валерий Юрьевич, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, vlesoslav@gmail.com
- Торопов Сергей Евгеньевич, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, s_toropov@mail.ru
- Торопова Елена Владимировна, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, toropova_elen@mail.ru
- Трифонов Владимир Александрович, Новосибирск, лаборатория сравнительной геномики Института молекулярной и клеточной биологии СО РАН, vlad@mcb.nsc.ru
- Хмелевский Сергей Александрович, Санкт-Петербург, инженер ООО «Газпром проектирование», xm78ru@yandex.ru
- Шевцов Алексей Олегович, Москва, Государственный Исторический музей, ao.shevtsov@gmail.com
- Шуныгина Светлана Евгеньевна, Санкт-Петербург, НИИ «Спецпроектреставрация», sveshun@mail.ru
- Яворская Лилия Вячеславовна, Москва, Институт археологии РАН, lilechkayavorska@list.ru

Список сокращений

АВ	– Археологические вести. СПб.
АИП	– Археологическое изучение Пскова. Псков.
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли: М-лы семинара (с 2005 г. – имени академика В. В. Седова). М.; Псков.
АН СССР	– Академия наук СССР.
АО	– Археологические открытия. М.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЦПО	– Археологический центр Псковской области.
ВГИАХМЗ	– Вологодский гос. историко-архитект. и худож. музей-заповедник.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры.
ГАПО	– Государственный архив Псковской области.
ГИМ	– Государственный Исторический музей. М.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. СПб.
ЗОРСА РАО	– Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. СПб.
ЗРАО	– Записки РАО. СПб.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук. М.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
КГИОП	– Комитет по гос. контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства СПб.
КИАХМЗ	– Костромской историко-архитект. и худож. музей-заповедник.
КСИА	– Краткие сообщения ИА РАН. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
МГУ	– Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НГОМЗ	– Новгородский гос. объединенный музей-заповедник.
НИС	– Новгородский исторический сборник. СПб.
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля: История и археология: М-лы науч. конф. Великий Новгород.
НовГУ	– Новгородский гос. университет им. Ярослава Мудрого.
НПЛ	– Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950.
ОАНЗ	– Отдел изучения проблем археологии Новгородской земли.

ПАВ	– Петербургский археологический вестник. СПб.
ПАО	– Псковское археологическое общество.
ПГОИАХМЗ	– Псковский гос. объединенный историко-архитект. и худож. музей-заповедник.
ПЛ-1	– Псковские летописи / Пригот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1.
ПЛ-2	– Псковские летописи / Пригот. к печати А. Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2.
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской Империи. СПб.
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей.
РА	– Российская археология. М.
РАИМК	– Российская академия истории материальной культуры.
РАО	– Императорское Русское археологическое общество.
РГАДА	– Российский гос. архив древних актов. М.
РГИА	– Российский государственный исторический архив. СПб.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд.
РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. СПб.
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
ФО НА ИИМК РАН	– Фотографический отдел Научного архива ИИМК РАН. СПб.
ЦГИА СПб.	– Центральный гос. исторический архив Санкт-Петербурга.

Правила представления статей в сборник материалов Семинара им. академика В. В. Седова «Археология и история Пскова и Псковской земли»

Для публикации в сборнике принимаются научные статьи, соответствующие докладам, обсужденным на заседании семинара, не публиковавшиеся ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях.

1) Срок подачи статей – не позднее 1 октября.

2) Общие требования.

К публикации принимаются статьи общим объемом, как правило, не более 3/4 авторского листа (30000 знаков с пробелами) включая иллюстрации и справочно-библиографический аппарат.

Соотношение текстовой и иллюстративной частей определяются автором. Увеличение количества иллюстраций допускается за счет уменьшения объема текста из расчета: 1 иллюстрация размером в полную печатную полосу издания (12,5×19 см) равна 3300 знакам текста.

Статьи представляются в электронном виде (формат Microsoft Word).

В комплект статьи должны входить: текстовая часть, иллюстрации в отдельных файлах, таблицы в отдельных файлах.

3) Текстовая часть состоит из разделов, имеющих подзаголовки, и оформляется следующим образом:

Автор(ы) (И.О. Фамилия)

Название

Резюме (около 1000 знаков; следует дать английские эквиваленты редких терминов и собственных имен или представить полный перевод резюме на английский.)

Ключевые слова (до 10, через запятую)

[Текст]

Литература (см. п. 4)

Подрисуночные подписи (см. п. 5)

Заголовки таблиц (см. п. 6)

Список сокращений

Сведения об авторах (Фамилия, имя, отчество полностью, город, место работы, электронный адрес).

4) Оформление ссылок на литературу, иллюстрации и таблицы.

В тексте все ссылки помещаются в круглых скобках: (Белецкий, 1983. С. 52; Меч и златник... С. 277) ... (рис. 1) ... (табл. 1). Если необходима ссылка на часть рисунка, то дополнительный номер или буква ставятся после двоеточия через пробел: (рис. 1: 1, 5).

Список источников и использованной литературы располагается в конце текста в алфавитном порядке (вначале кириллица, затем латиница) и имеет подзаголовок «Литература»:

Белецкий С. В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 46–80.

Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Седов В. В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

5) Требования к иллюстрациям.

К публикации не принимаются изображения предметов, легальное происхождение которых не может быть подтверждено.

Иллюстрации представляются в виде оригиналов или в электронном виде – в отдельных файлах формата TIF (допускается LZW-сжатие). В текстовый файл иллюстрации не вставляются, и наоборот: подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются в графический файл.

Публикуются как черно-белые, так и цветные иллюстрации. Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1. Наибольший размер иллюстрации (формат полосы набора издания) – 12,5×19 см (включая подрисуночную подпись). Фотографии должны иметь разрешение не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Изображения вещей представляются для публикации в хорошо читаемом масштабе, например: мелкие предметы, содержащие важную информацию (монеты, печати, бусы и т.п.) – в масштабе 1:1 и крупнее; керамика – 1:2, 1:3, в крайнем случае – 1:4. Изображения археологических находок должны быть представлены в наиболее информативных ракурсах, в сопровождении разрезов и линейного масштаба.

6) Требования к таблицам.

Таблицы предоставляются в формате Microsoft Word отдельными файлами. Наибольший формат при распечатке – 12,5×19 см.

Научное издание

Археология и история Пскова и Псковской земли
Семинар имени академика В. В. Седова
Материалы 62-го заседания
Выпуск 32

Редакторы *Н. В. Бельченко, Н. Б. Полякова*
Перевод резюме *С. Ф. Мацевич*
Художник *В. М. Абраменко*
Обложка *Н. С. Сафроновой*
Оригинал-макет: *В. Б. Степанов*

Подписано в печать 25.12. 2017. Формат 70×100^{1/16}
Бумага мелованная 115 г/м².
Усл. печ. л. 35,75. Уч.-изд. л. 35,69. Тираж 250 экз. Заказ № 9784

Институт археологии РАН
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-247-6

9 785943 175247 6